

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

7855300 9

МОСКВИТЯНИНЪ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1854.

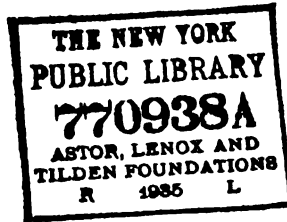
ТОМЪ I.

NEW YORK
PUBLIC
LIBRARY

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИЯХЪ: В. ГОТЬЕ И СТЕПАНОВОЙ.

1854.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Января 1 дня, 1854 года.

Цензоръ *Дмитрій Ржевскій.*

ПРО
ВЫ
ДАН
В
1854

★ ★ ★

Нахимовъ, Бѣбутовъ—побѣды близнецы!
Въ васъ ожили въ сей день богатыри отцы!
Вы откликни громовъ, гремѣвшихъ предъ Кагуломъ,
И съ Чѣсмы грянувшихъ грозою надъ Стамбуломъ.
Подъемлясь изъ гробницъ, Румянцовъ и Орловъ,
Благословляютъ въ васъ своихъ учениковъ.
Восторгомъ вздрогнули ихъ боевыя тѣни,
И за Царемъ своимъ Россія, на колѣни
Смирненно павшая предъ Тѣмъ, Кто брань рѣшить,
За славный подвигъ вашъ Его благодарить.

• •

Вамъ, храбрые вожди дружинъ неустрашимыхъ,
На сушѣ, на моряхъ равно непобѣдимыхъ,
Вамъ, крестнымъ сыновьямъ Полтавы и Петра,
Гремитъ народный кликъ: спасибо и ура!
Вы доказали вновь—и какъ нельзя яснѣе,
Въ защитку для друзей, въ острастку для врага,
Что не отвыкли мы турить пашей по шевъ,
Что не отвыкъ орелъ лунѣ сшибать рога.
И оглушенная пальбой побѣдъ Европа
Твердитъ Башъ Кадыкъ-ларъ, глазъ не сводя съ Синопа.
Газетныхъ мудрецовъ и ихъ пророчествъ жаль,
Но не страшна для насъ исторіи скрижалъ.
Нѣтъ! не пошникъ крыломъ орелъ нашъ двоеголавый,
Нѣтъ! не дописана страница вашей славы:
Еще намъ мѣсто есть, гдѣ намъ проризать слѣдъ
И записать себя за скръпю побѣдъ.

• •

PERL JAN 21 1935

II.

Побѣдъ не нужно намъ, у насъ ихъ списокъ цѣлый:
Широкіе пути и дальніе предѣлы
Упрочили себѣ мы грудью и штыкомъ.
Россіи матушкѣ есть гдѣ зажить домкомъ.
Но если дурь и спѣсь, забывъ лѣтъ прежнихъ повѣсть,
Затронуть нашу честь, святыню чувствъ и совѣсть,
И русской чести стражъ, нашъ Царь, подьѣмля длань,
Народу своему проговорить: возстань!
Возстанетъ исполнѣнь, и мужествомъ пылая,
Въ одну святую рать, сомкнется Русь святая,
Вновь Сѣверъ загромитъ средь бранныхъ непогодъ,
Грозой вспыхнетъ онъ, ударитъ бурей шумной,
И горе гордецамъ, которыхъ пылъ безумной
Накличетъ на себя двѣнадцатый нашъ годъ!

кн. влѣкискій.

МАКБЕТЪ.

ТРАГЕДІЯ ШЕКСПИРА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО,

М. ЛИХОННА.

(1850).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ДУНКАНЪ — король шотландскій.

МАЛЬКОЛЬМЪ
ДОНАЛЬДОНЪ } сыновья его.

МАКБЕТЪ
БАНКО } военачальники королевскаго войска.

МАКДУФЪ
ЛЕНОКСЪ
РОССЪ
АНГУСЪ
КЭТНЭСЪ } шотландскіе вельможи.

ФЛИНСЪ — сынъ Банко.

СИВАРДЪ — графъ Нортумберландскій, начальникъ англійскаго войска.

МОЛОДОЙ СИВАРДЪ — сынъ его.

СЕЙТОНЪ — чиновникъ при Макбетъ.

СЫНЪ МАКДУФА.

ДОКТОРЪ — англичанинъ.

ДОКТОРЪ — шотландецъ.

ВОИНЪ.

ПРИВРАТНИКЪ.

СТАРИКЪ.

ЛЮДИ МАКБЕТЪ.

ЛЮДИ МАКДУФЪ.

Каммерфрау при лэди Макбетъ. Лорды, джентльмены, офицеры, воины, убійцы, слуга и вѣстники. Тѣнь Банко и многія другія видѣнія.

Лишь въ концѣ IV акта дѣйствіе происходитъ въ Англіи; а въ остальныхъ — въ Шотландіи, и, преимущественно, въ Макбетовомъ замкѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Предпринять переводъ Шекспірова «Макбета»—была со стороны моей величайшая смѣлость, и тѣмъ болѣе, что я былъ уже знакомъ съ переводами въ стихахъ гг. Кронеберга и Вронченка,—хотя впрочемъ, не смотря на относительныя ихъ достоинства, ни одинъ пзъ нихъ не совпадалъ съ моими понятіями о томъ, какъ должно передавать Шекспира. Вотъ что было поводомъ къ этому новому труду.

Не говоря уже о томъ, что считая необходимымъ условіемъ всякаго поэтическаго произведенія — переводъ метрической, — я передалъ и это сценическое твореніе (play) стихотворнымъ размѣромъ подлинника, — я старался всего болѣе сохранить и самый метафоризмъ поэта, какъ онъ иногда ни казался страннымъ, разумѣется, кромѣ тѣхъ выраженій, которыя зависятъ отъ самаго языка; но и въ семъ послѣднемъ случаѣ позволялъ себѣ иногда сохранять его, когда онъ не противорѣчилъ духу языка русскаго; даже антитезы, игру словъ, старался передавать, по возможности, съ буквальною точностію, но если онъ уже были невыразимы, то замѣнялъ ихъ однозначительными (какъ-то, на прим., въ шутивно-юмористической рѣчи привратника) русскими поговорками и остротами, короче, старался выплачивать ту же сумму, но другою монетою; изъявленія же пріветствій, вѣжливости, разумѣется, я передавалъ также соответственными имъ русскими выраженіями. Но за то, не смотря на подстрочный переводъ, для того, чтобы выразить всѣ отбѣнки мыслей поэта, по большей части, изъ одного стиха составлялъ полтора, а иногда и два, по неупотребительности въ русскомъ метрѣ сокращенія слоговъ, столь позволительнаго въ языкѣ англійскомъ, и чѣмъ такъ неумѣ-

ренно пользовался Шекспиръ, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ требовалась, для выраженія быстроты дѣйствія, краткость; иногда же вставлялъ и шестистопный стихъ вмѣсто пятистопнаго; но рифмовалъ вездѣ, гдѣ встрѣчалъ рифму въ подлинникѣ, не соблюдал, однако же, въ такомъ случаѣ точности буквальной; и не упускалъ даже изъ виду и внезапной переменъ метра, употребляемой англійскимъ поэтомъ; и въ двухъ или трехъ мѣстахъ, не совсѣмъ сохранилъ мѣру подлинника.

Въ отношеніи же къ выговору собственныхъ именъ, придерживался англійскаго произношенія, хотя, впрочемъ, писалъ, по обще-привытому у насъ употребленію: *Дунканъ* вм. *Донканъ*, *Макдуфъ* вм. *Макдофъ*, и т. д., но что касается до самаго пятистопнаго, и, къ-несчастью, нынѣ столь часто во зло употребляемаго ямба,—то я старался сохранить возможную чистоту, старался какъ можно меньше дѣлать *переносовъ*, но заключать предложеніе въ одномъ стихѣ, хотя въ безрименныхъ стихахъ и не наблюдалъ цезуры (*).

Вотъ требованія, какія имѣлъ переводчикъ, передавая столь великаго поэта, каковъ Шекспиръ: но не выше ли они были силъ его—вопросъ другой, рѣшеніе котораго предоставляетъ онъ людямъ талантливымъ и знающимъ дѣло.

(*) При переводѣ пользовался я слѣдующимъ изданіемъ: *The plays and poems of William Shakespeare, accurately printed from the text of the corrected copies, left by the late Samuel Iohnson; George Steevens, Isdac Reed and Edmond Malone. Leipsic, 1833.*

ДѢЙСТВІЕ I.

СЦЕНА I.

Открытое мѣсто. Громъ и молнія. Входятъ три вѣдьмы.

1 ВѢДЬМА.

Когда жь намъ вновь сойдтись всѣмъ тремъ?
При громѣ ль, въ бурю ль, или подь дождемъ!

2 ВѢДЬМА.

Какъ кутерьма свалить долой,
И будетъ выигранъ, или проигранъ бой.

3 ВѢДЬМА.

Все это сбудется до заходенья солнца.

1 ВѢДЬМА.

А мѣсто гдѣ?

2 ВѢДЬМА.

Въ степи, вонъ тамъ:
Чтобы сойдтись съ Макбетомъ намъ.

1 ВѢДЬМА.

Граймалькинъ (1), я здѣсь какъ разъ!

(1) Это, вѣроятно, прозвище домашнего, изъ коихъ одинъ мучить кошекъ (*Gray-walkin*), а другой (*Paddock*) кричитъ какъ жаба.

В С Ъ.

Паддокъ крикнулъ: « я сей-часъ! »
 Благо—зло, зло—благо намъ,
 Раздалось сквозь мглы густой туманъ!

(*Вѣдьмы исчезаютъ*).

С Ц Е Н А II.

ПОЛЕ ВЛИЗЪ ФОРЕСА.

Самшешъ шумъ битвы. Входятъ: Кор. Дунканъ, Малькольмъ, Дональдъ, Леноксъ, со святой, и встрѣчаютъ раненаго воина.

ДУНКАНЪ.

Кто этотъ человекъ? онъ весь въ кровъ
 Въ такомъ онъ видѣ, что, кажись, онъ можетъ
 Намъ сообщить извѣстiя о бунтѣ.

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Фельдфебель; онъ, какъ добрый и отважный воинъ,
 Меня отъ плѣна спасъ. Другъ храбрый, здравствуй!
 Скажи царю, въ какомъ ты положенъ
 Оставилъ бой.

В О И Н Ъ.

Въ сомнительномъ, какъ двухъ
 Пловцовъ усталыхъ, жавшихся другъ къ другу,
 Въ ущербъ искусству: Макдонвальдъ нещадный,
 (Достойный цѣля быть бунтовщикомъ,
 За-тѣмъ, что все презрѣнное въ природѣ
 Надъ нимъ носилось), получилъ подмогу
 Отъ островитянъ западныхъ, приславшихъ
 Тяжелую и легкую пѣхоту (2);

2 Галлоглэссовъ и Керновъ.

Судьба жь, враждѣ проклятой улыбаясь,
 Развратницеѣ измѣннику предстала....
 Но тщетно все, затѣмъ что храбрый Макбетъ
 (Вполнѣ достойный этого названья),
 Презрѣвъ судьбу, мечемъ своимъ подъятымъ,
 Отъ боя кровно дымившимся, себѣ,
 Какъ мужества любимецъ, проложилъ
 Свободный путь, въ лицо рабу взглянулъ,—
 И не поздравствовавъ его, и не простая съ нимъ,
 Его тотъ-часъ же на-попы разнесъ,
 И на зубцы твердынь главу его вознесъ.

ДУНКАНЪ.

О храбрый братъ! достойный мой вассалъ!

В О И Н Ъ.

И какъ съ востока солнце хотъ и блещеть—
 Грохочеть громъ и гибнуть корабли:
 Такъ и родникъ, принесшій намъ отраду?
 Бѣдой взбугрился... слушай, царь шотландскій:
 Едва лишь Право, въ Мужество облекшись,
 Принудило къ побѣгу быстрыхъ Керновъ,
 Какъ вождь норвежскій, случай уловивъ,
 Съ оружемъ яркимъ, съ свѣжею подмогой—
 Вновь началъ бой.

ДУНКАНЪ.

Что жь, ужаснуло это
 Вождей моихъ—Макбета съ Банко?

В О И Н Ъ.

Да,
 Какъ воробьи орловъ, какъ зайцы льва!
 По правдѣ говоря, сказать я долженъ,
 Что словно пушки, что съ сугубымъ громомъ,
 Они, удвоивъ силы, на врага
 Ударили—но съ тѣмъ ли, чтобъ купаться
 Въ дымящейся крови, нль съ тѣмъ, чтобъ взгромоздить
 Голгову новую—не знаю, право....
 Но я слабью, раны вопіють
 О помощи....

ДУНКАНЪ.

Тебѣ, какъ рѣчь твоя, идутъ и раны:
Въ нихъ дышетъ честь; къ врачамъ его сведите.

(Воинъ, поддерживаемый прислужниками, уходитъ).

(Входитъ Россъ).

А это кто?

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Достойный Росса танъ.

ЛЕНОКСЪ.

Что за поспѣшность сквозь очей глядится!
Онъ смотритъ такъ, что, кажется, готовъ
Сказать о чемъ-то странномъ.

РОССЪ.

Да здравствуетъ король!

ДУНКАНЪ.

Откуда ты,

Достойный танъ?

РОССЪ.

Изъ Фаффа, государь,
Гдѣ знамена Норвежцевъ, вѣя въ небѣ,
Съ презрѣнiемъ народъ нашъ разметали.
Норвежскiй вожь съ несмѣтно-грозной ратью,
При помощи измѣнника безъ чести,
Кавдора тана, вновь рѣзню затѣялъ,
Доколь повитый доблестiю Марсъ
Къ нему не вывелъ равнаго себѣ,
Копьемъ своимъ — измѣнничье копье,
Оружiемъ — оружiя не встрѣтилъ,
И гордаго тѣмъ не унижилъ духа;
И въ заключенiе я скажу: побѣда —
Намъ выпала на долю.

ДУНКАНЪ.

Что за счастье!

РОССЪ.

Теперь же—

Свеновъ, король норвежскій, просить мира;
Но схоронить своихъ ему мы не позволимъ,
Пока при Кольмесь-Инчъ (3) не заплатитъ
Онъ тысячи долларовъ въ нашу кассу.

ДУНКАНЪ.

Ужь болѣ Кавдорскій этотъ тань
Надеждамъ нашимъ лучшимъ не измѣнитъ:
Иди, и объяви ему ты смерть,—
И съ первымъ званіемъ его поздравь Макбета.

РОССЪ.

Все это при себѣ велю исполнить.

ДУНКАНЪ.

Чего тотъ лишился, то доблестный Макбетъ обрѣлъ!

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

СТВЦЪ.

Громъ и молія. Входятъ три вѣдьмы.

I ВѢДЬМА.

Гдѣ ты была, сестра?

(3) Это небольшой островокъ, лежащій въ Единбургской губѣ; на немъ построено аббатство во имя св. Колумба; -- Кванденъ называетъ его *Инчъ Кольмомъ*, или *островомъ св. Колумба*. Нимъ онъ извѣстенъ подъ именемъ *Инчъ-къма* (Inchcomb).

2 ВЪДЬМА.

Свиной колола.

3 ВЪДЬМА.

А ты, сестра?

1 ВЪДЬМА.

Да у одной морячки
Каштановъ было пропасть на колѣняхъ —
И фла ихъ она, и фла, фла, фла,
А я и говорю ей: «дай-ка мнѣ!»
Анъ что жь? моя карга и заорала:
«Пошла прочь, вѣдьма!» — Муженекъ ея
Съ хозяиномъ поплыль на Тигръ въ Алеппо, --
Такъ въ рѣшетѣ туда жь я плыть рѣшилась,
Какъ крыса, чтѣ хвоста лишилась....
И поплыву, и поплыву, и поплыву!

2 ВЪДЬМА.

Я-бъ вѣтерокъ тебѣ на путь дала!

1 ВЪДЬМА.

Какъ ты любезна и мила!

3 ВЪДЬМА.

А я дала бъ тебѣ другой.

1 ВЪДЬМА.

Всѣ прочіе есть у меня самой;
А ужь къ какимъ они приносятъ пристанямъ,
Или извѣстнымъ имъ странамъ —
На картѣ-то морской какъ на ладонкѣ....
Какъ щепка жь у меня изсохнетъ онъ,
И чтобъ ни днемъ, ни ночью сонъ
Его тяжелыхъ вѣкъ не осѣнилъ,
Но, чтобъ при порчѣ-то онъ жилъ;
Девятью девять семь ночей
Онъ чакни, изнывай, худѣй.. .

Корабль-то, правда, утопить нельзя,
Но бурей-то его помыкаю ужь я!
Взгляни, что у меня!

2 ВЪДЬМА.

Ну, ну покажь.

1 ВЪДЬМА.

Мнѣ моряка достался палець:
Плывя домой, погибъ въ волнахъ скиталець....

3 ВЪДЬМА.

Чу! барабанъ гремитъ —
Макбетъ къ намъ спѣшить.

В С Ъ.

Судебы — сестрицы (4), рука съ рукой,
Вѣстницы на сушѣ и безднѣ морской,
Ну, скорѣе жь, идемте, идемте, идемъ:
Три на мой, три на твой, три на общій нашъ пай,
Чтобъ составилось девять. Тихе, ну, начинай —
Чарь убійственный ядь разольемъ!

(*Входятъ Макбетъ и Банко*).

МАКБЕТЪ.

Столь страшнаго и славнаго я дня
Еще не видывалъ!

Б А Н К О.

А далеко ль
Такъ называемый Форесъ? — А это кто,
Столь изможденныя и дикія на видъ, —
Онѣ не схожи съ жителями земли,
А на землѣ? Живете ль вы? Иль можно ль,
Чтобъ человекъ отнесся къ вамъ съ вопросомъ?
Но кажется, вы поняли меня:

(4) По объясненію комментаторовъ, это три *Валкирии*, посланцы. Однимъ на битву: Гунна, Рота и Скульда — вѣстницы смерти и победы.

Вотъ, каждая изъ васъ костлявый палець
 Къ губамъ своимъ изсохшимъ приложила.—
 Кажись, вы женщины,—а на бороды глядя,
 Не смѣешь васъ за женщинъ принимать!

МАКБЕТЪ.

Ну, если можете, скажите: кто же вы?

1 ВЪДЬМА.

Будь здравъ, Макбетъ, будь здравъ Гламисскій тань!

2 ВЪДЬМА.

Будь здравъ, Макбетъ, будь здравъ Кавдорскій тань!

3 ВЪДЬМА.

Будь здравъ, Макбетъ, и будущій король!

Банко (обращаясь къ Макбету).

Какъ удивился ты, я словно оробѣлъ,
 Услышавъ рѣчь ихъ, лестную для слуха.—

(снова обращаясь къ вѣдьмамъ).

Во имя истины, видѣнья ль вы,
 Иль то, чѣмъ намъ вы кажетесь по виду?
 Мой благородный другъ почтенъ былъ вами
 И настоящей милостью монарха,
 И въ будущемъ, столь славнымъ предсказаньемъ—
 И новымъ титуломъ, и надеждой царства,—
 Онъ какъ бы весь восторгъ отъ вашей рѣчи,—
 Что жъ ничего вы не сказали мнѣ?
 Когда время въ застынное поле
 Прозрѣли вы, то и скажите мнѣ:
 Какихъ созрѣть, или не созрѣть
 Плодовъ земныхъ мнѣ жатва золотая?
 Ни милостей и вашихъ не прошу,
 И не боюсь я ненависти вашей!

1 ВЪДЬМА.

Да здравствуетъ!

2 ВЪДЬМА.

Да здравствует!

3 ВЪДЬМА.

Да здравствует!

1 ВЪДЬМА.

И менѣе и больше, чѣмъ Макбетъ!

2 ВЪДЬМА.

Не столь счастливъ, и счастливѣй его!

3 ВЪДЬМА.

Родишь царей, но самъ царемъ не будешь!
 Да здравствуютъ Макбетъ и Банко!

1 ВЪДЬМА.

Да здравствуютъ Банко и Макбетъ!

МАКБЕТЪ.

Полу-вѣщувьи, стойте жь, мнѣ вы больше
 Должны сказать: извѣстно мнѣ, что я
 По смерти Сеннэля (5) Гламисскій тань,
 Но какъ же, Кавдорскій? Вѣдь живъ Кавдоръ,
 Вассалъ счастливый? Королемъ же быть
 Мнѣ въ будущемъ не предстоитъ надежды,
 Равно какъ и на Кавдорское танство.—
 Откуда вѣсти странныя такія
 Вы получили? и зачѣмъ вы намъ
 Здѣсь на степи дорогу заслонили,
 Съ пророческимъ привѣтомъ? говорите жь,—
 Я вамъ вѣлю.

(Вѣдьмы исчезаютъ).

БАНКО.

Такъ знать и у земли,
 Какъ у воды, есть пузыри свои—
 Ну, вотъ какъ эти!—Но куда жь онѣ
 Исчезли?

(5) Отецъ Макбета.

МАКБЕТЪ.

Въ воздухъ: то, что намъ казалось
Тѣлеснымъ, словно какъ дыханье, вѣтромъ
Развѣялось. — О! что-бъ имъ тутъ помедлить!
И было-ль то, о чемъ съ тобой толкуемъ?

БАНКО.

Ужъ не наѣлись ли корней мы вредныхъ,
Которые разсудокъ въ плѣнь берутъ? —

МАКБЕТЪ.

Такъ королями дѣти твои будутъ!

БАНКО.

А ты король!

МАКБЕТЪ.

И вмѣстѣ — тань Кавдорскій!
Не такъ ли?

БАНКО.

Съ этимъ совпадаютъ
И ихъ намеки, и слова. — Кто это?

(Входятъ Россъ и Ангусъ).

РОССЪ.

Макбетъ, король нашъ милостиво принялъ
Вѣсть о твоихъ успѣхахъ; но когда
О личныхъ подвигахъ твоихъ, при бѣгствѣ
Бунтовщиковъ, узналъ, то изумленье
Его вступило въ споръ съ самой хвалою,
И онъ не зналъ: ему ль почтить тебя,
Иль эту честь отдать твоимъ заслугамъ —
И замолчалъ — весь день, казалось, видѣлъ,
Какъ ты сражался средь Норвежцевъ храбрыхъ,
Ни собственныхъ дѣяній не страшась,
Ни страшныхъ смерти образовъ. Межь тѣмъ,
Густой толпой, неслась за вѣстью вѣсти,
И каждая изъ нихъ несла хвалы

Тебѣ великому оплоту царства—
И пали всѣ къ его стопамъ онѣ.

АНГУСЪ.

Нашъ царственный властитель поручилъ намъ
Принести тебѣ его лишь благодарность,
И личнымъ съ нимъ свиданіемъ почтить—
А не наградой.

РОССЪ.

Но въ знакъ бѣльшей чести,
Поручено мнѣ именемъ его,
Тебя пока наречь Кавдорскимъ таномъ,—
И въ снау титла новаго, будь здравъ,
Достойный танъ: оно твое!

БАНКО (*въ сторону*).

Ужель

И дьяволъ можетъ правду говорить?

МАКБЕТЪ.

Вѣдь живъ Кавдорскій танъ? Зачѣмъ же
Меня чужой одеждой облакаешь?

АНГУСЪ.

Кто таномъ былъ, еще откуда живъ:
Но жизнь влачить подъ тяжкимъ онъ судомъ,
И стѣять быть ея лишень—за то ли,
Что, или былъ въ союзѣ онъ съ Норвежцемъ,
Иль, прильпясь къ бунтовщикамъ, имъ тайно
Онъ помогаль, или дружилъ, иль даже
Тѣмъ и другимъ странѣ готовилъ гибель,—
Не знаю, но—сознавшись, уличенный,
Онъ, какъ преступникъ уголовный, свержень.

МАКБЕТЪ (*въ сторону*).

Гламись и танъ Кавдорскій!... Ну,
А высшее-то впереди.

(*Обращаясь къ Россу и Ангусу*)

Благодарю

За трудъ.—

(Къ Банко).

Тебѣ ль еще не быть въ надеждѣ,
 Что королями дѣти твои будутъ,
 Когда объѣтъ ихъ мнѣ въ Кавдорскомъ танствѣ
 Не менѣе и имъ объѣтомъ служить?

БАНКО.

Но вѣрная надежда можетъ также
 Въ тебѣ возжечь порывъ—искать короны,
 Хоть ты и танъ Кавдорскій. Но вѣдь странно,
 Что для того, чтобъ насъ увлечь ко злему,
 Орудья тьмы намъ изрекаютъ правду;
 И обольстивъ насъ честнымъ исполняемъ,
 Обмануть насъ потомъ—но въ болѣе важномъ!—
 Друзья, прошу на пару словъ.

(Отходятъ въ сторону).

МАКБЕТЪ.

Сбылся

Двѣ истины (6), удачныхъ два пролога,
 Чреватыхъ третьей царственной темой!—
 Благодарю васъ, господа.—Но то,
 Что мнѣ предсказано посредствомъ чаръ,
 Не можетъ быть ко злу, равно не можетъ
 Быть и ко благу: если бы ко злу,—
 То почему жь, польстивъ меня успѣхомъ,
 Оно имѣло истину началомъ—
 Я танъ Кавдорскій; если же ко благу—
 То, что жь такимъ я поддаюсь внушеніямъ,
 Которыхъ лишь одинъ ужасный образъ
 Мнѣ волосы на головѣ вздымаетъ,
 И, вопреки природѣ, биться въ ребра
 Велить спокойному дотолѣ сердцу?

(6) Первое изъ нихъ (собственно говоря, не предсказаніе) есть то, что еще при жизни своего отца Макбетъ былъ таномъ Гламмисскимъ; исполненіе же втораго предсказанія мы видѣли.

А настоящая боязнь гораздо меньше,
 Чѣмъ страшныя мечты.... одна ужь мысль,
 Мысль объ убійствѣ—лишь одни мечтанья,—
 Всю тишину души такъ сотрясають,
 Что подозрѣемъ сдавлена вся жизнь,—
 А только есть пока одно ничто !...

Б А Н К О (въ сторону).

О! какъ взволнованъ храбрый нашъ соратникъ !

МАКБЕТЪ (въ сторону).

Но если случай сдѣлалъ ужь царемъ—
 То почему жь я не вѣнчать вѣнцомъ
 Безъ моего содѣйствія ?

Б А Н К О (въ сторону).

Все что-то

Овъ въ этихъ новыхъ почестяхъ убранства,
 Какъ сами мы въ одеждахъ нашихъ странныхъ,
 Которыя по насъ лишь потому,
 Что имъ пособіемъ обычай служить.

МАКБЕТЪ (въ сторону).

Но будь, что будетъ: средь мрачнѣйшихъ дней
 Полетъ часовъ ни тише, ни быстрѣй!

Б А Н К О.

Достойный Макбетъ, мы къ услугамъ Вашимъ.

МАКБЕТЪ.

Простите мнѣ: въ моемъ умѣ смущенномъ
 Давно-забытыя вращались мысли....
 Радужныя друзья, труды всѣ ваши
 Мною внесены уже въ такую книгу,
 Которой я листы перебирая,
 Читаю ежедневно.—Такъ скорѣй же
 Идите къ королю. А вы, межъ тѣмъ,
 Размыслите о томъ, что здѣсь случилось,—
 Но при досугѣ—между тѣмъ какъ время
 Все это выяснитъ, тогда мы можемъ
 Чистосердечно все открыть другъ другу....

БАНКО.

О! съ радостью!

МАКБЕТЪ.

И такъ, пока довольно.

Идемте же, друзья.

(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Форестъ. Комната въ дворцѣ. Звукъ трубъ. Входятъ: Дунканъ, Малькольмъ, Довальбенъ, Ленокъ и свита.

ДУНКАНЪ.

Исполненъ ли

Нашъ приговоръ надъ Кавдоромъ? А тѣ,
Которымъ это поручилъ, пришли ли?

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Нѣтъ, государь, они не возвращались;
Но мнѣ случилось встрѣтиться съ однимъ,
Который былъ при смерти тана: онъ,
Какъ говорятъ, признался откровенно
Въ своей измѣнѣ и просилъ прощенья
У Вашего Высочества (?); притомъ
Онъ искренно раскаялся во всемъ,
За-тѣмъ, что ничего не зналъ въ сей жизни
Столь важнаго—какъ разставанье съ нею—
И умеръ, будто изучалъ онъ въ смерти—
Искусство отъ себя отбросить то,
Что драгоцѣннѣйшимъ считалъ онъ въ мѣрѣ—
Какъ бы какое-то негодное отренье.

ДУНКАНЪ.

А такъ какъ нѣтъ еще такой науки,
Чтобъ по чертамъ лица читать всѣхъ мысли,

(?) Въ подлинникѣ: «Высочества (Highness).»

То я довърчиво и основаль
На этомъ танѣ всѣ мои надежды!

(Обращаясь къ Макбету).

А! братъ достойнѣйшій!

(Входятъ: МАКБЕТЪ, БАНКО и АНГУСЪ).

На мнѣ лежитъ

Неблагодарности тяжелый грѣхъ:
Ты такъ меня опередилъ, что и быстрѣйшій
Полетъ награды слабъ тебя нагнать!
О еслибъ меньше ты достоинъ былъ!
Чтобъ благодарности и платы мѣра—
Моими были, и, чтобъ заключить,
Скажу: мой больше долгъ, чѣмъ въ силахъ заплатить.

МАКБЕТЪ.

Но служба, вѣрность, коиъ я обязанъ
Ихъ исполняемъ—сами служить
Себѣ наградой; принимать нашъ долгъ—
На долю Вашего Высочества досталось;
А нашимъ всѣмъ обязанностямъ должно
При Вашемъ тронѣ быть дѣтьми, рабами:
Они то дѣлають, что лишь должны,
Служа всегда лишь изъ любви и чести.—

ДУНКАНЪ.

Добро пожаловать—тебя я насадилъ,
И постараюсь, чтобъ вполне возросъ ты.—
И ты, достойный Банко, заслужилъ
Не менѣе, и пусть же всѣ узнають,
Что сдѣлалъ я не менѣе для тебя:
Позволь мнѣ и тебя туда жь включить,—
И упали на грудь мою.

БАНКО.

И если

Тамъ возрасту,—то жатва будетъ Ваша!

ДУНКАНЪ.

Избытокъ радости, на дѣлѣ скудный,
Желаетъ скрыть себя въ слезахъ страдающаго....

Сыны, мои родные, таны, вы
 По званіямъ ближайшіе ко мнѣ,
 Узнайте всѣ, что облакаемъ властью
 Мы сына старшаго—Малькольма,
 И впредь его мы принцемъ Кумберландскимъ
 Желаемъ называть; но эта честь
 Не одного его да облакаетъ:
 Но словно звѣзды, знаки благородства
 На всѣхъ слугахъ его да возсіяютъ.—
 Отсюда въ Инвернесъ,—а тамъ мы будемъ
 Еще и ближе къ вамъ.

МАКБЕТЪ.

Вамъ отдыхъ—трудъ,

И необыченъ Вамъ: но вѣстникомъ
 Самъ буду я, и слухъ моей жены
 Хочу обрадовать прибытѣемъ Вашимъ.—
 Такъ всеподданнѣйше прошу прощенья.

ДУНКАНЪ.

О мой достойный Кавдоръ!

МАКБЕТЪ (*въ сторону*).

Ну, такъ *онъ*—

Принцъ Кумберландъ, и заградилъ мнѣ путь:
 На немъ мнѣ пасть—или его перешагнуть!...
 О звѣзды, скройте огнь своихъ лучей,
 Да свѣта блескъ ни тьмы души моей,
 Ни глубины надеждъ не озарить!
 Но къ преступленью руку глазъ манить;
 Будь такъ! А то, что взоръ страшить должно,
 Увидимъ мы, какъ будетъ свершено!

(*Уходитъ*).

ДУНКАНЪ.

По истинѣ, достойный Банко, онъ
 Такъ добръ, отваженъ, и въ хвалахъ ему—
 Мнѣ пресыщенье, настоящій пирь!—
 Такъ въ слѣдъ за нимъ! чтобъ насъ почтить привѣтомъ,
 Его забота понеслась впередъ.—
 Онъ несравненный родственникъ!...

(*Раздается звукъ трубъ, они уходятъ*).

СЦЕНА V.

Ивернесь. Комната въ Макбетовѣхъ замкѣ.

Входитъ Лэди Макбетъ, читая письмо.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

«*Онѣ встрѣтили меня въ день моей побѣды; и я, по достовѣрнѣйшимъ донесеніямъ, узналъ, что въ нихъ есть болѣе, чѣмъ человѣческое вѣдѣніе. Когда я сгоралъ желаніемъ разспросить ихъ еще «коѣ-объ чемъ — онѣ стали воздухомъ, и въ немъ исчезли. И межъ тѣмъ какъ я стоялъ въ изумленіи, дивясь этому чуду, явились ко мнѣ посланные отъ короля, которые привѣтствовали меня именемъ «Кавдорскаго тана — званіемъ, которымъ еще прежде здравствовали «меня сестры-вѣщуньи, и привѣтствовали меня на будущее время «словами: да здравствуетъ тотъ, который никогда будетъ коро- «лемъ! — о чемъ я и благоразсудилъ извѣстить тебя, дражайшая со- «участница моего величія, да не лишишься ты подобающей тебѣ «радости, находясь въ невѣдѣніи объ обѣщанномъ тебѣ величіи. «Сложи все сіе въ сердце своемъ, и прощай.»*

Ты Глэмисъ и Кавдоръ, и сбудется
 То, что тебѣ обѣщано. Боюсь я
 За сердце лишь твое: оно такъ полно
 Млекомъ пріязни къ людямъ, что едва ли
 Рѣшишься проложить кратчайшій путь! —
 Желалъ бы ты величія, за-тѣмъ
 Что есть въ тебѣ порывы честолюбыя:
 Но чтобъ тебѣ его достичь безъ зла;
 Къ чему бы ты сильнѣй всего стремился,
 Того желалъ бы ты, храня сватыню:
 Ты бь не хотѣлъ хитрить, хотъ и желалъ бы
 То не по праву получить; тебѣ бь,
 Великій Глэмисъ, нужно, чтобъ твердили:
*Такъ поступай, когда того-то хочешь,
 И ты скорпій страшишься сдѣлать дѣла,
 Чѣмъ пожелать его исполненья.*

Спѣши сюда, чтобъ можно было мнѣ
 Въ твой слухъ мою рѣшимость перелить
 И мужества рѣчами покарать
 То, что тебѣ препятствуетъ достичь
 До той короны золотой, которой
 Тебя судьба и помощь силъ нездѣшнихъ
 Уже заранѣе вѣнчали! — Что за вѣсти
 Вы привнесли? —

(Входитъ слуга)

СЛУГА.

Сюда къ ночи прибудеть

Король.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Ты говоришь какъ сумасшедшій!
 Не съ нимъ ли господинъ твой? — А ужъ онъ,
 Будь это такъ, навѣрно извѣстилъ бы,
 Чтобъ я была готова?

СЛУГА.

Какъ угодно,

А это правда: ѣдетъ и самъ танъ;
 Но обогналъ его товарищъ мой:
 Онъ задохнулся отъ ѣзды, и только
 Спѣшилъ, чтобъ передать извѣстье это.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Такъ позаботься же объ немъ: привесь онъ
 Извѣстья важныя, — и даже воронъ
 Совсѣмъ охрипъ —

(Слуга уходитъ),

отъ карканья, почувъ

Прибытiе Дункана въ замокъ мой. —
 Придите вы, явитесь вы, о духи,
 Съ ужаснымъ замысломъ на души смертныхъ,
 И пола моего меня лишите,
 Отъ головы до ногъ меня исполнивъ,
 Какъ переполненный фiаль, нещадной

Жестокостью; сгустите кровь мою,
 Чтобъ къ жалу совѣсти ей загражденъ былъ путь;
 Чтобы природа, навѣстивъ меня
 Раскаяньемъ, моихъ надеждъ жестокихъ
 Не пошатнула, и не разорвала
 Союза между нихъ и самымъ дѣломъ!—
 Жрецы злодѣйствъ, гдѣ, существомъ незримымъ,
 Въ природѣ бы вы зла ни поджидали,
 Склонитесь къ моимъ вы женскимъ персямъ,
 И желчью молоко въ нихъ замѣните!
 Приди, ночь темная, и облекись
 Въ густѣйшій адскій дымъ, чтобъ дерзкій ножъ мой
 Не увидалъ имъ нанесенныхъ ранъ;
 Чтобъ небеса сквозь мрака пелену
 Не возопили, проглянувъ: «стой! стой!...»—
 Великій Глѣмись!

(Входитъ Макбетъ).

А! достойный Кавдоръ!

И болѣ великій ихъ обоихъ—
 Привѣтомъ въ будущемъ. Письмомъ твоимъ
 Перенеслась я въ предѣловъ тѣсныхъ
 Невѣдѣнья минуты настоящей,
 И въ этотъ мигъ—ужь чувствую себя
 Я въ будущемъ.

МАКБЕТЪ.

Безцѣнный другъ мой, къ ночи
 Сюда Дунканъ прійдетъ.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

А отсюда

Когда уйдетъ онъ?

МАКБЕТЪ.

Да завтра утромъ—

Какъ полагаетъ,

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

О, никогда

Свѣтло утра этого не узреть!—

Лице твое, мой тань, какъ книга: въ немъ
 Смысль странный люди могутъ прочитать!
 Чтобъ время *провести*, гляди какъ время:
 Привѣтствуй всѣхъ очами, и рукой,
 И языкомъ; кажись цвѣткомъ невиннымъ—
 Съ змѣею скрытою подъ нимъ.— *Онъ ѣдетъ*—
 Такъ позаботиться жь объ этомъ нужно;
 А этой ночи важное стоаъ дѣло
 Одной лишь мнѣ ты долженъ предоставить:
 Она одна и можетъ даровать
 Всѣмъ нашимъ и ночамъ, и днямъ—
 И царственный полетъ, и власть!

МАКБЕТЪ.

Мы послѣ

Поговоримъ.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Гляди же веселѣе!

Кто спалъ съ лица, боязнь замѣтна въ томъ;
 А въ прочемъ на меча ты положишься во всемъ.

(*Уходитъ*).

С Ц Е Н А VI.

Тѣ же самые. Предъ замкомъ.

Звукъ гобоевъ. Въ сопровожденіи слугъ Макбета входятъ: Дунканъ, Малькольмъ, Довальбэнъ, Банко, Леноксъ, Макдуфъ, Россъ, Августъ и служители.

ДУНКАНЪ.

О, на какомъ прекрасномъ мѣстѣ замокъ!
 Какъ тонкимъ нашимъ чувствамъ здѣсь пріятенъ
 И легкокъ самый воздухъ!

Б А Н К О.

Гостья лѣта,
 Жилища храмовъ, ласточка, притомъ,

Насъ милымъ гнѣздушкою нежливо увѣряеть,
 Что воздухъ неба здѣсь благоухаетъ:
 Здѣсь нѣтъ карниза, фриза, ни столба,
 Ни уголка, гдѣ эта бы пѣвунья
 Себѣ висячей не свила постельки,
 И колыбели для дѣтей: а гдѣ
 Онѣ плодятся и жинуть, — всегда,
 Какъ замѣчалъ я, воздухъ чистъ и нѣженъ !

(Входитъ лэди Макбетъ).

дунканъ (обращаясь къ лэди).

Вотъ и почтенная хозяйка наша!
 Любовь, которая всегда за нами вслѣдъ,
 Черѣдко къ намъ приводитъ и смущенье;
 Но какъ любви, ему мы благодарны.
 И въ этомъ вамъ урокъ ⁽⁸⁾ — какъ Вы должны
 Молить Творца, чтобъ наградилъ онъ насъ
 За ваши всѣ о насъ труды, — а намъ
 За хлопоты свои быть благодарны. —

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

О! будь услуги наши вдвое больше,
 И разъ еще удвоены во семь, —
 То и тогда-бъ напрасно, по-пустому,
 Мы, жалкіе, старались состязаться
 Съ той безконечною великой честью,
 Которой домъ нашъ удостоенъ Вашимъ
 Величествомъ. Притомъ же, всѣ щедроты,
 И прежнія, и коиждъ недавно
 Онѣ вами были осыпанъ, такъ велики,
 Что мы на вѣки богомольцы Ваши.

(8) Это очень темное мѣсто: объясненіе комментатора показалось намъ не довольно вразумительно, и мы перевели не столько по его указанію, сколько по смыслу подлинника.

ДУНКАНЪ.

А гдѣ-жъ тань Кавдоръ? мы было-спѣшили
 Ему во-сладъ, и съ тѣмъ чтобъ быть его
 Провиантмейстеромъ: но скоръ въ ѣздѣ онъ,
 И велика его любовь, какъ шпоры
 Его остры: при помощи ея-то
 Онъ и пріѣхалъ прежде насъ домой.—
 Прекрасная, вельможная хозяйка,
 На эту ночь мы ваши гости.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Мы же,
 Какъ Ваши слуги, и во всемъ, что наше,
 Въ самихъ себѣ—отчетъ лишь отдаемъ,
 И Вашему Высочеству лишь тѣ,
 Что Ваша собственность, мы возвращаемъ.

ДУНКАНЪ.

Подайте руку Вашу и ведите
 Къ хозяину меня. О! очень, очень
 Его мы любимъ, и всегда готовы
 И впредь его мы милостыи взыскать.—
 Такъ съ позволенья-жъ Вашего, хозяйка.—

(Уходитъ).

СЦЕНА VII.

Тѣ же самые. Зала во дворцѣ. Раздается звукъ зобоевъ, и все освѣщено фекелами. Ходятъ взадъ и впередъ оберъ-шенки и другіе служители съ блюдами и кушаньями; потомъ входитъ Макбетъ;

МАКБЕТЪ.

Ужъ если дѣлать тѣ, что должно дѣлать,
 То сдѣлать бы скорѣй—лишь бы убійство
 Привлечь могло послѣдствіе его,
 И этимъ въ сѣти уловить успѣхъ;
 Но чтобъ за то, ударомъ этимъ было
 Вполнѣ всё кончено и свершено,—

Но при такихъ поступкахъ ужъ и здѣсь
 Есть судъ надъ нами; если научаемъ
 Мы замысламъ кровавымъ, то они
 Наставнику жь въ заразу обратятся;
 А правосудіе, безстрастное всегда,
 Самими нами смѣшаннаго яда
 Фіаль — лишь къ нашимъ же устамъ подносить....
 Онъ безопасенъ здѣсь вдвойнѣ: во-первыхъ,
 Я родственникъ и подданный его —
 И оба противъ этого поступка;
 А во-вторыхъ, я, какъ хозяинъ, долженъ
 Его убійцѣ двери затворить,
 Но самому ножа не подымать....
 Притомъ, Дунканъ нашъ одаренъ природой
 Душой столь нѣжной; и всегда такъ свято
 Долгъ сана своего онъ исполнялъ,
 Что доблести его возопіють,
 Какъ Ангелъ вѣщанья трубнымъ гласомъ
 Объ этомъ страшномъ, проклятомъ убійствѣ;
 И жалость въ наготѣ младенца
 Новорожденнаго, затрубить; или словно
 Какъ Херувимъ небесный, возсѣдая
 На вѣстникахъ зѣвры, намъ незримыхъ,
 О страшномъ этомъ дѣлѣ прогремнѣть
 Передъ очами всѣхъ, и такъ, что слезы
 Потопять вѣтеръ. — У меня нѣтъ шпоръ,
 Чѣмъ бы колоть намѣреній бока:
 Лишь честолюбіе-скакунъ: онъ самъ себя
 Перескакалъ — и на другихъ падеть. —
 Ну, что же новаго? —

(Входитъ л. Макбетъ).

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Онъ ужъ почти
 Отъужиналъ. — А ты зачѣмъ же вышла
 Изъ тѣхъ покоевъ?

МАКБЕТЪ.

Развѣ обо мнѣ
 Онъ спрашивалъ?

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

А развѣ ты не знаешь,
Что спрашивала?

МАКБЕТЪ.

Нѣтъ, въ этомъ дѣлѣ дальше
Мы не пойдёмъ. Недавно онъ меня
Почтилъ наградою; отъ всего жъ народа
Я заслужилъ столь золотое мнѣнье:
Его носить бы въ новомъ этомъ блескѣ,
А не слагать съ себя такъ скоро.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Какъ?

Такъ въ опьяненъ, зная, была надежда,
Въ которую ты прежде облакался?
Иль не заснула ли съ тѣхъ поръ она,
И пробудясь, съ ликомъ желтымъ, блѣднымъ,
Глядитъ на то, что дѣлала свободно?—
Твоей любви теперь я цѣну знаю!—
Иль испугался быть однимъ и тѣмъ же
Въ отважности и дѣлѣ, какимъ былъ ты
Въ надеждѣ? И ужель, стяжать желая
То, что считаешь украшеньемъ жизни,
Рѣшишься въ мнѣнн о себѣ жить трусомъ,
И говорить: «чего хочу—не смѣю,»—
Какъ блѣдный котъ ⁽⁸⁾ въ известной поговоркѣ.

МАКБЕТЪ.

Молчи, пожалуй: что прилично мужу,
Все смѣю я; а тотъ, кто больше смѣетъ—
Уже не мужъ.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Но что за скотъ заставилъ
Тебя нарушить данное мнѣ слово?

(9) Здѣсь намѣкъ на пословицу о кошкѣ, которая любитъ рыбу, но бонется замочить лапки: «*catus amat pisces, sed non vult tingere plantas.*»

Когда жаждалъ что сдѣлать—ты былъ мужъ,
 А быть и болѣе того, чѣмъ былъ,
 Не значить ли—тѣмъ болѣе быть мужемъ?
 Когда не шло ни къ времени, ни къ мѣсту—
 То ты желалъ обоихъ, но какъ сами
 Они сошлись, то самое удобство
 Ужь неспособнымъ дѣлаетъ тебя?—
 Сама кормила я; а знаешь ли:
 Какъ нѣжно любимъ мы того младенца,
 Котораго своей питаемъ грудью,—
 Такъ лучше бѣ я малытки своего,
 Который на меня глядитъ съ улыбкой,
 Отторгнувъ отъ сосцевъ безкостный ротикъ,
 Ему я черепъ размозжила, еслибъ
 Какъ ты клялася!

МАКБЕТЪ.

Ну, какъ не удастся?

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Намъ не удастся? лишь вѣрнѣй направь
 Ударъ отваги къ точкѣ остановки ⁽¹⁰⁾,
 И намъ тогда навѣрное удастся.
 Когда Дунканъ уснетъ (а къ сну его
 Усталость отъ пути скорѣе склонить),
 То двухъ его постельничихъ я такъ
 Напиткомъ крѣпкимъ и виномъ умаю ⁽¹¹⁾,
 Что память, мозга стражъ, лишь станетъ дымомъ,
 Выбѣдивше жъ разсудка—лишь ретортой;
 Когда жъ они, упившись, въ свянскомъ снѣ,
 Какъ мертвые лежать, чего же мы
 Съ неохраняемымъ не сдѣлаемъ Дунканомъ?

(10) Въ подлинникѣ сказано: *Sticking place*—это выраженіе заимствовано изъ устройства какой-то машины (engine), которая останавливаетъ свое дѣйствіе, пока не направитъ своего удара на известный предметъ.

(11) Въ подлинникѣ: *wassel*, отъ известнаго привѣтствія: *was-haile* и *drink heil*, при англ. попойкахъ, а отсюда и названіе напитка, состоящаго изъ яблоковъ, сахара и эля.

Да и зачѣмъ бы не сложить вину
 На опьянѣлыхъ стражей? Кто жь сочтеть,
 Что преступленье это измилось
 Изъ родника столь славнаго?

МАКБЕТЪ.

Всегда же
 Ты у меня лишь мальчиковъ рожай!
 Отъ пылкости твоей неукротимой
 И заражаться лишь мужскому полу!—
 Кто жь приметъ иначе, когда мы этихъ двухъ
 Заснувшихъ стражей вымараемъ кровью,
 И ихъ мечи употребимъ на это—
 Какъ будто это сдѣлали они?

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Кто жь приметъ иначе, когда подыдемъ
 Мы плачь и вопль о смерти короля?

МАКБЕТЪ.

Рѣшился я; какъ съ тетивы стрѣлу,—
 Чтобъ совершить ужасный сей поступокъ—
 Пустилъ въ пособье всѣ земныя средства....
 Быть такъ, а мы съ наружностью прिवѣтной
 Межъ тѣмъ обманемъ время,—ну, а то,
 Чтò знаетъ сердце живое одно—
 Будь подъ личиной лжи утаено!

(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ II.

СЦЕНА I.

Дворъ во внутренности эдма. Входятъ Банко, Флинсъ и слуга съ факеломъ.

БАНКО.

Который-то на съ ночи, сыкъ?

ФЛИНСЪ.

Да мѣсяць

Уже зашелъ. Часовъ я не слыхаль.

БАНКО,

А оцъ заходитъ въ полночь.

ФЛИНСЪ.

Я такъ мыслю.

Что позже, батюшка.

БАНКО.

Возьми-ка мечъ мой,

Ну, такъ возми-жь.—Смыкаются глаза,
И словно, какъ свинець на нихъ лежитъ,
А что-то все не спитса.—Духи неба,
Во мнѣ проклятыя сдержите мысли,
Чтобы меня природа преклонила
Къ успокоенію! Подай-ка мечъ мой;—

Входитъ Макбетъ и слуга съ факеломъ.

Кто это?

МАКБЕТЪ.

Другъ.

БАНКО.

Какъ, ты еще не спишь?

Король уже давно въ постель; онъ
Необычайно былъ всѣмъ такъ доволенъ,
Что множество наградъ послалъ въ людскія;
Женъ-жъ твоихъ, почтивъ ее названьемъ
Привѣтливой хозяйюшки своей,
Онъ поклонился этимъ бриллантомъ,
И заключилъ, что очень всѣмъ доволенъ.

МАКБЕТЪ.

Не бывъ готовы, лишь свое усердье
Мы недостаткамъ отдали въ рабыни:
Не то оно, свободно-бъ имъ служило.

БАНКО.

Все хорошо, да въ прошлую мнѣ ночь
Всѣ снились эти три сестры-вѣщуньи.—
Тебѣ онъ и кой-какую правду
Сказали.

МАКБЕТЪ.

Я объ нихъ забывъ и думать.—
Но если мы въ услугу часъ улучимъ,
То мы объ этомъ дѣлѣ перекинемъ
Два или три слова—если только можешь
Мнѣ время удѣлеть.

БАНКО.

Готовъ служить Вамъ.

МАКБЕТЪ.

О, если-бъ ты къ согласію склонился!...
Случись всё такъ—то это принесло бы
Тебѣ такую честь....

Б А Н К О

Я не стараюсь

Ее умножить, не лишусь ея,—
 Но совѣсть лишь моя была-бъ чиста
 И свѣтель долгъ вассальства моего—
 Вотъ, всё тутъ!

МАКБЕТЪ.

Такъ пока спокойной ночи.

Б А Н К О.

Благодарю, и Вамъ того-жъ желаю.

*(Банко и Флинсъ уходятъ).*МАКБЕТЪ *(слугѣ).*

Поди, скажи своей ты госпожѣ,
 Какъ изготовленъ будетъ мой напитокъ,
 Чтобъ позвонила мнѣ. Самъ спать иди.

*(Слуга уходитъ).**(Говоря самъ съ собой).*

Кинжалъ ли то, что вижу предъ собою?
 Къ моей рукѣ лежитъ онъ рукояткою...
 Дай мнѣ схватить себя.... Тебя хоть нѣтъ,
 Однако вижу я тебя... Уже ли
 Ты призракъ роковой неосязаемъ,
 Но лишь для зрѣнья только осязаемъ?
 Иль для одной лишь мысли ты кинжалъ,
 Созданье жи, которая родилась
 Въ моемъ мозгу снетенномъ и горячемъ?...
 Тебя, однако, вижу я: по виду,
 Ты осязаемъ столько-жъ, какъ и тотъ,
 Который обнажилъ.... меня ведешь ты—
 И по тому же самому пути,
 Которымъ я готовъ уже идти;
 Ты мечъ такой же, какъ и тотъ, который
 Возьму съ собой!—Ужель мои глаза
 Предъ чувствами другими лишь безумцы?
 Иль какъ и прочіе, все такъ же здравы?

Но вижу я тебя, а лезвее
 И рукоять твоя сочатся кровью,
 Чего сперва и не было.... но здѣсь
 И не бывало вовсе такой вещи:
 То лишь одинъ мой замыселъ кровавый,
 Который такъ очамъ моимъ казался. —
 Вотъ, надъ одною половиной міра
 Теперь природа словно какъ мертва,
 И грѣзы лживыя плетутъ обманы
 Надъ сномъ, задернутымъ своею завѣсой,
 И волшебство торжественно приносить
 Гекатъ блѣдной жертвы, и изсохшій
 Убійца, волкомъ — часовымъ своимъ,
 Вой коего ему дозоромъ служить,
 Испуганный, — стопою потаенной,
 Съ тарквиньевскимъ, къ татѣбѣ склоненнымъ шагомъ,
 Скользятъ, какъ духъ, своихъ желаній къ цѣли....
 Незыблемо-основанная твердь,
 Надѣжна будь, подслушивать не думай
 Моихъ шаговъ, въ какой бы путь ни шель я, —
 Не то, отъ страха даже сами камни
 Заговорять: «куда?» и часа ночи
 Весь настоящій ужасъ, столь приличный
 Порѣ коварной, на себя возьмутъ....
 Но между тѣмъ какъ я грожу — онъ живъ:
 Предъ пыломъ дѣла хладенъ словъ порывъ!

(Слышенъ звонъ колокольчика).

Иду — и свершено: то мнѣ знакъ подавъ. —
 Дунканъ, смотри, не вслушайся въ сей звонъ:
 На небеса, или въ адъ тебя зоветъ вѣдь онъ!

(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Входитъ Л. Макбетъ.

Л. МАКБЕТЪ.

Чтò опьянило ихъ — мнѣ дало бодрость, —
 Чтò погасило ихъ — мнѣ дало пламень!
 Чу! тише! иль то крикъ совы?
 Она, вѣщунъ судьбы, угрюмымъ зовомъ,
 Знать, доброй ночи пожелала намъ....
 Вотъ онъ пошелъ, отворены и двери. —
 Служители-жъ, пресытась, лишь смѣются
 Надъ должностью своею однимъ храпѣемъ:
 Я имъ приправила-жъ ихъ съ сывороткой пиво (12):
 Въ нихъ смерть и бытiе въ борьбѣ другъ съ другомъ, —
 Пусть оживуть они, или умрутъ.

МАКБЕТЪ (изъ другихъ покоевъ).

Кто тамъ? Что? га!

Л. МАКБЕТЪ.

Ахъ! какъ я испугалась!
 Боюсь, чтобы они не пробудились,
 Межъ тѣмъ какъ все не кончено: попытка
 Безъ дѣла самаго, для насъ опасна....
 Чу! — Я мечи ихъ тутъ же положила:
 Какъ не ошарить ихъ ему... О, еслибъ
 Не такъ съ моимъ отцемъ былъ схожъ онъ сонный!
 Сама бы все исполнила!... Супругъ мой!

(Входитъ Макбетъ).

МАКБЕТЪ.

Я сдѣлалъ дѣло: — не было ли слышно
 Какого шума?

(12) *Posset* — смѣсь молока съ виномъ, или съ какой-либо кислотой; также пиво съ сывороткой.

Л. МАКБЕТЪ.

Какъ же, слышно было,
 Какъ филинь выль, да стрекоталъ кузнечикъ. —
 Не говорилъ ли ты? —

МАКБЕТЪ.

Когда?

Л. МАКБЕТЪ.

Теперь.

МАКБЕТЪ.

Какъ я сошелъ?

Л. МАКБЕТЪ.

Да....

МАКБЕТЪ.

Чу! не спать ли кто
 Въ сосѣдней комнатѣ?

Л. МАКБЕТЪ.

Тамъ Дональдъбэнъ.

МАКБЕТЪ.

Взглянуть такъ страшно! (*глядя на руки*).

Л. МАКБЕТЪ.

Ахъ! какая глупость
 Такъ говорить тебѣ: «взглянуть такъ страшно!»

МАКБЕТЪ.

Одинъ изъ нихъ въ просонѣ хохоталъ,
 Другой же закричалъ: «ай! рѣжутъ!» такъ,
 Что тѣмъ они другъ друга разбудили, —
 А я стоялъ и слушалъ; но они,
 Молитву сотворя, поверглись снова
 Въ сонъ.

Л. МАКБЕТЪ.

Тутъ они лежали вмѣстѣ.

МАКБЕТЪ.

Вотъ,

Одинъ вскричалъ: *«Господь помилуй насъ»*,
 Другой: *«аминь»*, какъ словно угадали,
 Что я предъ ними, какъ палачъ, стою:
 Но я, прислушавшись къ ихъ трепету, не могъ
 Сказать: *«аминь»*, когда они сказали:
«Господь помилуй насъ!»

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Не такъ ужъ строго

Смотри на это!

МАКБЕТЪ.

Почему-жъ не могъ я
 Произнести: *«аминь»* — когда нуждался
 Я больше ихъ въ помилованъ Божьемъ?...
 А у меня *«аминь»* засъло въ глоткъ!

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Въ дѣлахъ такого рода намъ не должно
 Такъ размышлять — не то съ ума сойдешь!

МАКБЕТЪ.

Мнѣ кажется, что такъ и слышу голосъ:
Не спи ужъ больше! Сонъ Макбетъ убилъ —
Невинный сонъ, къмъ всѣхъ заботъ мотокъ
Запутанный, распутываться можетъ;
Смерть ежедневной нашей жизни; ванну
Отъ тяжкаго труда; бальзамъ душой убитыхъ,
Второй каналъ великой сей природы,
Главу, питателъ на пиръ жизни....

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Что разумѣешь ты?

МАКБЕТЪ.

Во всемъ, вѣдь, доиѣ
 Такъ и раздался вопль: *«не спи ужъ больше»*:

*Сонъ Гламисомъ убитъ, за тьмъ и Кавдоръ
Ужь спать не будетъ. Спать Макбетъ не будетъ!*

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Кто-жь такъ вопилъ?—За чьмъ, достойный танъ,
Такъ распустялъ ты мужественный духъ свой,
И какъ безумный все объ этомъ мыслишь!...
Поди, возьми воды, да и отмой
Улики грязный слѣдъ отъ рукъ своихъ.
Зачьмъ мечи ты эти взялъ оттуда?
Тамъ должно имъ лежать: поди, снеси ихъ,
И обмарай уснувшихъ стражей кровью.

МАКБЕТЪ.

Нѣтъ, я туда ужъ больше не пойду:
Мнѣ и подумать страшно—что я сдѣлалъ;—
На это вновь я и взглянуть не смѣю!

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Безильная рѣшимость!—Дай мечи мнѣ:
Что спящій, что мертвецъ—однѣ картины:
Лишь взоръ младенческій боится чорта
Въ рисункъ.... Если уже нужно было,
Чтобы и онъ своей облился кровью,
То и слугамъ его раззолочу я лица:
Пусть думаютъ, что это ихъ вина.

(Уходитъ. Слышенъ стукъ).

МАКБЕТЪ (одинъ).

Что тамъ за стукъ?.. О, что это со мною,
Что всякій шумъ меня страшить?—Ахъ, что-за руки!
Онѣ мнѣ такъ глаза и вырываютъ....
О, весь великій океанъ Нептуна
Отмоетъ ли ужъ кровь отъ рукъ моихъ!...
Нѣтъ, но скорѣй руками мнѣ возможно
Несмѣтныя моря всѣ обагрить,
Зеленый цвѣтъ ихъ—въ красный обратить!

(Снова слодитъ Л. МАКБЕТЪ).

ЛЮДИ МАКБЕТЪ.

И у меня такого-жъ цвѣта руки:
Но блѣдносердой быть, какъ ты — стыжусь я!

(Снова стукъ).

У входа къ полдню слышится мнѣ стукъ:
Уйдемъ къ себѣ, — и капаю воды .
Себя отъ дѣла этого очистимъ, —
Чего же легче? — Ты совсѣмъ покинуть
Свою твердостью (снова стукъ). Чу, стукъ сильнѣе:
Надѣнь свой шафорокъ, а то вѣдь случай
Насъ уличить, сказавъ, что не ложились....
Пожалоста, такъ жалко не вдавайся
Въ свое раздумье!

МАКБЕТЪ

Знать о дѣлѣ этомъ —
О, лучше-бъ самого себя не знать! —
О! разбуди своимъ Дункана стучкомъ....
Ахъ! если-бъ могъ его ты пробудить! —

С Ц Е Н А III.

Входитъ Привратникъ.

(Стукъ продолжается).

ПРИВРАТНИКЪ.

Въ самомъ дѣлѣ, тамъ кто-то стучится. Если бы человекъ былъ привратникомъ адскихъ вратъ, то онъ бы еще чаще повертывалъ ключъ. (Стукъ). Тукъ! тукъ! тукъ! Да кто тамъ, во имя Вельзевула? Да это мызникъ, который повѣснася, все надѣясь на урожай Иди, во-время, да возьми съ собой побольше ручниковъ: здѣсь ты за это пропотѣешь (стукъ). Тукъ! тукъ! тукъ! Да кто тутъ, во имя дьявола! — Ну, право, это знать двуязычникъ, который могъ побойтись за всякаго противъ всякаго, который много плутовалъ, да

лишь двуязычьем не умѣлъ обмануть неба.... О, войди, двуязычникъ! (*Стукъ*). Тукъ! тукъ! тукъ! Да кто тутъ? Ну, право слово, сюда пришелъ Англійскій портной, за то что онъ укралъ отъ кройки штановъ у какого-то Француза: войди сюда, портной: здѣсь тебѣ можно нагрѣть утюгъ (*опять стукъ*). Тукъ! Тукъ! Ни на минуту покою! Да кто ты такой? — Ну, да это мѣсто слишкомъ холодно для ада. Нѣтъ, ужъ не хочу больше быть чортовымъ привратникомъ: я думалъ, что впустилъ нѣсколько человекъ изъ всѣхъ цеховъ, которые идутъ по дорожкѣ, усыпанной скороспѣлками къ безирерывнымъ потѣшнымъ огнямъ (*стукъ*). — Сейчас! сейчас! — Прошу васъ, поминайте привратника! —

Входятъ Макдуфъ и Ленокъ.

МАКДУФЪ.

Или было ужъ поздно, другъ, какъ ты легъ, что долго такъ заспался?

ПРИВРАТНИКЪ.

И въ правду, такъ, сударь, мы гуляли до вторыхъ пѣтуховъ; — а вѣдь вино-то, сударь, великій проводникъ къ двумъ вещамъ.

МАКДУФЪ.

Ну, что же это за двѣ вещи, которыя вино больше всего производитъ?

ПРИВРАТНИКЪ.

Вотъ онъ, право слово, сударь: красно-фіолетовый носъ и соль. И притомъ, пьянство играетъ роль двуязычника въ отношеніи къ нечистымъ мыслямъ: оно и производитъ ихъ, да и уничтожаетъ, и приманиваетъ ихъ, а и отманываетъ, уговариваетъ на нихъ, да и лишаетъ бодрости духа, настаиваетъ па нихъ, да не устываетъ, — короче сказать: двуязычничаетъ съ ними во снѣ, и *ободравъ*, и *проведя*, покидаетъ ихъ.

МАКБЕТЪ.

Я полагаю, что въ прошлую ночь тебя оно и *прозело* и *ободра-
ло?* (15)

ПРИВРАТНИКЪ.

И такъ-таки, сударь, вотъ самую-то глотку, — да ужъ я и покви-
тался съ нимъ за это: думаю, что я ему не подь силу, — правда, что
оно меня иногда дѣлало безъ ногъ, да и я старался самъ ему *под-
ставить ножку*.

МАКДУФЪ.

А чтò проснулся ль господинъ твой? — Стукъ
Его, чай, разбудилъ? Вотъ и идетъ онъ.

(Входитъ Макбетъ).

ЛЕНОКСЪ.

Позвольте Васъ поздравить съ добрымъ утромъ.

МАКБЕТЪ.

И Васъ обонхъ съ тѣмъ же поздравляю.

МАКДУФЪ.

Чтò, всталъ Король, танъ Кавдоръ?

МАКБЕТЪ.

Нѣтъ еще.

МАКДУФЪ.

Онъ мнѣ велѣлъ къ себѣ придти пораньше,
А я почти ужъ часомъ опоздалъ.

МАКБЕТЪ.

Я Васъ къ нему сведу.

(13) Здѣсь непереводаемая игра словъ на слово *lie*, которое значить и *ложь*, *обманъ*, и въ то же время всякое вещество, которое пропитано чѣмъ-либо, какъ-то: *щелочью*, *мыломъ* и т. д.; я тутъ принялъ его и въ значеніи *алько-
голя*, тѣмъ болѣе, что слово *throat* (глотка) на это намекало.

МАКДУФЪ.

Я очень знаю,
Что это Вамъ веселый самый трудъ, —
Но все же трудъ.

МАКБЕТЪ.

Что въ наслажденье намъ,
То исцѣляетъ отъ труда. — Вотъ двери.

МАКДУФЪ.

Приму я смѣлость разбудить его, —
То личная обязанность моя.

(Уходитъ).

ЛЕНОКСЪ.

Король отсюда нынче-жъ вѣдь уѣдетъ?

МАКБЕТЪ.

Да, долженъ бы: вѣдь самъ онъ такъ назначилъ.

ЛЕНОКСЪ.

А что за буря ночью-то была!
Гдѣ мы легли, снесло всѣ трубы вѣтромъ,
И говорятъ, что въ воздухѣ и вопли,
И смерти стоны страшные носились:
Все предрекало въ грозныхъ голосахъ
О горькихъ распряхъ, матажахъ и смутахъ,
Что народятся въ наше злое время;
А птица мрака на пролетъ всю ночь
Кричала; даже говорить иные,
Что вся земля была какъ въ лихорадкѣ,
И вся тряслась!

МАКБЕТЪ.

Да, ночь была ненастна.

ЛЕНОКСЪ.

И сколько я, по молодости лѣтъ,
Могу припомнить — сверстницы, ей равной,
Еще не знаю.

МАКДУФЪ (*входитъ снова*).

О, ужась! ужась! Ни языкъ, ни сердце
Тебя не только что назвать, но даже
Постичь безсильны!

МАКБЕТЪ И ЛЕНОКСЪ.

Ну, да въ чемъ же дѣло?

МАКДУФЪ.

Раздоръ здѣсь сдѣлалъ образцовый фокусъ:
Онъ святотатнымъ разломалъ убійствомъ
Господняго помазанника храмъ,
И изъ него жизнь зданія похитилъ!

МАКБЕТЪ.

Что говоришь ты? жизнь?

ЛЕНОКСЪ.

Ужь не Его ли

Величества?

МАКДУФЪ.

Такъ подойдите-жь къ спальнѣ,
Чтобъ зрѣнье погубить Горгоной новой;
Но не просите, чтобы рассказала я,—
Взгляните, и потомъ самимъ себѣ
Расскажете.—Проснитесь! О, проснитесь!

(*Макбетъ и Леноксъ уходятъ*).

Ударь въ набатъ! убійство и измена!
Вы, Банко, Дональдъ, Малькольмъ, проснитесь,
И отряхните свой пуховый сонъ—
Подобье смерти—и на смерть взгляните,
Судьбы на грозный образъ полкуютесь!—
Скорѣй, скорѣе! ай, Малькольмъ! ай, Банко!
Вставайте будто изъ могилъ своихъ,
И словно духи, всѣ туда спѣшите,
Чтобъ въ этомъ ужасѣ намъ быть опорой!...

(*Бьютъ въ набатъ*).

Входит Лэди Макбетъ.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Что сдѣлалось, что грозный трубный гласъ
 На совѣщанье спящихъ всѣхъ сзываетъ?
 О! говорите! говорите!

МАКДУФЪ.

Леди,

Не Вамъ то слышать, что могу сказать я:
 Едва слухъ женскій будетъ пораженъ
 Тѣмъ, что скажу — то будетъ ужъ убійствомъ!...
 О, Банко! Банко!

БАНКО.

(Входя).

Царственный властитель

Нашъ умерщвленъ!

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Увы! о, горе! какъ?

У насъ въ дому?

БАНКО.

Гдѣ-бъ ни было.... ужасно! —

Любезный Дуфъ (14), прошу тебя, скажи
 Себѣ на перекоръ, — скажи, что это все
 Не такъ!

МАКБЕТЪ.

(Входя снова).

МАКБЕТЪ.

За часъ умри я передъ этимъ —
 И жилъ бы я въ блаженнѣйшее время:
 А съ этого мгновенья въ жизни смертныхъ
 Не можетъ ничего уже быть важнымъ:

(14) *Duff* — уменьшительное имя отъ *Macduff*.

Все лишъ игрушки! Знаменитость, слава,
 Краса величя—все съ нимъ мертво,—
 Напитокъ жизни выпущень—и дрожжи
 Лишь въ хвостовство у погреба остались!

Входятъ Малькольмъ и Дональбэнъ.

ДОНАЛЬБЭНЪ.

Что съ кѣмъ случилось?

МАКБЕТЪ.

Да съ самимъ тобою,
 А самъ ты и не знаешь! Засорень
 Родникъ, глава, источникъ вашей крови,—
 Да, самый ключъ ея остановлень....
 Убить твой царственный родитель!

ДОНАЛЬБЭНЪ.

Кѣмъ?

ЛЕПОКСЪ.

Какъ кажется, то дѣло слугъ его:
 На ихъ подушкахъ мы нашли мечи ихъ,
 И не обтертые; они смутились,
 И были виѣ себя,—и никому
 Нельзя бы было имъ довѣрить жизни!

МАКБЕТЪ.

О, какъ же каюсь я въ своемъ порывѣ:
 Я ихъ убилъ!

МАКДУФЪ.

Зачѣмъ ты это сдѣлалъ?

МАКБЕТЪ.

Кто-жъ можетъ быть разсудливъ—и испуганъ,
 Умѣренъ быть—и быть въ порывѣ страсти,
 Быть честенъ—и неутраченъ въ то же время?
 Никто! И вотъ, порывъ любви столь пылкой

Перескакаль спокойный мой разсудокъ....
 Лежалъ Дунканъ тутъ съ среброцвѣтнымъ ликомъ,
 Струями крови золотой обвитый,
 И раны пасть его зіяла словно
 Какъ брешь въ природѣ, какъ, обширный входъ
 Въ развалины, — а тутъ же и убійцы,
 Въ ливреѣ ало-ржавой ремесла,
 Съ мечами ихъ — не какъ мужамъ прилично —
 Покрытыми запекшеюся кровью,
 Кто-жь, у кого есть сердце для любви,
 И въ этомъ сердцѣ мужества на столько,
 Чтобъ выразить ее — кто-жь воздержался-бъ?

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Ахъ, помогите мнѣ!

МАКДУФЪ.

На помощь къ лэди!

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Къ чему-жь бы намъ удерживать языкъ,
 Когда намъ ближе всѣхъ событѣ это!

ДОНАЛЬБЭНЪ.

Что говорить, когда на насъ судьба,
 Сокрытая въ пещерѣ огра, можетъ
 Напасть и ухватить? — Оставимъ это:
 Еще не забрались вѣдь наши слезы.

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Ни наша скорбь еще не на ходу!

БАНКО.

На помощь къ лэди!

(Лэди Макбетъ уносятъ).

Но когда прикроемъ

Мы слабодушій нашихъ наготу,
 Которыя страдаютъ безъ покрова,
 То вновь сойдемся, чтобъ переслѣдить

Кровавой этой драмы содержанье.
 Страхъ и сомнѣнья насъ теперь колеблютъ;
 Теперь въ высокой Божьей я рукѣ,
 И подъ ея покровомъ я вступаю
 Еще съ неоглашеннымъ притязаньемъ,
 Въ борьбу противъ измѣннической злобы.

МАКБЕТЪ.

О, такъ и я!

В С ъ:

О, такъ и всѣ мы!

МАКБЕТЪ.

Тагъ вскорѣ-жъ мы, какъ мужи, и рѣшимся,
 И въ залъ вновь сойдемся.

В С ъ.

Всѣ мы рады!—

(Всѣ уходятъ, кромѣ Малькольма и Дональбэна).

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Что ты предпримешь? Нечего же намъ
 Брататься съ ними: очень вѣдь легко,
 Ту скорбь, которой не бывало въ сердцѣ,
 Выказывать коварному столь мужу.—
 Я ѣду въ Англiю.

ДОНАЛЬБЭНЪ.

А я намѣренъ
 Въ Ирландiю: чѣмъ болѣе несходны
 Мы будемъ по судьбѣ, тѣмъ безопаснѣй.
 Гдѣ мы теперь—тамъ и въ улыбка мужа
 Блестять кинжалъ: чѣмъ ближе кто по крови,
 Тѣмъ ближе къ крови.

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Вѣдь не опустѣлъ
 Еще его убійственный колчанъ,

И потому всего благонадежнѣй
 Намъ уклониться, чтобъ онъ въ насъ не мѣтилъ.
 Такъ на коней же, и не станемъ мы
 Разнѣживать взаимно чувствъ прощаньемъ.
 Все въ сторону, — ручательствомъ то будь,
 Что мы не ждемъ добра, коль тайно ѣдемъ въ путь!
 (Уходятъ).

С Ц Е Н А IV.

Внѣ зѣмка. Входятъ Россъ и Старикъ.

СТАРИКЪ.

За шестьдесятъ съ десяткомъ лѣтъ назадъ,
 Припомню живо я; и злыя дни
 И странныя событія видалъ я,
 Но эдакой невзгодной ночи я
 И отродясь не помню.

РОССЪ.

Дѣдушка,

Вишь, небеса на дѣйствія людскія
 Прогнѣвались: съ высотъ своихъ кровавыхъ
 Грозятъ землѣ: вотъ, по часамъ-то день,
 А между тѣмъ, ночь мракомъ подавляетъ
 По небесамъ вращающійся свѣточъ:
 Не есть ли это превосходство ночи,
 Иль дня позоръ, что въ сумракъ зарыто
 Лице земли, тогда какъ должно было,
 Чтобъ животворный свѣтъ ее лобзаль?

СТАРИКЪ.

Да, не естественно; какъ и то дѣло,
 Что сдѣлано. Въ прошедшій вторникъ, соколъ,
 Въ выси гордась полетомъ, былъ достигнуть
 Свою-мышеловкой, и заклеванъ!

РОССЪ.

А конн-то Дункана (хоть и странно,
А было такъ) красивые такіе
И быстрые, *красавцы* (*) въ ихъ породѣ,
Вдругъ стали двки, разломали стойла
И понеслись, враждуя съ послушаньемъ,
Какъ бы желая въ бой вступить съ людьми.

СТАРИКЪ.

Видишь, молвятъ, что они другъ друга съѣли.

РОССЪ.

И было такъ, глазамъ моимъ на диво:
Самъ видѣлъ я.—А вотъ и добрый Макдуфъ.

Входитъ Макдуфъ.

Ну, что творится въ мірѣ?

МАКДУФЪ.

Развѣ Вы

Не видите?

РОССЪ.

Узнали-ль, кто виновникъ
Въ злодѣйствѣ этомъ, больше, чѣмъ кровавомъ?

МАКДУФЪ.

Да тѣ, которыхъ умертвилъ Макбетъ.

РОССЪ.

О страшный день! Чего-жъ имъ было ждать
Тутъ добраго?

МАКДУФЪ.

Подкуплены, знать, были:

— Малькольмъ и Дональдъ, Дункана дѣти,
Уѣхали украдкой; ихъ теперь
Онъ ошодзрилъ въ этомъ преступленѣ. —

(*) Minions.

РОССЪ.

Но честолюбіе неистовое это,
 Которое подкапываетъ само
 Свои всѣ средства къ жизни, не противно-ль
 Самой природѣ?—Очень вѣроятно,
 Что Королемъ назначенъ будетъ Макбетъ?

МАКДУФЪ.

Онъ и провозглашенъ, и уже въ Скону
 Отправился, чтобы налѣтъ корону.

РОССЪ.

А гдѣ Дункановъ трупъ?

МАКДУФЪ.

Уже отправленъ
 Въ Кольмъ-Киль (15), священный склепъ его всѣхъ предковъ—
 Хранилище костей ихъ.

РОССЪ.

Ну, а въ Скону

Поѣдешь ты?

МАКДУФЪ.

Нѣтъ, братъ, я поѣду въ Файфъ.

РОССЪ.

Ну хорошо, и я туда.

МАКДУФЪ.

Прекрасно.

О! дай-то Богъ, чтобы хоть тамъ у васъ
 Все было по добру да по здорову.

(15) Или *Кольмъ-Киль*—какъ у Шекспира: это знаменитый *Іона*, одинъ изъ западныхъ острововъ, который посѣтилъ докторъ Джонсонъ. Теперь онъ называется *Икольмъ-Киль*:—Киль на Ирскомъ языкѣ значитъ мѣсто погребенія.

Прощай. — А старья одежды, что носили,
Едва ль не лучше новыхъ насъ рядяли!...

РОССЪ.

Прощай, старикъ.

СТАРИКЪ.

Благослови васъ Богъ,
И тѣхъ, кому онъ далъ по благости своей,
Изъ зла творить добро, а изъ враговъ — друзей! —

ДѢЙСТВІЕ III.

СЦЕНА I.

Форесъ. Комната во дворцѣ.

Входитъ Банко.

БАНКО (одинъ).

Вотъ ты и все: Король, Кавдоръ и Глэмисъ,
Все, что вѣщуньи-сестры обѣщали. —
Но я боюсь, что ты затвляя очень
Коварную игру.... А вѣдь онъ сказала,
И то, что Царскій санъ въ твоемъ потомствѣ
Не устоитъ, что самъ я буду корнемъ
Родоначалія, отцемъ иныхъ Царей....
И если истина отъ нихъ приходитъ
(Что на тебѣ, Макбетъ, кажись, сбылося),
То, если вѣрно все съ тобой случилось,
Зачѣмъ бы ихъ предвѣстье и на мнѣ
Не оправдалось, и не поселило
Во мнѣ надежды?... Тсъ! пока, ни слова! —

Раздается звукъ трубъ, и входитъ МАКБЕТЪ въ царской одеждѣ; Леди МАКБЕТЪ, въ санѣ королевы; Леноксъ, Россъ, Лорды, Лэди и свита.

МАКБЕТЪ.

Здѣсь главный гость нашъ.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Если-бъ онъ забыть былъ,
То пустота была-бъ на нашемъ пирѣ,
И не было-бъ приличія ни въ чемъ.

МАКБЕТЪ.

Серъ, въ эту ночь у насъ почетный ужинъ;
И Васъ прошу пожаловать.

БАНКО.

О, Ваше

Высочество мнѣ можетъ приказать:
Съ Его особой долгъ мой неразрывнымъ
Узломъ на вѣки связанъ.

МАКБЕТЪ.

По-полудни,
Сего-дня Вы намѣрены вѣдь вѣхать?

БАНКО.

Да, Государь.

МАКБЕТЪ.

А мы-было желали,
Чтобъ подали Вы нынче, въ засѣданъ,
Намъ добрый свой совѣтъ (а онъ всегда
Бывалъ значителенъ и счастливъ), но —
Мы ужъ его до завтра хоть отложимъ. —
А что, далеко Вашъ путь?

БАНКО.

Далегъ на столько,

Что время онъ займетъ отъ сей поры
 До ужина,—и будь не борзъ мой конь,
 То нужно-бъ было прихватить у ночи
 Часокъ-другой и тьмы.

МАКБЕТЪ.

Не опоздайте-жъ

Вы къ пиру нашему.

Б А Н К О.

Нѣтъ, Государь,

Не опоздаю.

МАКБЕТЪ.

Слухъ до насъ дошелъ,
 Что наши кровные имѣютъ лены—
 Въ Ирландіи и Англіи помѣстья.
 И что они, въ своемъ отцеубійствѣ
 Не сознаваясь, слушателей всѣхъ
 Молвою странныхъ выдумокъ проводятъ....
 Но ужъ объ этомъ завтра, какъ всѣ вмѣстѣ
 Сойдемся мы, чтобъ о дѣлахъ правленья
 Поговорить,—скорѣй спѣшите на конь.
 Прощайте же—до возвращенья—ночью.—
 А съ Вами ѣдетъ Флинсъ?—

Б А Н К О.

Да, государь:

Насъ обстоятельства зовутъ обоихъ.

МАКБЕТЪ.

Желаю я, чтобъ кони были быстры
 И чтобъ надежна поступи ихъ была.—
 Такъ до возврата Вашего. Слуга покорный.
 Прощайте.—

(Банко уходитъ).

Располагай всякъ временемъ своимъ.
 Кому какъ нужно, до семи часовъ;
 И чтобъ пріятнѣй было вновь сойдтись, —
 То мы и сами до стола желаемъ
 Одни остаться; ну, и такъ, покуда,
 Господь будь съ вами.

(Лэди Макбетъ, Лорды, лэди *всѣ уходятъ*).

Эй, послушай, другъ,
 Чтò, ждутъ тамъ люди нашихъ приказаній?

С Л У Г А.

Ждутъ, Государь, за воротами замка.

МАКБЕТЪ.

Такъ проводи ихъ къ намъ.

(Слуга *уходитъ*).

Быть *тьмъ*,

Чтò я, еще не важно: но быть *тьмъ*
 Безъ опасеній — чтò-нибудь да значить! —
 А страхъ нашъ къ Банко глубоко внѣдренъ въ насъ, —
 И въ царственномъ характерѣ-жъ его
 Есть мощь, которой намъ страшиться можно, —
 И онъ дерзнетъ на многое; притомъ,
 Съ неукротимымъ свойствомъ его духа,
 Для руководства мужества его,
 Въ немъ есть и мудрость дѣйствовать надежно....
 Но больше некого мнѣ и страшиться;
 При немъ, мой геній не безъ укоризны,
 Какъ Маркъ-Антоніевъ, какъ слышно, былъ
 Предъ Цезарскимъ. Онъ укорялъ волшебницъ,
 Какъ имя Короля онѣ мнѣ дали,
 Прося себѣ сказать хоть что-нибудь;
 И какъ провидицы, онѣ его тогда
 Отцемъ династїи царей провозгласили —
 Мнѣ-жъ на главу вѣнецъ безплодный возложили
 И скиптръ засохшій дали мнѣ схватить,
 Чтòбъ, въ безпотомственной рукѣ вращаясь,

Не могъ онъ быть въ наслѣдье отданъ сыну....
 А если такъ, то неужель для Банко
 Я голову ломалъ, и для него ли
 Я простодушнаго убилъ Дункана,
 Бъ сосудъ мира поселилъ раздоръ, —
 Лишь для него и вѣчный мой клейнодъ ⁽¹⁶⁾
 Людей врагу всеобщему я предалъ,
 Чтобъ только Королями сдѣлать ихъ,
 Чтобъ сѣмя Банко сдѣлать Королями?...
 Такъ лучше-жъ выдь, судьба, ты на арену,
 И вызови меня на смертный бой! —
 Кто тамъ?

Входитъ слуга съ двумя убійцами.

Иди къ дверямъ, и жди,
 Покуда позову.

(Слуги уходятъ).

Вчера вѣдь съ вами
 Мы говорили?

1 УБИЙЦА.

Точно такъ, какъ было
 То вашему Высочеству угодно.

МАКБЕТЪ.

Ну, чтожъ, размыслили-ль о томъ,
 Что вамъ вчера сказалъ я? Знайте-жъ,
 Что лишь одинъ онъ, въ прежнее-то время,
 Все васъ судьбы подъ гнетомъ и держалъ,
 А вы-то думали, что онъ сама невинность.
 Вамъ это я въ послѣднемъ разговорѣ
 Все изложилъ, и показалъ: какъ были
 Уличены; какъ подъ рукой своей
 Онъ васъ держалъ; и какъ вы были взяты,
 Орудія, и дѣйствовалъ кто ими, —
 Короче, все, ну такъ, что полу-скотъ,

(16) т.-е. душу.

Или помѣшанный, сказалъ бы: « это
Все сдѣлалъ Банко!» —

І УБІЙЦА.

Да, объ этомъ насъ

Вы извѣстили.

МАКБЕТЪ.

А потомъ, и дальше
Я продолжалъ — и нынче это главный
Пунктъ нашего свиданья. Неужель
Терпѣнье въ васъ преобладаетъ такъ,
Что этимъ можете вы пренебречь?
Ужель вы добродѣтельны на столько,
Чтобы объ этомъ добромъ челоувѣкъ
Молиться, и желать тому успѣха,
Чья тяжкая рука, склонивъ васъ къ гробу,
На вѣкъ пустила нищими?

І УБІЙЦА.

Властитель,

Мы мужи!

МАКБЕТЪ.

Да, вы числитесь по спискамъ
Всѣ за мужей, какъ идутъ за собакъ
Лягавыя, борзые и дворняшки,
И пудели и водослазы, помѣсь
Отъ волка и собаки — всѣ онѣ
Слывуть подъ общимъ прозвищемъ собакъ.
А въ росписяхъ бываютъ иногда
Отмѣчены словами: быстрый, тихій,
Поджарый песь, сторожевой, ищейный —
Смотря по дару, коимъ ихъ благая
Природа надѣлила — и лишь этой
Особой кличкой каждая изъ нихъ
Отличена въ ихъ поголовномъ спискѣ.
Такъ и съ людьми, — и если вы попали
Въ тотъ списокъ кличекъ, а не въ худшій,

И общій всѣмъ разрядъ мужчинъ, скажите —
 И я вложу вамъ въ сердце мысль одну:
 Ее исполнивъ, вы освободитесь
 Отъ вашего врага, и васъ прицѣпимъ
 Какъ дрегомъ къ сердцу и къ любви мы нашей...
 Межъ тѣмъ какъ мы, пока еще онъ живъ,
 Здоровьемъ хворы, — съ смертію-жъ его,
 Оно вполне окрѣпнетъ...

2 УБИЙЦА.

Государь,
 Вотъ первый я, котораго пинки
 И подлые судьбы удары такъ
 Взбѣслия, что ужъ я и не забочусь
 О томъ, что дѣлаю -- на зло же свѣту.

1 УБИЙЦА.

А я второй, который такъ усталъ
 Отъ всѣхъ невзгодій, такъ судьбой измыканъ,
 Что жизнь свою готовъ поставить на конь,
 Чтобы ее улучшить, или вовсе
 Ужъ отъ нея избавиться.

МАКБЕТЪ.

Вы оба
 Вѣдь знаете, что Банко былъ вашъ врагъ.

2 УБИЙЦА.

Такъ точно, Государь.

МАКБЕТЪ.

Онъ врагъ и мнѣ,
 И на такой дистанціи кровавой,
 Что каждая его минута жизни,
 На то, что есть въ глубин души моей,
 Насильственно вторгаясь, наступаетъ.
 Хотя бы мнѣ, съ лицомъ открытымъ власти,
 Его и можно было съ глазъ смести,
 И оправдать мою на это волю, —

Но дѣлать этого за тѣмъ не долженъ,
 Что есть у насъ съ нимъ общіе друзья,
 Любви которыхъ не хочу лишиться, —
 Но сожалѣть о смерти лишь того,
 Котораго я самъ бы поразилъ. —
 Вотъ почему я такъ и озабоченъ
 О вашемъ мнѣ содѣйствіи: оно
 Мнѣ въ этомъ дѣлѣ, по причинамъ разнымъ,
 И очень важнымъ, можетъ послужить
 Отъ взоровъ чуждыхъ маской.

2 УБИЙЦА.

Мы исполнимъ,

Что приказалъ ты намъ.

1 УБИЙЦА.

Хотя-бъ и жизнь....

МАКБЕТЪ.

Вашъ образъ мыслей такъ сквозь васъ и свѣтитъ! —
 Ужъ много-много, что чрезъ часъ я вамъ
 Скажу, гдѣ дожидаться: ознакомьтесь
 Вполнѣ съ искусствомъ высмотрѣть то время,
 Во времени-жъ ту самую минуту,
 За тѣмъ, что это должно сдѣлать ночью,
 И отъ дворца не много такъ по-одалъ,
 А между тѣмъ, чтобъ мнѣ-то было ясно....
 Но пусть съ нимъ вмѣстѣ же, Флинсъ, сынъ его,
 Его сопутникъ — а его погибель
 Мнѣ столько же важна, какъ и отцова,
 (Чтобъ ни прорѣхи, ни заштопки въ дѣлѣ
 Томъ не было!) — столь роковаго часа
 Судьбу раздѣлитъ. — Такъ между собой
 Вы порѣшались, удалясь въ сторону, —
 А я сей-часъ вернусь.

2 УБИЙЦА.

Мы, Государь,

Ужъ порѣшили.

МАКБЕТЪ.

Хорошо-жь, вась прямо
 Я и спрошу. Такъ ждите-жь тамъ, внѣ замка. —
 Все кончено. — О Банко, если духъ твой
 На небеса направить свой полетъ,
 То въ эту-жь ночь крылами онъ взмахнетъ!

(Всѣ уходятъ).

С Ц Е Н А П.

Другая комната. Входятъ Лэди Макбетъ и слуга.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Уѣхалъ Банко отъ Двора?

С Л У Г А.

Да, Государыня, но къ ночи онъ
 Вернется.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Скажи же Королю,
 Что жду его: такъ не угодно-ль будетъ
 Его Величеству пожаловать ко мнѣ
 На пару словъ.

С Л У Г А.

Сей-часъ же доложу.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Нѣтъ ничего, все брошено безъ нужды,
 Когда желанья наслажденій чужды:
 Чтò рушимъ мы — *тѣмъ* безопаснѣй быть,
 Чѣмъ руша все, въ сомнѣннѣ счастья жить!...

(Входит МАКБЕТЪ).

Чтожь, государь, за чѣмъ ты все одинъ
 И съ мрачными сопутницами мыслей?
 Къ чему всѣ думы? Имъ бы вмѣстѣ съ тѣми,
 Кто имъ предметомъ служить, должно
 И умереть? О томъ, чему нельзя
 Намъ пособить, что пользы размышлять?
 Что сдѣлано — то сдѣлано.

МАКБЕТЪ.

Звѣю

Мы разрубили, но не умертвили:
 Она, сродясь, сама собой вновь будетъ, —
 И нашей злобѣ жалкой вновь опасно,
 Чтобъ отъ ея зубовъ не пострадать!...
 Пусть лучше связь вещей встѣхъ разорвется,
 И будутъ съ нами всѣ міры страдать,
 Чѣмъ мы свой хлѣбъ снѣдать въ боязни будемъ,
 И засыпать додъ гнетомъ сновъ ужасныхъ,
 Насъ приводящихъ въ трепетъ еженочно;
 Пусть лучше будемъ мы среди умершихъ,
 Которыхъ мы, чтобы занять ихъ мѣсто,
 Послали на покой, чѣмъ намъ лежать
 Въ сей пылкѣ умственной, горячкѣ вѣчной!...
 Дунканъ теперь въ могилѣ: опъ,
 Перевеся сей жизни лихорадку,
 Спокойно спитъ: что худшаго ни есть
 Въ измѣнѣ, все исполнено ужъ ею:
 Ни мечъ, ни ядъ, ни зло заботъ домашнихъ,
 Ни самые угрозы чужеземцевъ, —
 Ничто его ужъ болѣе не тронетъ!

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Ну полно же, о милый мой Властитель,
 И проясни нахмуренные взоры,
 И ночью, средь толпы гостей своихъ,
 И весель будь, и ласковъ, и привѣтливъ!

МАКБЕТЪ.

Таковъ и буду я, мой милый другъ,
 Такъ будь, прошу, и ты, и чаще
 Припоминай о Банко, и о томъ,
 Какъ всѣхъ онъ выше: это повторяй
 И языкомъ, и взорами своими:
 И такъ какъ мы еще не утвердился,
 То и должны всѣ почести свои
 Въ струяхъ похвалъ и лести омывать,
 Изъ лицъ своихъ сердцамъ личины дѣлать,
 Чтобы прикрыть ихъ: каковы они
 На самомъ дѣлѣ. —

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Лишь бы эту-то
 Личину снялъ ты!

МАКБЕТЪ.

Милая жена,
 Вѣдь скорпіонами душа моя полна!...
 Ты знаешь Банко, Флянсь еще вѣдь живы!

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Но въ нихъ съ природы очеркъ вѣдь не вѣченъ!

МАКБЕТЪ.

Хоть ужъ и то отрадно, что на нихъ
 Напастъ намъ можно... Будь же ты любезна:
 И прежде нежели полѣтъ келейной
 Летучей мыши сдѣлается слышенъ;
 И прежде чѣмъ на зовъ Гекаты мрачной
 Чешуе-крылаго жука средь зѣва ночи
 Послышится сонливое жужжанье, —
 Ужасное событіе свершится.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Что-жь будетъ сдѣлано?

МАКБЕТЪ.

О, будь дотола
 Въ невѣднѣйшій невинна, милый другъ,
 Пока съ восторгомъ дѣла не одобришь!—
 Приди-жь скорѣй, сплывающая ты ночь,
 Состраждающаго дня смежить взоръ вѣжнѣй,
 И кровожадную рукой незримой
 Негоднымъ сдѣлай, разорвавъ въ куски,
 Тотъ договоръ, отъ коего я блѣденъ...
 Густѣеть свѣтъ, крыломъ махнувъ ворона,
 Летитъ въ коварный лѣсъ— за тѣмъ, что все
 Благое дня склоняется къ дремотѣ;
 А ночи силы темныя въ своемъ полетѣ
 Добычи ищутъ... Но словамъ моимъ
 Дивишься ты, — о, подожди не много:
 Все то, что зло отцомъ своимъ считаетъ,
 Лишь зломъ однимъ и крѣпнеть и мужаетъ!—
 И такъ, прошу со мной.

СЦЕНА III.

*Паркъ или перельсокъ, смежный съ воротами, ведущими къ дворцу.
 Входятъ трое убійцъ.*

1 УБИЙЦА.

А кто тебѣ

Велѣлъ пристать къ намъ?

3 УБИЙЦА.

Макбетъ.

2 УБИЙЦА.

Но ему

Намъ нечего не доврять, коль скоро

Онъ намъ сказалъ, что дѣлать мы должны,
И въ чемъ наказъ, и вѣрно съ порученьемъ.

1 УБИЙЦА.

Ну, что-жъ, останься съ нами. — Западъ
Лучами дня еще чуть-чуть блистаеть,
И путникъ запоздавъ, коня пришпорилъ,
Чтобъ за-свѣтло въ гостинницу поспѣтъ;—
А чай и тотъ, кого мы ждемъ, ужъ близко?

3 УБИЙЦА.

Я слышу конскій топотъ? Чу!

БАНКО (вдали).

Эй! эй!

Скорѣ факелы сюда несите!

2 УБИЙЦА.

Вѣдь это онъ, а прочіе, которыхъ
Наказу нѣтъ намъ ждать, ужъ во дворцѣ.

1 УБИЙЦА.

А кони-то въ объѣздъ?

3 УБИЙЦА.

Почти на мило!

Онъ поступаетъ по примѣру прочихъ,
Которые отсюда и до самыхъ
Воротъ дворца, идутъ всегда пѣшкомъ.

(Входятъ Банко и Флинтъ, а впереди ихъ слуга
съ факеломъ).

2 УБИЙЦА.

Огни! Огни!

3 УБИЙЦА.

Онъ это.

1 УБИЙЦА.

Подступайте-жъ!

БАНКО (*смотря на небо*).

Дождь будетъ ночью.

1 УБИЙЦА.

Пусть его идетъ!

(*Нападаетъ на Банко*).

БАНКО.

Измѣна! О, бѣги, мой добрый Флинсъ,

Бѣги! бѣги! ты за меня отмстишь!

О, рабъ!

(*Умираетъ, но Флинсъ и слуги спасаются бѣгствомъ*).

3 УБИЙЦА.

Кто вышибъ факель?

1 УБИЙЦА.

Развѣ то не дѣло?

3 УБИЙЦА.

Вотъ, здѣсь одинъ лежитъ; а сынъ ушелъ.

2 УБИЙЦА.

Что! вѣдь мы лучшей половины дѣла

Не сдѣлали?

1 УБИЙЦА.

Ну, это къ сторонѣ:

Скорѣй скажи: что удалось намъ сдѣлать!

СЦЕНА IV.

Пріемная зала во дворцѣ. Приготовленъ пиршественный столъ. Входятъ: МАКБЕТЪ, Лэди МАКБЕТЪ, Россъ, Леноксъ, Лорды и свита.

МАКБЕТЪ.

Вамъ по чинамъ мѣста извѣстны ваши,
И такъ, садитесь. Въ первый и послѣдній,
Сердечное — покорнѣйше прошу.

Л О Р Д Ы.

Нижайше всѣ благодаримъ мы Ваше
Величество.

МАКБЕТЪ.

А самъ среди гостей
Ходить я буду, какъ хозяинъ скромный;
Хозяйка лишь на мѣсто свое следеть;
Но и ее со временемъ попросимъ
Радужнымъ васъ прѣвѣтствіемъ почтить.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Я за себя прошу Васъ, Государь,
Сказать прѣвѣтъ мой всѣмъ моимъ гостямъ,
За тѣмъ, что сердце говорить мое:
« Всѣхъ милости прошу ».—

(Подходитъ къ двери 1-й убійца).

МАКБЕТЪ.

Всѣ они къ тебѣ
Летятъ на встрѣчу съ благодарнымъ сердцемъ.—
Мѣста равны—я по срединѣ сяду.
Такъ будьте-жъ веселы, теперь вина
Мы обнесемъ кругомъ стола по стопкѣ....

(Обращаясь къ убійцу).

Кровь на лицѣ твоемъ!

У Б І Й Ц А.

То Банко кровь.

МАКБЕТЪ.

Тебѣ-бъ быть лучше за дверьми, чѣмъ здѣсь. —
Ну что, угомонень?

У Б І Й Ц А.

Да, Государь,
Съ разрѣзанною глоткой: я ему
Такъ удружилъ.—

МАКБЕТЪ.

О, горлорѣзъ ты славный!
 Хорошъ и тотъ, кто сдѣлалъ тоже съ Флинсомъ, —
 И если это все твое же дѣло,
 Тебѣ нѣтъ равнаго!

УБІЙЦА.

Государь, а Флинсъ-то —
 Вѣдь убѣжалъ!

МАКБЕТЪ.

Вотъ, снова захилѣлъ я,
 А былъ вполнѣ здоровъ, какъ мраморъ твердъ;
 Укоренился какъ скала; я былъ
 Широкъ, всецѣлъ какъ всеобъявшій воздухъ:
 Теперь же сжать, стѣсненъ и заключенъ
 И связанъ дерзкой мнительностью, страхомъ.....
 Но Банко уложенъ?...

УБІЙЦА.

О! Государь,
 У мѣста: онъ во рву тамъ уложенъ —
 На головѣ глубокихъ двадцать ранъ,
 Изъ нихъ слабѣйшая смертельна.

МАКБЕТЪ.

Благодарень. —
 Такъ взрослая змѣя лежитъ ужъ тамъ,
 А червь уползъ, уползъ тотъ страшный гадъ —
 А въ немъ природа породить намъ ядъ —
 Со временемъ, — теперь же безъ зубовъ онъ....

(Къ убійцу).

Иди, а завтра вновь Мы васъ разспросимъ.

(Убійца уходитъ)

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Мой царственный властитель, Вы не пиръ
 Даете: праздникъ, безъ привѣтствій ласки,

Не дань, а заплаченъ: но пирь давать —
Привѣтствія лишь значить расточать:
Наушаться-жъ всякъ лучше можетъ дома;
Приправой кушаньямъ —привѣтъ приличный:
Нагъ пирь, безъ нихъ!

МАКБЕТЪ.

Напоминатель милый! —
Такъ будь же вѣствъ съ аппетитомъ вашимъ
Прекрасное вареніе желудка! —
Да здравствуютъ же оба!

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Государь,
Вамъ не угодно ли присѣсть?
*(Появляется духъ Банко, и садится на
мѣсть МАКВЕТА).*

МАКБЕТЪ.

Конечно,
Честь края нашего была-бъ со сводомъ —
Присутствуй съ нами нашъ любезный Банко:
Но все же лучше мнѣ его винить
Въ холодности, чѣмъ о какомъ несчастьѣ
Его жалѣть.

РОССЪ.

Да, Государь, его
Отсутствіе кладетъ печать позора
На общанье.... Не угодно-ль будетъ
И Вашему Высочеству почтить насъ
Своею царственной бесѣдой?

МАКБЕТЪ.

Но ужъ столь
Весь полонъ....

ЛЕНОКСЪ.

Вотъ, есть мѣсто, Государь:
Оно для Васъ оставлено.

МАКБЕТЪ.

Да гдѣ же?

ЛЕНОКСЪ.

Здѣсь, Государь.... Но что-жъ такое, Ваше
Высочество, могло вдругъ такъ смутить?

МАКБЕТЪ.

А кто изъ васъ, скажите, это сдѣлалъ?

Л О Р Д Ы.

Что, Государь?

МАКБЕТЪ.

Но ты сказать не можешь,
Что это сдѣлалъ я!... не потрясай
Передо мной кровавыми кудрями!

Р О С С Ъ.

Вставайте, лорды, поскорѣй: Его
Высочество вдругъ что-то занемогъ!

Л. МАКБЕТЪ.

О сэръ, и вы, достойные друзья,
Съ моимъ супругомъ часто такъ бываетъ:
Такъ съ нимъ бывало съ юности... прошу васъ
Садиться: минутный лишь припадокъ —
Какъ мысль мелькнувшая — пройдетъ онъ скоро,
И вы за нимъ не слишкомъ замѣчайте:
Его вы этимъ можете обидѣть —
И тѣмъ его недугъ лишь увеличить....
Такъ кушайте-жъ, и на него вниманья
Не обращайтесь. (къ Макбету) Мужъ ли ты?...

МАКБЕТЪ.

Конечно,

И очень храбрый, потому что смѣю
Смотрѣть на то, что испугало-бъ чорта!

Л. МАКБЕТЪ.

И подлинно, ужъ есть чего бояться!
 Да это лишь портретъ твоей боязни:
 То воздухомъ начертанный кинжалъ,
 Которымъ ты, какъ говорилъ, къ Дункану
 Былъ приведенъ!... А крики, содроганья
 (Обманщики предъ настоящимъ страхомъ)
 Годились бы, при зимнемъ огонькѣ,
 Для женской сказки, одобренной бабкой!—
 Да постыдись! Къ чему кривлянья эти?...
 И что-жь, вѣдь, наконецъ, ты студишь лишь видишь!

МАКБЕТЪ.

Взгляни, прошу тебя—вотъ, вотъ, гляди...
 Ну что ты скажешь?—Да, чѣмъ я разстроень?...
 Но если можешь головой кивать мнѣ,
 То говори... И если ужъ могилы
 И склепы шлютъ назадъ намъ тѣхъ, кого
 Хоронимъ мы,—то коршуновы зобы
 Служить намъ могутъ вмѣсто монументовъ!
 (*Духъ исчезаетъ*).

Л. МАКБЕТЪ.

Иль ты въ безумьѣ пересталъ быть мужемъ?

МАКБЕТЪ.

Вотъ какъ стою я—такъ его я видѣлъ!

Л. МАКБЕТЪ.

Стыдись!

МАКБЕТЪ.

И въ древности лилася кровь,
 Доколь права, состраждущія людямъ,
 Ее съ смиреннаго не смыли блага;
 Съ тѣхъ поръ еще, ужасныя для слуха,
 Свершались убійства: но то были
 Такія времена, что если мозгъ

Изъ головы былъ вышибень ударомъ,
 То человекъ тогда-жъ и умиралъ,
 И этимъ всё кончалось, — а теперь —
 Хотя бы было двадцать ранъ смертельныхъ
 На головахъ ихъ, люди вновь встаютъ,
 И насъ еще сгоняютъ съ нашихъ мѣсть!...
 Страннѣ это, чѣмъ самъ убійство!

Л. МАКБЕТЪ.

Достойный мой супругъ, тебя вѣдь ждутъ
 Твои вельможные друзья.

МАКБЕТЪ.

А я-было

И позабылъ... Не очень-то заботьтесь
 Вы обо мнѣ, достойнѣйшіе гости:
 Недугъ мой страненъ, но вполне ничтоженъ
 Для тѣхъ, которые со мной короче, —
 Такъ въ знакъ пріязни, за здоровье всѣхъ! —
 Теперь я сяду — дайте-ка вина,
 Да пополните лейте — вотъ мой тостъ —
 На общей радости за всѣхъ моихъ гостей!

(Снова является онъ.)

И за любезнаго намъ друга, Банко,
 Котораго здѣсь нѣтъ. — О, будь онъ съ нами
 Желанный нашъ — за перваго-бъ его,
 Потомъ, за всѣхъ, желая всѣмъ всего!

Л О Р Д Ы.

Всепоподаннѣйше Вамъ того-жъ желаемъ!

МАКБЕТЪ.

Прочь! прочь! О, удались отъ глазъ моихъ!
 И пусть земля тебя сокроетъ! кости
 Твои безъ мозга; кровь твоя холодна,
 Въ очахъ твоихъ, которыми блестящъ ты,
 Нѣтъ мысли!

Л. МАКБЕТЪ.

Вы, о добрые вельможи,
Считайте это всё обыкновеннымъ,
А не пнымъ чѣмъ: этимъ лишены мы
Лишь радости минуты настоящей.

МАКБЕТЪ.

На что посмѣть мужъ, и я посмѣю :
Явись свирѣпымъ Русскимъ ты медвѣдемъ
Иль носорогомъ, иль Гирканскимъ тигромъ —
Во всякомъ видѣ; только лишь не въ этомъ —
И нервы крѣпкіе мои не содрогнутся;
Иль снова оживи, и пусть я буду
Мечемъ твоимъ тобой въ пустыню вызванъ,
И если я, дрогнувъ, въ томъ воспротивлюсь,
То куклою дѣвчонки назови....
Прочь тѣнь ужасная!

(Духъ исчезаетъ).

О, прочь отсюда
Ты, невещественный насмѣшки образъ!...
Но, что-жь, едва исчезъ онъ — вновь я мужъ....
Прошу васъ я, сидите !

Л. МАКБЕТЪ.

Государь,
Отсюда Вы веселье удалили,
И изумительнымъ своимъ недугомъ
Нарушили гостепріимный пиръ.

МАКБЕТЪ.

Но могутъ ли такого рода вещи,
Что прикрываютъ насъ какъ лѣтней тучей,
Не изумлять?... Вамъ странно, что такому
Я настроенью духа предался:
Мнѣ-жь кажется, явись такой вамъ призракъ, —
Едва-ли бы естественный румянецъ
Тогда остался на ланитахъ вашихъ,
Когда мои отъ страха поблѣднѣли!

РОССЪ.

Какой же призракъ, Государь?

Л. МАКБЕТЪ.

Прошу Васъ,
 Не говорите съ нимъ: ему все хуже:
 Его вопросъ вашъ въ бѣшенство привелъ. —
 Такъ доброй ночи! — Уходя отсюда,
 Порядка по чинамъ не соблюдайте,
 А выдѣте вмѣстѣ всѣ.

ЛЕНОКСЪ.

Такъ доброй ночи
 И лучшаго здоровья мы желаемъ
 Его Величеству.

Л. МАКБЕТЪ.

Равно и всѣмъ вамъ,
 Отъ сердца, доброй ночи! —

(Уходятъ Лорды и свита).

МАКБЕТЪ.

Кровь за кровь;
 Кровь крови требуетъ, какъ говорятъ:
 Извѣстно всѣмъ, что двигались скалы,
 И дерева вѣщали, какъ авгуры,
 И узнавалась подробность дѣла;
 Сороки, галки, камни выдавли
 Глубокія всѣ тайны мужа крови....
 А что, который-то часъ ночи?

Л. МАКБЕТЪ.

Да почти
 Часъ, когда утро съ тьмой въ борьбу вступаетъ.

МАКБЕТЪ.

Что скажешь ты на это, что Макдуфъ

Къ намъ не хотѣлъ явиться, хоть его мы
Объ этомъ такъ усердно умоляли (17).

Л. МАКБЕТЪ.

А развѣ Вы за нимъ ужъ послали?

МАКБЕТЪ.

Нѣтъ, слышала стороною; но я пошлю:
Изъ нихъ здѣсь нѣтъ ни одного, а въ домѣ
Есть у меня подкупленный слуга....
И завтра-жъ утромъ (непремѣнно рано)
Иду къ сестрамъ-вѣщуньямъ: мнѣ онѣ
Должны сказать побольше, потому
Что принужденъ чрезъ худшія орудья
Узнать, чтѣ худшаго ни есть; за тѣмъ,
Что передъ благомъ собственнымъ моимъ
Всѣ мнѣ должно дорогу очищать:
Я уже въ кровь такъ далеко зашелъ,
Что если въ бродъ ее не перейдти,
То возвратиться съ своего пути
Мнѣ столь же трудно, какъ идти впередъ....
Престранный бредъ мнѣ въ голову идетъ,—
Но пусть! Такъ дѣло лучше затѣвать,
Чѣмъ намъ объ немъ всё только разсуждать!—

Л. МАКБЕТЪ.

Ты пропускаешь часъ, когда въ природѣ
Всѣ предано покою—время сна.

МАКБЕТЪ.

Пойдемъ же спать и мы.—
Пускай себѣ я странно измѣнилъ;
Винovníкомъ вѣдь въ этомъ дѣлѣ былъ
Лишь страхъ одинъ: онѣ все лишь новичекъ:—
А нашей юности еще не минулъ срокъ!—

(17) Изъ исторіи извѣстно, что Макбетъ посылалъ за Макдуфомъ, прося его, чтобы онъ присматривалъ за постройкой Дунсинайскаго замка; но онъ прислалъ лишь мастеровыхъ, а самъ не явился.

С Ц Е Н А V .

Степь Грохочетъ громъ и леллется Геката на встрѣчу тремъ вѣдьмамъ.

1 ВѢДЬМА.

Ну что, Геката? Ты глядишь сурово?

ГЕКАТА.

Не въ правѣ ль я, карги, и быть такою,
 Когда вы дерзки, наглы предо мною?
 Какъ было съ Макбетомъ дерзать
 Вамъ шашни вестъ и хлопотать;
 Прельщать его игрою чаръ,
 Чтобъ смертный онъ нанесъ ударъ:
 Меня-жь, властительницу ихъ,
 Источницу всѣхъ дѣйствій злыхъ,
 Къ участию въ нихъ и не позвать,
 Чтобъ славой ихъ мнѣ увѣнчать?
 И все то сдѣлали кому-жь?
 Кто духомъ слабъ, унылъ, не мужъ,
 Золь, гнѣвнень, цѣлю-жь всѣхъ дѣлъ,
 Въ виду не васъ, себя имѣлъ?
 За это поплатися мнѣ:
 Странъ Ахеронскихъ въ глубинѣ,
 Съ блеснувшей первою зарей
 Должны вы встрѣтиться со мной:
 Туда судьбу свою узнать,
 Макбетъ къ намъ явится опять. —
 Чтобъ былъ весь хламъ вашъ, чары словъ,
 Весь адскій аппаратъ готовъ:
 А я въ эфиръ, и мракъ ночной
 Для пагубъ, чаръ назначенъ мной.
 И не наступитъ полдня часъ,
 Чтобъ все вскипѣло здѣсь у васъ....
 Но вотъ уже рога луны

Росою мглистою полны (18):
 Ихъ выжавъ, я рукой словлю,
 Потомъ, на землю вновь ступлю:
 Роса, перегнанная мной
 Чаръ дивныхъ опытной рукой,
 Въ эфирный газъ претворена,
 Свою силу она
 Всѣ отуманить чувства въ немъ,
 И въ гибель повлечетъ потѣмъ;—
 Тогда судьбу и смерти страхъ
 Презрѣвъ, низринетъ онъ во прахъ,
 И ложной мудростью прельщенъ,
 Среди надеждъ задремлетъ онъ;
 Любовь забудетъ, страхъ молвы:
 Безопасность же—слыхали вы—
 Смертельный врагъ для всѣхъ людей!

(За сценой раздастся пенье).

«Отсюда прочь! спѣши скорѣй» (19)
 Чу! Чу! зовуть! То эльфикъ мой:
 Повитый мглистой пеленой,
 Онъ тамъ на облачкѣ сидитъ;
 Меня онъ ждетъ, къ себѣ манить!—

(Улетаетъ).

1 вѣдьма.

Такъ поспѣшимъ же : скоро, вѣдь, вернется. —

(18) Подъ выраженіемъ: *мглистая роса*, кажется, должно разумѣть *vigils* *lunae* (лунный токъ) древнихъ, или пѣну, которая, какъ предполагали они, сообщаетъ, при содѣйствіи чаръ, травамъ известныя свойства.

(19) Пѣсня эта, какъ замѣчаетъ Тикъ, та же самая, которая находится въ *Мидльтоновой драмѣ «Колдунья»*.

С Ц Е Н А VI.

Форестъ. Комната во дворцѣ.

Входитъ Леноксъ и другой придворный.

ЛЕНОКСЪ.

Мой первый разговоръ былъ лишь намѣкъ
 На ваше мнѣнье: но оно ужъ дальше
 Все можетъ пояснить; одно скажу я,
 Все это что-то странно было: Макбетъ
 О благодѣшномъ сожалѣлъ Дунканъ, —
 Но онъ, тогда, конечно, былъ мертвецъ, —
 А доблестный нашъ Банко вѣхалъ поздно —
 Его, Вы можете сказать, когда угодно,
 Флинсъ умертвилъ, затѣмъ что Флинсъ бѣжалъ....
 Впередъ не должно ѣздить слишкомъ поздно....
 Да и кому же не придется на умъ:
 Чтѣ за чудовища такія были
 Малькольмъ и Дональдъбэнъ, когда они
 Столь нѣжнаго душой отца убили?
 Проклятое тѣ дѣло! — Но за то,
 Какъ и страдалъ душою нашъ Макбетъ!
 Не кануло-ль въ благочестивомъ гнѣвѣ
 Двухъ у него предательскихъ слезинокъ —
 Рабынь лишь пьянства и невольницъ сна?
 Ну, что-жъ, не благородно-ль поступилъ онъ?
 Конечно, а притомъ и какъ разумно!
 Затѣмъ, что слухъ одинъ, что мертвецу
 И въ втомъ даже отказали — былъ бы
 Обиденъ всякому, въ комъ есть лишь сердце. —
 Онъ такъ-то все, какъ я сказалъ, уладилъ;
 И смѣю думать, что сыновъ Дункана
 Имѣи онъ подъ ключемъ (чего однако,
 По волѣ неба, сбыться не могло),
 То ужъ узнали бы они, чтѣ значить
 Убить отца; и съ Флинсомъ было-бъ то же....

Ни слова-жь больше! — Слышаль я, что будто
 За кой-какія крупныя слова,
 Да и за то, что преминуль явиться
 На пирь Макбетовъ, Макдуфъ впалъ въ немилость (30). —
 Сэръ, знаете-ль, гдѣ поселился онъ?

ПРИДВОРНЫЙ.

Дункана сынъ, котораго тиранъ
 Лишаетъ должнаго по праву сана,
 Живеть неперъ при Англійскомъ Дворѣ,
 И Эдуардомъ набожнымъ онъ такъ
 Обласканъ былъ и милостиво принять,
 Что даже неприязнь къ нему судьбы
 Благоговѣнія къ его лицу
 Не уменьшила; а Макдуфъ потхаль
 Благочестиваго монарха умолять,
 Чтобы ему въ защиту возбудилъ онъ
 Нортумберланда и на полъ брани
 Отважнаго Сиварда, для того,
 Чтобы, при пособіи сихъ двухъ мужей,
 (И свыше помощь призова на дѣло),
 Могли мы снова пиршествамъ своимъ
 Доставить яства, а ночамъ — сонъ мирный;
 А отъ празднествъ и радостныхъ попойекъ
 Рабовъ до крови алчныхъ удалить;
 Дать въ добровольной вѣрности присягу,
 И почести безъ лести принимать —
 О чемъ теперь мы такъ скорбимъ душой! —
 Король, узнавъ объ этомъ, прогнѣвился,
 И кажется, готовъ напасть войною. —

ЛЕНОКСЪ.

А посылалъ къ Макдуфу?

ПРИДВОРНЫЙ.

Посылалъ,

(30) Это, или новое обстоятельство, или противорѣчить замѣчанію Малова, которое мы привели выше (см. 17).

Но на его рѣшительный отвѣтъ:
 «Не ѣду, сэръ», нахмурившійся вѣстникъ,
 Спиную обратясь ко мнѣ, ворчалъ,
 Какъ словно говоря: «когда-нибудь
 «Вспокается же тотъ, кто навязалъ мнѣ
 «Отвѣтъ столь трудный!» —

ЛЕНОКСЪ.

Это все, конечно,
 Его должно бы сдѣлать осторожнымъ,
 И положить такое разстоянье
 Межь нимъ и Макбетомъ, какое только
 Ему возможно будетъ по разсудку. —
 О, если-бъ кто изъ Ангеловъ святыхъ
 Къ Двору Едварда прилетѣвъ, принесь
 Извѣстье это, прежде чѣмъ онъ будетъ!
 Чтобъ благодатное вновь возвратилось время
 Къ отчизнѣ нашей, страждущей подъ этой
 Проклятою рукой!

ПРИДВОРНЫЙ.

Да понесутся-жъ
 Ему во слѣдъ моленья и мои!

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ IV.

СЦЕНА I.

Темное подземелье, по срединѣ котораго кипитъ котель. Громъ. Входятъ три вѣдьмы.

1 ВѢДЬМА.

Трижды бурый котъ мяукнулъ.

2 ВѢДЬМА.

Ежъ иглистый разъ лишь крикнулъ.

3 ВѢДЬМА.

Гарпій крикъ: «пора! пора!»

1 ВѢДЬМА.

Вкругъ котла столпясь, живѣй
Въ зѣвъ его бросай скорѣй
Жабу, что подѣ камнемъ спитъ,
Мѣсяцъ со днемъ тамъ струитъ
Жгучій ядъ: въ котлѣ она
Прежде всѣхъ будь сварена.

В Е Ъ.

Хлопочи-жь и трудъ удвой,
Огнь гори, котель запой!

2 ВѢДЬМА.

Пусть болотный змѣй, потомъ,
Кипятиться будетъ въ немъ;

Тамъ и ящерицы глазъ
 Кинемъ мы въ него какъ разъ;
 Лапъ лягушечьихъ бросай,
 Шерсть съ летучей мыши дай,
 И языкъ собаки злой,
 Да ехидны зубъ двойной,
 Жало пестрыхъ мѣданицъ,
 Крылья филина, изъ птицъ;
 Ты-жь, котель, тьмой адскихъ чаръ
 Кипяти, вари, вей паръ.

В С Ъ.

Хлопчи-жь и трудъ удвой,
 Огнь гори, котель запой!

3 вѣдьма.

Чешую дракона дай,
 Волчій зубъ за тѣмъ бросай,
 Вѣдьмы мумію; за ней,
 Злой акулы поскорѣй
 Глотку и кишки туда-жь;
 Скрытый въ мракъ мнѣ подашь
 Корень омега потомъ,
 И съ коцунскимъ языкомъ,
 Печень черную жда;
 Овчій выкидышь туда
 (При затмѣніи луны
 Его рѣзать мы должны),
 Турки носъ, а отъ Татаръ
 Будуть губы чорту въ даръ;
 Персть малютки (если онъ
 При рожденѣ задушенъ) —
 Изъ могилы его намъ
 Пусть злодѣй достанетъ самъ....
 Ну, напитокъ нашъ сваренъ:
 Густъ, тягучъ же будетъ онъ!
 Котелокъ же подсластимте —
 Потрохъ тигра покрошимте! —

Входитъ Геката съ тремя другими вѣдьмами.

ГЕКАТА.

Спасибо за трудъ — и моя вамъ хвала,
 Чтобъ каждой изъ васъ здѣсь и прибыльъ была!
 Такъ вокругъ котла весь хоръ запой,
 Сплетая, какъ эльфы, рука съ рукой,
 Да все въ немъ смѣсится волшебной игрой!

П Ъ С Н Я.

Черные духи и бѣлые,
 Краснымъ и сѣрымъ духамъ,
 Вамъ говорю я: мѣшайте:
 Можно-жъ смѣшать это вамъ!

2 ВЪДЬМА.

Что-то пальцы засвербѣли:
 Кто-то къ злой спѣшитъ, знать, цѣли! —
 Кто-бъ то ни былъ — настѣжь двери!

Входитъ МАКБЕТЪ.

МАКБЕТЪ.

Ну, адскихъ тайнъ полуночныя вѣдмы,
 Что вы тутъ дѣлали?

В С Ъ.

Да такъ, кое-что,
 Чему нѣтъ имени.

МАКБЕТЪ.

Я заклинаю васъ

Тѣмъ ремесломъ, въ которомъ упражнялись
 (А въ немъ вѣдь вы, конечно, искусились),
 Отвѣтъ мнѣ дать, хотя бы даже вѣтры
 Всѣ распустивъ, летѣть имъ дали волю
 На бой съ шпильми храмовъ; и хотя бы
 Валу, взбугрясь, суда всѣ потопили;
 И стройные колосья полегли;
 Хотя-бъ деревья всѣ свалило бурей

6*

И пали зѣмки на головы стражей;
 Хотя бы всѣ дворцы и пирамиды
 До основаній главы преклонили;
 Хотя-бъ сокровища сѣмянъ природы
 Всѣ вмѣстѣ сгибли; пусть хотя бы даже
 И разрушенье само захлѣло—
 Отвѣтъ мнѣ дайте вы на то, о чемъ
 Я васъ спрошу.

1 ВѢДЬМА.

Ну, говори.

2 ВѢДЬМА.

Спроси!

3 ВѢДЬМА.

Отвѣтъ получишь.

1 ВѢДЬМА.

Напередъ скажи лишь,
 Изъ нашихъ устъ отвѣтъ желаешь слышать,
 Или отъ наибольшихъ?

МАКБЕТЪ.

Ихъ созовите,

Хочу я видѣть ихъ.

1 ВѢДЬМА.

Въ кровь свинья, что девять съѣла
 Поросятъ, налей живѣй
 Жира съ висельниковъ тѣла,—
 И въ огонь все поскорѣй!

В С Ѣ.

Большіе, меньшіе, слетайтесь живѣе,
 И намъ порадыте въ работѣ дружнѣе!

Гремитъ громъ и появляется голова въ шлемѣ (21).

(21) Здѣсь въ прознаменательномъ видѣніи, намекается на Макбетову голову, которую отсѣчетъ Макдуфъ.

МАКБЕТЪ.

Скажи мнѣ ты, невѣдомая сила...

I ВЪДЬМА.

Ему твои всѣ мысли ясны —
Его лишь слушай: рѣчи же опасны.

ВИДѢНІЕ.

Макбетъ, Макбетъ, ты берегись Макдуфа,
О, берегись Файфскаго ты тана! —
Пусти-жь меня — довольно.

(Опускается въ землю).

МАКБЕТЪ.

Кто-бъ ты ни былъ,
Благодарю за добрый твой намекъ:
Имъ ты во мнѣ, какъ звукомъ струнь, боязнь
Вновь пробудялъ, — хоть слово бы еще...

I ВЪДЬМА.

Не любить онъ, чтобъ имъ повелѣвали,
Но вотъ другой, и перваго сильнѣйшій.

*Громъ и является Видѣніе въ видѣ окровавленнаго
младенца (22).*

ВИДѢНІЕ.

Макбетъ! Макбетъ! Макбетъ!

МАКБЕТЪ.

Будь у меня
Три уха, всѣми бы тебя я слышалъ.

ВИДѢНІЕ.

Будь кровожаденъ, смѣлъ, имѣй рѣшимость,

(22) Здѣсь символически прознаменуется убитый впоследствии малолѣтний сынъ Макдуфа.

И силу мужа презирай съ улыбкой:
 Някто, рожденный женщиной, не может
 Вредить Макбету.

(Опускается въ землю).

МАКБЕТЪ.

Такъ живи-жь Макдуфъ!
 Чего же мнѣ теперь тебя бояться?
 Но все-жь себя вдвойнѣ обезопасить,
 И взять съ судьбы расписку я намѣренъ:
 Ты жить не долженъ, чтобъ имѣлъ я право
 Сказать боязни блѣдносердой: «ты
 Сказала ложь!»—и спать на зло громамъ!—
 А это что?

*(Громъ и видѣніе коронованнаго съ деревомъ въ
 рукѣ дитяти).*

Оно передо мной
 Встаетъ подобьемъ отпрыска царей;
 На дѣтской головѣ его и ободъ
 И *верхъ* властительскаго сана?

В С Ъ.

Слушай,

Но самъ не говори.

ВИДѢНІЕ.

Будь духомъ—левъ
 И гордъ, и вовсе отложи заботу
 О томъ, кто, злобствуя, приходитъ въ ярость,
 Или о тѣхъ, кто въ заговоръ вступаетъ:
 Макбетъ не будетъ побѣжденъ дотолъ,
 Пока большой Бирнамскій лѣсъ, приблизясь
 Къ высокому пригорку Дунсинана,
 Не выстушитъ къ нему, идя навстрѣчу....

(Опускается въ землю).

МАКБЕТЪ.

А этому во вѣки не бывать!
 И кто же можетъ лѣсъ завербовать,
 Велѣть деревьямъ, чтобъ они исторгли
 Изъ нѣдръ земли съ ней сросшіеся корни!...
 Прекрасное предвѣстье! хорошо-жъ!
 Мятежная глава, не возставай же,
 Пока Бирнамскій не возстанетъ лѣсъ!
 И нашъ Макбетъ высоко-вознесенный
 Природы лишь вассаломъ будетъ жить—
 И времени да смертности уплатить
 Свой жизни долгъ.—Теперь лишь отъ желанья
 Узнать одно, мое забилось сердце:
 Скажите мнѣ (когда сказать на столько
 Достанетъ вашихъ чаръ), потомки Банко
 Здѣсь будетъ ли когда владѣть короной?

В С Ъ.

Знать больше не желай!

МАКБЕТЪ.

Нѣтъ, я хочу,
 Чтобъ мнѣ сказали: получи-жъ отказъ я—
 И вѣчное на васъ падетъ проклятье!
 Скажите.... Что-жъ котель сталъ опускаться,
 И что это въ немъ словно что звучитъ?

1 ВЪДЬМА.

Явитесь!

2 ВЪДЬМА.

Явитесь!

3 ВЪДЬМА.

Явитесь!

В С Ъ.

Явитесь очамъ его, сердце смутите....
 Слетѣвшия тѣнями, какъ тѣнь улетите!

Появляются восемь Королей, и проходят по порядку: послѣдній съ зеркаломъ въ рукѣ, за ними слѣдуетъ Банко.

МАКБЕТЪ.

Ты съ тѣнью Банко очень схожъ—исчезни!
 Твоя корона мнѣ бѣлки мозолять;—
 А волосы другаго, его брови
 Золото-русые—такъ сходны съ первымъ,
 И третій также на него похожъ....
 Ахъ, грязныя карги! Зачѣмъ вамъ было
 Показывать мнѣ это?—И четвертый?
 О! отклонитесь взоры! Иль сей рядъ
 Протянется до преставленья свѣта?
 Какъ, и еще? Вотъ и седьмой,—но больше
 Я не смотрю.... Но вотъ восьмой явился:
 Несетъ онъ зеркало, въ которомъ мнѣ
 И многіе другіе показались:
 Изъ нихъ иные, какъ я замѣчаю,
 Несутъ въ рукахъ державы ужъ двойныя,
 А скипетры тройные ⁽²³⁾—грозный видъ! —
 Да, и притомъ, что вижу я, все правда,
 За тѣмъ, что кровью запятнанный Банко,
 На нихъ, какъ на своихъ, мнѣ улыбаясь,
 Указываетъ.... Что же, не ужели
 Все это такъ?'

I ВѢДЬМА.

Да, соръ, все это такъ!
 Но что-жъ Макбетъ-то нашъ отъ изумленья
 Стоитъ какъ вкопанный! Такъ нуте-жъ, сестры,
 Чтобъ гость нашъ просвятлялъ душой,
 Его потѣшимъ чаръ игрой:
 Предъ нимъ я воздуха струю
 Гармоньей звуковъ оживлю;

(23) Этимиъ поэтъ намекаетъ на короля Іакова I, который первый соединилъ подъ своею державою два острова и три королевства; и на то, что родоначальникомъ его дома былъ Банко.

Вы подѣ напѣвомъ неземнымъ,
 Носитесь въ пляскахъ передъ нимъ;
 Пусть скажетъ царь великій нашъ,
 Что постигъ онъ вѣдьмъ шабашъ
 Не даромъ, но что намъ онъ
 По долгу сердца угощенъ.

(Слышна музыка; Вѣдьмы пляшутъ и исчезаютъ).

МАКБЕТЪ.

Куда жъ онъ дѣвались? Исчезли?
 О, пусть же этотъ часъ злоредный будетъ
 Въ календарѣ отмѣченъ, какъ проклятый! —
 Эй, вы, кто тамъ, войдите!

(Входитъ Леноксъ).

ЛЕНОКСЪ.

Что угодно

Вамъ, Государь?

МАКБЕТЪ.

Сестеръ — вѣщуней видѣлъ?

ЛЕНОКСЪ.

Нѣтъ, Государь, я не видалъ.

МАКБЕТЪ.

Не мимо-ль

Тебя онѣ прошли!

ЛЕНОКСЪ.

Нѣтъ, Государь, клянуса!

МАКБЕТЪ.

Будь воздухъ ядъ — служащій имъ конемъ!
 И проклять тотъ, кто вѣрять имъ во всемъ! —
 Послышался мнѣ лошадиный топотъ:
 Кто проскажалъ?

ЛЕНОКСЪ.

Ихъ двое, или трое:
То, Государь, принесше отвѣтъ Вамъ,
Что Макдуфъ въ Англію бѣжалъ !

МАКБЕТЪ.

Ужели ?

Онъ въ Англію бѣжалъ ?

ЛЕНОКСЪ.

Да, Государь.

МАКБЕТЪ.

Мой страшный подвигъ время уредило:
Намъ быстрой цѣли не настичь иначе,
Какъ развѣ дѣло полетить съ ней вмѣстѣ.
Такъ съ этого-жъ мгновенія, пусть будутъ
Всѣкъ первенцами сердца моего
Лишь первенцы моей руки: впередъ
Вънчать я стану замыслы дѣлами,
И что замыслилъ — тотъ-часъ исполнять!
Такъ нападѣ же на Макдуфовъ замокъ —
Взявъ Файфъ, предамъ на острѣе меча
Его жену, дѣтей, и всѣхъ злосчастныхъ.
Кто только можетъ родъ его продлить, —
Но впередъ не стану, какъ глупецъ, хвалиться,
А дѣло сдѣлаю, пока не охладится
Предположенъя этого порывъ, —
Лишь прочь видѣнья! — Кто это такія! —
Но кто бы ни были, меня веди къ нимъ. —

СЦЕНА П.

Файфъ. Комната въ Макдуфовомъ замкѣ.

Входятъ лэди Макдуфъ, сынъ ея и Россъ.

ЛЭДИ МАКДУФЪ.

Что сдѣлалъ онъ, что-бы могло заставить
Его бѣжать изъ родины?

РОССЪ.

Терпѣнье,
Сударыня, терпѣнье!

ЛЭДИ МАКДУФЪ.

У него-то
Нѣтъ никакого! Бѣгство же его—
Безумство: если не на самомъ дѣлѣ,
То по боязни, мы уже преступны!

РОССЪ.

О, Вы не знаете: то было-ль по разсудку,
Иль по боязни сдѣлано!

ЛЭДИ МАКДУФЪ

Хорошъ же
Разсудокъ! бросить и жену свою,
Покинуть и дѣтей, и домъ и постъ свой,
И гдѣ же? Тамъ, откуда самъ бѣжалъ!
Онъ насъ не любитъ, чувствъ природныхъ нѣтъ въ немъ:
Самоналѣйшая изъ птичекъ, королѣкъ—
И та своихъ малютокъ на гнѣздѣ
Отъ филина готова защищать....
А въ немъ все страхъ, любви же нѣтъ ни мало....
Какъ та ничтожна мудрость, гдѣ побѣгъ
Стремится противъ нашего разсудка!

РОССЪ.

Любезная сестра, тебя прошу я,
 Себя учи: а мужъ твой, вѣрь мнѣ,
 Такъ благороденъ, мудръ и такъ уменъ,
 Что лучше знаетъ и пору и время,—
 Но больше я не смѣю говорить;—
 О, злыя времена, когда и мы
 Измѣнники, того не зная сами,
 И вѣримъ слухамъ, и боимся ихъ,
 Не зная сами лишь: чего боимся,
 И носимся на бурномъ грозномъ морѣ,
 Колеблемы на влажномъ семъ пути....
 Теперь съ тобой прощусь, но не надолго,
 И скоро я опять сюда вернуся....
 Вѣдь все, дошедъ до низшей зла ступени,
 Минуется, иль снова наконецъ
 Пойдетъ вновь вверхъ, къ тому, чѣмъ прежде было!—
 Ну такъ Господь съ тобой, дружокъ-сестрица!

ЛЭДИ МАКДУФЪ.

Вотъ у него и есть, кажись, отецъ,
 А нѣтъ отца!

РОССЪ.

О что-же за глупецъ я!
 Останься я здѣсь дольше—я въ опалѣ,
 И Вамъ не хорошо,—ну такъ прощайте-жъ.—

(Уходитъ).

ЛЭДИ МАКДУФЪ.

Малютка, вѣдь отецъ твой умеръ!
 Что-жъ будешь дѣлать ты? чѣмъ будешь жить-то?

СЫНЪ.

Какъ птичка, маменька.

ЛЭДИ МАКДУФЪ.

Какъ? червячками

Да мушками?

СЫНЪ.

Я думаю, что тѣмъ,
Что гдѣ достану, такъ какъ и онѣ.

ЛЭДИ МАКДУФЪ.

О птичка бѣдная! Такъ и не будешь
Бояться ты ни сѣти, ни силковъ,
Ни западней?

СЫНЪ.

Что-жъ, маменька, ихъ мнѣ
Бояться? Ихъ для бѣдненькихъ-то птичекъ
Вѣдь и не ставятъ!... Что ни говори ты,
А папенька не умеръ.

ЛЭДИ МАКДУФЪ.

Нѣтъ, онъ умеръ.—
Ну, гдѣ-жъ ты папеньку достанешь?

СЫНЪ.

Гдѣ мнѣ!—

А гдѣ же ты себѣ достанешь мужа?

ЛЭДИ МАКДУФЪ.

Гдѣ? А развѣ я не куплю ихъ на рынкѣ хоть двадцать?

СЫНЪ.

Такъ покупать ихъ будешь для того,
Чтобъ продавать?

ЛЭДИ МАКДУФЪ.

Хоть это ты сказалъ,
Какъ разумѣль, но, право, для тебя,
Не глупо очень!

СЫНЪ.

Что, маменька, мой папенька измѣнникъ?

ЛЭДИ МАКДУФЪ.

Да, сталь измѣнникомъ.

С Ы Н Ъ.

А кто-жь измѣнникъ?

ЛЭДИ МАКДУФЪ.

Да тотъ, кто клятву далъ, да и солгалъ.

С Ы Н Ъ.

Такъ всё, которые такъ поступаютъ,
Измѣнники?

ЛЭДИ МАКДУФЪ.

Да, каждый, кто бы такъ ни поступилъ, измѣнникъ, и его должно повѣсить.

С Ы Н Ъ.

Стало должно вѣшать
Всѣхъ тѣхъ, которые, давая клятву,
Солгали?

ЛЭДИ МАКДУФЪ.

Вѣшать всѣхъ!

С Ы Н Ъ.

А кто же долженъ

Ихъ вѣшать!

ЛЭДИ МАКДУФЪ.

Какъ кто? Люди честные.

С Ы Н Ъ.

Ну такъ и тѣ, которые лгутъ, и тѣ, которые даютъ клятву, глупцы, потому что такъ много лжецовъ и тѣхъ, которые даютъ клятву, что они могли бь перебить, да и перевѣшать людей честныхъ.

ЛЭДИ МАКДУФЪ.

Ахъ, обезьянка бѣдная моя,
Да сохранить тебя Господь!—Ну гдѣ же
Отца-то ты добудешь!

С Ы Н Ъ.

Если бы онъ умеръ, то ты бы объ немъ плакала; а если ты не плачешь, то это добрый знакъ, что у меня будетъ скоро новый папенька.

ЛЭДИ МАКДУФЪ.

О бѣдненькѣй болтунъ, какъ онъ лепечеть!

Входитъ Вѣстникъ.

ВѢСТНИКЪ.

Богъ въ помощь Вамъ, достойнѣйшая лэди,
Я неизвѣстенъ Вамъ, хотя вполне
Съ высокимъ саномъ Вашимъ я знакомъ.
Я думаю, что къ Вамъ близка опасность;
И еслибъ Вы принять совѣтъ хотѣли
Простаго человѣка, я сказалъ бы:
«Не будьте здѣсь, куда ни есть, бѣгите,
И съ Вашими малютками». Дикарь я,
Что этимъ, кажется, Васъ напугалъ,—
А сдѣлать хуже—дикая жестокость—
Которая и такъ ужъ къ Вамъ близка....
И такъ, да сохранить Васъ само небо!
Но долѣе я не могу здѣсь медлить.

(Вѣстникъ уходитъ)

ЛЭДИ МАКДУФЪ.

Куда-жъ бѣжать мнѣ? Никому я зла
Не сдѣлала.... Но вспомнила теперь лишь,
Что въ мѣрѣ я земномъ, гдѣ дѣлать зло
Не рѣдко только-что хвалы не стоить.

Добро же дѣлать, иногда, напротивъ,
 Считается безуміемъ опаснымъ!
 И что же, наконецъ, увы! должна-ль я,
 Прибѣгнувши къ защитѣ часто женской,
 Сказать: «Не сдѣлала я никакого зла!» —
 Но что это за люди?

(Входятъ убійцы).

УБИЙЦА.

Гдѣ супругъ Вашъ?

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Надѣюсь я, въ такомъ священномъ мѣстѣ,
 Гдѣ на тебя похожіе, его
 Найги не могутъ.

УБИЙЦЫ.

Но вѣдь онъ измѣнникъ.

СЫНЪ.

Ты лжешь, косматоухой негодяй!

УБИЙЦЫ.

А! высидышь! (Закалываетъ его) измѣнниче отродье!

СЫНЪ.

Убилъ меня онъ, маменька!... Прошу Васъ,
 Спасайтесь!

(Умираетъ).

(Лэди Макбетъ бѣжитъ съ крикомъ: «рѣжутъ», преслѣдуемая убійцами).

СЦЕНА Ш.

Англія. Комната въ королевскомъ дворцѣ.

Входитъ Малькольмъ и Макдуфъ.

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Поищемъ же мы гдѣ-нибудь съ тобой
Уединеннаго пріюта, гдѣ бы
Могли сердца мы выплакать свои.

МАКДУФЪ.

Скорѣй схватить бы намъ мечъ смертоносный;
И какъ прилично всѣмъ благорожденнымъ,
Переступить чрезъ падшій край родной,
За тѣмъ, что съ каждымъ новымъ утромъ,
Все новыхъ вдовъ стenanья раздаются,
Все новые лишь плачутъ сироты,
Все скорби новыя въ лицо бьютъ небо,
Такъ что оно имъ откликаеся звукомъ,
Шотландіи какъ будто бы состраждеть,
И эхомъ слоги скорби повторяеть.

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Чему я вѣрю—жалуюсь на то,
И что я знаю, то тому и вѣрю;
И что могу возстановить—возставляю,
Когда лишь время залучу къ пріязни;
Какъ ты сказалъ, быть можетъ, такъ и будетъ.
Тиранъ, отъ имени котораго у насъ
Языкъ опрыщивѣлъ, слылъ прежде честнымъ,
Его любить ты—онъ тебя не трогалъ.
Я молодъ, но черезъ меня ему
Ты подслужиться можешь: и разумно-жъ
Невиннаго, безпомощнаго агнца
Привестъ на жертву примиренья богу,
Который раздраженъ....

МАКДУФЪ.

Я не предатель.

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Но Макбетъ-то предатель: а характеръ
И доблестный, и добрый можетъ очень
И уступить для пользы царской власти....
Но я прошу прощенья у тебя:
То, чѣмъ ты сталъ, я въ мысляхъ перестанить
Никакъ не въ силахъ: Ангелы хотъ свѣтлы,
Но самые же свѣтлые изъ нихъ
И пали; но хотя все, что растлѣнно,
И носить образъ красоты, однако
И красота имѣеть тотъ же образъ. —

МАКДУФЪ.

Лишился я моихъ надеждъ !

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Быть можетъ,

Тамъ именно, гдѣ я обрѣлъ сомнѣнья.
За чѣмъ внезапно ты жену покинулъ,
И сына (эти два условья связи
И крѣпкіе узлы любви), имъ не сказавъ:
«Прощайте.» О, прошу, да не вмѣнишь ты
Мою ревнивость для себя въ безчестье,
А въ безопасность собственно мою. —
Но что-бъ ни думалъ я, ты правъ, быть можетъ! —

МАКДУФЪ.

Такъ обливайся, обливайся-жь кровью,
Несчастный край ! великое тиранство,
Поставь себя надежный ты фундаментъ,
За тѣмъ, что благость скрыть тебя не смѣть;
Носи свою неправедную власть,
По утвержденному за нею праву! —
Прощайте-жь, сэръ, я не хочу прослыть
Такимъ, какъ Вы сочли меня, мерзавцемъ,

Хотя-бъ въ добычу дали мнѣ всю землю,
Которая въ рукахъ Макбета, или
Востокъ богатый!

МАЛЬКОЛЬМЪ.

О, не оскорбляйтесь:

это говорилъ не потому,
Чтобы вполне я опасался Васъ:
Я думаю, что край нашъ каждый день
Всѣ свѣжія лишь язвы
Къ своимъ стариннымъ язвамъ прибавляетъ;
Я думаю, что поднялись бы руки
Для защищенья права моего:
Здѣсь Англія привѣтно предлагаетъ
Мнѣ храбрыхъ тысячи на вспоможенье:
Но и со всѣмъ тѣмъ, если-бъ наступилъ я
Макбету на голову, или несъ ее
Я на мечѣ моемъ, — все бѣдный край мой
Невзгодій больше бы имѣлъ, чѣмъ прежде,
Страдалъ бы больше и совсѣмъ иными
Путиами шель, чѣмъ прежде — чрезъ того,
Ктѣ одолѣлъ бы.

МАКДУФЪ.

Кто-жъ бы это былъ?

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Я самъ: ко мнѣ, я знаю, такъ привиты
Всѣ отрасли пороковъ, что когда бы
Раскрылъ я ихъ, то гнусный самъ Макбетъ
Казался бы столь чистъ и бѣлъ, какъ снѣгъ;
И эта бѣдная страна, его сравнивъ
Съ тѣмъ, что во мнѣ есть безпредѣльно злаго,
Его сочла бы агнцемъ.

МАКДУФЪ.

Страшный адъ,
Средь легионовъ аггеловъ, не можетъ
Представить духа болѣ проклятаго
Въ дѣляняхъ злыхъ, который превзошелъ бы
Макбета!

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Я готовъ его признать
 За кровожаднаго и сластолюбца,
 Скушца, обманщика и хитреца,
 И злаго; лакомку на всякій грѣхъ,
 Какой по имени назвать лишь можно:
 За то моя ужь сладострастность — бездна!
 Мои желанья пересилать всѣ
 Воздержныя препятствія, которымъ
 Пришло-бъ на мысль моей перечить волѣ; —
 Такъ лучше властвуй Макбетъ, чѣмъ такой,
 Какъ я!

МАКДУФЪ.

Конечно, эта чуждая границъ
 Ненасытимость организма, то же
 И оно не рѣдко было
 Причиною безвременныхъ паденій
 Счастливыхъ царствъ и многихъ государей:
 Но не страшитесь на себя вы брать
 Свои пороки — вамъ возможно будетъ
 Желаньямъ вашимъ полный дать разгулъ,
 И по наружности лишь быть холоднымъ.

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Но съ этимъ вмѣстѣ возрасло въ моихъ
 Наклонностяхъ, настроенныхъ на зло,
 Столь ненасытное любостяжанье,
 Что будь Король я —
 пожелалъ бы
 То драгоценныхъ камней одного,
 То домъ другаго; и чѣмъ больше-бъ было,
 Тѣмъ больше, какъ какой приправой,
 Все раздражалась бы моя лишь жадность;
 Несправедливыя я заводилъ бы ссоры
 И съ честными людьми и даже съ тѣми,

Кто преданъ мнѣ, за тѣмъ чтобъ изъ богатства
Ихъ погубить!

МАКДУФЪ.

Ну, эта жадность глубже
Видряется, и разростаясь, въ землѣ
Пускаетъ больше гибельныхъ корней,
Чѣмъ однолѣтокъ-сыма — сладострастье:
Но этого Вамъ нечего бояться:
Въ Шотландіи на всё есть урожай:
Имъ ваши всё исполнятся желанья
Изъ вашего лишь личнаго стяжанья;
И съ прочими достоинствами взвѣсивъ,
Еще довольно сносными найдемъ ихъ.

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Но у меня нѣтъ вовсе никакихъ!
Къ такимъ достоинствамъ, которыя приличны
Монарху, какъ то: правосудье, правда,
Умѣренность, неколебимость, благость,
Настойчивость, смиренье, милосердые,
Религіозность, мужество, терпѣнье
И сила духа—у меня нѣтъ вкуса:
За то ужъ каждый изъ моихъ пороковъ
Подраздѣленьями богатъ, и я
Разнообразенъ въ дѣйствіяхъ своихъ. —
О, нѣтъ! имѣй я власть—я превратилъ бы
И сладкое млеко согласья въ ядъ,
И возмутивъ всеобщій миръ, сгубилъ бы
Единомыслие на всей землѣ!

МАКДУФЪ.

О бѣдная Шотландія моя!

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Скажи-жь, ну можно-ль управлять такому?
А я таковъ, какимъ себя представилъ!

МАКДУФЪ.

Не управлять: онь даже жить не долженъ!
 О нація несчастная, съ своимъ,
 Кровавымъ скинтромъ,
 Когда-жь ты вновь златые дни увидишь?
 Ужь не тогда-ль, какъ твоего престола
 Законнѣйшая отрасль самъ себѣ
 Путь заградилъ и проклятымъ явился,
 Позоръ самъ свое происхожденье?—
 Твой царственный отецъ—святой Король былъ;
 А Королева, что тебя носила,
 Была гораздо чаще на кодьнахъ,
 Чѣмъ на ногахъ, въ теченьи цѣлой жизни,
 И не жила, скорѣй все умирала!—
 Прощайте же! Все то, что повторили
 Вы злое о себѣ, меня изгнало
 Изъ родины.—О сердце, здѣсь конецъ
 Твоихъ надеждъ!

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Макдуфъ, твой благородный пылъ,
 Сынъ доблести, вполне съ души моей
 Смелъ черныя мои предубѣжденья,
 И съ вѣрностью и честію твоей
 Мои всѣ мысли снова примирилъ!—
 Меня старался также демонъ-Макбетъ,
 Таковыми же почти завлечь сѣтями
 Во власть свою: но скромный мой разумъ
 Довѣрчивой поспѣшности меня
 Избавилъ.... но пусть самъ Всевышній будетъ
 Посредникомъ межъ мною и тобой!—
 И съ этихъ поръ—будь мнѣ руководитель:
 Тебѣ вполне себя я поручаю,
 И отвергаю личный мой позоръ,
 И откланяюсь я отъ всѣхъ пороковъ
 И склонностей позорныхъ и постыдныхъ,
 Которые самъ на себя я взвелъ—

Они всё чужды для души моей:
 Ещё досель я женщины не зналъ;
 И никогда не нарушалъ я клятвы;
 Едва-ль до своего когда былъ жадень;
 И что бы ни было, назадъ не бралъ я слова;
 Не выдамъ сатанъ его собрата;
 И столько правдой радуюсь, какъ жизнью, —
 И если, прежде, ложь я утверждалъ,
 То о самомъ себѣ; а то, что я
 На самомъ дѣлѣ, состоить къ услугамъ
 Твоей, какъ и моей страны несчастной. —
 Но прежде, чѣмъ сюда явился ты,
 Старикъ нашъ Сивардъ уже десять тысячъ
 Воелюбивыхъ ратниковъ отпавилъ,
 Вполнѣ вооруженныхъ: съ ними вмѣстѣ
 И мы съ тобою выступимъ теперь. —
 И будь попытка доброй намъ удачи
 Сходна съ правдивою размовкой нашей! —
 Но что-жь молчишь ты?

МАКДУФЪ.

Столько тутъ всего,
 И добраго, и вмѣстѣ съ тѣмъ худаго,
 Что межъ собой ихъ трудно примирить мнѣ.
 (*Входитъ Докторъ*).

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Ну хорошо, поговоримъ мы послѣ.
 (*Обращаясь къ медику*).

Прошу скажите: выйдетъ ли король?

ДОКТОРЪ.

О, какъ же, сэръ, здѣсь множество несчастныхъ,
 Которые ждуть отъ него цѣленья:
 Попыткамъ же великаго искусства
 Противится болѣзнь ихъ, — но едва
 Онъ прикоснется къ нимъ (его рукамъ
 Дана уже такая благодать) —
 Она ихъ покидаетъ.

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Очень Вамъ

Я благодарень, докторъ.

(Докторъ уходитъ).

МАКДУФЪ.

Но какую-жъ

Онъ разумѣлъ болѣзнь?

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Ее зовутъ

Лишь *немочью*; тѣ подлинно чудесный
 Даръ въ этомъ добромъ королѣ: его,
 Съ тѣхъ поръ какъ здѣсь я въ Ангаин живу,
 Видалъ я самъ, употреблялъ онъ часто.—
 Но какъ онъ это вымолилъ у неба—
 Ему лишь одному извѣстно,— только
 Какъ на народъ, недугомъ этимъ страннымъ
 Карасмый (а человекъ тогда
 Покрѣтъ бываетъ опухолью, гноемъ),
 Едва посмотришь, то и жалко станеть,
 (А лѣкарямъ бѣда съ нимъ да и только!)—
 Онъ золотыя на спину привѣсивъ
 Чеканныя пластинки ⁽²⁴⁾ имъ съ молитвой,
 Вылѣчиваегъ ихъ; и говорятъ,
 Что благодать цѣленія такого,
 Передаетъ онъ и своимъ потомкамъ.—
 Но вмѣстѣ съ этимъ чуднымъ даромъ, онъ
 Неб. сный даръ пророчества имѣеть;—
 И многія, подобныя сему,

(24) То была монета, называемая *Ангель*, и самая болѣзнь, именуемая *Королевскою немочью* (King's evil)— *зобъ* (écrouelles, goitre), которые и французскіе короли излѣчали прикосновеніемъ правой руки съ крестообразно-сложенными пальцами—говоря: «le Roi te touche, Dieu te guérisse.» (См. Кернровъ Магиковъ, ч. II. Тетр. 4).

Благословенья неба опочнють
 Надъ трономъ этимъ, и за то о немъ
 Гласять, что онъ исполненъ благодати!

(Входитъ Россъ).

МАКДУФЪ.

Взгляните: кто идетъ сюда ?

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Землякъ мой;

Но кто — еще не знаю.

МАКДУФЪ.

Милый братъ.

Добро пожаловать!

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Теперь узналъ я —

О, милосердый Боже, дай, чтобъ время,
 Какъ чужеземцами всѣ стали мы,
 Скорѣй прошло!

РОССЪ.

Воистинну такъ, сэръ !

МАКДУФЪ.

Ну, всё-ль въ Шотландіи, какъ прежде было ?

РОССЪ.

Ахъ бѣдная страна! Она почти
 Сама себя боится узнавать:
 Ее нельзя и матерью назвать,
 Скорѣй могилой нашей: тамъ лишь тотъ,
 Кто ничего, и вовсе ничего,
 Не знаетъ — будто какъ знакомъ съ улыбкой;
 Тамъ вздохи, плачь и стоны, разсѣкая
 Одинъ лишь воздухъ, только-что и слышны —

Но ихъ никто уже не замѣчаетъ;
 Тамъ тяжкія страданія такъ сильны,
 Что видъ имѣютъ *новыхъ провозврънній* ⁽²⁵⁾;
 Тамъ по умершемъ благовѣсть услышавъ,
 Едва-ль кто спроситъ: «благовѣсть по комъ?»
 Тамъ люди добрые живутъ и умираютъ
 Скорѣ чѣмъ на шляпахъ ихъ цвѣты,—
 И умираютъ, прежде чѣмъ хворати!

МАКДУФЪ.

О, что-за вѣсти! хотъ онъ и странны,
 Но ужъ, конечно, очень справедливы!

МАЛЬКОЛЬМЪ.

А нѣтъ ли новаго несчастья?

РОССЪ.

Какъ же,
 Разсказчика о томъ, что совершилось
 Въ часъ времени, освищутъ: тамъ чревата
 Минутой новой каждая минута!

МАКДУФЪ.

Ну, что жена?

РОССЪ.

Да ничего, здорова.

МАКДУФЪ.

И дѣти всѣ?

РОССЪ.

Здоровы.

(25) Здѣсь подъ словомъ *extasy* (*экстазь, восторгъ*), авторъ разуметь провозвръннія, т. е., что тогда каждый Шотландецъ, почти на вѣрное *предрекаетъ* смерть свою.

МАКДУФЪ.

И Макбетъ

Еще не разгромилъ ихъ мирной жизни?

РОССЪ.

Цѣтъ, всѣ они еще спокойны были,
Какъ ихъ покинуть,

МАКДУФЪ.

Ну, да на слова

Не будь же скупъ: скажи же: какъ все тамъ?

РОССЪ.

Когда сюда я поспѣшалъ съ вѣстями,
Которыя вести мнѣ было тяжело,
Носился слухъ, что многіе изъ честныхъ
И добрыхъ гражданъ выбыли оттуда, —
Что достовѣрнѣй мнѣ тогда казалось
За тѣмъ, что зналъ я, что Макбета войска
Готовы къ бою. — Помощи пора
Теперь приспѣла: бросьте взглядъ одинъ
Въ Шотландію — и создано ужъ войско,
И вы заставите сражаться женщинъ,
Чтобъ отклонить столь тяжкія бѣды.

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Пусть ихъ утѣшатся, туда идемъ мы:
Привѣтной Англіей съ Сивардомъ добрымъ
Намъ десять тысячъ воиновъ дано;
А полководца опытнѣй и лучше
У христіанъ еще и не бывало!

РОССЪ.

О, если-бъ я на это утѣшенье
Могъ тѣмъ же отвѣчать! Но у меня
Въ запасъ есть извѣстія такіа,
Что ихъ провѣль бы въ воздухъ пустынномъ,
Чтобъ слуха вратъ отъ нихъ не заперать!

МАКДУФЪ.

Кого-жь они касаются? До всѣхъ ли?
Иль то скорбь частная кого изъ насъ,
И близкая одной чьей-либо груди?

РОССЪ.

Конечно, всякій честный человекъ
Раздѣлитъ эту скорбь: но больше всѣхъ —
До Васъ она касается ..

МАКДУФЪ.

Коль скоро
Она моя, ее не отнимайте
Вы у меня, но дайте же скорбе!

РОССЪ.

Пусть мой языкъ не будетъ пораженъ
Презрѣнемъ слуха Вашего, который
Вмѣститъ въ себя прискорбнѣйшіе звуки,
Какимъ когда-либо онъ былъ причастенъ!

МАКДУФЪ.

Догадываюсь я!

РОССЪ.

Вашъ замокъ взять,
Жена и дѣти варварски убиты;
Разсказывать: какъ это было — значить
Вступать въ натраву лани умерщвленной —
Вамъ смерти прибавлять.

МАЛЬКОЛЬМЪ.

О Боже мой! —

За чѣмъ на брови ты надвинулъ шляпу?
Дай скорби словъ! Когда въ словахъ не выльешь
Страданій, то они нашепчутъ столько,
Подъ грузомъ бѣды сгнѣтаемому сердцу,
Что разорвутъ его.

МАКДУФЪ.

И дѣти также?...

РОССЪ.

И дѣти, и жена, и слуги, — словомъ,
Всѣ, кто тутъ были.

МАКДУФЪ.

И я не былъ тамъ! —

Такъ и жена убита?

РОССЪ.

Я сказалъ. —

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Но ободрись! Пусть лучше намъ въ цѣленье
Мы обратимъ ужасное отмщенье:
Оно излѣчать сей ударъ смертельный.

МАКДУФЪ.

Нѣтъ у него дѣтей! — Такъ всѣхъ милашекъ!
Всѣхъ, вѣдь сказалъ ты? — Ахъ онъ адскій коршунъ!
Такъ всѣхъ? Какъ! всѣхъ-таки монхъ цыплятъ,
И съ ними матку, вдругъ однимъ налетомъ?

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Борись же съ скорбью, какъ прилично мужу.

МАКДУФЪ.

Такъ я и сдѣлаю: за то и долженъ
Я это чувствовать, какъ человѣкъ; нельзя же
Не вспомнить мнѣ о томъ, что для меня
Всего дороже было... Что-жъ, и Небо,
Все видя это, имъ не поборало?
О многогрѣшный Макдуфъ, за тебя вѣдь
Они убиты! Какъ я ни ничтоженъ,
Лишь за мои, не ихъ же прегрѣшенья,
На души ихъ ниспало умерщвленье! —
Господь ихъ упокой!

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Такъ будь же это
 Для твоего меча точильнымъ камнемъ:
 Пусть грусть твоя преобразится въ гнѣвъ!
 Не разслабляй же сердца, но скорѣе
 Ожесточай.

МАКДУФЪ.

О! я бы могъ глазами
 Сыграть роль женщины, и хвастуна — словами....
 Но, милосердый Боже, уничтожь
 Пространство всякое межъ нимъ и мною,
 И приведи Шотландіи брага
 Лицомъ къ лицу со мной; поставь его
 Передо мною на длину меча,—
 И если онъ избѣгнетъ отъ меня—
 То да простить ему и само Небо!

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Вотъ въ этой рѣчи отозвался мужъ!—
 Идемъ же къ королю, — войска готовы,
 И намъ осталось только съ нимъ проститься.—
 Макбетъ созрѣлъ уже для низверженья,
 И Силы вышнія орудія готовятъ.—
 Ты, другъ, себя какъ можешь, ободри:
 О! дологъ ночи путь, не ждущей днѣ зари!
 (Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ V.

СЦЕНА I.

Дувсинавъ. Комната въ замкъ.

Входитъ Докторъ и Каммерфрау.

ДОКТОРЪ.

Я двѣ ночи дежурилъ съ Вами, но не могъ замѣтить правды въ томъ, что Вы сказали. — Съ котораго же времени она стала ходить?

КАММЕРФРАУ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Его Величество выступилъ въ походъ. Я сама видала, какъ она вставала съ постели, надѣвала на себя спальное платье, отпирала свой письменный столъ, брала бумагу, складывала ее, писала на ней, читала, послѣ чего, запечатывала, и снова ложилась въ постель; но все это она дѣлала въ самомъ глубокомъ снѣ.

ДОКТОРЪ.

Большое разстройство въ организмъ! Въ одно и то же время пользоваться благодѣтельнымъ сномъ, и всё дѣлать какъ бы на яву! — Но въ этой сонной раздражительности, кромѣ ея ходьбы и другихъ дѣлъ, приличныхъ бодрственному состоянію, не слышали ли Вы иногда, чтобы она что-нибудь говорила?

КАММЕРФРАУ.

Какъ же, сэръ: но я Вамъ не повторю ея словъ.

ДОКТОРЪ.

Ну, мвѣ-то можете, и даже очень необходимо, чтобы сказалъ.

КАММЕРФРАУ.

Ни Вамъ, и никому на свѣтъ, потому что нѣтъ свидѣтеля, который бы подтверждалъ слова мои.

(Входитъ Лэди Макбетъ со свѣчой).

Смотрите, вотъ идетъ она! Такъ она и всегда дѣлаетъ, и клянусь жизнью, будучи погружена въ глубокой сонъ. Наблюдайте же за нею. Стойте же тише.

ДОКТОРЪ.

Да откуда-же она взяла свѣчу?

КАММЕРФРАУ.

Она подлѣ нея и стояла: у нея всегда огонь, — такъ она всегда приказываетъ.

ДОКТОРЪ.

Взгляните-ка, глаза-то у нея открыты.

КАММЕРФРАУ.

Да, но само-сознаніе-то закрыто.

ДОКТОРЪ.

Что это она дѣлаетъ? Посмотрите, какъ она третъ руки.

КАММЕРФРАУ.

Это ея обычное дѣйствіе: ей все кажется, что будто она ихъ моетъ; я видала, что она это дѣлала по четверти часа.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Но вотъ, здѣсь пятно!

ДОКТОРЪ.

Тсъ! она говоритъ, я буду вслушиваться: что-то она скажетъ, и постараюсь, какъ можно тверже удержать всё въ памяти.

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Да смойся же ты, проклятое пятно! Смойся, говорю я. — Одно, два.... Да ужь пора приниматься за дѣло.... Адъ-то мраченъ! — Фи! сэръ, фи! и еще воинъ, а боишься!—Ну чего намъ бояться, чтобы кто не узналъ объ этомъ, когда никто на свѣтъ не можетъ вынудить у насъ признанія?—Но кто бы подумалъ, чтобы у старика-то было столько крови?

ДОКТОРЪ.

Слышите ли?

Л. МАКБЕТЪ.

Вѣдь у тана Файфскаго есть жена: гдѣ-то она теперь?... Что, или ужь этихъ рукъ никогда не отмоешь?... О, ни слова же объ этомъ, сэръ, ни слова же болѣе! Ты всё портишь этими содроганіями!

ДОКТОРЪ.

Ну вотъ, Вы узнали то, чего-бы не должны были знать!

КАММЕРФРАУ.

Я увѣрена, что она высказала то, чего бы не должна была высказывать: Господу одному извѣстно: что она такое узнала!

Л. МАКБЕТЪ.

Всѣ здѣсь только запахъ крови: всѣ благовоія Аравіи не сообщать пріятнаго запаха этой маленькой ручкѣ! охъ! охъ! охъ!

ДОКТОРЪ.

Что-за вздохъ! У нея, вѣрно, очень тяжело на сердцѣ.

КАММЕРФРАУ.

Я не хотѣла бы носить въ груди такого сердца—ни за какія совершенства всего тѣла!

ДОКТОРЪ.

Хорошо, хорошо, хорошо....

КАММЕРФРАУ.

Дай Богъ, сэръ, чтобъ все такъ и было.

ДОКТОРЪ.

Эта болѣзнь внѣ моего искусства. Впрочемъ я знавала людей, которые ходили во свѣ — и не постыдно и мирно умирали на своихъ постеляхъ.

Л. МАКБЕТЪ.

Вымой свои руки, надѣнь свое спальное платье и не бѣднѣй такъ: — опять я говорю тебѣ: Банко зарытъ — ему нельзя выйти изъ могилы.

ДОКТОРЪ.

Такъ-то ?

ЛЭДИ МАКБЕТЪ.

Въ постель, въ постель! Кто-то стучится у воротъ.... Такъ пойдемъ же, пойдемъ же, пойдемъ же; дай мнѣ свою руку: что сдѣлано, того ужъ не передѣлаешь.... Въ постель, въ постель, въ постель!

(Уходитъ).

ДОКТОРЪ.

Такъ она теперь и на постель ?

КАММЕРФРАУ.

Прямо.

ДОКТОРЪ.

Ужасные тайкомъ все ходятъ слухи:
 Дѣла противныя природѣ вѣчно
 Родятъ смущенья, чуждыя природѣ;
 И души сирадныхъ глухимъ подушкамъ
 Свои желаютъ тайны передать.
 Служитель Церкви ей нужнѣй, чѣмъ медикъ....
 О, Господи, прости всѣхъ грѣшныхъ насъ!...
 Смотрите же за ней, и отстраняйте
 Вы отъ нея лишь всякую досаду, —

Такъ не спускайте-жь глазъ съ нея. — И такъ,
Спокойной ночи! — Душу всю смутила
Опа во мнѣ и взоры изумила! —
Лишь мысляю я — а говорить не смѣю!

КАММЕРФРАУ.

Такъ доброй ночи, докторъ, вамъ желаю.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

*Поле вблизи Дунсинава. Съ барабаннымъ боемъ и знаменами входятъ
Ментесъ, Кэтнесъ, Ангусъ, Ленокъ и вонны.*

МЕНТЕСЪ.

Рать Англичанъ, ведомая Малькольмомъ,
Сивардомъ, дядею его, и добрымъ
Макдуфомъ, близко. Жажда мести жгетъ ихъ;
А поводъ къ брани, ихъ сердцамъ столь близкій,
Къ кровопролитію и злой тревогѣ
Подвигъ бы даже самаго аскета.

АНГУСЪ.

Мы встрѣтимъ ихъ вблизи Бирнамской рощи:
Тутъ имъ идти.

КЭТНЕСЪ.

Кто знаетъ: вмѣстѣ ль съ братомъ

И Дональбанъ?

ЛЕНОКСЪ.

Навѣрное, не съ нимъ:

Есть списокъ у меня мужей всей рати.
Тутъ сынъ Сиварда, много безбородыхъ
Тамъ юношей, которымъ этотъ случай
Способствовалъ къ тому, чтобъ показать,
Что ужъ они мужаютъ....

МЕНТЕСЪ.

Что Макбетъ?

КЭТНЕСЬ.

Обширный Дунсианъ онъ укрѣпляетъ;
 Иные говорятъ, что онъ помѣшенъ;
 А тѣ, къмъ меньше ненавидимъ онъ,
 Безумьемъ доблести зовуть все это.
 Но вѣрно то, что къ поясу порядка
 Онъ своего разстроеннаго дѣла
 Никакъ не можетъ пряжкой прикрѣпить.

А В Г У С Ъ.

Теперь онъ, вѣрно, чувствуетъ, что липнетъ
 Къ его рукамъ кровь тайно пролитая;
 А мятежи его ежеминутно
 Лишь въ вѣроломномъ дѣлѣ упрекаютъ;
 И тѣ, къмъ онъ повелѣваетъ, служить
 По приказанью, а не изъ любви;
 Теперь онъ чувствуетъ, что санъ его
 Виситъ на немъ, какъ платье великана
 На малоросломъ ворѣ.

МЕНТЕСЬ.

Кто же станетъ
 Въ немъ порицать, что чувствъ своихъ въ заратъ
 Во что-то онъ, вперяя взоръ, трепещетъ;
 Когда всё то, что въ немъ, себя винять
 За то, что тутъ оно?

КЭТНЕСЬ.

И такъ, идемъ же,
 Чтобы отдать свой долгъ повиновенья,
 Кому мы имъ обязаны по праву;
 Нестъ врачество болѣзненному царству,
 Чтобы вмѣстѣ съ нимъ для очищенья края,
 Въ него излить до капли нашу кровь —

ЛЕНОКСЬ.

Иль сколько нужно, чтобы ей полить
 Цвѣтъ царственный, а куколь — потопить! —
 Такъ будете-жь держать свой путь къ Бирнаму. —
 (Уходятъ маршемъ).

СЦЕНА III.

Дуэлинанъ. Комната въ замкѣ.

Входятъ МАКБЕТЪ, ДОКТОРЪ и свита.

МАКБЕТЪ.

Не дѣлайте мнѣ больше донесеній:
 Пусть всѣ они бѣгутъ; но до тѣхъ поръ,
 Пока не двинется Бирнамскій лѣсъ,
 Меня боязнь не можетъ запятнать.
 И кто-жъ такой мальчишка Малькольмъ? Развѣ
 Онъ не рожденъ былъ женщиной? А духи,
 Которымъ смертныхъ всѣ дѣла извѣстны,
 Мнѣ провѣщали такъ: «*Макбетъ, не бойся:
 Никто женой рожденный никогда
 Не можетъ власти надъ тобой имѣть:*»
 Такъ вѣроломные бѣгите-жъ, таны,
 И съ Англами, сынами Эпикура,
 Мѣшайтесь: такой я вѣренъ мысли,
 И сердце я въ груди ношу такое,
 Что ни сомнѣнья не гнетутъ меня,
 Ни страхомъ вовсе не колеблюсь я.

Входитъ слуга.

Да будешь чортомъ-мѣриномъ ты проклятъ
 Съ твоей творожной харей, негодяй!—
 Гдѣ добылъ ты такой гусиный взглядъ?

СЛУГА.

Здѣсь десять тысячъ...

МАКБЕТЪ.

Какъ? гусей, подлець?

СЛУГА.

Нѣтъ, государь, а воиновъ.

МАКБЕТЪ.

Иди и надери себѣ лицо,
 И красной краской замалюй свой страхъ,
 Лилейно-кровный малый!—Что-за войско,
 Трусишко?
 Въдѣ щеки блѣдныя твои какъ полотно,
 Советники боязни... Что-за войско?
 Ну говори же, сыворотво-рожей!...

С Л У Г А.

Сэръ, войско Англичанъ—когда осмѣлюсь
 Вамъ доложить.

МАКБЕТЪ.

Ну, прочь же съ мерзкой рожей!—
 Эй! Сейтонъ!... Духомъ я упала, увидѣвъ....
 Эй, Сейтонъ! эй!—Ну, толчокъ таковъ,
 Что иль предасть мнѣ духа, иль ужь сломать....
 Я жила допольно: жизненный мой путь
 Засухой пораженъ: то листъ лишь желтый....
 На то, чему-бъ сопровождать меня
 Въ лѣтахъ преклонныхъ, какъ-то: честь, любовь,
 Покорность, общество друзей—на это
 Мнѣ нѣтъ надежды; а на мѣсто ихъ—
 Проклятыя: ихъ хоть вслухъ и не твердятъ,
 Но про себя глубоко ихъ таятъ;
 Да уваженъ на устахъ—лишь звукъ...
 Хоть сердце бѣдное и въ этомъ мнѣ
 Готово отказать, да лишь не смѣгъ....
 Эй, Сейтонъ!

Входитъ Сейтонъ.

СЕЙТОНЪ.

Что, Монархъ нашъ милосердый,
 Угодно Вамъ?

МАКБЕТЪ.

Еще какія вѣсти?

СЕЙТОНЪ.

Все тѣ-жь, которыя Вамъ донесли: онѣ
Вполнѣ оправданы.

МАКБЕТЪ.

Сражаться-жь стану,
Пока съ костей мнѣ мяса не склюють!—
Давай же панцырь.

СЕЙТОНЪ.

Въ немъ еще нѣтъ нужды.

МАКБЕТЪ.

Но всё его надѣну я.—Пошлите-жь
Побольше всадниковъ, чтобы страну
Всю окружить; а кто твердитъ о страхѣ—
Повѣсить всѣхъ!—Давай же панцырь!—Докторъ,
Что паціентка Ваша?

ДОКТОРЪ.

Государь,
Она не такъ больна, какъ смущена
Густой толпой своихъ мечтаній живыхъ,
Которыя ей не даютъ покоя.

МАКБЕТЪ.

Что-жь, вылечи отъ этого ее;
Иль совладать съ больной душой не можешь?
Изь памяти ея вывь корень грусти,
Изь мозга вырви съ корнемъ всё смущенья,
Которыя на немъ напечатлѣлись,
И сладостнымъ забвенья антидотомъ,
Ей запертую грудь освободи
Отъ вещества опаснаго, которымъ
Она наполнена, и что у ней на сердцѣ
Легло такъ тяжело!

ДОКТОРЪ.

Въ этомъ пациентъ
Самъ для себя врачомъ быть долженъ.

МАКБЕТЪ.

Брось же

Свои лекарства всѣ собакамъ: мнѣ
Ни одного изъ нихъ не надо.—Ну же,
Надѣньте панцырь на меня, и дайте
Мнѣ посохъ мой;—такъ вышлите-жь ихъ, Сейтонъ.—
Всѣ таны отъ меня бѣжали, докторъ! —
Такъ поспѣшайте-жь, сэръ!—А если, докторъ,
Ты можешь, разсмотрѣвъ мочу страны,
Узнать ея недугъ ⁽²⁶⁾, и возвратить
Ее къ прямому прежнему здоровью,
То восхваляю тебя предъ самымъ эхомъ,
Которое тебя восхвалять вновь.—
Ну отправляйся-жь.—Ревенемъ ли,
Александрійскимъ листомъ, или другимъ
Какимъ очистительнымъ, нельзя ль отсюда
Тебѣ спроводить этихъ Англичанъ?...
Слыхалъ ли что объ нихъ ?

ДОКТОРЪ.

Да, Государь,

И Ваши царскія приготовленья
Даютъ ужъ намъ возможность коѣ-что
О томъ прослышать.

МАКБЕТЪ.

Все за мной нести.—

Ни смерть, ни ядъ меня не ужаснетъ,
Пока Бирнамскій лѣсъ сюда не подойдетъ !

(Уходитъ).

(26) Выраженіе: *разсмотрѣвъ мочу* — намекаетъ на медицинское мнѣніе того времени, что по урину можно узнать всякую болѣзнь.

ДОКТОРЪ.

Будь лишь далёкъ отъ Дунсинана я—
Сюда впередъ барышь не завлечетъ меня!

(Уходитъ).

С Ц Е Н А IV.

Поле близъ Дунсинана. Въ виду гъсь. — Входятъ съ барабаннымъ боемъ и знаменами Малькольмъ, старикъ Сивардъ съ сыномъ, Макдугъ, Ментесъ, Кэттесъ, Ангусъ, Леннокъ, Россъ, и за ними солдаты.

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Надѣюсь я, о други, близки дни,
Что наши дома будутъ всё свободны!

МЕНТЕСЪ.

Въ томъ нѣтъ сомнѣнья!

СИВАРДЪ.

Что-за гъсь предъ нами?

МЕНТЕСЪ.

Бирманскій. — Пусть же каждый воинъ срубить
Себя по вѣткѣ, и несетъ ее
Передъ собою: этимъ мы прикроемъ
Число солдатъ отъ нашего врага,
И вмѣстѣ съ тѣмъ лазутчиковъ заставимъ
Впасть въ заблужденье въ отношеніи къ намъ.

СОЛДАТЪ.

Все будетъ сдѣлано.

СИВАРДЪ.

А сами мы
Другихъ вѣстей не свѣдаемъ, какъ тѣ,

Что самъ къ себѣ доврчивый Макбетъ,
Укрывшись въ замкъ Дунсинанскомъ, ждетъ,
Чтобъ обложили мы его блокадой.

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Въ немъ вся его надежда, потому
Что тамъ, гдѣ есть лишь выигрышь какой,
Большой и малой мятежи ему
Все замышляютъ: служить вѣдь ему
Изъ одного лишь только принужденья,
Сердца же всѣхъ далеки отъ него!

МАКДУФЪ.

И такъ, пусть правый судъ нашъ выжидаетъ
Событъя вѣрнаго, а мы межъ тѣмъ
Употребимъ все ратное искусство.

СИВАРДЪ.

Ужъ близокъ срокъ, который намъ своимъ
Рѣшеньемъ вѣрнымъ дать узнать о томъ,
Что есть у насъ, и то, чего мы ждемъ:
Надежды въ насъ родятъ лишь рой мечтаній,
Успѣхъ же вѣрный—часто внѣ гаданій,—
Къ нему-то встрѣчу полетимъ войною!—

С Ц Е Н А V.

Дунсинанъ. Дѣйствіе за стѣнами замка. Входятъ *съ барабаннымъ боемъ и знаменами* Макбетъ, Сейтоу и солдаты.

МАКБЕТЪ.

Скорѣй на вѣшной сторонѣ стѣнъ замка
Знамена вѣшайте; пусть лозунгъ будетъ:
«*Они идутъ!*» А замокъ нашъ такъ крѣпокъ,
Что ихъ осаду осмѣетъ съ ирезрѣньемъ;

Пускай ихъ тутъ стоять, покуда голодъ
 И лихорадка всѣхъ ихъ не изложетъ;
 И еслибъ ихъ не подеръпляли наши,
 То смѣло-бъ мы ихъ встрѣтили грудь съ грудью,
 И отразивъ, прогнали-бъ ихъ домой. —
 Но что за шумъ?

(Въ замкъ послышался женскій крикъ).

СЕЙТОНЪ.

Да это, Государь,
 Крикъ женщинъ.

МАКБЕТЪ.

Я почти и позабылъ
 Боязни вкусъ. А было, впрочемъ, время,
 Когда мои всѣ чувства холодѣли,
 Услышавъ ночью крикъ; рассказъ ужасный
 Мнѣ волосы на головѣ вздымалъ,
 Какъ словно въ нихъ была какая жизнь:
 Но ужасами я вполне пресыщенъ,
 И помысламъ убійственнымъ моимъ
 Столь сродный страхъ, меня уже теперь
 Безсилень привести въ оцѣпенѣнье! —
 Да отъ чего же эти крики?

СЕЙТОНЪ.

Государь,
 Скончалась Королева.

МАКБЕТЪ.

Лучше-бъ послѣ
 Ей умереть: тогда-бы было время
 Объ этомъ рѣчь вести. — А это *завтра*,
 Все завтра, завтра тащится шажкомъ,
 И со дня на день до послѣдней буквы,
 Пока назначенный не минетъ срокъ, —
 А эти *послѣ завтра* освѣщали
 Лишь къ праху смерти путь однимъ глупцамъ...
 Такъ догорай же, догорай ты малый свѣточъ!...

Жизнь — тѣнь ходячая, актеръ лишь бѣдный,
 Что гордо ходить по помосту сцены,
 И убиваетъ часъ-другой, — потому,
 О немъ и не слышать! О! то лишь сказка,
 Что идиотъ рассказываетъ вамъ
 Въ нештовствѣ и съ крикомъ, — а межъ тѣмъ,
 Ничтожная! —

Входитъ Вѣстникъ.

Ты, вѣдь, пришелъ за тѣмъ,
 Чтобы почесать языкъ — скорѣй же къ дѣлу. —

ВѢСТНИКЪ.

О, милосердый Государь, осмѣлюсь
 Я довести, что видѣлъ, говорю я,
 Но какъ сказать, не знаю —

МАКБЕТЪ.

Говори же.

ВѢСТНИКЪ.

Я, стоя на часахъ на томъ холмѣ,
 Взглянулъ къ Бирнаму невзначай — и вотъ,
 Мнѣ показалось, что какъ будто лѣсъ
 Пришелъ въ движеніе.

МАКБЕТЪ.

Ты лжець и рабъ!

(Даетъ ему пощечину).

ВѢСТНИКЪ.

Пусть понесу я гнѣвъ Вашъ, если это
 Не такъ: на разстояніи трехъ миль,
 Вы разглядите сами: какъ идетъ онъ —
 То есть, какъ движется тотъ лѣсъ.

МАКБЕТЪ.

А если

Ты ложь сказалъ, то я тебя живаго

На первомъ деревѣ вѣло повѣсить,
 Гдѣ ты отъ голода изсохнешь; если-жъ
 Твоя рѣчь правая, то мнѣ нѣтъ нужды,
 Хотя-бъ со мной ты сдѣлалъ точно то же:
 Я облаченъ въ рѣшимость... Начинаю
 Подозрѣвать двойкій смыслъ въ врагѣ,
 Который лжетъ, но очень сходно съ правдой:
Не бойся ничего дотоль, пока
Бирнамскій лѣсъ не выйдетъ къ Дунсинану—
 Лѣсъ и идетъ на встрѣчу къ Дунсинану....
 Оружіе! Оружіе!—я въ поле!
 И если то, чтò сказано, случится,
 Куда-жъ бѣжать отсюда? гдѣ укрыться?
 Мнѣ солнца свѣтъ наскучилъ! Пусть со мной
 И образъ міра рушатся земной!—
 Такъ бей тревогу, вѣтръ реви, низрини насъ въ прахъ,—
 Пусть хоть умремъ—но съ броней на плечахъ!

(Уходятъ).

СЦЕНА VI.

Рванина предъ зѣмкомъ. Входятъ съ барабаннымъ боемъ и знаменами
Малькольмъ, старикъ Сингардъ, Макдуфъ и проч. съ воинами, несущими
щиты.

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Теперь ужъ близко; такъ отбросьте-жъ прочь
 Листвяные щитки, и въ видѣ томъ,
 Въ какомъ вы есть, явитесь предъ ними.
 Вы, мой достойный дядя, съ моимъ братомъ,
 По праву благороднымъ сыномъ Вашимъ,
 Намъ въ первой рати будете вождемъ,
 А прочее исполнимъ мы съ Макдуфомъ,
 Согласно съ нашей должностью.

СИВАРДЪ.

Прощайте-жь.

Лишь повстрѣчать бы намъ Макбета въ ночь —
Пусть насъ побьютъ, коль драться намъ не въ мочь!

МАКДУФЪ.

Гремите-жь трубы, — жизнь вдохните имъ —
Смертей и крови зычнымъ вѣстовымъ!

(Уходятъ. Продолжаютъ бить тревогу).

СЦЕНА VII.

Тѣ же самые. Другая сторона равнины.

Входитъ МАКБЕТЪ.

МАКБЕТЪ.

Я словно какъ къ столбу прикованъ ими;
Бѣжать нельзя, и какъ медвѣдь на травѣ,
Я должеу отгрызаться. — Кто же тотъ,
Который не былъ женщиной рожденъ?...
Онъ лишь одинъ и можетъ быть мнѣ страшень,
Но ужъ никто другой.

Входитъ молод. Сивардъ.

МОЛОД. СИВАРДЪ.

Какъ твое имя?

МАКБЕТЪ.

Ты ужаснешься, какъ его услышишь.

МОЛОД. СИВАРДЪ.

Нѣтъ, хоть назвался-бъ именемъ такимъ,
Какого жгучѣ нѣтъ въ самомъ адѣ.

МАКБЕТЪ.

Такъ имя-жъ мнѣ — Макбетъ!

МОЛОД. СИВАРДЪ.

О! и самъ дьяволъ

Не высказалъ бы слуху моему
Столь ненавистнаго прозванья!

МАКБЕТЪ.

Нѣтъ,

Но столь ужаснаго. —

МОЛОД. СИВАРДЪ.

Злодѣй презрѣнный,

Ты лжешь, и собственнымъ своимъ мечемъ
Я докажу тебѣ, что ложь сказала ты.

(Они сражаются, и молодой Сивардъ убитъ).

МАКБЕТЪ.

Ты женщиной рождена, — мужей оружья
Такъ жалки мнѣ, смѣюсь надъ ихъ мечами:
Презрѣнны всѣ рожденные женами! —

Барабанный бой. Входитъ Макдуфъ.

МАКДУФЪ.

Шумъ слышенъ съ этой стороны: Макбетъ,
Да покажи-жъ лицо свое; и если
Тебя убьютъ, но не моя рука
Тебя сразитъ, то призраки жены,
Дѣтей моихъ ко мнѣ являться будутъ...
Нельзя мнѣ съ кернами вступать въ сраженье:
Ихъ руки подняли свое оружье
Изъ подкупа, — и такъ, съ тобой, Макбетъ, —
Иль съ лезвеемъ, которымъ не сражался,
Мой долженъ мечъ, не тронутый, въ ножны
Вложенъ быть снова. — Здѣсь ты долженъ быть:

Мнѣ звонъ мечей, своей звучнѣйшей нотой,
 О томъ, казалось, возвѣстия. — Судьба,
 Его найти мнѣ помоги — и больше
 Тебя я ни о чемъ просить не буду!

(Уходитъ. Снова барабанный бой).

Входятъ Малькольмъ и старикъ Сивардъ.

СИВАРДЪ.

Сюда, сэръ; — замокъ добровольно сдался;
 Но только лишь съ обѣихъ тамъ сторонъ
 Макбета шайка борется. Въ бою
 Сражались бодро доблестные таны,
 И этотъ день почти вполнѣ мы можемъ
 Назвать своимъ. И намъ уже не много
 Осталось сдѣлать.

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Встрѣтились здѣсь мы
 Съ врагомъ, который *подлѣ* насъ сражался!

СИВАРДЪ.

Войдите же, сэръ, въ замокъ.

(Снова входитъ МАКБЕТЪ).

МАКБЕТЪ.

Для чего-жъ мнѣ

Разыгрывать роль Римскаго шута,
 И умирать на собственномъ мечѣ?
 Пока живыхъ я вижу, то не лучшешь
 Его удары устремить на нихъ....

(Снова входитъ МАКДУФЪ).

МАКДУФЪ.

Стой, адская собака, стой!

МАКБЕТЪ.

Тебя

Я болѣе, чѣмъ прочихъ избѣгалъ;

Такъ воротись же: на душѣ моей
И такъ ужъ много бремени лежитъ
Отъ крови, пролитой въ твоёмъ семействѣ.

МАКДУФЪ.

Словъ не найду я: голосъ мой—въ мечѣ...
О кровожаднѣйшій изъ негодяевъ,
Нѣтъ выраженій высказать: кто ты!

(Они сражаются).

МАКБЕТЪ.

Напрасенъ весь твой трудъ, ты легче можешь
Своимъ мечемъ отважнымъ врѣзать слѣдъ
Въ неудвимоиъ воздухѣ, чѣмъ мнѣ
Нанести ударъ смертельный, и клинокъ твой
Пусть на удоборанимые главы
Скорый падётъ: я заколованъ въ жизни,
И одолѣть её безсилень всякій,
Кто женщиной рождёнъ.

МАКДУФЪ.

Такъ разувѣрься-жь
Въ своихъ ты чарахъ; пусть же возвѣститъ
Служившій нѣкогда тебѣ твой Геній,
Что былъ изъ чрева матери своей
Макдуфъ безвременно изъ бока вынутъ!

МАКБЕТЪ.

Будь проклятъ тотъ языкъ, который мнѣ
Сказалъ о томъ, затѣмъ, что въ человѣкѣ
Чтѣ лучшаго ни есть, во мнѣ—дрогнуло;
И да никто врагамъ симъ ухищреннымъ,
Чтѣ нами такъ двусмысленно играютъ,
И взявъ отъ слуха нашего назадъ
Слова обѣта, о надежду нашу
Ихъ разбиваютъ—впередъ никто не вѣрять!—
Съ тобой, я не дерусь!

МАКДУФЪ.

Такъ сдайся, трусь,

И жизнь влачи въ позоръ и въ притчу вѣка;
 И какъ у насъ чудовищъ самыхъ рѣдкихъ,
 На вывѣскахъ малюють живописцы,
 И съ подписью внизу: *здесь можно видѣть*
Злодѣя—такъ тебя держать мы будемъ.

МАКБЕТЪ.

Нѣтъ, я не сдамся: не хочу у ногъ
 Я юнаго Малькольма прахъ лобзать,
 И быть приманкой для проклятій черни.—
 Хоть къ Дунсину лѣсъ пришелъ Бирнамскій,
 Хоть съ нерожденнымъ женщиной, съ тобою,
 Сражаться долженъ,—все однакожь я
 Последнюю хочу попытку сдѣлать:
 Передъ своею грудью я поставлю
 Воинственный свой щитъ: ну, бей въ него,
 Макдуфъ, и проклять пусть да будетъ тотъ,
 Кто закричитъ: *«остановись, довольна!»*

(Они удаляются, сражаясь).

(Отступленіе. Тутъ снова входятъ съ барабаннымъ боемъ и знаменами Малькольмъ, стар. Сивардъ, Россъ, Леноксъ, Ангусъ, Кэ-
 несъ, Ментесъ и вонны).

МАЛЬКОЛЬМЪ.

О если бы друзья, которыхъ нѣтъ здѣсь,
 Явились невредимы!

СИВАРДЪ.

Вероятно

Изъ нихъ нѣтъ цали; но однако,
 Судя по тѣмъ, которыя еще вижу,
 День этотъ славный за-дешево кончался.

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Макдуфа нѣтъ, и доблестный вашъ сынъ
 Не знаю гдѣ.

РОССЪ.

Саръ, сынъ Вашъ заплатилъ

Долгъ воина: доколь былъ мужъ — онъ живъ:
 Являю онъ это храбростью своею,
 Не уступивъ ни шагу на сраженьи, —
 И палъ, какъ мужъ. —

СИВАРДЪ.

Такъ онъ убитъ?

РОССЪ.

Увы!

И унесенъ уже и съ поля битвы;
 Вину страданій Вашихъ не возможно
 Намъ никакой цѣною оцѣнить:
 Ей нѣтъ оцѣнки!

СИВАРДЪ.

Былъ онъ прежде раненъ?

РОССЪ.

О, какъ же: въ лобъ.

СИВАРДЪ.

Что-жъ, Божій воинъ былъ онъ!

Имѣи еще я столько сыновей,
 Какъ на главѣ волосъ, — не пожелалъ бы вѣчъ
 Я лучшей смерти! Часъ его пробить!

МАЛЬКОЛЬМЪ.

Онъ большаго, чѣмъ состраданья, оцѣнить —
 И это-то ему я сохранию.

СИВАРДЪ.

Онъ большаго никакъ не заслужилъ —
 Но славно палъ — и долгъ свой уплатилъ.
 Господь же съ нимъ! — Но вотъ ужъ къ намъ спѣшатъ
 Съ отрядомъ новымъ!

(Слова вводитъ Мандио, съ головой МАКБЕТА
 на пикѣ).

МАНДИО.

Да здравствуетъ Король!

Вѣдь ты нашъ Царь! Взгляни-ка, гдѣ торчатъ
 Проклятая-то хищника глава!
 Свободенъ вѣкъ: тебя уже я вижу
 Увитаго вѣнцомъ жемчужнымъ царства,
 Которое тебѣ душой, со мною вмѣстѣ
 Несетъ привѣты; и съ его-то кланкомъ
 Желалъ бы громко слыть и свой я голосъ:
 Да здравствуетъ Шотландіи Король!

В С Ъ.

Будь здравъ Король Шотландіи!

МАЛЬКОМЪ.

Не много

Мы времени употребимъ на то,
 Чтобъ отплатить за вашу всю любовь,
 И подѣлиться тою же любовью.
 Вы, таны, всѣ родные мнѣ, отсель
 Зовитесь графами—первѣйшимъ титуломъ
 Въ Шотландіи, въ знакъ почести вамъ даннымъ;
 А прочее, что намъ осталось сдѣлать,
 И что со временемъ насадимъ вновь—
 Какъ-то: возвратъ на родину изъ ссылки
 Друзей всѣхъ нашихъ, скрывшихся отъ сѣти,
 Имъ разставляемой злодѣйствомъ зоркимъ;
 Изобличеніе министровъ звѣрскихъ
 Умершаго недавно масника
 И женщины.
 Которая, какъ мыслятъ, посягнула
 На жизнь свою насильственной рукою,—
 Все это, и все то, что мы признаемъ
 Полезнымъ, впредь, при помощи небесной
 Исполнимъ во-время и своею рукою;
 Такъ всѣхъ благодаря, васъ просимъ въ Скоту
 Намъ на главу надѣть царей корону!

К О Н Е Ц Ъ.

ПОСЛѢДНІЙ ПАТИТО.

РАЗСКАЗЪ ТУРКСТА.

(Посвящается Михаилу Егоровичу Кублицкому).

I.

Я всегда былъ безъ ума отъ арлекинадъ, кукольныхъ комедій и вообще всѣхъ балаганныхъ зрелищъ. Огкровенно признаюсь: я ихъ предпочитаю трагедіямъ и драмамъ, разыграннымъ актерами второй руки. Неестественная дикція расгрѣпанныхъ тирановъ, съ рожами, намазанными пудрой, и гримированныхъ посредствомъ сженной пробки, жалобные вопли и всхлипыванія драматическихъ актрисъ *старой школы*, приводятъ меня въ неловкое состояніе: плакать не хочется — а смѣяться нельзя. Однимъ словомъ, я нахожусь въ положеніи того бѣднаго чело-вѣка, которому, за обѣдомъ у знатнаго барина, попалось въ ротъ что-то не совсѣмъ вкусное; хозяинъ увидаль, что онъ поморщился, и сказалъ: я надѣюсь, что это блюдо по вашему вкусу?... — Удивительно!... только позвольте выплюнуть!»

А о такъ называемомъ *серьозномъ балетѣ* и говорить нечего: по моему мнѣнію, это такая безсмыслица, что изумляешься, какъ мы, не расхохотавшись, можемъ смотреть на гг. танцовщиковъ въ юбочкахъ съ турнирами, въ короткихъ рукавчикахъ, съ открытой шеей, безсовѣстно разурмяненныхъ, неустово завитыхъ, порхающихъ съ грустною улыбкою по сценѣ и вертящихся юлой. Мнѣ всегда бываетъ за нихъ совѣстно, и въ голову невольно приходитъ мысль, что эти господа должны быть немного съ придурью. Вѣдь Французы говорятъ: *«Bete, comme un danseur.»*

Что ли дѣло арлекинада! нахохочешься до слезъ, отъ всей души, и послѣ на сердцѣ становится такъ легко, такъ весело, что вы готовы остановить встречнаго и поперечнаго, и рассказать ему содержаніе пьесы, чтобъ еще похохотать.

Когда я былъ мальчикомъ, меня, на масляницѣ и на Святой недѣль, возили въ Москвѣ въ балаганы, гдѣ я и получилъ къ арлекинадѣ непреодолимую страсть, страсть, которую сохранилъ и до сихъ поръ. Студентомъ, съ товарищами, также обожателями арлекинадъ, я, бывало, непременно абонируюсь на всю Святую недѣлю въ балаганъ Приса и К°, гдѣ давали комико-мимическія представленія, съ великолѣпнѣйшимъ спектаклемъ. Тогда у Приса была труппа итальянскихъ мимовъ, и въ ней *мадемаджелла* Морелли, дѣвочка лѣтъ четырнадцати, еще не совершенно сложившаяся, но съ антично-правильными чертами лица, огромною черною косою и аристократическими ножками.—М. Морелли была прелестна, за то, послѣ перваго представленія, мы единодушно и прозвали её *Миньонной*. (Мы только что прочли Вильгельма Мейстера, и были отъ него безъ ума). Богъ знаетъ, чего намъ тогда не приходило въ голову! мы даже положили окончательно, что эту дѣвочку украли цыгане, и что она, когда-нибудь, отъищеть своихъ родителей, влюбившись прежде въ кого-нибудь изъ насъ. Тутъ же оказалось, что всѣ мы перевели *Mignon's Liet* стихами, а одинъ изъ насъ даже *презрѣнной* прозой, за что и былъ освистанъ безъ милосердія.

Представленія въ балаганъ Приса обыкновенно начинались пляскою Миньоны на едва натянутой проволокъ. Боже мой! съ какимъ болезненнымъ участіемъ и замираніемъ сердца слѣдили мы за каждымъ ея движеніемъ! Вотъ, вотъ упадетъ! непременно упадетъ и ушибется до смерти!... По направленію проволоки, ходилъ какой-то господинъ въ турецкомъ платьѣ, съ рожой и руками, намазанными ваксой, ни дать ни взять—вывѣска съ табачной лавочки. Это былъ арапъ компаніи. Онъ едва двигался и не спускалъ глазъ съ Миньоны. Къ концу пляски, она бросала жердь, и, сложивъ руки на груди и покачивая головкой, стояла на одной ногѣ.. Ухъ! какъ страшно!... Но вотъ она бросается въ объятія арапа, порхаешь на полъ, и, сдѣлавъ ручкой

вочтеннѣйшей публикѣ — исчезаетъ со сцены, какъ бабочка. После пляски Миньоны, немедленно давали арлекинаду съ превращеніями, переодѣваньями и плюхами, и хорошо дѣлали: зрителямъ, после сильнаго ощущенія, нужно было оправиться, и мы выходили изъ балагана Приса хохоча до слезъ, и заходили въ бесѣдку Яра, чтобы еще посмѣяться на свободѣ.

Дѣйствующія лица арлекинадъ, сколько и гдѣ ни приходилось мнѣ ихъ видѣть, всегда одни и тѣ же:

Патито, дядя и опекунъ

Коломбины, влюбленной въ

Арлекина.

Иногда Патито хочетъ самъ жениться на Коломбинѣ, а иногда хочетъ выдать ее за *Баллордо*, богатаго Франта, съ огромнымъ рыжимъ хохломъ и кривыми ногами. У Патито слуга *Пьерро*, простоватый, но хитрый, трусь, обжора и пьяница, который приказанія своего господина исполняетъ на выворотъ и обращаетъ въ свою пользу.

Изъ этой обстановки лицъ, дѣйствіе вытекаетъ само собою. Патито — ревнивый тиранъ; Арлекинъ и Коломбина, влюбленные другъ въ друга, съ помощью доброй волшебницы и простоватаго Пьерро, который, самъ того не зная, помогаетъ имъ своей простотой — преодолеваютъ все препятствія, и пьеса, какъ слѣдуетъ, кончается законнымъ бракомъ, съ освѣщеніемъ бенгальскими огнями. Тутъ вы ясно видите нравоучительную цѣль пьесы: Сама судьба покровительствуетъ истинной любви.

Вся-то пьеса, собственно говоря, состоитъ изъ вмѣстъ спитыхъ, уморительно-смѣшныхъ эпизодовъ. Патито, на прим., уходитъ со двора и приказываетъ Пьерро, въ его отсутствіи, никого не впускать въ домъ, а Коломбина уже стоитъ у окошка, и Арлекинъ, откуда ни возьмись, проводивъ Патито со сцены пинкомъ, уже стучится въ дверь; тутъ Пьерро, отворивъ ротъ такъ, что удивляешься, какъ онъ не треснетъ, собирается сыграть съ нимъ штуку, и бѣжить за горшкомъ съ водою, чтобы бросить его на голову Арлекина. Въ эту самую минуту Патито воз-

вращается домой, даетъ Арлекину подзатыльника, стучится въ дверь—и получаетъ на голову содержаніе горшка, и самый горшокъ, который покрываетъ его до плечъ. Тутъ надо видѣть радостное удивленіе Пьерро! онъ выбѣгаетъ изъ дому, и холитъ около барина, потирая руки и помирая со смѣху, и, вмѣсто того, чтобы снять съ его головы горшокъ—чего бы, кажется проще? онъ придумываетъ другое средство: беретъ дубинку и съ размаха разбиваетъ ею горшокъ. А какъ начнутъ они задавать другъ другу пощечины, просто въ ухахъ звенить! А какъ хорошъ Франтъ-женихъ, синьоръ Баллордо, въ голубомъ фракѣ, съ тальей чуть не на затылкѣ, съ фалдами по пятки и съ пуговицами съ блюдечко, въ огромномъ жабо, въ разорванныхъ розовыхъ чулкахъ, на кривыхъ ножкахъ, со взбитымъ хохломъ, и, вмѣсто лорнета, съ зажигательнымъ стекломъ въ рукахъ! и какъ онъ съ Патито всегда въ дуракахъ! и какъ часто ихъ бьютъ! и какъ часто обкачиваютъ водой и... и чѣмъ ни понало!

А Пьерро! одна нога его, которая вытягивается изъ-за кулисъ и предшествуетъ появленію его на сцену, заставляетъ уже смѣяться всѣхъ. Какой онъ трусъ! какъ онъ лѣнивъ! какъ онъ не ловокъ! какъ онъ глупъ, и, вмѣстѣ, какъ онъ хитеръ. Похожденіе его съ бутылкою лекарства *лѣруа*, которое онъ принимаетъ за вино, и которое Патито нарочно ставитъ на столъ, чтобы его надуть—вѣрно извѣстно всѣмъ, и вѣрно всѣ смѣялись надъ нимъ отъ чистаго сердца.

Съ самаго появленія арлекинадъ, т.-е. съ половины XV-го столѣтія, до нынѣшняго времени, главныя лица ея сохранили и свои имена и свои первобытные костюмы, съ незначительными измѣненіями: Арлекинъ черную полу-маску, куртку и панталоны, сшитыя изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ—эмблема бѣдности и олицетвореніе пословицы: *голь на выдумки хитра*; Коломбина—платье зажиточной итальянской *контadini* (мѣщанки); Пьерро, который, безъ всякаго сомнѣнія, есть итальянскій Нульчинелло, бѣлую рубашку съ длинными рукавами и большими шарообразными пуговицами, и широкіе бѣлые панталоны.—Только во Франціи перемѣнилъ онъ свое имя, а черную полу-

маску замѣнилъ мукѣй. Забѣйте, что всѣ лица старинной ита-
льянской арлекинады перешли, только подъ другими именами,
во всѣ европейскія комедіи: Бартоло не тотъ ли же Пативо?
а Коломбина не та ли же Розина? Баллордо развѣ не тотъ же
Нурсоньякъ или Жоржъ Дандинъ? Пьерро не тотъ ли же
Жокрисъ или Скапень? а Арлекинъ не самъ ли Фигаро?...Это
доказываетъ, увѣ! что и Бомарше и даже самъ Мольеръ уже
были.....подражателями.

II.

Я повѣхалъ въ Италію, и, дорогою, вездѣ, гдѣ только могъ,
непрерывно посѣщалъ всѣ балаганныя представленія. и, чѣмъ
я болѣе приближался къ Италіи, тѣмъ для меня нагляднѣе
становилось, что я близокъ къ почвѣ, на которой выросла
арлекинада, настоящая арлекинада, объ которой Италія, вмѣстѣ
съ своимъ поэтомъ, можетъ сказать: *tota nostra est*. Откровенно
признаюсь, нетерпѣніе увидать арлекинаду было одна изъ
тѣхъ многихъ причинъ, которыя заставляли меня торопиться
пріѣхать. Представленія на чистомъ воздухѣ (*en plein vent*)
составляли въ моемъ воображеніи, необходимую и одну изъ
самыхъ заманчивыхъ принадлежностей края, къ которому я
всей душой моею стремился.

Вѣкъ проживу, и вѣкъ не забуду наслажденія, съ кото-
рымъ я, пріѣхавъ въ первый разъ въ итальянскій городъ—а
этотъ городъ былъ—Генуа,—увидалъ на площади Аквасола
настоящую итальянскую куклу—*Пулчинелло*. Будку его обступали
настоящія итальянскіе мальчишки, и кукла кричала по-
итальянски. Вокругъ цвѣли лавры и кактусы и алоэсы, гори-
зонтъ кончался блестящею чертою моря, всюду амфитеатромъ
возвышались мраморные дворцы, и что ни окно, то балконъ,
и что ни балконъ, то итальянка! Въ сторонѣ тянулись узкія
улицы, всѣ въ полу-мракѣ, и вездѣ шумѣлъ и двигался без-
печный и живописный итальянскій народъ, и мелодическіе
звуки языка Торквато проникали меня до глубины души! Я
въ самомъ дѣлѣ былъ въ Италіи! Боже мой! какая минута!...

А Пульчинелло, угадавъ во мнѣ иностранца, издвѣался надо мной, и хохоталъ на всю площадь. Онъ протягивалъ ко мнѣ свои деревянныя руки и приговаривалъ: «Eccellenza! la buona stampa! т.-е. Ваше Превосходительство! дайте на водку!» и поздравлялъ меня съ прїездомъ. Я готовъ былъ отдать ему весь кошелекъ, и теперь еще съ наслажденіемъ вспоминаю его смѣшныя выходки и его пронзительный, неистовый хохоть.

Кстати о хохотъ Пульчинелло, вотъ анекдотъ: Шарль Нодье, страстный охотникъ до кукольной комедіи, каждый день ходилъ гулять въ Елисейскія поля, и по нѣскольکو часовъ сряду стоялъ у будки Пульчинелло и забавлялся острыми выходками своего маленькаго прїятеля. Подружившись съ директоромъ, онъ разъ бесѣдовалъ съ нимъ, когда этотъ почтенный господинъ вышелъ изъ будки, чтобы вздохнуть немного.

— Скажите пожалуйста, любезный другъ, какимъ это способомъ заставляете вы Пульчинелло говорить этимъ страннымъ голосомъ, всегда одинаковымъ, и смѣяться такъ пронзительно, что кажется, онъ такъ и лопнетъ съ натуги? Это должно быть очень трудно?

— Трудно? нисколько; нужна *практика*.

— Да, конечно, нужна привычка!

— Нѣтъ, не привычка—а практика.

— Ну все равно!

— Нѣтъ, не все равно, нужна непременно практика.

— Да чтожь такое по вашему практика?

— А вотъ этотъ инструментикъ....

Нодье взялъ его изъ рукъ директора, положилъ въ ротъ и попробовалъ заговорить какъ Пульчинелло; удача превзошла его ожиданіе....

— Какъ это удобно!

— Ну не совсѣмъ! этъ машинки, видите ли, такія маленькія, что ихъ иногда можно и проглотить....

— Что вы говорите! ужъ не проглотили ли вы и эту.

— Три раза.

Тотчасъ по прїѣздѣ въ Римъ, гдѣ я намѣренъ былъ прожить нѣсколько лѣтъ, я справился о театрахъ, на которыхъ даютъ арлекинады, и—къ душевному прискорбію моему, узналъ, что въ Римъ объ нихъ и слыхомъ не слыхать, но что здѣсь семь театровъ, изъ которыхъ пять, такъ называемыхъ, *благородныхъ* (*nobile*), одинъ кукольный и одинъ *народный*, на который хоть и играетъ живой Пульчинелло, но на эту бѣдную *маску* ходитъ смотреть только простой народъ, котораго величаютъ здѣсь *бирбачонами*, отъ слова: *бирбо*, т.-е. *плутъ*. А на благородныхъ театрахъ даютъ пьесы серьезныя: оперы Донизетти, Верди, трагедіи Мегастазіо, Альфіери, драмы и комедіи Скриба и Комп. и проч.

— Такъ значить, въ Римъ рѣшительно нельзя видѣть арлекинады?

— Иногда въ карнавалъ, сказали мнѣ, да и то не всегда.

Дѣлать было нечего. Въ ожиданіи карнавала, я долженъ былъ поневолю посѣщать благородные театры, слушать избитую музыку, оглушающій оркестръ и пѣвцовъ, которые, забывъ достоинство человека—унизились до соловья. Старикъ Россини, при мнѣ, называлъ ихъ: *méchans rossignols*. Въ трагедіяхъ же Мегастазія и. драмахъ Скриба, передѣланныхъ на скорую руку на итальянскіе нравы, актеры до того ревѣли и всхлипывали, а актрисы до того говорили на распѣвъ ⁽¹⁾, что я наконецъ рѣшился покончить съ благородными театрами, и началъ ходить въ плебейскіе, т.-е. въ кукольный и *бирбачонскій*. Тамъ, синьоръ Кассандро ⁽²⁾ и Пульчинелло смѣшили меня до крайности, и заставляли съ терпѣніемъ ожидать карнавала.

Наконецъ настала *сезонъ* карнавала;—я обѣгалъ всѣ театры, перечиталъ всѣ афиши—объ арлекинадахъ ни слуху, ни духу. Только на театръ мальтійскихъ кавалеровъ (*aliberti*)

(1) Итальянскіе актеры еще придерживаются декламации, известной у древнихъ Римлянъ подъ именемъ: *Melorga*. Этотъ неестественный способъ выражаться очень нравится Итальянцамъ и называется: *discorso misurato*, т.-е. *размѣренная* рѣчь.

(2) Синь. Кассандро—кукла, объ которой я уже имѣлъ случай говорить въ Запискахъ Туриста, напечатанныхъ въ Москвитинѣхъ.

труппа оборванныхъ французовъ, которую я уже имѣлъ случай видѣть на ярмаркѣ въ Бокеръ. давала что-то такое, въ родѣ мимическихъ представлений: но это было такъ глупо, такъ пошло, такъ не смѣшно, что я, послѣ первой попытки, ушелъ домой въ совершенной досадѣ, и не рѣшился больше повторить ее, хотя *примадонна* была прехорошенькая и по-сматривала на зрителей очень заманчиво.

Кончилось тѣмъ, что я, проживъ въ Римѣ три года, такъ и не видалъ арлекинады.

За то познакомился съ аббатомъ П*.

«Какое отношеніе аббать можегъ имѣть къ арлекинадѣ?» спросите вы.

А вотъ увидите.

III.

Въ первый разъ, я увидаль аббата на Монте-Пинчю (*) утромъ, когда еще почти никого не было гуляющихъ.

На немъ былъ изношенный длинный сюртукъ, побѣлѣвшій по швамъ, и сидѣвшій на немъ какъ на вѣшалкѣ, (онъ, вѣрно, купилъ готовый въ лоскутной лавочкѣ), чернильнаго цвѣта шерстяные чулки (а это было лѣтомъ), заштопанные безъ зазрѣнія совѣсти, на скорую руку, бѣлыми нитками, и уже разорванные на щиколкѣ; башмаки (что-то среднее между огромными калошами и маленькими лодками) въ заплатахъ; трехъугольная шляпа, лоснящаяся отъ употребленія, и необыкновенной бѣлизны воротнички рубашки.

Впослѣдствіи я узналъ, что эти воротнички, увы!—были изъ писчей бумаги!

Эта нищета поразила меня тѣмъ болѣе, что въ Римѣ аббаты щеголяютъ на пропалую, и живутъ себя припѣваючи.

Ему, съ виду, было около шестидесяти лѣтъ. Онъ шелъ бодро, но часто останавливался, чтобы, положивъ подъ мышку камышевую трость, вынуть изъ кармана табакерку изъ карель-

(*) Гульбище въ Римѣ.

ской березы — и начинить свой носъ табакомъ. Я говорю: начинить, потому что другаго выраженія приискать не могу для способа, который онъ употреблялъ, чтобы вмѣстить въ свой римскій носъ такую огромную щепоть табаку, которая бы достала на дюжину обыкновенныхъ носовъ. После этой операціи, онъ продолжалъ свою прогулку, мурлыча что-то себѣ подъ носъ, и шевеля губами, какъ будто онъ что-то жевалъ.

Признаюсь, съ перваго взгляда я почелъ его за помѣшаннаго, но перегнавъ его съ намѣреніемъ, чтобы послѣ, идя къ нему на встрѣчу, пристальнѣе взглянуть на его въ лице — я совершенно увѣрился въ обратномъ.

Высокій лобъ старика, испещренный, во всѣхъ направленіяхъ, множествомъ небольшихъ и такихъ тонкихъ морщинъ, что онъ, казалось, были проведены кисточкой — такъ и сіялъ какою-то светлою мыслью; большіе черные глаза, подъ густыми сѣдыми бровями, еще не потухли отъ лѣтъ, правильное лице его было блѣдное, но все проникнутое добродушіемъ....

Къ Монте-Пинчіо подъѣхала красная раззолоченная карета. Три лакея, въ старинныхъ ливреяхъ съ фалдами до пятъ, соскочили съ запятокъ и бросились отворять дверцы. Молодой человекъ, въ щегольскомъ черномъ французскомъ кафтанѣ, въ плащъ изъ черной тафты, небрежно брошенномъ на плечо, въ красныхъ чулкахъ и съ краснымъ шелковымъ шнуркомъ на шляпѣ — ловко выскочилъ изъ кареты, и, сопровождаемый своими тремя шутами, быстро пошелъ на встрѣчу бѣдному аббату, который также, съ своей стороны, прибавилъ къ нему шагу.

Это былъ кардиналъ Г**, известный римскій ученый и меценатъ.

Подойдя къ старику, онъ ласково потрепалъ его по плечу и сказалъ смѣючись: «ну что, любезная крыса, какъ поживаешь? что ты не ходишь ко мнѣ обѣдать?»

Они присѣли на лавочкѣ, и долго разговаривали, а лакеи стояли отъ нихъ въ почтительномъ отдаленіи.

Черезъ нѣсколько времени, въ другой разъ, я увидалъ

аббата въ известной библіотекѣ князя Киджи; онъ трудился надъ огромными старинными фоліантами.

Въ платьѣ его произошла только одна перемена: оно еще болѣе износилось.

Старикъ былъ въ мѣдныхъ очкахъ, которые сжимали ему ноздри; онъ часто снималъ ихъ, чтобы понюхать табаку изъ табакерки, которая лежала передъ нимъ на столѣ открытая.

Онъ что-то выписывалъ изъ фоліантовъ на маленькіе клочки бумаги, очевидно оторванные отъ писемъ. Исписавъ бумажку, онъ ставилъ на ней N^o, и бережно клалъ въ старый портфель, съ которымъ я познакомился впоследствии.

Проходящіе мимо, безъ церемоніи потрепавъ его по плечу, говорили: *Come sta sor sorcio?* т.-е. какъ поживаетъ крыса? Сначала я думалъ, что *Sorcio* есть настоящее его имя, но узналъ, что его крысой прозвали потому, что онъ все рылся въ старыхъ книгахъ. Настоящее же его имя было: Ксаверіо П....

Отъ моего пріятеля, молодого итальянскаго художника, приходившаго въ библіотеку срисовывать съ головки молитвенника (писаннаго на пергаментѣ въ Сіеннѣ въ XIV столѣтіи), я узналъ, что мой оригиналъ — неаполитанскій уроженецъ, и, изгнанный изъ отечества, получилъ пристанище въ Римѣ, по ходатайству молодого кардинала Г**, котораго отецъ былъ его школьнымъ товарищемъ.

— Чѣмъ же онъ живетъ? спросилъ я.

— А вотъ, какъ видите, этими лоскутками бумажекъ. Онъ работаетъ для археологическаго изданія: *Anticha Italia illustrata*, изданія, которое затѣяли наши римскіе изыскатели древностей, вмѣстѣ съ другими европейскими учеными, и которое Богъ знаетъ когда кончатъ. За каждый изъ такихъ лоскутковъ ему платятъ по пол-паоло (25 коп. асс.) или что-то въ этомъ родѣ. Онъ испишетъ ихъ, по крайней мѣрѣ, съ полдюжины въ утро, значитъ получить — сколько получить? — получить болѣе франка въ день; вѣдь у насъ жизнь дешева, и на это жить можно.

«Только не одѣваться!» подумалъ я.

— Развѣ не помогаетъ ему его покровитель кардиналъ Г**?

— Да! такой онъ и человекъ, чтобы принялъ отъ кого-нибудь помощь! Все, что онъ себѣ позволяетъ, это придти къ кардиналу разъ въ мѣсяцъ отъобѣдать запросто, или принять отъ него, въ новый годъ, корзинку орветскаго вина, до котораго старикъ большой охотникъ, и за которое онъ всегда оплатитъ сонетомъ, въ классическомъ стилѣ.

— И онъ не жалуется?

— Никогда. Только досадуетъ на дороговизну бумаги (*); чернила и перья ему даромъ даетъ смотритель библиотеки, который также участвуетъ въ изданіи, и, между нами сказать, загребаетъ жаръ чужими руками. Я советую вамъ познакомиться съ аббатомъ: онъ старикъ очень занимательный, и вы сдѣлаете ему величайшее одолженіе, если, на первое знакомство, поднесете ему клочекъ писчей бумаги, потому что ему часто приходится писать и на оберточной.

Я попросилъ молодаго художника подождать меня, сбѣгалъ въ лавку, купилъ тетрадку почтовой бумаги, и мигомъ воротился въ библиотечку...

Молодой человекъ подошелъ къ аббату, поклонился очень низко, и сказалъ улыбаясь: «почтеннѣйшая крыса! вотъ русскій синьоръ, который желаетъ съ вами познакомиться.»

— Постой! постой, *брикончелло* (плутиншка), сказалъ старикъ, не подымая глазъ съ фоліанта, я уже схватилъ Витрувія за-воротъ, дай мнѣ его окончательно притянуть къ себѣ.

Тутъ онъ обмакнулъ перо въ табакерку, и хотѣлъ было писать, но увидавъ свою разсыянность, улыбнулся, обтеръ перо фалдой своего рубища, и принялся опять чинно выводить мелкія буквы на измятомъ клочкѣ бумаги.

Въ залѣ было душно. На высококомъ лбу старика выступали капли пота, которыя онъ украдкой утиралъ фуляромъ, такимъ старымъ, что сквозь дыры виднѣлись его сухіе пальцы.

Мнѣ стало какъ-то неловко съ моею тетрадкой.

Старикъ кончилъ писать, обтеръ перо, пересмотрѣлъ бумажки, спряталъ все въ старый портфель — и положилъ его въ столовой ящикъ.

(*) Почти во всей Италіи, кромѣ Тосканы, самыя необходимыя вещи, (даже гвозди!) привозятся изъ Франціи.

Тутъ только онъ обратился ко мнѣ:

— А! это вы русскій синьоръ? здравствуйте! здравствуйте!
Хорошо сдѣлали, что прѣехали къ намъ въ Италію! славная земля! *Всякій порядочный чело­вѣкъ обязанъ поклониться Ита­лии*, сказалъ папа Клементъ XIV, или, лучше сказать, нашъ *Ганганелли*; да и Витрувій также... Но, извините меня, я еще въ древнемъ мірѣ, и не выйду изъ него прежде, чѣмъ не выйду изъ этого омота;—тутъ онъ, улыбаясь, показалъ на шкапы съ книгами.

Я держалъ тетрадку въ рукахъ, и рѣшительно не зналъ, что съ нею дѣлать, чувствовалъ, что былъ глупъ, а потому и спряталъ ее въ карманъ, до удобнаго случая.

Мы вмѣстѣ вышли изъ библіотеки.

— Вы вѣрно желаете учиться у меня итальянскому языку? спросилъ меня аббатъ и, не дожидаясь отвѣта, примолвилъ: похвальное дѣло!

— Можетъ быть! позвольте узнать вашъ адресъ?

— Мой адресъ? живу я, вотъ видите ли...—тутъ онъ понюхалъ табаку, съ эволюціею трости,—не лучше ли, *carissimo signor Russo!*... я ужъ буду ходить къ вамъ?

Я замѣтилъ, что онъ не охотно соглашался сказать мнѣ свой адресъ,—но мнѣ было любопытно взглянуть на жилище этого оригинала.

— Повѣрьте мнѣ, я всегда буду очень радъ видѣть васъ у себя, но чтобы имѣть на это право, позвольте мнѣ, по русскому обычаю, прежде быть у васъ.

— Обычай святое дѣло! нечего дѣлать! пойдите ко мнѣ сейчасъ; я живу здѣсь недалеко, только высоконько — да у васъ ноги, слава Богу, молодые.

Онъ повернулъ въ одну изъ тѣхъ бѣдныхъ, но живописныхъ римскихъ улицъ, гдѣ, въ окнахъ домовъ, всегда просушивается всякая дрянь, и постучался въ поргонъ, надъ которымъ красовались старые штаны аббата.

— *Chi è?* (кто тамъ?) запылъ тонкій, дребезжащій голосъ и сморщенное лицо старухи, съ растрепанными волосами, выглянуло въ окно и тотчасъ же исчезло.

Послѣ этой неизбежной для всякаго римскаго постояльца

рекогносцировки, дверь портона отворилась сама-собою, и, предъ нами открылась крутая каменная лѣстница, которой верхнія ступени исчезали во мракъ.

— Ступайте за мною—и не бойтесь ничего, сказалъ аббатъ; лѣстница прямая.—Я ухватился за фалды его сюртука, но бережно, чтобъ ихъ не оторвать, и храбро пустился вслѣдъ за нимъ; онъ вслухъ считалъ ступени, и, насчитавъ съ добрую полсотню, остановился, вынулъ изъ кармана ключъ, и отворилъ дверь въ небольшую комнату съ балкономъ.

Комната, вопреки моему ожиданію, оказалась свѣтлою и опрятною: на постель, съ старыми штофными занавѣсами, изъ-подъ ситцеваго одеяла виднѣлись чистыя подушки; подлѣ, на соломенномъ стулѣ, лежалъ поношенный, но бережно сложенный шлафрокъ; чистое полотенце покрывало фаянсовый рукомойникъ; подлѣ окна большой столъ, заваленный книгами и нотами; на одномъ изъ фоліантовъ, свернувшись клубкомъ, спала сѣрая кошка; у стола волтеровское кресло, подлѣ кресломъ коврикъ; по стѣнкамъ гравюры въ черныхъ рамахъ въ углу, передъ статуэткой св. Мадонны, теплилась лампада и стояла ваза въ помпейскомъ вкусѣ, съ свѣжими цвѣтами, а на балконѣ, который выходилъ на дворикъ съ фонтаномъ, живописный какъ всѣ дворики въ Римѣ, стоялъ ящикъ съ салатомъ и горшокъ съ маленькими розами, (*R. chamoëcutus*), которыя красиво обвивали перила балкона и потомъ падали внизъ; однимъ словомъ, все было какъ слѣдуетъ: и чисто, и уютно, и весело.

— Я доживаю здѣсь пятнадцатый годъ, сказалъ мнѣ хозяинъ, и до тѣхъ поръ, пока проживетъ моя добрая *падрона ди каза* (хозяйка), не разстанусь съ моею квартирой; такая женщина! скажу я вамъ!.... да кстати, вотъ и она! я слышу, какъ ея туфли шмыгаютъ по ступенямъ.

Тутъ кто-то громко постучался въ дверь, и на веселый отзывъ хозяина: *favorisca* (милости просимъ), милая моя *фея Карабосса!*—дверь отворилась, и маленькая, сгорбленная старушка, съ лицомъ, какъ печеное яблоко, въ кофтѣ и чепцѣ которымъ она уже успѣла прикрыть свои сѣдые волосы, и

изъ котораго глядѣла какъ изъ ящичка, торопливо вошла въ горницу.

Присѣвъ мнѣ на ходу, она подбѣжала къ аббату, поднялась на цыпочки, и поцѣловала е о въ лобъ; потомъ потрепала по щекѣ, и, назвавъ его своей бѣдной крысой, сдѣлала большимъ и указательнымъ пальцемъ правой руки жестъ, изъ котораго явствовало, что она просить табаку.

Старушка, угадавъ во мнѣ иностранца, начала, не переводя духу, разсыпаться въ похвалахъ своему постояльцу; сказала, между прочимъ, что такъ *показывать свой языкъ* иностранцамъ, какъ онъ, никто не счумеетъ во всей Итали, и кончила тѣмъ, что объявила мнѣ, что ему давно бы слѣдовало быть кардиналомъ или даже чѣмъ-нибудь повыше—еслибъ у него голова была на мѣстѣ.

Отрекомендовавъ его мнѣ такимъ образомъ, она, послѣ своей кофты, принялась стирать повсюду пыль, потомъ сдѣлала мнѣ снова *киксенъ* на ходу, юркнула изъ двери, и зашлепала туфлями по лѣстницѣ. Аббатъ смотрѣлъ ей вслѣдъ съ улыбкою.

IV.

Я объявилъ аббату, что самъ не буду брать у него уроковъ потому, что я отъ природы лѣнивъ, и, намѣреваясь пробытъ нѣсколько лѣтъ въ Римѣ, надѣюсь съ Божіею помощью и безъ учителя заговорить отлично по-итальянски, по пословицѣ: *La pratica val più della grammatica*, но что непременно приведу къ нему нѣсколько русскихъ друзей, которые желаютъ учиться серьезно.

— А вамъ бы и самимъ не худо было взять нѣсколько уроковъ, сказалъ аббатъ, тѣмъ болѣе, что у васъ есть порядочное начало, а я знаю по опыту, что русскіе скорѣе другихъ иностранцевъ перенимаютъ нашъ выговоръ, хотя вы и съ трудомъ отдѣлываетесь отъ вашего смѣшнаго *E* (*), которое портитъ у васъ весь акцентъ.

(*) Въ итальянскомъ языкѣ нѣтъ русскаго звука *e*, а только сходное съ нимъ, нѣчто въ родѣ французскаго *ai* или *è*.

Висъвшія по стѣнамъ гравюры привлекли мое вниманіе. Онѣ были рѣзаны мастерской (*) рукой и изображали: исторію *Мео-Патакка*, эпизоды изъ народнаго романа Мандзони *Сговоренные* (*Irgomessi sposi*), римскіе памятники, костюмы и проч.

— Всѣ эти гравюры руки покойнаго Пинелли и всѣ *avant la lettre*. Пинелли былъ мнѣ искренній другъ! сказалъ аббатъ вздохнувъ, и понюхалъ табаку. Сколько онъ нюхалъ табаку—это просто было удивительно.

— Вотъ этотъ рядъ гравюръ, продолжалъ онъ, изображаетъ исторію *Мео-Патакка*. Этотъ замѣчательный человекъ....

— Знаю! знаю! сказалъ я.

— Ну что вы знаете? вы, русскій, чай, и не слыхивали, что за птица такая былъ этотъ *Мео-Патакка*!

— Какъ не слыхать!—И я принялся ему рассказывать все, что зналъ объ этой занимательной личности, и очень кстати припомнилъ и прочелъ *на-распѣвъ* цѣлую октаву изъ народн. поэмы, въ которой *Мео-Патакка* играетъ главную роль.

— Эге! сказалъ аббатъ, да вы, какъ я вижу, человекъ любознательный! такъ я же вамъ покажу кое-что!

Тутъ онъ отворотился отъ меня, чтобъ разстегнуть свой сюртукъ и вынуть изъ кармана ключъ,—бѣдный старикъ! ему совѣстно было показать мнѣ, въ какомъ жалкомъ положеніи было его остальное платье.

Онъ отворилъ ящикъ стола, и бережно вынулъ изъ него что-то, обернутое въ бумагу.

— Ногдите! не смотрите еще! сказалъ онъ, взявъ кошку съ фоліанта, отнесъ ее на постель, и очистилъ мѣсто на столѣ.

— Станьте здѣсь, чтобъ у васъ свѣтъ былъ съ лѣвой стороны—вотъ такъ! ну теперь любуйтесь!

Предо мной лежалъ ловко и бойко писанный пастелью портретъ человека лѣтъ сорока, въ костюмѣ Арлекина; въ рукавѣ у него была черная полу-маска и деревянный мечъ; красный плащъ наброшенъ на плечо. Физиономія его была

(*) Объ этомъ замѣчательномъ лицѣ я уже имѣлъ случай говорить въ *Москвитяинѣ*.

замвчательна: большіе, черныя, выразительныя глаза, римскій носъ, краснорѣчивыя уста—все лице улыбалось.

— Кто это такой? и кто писалъ этотъ портретъ? спросилъ я съ участіемъ, котораго не могъ скрыть.

— Писалъ его старикъ Камучини, мой старыи другъ, — а кто это такой? такъ я вамъ скажу: великій человекъ, великій, въ полномъ смыслѣ слова, и, увы! послѣдній въ своемъ родѣ!

« Это, синьоръ mio Витторіо Мартини, актеръ и маэстро, написавшій оперу «Мео-Патакка», а безъ его музыки и безъ гравюръ Пинелли, это интересное лице не было бы такъ народно. Онъ писалъ также музыку и для арлекинадъ, въ которыхъ самъ игралъ главныя роли. И какъ игралъ! и что за музыка!

« Либретто же для его музыки, по большой части, сочинялъ вашъ покорнѣйшій...

Онъ поклонился — и поднесъ мнѣ табакерку, — я готовъ былъ обнять его, не только что понюхать его табаку, отъ котораго ужасно несло корицей.

Вкусъ у насъ портится съ каждымъ днемъ! говорилъ аббать вздыхая, смотря на портретъ Мартини; старыя итальянскія комедіи исчезли совершенно съ нашихъ театровъ, которые наводняются переводами дюжинныхъ французскихъ пьесъ! Народность наша пропадаетъ, старикъ Гольдонни забыть!

« Вы были въ театръ Метастазіо и вѣрно любовались на занавѣсъ, который писалъ нашъ даровитый художникъ N. Помните, на немъ изображенъ Коріоланъ, поднимающій свою мать, бросившуюся предъ нимъ на колѣни. Занавѣсъ, какъ видите, писанъ въ патріотическомъ вкусъ, и общаеетъ патріотическія представленія? Какъ бы не такъ! все даютъ Скриба, да Мельвилля, да чортъ знаетъ кого! какъ будто у насъ нѣтъ и не было своихъ драматическихъ писателей! Охъ, ужъ этотъ мнѣ занавѣсъ! надуваетъ только публику — я на него смотреть не могу хладнокровно.

« Ахъ! не такъ было въ мое время! тогда уважали народную комедію, и великіе наши маэстры не гнушались писать музыку для арлекинадъ. Самъ Порпоро, Рамо, Сонинези

и друзья мои Мартини и Фіораванти прославили себя въ этомъ родѣ, и творенія ихъ навсегда останутся образцовыми.

Я молчалъ, боясь проронить малѣйшее его слово, а онъ расходился, вынулъ изъ ящика, стоявшаго у него подъ кроватью, итальянскую шести-струнную гитару, и, настроивъ ее на скорую руку, принялся, нѣсколько дрожащимъ отъ старости, но еще вѣрнымъ и пріятнымъ голосомъ, распѣвать мнѣ мотивы своихъ любимыхъ маэстровъ.

«Что за прелесть, говорилъ онъ, переставая пѣть, на примѣръ хоть эта *габалетта* Мартини, которую поетъ Коломбина въ моей пьесѣ: *Свадьба въ колодезь*, или, на примѣръ, этотъ дуэтъ Фіораванти, который онъ написалъ для двухъ, тогда известныхъ пѣвцовъ: Морини и Лунски, и который тотчасъ же сдѣлался народнымъ.

«И, замѣтьте, *carissimo!* прибавилъ старикъ, укладывая гитару въ ящикъ, какая удивительная простота! чистая мелодія, безъ всякихъ *фиоритуръ!* Не то, что аріи нынѣшнихъ маэстровъ, и неистовыя грудныя ноты, отъ которыхъ у пѣвцовъ лопаются на шеѣ вены.

Тутъ онъ принялся пародировать известнаго тенора Марьяни, когда тотъ поетъ арію изъ оперы Верди: *Ломбардицы*, и до того похоже, что я покатывался со смѣху, а изъ соседнихъ оконъ вдругъ раздался взрывъ хохота и рукоплесканій.

«Развѣ это музыка? это какая-то *одержимость!*» говорилъ аббатъ, едва переводя духъ отъ усталости. «То ли дѣло арія Мартини:

Guarda mi un poco
Dal capo ai piedi —
Di mi se vedi
Diffeto in me?

Этотъ мотивъ такъ и просится въ душу!

— Гдѣ же, почтенный другъ мой, — вы мнѣ позволите называть васъ этимъ именемъ, сказалъ я, взявъ его за руки, — гдѣ же теперь можно услышать эту музыку?

«Гдѣ? увы! ужъ конечно не въ Римѣ, и ни въ одномъ изъ большихъ городовъ Италии, а въ какомъ-нибудь городишкѣ, во время ярмарки. Правда, въ Неаполь, на театрѣ *Дельфондо*, и во Флоренціи, на театрѣ *Боргоньясанти* даютъ иногда оперы

Фіораванги, но общій эффектъ представленія совершенно потерялъ. Шиньшннне пѣвцы гнушаются арлекинадами, и передѣляли ихъ на свой ладъ, въ какія-то полу-комическія оперы, что совсѣмъ другое дѣло. Играютъ они несчастные въ модныхъ фракахъ, даже въ прелестнѣйшей оперѣ-арлекинадѣ: *Возвращеніе Колумелла изъ Падуи*, слуга молодого влюбленнаго, первое лице въ пьесѣ, вмѣсто рубашки и маски Пульчинелло, натягиваетъ на себя полосатую лакейскую куртку! Вѣдь это ужасно! вѣдь это все то же, что рѣзать маэстра тупымъ ножомъ! И по какому праву они это дѣлаютъ? Правительство должно бы было запретить такіа обидныя нововведенія.

Долго толковали мы объ задушевномъ нашемъ предметѣ, и я рѣшился наконецъ поднять ему тетрадку почтовой бу маги, и просить принять ее въ память перваго нашего знакомства. Старикъ обнялъ меня, опять попотчивалъ табакомъ, и назвалъ любезнымъ казакомъ, имя, которымъ онъ и продолжалъ величать меня послѣ.

Прощаясь съ нимъ, я просилъ его сдѣлать мнѣ честь сходить со мной завтра вечеромъ въ Паломбелло, распить фляжку орвѣзта, до котораго, я зналъ, что онъ былъ охотникъ. Онъ согласился, сказавъ мнѣ напередъ, что можетъ принять мое приглашеніе, потому, что онъ имѣлъ всегда привычку платить за угощеніе угощеніемъ, и что теперь у него накопилось экономіи около трехъ скуди (15 р. ассиг.).

«Около трехъ скуди! какъ же вы, почтенный другъ мой, не бережете копейку на черный день?»

«Къ-чему мучить себя заранее? впрочемъ, по правдѣ вамъ сказать, будущность моя совершенно обезпечена: для меня въ госпиталь Сан-Джакомо, въ камеру неизлечимыхъ, уже готова постель, по милости мецената моего кардинала Г*.

«Уму въ госпиталь, какъ умеръ мой старыи другъ Мартини!»

V.

На другой день, я не заставил стараго аббата ждать себя и явился къ нему ровно въ условленный часъ; а онъ уже ждалъ меня у окна, и пошелъ ко мнѣ на улицу, чтобы избавить меня отъ труда взбираться по его стремянкѣ.

На рукахъ у него была его кошка, которая соскучилась бы дома одна.

«А каковъ день? сказалъ аббатъ, поглядывая на небо, которое было ярко и глубоко. и поглаживая кошку. Говорять, къ нашему небу можно привыкнуть: я доживаю седьмой десятокъ, а всё еще не отвыкъ восхищаться имъ.

«А эта громадина? тутъ онъ указалъ на Пантеонъ, мимо котораго мы проходили.

«Всё это для васъ новинка, и должно поражать васъ слишкомъ сильно, какъ всё новое; а потому, хотя я и увѣренъ, что вы восторгаетесь нашимъ небомъ и нашими памятниками, да иначе и быть не можетъ, —но это чувство восторга далеко не такъ отчетливо приятно, какъ то, съ которымъ я сроднился съ тѣхъ поръ, какъ себя помню. Это —разница между новымъ ослѣпительнымъ пріятелемъ и старымъ неизмѣннымъ другомъ, я говорю неизмѣннымъ, потому что не проходитъ ни одного дня, даже въ самую глубокую и дождливую зиму, чтобъ наше римское солнце, хотя на минуту, не выглянуло изъ-за тучъ. Это фактъ. Спросите у старожилловъ.

«Но, вотъ и Паломбелю, единственнѣй въ Римъ кабачекъ, гдѣ можно найти настоящее орвьѣтское вино, известное подъ именемъ: Est. Est. Содержатель —самъ хозяинъ виноградника въ Орвьѣто. И какой здѣсь свѣжій погребецъ! градусовъ 15, тепла, не болѣе. Вы улыбаетесь? —а 15 градусовъ достаточно, чтобы фляжку покрыть каплями холоднаго пота, когда ее вынесутъ изъ погреба. Вѣдь на дворъ теперь около сорока.

За ставкой въ Паломбелю, дремала толстѣйшій *осто* (хозяинъ); въ залѣ было около десятка молодыхъ *пайновъ* (щеголей) и художниковъ. въ бархатныхъ черныхъ кварточентахъ. Они шумно разговаривали о какой-то картинѣ,

выставленной на *пидца дель-подоло*. Въ Римѣ ужь такъ заведено: съ чего бы ни начался разговоръ, а подѣ конецъ непременно сойдесть на искусство.

Аббатъ разбудилъ осто, попотчивалъ его табакомъ и спросилъ особую горницу, гдѣ мы и помѣстились за огромнымъ дубовымъ столомъ, покрытымъ вчерашнею скатертью.

Мы заказали двѣ фляжки орвѣта и корзинку неаполитанскихъ сухарей, такихъ воздушныхъ, несмотря на величину свою, что покойный Ставассеръ прозвалъ ихъ; подѣ носомъ много, во рту ничего.

Вино было для насъ, а сухари для насъ и для кошки.

Пока самъ осто ходилъ въ погребъ за виномъ, аббатъ успѣлъ мнѣ показать висѣвшій на стѣнѣ планъ и фасадъ орвѣтскаго собора, — и при этомъ случаѣ рѣзко выказалъ мнѣнiе челоуька, оригинально и эстетически смотрящаго на вещи.

«Чтобы хорошенько войти во вкусъ Италiи, сказалъ онъ, совѣтую вамъ не заживаться въ большихъ городахъ, какъ то дѣлаетъ большая часть путешественниковъ, а объѣздить, или, еще лучше, обойти ее туристомъ: большiе города всегда, болѣе или менѣе, схожи другъ съ другомъ — а въ провинцiяхъ напротивъ, что ни городъ — то новый обычай, и вездѣ мало извѣстные и прелюбопытные памятники древности искусства. Въ *Филино*, напр., въ катухъ поставщика птицы, мнѣ привелось видѣть фреску *Джiованни ди Санъ-Джiованни*; да еще какую фреску! А у бѣднаго священника въ *Вольтерръ* — я нашель, что вы думаете?... картонъ Снлгiе со креста, руки самаго *Вольтерры*.

— А вы, почтенный другъ мой, — я думаю и спрашивать нечего, — знаете Италiю, какъ свои пять пальцевъ?

«Еще бы! я объѣздилъ и обошелъ ее вдоль и поперегъ *ex officio*.

— *Ex officio*? вы вѣрно принадлежали къ ордену братьевъ-проповѣдниковъ?

«Нѣтъ! я принадлежалъ къ труппѣ странствующиъ актеровъ?

Вотъ она штука-то! подумалъ я — звѣрь на ловца бѣжить. И сердце у меня забилось, и глаза заблiстали. . .

«Что вы на меня смотрите такъ странно, какъ будто я вамъ сказалъ, что былъ атаманомъ шайки разбойниковъ! сказалъ усмѣхаясь старикъ, подливая вина въ мой стаканъ. Чтѣ? вотъ вамъ и стало какъ будто не совсѣмъ ловко пить вино съ отставнымъ актеромъ... признайтесь, любезный казакъ! вѣдь ваша братья аристократы...

— Полноте! какъ вамъ не стыдно? Еслибъ вы знали, какъ я обрадовался, напротивъ, узнавъ, что вы были актѣромъ! а скажите, пожалуйста, какія роли занимали вы въ труппѣ?

«Когда я вамъ сказалъ, что былъ кочующимъ актеромъ — я, по крайней мѣрѣ, на цѣлую октаву поднялся выше. Я былъ, просто... какъ бы этакъ выразиться поучтивѣе? — балаганищикомъ, что ли? т-е. я, съ позволенія вашего сказать, игралъ въ арлекинадахъ, и всего удачнѣе и *con aptote* исполнялъ роли Патита въ пьесахъ, которыя самъ писалъ для своей роли. А что жъ вы не пьете?

— Я васъ слушаю. Ваша жизнь должна быть богата приключеніями? пожалуйста расскажите что-нибудь...

«Пожалуй! когда-нибудь на досугъ, расскажу вамъ, какъ я попалъ въ актеры, и, говоря слогомъ Жиль-Блаза, *чтѣ потомъ со мною приключилось*.

«Да зачѣмъ же когда-нибудь? почему жъ не теперь? сказалъ я умоляющимъ голосомъ; право. бы теперь! я же нынче поутру получилъ изъ Россіи письмо, и долженъ на дняхъ ѣхать изъ Рима. (Я лгалъ!) Богъ знаетъ, придется ли когда свидѣться...

Аббатъ держалъ въ рукѣ стаканъ вина, и смотрѣлъ на него задумчиво. На высокомъ лбу его множились морщины.

— Къ-тому же здѣсь такъ свѣжо! продолжалъ я, вино отличное, сгановится поздно, театровъ нынче нѣтъ, дѣлать намъ вечаго...

«Въ томъ-то и сила, сказалъ старикъ, что здѣсь такъ свѣжо и такъ хорошо: не хотѣлось бы мнѣ портить этого пріятнаго вечера. — Ну, да вы, кажется, человекъ добрый и сору изъ избы не вынесете, — къ-тому же, чтѣ было — то было, а чтѣ было — то прошю. Слушайте!...

Вдругъ въ залъ раздались веселые звуки скрипки и мандолины.

Аббатъ выпилъ залпомъ стаканъ, и съ такою силою поставилъ его на столъ, что онъ чуть не разлетѣлся въдребезги, а кошка вздрогнула съ просонья, открыла глаза и замыкала.

«*Per Baccho!* (клянусь Бахусомъ!) вскричалъ старикъ Вотъ вамъ живое вступленіе въ мой рассказъ: этотъ скрипачъ, былъ товарищемъ моей кочующей жизни. Гей! Джиджи! (уменьшительное Луджи) Джиджи, поди сюда старина! да вышей съ нами стака́нъ орвьѣта!

Голосъ, громко затянувшій речитативъ, подъ звуки скрипки и мандолины, умолкъ — и послышались тяжелые шаги по направлению къ нашей двери.

Я инстинктивно угадалъ походку слѣпаго. Дверь отворилась, и въ горницу вошелъ старикъ лѣтъ 60-ти, большаго роста, въ плисовой курткѣ *коптадша*, со скрипкою подъ мышкой. Его, подъ руку, осторожно, вела молодая синьора, недурная собой, въ короткомъ платьѣ, занимавшемъ что-то среднее между платьемъ римской *паньки* (щеголихи) второй руки и туники танцовщицы по канату; на ней была поношенная атласная шляпка съ измятыми перьями и цвѣтами.

За ними вошелъ горбу́нъ, въ транстеверинскомъ костюмѣ. Новая бархатная куртка его было небрежно брошена на левое плечо, голубья панталонъ въ обтяжку, красный кушакъ былъ такъ широкъ, что закрывалъ почти третью часть его маленькаго туловища, въ черныя длинныя пейсики было заткнуто по камели, а шляпа конусомъ до того заломлена на бекрень, что я рѣшительно не могъ понять, какимъ фокусомъ она держалась у него на головѣ. Въ рукъ у него была мандолина драгоценной отделки, однимъ словомъ — по всему было замѣтно, что этотъ синьоръ, не смотря на свое безобразіе, не отчаявался понравиться прекрасному полу.

Да онъ и правъ; — это былъ всѣмъ известный Пьетро Такони, первый игрокъ на мандолинѣ въ Римѣ.

Слѣпой остановился посреди комнаты, снялъ шляпу и громко сказалъ: «дружище! какъ же я радъ, что наконецъ мы увидались! т.-е. я хотѣлъ сказать: сошлись! я всё еще не при-

выкъ объясняться какъ прилично слѣпому. Ну, синьора сузруга моя! ведите меня прямо къ нему въ объятіи!

Аббатъ всталъ, пожалъ ему руку, и бережно подаль стаканъ вина. Пока слѣпой пилъ за его здоровье—онъ грустно смотрѣлъ на его открытые и, увы! не видящіе глаза.

«Ну, Омирось! какъ идуть дѣлишки? спросилъ аббатъ принявъ изъ рукъ слѣпаго пустой стаканъ.

— Такъ себѣ, любезный Патито! живемъ себѣ припеваючи, отвѣчалъ онъ, смѣючись. Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя не видалъ... опять глупость! я хотѣлъ сказать—не встрѣчалъ, — я успѣлъ жениться... вотъ на этой милой синьорѣ, которая и принесла уже чинъ наследника.

«Да гдѣ ты провадалъ?

— Гдѣ? спроси лучше, куда меня не заносила нелѣгкая! обошелъ всю Италію, какъ, помнишь, во время оно, когда мы съ тобой...

«Ну хорошо! хорошо! выпьемъ-ка еще по стаканчику— да и ступай себѣ въ залу: — синьоры, я чай, давно тебя ждутся.

«Это была наша первая скрипка, сказалъ мнѣ аббатъ, усаживаясь опять за столъ; онъ играетъ отлично и съ большимъ чувствомъ, какъ вы сей-часъ это услышите.

«Но, когда онъ еще не былъ слѣпъ, за нимъ водился грѣшокъ: онъ безпрестанно заглядывался на сцену. Игра наша до того его занимала, что онъ забывалъ намъ аккомпанировать, и, часто, бросивъ скрипку, хлопалъ въ ладоши. Это было бы простительно для второй скрипки, но онъ, по итальянскому обычаю, дирижировалъ, всѣмъ оркестромъ—и вы понимаете, что этакія выходки съ его стороны мѣшали ходу пьесы.

«Разъ, какъ теперь помню, давали мою пьесу: *Patito in imbroglio* (Патито въ хлопотахъ), — музыку писалъ самъ Мартини. и что жъ вы думаете? въ самомъ патетическомъ мѣстѣ, когда Арлекинъ и Коломбина начали пѣть дуэтъ: *oh per sempre... дуэтъ, который мертвого подниметъ изъ гроба* — проклятый Джиджи началъ орать: *be—e—e—ne!* и хлопать такъ неистово, что вся зала лопнула со смѣху—и пьеса была освистана.

— А отъ чего онъ ослѣпъ?

«Дѣло было любопытное! Мы были въ Чивита-Веккю, и у Джиджи заболѣли глаза. Прїѣзжаетъ туда какой-то Индѣецъ, выдававшій себя за доктора Султана Типоо-Саиба; а я такъ имѣю сильныя причины думать, что этотъ индѣйскій докторъ былъ не кто иной, какъ извѣстный дулькамара, шарлатанъ и зубодеръ Тѳани, который, за разныя продѣлки, былъ года два на галерахъ въ Порто-Феррайо. Только онъ рожу мазалъ кофеемъ, да притворялся, что не умѣетъ говорить по-итальянски. Нелегкая и сунъ Джиджи къ Индѣйцу полечить глаза; далъ онъ ему какой-то примочки; онъ помочилъ — лучше! пришелъ благодарить Индѣйца, тотъ даромъ ему далъ еще стклянку — и уѣхалъ, а Джиджи взялъ, да и ослѣпъ.

«Дѣло-то въ томъ, что во Флоренціи одна богатая и молодая вдовушка влюбилась по уши въ нашу первую скрипку, а за вдовушкой ухаживалъ Тѳани, и ему не удалось и познакомиться ея червонцевъ.

«Теперь вы понимаете, почему я думаю, что Индѣецъ и Тѳани — одно и то же лице?

А въ залѣ раздавался звонкій голось слѣпаго, которому слегка аккомпанировали скрипка и мандолина; послѣдняя выдѣлывала такія шгучки, что просто — прелестъ!

«Онъ поетъ куплеты, *tutti da ridere*, (всѣ смѣшныя), которые онъ сочинилъ по случаю своей женитьбы, сказалъ мнѣ со вздохомъ аббатъ. Эти куплеты ходятъ по Риму, и вы вѣрно ихъ слышали.

— Такъ онъ и поэтъ?

«Не только поэтъ — но даже импровизаторъ.

Хохотъ пирующихъ безпрестанно прерывалъ куплеты слѣпаго.

Вдругъ инструменты взяли минерный аккордъ, и слѣпой пѣвецъ жалобно зашѣлъ о томъ, какъ онъ несчастливъ, потому что жена его, при немъ, можетъ свободно цѣловаться съ любовникомъ. Тутъ онъ пересталъ пѣть и спросилъ *sotto-voce* не цѣлуется ли жена его съ красавцемъ Пьетро?

Я смѣялся отъ души—а старый мой собесѣдникъ молча нюхалъ табакъ, пилъ залпомъ орвѣто, однимъ словомъ, былъ, что называется, не въ своей тарелкѣ.

Слѣпой кончилъ пѣть, и мы услышали звукъ мелкихъ денегъ, падавшихъ въ тарелку.

« Съ стараго друга не смѣй брать ни байона! закричалъ слѣпой своей женѣ, которая съ тарелочкой въ рукѣ показалась въ нашихъ дверяхъ. Для него я пѣлъ, игралъ и буду всегда пѣть и играть даромъ.

« Прощай, старина! закричалъ аббатъ, и продолжалъ, обращаясь ко мнѣ:

« Еслибъ мой старый Джиджи зналъ, какъ онъ меня нестати угостилъ нынче своими куплетами! Я былъ въ отличномъ расположеніи духа, и намѣренъ былъ пощеголить передъ вами моимъ знаніемъ древностей Рима. Я даже, признаюсь вамъ откровенно, нынче ночью, нарочно для васъ, перечелъ кое-что изъ Валери и Нибби—а вышло, что Джиджи испортилъ все дѣло — да и вы хороши! пристали ко мнѣ съ ножомъ къ горлу: расскажи да расскажи!...

Я молчалъ и посылалъ къ чорту слѣпаго скрипача, который, совсѣмъ нестати, помѣшалъ разсказу аббата.

Онъ сидѣлъ задумчиво и машинально гладилъ кошку. Наше взаимное положеніе становилось неловкимъ. Онъ это замѣтилъ, протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

« *Ogni rosa ha la sua spina, ogni corpo ha la sua ombra!*

Этъ двѣ пословицы можно перевести одной: человекъ не безъ грѣха.

« Это значить, продолжалъ аббатъ, что моя жизнь прошла не совсѣмъ безупречно, а кому пріятно говорить о себѣ дурное? Но — такъ и быть!... я же общалъ.... слушайте — но прежде, выпьемте!

VI.

«Я родился въ Неаполь не отъ бѣдныхъ, но честныхъ родителей, какъ говорятъ Французы, а отъ богатыхъ и честныхъ, да*съ лѣвой стороны*. Вы понимаете? Отецъ мой былъ каноникомъ въ базиликъ Пантеона, а мать—его экономка, когрой онъ, по смерти своей, и оставилъ все свое состояніе.

«Ихъ давно нѣтъ на свѣтъ, а потому мы объ нихъ съ вами не будемъ распространяться, по старой поговоркѣ: *de mortuis nihil aut bene*.

«Я воспитывался въ Римѣ, у братьевъ Іезуитовъ, и не на мѣдные гроши, такъ что на 17-мъ году я лихо выдержалъ экзаменъ и поступилъ въ студенты въ Цизскій университетъ по отдѣленію словесныхъ и богословскихъ наукъ. Покойная матушка непременно хотѣла, чтобъ я, по выходѣ изъ университета, поступилъ въ духовное званіе, чтобы современнымъ занять мѣсто моего отца. Бѣдная женщина выше этого мѣста ничего и вообразить себѣ не могла.

«Но судьба готовила для меня другое поприще....

«А славная была тогда жизнь въ Пизѣ! и почти ничего не стоила. Вообразите, что за горницу съ освѣщеніемъ, завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ — мы платили не болѣе 4-хъ скуди въ мѣсяцъ! и эту сумму платили мы, дѣти богатыхъ родителей, — иные жили и на половину; мѣсто въ оперномъ театрѣ стояло полъ-павла! (25 к. асс.).

«Все это не мѣшало мнѣ заниматься дѣломъ и заниматься имъ серьезно. Я уже получилъ степень бакалавра и оставался еще на годъ въ университетъ, чтобы держать экзаменъ на доктора богословія и словесности — вдругъ.... любовный казакъ! своей судьбы не избѣжишь! — въ нашъ городъ приѣхала труппа странствующихъ актеровъ.

«...Я, какъ теперь, все вижу и вижу до самыхъ мелкихъ подробностей.

«Это было наканунѣ пасхи. Я съ пріятелями гулялъ

въ *Кашинахъ* (*); вдругъ, видимъ мы, по дорогѣ изъ Эмполи, тянется повоздъ, который мы давно уже слышали по скрипу колесъ, и который тотчасъ напомнилъ мнѣ известную гравию Калота: Цыганскій таборъ.

«Эго была труппа синьоры Форкетти, вхавшая въ Пизу давать представленія на театрѣ Веккіо.

«Повоздъ состоялъ изъ пол-дюжины огромныхъ, неподмазанныхъ фуръ, въ одну лошадь, и нагруженныхъ... Боже ты мой! чѣмъ не нагруженныхъ! Въ нихъ, въ безпорядкѣ были наброшены и кулисы, и женщины, и дѣти, и подушки, и ученныя собаки, и кошки, и сундуки, и мѣшки со всякою дрянью, и музыкальные инструменты — и чортъ знаетъ, чего тутъ не было! и все это болталось и толкалось при каждомъ толчкѣ; а на клеенчатыхъ покрывахъ фуръ красовались корзины съ салатомъ, янцами, чеснокомъ, — и клѣтки съ курами, которыя кудахтали и драли горло на весь мѣръ.

«Изъ-за пазухи одного изъ возницъ, усьвагагося на оглоблѣ и одѣтаго въ изношенный испанскій колетъ — выглядывала рожа маленькой обезьяны.

«Мужчины, кто въ пальто, потерявшемъ цвѣтъ и форму, кто во фракѣ, покроя прошлаго столбѣя, а кто въ дырявой курткѣ контадина — шли около фуръ, громко разговаривали между собой и хохотали во все горло.

«Одинъ изъ нихъ, малый, сложенный Геркулесомъ, ни съ того ни съ сего, вдругъ принялся вертѣться колесомъ по дорогѣ — и проколесилъ, такимъ образомъ, до самыхъ городскихъ воротъ.

«Эго, какъ я послѣ узналъ, былъ *клоуизъ* честной компаніи. Онъ всегда прибѣгалъ къ этому средству, чтобы поразмять свои члены, уставшіе отъ долгой ходьбы.

» Впереди ѣхала двух-колесная одноколка, съ клеенчатымъ навѣсомъ, изъ-подъ котораго выглядывали два женскихъ лица. Одно изъ нихъ — было лице самой содержательницы труппы, синьоры Форкетти, моей теперешней хозяйки. Оно нисколько не измѣнилось, хотя тому прошло болѣе трид-

(*) Паркъ на берегу Арно.

цати лѣтъ: все также было сморщено и также походило на печеное яблоко.

«Другое личико, выглядывавшее съ любопытствомъ изъ-подъ клеенчатого навѣса....

... Тутъ аббатъ понюхалъ табуку и потупилъ глаза.

«Хоть убейте меня, сказалъ онъ помолчавъ, а я не могу рѣшиться выговорить ея имени—языкъ не слушается!..

«Знаете ли что? Такъ какъ она была примадонною труппы и играла роли Коломбины — то и станемте называть ее Коломбиною....

«Ей тогда было лѣтъ шестнадцать, и, когда послѣ играла здѣсь на театрѣ мальтійскихъ кавалеровъ — то всѣ *пайны* провозгласили ее первой красавицей Рима; а здѣсь, сами вы знаете, красавицамъ и счету нѣтъ — и одна другой лучше.

«Покойная матушка, не смотря на небольшую слабость, единственную въ своей жизни, была старуха набожная, и воспитала меня въ правилахъ вѣры и целомудрія. Добрый ли ангель мой хранилъ меня отъ грѣха, или въ исполненіи твердой воли я находилъ наслажденіе—только, смѣшно сказать,—когда я въ первый разъ увидѣлъ Коломбину,—а мнѣ тогда было за двадцать,—я былъ чистъ и непорочень, какъ — какъ голубь.

«Если скажу вамъ, что, съ перваго взгляда на Коломбину, я влюбился въ нее по уши, я не солгу. Чѣмъ со мной сдѣлалось? я и самъ этого не знаю и пересказать не могу.

«Не выпить ли?

Онъ призадумался, погладилъ машинально кошку и произнесъ со вздохомъ: *Fatum!*

«Эта встрѣча рѣшила мою участь. Коротко сказать, я бросилъ университетъ, почти вовсе не писалъ къ матушкѣ, а если и писалъ—то лгалъ: хорошаго про себя нечего было сказать. Да и когда писать было? все торчалъ за кулисами, да любезничалъ съ Коломбиной, да писалъ для нея роли, а иногда и самъ, подъ маской Арлекина или Пульчинелло, игралъ на сценѣ—и производилъ *фурроръ*. Но этимъ *фурроромъ* я былъ обязанъ не столько врожденному таланту моему, сколько крѣпкимъ рукамъ и звонкимъ голосамъ университетскихъ товарищей, которую всѣ любили меня.

«Такъ прошелъ цѣлый годъ. Матушка, узнавъ отъ добрыхъ людей, чѣмъ я занимаюсь, скончалась съ горя, оставивъ бѣднымъ все свое движимое и недвижимое.

«Мнѣ пришлось плохо; хоть жизнь въ Пизѣ, какъ я вамъ говорилъ, и очень дешева, да ресурсы мои истощались на покупку для Коломбины цветовъ, конфетъ и атласныхъ башмаковъ, которые я нарочно выписывалъ изъ Флоренціи отъ перваго мастера.

«Странная была эта женщина! я никогда не могъ разгадать ее хорошенько. Бывало, послѣ представленія, войду къ ней въ ложу, она бросится ко мнѣ на шею какъ ребенокъ, и ну меня обнимать, и слезы на глазахъ.... *Carino mio! anima mia!* дай я тебя поцѣлую въ твой умный лобъ, за роль, что ты нынче написалъ для меня....

«Что со мной тогда дѣлалось—и пересказать не съумю. Уйду, бывало, къ себѣ, запрусь, брошусь въ постель, уткну носъ въ подушки — и проплачу всю ночь, да такъ сладко, такъ сладко, что у меня и теперь, какъ вспомню объ этихъ бессонныхъ ночахъ, слезы навертываются на глазахъ.

«А иногда приду къ ней, (жила она съ хозяйкой труппы), и не глядитъ на меня, а взглянетъ, то какъ будто взглянетъ на нашего режиссера, котораго никто изъ насъ въ грошъ не ставилъ. Хоть бы дулась на меня! и того не было. Чортъ знаетъ, что такое!

«Такъ прошелъ еще годъ. Въ университетъ я и носу показать не смѣлъ. Старые профессора мои и хорошіе студенты смотрѣли на меня съ презрѣніемъ, не съ презрѣніемъ — я бы этого не перенесъ,—а съ какимъ-то унижительнымъ сожалѣніемъ. *Diamini!* какъ это было скверно!

«Оставались, правда, у меня кой-какіе старые пріатели, да и тѣ разчитывали на мои послѣдніе *паоли* — а *паоловъ*—то оставалось не много, да и впередъ получить ихъ не предвидѣлось.

«Перѣехалъ я жить куда-то въ погребъ, гдѣ и летомъ было такъ сыро, что у меня подъ кроватью росли грибы.

«Дѣло становилось неловко.

«Я подумалъ, подумалъ — да и выдумалъ: *Be or noi to be!*

и. въ одинъ прекраснѣйшій вечеръ, гуляя съ Коломбиной въ Кашинахъ, на берегу Арны, гдѣ она очень глубока и быстра (а я плавать не умѣю)—предложилъ ей мое сердце и руку...

«Надо сказать правду: она не была корыстолюбива; знала, что я нищій, и все таки не отказалась выйти за меня за-мужъ съ условіемъ, чтобъ я окончательно пошелъ въ актеры и сочинять для ней роли.

«Поздно ночью я привелъ ее домой. Старушка хозяйка обняла насъ и благословила отъ души. На другой же день, мы были обвѣнчаны въ церкви Св. Магдалины, которую по справедливости называютъ самою красивою церковью во всей Италіи—и, съ этого дня началась для меня новая жизнь.

«Меня перестала трепать сердечная лихорадка, которая ни днемъ, ни ночью не давала мнѣ отдыха. Я сталъ спокойно счастливъ, и, взглянувъ въ первый разъ на жизнь серьезно, я снова и *con amore* принялся за работу; только я далъ ей другое, исключительное направленіе: я началъ изучать исторію театра, и рѣшительно посвятилъ себя драматическому искусству. Товарищъ мой, покойный Мартини, помогалъ мнѣ своими совѣтами; онъ занималъ у насъ роли арлекина, и, сверхъ этого, былъ нашимъ постояннымъ *маэстро ди капелла*.

«Я уже говорилъ вамъ вчера, что въ мое время на арлекинаду смотрѣли иначе, чѣмъ смотрятъ теперь. Многіе думаютъ, что она не, что иное, какъ балаганный фарсъ, *парадъ*, которыхъ очищенный вкусъ нашего вѣка вынести не можетъ.

«Это жалкое заблужденіе.

«Арлекинада есть чисто-народная итальянская комедія, которая соединила театръ древнихъ съ нашимъ новымъ театромъ.

«Потрудитесь прочесть собраніе комическихъ итальянскихъ пьесъ, за два послѣднія столѣтія, изданное Геральди—сколько ума! сколько оригинальности, сколько таланта!—и какъ безсовѣстно черпаютъ изъ этого собранія наши нынѣшніе драматурги.

«Въ мое время актеръ долженъ былъ быть вмѣстѣ и актеромъ и поэтомъ и импровизаторомъ. Авторъ, болѣею частью, писалъ только *канву* пьесы и постепенный порядокъ явленій (*сценаріо*).

«Актёры сами доверпали остальное. Фюрсли, Доминикъ, Бертинацци, Мартини были неподражаемы въ этихъ импровизированныхъ пьесахъ.

«Пускай-ка нынче, наши лучшіе актёры попробуютъ сыграть, хоть самый ничтожный водевилишка, безъ другаго пособія, кромѣ сценарія, повъшеннаго за кулисами!

«Сколько требовалось знанія сцены, сколько присутствія духа, сколько ума, чтобы не впадать безпрестанно въ аффектацію, и, предавшись всѣмъ капризамъ своего вдохновенія—не выйдти изъ предназначеннаго сценаріомъ положенія, и тѣмъ не повредить ходу и развитію интриги.

«Геральди увѣряетъ, что первое представленіе Мольеровой комедіи: *L'improptu de Versailles*—было дано по одному сценарію, по примѣру итальянскихъ актёровъ, игравшихъ тогда на театрѣ С.-Лаврентьевской ярмарки—и сошло съ рукъ такъ неудачно, что было ошибано въ присутствіи самаго короля, который такъ любилъ своего Мольера. Уже впоследствии Мольеръ изъ этого сдѣлалъ образцовое произведеніе.

«А холодный Гриммъ говорилъ: если вы хотите знать, кто у васъ въ Парижѣ лучшіе актёры, я вамъ не назову ни Декеня, ни мамзель Клеронъ—а пошло васъ посмотрѣть на *Камилла* и актёра, который играетъ роли Патита въ театрѣ С.-Лаврентьевской ярмарки.—Вотъ такъ актёры!

«Я нарочно такъ долго распространялся объ арлекинадѣ, чтобы отдалить рассказъ о моей катастрофѣ. Вы уже вѣрно догадались, что въ моемъ рассказѣ не безъ катастрофы?

«Но, прежде чѣмъ приступлю къ ней—я васъ попрошу со мной чокнуться.

«Не выпей я этого стакана орвьэто, я бы, право, не досказалъ вамъ моей исторіи! Теперь, какъ будто стало полегче на душѣ—и я продолжаю:

«Прежде женитьбы моей, я мало зналъ Италію, но, проживъ два года въ Пизѣ—на третій трупна снялась съ лагеря, и пустилась странствовать. Увѣряю васъ, что отъ Пьэмонта до

Калабрии не было городка, въ которомъ бы мы не давали представлений.

«Я былъ молодъ, счастливъ, и кочующая жизнь пришлась мнѣ по сердцу. Ктому же, и вы, я думаю, испытали надъ собой вліяніе нашего итальянскаго неба? Огъ него такъ и вѣетъ — не сладкимъ вѣтеркомъ, какъ говорить Гёте — а благодатною безпечною и лъною. Заботы о будущемъ рѣдко терзаютъ насъ. — Всѣ мы, и бѣдные и богатые, живемъ, какъ говорятъ Французы: *au jour — le jour*.

«Вотъ и прѣехали мы въ Сиенну. Вы были въ Сиеннѣ?
— Былъ.

«Дивный городъ!

«Гонфалоньеръ города (голова) уступилъ намъ, на площади *Гран-Дука*, большой театръ, который выстроенъ надъ городской тюрьмой. Мѣсто центральное, сцена огромная, декорации великолѣпныя.

«Для открытія нашего театральнаго сезона я написалъ либретто: *Тайный бракъ или любовь въ колодезь*. Мартини положилъ на музыку, публика была въ восторгѣ. Я самъ видѣлъ въ партерѣ одного аббата, который, для вящаго шума, снялъ съ себя башмаки и ими апплодировалъ. Насъ забросали цвѣтами, и, къ концу спектакля, подѣ театромъ поднялся такой ревъ, такой вой, что волосы у меня поднялись дыбомъ: это кагержники намъ апплодировали. А бѣдный Джиджи, уронивъ въ попыхахъ своего страдивариуса, разбилъ его въ дребезги, отбилъ себя ладони и охрипъ крича: *be-e-ne!!* до того, что за ужиномъ слова не могъ проговорить.

«Въ Сиеннѣ мы пробывали нѣсколько мѣсяцевъ; въ кассѣ всегда были деньги; жена моя, Мартини и вашъ покорный слуга, постоянно производили фуроре, однимъ словомъ — все шло какъ по маслу.

«Вдругъ заболѣлъ у насъ клоунъ! тотъ самый, что, для размятія усталыхъ своихъ членовъ, вертелся колесомъ. Надо вамъ сказать, что въ мое время итальянская комедія никогда не могла обойтись безъ клоуна. Бѣдный малой неудачно выкинулъ *salto mortale* (смертный прыжокъ), и чуть не переломилъ себя спинной хребетъ.

« На другой же день, чтобъ занять мѣсто большаго клоуна, отъявился къ намъ одинъ синьоръ....»

Тутъ старикъ опять призадумался,—вдругъ хлопнуль кулакомъ по столу, вскочилъ со стула и началъ шагать по горнищю; кошка въ испугъ также соскочила на полъ и принялась ходить за своимъ хозяиномъ.

« Странное дѣло! сказалъ онъ наконецъ, садясь опять за столъ, и наливая, дрожащею рукою, вино въ стаканы.—Тому уже очень давно.... а вся моя старая кровь такъ и закипитъ въ жилахъ, когда вспомню объ этомъ человѣкѣ!

« И его не могу рѣшиться назвать по имени—и его назывемъ—хоть клоуномъ....»

« Онъ былъ, что называется, *писаный* красавецъ—сложенъ какъ Антиной, съ лицомъ антично-правильнымъ, но безъ всякаго выраженія, какъ лица почти всѣхъ статуй древняго рѣзца—да онъ и былъ простоватъ.

« Старый нашъ клоунъ удачно выполнялъ роли арлекиновъ, Мартини становился старъ, и, уступая ему этъ роли, самъ игралъ роли Пульчинелло, которыя не требуютъ большой развязности. Вотъ и этотъ новичекъ вздумалъ сунуться въ арлекины, и былъ бы непременно освистанъ, еслибы не выкупалъ своихъ умственныхъ недостатковъ удивительными прыжками и разными гимнастическими выходками.

« Вотъ разъ, играли мы пьесу Доминика: *Возращеніе Патита изъ Индіи*, пьесу старинную, но превеселую, которую публика всегда принимала съ восторгомъ.

« Патито возвращается изъ-за моря, оставивъ воспитанницу свою Коломбину подъ надзоромъ слуги своего Пульчинелло. Само собою разумеется, что, во время его отсутствія, Арлекинъ, подъ разными переодѣваньями, ходитъ въ домъ Патита, и любезничаетъ съ Коломбиною. Передъ самымъ прїездомъ Патита, Арлекинъ вздумалъ залѣзть въ мѣшокъ и лечь посреди улицы. Пульчинелло натѣкается на мѣшокъ, думаетъ, что въ немъ сокровище, взваливаетъ его на плечи и вноситъ въ домъ.

« Я, по обыкновенію, игралъ Патита, и явился на сцену къ самой развязкѣ. Появленіе мое встрѣчено было, такъ по

обыкновенію, громкимъ рукоплесканіемъ партера и воемъ нашихъ подземныхъ слушателей.

« Въ этотъ вечеръ, я былъ чрезвычайно въ духъ, и, вмѣсто того, чтобы, послѣ короткаго монолога, войти въ домъ и вытаскать оттуда Арлекина за воротъ и накормить его пинками какъ слѣдовало — я вздумалъ позвать на сцену Пульчинелло, чтобы импровизировать съ нимъ комическую сцену.

« Мартини былъ также въ ударѣ.

« Незамѣтно напали мы съ нимъ на тему обманутыхъ мужей, (говорите послѣ этого, что предчувствіе — вздоръ!) другъ передъ другомъ мы щеголяли лазигами, остротами, импровизировали даже куплеты, словомъ, мы никогда такъ дружно и такъ удачно не играли, какъ въ этотъ разъ.

« Но всему бываетъ конецъ. Боясь пересолить, я подмигнулъ Мартини, далъ ему звонкую пощечину, онъ бросился бѣжать отъ меня со всѣхъ ногъ—а я, преслѣдуемый оглушительными плесками и сердечнымъ хохотомъ, упоенный успѣхомъ, подошелъ къ двери своего дома и началъ въ неѣ стучать, вотъ самую эту палкою—мнѣ никто не отвѣчалъ: такъ слѣдовало въ пьесѣ.

« Это подало мнѣ поводъ къ новому, также очень удачному импровизированному монологу. Наконецъ, я вышибаю картонную дверь кулакомъ, и дую на пальцы, выхожу за кулисы.

« Тамъ вижу, идетъ страшная суматоха; долго я ни отъ кого не могъ добиться путнаго слова, а сцена, не забудьте оставалась пуста; всѣ бѣгали, суетились, и, что меня болѣе всего поразило, всѣ говорили громко, что у насъ строго запрещается.

« Ужъ не пожаръ ли? подумалъ я.

« Вдругъ Мартини бросается ко мнѣ на шею и говорить, задыхался отъ усталости:

« Удрали!

« Кто?

« Жена твоя съ кловномъ!

« Что—о? куда? за чѣмъ?

« Куда? чортъ ихъ знаетъ куда, а зачѣмъ — ты самъ понимаешь, дружище! Только теперъ не время падать въ обморокъ,

потолкуемъ объ этомъ послѣ. Они удрали въ почтовой каретѣ въ то самое время, какъ мы съ тобой тамъ славно отличались на сценѣ. Чортъ ихъ теперь догонить! да и пускай улепетываютъ!... Но... слышишь какъ въ партерѣ стучать? надо спасти честь трупы, идемъ и сохремъ что-нибудь. Въдь не въ первый разъ, никто и не замѣтитъ!

«Ноги у меня подкашивались, я чуть не упалъ. Мартини не далъ мнѣ времени образумиться, схватилъ меня за плечи, повернулъ къ кулисъ лицомъ, далъ пинка — и я снова очутился на сценѣ.

«Что я тамъ говорилъ, ужь этого не помню. Узналъ я послѣ, что сначала всѣ помирали со смѣху, а кончилось тѣмъ, что изъ ложъ начали выносить дамъ, и весь партеръ плакалъ на взрыдъ...»

«Въ ту же ночь, какъ слѣдуетъ, я занемогъ жестокою горячкой. Добрая хозяйка трупы ходила за мною какъ за сыномъ. Провалился я мѣсяца два, и, признаюсь вамъ, не хотѣлъ и выздоравливать: къ-чему?...

«Вотъ моя исторія и приведена къ вождельному концу, и за это слѣдуетъ намъ вышить.

«Да! я, кажется, обещалъ вамъ рассказать и о томъ, что и послѣ катастрофы со мной *приключилось*? а въ самомъ-то дѣлѣ, послѣ со мной ровно ничего не *приключилось*.

«Сцена мнѣ опротивѣла, и я рѣшился оставить ее навсегда. Съ нѣсколькими пѣстрами въ карманъ и съ котомкой на плечахъ, которую старая директриса сшила мнѣ на дорогу изъ клеенки, покрывавшей прежде извѣстную мнѣ одноколку, я отправился въ Неаполь.

«Хотѣлось умереть на родной сторонѣ.

«Тамъ, старые знакомые моего отца приняли меня какъ собаку, а капуцинъ, душеприкащикъ моей магушки, такъ удачно распорядился, что, въ одну прекрасную ночь, сбѣры отвезли меня въ Кастель дель-Уоно, гдѣ и продержали меня около года на пищѣ Св Антонія. Тамъ я посѣдѣлъ, и сгнилъ бы непременно, еслибъ не отецъ кардинала Г*, мой старый школьный товарищъ, который взялъ меня къ себѣ на поруки.

« Долго спустя узналъ я, что *падре* капуцинъ взвелъ на меня передъ *буонъ-говерно* (полиція), что будто бы я отчаянный карбонарь.

« Скажите пожалуйста; похожъ ли я на заговорщика, я, который отъ роду не бралъ газетъ въ руки?

« Прошло нѣсколько лѣтъ, и я преспокойно жилъ въ Римѣ, въ домѣ моего стараго товарища кардинала, въ званіи бібліотекаря, какъ вдругъ получаю, изъ нашего посольства въ Лондонѣ, метрическое свидѣтельство о смерти жены моей. Она умерла въ... въ не очень-то хорошемъ домѣ, брошенная синьоромъ клоуномъ, который женился на какой-то пребогатой *миссъ* и ударился въ *спортъ*.

« Все это было въ порядкѣ вещей.

« Тутъ я, не думая долго, вступилъ въ духовное званіе.

« Разъ, въ Дженесано, куда, по старой страсти къ искусству, я ѣздилъ на ярмарку посмотреть арлекинаду, я встрѣтилъ старую мою директрису. Ея дѣла шли плохо: Мартини умеръ въ госпиталь въ Венеціи, старый клоунъ, переломивъ себѣ гдѣ-то ногу, занималъ мѣсто режиссера, новая Коломбина была дурна собой, глупа и пѣла въ носъ.

« Я уговорилъ старушку бросить ремесло, и на скопленные деньжонки нанять домикъ въ Римѣ, отдавать его въ наймы и жить синьорой. Старый товарищъ мой Г* умеръ, мнѣ захотѣлось опять пожить на свободѣ, я и переехалъ къ старой моей хозяйкѣ, работаю по душѣ, вожусь со старыми флорантантами—и счастливъ какъ царь; однимъ словомъ: живу себѣ и не тужу... а иногда, вотъ хоть, напр., теперь, выпивъ фляжку орвьѣта, спрашиваю себя: чего бы такого не доставало мнѣ, и чего бы такого пожелать?... одного развѣ... забвенія....»

Года четыре тому назадъ, во Флоренціи, за завтракомъ въ кафе Доне, я прочелъ въ журналѣ *la Rivista* слѣдующую статью: «Неаполь. Въ настоящемъ году, на конгрессѣ ученыхъ по части Археологіи и Эстетики, не доставало нашего соотечественника, извѣстнаго изыскателя древностей, аббата К. П.

« Онъ скончался въ больницѣ С. Джакобо въ декабрь мѣсяцъ, отъ *Lesione cori*, болѣзни, которая была слѣдствіемъ его непрерывныхъ ученыхъ трудовъ.»

М. ВЪЖИКОВЪ.

М Е Л О Ч И

ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ.

(Продолженіе).

Въ первый разъ я узналъ Карамзина 5 іюня 1812 года, когда я еще былъ въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ. Онъ пріѣзжалъ къ начальнику пансіона, Антону Антоновичу Прокоповичу-Антонскому, и пожелалъ меня видѣть, сколько по дружбѣ своей съ моимъ дядей, столько и по воспоминанію о моемъ отцѣ. Мнѣ было тогда 15 лѣтъ. Я смотрѣлъ на него съ благоговѣніемъ: такимъ уваженіемъ я былъ преисполненъ къ его сочиненіямъ, которыя были мнѣ извѣстны съ малолѣтства; такъ привыкъ я слышать въ нашей семьѣ его имя, повторяемое съ уваженіемъ къ его дарованіямъ. Пришедши назадъ въ пансіонъ, я записалъ все, что Карамзинъ говорилъ, и сохранилъ донинѣ эту тогдашнюю записку.

Карамзинъ съ первой молодости былъ другомъ моего дяди; но еще прежде, нежели сблизился съ нимъ, онъ былъ друженъ съ моимъ отцемъ. Военная служба въ отдаленномъ краю Россіи, а потомъ смерть моего отца, разлучила ихъ.

Объ немъ говорить Карамзинъ въ Письмахъ Русскаго Путешественника, въ письмѣ отъ 26 маія 1789:— «Въ Петербургѣ я не «веселился. Пріѣхавъ къ своему Дмитріеву, нашель его въ край-
«немъ уныніи. Сей достойный, любезный человѣкъ открылъ мнѣ

«свое сердце: оно чувствительно—онъ несчастливъ! — «Состояніе мое совсѣмъ твоему противоположно», сказалъ онъ со вздохомъ: «главное твое желаніе исполняется; ты ѣдешь наслаждаться, веселиться, а я поѣду искать смерти, которая одна можетъ окончить мое страданіе». Я не смѣлъ утѣшать его и довольствовался однимъ сердечнымъ участіемъ въ его горести. Но не думай, мой другъ—сказалъ я ему—чтобы ты видѣлъ передъ собою челоуѣка «довольнаго своею судьбою; приобретаая одно, лишаясь другаго, и жалѣю.—Оба мы вмѣстѣ отъ всего сердца жаловались на несчастный жребій челоуѣчества, или молчали. По вечерамъ прохаживались въ лѣтнемъ саду, и всегда больше думали, нежели говорили; каждый о своемъ думалъ.»

Объ немъ же упоминаетъ онъ въ статьѣ: Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона. Вотъ это мѣсто: «я говорилъ съ нимъ за два дни до кончины его» (пишетъ ко мнѣ любезный Дмитріевъ), и никогда не перестану удивляться силамъ души его». А я, за сіе удивленіе, никогда не перестану любить тебя, милый Дмитріевъ». — Это писано 28 марта 1793.

Подъ именемъ Агатона Карамзинъ разумѣлъ товарища своей юности Александра Андреевича Петрова. Въ первомъ году журнала «Москвитиняинъ», помѣщенъ былъ мною отрывокъ изъ записокъ моего дяди, гдѣ было сказано о Петровѣ. И потому повторяю въ короткихъ словахъ, но съ нѣкоторымъ поясненіемъ, то, что было уже напечатано.

Петровъ былъ молодой челоуѣкъ глубокаго ума и съ вѣрнымъ критическимъ взглядомъ. Онъ зналъ языки древніе: греческой и латинской; изъ новѣйшихъ: нѣмецкой, англійской и французской; въ русскомъ имѣлъ глубокія свѣдѣнія. Самъ онъ не писалъ ничего, а занимался переводами. Изъ переведенныхъ имъ книгъ извѣстны: *Учитель, или система воспитанія*, въ 2-хъ томахъ; *Хризомандеръ*, повѣсть, которую мой дядя называлъ мистическою. И то и другое съ нѣмецкаго. Эта повѣсть болѣе аллегорическая; подъ видомъ приключеній и перемѣнъ въ судьбѣ лицъ, въ ней повѣствуется (для тѣхъ, кто можетъ понять) тайна алхиміи и такъ называемый процессъ великаго дѣла (*le grans-oeuvre*), т.-е. со-

ставленіе философскаго камня. — Съ англійскаго языка перевелъ овъ: *Багуатгету*, эпизодъ изъ Магабараты, замѣчательный глубокииъ философско-религіозныиъ содержаніемъ. Онъ же издалъ, подъ руководствомъ Н. И. Новикова, первые два тома *Дѣтскаго чтенія*.

Дѣтское чтеніе было едва ли не лучшею книгою изъ всѣхъ, выданныхъ для дѣтей, въ Россіи. Я помню, съ какииъ наслажденіемъ его читали, даже и взрослые дѣти. Оно выходило пять лѣтъ, съ 1785 по 1790, особыми тетрадкаиъ, при Московскихъ Вѣдомостяхъ. Все, что ни выдавалъ Новиковъ, носило на себѣ печать благонамѣренности и религіозности. Такъ и въ этомъ изданіи, въ первый годъ его выхода, именно въ тѣхъ двухъ частяхъ, которыя издавалъ Петровъ, каждая тетрадка начиналась текстомъ Св. Писанія.

Карамзину приписываютъ нынѣ книгопродавцы, а за ними и журналисты, изданіе *Дѣтскаго чтенія*. Никогда овъ не издавалъ ни одного тома; есть только въ первыхъ двухъ томахъ немногіе его переводы. Съ тѣхъ поръ, какъ прекратилось родословное древо нашей литературы, у насъ прекратились въ ней преданія.

Еще повторяютъ наши журналы, будто Карамзинъ былъ отправленъ путешествовать на счетъ существовавшего въ Москвѣ типографическаго Общества Новикова: это совершенно ложно! — Онъ путешествовалъ на свой собственный счетъ. Я знаю, что нѣкоторые люди, изъ стариковъ, и люди впрочемъ почтенные, находятъ нѣкоторую выгоду повторять, что Карамзинъ принадлежалъ къ ихъ Обществу; что будто оно дало ему первый ходъ; что Карамзинъ былъ многимъ ему обязанъ, и потомъ его оставилъ, что ставили ему въ вину. Карамзинъ не скрывалъ, что принадлежалъ къ этому Обществу въ первыхъ лѣтахъ своей молодости, и при мнѣ одинъ разъ рассказывалъ объ этомъ, также и о томъ, что оставилъ его, не найдя той цѣли, которой ожидалъ. Вотъ самое ясное оправданіе противъ неясныхъ обвиненій! Карамзинъ былъ ума глубо-

каго и яснаго; при этихъ двухъ качествахъ ума, онъ могъ довольствоваться только ясною истиною.

Н. И. Новиковъ всегда сохранялъ къ нему прежнее благорасположеніе, что свидѣлствуетъ его переписка; два письма его были напечатаны въ Москвѣ, въ книжкѣ: Письма С. И. Г. (Гамалеи). Но нѣкоторые не влюбилн Карамзина за отступленіе отъ ихъ круга.

Карамзинъ хотя уступалъ моему дядѣ въ дарованіи поэтическомъ; но много былъ ему полезенъ своими совѣтами, своими основательными замѣчаніями, своей здравой критикой. Когда мой дядя написалъ и прислалъ къ нему изъ Сызрана, вмѣстѣ съ другими стихами, свою стихотворную шутку: *Карриатура*, онъ писалъ къ нему, что посылаетъ ее только для него, а не для журнала. Но Карамзинъ тотчасъ понялъ достоинство этой бездѣлки, заключающееся въ вѣрности картины, въ свѣжести легкихъ красокъ и въ естественной простотѣ разсказа. Онъ отвѣчалъ автору, что эта піеска изъ всѣхъ лучшая, и что ее-то онъ и печатаетъ!

Первая супруга Карамзина скончалась въ 1802 году. Карамзинъ любилъ ее страстно. Видя безнадежность больной, онъ то рвался къ ея постелѣ, то отрывается былъ срочною работою журнала, который составлялъ его доходъ и былъ необходимъ для семейства. Это было мучительное время его жизни! Утомленный, измученный, бросился онъ однажды на диванъ и заснулъ. Вдругъ видитъ во снѣ, что онъ стоитъ у вырытой могилы, а по другую сторону стоитъ Екатерина Андреевна (на которой онъ послѣ женился), и черезъ могилу подаетъ ему руку. Этотъ сонъ тѣмъ страннѣе, что въ эти минуты, занятый умирающею женою, онъ не могъ и думать о другой женитьбѣ, и не воображалъ жениться на Екатеринѣ Андреевнѣ. Онъ самъ разсказывалъ этотъ сонъ моему дядѣ. На Екатерину Андреевну онъ женился въ 1804-мъ г.

Не было равнодушнѣе Карамзина и къ похвалѣ и къ критикѣ: первой не давалъ онъ большой цѣны, потому что его славолубіе было не мелочное авторское самолюбіе; второю онъ не возмущался, потому что мелочи не тревожили никогда его философскаго спокойствія. Въ его характерѣ было какое-то высокое спокойствіе духа, которое мы находимъ у древнихъ философовъ. Сердце его могло страдать; но духъ не возмущался.

Кстати о похвалѣ и критикѣ. Когда А. С. Шишковъ написалъ противъ новаго Карамзинскаго языка цѣлую книгу: *Разсужденіе о старомъ и новомъ слоги* (1803), мой дядя принесъ эту книгу къ Карамзину и совѣтовалъ отвѣчать. Но Карамзинъ, пробѣжавъ книгу, бросилъ ее куда-то, гдѣ она и осталась. Въ другой разъ, это было при мнѣ, казанской профессоръ Городзаниновъ прислалъ ему печатную книжку: *Разборъ рѣчей изъ Марфы Посадницы* и еще чего-то изъ его сочиненій, разборъ, наполненный похвалою. Та же участь постигла и эту книжку!

Онъ оставлялъ иногда безъ отвѣта письма, наполненныя похвалами уваженія, которыя для всякаго другаго были бы очень пріятны; также и присылку къ нему книгъ. Дядя мой, строгій наблюдатель приличій, часто упрекалъ его въ этомъ. Но это было не по гордости, а потому что Карамзинъ не любилъ пустаго труда и берегъ дорогое время. Нынче нѣкоторые тоже не отвѣчаютъ на письма, но во-первыхъ они не имѣютъ тѣхъ правъ: это не Карамзины; во-вторыхъ, эта неуцтливость такъ сходится у иныхъ съ образомъ жизни, съ ихъ обращеніемъ, что очевидно она происходитъ у нихъ отъ одного недостатка воспитанія. Карамзинъ былъ выше мелочей, — хотя и его дядя мой въ этомъ не извинялъ; а иные воображаютъ себя выше другихъ, потому что не разберутъ чужаго достоинства!

Карамзинъ, говоря о Русскомъ языкѣ, употреблялъ иногда вмѣсто правила подобіе, которое дѣлало правило очевиднымъ. У одного журналиста въ Москвѣ, нашелъ онъ слово: *кормичевъ*, вмѣ-

сто кормчихъ. Онъ сказалъ ему: «развѣ вы напишете: *пльвичевъ* вмѣсто *пльвичихъ*?» Что сказалъ бы онъ о ннѣшнемъ помимо и совпадать?

Возвратясь въ Москву, послѣ нашествія Франнузовъ, Карамзинъ жилъ сперва въ домѣ Селивановскаго, на большой Дмитровкѣ; потомъ на Воздвиженкѣ, въ угольномъ домѣ *Θ. Θ. Косошкіна*, противъ церкви Бориса и Глѣба. Я нерѣдко бывалъ у него сперва вмѣстѣ съ моимъ дядею, а потомъ и одинъ, послѣ вторичнаго отъѣзда его въ Петербургъ на министерство.

Не было человѣка обходительнѣе и добрѣе Карамзина въ обращеніи. Голосъ краснорѣчивѣйшаго нашего писателя былъ громокъ и благозвученъ. Онъ говорилъ съ необыкновенною ясностію; спорилъ горячо, но логически, и никогда не сердился на противорѣчія. Вотъ какъ изобразилъ его Жуковскій въ письмѣ къ моему дядѣ. Хотя эти стихи и были напечатаны вполнѣ въ Москвитиннѣ; но помѣщаю здѣсь этотъ отрывокъ по вѣрности изображенія. Это писано въ 1813 году; но относится къ времени, предшествовавшему 1812 году. Жуковскій говоритъ о домѣ *И. И. Дмитріева*, сгорѣвшемъ во время нашествія иноземцевъ, и вспоминаетъ о тогдашнемъ его обществѣ, собиравшемся въ его саду, за чаемъ, подъ тѣнію широкой липы.

Сколь часто прохладенный
 Сей тѣнью Карамзинъ,
 Нашъ Ливій—Славянинъ,
 Какъ будто вдохновенный,
 Предъ нами разрывалъ
 Завѣсу лѣтъ минувшихъ
 И смертнымъ сномъ заснувшихъ
 Героевъ вызывалъ
 Изъ гроба передъ нами!
 Съ поднятыми перстами,
 Со пламенемъ въ очахъ
 Подъ сѣрымъ юберрокомъ,
 И въ пыльных сапогахъ,

Казался онъ пророкомъ,
Открывшимъ въ небесахъ
Всѣ тайны ихъ священны!

Я видалъ Карамзина въ этомъ видѣ: съ поднятыми перстами
и съ пламенемъ въ очахъ. Изображеніе очень вѣрно!

Образъ жизни его въ Москвѣ былъ чрезвычайно правиленъ.
Всякое утро посвящалъ онъ труду, Исторіи Россійскаго Государства;
всякой день ѣздилъ верхомъ, или ходилъ пѣшкомъ, передъ
обѣдомъ; въ 10 часовъ вечера выходилъ въ гостиную пить чай,
и принималъ тѣхъ, которые пріѣзжали къ нему на вечеръ.

Императоръ Александръ не зналъ Карамзина до 1811 года.
Въ этомъ году, намѣреваясь посѣтить въ Твери Великую Княгиню
Екатерину Павловну, которая была тогда въ супружествѣ за Герцо-
гомъ Голштейнъ-Ольденбургскимъ, Государь пожелалъ видѣть
тамъ Карамзина, который, по приглашенію Великой Княгини, и
пріѣхалъ въ Тверь. Здѣсь-то читалъ онъ въ первый разъ Госу-
дарю свою Исторію: что представлено на одномъ барельефѣ, па-
мятника, воздвигнутаго историографу на его родинѣ, въ Симбир-
скѣ. Жаль очень, что и Государь и историографъ изображены на
немъ не въ современномъ костюмѣ.

Государь, между многотрудныхъ дѣлъ войны и политики, бралъ
съ собою въ путешествія рукопись Исторіи Государства Россій-
скаго и читалъ со вниманіемъ.

Исторія Государства Россійскаго была напечатана въ 1816
году, по Высочайшему повелѣнію.

По лѣтамъ Государь любилъ жить въ Царскомъ Селѣ. Карам-
зинъ, переѣхавшій въ Петербургъ для печатанія Исторіи, прово-
дилъ каждое лѣто тоже въ Царскомъ Селѣ, гдѣ для него, по
приказанію Государя, всегда приготовлялось помѣщеніе. Здѣсь

всякой день встрѣчался онъ въ саду съ Государемъ. Здѣсь геній одного и величіе другаго — сближались кротостію Монарха и прямодушіемъ подданнаго. Здѣсь Карамзинъ имѣлъ случай всякой разъ разговаривать съ благосклоннымъ Александромъ.

Разкажу здѣсь, какъ я получилъ камеръ-юнкерство. Дядя мой уже былъ семь лѣтъ въ отставкѣ и жилъ въ Москвѣ. Я тогда помолвилъ жениться. Дядѣ хотѣлось, къ моей свадьбѣ, доставить мнѣ званіе камеръ-юнкера. Не смѣя писать объ этомъ прямо къ Государю, не смотря на увѣренность въ Его милости, онъ написалъ къ Карамзину, что желалъ бы узнать, сохранилъ ли къ нему Государь прежнее благоволеніе и можетъ ли онъ написать къ Нему о своей просьбѣ. Императоръ жилъ тогда въ Царскомъ Селѣ. Встрѣтившись съ Карамзинымъ въ саду, Онъ сѣлъ на скамейку и посадилъ его подлѣ Себя. Первый вопросъ былъ, какъ почти и всегда: «пишетъ ли къ тебѣ Иванъ Ивановичъ и здоровъ ли онъ?» — «Пишетъ, Государь; я еще имѣю отъ него и порученіе». — «Какое?» — «Онъ желаетъ узнать отъ меня: сохранили ли Вы къ нему прежнее милостивое благоволеніе?» — «Что это значить? развѣ онъ сомнѣвается?» — «Нѣтъ, Государь; но у него есть просьба». — «Какая?» Карамзинъ сказалъ о камеръ-юнкерствѣ. — Надобно сказать, что Государь, при началѣ разговора съ Карамзинымъ, взялъ у него трость. — Не отвѣчая ничего на послѣднія слова его, Онъ началъ писать на пескѣ тростью, и написалъ: *быть по сему*. Карамзинъ, видя это, ободрился и рѣшился спросить: какой же отвѣтъ прикажете мнѣ написать, Государь? — Александръ отвѣчалъ: «Ты отвѣтъ видишь!» — «Но это, Государь, написано на пескѣ!» замѣтилъ Карамзинъ съ улыбкою. — «Что Я написалъ на пескѣ, то напишу и на бумагѣ!» — По уведомленіи объ этомъ, дядя мой написалъ уже письмо къ Императору. Такимъ образомъ получилъ я званіе камеръ-юнкера.

Отецъ Карамзина, Михаилъ Егоровичъ, былъ симбирской дворянинъ. Онъ былъ женатъ два раза. Отъ перваго брака были у него сыновья: Василій Михайловичъ, Федоръ Михайловичъ, (кото-

рыхъ я тоже зналъ обонхъ), и Николай Михайловичъ. Во второмъ бракѣ былъ онъ женатъ на родной сестрѣ моего дѣда и родной теткѣ моего дяди и отца, Авдотѣ Гавриловнѣ Дмитріевой. Отъ этого брака имѣлъ онъ сына Александра Михайловича и дочь Марю Михайловну, по мужу Философову. Такимъ образомъ младшій братъ и сестра Николая Михайловича были моему дядѣ двоюродные; а Николай Михайловичъ не родня. Но они были съ нимъ ближе родныхъ по своей дружбѣ.

Начало службы Карамзина было, какъ и всѣхъ дворянъ хорошей фамиліи того времени, въ гвардіи. Гвардейская его служба продолжалась не долго; но сколько и съ котораго года по который, не знаю, знаю однако, что онъ въ своей молодости (это было до 1787 года) пріѣзжалъ на свою родину, въ Симбирскъ, и едва тамъ не остался.

Тамъ, молодой человѣкъ, умный, хорошенькой собою и пріѣхавшій изъ Петербурга, разыгрывалъ роль свѣтскаго юноши. Танцевать онъ вѣроятно не танцевалъ, потому что былъ и не мастеръ: онъ сказывалъ при мнѣ, что за его танцованье было заплачено танцмейстеру всего 15 рублей мѣду; онъ взялъ 30 уроковъ, по полтиннѣ за урокъ. Но въ замѣну этого онъ пристрастился было къ картамъ. Къ счастью, въ это время былъ въ Симбирскѣ Иванъ Петровичъ Тургеневъ (отецъ Александра Ивановича). Онъ зналъ способность молодого человѣка; зналъ его переводы, первые его опыты въ литературѣ. Ему стало жаль умнаго и талантливаго юношу, который губить свои способности въ кругу людей, которые не могли и оцѣнить ихъ, не только придать имъ силы. Онъ уговорилъ молодого Карамзина ѣхать въ Москву и приняться за что-нибудь полезное. Этому-то достойному человѣку обязаны мы сохраненіемъ Карамзина отъ разсѣянной, пустой жизни и неразлучныхъ съ нею искушеній. Тогда-то возвратился Карамзинъ въ Москву, и тогда-то, по рекомендаціи Тургенева, вступилъ въ общество Новикова, къ которому принадлежалъ уже его Агатовъ, Александръ Андрѣевичъ Петровъ.

Первые опыты Карамзина, до его путешествія, были слѣдующіе:
Деревянная нога, швейцарская идиллія, переводъ изъ Геснера. — 1783.

Нѣкоторые переводы, напечатанные въ двухъ первыхъ томахъ Дѣтскаго чтенія. — 1785.

О происхожденіи зла, поэма, переводъ изъ Галлера. — 1786.

Юлій Цезарь, трагедія, переводъ изъ Шекспира. — 1787.

(Замѣчу для библиомановъ, что есть другой старинный переводъ Г. А. то-есть: Арсеньева. Переводъ Карамзина напечатанъ былъ въ типографіи компаніи типографической).

Эмилія Галотти, трагедія Лессинга. — 1788.

Всѣ эти опыты предшествовали путешествію Карамзина въ чужіе края. Онъ сдѣлался извѣстенъ съ изданія Московскаго журнала. въ 1791 году, особенно по Письмамъ Русскаго путешественника, которыхъ были помѣщены въ немъ первыя четыре части.

Сочиненія Карамзина были приняты съ необыкновеннымъ восторгомъ. Красота языка и чувствительность — вотъ что очаровало современниковъ. Молодые люди и женщины всегда воспримчивѣе и къ чувствительному и къ прекрасному: по крайней мѣрѣ такъ было въ то время. Ихъ-то любимцемъ сдѣлался Карамзинъ, какъ авторъ. Его слогъ чрезвычайно быстро проникъ въ молодое поколѣніе писателей, но тѣмъ болѣе возбудилъ онъ противъ себя закоснѣлость стариковъ и старыхъ писателей, которымъ переучиваться было уже поздно. Между ними возсталъ на него Шишковъ въ своей книгѣ: *Разсужденіе о Старомъ и Новомъ слогѣ* (1802).

Нынче эта книга забыта; но въ свое время она надѣлала много шума въ пишущей публикѣ, и Шишковъ сдѣлался знаменемъ, подъ которое стекались литературные старовѣры. Впрочемъ этихъ людей было не много; всѣ они были люди, не отличавшіеся ни знаніями, ни талантами. Таковы были, на примѣръ, Захаровъ (который написалъ: *Похвалу женамъ*, и въ переводѣ Телемака прославился своею фразою: *возсѣдали старцы обоего пола*); потомъ: *Ста-*

невичъ, Анастасевичъ, Политковской! Кто объ нихъ нынѣ знаетъ и помнить, что они написали? А языкъ Карамзина распространялся болѣе и болѣе.

Нынѣ пишутъ о Шишковѣ, какъ объ учредителѣ школы, противодѣйствовавшей Карамзину, какъ будто Шишковъ имѣлъ въ нашей литературѣ какую-нибудь силу и произвелъ на нее какое-нибудь вліяніе! — Ничего этого не было! — Одинъ Шишковъ писалъ противъ Карамзина, а другіе, не многіе, молча дѣлались около него, но зависти къ недостижимому таланту, по недовѣрчивости къ нововведеніямъ въ слогъ, и по незнанію языка, а не потому, чтобы отстаивали коренныя его свойства. Самъ Шишковъ, имѣвшій пристрастіе къ славянскому языку, плохо зналъ его, и вообще не имѣлъ достаточныхъ свѣдѣній въ филологіи. Еслибы нынѣшніе защитники Шишкова прочитали его книгу: *Разсужденіе о Старомъ и Новомъ слогѣ; Прибавленіе къ разсужденію, и О краснорѣчій Св. Писанія*: они сами могли бы это увидѣть.

Это пишутъ они отъ того, что книгу Шишкова не читали; вотъ этому и доказательство.

Г. П. въ своей книгѣ: *Краткій курсъ Словесности* (С. П. Б. 1832. стр. 161.) говорить: «Критики Шишкова имѣли весьма значительное вліяніе въ нашей литературѣ; особливо: *О легчайшемъ способѣ возражать на Критику* можетъ похвастаться лучшимъ образцомъ и теоріею критики». Я въ этомъ согласенъ, что эта небольшая книжка дѣйствительно превосходный образецъ критики; но дѣло въ томъ, что она написана не *Шишковымъ*, а *противъ Шишкова*, и что въ ней-то и доказано, что Шишковъ плохо знаетъ славянскій языкъ, и что онъ плохой критикъ. Эта книжка написана *Дм. Вас. Дашковымъ*, который послѣ былъ министромъ юстиціи. Объ ней я упомяну послѣ.

Тамъ же говорить г. П.: «*Полемическій споръ Карамзина съ Шишковымъ* — можетъ быть читанъ съ пользою». Не го-

ворю о томъ, что полемической споръ—это все равно, что спорный споръ; но гдѣ бы достать прочесть такую рѣдкость, которой никогда не существовало, т.-е. споръ Карамзина съ Шишковымъ. Карамзинъ, это всѣмъ извѣстно, никогда не отвѣчалъ Шишкову на его нападки, ибо критики прямо противъ Карамзина и на его имя Шишковъ тоже никогда не писалъ! Стало быть г. П. тоже не могъ читать того, что совѣтуетъ прочитать ученикамъ своимъ.

Шишковъ находилъ у Карамзина *галлицизмы*, которыхъ нѣтъ; а самъ, употребляя славянскія, или старинныя русскія слова, и думая писать подобно предкамъ, очень часто дѣлаетъ галлицизмы и не замѣчаетъ этого. Причиною этого то, что онъ всѣ иностранныя слова, (кромя нѣмецкихъ, ибо онъ по-нѣмецки, какъ и по-итальянски, зналъ хорошо), принималъ за французскія, а всѣ французскія слова за галлицизмы. Онъ не зналъ, что галлицизмъ, германизмъ и проч. заключается не въ *словъ*, а въ *оборотъ рѣчи*; что онъ относится не къ *этимологiи* языка, а къ *синтаксису*.

Въ доказательство, что Шишковъ самъ дѣлалъ галлицизмы, вотъ одна его фраза: «не могла она (т.-е. пчела) какъ токмо *самомалѣйшую часть онаго* (меда) высосать.» Это оборотъ совершенно французской: *elle ne pouvoit en tirer que la plus petite partie*. По-русски надобно было сказать: «она могла только;» или: «она не могла болѣе, какъ только.» — А вотъ примѣръ его худаго знанія русскаго языка: «такъ писали предки наши, *которыхъ* нынѣшніе писатели не читаютъ, или смѣются имъ.» По-русски слѣдовало сказать: «или *которымъ* смѣются.»

Примѣръ того, что всѣ иностранныя слова онъ почиталъ французскими, напечатанъ недавно въ Москвитинѣ, А. Ѳ. Стурдзю. Слово *trésor* (вмѣсто латинскаго *thesaurus*) Шишковъ производилъ отъ *tres* и *ог*, и переводилъ по-русски словомъ *презлато*. Его книги наполнены подобными примѣрами.

Онъ до такой степени былъ не твердъ въ понятіи о свойствахъ языка, что для него *слово*, *оборотъ рѣчи* и самая *метафора*, все это, и *фигуры* и *тропы*, принадлежали самому языку. Находятъ ли онъ метафору—это у него свойство и красота славянскаго языка, находятъ ли онъ эллинизмъ и такую перестановку, такое сочетаніе частей рѣчи, отъ которыхъ рѣчь запутана и вовсе не понятна для русскаго человѣка: это у него опять свойство и красота славянскаго языка.

Истинный знатокъ языка, какъ напримѣръ *Евгеній Іоанновичъ*, епископъ карловацкій, (написавшій недавно грамматику церковно-славянскаго языка), различаетъ легко ошибки пишущаго отъ истинныхъ свойствъ языка. На это же указывалъ и *Дашковъ* въ своей маленькой, но драгоценной книжкѣ, написанной противъ *Шишкова*. Но *Шишковъ* принималъ это за расколъ въ словесности, и вмѣсто дѣльнаго возраженія укорялъ своихъ противниковъ, что они сроду не бывали ни у заутрени, ни у обѣдни. (См. *Цвѣтникъ*, изд. *Измайлова* и *Никольскаго*, 1810 г., том. 8, стр. 430).

Вотъ подлинныя слова *Шишкова*: «Новораспространившееся о словесности толкованіе умы многихъ молодыхъ людей, впрочемъ весьма острыхъ и благомыслящихъ, удивительнымъ образомъ заразило. Иной, не читавъ ничего, кромѣ переводимыхъ по два тома въ недѣлю романовъ, и не бывавъ сроду ни у заутрени, ни у обѣдни, не хочетъ вѣрить, что *благодатная*, *неискусобрачная*, *тлетворный*, *злокосненный*, *багрянородный*, Русскія слова, и утверждаетъ это тѣмъ, что онъ ни въ *Лизѣ* (т.-е. въ *Бѣдной Лизѣ Карамзина*), ни въ *Анютѣ* ихъ не читалъ.» (См. *переводъ двухъ статей изъ Лагарпа* съ примѣчаніями переводчика).

Въ *Разсужденіи о краснорѣчій Св. Писанія*, говоритъ онъ о раздѣленіи славянскаго и русскаго языка между прочимъ слѣдующее: «На что жъ чуждаться намъ перваго изъ оныхъ и стараться

«приводить его въ забвеніе и презрѣніе? Для того ли, чтобъ «умъ и сердце каждаго отвлечь отъ нравоучительныхъ духовныхъ «книгъ, отвратить отъ словъ, отъ языка, отъ разума оныхъ, и «привязать къ однимъ свѣтскимъ писаніямъ, гдѣ столько раз- «ставлено сѣтей къ помраченію ума и уловленію невинности, что «совлеченная единожды, она непремѣнно должна попасть въ оныя. «Какое намѣреніе полагать можно въ стараніи удалить нынѣшній «языкъ нашъ отъ языка древняго, какъ не то, чтобы языкъ вѣры, «ставъ невразумительнымъ, не могъ никогда обуздывать языка «страстей.»—Таковыя-то мнѣнія включалъ Шишковъ въ простое разсужденіе о языкѣ!

И таковы-то были тогдашніе споры филологовъ!—Когда сравнишь ихъ съ нынѣшними филологическими изслѣдованіями; когда вспомнишь тогдашнее изданіе Россійской Академіи, подъ названіемъ *Сочиненій и переводовъ* и сравнишь ихъ съ нынѣшними трудами Академіи Наукъ по 2-му отдѣленію: то ясно увидишь, что съ того времени мы сдѣлали великіе успѣхи, и что только нынѣ филологія сдѣлалась у насъ наукою; а тогда была только поприщемъ, на которомъ изощрялась охота къ словопренію.

Надобно однако отдать справедливость Шишкову въ томъ, что онъ былъ какъ бы предшественникъ нашей филологіи, хотя не имѣлъ о ней понятій ученаго. Большую честь дѣлаетъ ему и то, что въ своихъ *Разговорахъ о словесности* (1811) онъ сіялся обратить вниманіе словесниковъ къ *простонароднымъ русскимъ пѣснямъ*, которыя тогда были въ пренебреженіи!—Время много значить! Пиши онъ нынѣ—онъ писалъ бы не такъ, и не такъ бы понимали его направление!—У него недоставало критики и разумнаго, хладнокровнаго изслѣдованія: въ направленіи того времени было много увлеченія и не было разумнаго, отчетливаго созерцанія науки!

Шишковъ, подъ непривѣтливою наружностію, былъ добродушенъ; подъ холодною наружностію, пылокъ. Таковъ онъ былъ и въ молодости. Дядя мой, С. Ѳ. Ѳилатовъ, капитанъ перваго ранга

и георгиевскій кавалеръ, служилъ съ нимъ вмѣстѣ въ морской службѣ и зналъ его коротко, какъ товарища. Онъ рассказывалъ, что Шишковъ въ молодыхъ лѣтахъ влюблялся безпрестанно и страдалъ отъ любви. Онъ не извѣнилъ себя и подѣ ковецъ жизни: въ глубокой старости онъ вторично женился на женщицѣ молодой, въ сравненіи съ нимъ, лѣтами.

Добродушный, честный, благонамѣренный, онъ увлекался слѣпою страстію къ старинѣ и къ красотамъ славянскаго языка; говорю: «слѣпою», потому что онъ худо зналъ и понималъ предметъ своей страсти. Эта слѣпая страсть дѣлала его несправедливымъ; при цѣли, съ его стороны конечно благонамѣренной, онъ почиталъ дозволенными всѣ средства. Въ своей книгѣ: *О слоги*, онъ безпрестанно употребляетъ вотъ какую уловку. Онъ выискиваетъ фразу Карамзина, всѣмъ извѣстную; а вслѣдъ за нею фразы *плохія*, или *смѣшныя*, другихъ молодыхъ прозаиковъ: такъ, что не знающій, или недогадливый читатель подумаетъ, что и послѣднія принадлежать Карамзину же. Этими уловками и тономъ нетерпимости, господствующимъ въ его книгѣ, онъ болѣе всего возбудилъ противъ себя почитателей Карамзина; а примѣрами собственнаго незнанія, соединеннаго съ увѣренностію знатока и съ упреками, не всегда умѣренными, возбудилъ негодованіе просвѣщенныхъ литераторовъ.

Карамзинъ не возражалъ Шишкову. Первый возсталъ на книгу Шишкова: *О старомъ и новомъ слоги*, Петръ Ивановичъ Макаровъ, въ своемъ журналѣ: *Московскій Меркурій* (1803 года). Макаровъ этой дѣльной рецензіей сдѣлалъ себѣ почетное имя между тогдашними литераторами. Ранняя смерть не допустила его до дальнѣйшихъ успѣховъ на поприщѣ словесности; но онъ былъ одинъ изъ самыхъ благоразумныхъ и безпристрастныхъ послѣдователей Карамзина. Его слоги былъ слѣдствіемъ изученія языка, а не подражательности. Онъ не заботился поддерживать его легкими и пустыми фразами, какъ другіе, не замѣчая, что не въ пустотѣ фразы состояла легкость Карамзинскаго слога.

Но никто не писалъ противъ Шишкова такъ сильно и основательно, какъ Дмитрій Вас. Дашковъ, первоклассный знатокъ русскаго языка; въ своемъ разборѣ *двухъ статей изъ Лагарпа* (Цвѣтн. 1810) и въ упомянутой выше книжкѣ: *О легчайшемъ способѣ возражать на критику* (1811), онъ выводитъ на свѣжую воду все незнаніе Шишкова, и поражаетъ его строгою логикой и строгимъ знаніемъ языковъ славянскаго и русскаго.

Дашковъ доказалъ, что нѣкоторые примѣры, приводимые Шишковымъ изъ старинныхъ книгъ, какъ красоты славянскаго языка, суть не что иное, какъ буквальный переводъ съ греческаго, противный словосочиненію славянскаго языка. Это былъ бой зрѣлаго просвѣщенія съ упрямую стариною, достойный и нынче быть въ памяти. Небольшая книжка Дашкова доставила ему между безпристрас тными литераторами большую славу.

Въ этой книжкѣ очень дѣльной и по содержанію своему важной, есть однако и смѣшное. Шишковъ, на примѣръ, говоритъ, что мудрые составители славянскаго языка (какъ будто языкъ кѣмъ-нибудь составляется) для изображенія предметовъ круглыхъ выбрали и буквы круглыя, такъ въ словѣ *око* находятся два *О*.— Шишковъ, разгорячившись на своего противника, говоритъ, что онъ никогда не утверждалъ, что всѣ славянскія выраженія принадлежатъ къ высокому слогу; что есть и низкія, на примѣръ: «и сотворю ти подзатыльницу.» Дашковъ отвѣчаетъ, что онъ въ этомъ согласенъ; но что на это можно возразить высокимъ слогомъ: «и абіе воздамъ ти сторицею!»—и что это будетъ гораздо сильнѣе!—Вотъ что находится въ той книжкѣ, которую г. П. приписываетъ самому Шишкову.

Противъ него-то и другихъ тогдашнихъ приверженцевъ славянскаго языка, и отчасти противъ Державинской бесѣды, гдѣ они нашли себѣ прибѣжище въ литературѣ, учреждено было въ Петербургѣ то шутовское *Арзамасское общество*, о которомъ недавно напечаталъ въ *Москвитинѣ* А. Ѳ. Стурдза.

Оно названо было Арзамасскимъ вотъ по какому случаю. Воспитанникъ петербургской Академіи Художествъ, живописецъ Ступинъ, перѣхалъ на житье въ Арзамасъ и завелъ тамъ школу живописи. Я, въ одинъ провѣздъ мой черезъ Арзамасъ съ моимъ дядею, посѣщалъ его и съ нимъ познакомился. Молодые литераторы, которыми, при всемъ уваженіи къ предпріятію Ступина, казалось смѣшнымъ, что въ Арзамасѣ есть школа живописи, называли ее *Арзамасскою Академіею*, и въ подражаніе этому учредили въ Петербургѣ *Арзамасское ученое общество*.

Въ этомъ обществѣ, посвященномъ шуткамъ и пародіямъ, каждый членъ имѣлъ свое имя. Нѣкоторыя имена я помню: Жуковский назывался *Свѣтлана*; А. И. Тургеневъ — *Эолова Арфа*; С. П. Ж. — *Громобой*, Д. Н. Б. — *Кассандра*; Ф. Ф. В. — *Ивиковъ Журавль*; Д. П. С. — *Рѣзвый Котъ*; С. С. У. — *Старушка*; В. Л. Пушкинъ — *Вотъ*. Другихъ не помню. Они читали пародіи, и каждое засѣданіе начиналось похвальнымъ словомъ какому нибудь изъ литературныхъ старовѣровъ, противниковъ Карамзина, или кому нибудь изъ стихотворцевъ.

Въ этихъ пародіяхъ и рѣчахъ, произносимыхъ членами, много упоминался извѣстный гр. Дм. И. Хвостовъ. Кстати, вспомнить при этомъ случай объ немъ.

Гр. Хвостовъ теперь забытъ; но въ наше время онъ составлялъ наслажденіе веселыхъ литераторовъ и молодыхъ людей, не чуждыхъ литературѣ, которые хотѣли позабавиться. Слушатели бѣгали отъ его чтенія; но словесники находили въ его сочиненіяхъ неисчерпаемый источникъ забавы и шутокъ.

Онъ былъ по происхожденію не графъ, и началъ свое литературное поприще еще въ старинномъ журналѣ: *Собесѣдникъ*,

потомъ печаталъ въ *Лонидахъ* Карамзина, еще безъ графскаго титула. Но онъ былъ женатъ на племянницѣ Суворова, который и выпросилъ ему графство у короля сардинскаго.

Его сочиненія замѣчательны не тѣмъ, что они плохи: плохими сочиненіями нельзя прославиться, такъ, какъ не прославился своими Николевъ. А онъ, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, составилъ себѣ имя тѣмъ, что въ его сочиненіяхъ сама природа является иногда на-выворотъ. Напримѣръ, извѣстный законъ оптики, что отдаленный предметъ кажется меньше; а у него въ притчѣ: *Два прохожіе*, сперва кажется имъ издали *туча*; потомъ она показалась *горою*; потомъ, когда подошли ближе, увидѣли, что это *куча*. У него, въ тѣхъ же притчахъ, *оселъ* лѣзетъ на рябину, и крѣпко лапами за дерево хватается; *голубь*—разгрызъ зубами узелки; *сума* надувается отъ *вздоховъ*; *ужъ*—становится на *кольни*; *рыбакъ*, пlying по рѣкѣ, *застрѣлилъ лисицу*, которая не видала его потому, что шла къ рѣкѣ *кривыми глазами*; *воръ*—ружье напѣтилъ *изъ-за горъ*. И множество драгоценностей въ этомъ родѣ, особенно въ первомъ изданіи его притчей, 1801 года.

Журналы наконецъ не охотно печатали его сочиненія. Были и другіе стихотворцы, которымъ еще меньше было счастья у журналистовъ; трое изъ нихъ согласилось издавать журналъ, для помѣщенія своихъ сочиненій, и уговорили П. П. Бекетова печатать этотъ журналъ на его счетъ, въ его типографіи, рассчитывая на большія выгоды. Такимъ образомъ составилъ, въ 1803 году, *Другъ просвѣщенія*, памятный только потому, что въ немъ помѣстилъ Евгенийъ начало своего *Словаря свѣтскихъ писателей*. Три стихотворца (имена ихъ обозначены при имени этого журнала въ росписи книгъ бывшей библіотеки Плавильщикова), собирались вмѣстѣ, читать свои произведенія и рѣшать, достойны ли они помѣщенія въ журналъ. При этомъ разборѣ, какъ скоро піеса третьяго оказывалась плоха, двое наперерывъ превозносили ее, для того только, чтобы ихъ собственныя произведенія при

ней показались читателямъ лучше. Послѣ этого можно судить, каковы были всѣ стихотворенія, помѣщаемыя въ этомъ журналѣ!

Графъ Хвостовъ былъ извѣстенъ охотою читать всякому свои сочиненія. *Ө. Ө. К.* былъ его племянникъ. Однажды въ Петербургѣ гр. Хвостовъ долго мучилъ его чтеніемъ. Наконецъ *К.* не вытерпѣлъ и сказалъ ему: «извините, дядюшка! я далъ слово обѣдать; мнѣ пора! боюсь, что опоздаю; а я пѣинкомъ!» — «Что же ты мнѣ давно не сказалъ, любезный!» — отвѣчалъ гр. Хвостовъ: у меня готова карета; я тебя подвезу!» — Но только что они сѣли въ карету, гр. Хвостовъ выглянулъ въ окно и закричалъ кучеру: «ступай шагомъ!» — а самъ поднялъ стекло кареты, вынулъ изъ кармана тетрадь, и принялся запертаго *К.* опять душить чтеніемъ.

Лѣтомъ 1822 года, нѣсколько петербургскихъ литераторовъ, въ томъ числѣ и Крыловъ, нанимали, на общій счетъ, дачу, близъ Руки. — Иногда бывали у нихъ и чтенія. Въ этомъ маленькомъ обществѣ прозвали Крылова *соловьемъ*. Вдругъ является къ нимъ гр. Хвостовъ, съ стихами *Пѣвцу-соловью*. Ему объявили, что если кто хочетъ быть членомъ ихъ общества, тотъ долженъ покаряться ихъ правиламъ; что они готовы его слушать, но за каждое рукоплесканіе — у нихъ положена съ автора бутылка шампанскаго! — Графъ Хвостовъ начинаетъ читать: за каждымъ куплетомъ раздается рукоплесканіе; за каждымъ необыкновеннымъ стихомъ, въ его родѣ, опять рукоплесканіе! — Ихъ началось такъ много, что авторъ долженъ былъ отплатиться такимъ количествомъ шампанскаго, которое стоило ему довольно дорого!

Но онъ же былъ добродушенъ. Алекс. Ев. Измайлова, издателя *Благонамѣреннаго* и баснописца, просилъ о пособіи въ бѣдѣ бѣдный и больной симбирской баснописецъ *Маздорфъ*: (я зналъ его лично); но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ просилъ не объявлять объ этомъ въ *Благонамѣренномъ*. Гр. Хвостовъ, какъ скоро сказалъ ему объ этомъ Измайловъ, по неимѣнію на тотъ разъ наличныхъ денегъ, немедленно взялъ впередъ 100 р. изъ своего жалованья, и отдалъ ихъ Измайлову для отсылки къ Маздорфу (1819).

Съ нимъ дѣлали много мистификацій, которыя были тогда въ употребленіи. 1 апр. 1822 прислали къ нему печатное траурное приглашеніе на похороны Измайлова, который совсѣмъ былъ здоровъ. Гр. Хвостовъ, не смотря на то, что Измайловъ написалъ на него нѣсколько сатирическихъ басенъ, огорчился; но наконецъ догадался, и выразилъ въ письмѣ своемъ къ Измайлову все неприличіе огорчать подобными шутками. Говорили, будто онъ явился на похороны; но это несправедливо! — Какъ однако тогда всѣ были веселы и склонны къ шуткамъ: это надобно замѣтить!

Извѣстно четверостишіе *Буало* на поэму *Шапеленя*, написанное его жесткимъ слогомъ. Нѣкоторые тогдашніе литераторы (Жуковский, Дашковъ, Воейковъ и А. И. Тургеневъ) въ подражаніе этому сочинили надписи къ портрету русскаго стихотворца, которая была напечатана въ *Вѣстникѣ Европы*. Вотъ она:

«Се росска Флака зракъ! Се, тотъ, кто, какъ и онъ,
«Выспрь быстро, какъ царь птицъ, несъ звукъ на Геликонъ!
«Се ликъ одъ, притчъ творца, музъ читателя, Свистова,
«Кой поле испестрилъ россійска красна слова!»

Въ числѣ авторовъ, страдавшихъ отъ Арзамасскаго общества, былъ и князь А. А. Шаховской, извѣстный драматическій писатель. Но это было по особой причинѣ. Онъ не любилъ Карамзина. Въ одной изъ первыхъ своихъ комедій, *Новый Стернь*, онъ представилъ въ карикатурѣ чувствительнаго автора; онъ мѣтилъ въ ней на К. Ш., но стороною хотѣлъ выставить направленіе, будто бы данное Карамзинымъ. Потомъ въ комедіи: *Липецкія воды*, мѣтилъ на Жуковского, хотя и не впасть. Этимъ его комедія надѣлала въ Петербургѣ много шума; этимъ раздражилъ онъ всѣхъ почитателей Карамзина и Жуковского, всѣхъ лучшихъ и даровитыхъ литераторовъ.

Вотъ какъ принимали въ члены Арзамасскаго общества Василья Львовича Пушкина. Это происходило въ домѣ С. С. У. Пушкина ввели въ одну изъ переднихъ комнатъ, положили его

на диванѣ и навалили на него шубы всѣхъ прочихъ членовъ. Это прообразовало шутивую поэму князя Шаховскаго: *Расхищенный шубы*, (которая была напечатана въ *Чтеніяхъ Бесѣды любителей Россійскаго слова*), и значило, что новоприняемый долженъ потерпѣть, какъ жервое испытаніе, *шубное прѣніе*, т.-е. *прѣть* подъ этими *шубами*. Второе испытаніе состояло въ томъ, что лежа подъ ними, онъ долженъ былъ выслушать чтеніе цѣлой французской трагедіи какого-то француза, петербургскаго автора, которую и читалъ самъ авторъ. Потомъ, съ завязанными глазами, водили его съ лѣстницы на лѣстницу, и привели въ комнату, которая была передъ самымъ кабинетомъ. Кабинетъ, въ которомъ было засѣданіе, и гдѣ были собраны члены, былъ ярко освѣщенъ, и эта комната оставалась темною и отдѣлялась отъ него аркою, съ ранжевою, огненною занавѣскою. Здѣсь развязали ему глаза—и ему представилась, по срединѣ, чучела, огромная, безобразная, устроенная на вѣшалкѣ для платья, покрытой простынею. Пушкину объяснили, что это чудовище означаетъ *дурной вкусъ*; подали ему лукъ и стрѣлы и велѣли поразить чудовище.—Пушкинъ (надобно вспомнить его фигуру: толстый, съ подзобкомъ, задыхающійся и подагрикъ) натянулъ лукъ и упалъ, пустилъ стрѣлу, потому что за простыней былъ скрытъ мальчикъ, который въ ту же минуту выстрѣлилъ въ него изъ пистолета холостымъ зарядомъ и повалилъ чучелу! Потомъ ввели Пушкина за занавѣску, и дали ему въ руку эмблему Арзамаса, мерзлаго арзамасскаго гуся, котораго онъ долженъ былъ держать въ рукахъ во все время, пока ему говорили длинную прѣвѣтственную рѣчь. Рѣчь эту говорилъ, кажется, Жуковской. Наконецъ поднесли ему серебряную лаханъ и рукомыльникъ, умытъ руки и лице, объясняя, что это прообразуетъ *Липецкія воды*, комедію кн. Шаховскаго. Все это происходило въ 1816 или 1817 году. Разумѣется, такъ принимали только одного добродушнаго Василья Львовича, который повѣрилъ, что всѣ подвергаются такимъ же испытаніямъ. Общій титулъ членовъ былъ: *ихъ превосходительства геніи Арзамаса*.

Случилось, что Василий Львовичъ, ѣдучи изъ Москвы, написалъ эпиграмму на станціоннаго смотрителя и мадригалъ его женѣ. И то и другое онъ прислалъ въ Арзамасское общество; в то и другое найдено плохимъ, и Пушкинъ былъ разжалованъ изъ имени *Вотъ*; ему даво было другое: *Вотрушка!* Вас. Льв. чрезвычайно огорчился, и упрекнулъ общество дружескимъ посланіемъ, которое напечатано въ его сочиненіяхъ:

«Что дѣлать! видно мнѣ кибитка не Парнасъ!

«Но строгъ, несправедливъ ученый Арзамасъ!

«Я оскорбилъ вашъ слухъ; вы оскорбили друга!» и проч.

По разсмотрѣніи посланія, оно было найдено хорошимъ, а нѣкоторые стихи сильными и прекрасными—и Пушкину возвращено было прежнее *Вотъ*, и съ прибавленіемъ я васъ: т.-е. *Вотъ я васъ*, *Виргиліево quos ego!*—Пушкинъ былъ отъ этого въ такомъ восхищеніи, что ѣздилъ по Москвѣ и всѣмъ это рассказывалъ.

Такъ забавлялись въ то время люди, которые были уже не дѣти, но всѣ люди извѣстные, нѣкоторые въ большихъ чинахъ и въ важныхъ должностяхъ. Никто не почиталъ предосудительнымъ въ то время шутить и быть веселымъ, слѣдуя правилу Царя Алексѣя Михайловича: *дѣлу время, и потѣхъ часъ*. Тогда не считали нужною педантическую важность, убивающую природную веселость, и не любили педантическихъ споровъ, убивающихъ общественное удовольствіе.

Василій Львовичъ Пушкинъ былъ родной дядя Александру Сергѣевичу. Къ нему-то писалъ молодой Пушкинъ:

Нѣтъ, нѣтъ! ты мнѣ совсѣмъ не братъ!

Ты дядя мой и на Парнасъ!

Онъ писалъ басни, посланія и мелкія стихотворенія. Стихъ его былъ правиленъ, гладокъ, чистъ; но все дарованіе его ограничивалось *вкусомъ* и не имѣло силы. Между напечатанными его сочиненіями всего болѣе заслуживаетъ вниманіе сатира: *Вечеръ*, которая была помѣщена еще въ Аонідахъ Карамзина.—Но болѣе

всего онъ прославился въ свое время рукописною сатирою, въ родѣ Ренѣ, подъ названіемъ: *Опасный Сосѣдь*. Она ходила по рукамъ, какъ произведеніе дѣйствительно замѣчательное вѣрностію и живостію картинокъ и лицъ....

Въ ней главное лицо: *Буяновъ*. Потому-то Ал. Пушкинъ и написалъ въ своемъ *Евгениѣ Онѣгинѣ*: *мой братъ двоюродный Буяновъ*, то-есть потому, что родитель Буянова—былъ его родной дядя, *Василій Львовичъ*!

Но ни въ чемъ такъ не отличался Вас. Льв., какъ въ стихахъ на заданныя рѣмъ. Въ мастерствѣ и проворствѣ писать *bouts-rimés* никто не могъ съ нимъ сравниться! Я упоминалъ уже объ однихъ его *bouts-rimés*, читанныхъ у Хераскова.

Онъ былъ чрезвычайно добродушенъ. Не сердился за шутки, былъ постояненъ въ дружбѣ и дорожилъ сохраненіемъ пріятельской связи; былъ человѣкъ свѣтской, хорошаго тона, и вообще пріятенъ въ обществѣ. Онъ зналъ языки: французской, нѣмецкой, латинской, итальянской, и кажется англійской. Любилъ читать вслухъ стихи лучшихъ русскихъ и иностранныхъ поэтовъ; я слышалъ его, читающаго наизусть оды *Горація*. Онъ путешествовалъ по Европѣ; жилъ въ Парижѣ и Лондонѣ; видѣлъ *Бонапарта* еще консуломъ, и познакомился въ Парижѣ съ многими тогдашними авторами. Говорилъ и писалъ на французскомъ языкѣ, какъ на своемъ природномъ; русской языкъ зналъ отлично. Всѣ его любили особенно, за его добродушіе.

За нѣсколько дней до его отъѣзда въ чужіе края, дядя мой, бывшій съ нимъ коротко знакомымъ еще въ гвардейской службѣ, написалъ шутливыми стихами его путешествіе, которое, съ согласія *Василія Львовича* и съ дозволенія цензуры, было напечатано въ типографіи *Бекетова*, подъ заглавіемъ: *Путешествіе Н. Н. въ Парижъ и Лондонъ, писанное за три дня до путешествія*. Къ этому изданію была приложена виньетка, на которой изображенъ самъ Вас. Льв. чрезвычайно сходно. Онъ

представленъ слушающимъ *Тальму*, который даетъ ему урокъ въ декламаци. Эта книжка у меня есть: она не была въ продажѣ и составляетъ величайшую библиографическую рѣдкость.

В. Л. Пушкинъ, какъ почитатель Карамзина, былъ тоже въ числѣ противниковъ Шишкова. Извѣстно, неоднократно напечатанное, его посланіе къ В. А. Жуковскому, гдѣ онъ между прочимъ говоритъ:

Я вижу весь соборъ раскольниковъ-славянъ,
 Которыми здѣсь вкусъ къ изящному поправъ,
 Противъ меня теперь рыкающій ужасно!
 Къ дружинѣ вопіеть нашъ Балдусъ велегласно:
 «О братіе мои! зову на помощь васъ!
 Ударимъ на него, и первый буду азъ!
 Кто намъ грамматикъ совѣтуетъ учиться,
 Во тьму кромѣшную, въ геенну погрузится!
 И аще смѣетъ кто Карамзина хвалить,
 Нашъ долгъ, о людие! злодѣя истребить!»

Тогда все это возбуждало вниманіе; печаталось, читалось и повторялось. Тогда стихотворство было въ ходу; оно проникало во всѣ круги свѣтскаго общества и было правомъ на отличіе: слѣдовательно ни одна черта не пропадала!

Добрый и любящій общественную жизнь, Василій Львовичъ переходилъ, такъ сказать, отъ поколѣнія къ поколѣнію; онъ былъ пріятель дѣдовъ, отцовъ и внуковъ. Онъ былъ пріятель съ Карамзинымъ и Дмитриевымъ; потомъ съ Жуковскимъ, Батюшковымъ, Дашковымъ, и ихъ современниками, которые всѣ были его мо-
 лоде; потомъ сдѣлался пріятелемъ и съ нами, которые были и ихъ молоде.

Макс. Ив. Невзоровъ издавалъ журналъ: *Другъ юношества*, который въ последнее время называлъ *Другомъ юношества и всякихъ лѣтъ*. Кто-то примѣнилъ очень удачно это названіе къ В. Л. Пушкину, и очень вѣрно называлъ его другомъ юношества и всякихъ лѣтъ.

Подъ конецъ своего литературнаго поприща, когда молодой Пушкинъ прославился поамами, Вас. Льв., въ подражаніе своему племяннику, началъ писать тоже поэму: *Капитанъ Храбровъ*. Онъ не успѣлъ ее кончить; но всѣмъ читалъ ее; онъ былъ страстный охотникъ читать свои сочиненія. Я помню, что старушка, мать капитана Храброва, представлена очень робкою и вѣрющемъ снамъ и предчувствіямъ. Я спросилъ автора послѣ чтенія: «а этой старушкѣ фамилія тоже *Храброва*?» Вас. Льв. почувствовалъ намекъ на несообразность ея характера съ именемъ, и отвѣчалъ вехотя: «тоже *Храброва!*»—Я, въ свою очередь, почувствовалъ неумѣстность моего вопроса.

Талантъ князя Шаликова извѣстенъ: вялость мыслей и слога, поддѣльная чувствительность; въ стихахъ—никакого одушевленія, прозаической, жидкой періодъ, съ римами; переносы смысла въ недоконченный стихъ, и никакого искусства; но въ прозѣ слогу его былъ чистъ, правиленъ и гладокъ.

Когда дядя мой станеть, бывало, нападать на его пустоту, холодность и вялость: то Карамзинъ прекрасно защищалъ его, говоря, что въ немъ есть *что-то тепленькое*.

Кн. Шаликовъ былъ одинъ изъ тѣхъ несчастливыхъ подражателей, за которыхъ упрекали Карамзина его противники, какъ будто хорошій писатель виновать, что толпа идетъ по слѣдамъ его. Скорѣе можно было поставить ему въ заслугу, что и люди безъ таланта научились писать чисто, гладко и правильно.

Таково было дѣйствіе, произведенное примѣромъ Карамзинской прозы, что и безталантные писатели научились отъ него не только правильности и чистотѣ языка, но и благородству слога. Последнее надобно замѣтить, особенно въ нынѣшнее время. Ни одинъ изъ тогдашнихъ писателей не писалъ *языкомъ лакейскихъ*; ни одинъ журналистъ не вставлялъ бы въ свою фразу: «извольте видѣть.» Чувство вкуса предупредило бы его, что

такими любезностями и такими поговорками не говорят въ хорошемъ обществѣ!—Ни одинъ изъ нихъ не писалъ, какъ пишутъ нынче: *взойди въ дверь и войди на лестницу*. Ни одинъ не сказалъ бы: *не хватало на это*; а сказалъ бы: *не достало на это!* А нынче такъ пишутъ даже и дамы.

Кн. Шаликовъ былъ по происхожденію Грузинецъ, что обнаруживала и его физиономія: большой носъ, широкія черныя брови, худощавость. Отецъ его былъ въ военной службѣ, въ офицерскомъ чинѣ. Сынъ былъ вмѣстѣ съ нимъ въ походахъ, и находился въ арміи Потемкина при взятіи Очакова. Потомъ былъ въ арміи же во время польской войны при Екатеринѣ, и служилъ нѣкоторое время за адъютанта.

Потомъ онъ жилъ въ Москвѣ, имѣя собственный домикъ на Прѣснѣ, и во время нашествія на Москву непріателей остался въ ней. *Историческое извѣстіе о пребываніи въ Москвѣ Французовъ* напечатано имъ особой книжкой, и такъ какъ она содержитъ въ себѣ свидѣтельство очевидца (а у насъ такихъ книгъ мало), то и она не должна быть забыта. Потому, когда былъ издателемъ Московскихъ Ведомостей, кн. Шаликовъ жилъ въ домѣ университетской типографіи, на Петровскомъ бульварѣ. Потомъ онъ оставилъ службу и перѣхалъ въ маленькую свою деревеньку въ Серпуховскомъ уѣздѣ, гдѣ и умеръ 16 февраля 1852 года, 84 лѣтъ отъ роду.

Онъ написалъ въ молодости: два путешествія въ Малоросію, которыя оба были блѣднымъ отгѣнкомъ путешествія В. В. Измайлова въ полуденную Россію, какъ то было слабымъ отгѣнкомъ Писемъ Русскаго Путешественника, Карамзина. Онъ издавалъ три журнала: *Московскій Зритель*, 1806; *Аглая*, 1808.—1812 г. и *Дамской журналъ*, 1823—1828 года.— Всѣ они наполнялись легкими повѣстями, стихами и мелкими статьями въ прозѣ. *Аглая* была изъ нихъ всѣхъ лучше.

Онъ много трудился въ переводахъ. Имъ переведены: *Исторія Генриха Великаго*, г-жи Жанлисъ; *Воспоминанія объ Италіи, Англіи и Америкѣ*, Шатобріана; *Путевыя записки въ Иерусалимъ*, его же, и многія другія книги.

Онъ былъ довольно раздражителенъ. Если къмъ онъ былъ недоволенъ, тотъ не избѣгалъ его маленькаго щипченія, и попадалъ въ его книжку: *Мысли, характеры и портреты*, изд. 1815. — Мнѣ случилось слышать, какъ спрашивали его: «это вы не меня ли описали въ такомъ-то портретѣ?» — «Нѣтъ! отвѣчалъ кн. Шаликовъ: «это я описалъ такого-то; а вотъ это васъ!» И на него за это ни мало не сердились, потому что эти сатирическіе портреты были очень вялы.

Но дядя мой, всегда благосклонный къ трудамъ литературнымъ, снисходительный къ недостаткамъ и уважавшій самое намѣреніе въ благородной любви къ поэзіи, написалъ къ его портрету слѣдующую надпись:

Янтарная заря, румяный неба цвѣтъ,
Тѣнь роццъ, въ ночь потокъ, сверкающій въ долинь,
Надъ печкой соловей, три граціи въ картинѣ,
Вотъ все его добро, и счастливъ: онъ поэтъ!

Последнее его дѣло было — изданіе *Московскихъ Вѣдомостей*, которыя всегда начинались его стихами на *Новый Годъ*. Впослѣдствіи нашли ненужнымъ это невинное привѣтствіе. И для чего? — Можетъ быть въ отдаленныхъ губерніяхъ были люди, которые восхищались этими стихами, или ждали ихъ на *Новый Годъ*, какъ новинки!

Однако съ одного конца Россіи до другаго, кому не было извѣстно имя князя Шаликова? — Добейтесь до такой извѣстности! — Гоголь, котораго талантъ былъ такъ силенъ и живописенъ; Гоголь, котораго такъ прославляютъ друзья его, желая прицѣпиться къ нему, какъ паукъ къ хвосту орла, въ баснѣ

Крылова; Гоголь никогда не пользовался такою известностью! — Чему приписать это? — времени! — Тогда читали много, читали все, не мудрствуя лукаво, и потому находили больше удовольствія въ чтеніи; но были благодарны писателю не только за удовольствіе, а и за самый трудъ его, за желаніе доставить удовольствіе читателямъ. Тогда смотрѣли на словесность, какъ на самое благородное занятіе; нынче смотреть, какъ на гаерство пустыхъ людей, которые взялись потѣшать за деньги! — Тогда всякому автору приписывали дарованіе, въ той или другой степени, но отличающее его отъ людей обыкновенныхъ! — Тогда было еще уваженіе; нынче все въ пренебреженіи, кромѣ денегъ!

Еще забылъ одинъ анекдотъ о князѣ Шаликовѣ, доказывающій, что онъ въ нужныхъ случаяхъ не терялъ присутствія духа. За обѣдомъ разсердился на него Ч—нъ; и вызвалъ его на дуэль. Кн. Шаликовъ сказалъ: «очень хорошо! когда же?» — «Завтра!» отвѣчалъ Ч—нъ. — «Нѣтъ! я на это не согласенъ! За что же мнѣ до завтраго умирать со страху, ожидая, что вы меня убьете? — Не угодно-ли лучше сей-часъ?» Это сдѣлаю, что дуэль не состоялась!

Послѣ Французовъ (т.-е. когда они вышли изъ Москвы), графъ Ростопчинъ призвалъ кн. Шаликова для объясненія: «за тѣмъ онъ остался въ Москвѣ?» — «Какъ же мнѣ можно было ухватъ!» отвѣчалъ кн. Шаликовъ: «Ваше Сіятельство объявили, что будете защищать Москву на Трехъ Горахъ, со всеми московскими дворянами; я туда и явился вооруженный; но не только не нашель тамъ дворянъ, а не нашель и Вашего Сіятельства!» — «Еще забавнѣе, что онъ къ этому прибавилъ по-французски: «et puis j'y suis resté par curiosité!»

Одинъ изъ ревностныхъ приверженцевъ Карамзина былъ Владиміръ Васильевичъ *Измайловъ*. Онъ былъ человекъ умный и просвѣщенный; зналъ языки французской, нѣмецкой, англійской и латинской; занимался ботаникой и перевелъ (1810) *Письма о Ботаникѣ, Ж. Ж. Руссо*, умноживъ ихъ свидѣніями изъ Тур-

нефора и другихъ. Онъ имѣлъ слогъ чистый и правильный; хотѣлъ сдѣлать его живымъ и цвѣтущимъ, какъ у Карамзина, но не имѣлъ воображенія и теплоты, которыя даютъ жизнь слогу.

Онъ былъ страстный почитатель Руссо, и взялъ его въ руководители жизни. Получивши въ молодыхъ лѣтахъ небольшое наслѣдство, но, занятый мечтами чувствительности, филантропiи и философской безпечности, не умѣлъ управлять имъ, продалъ его, составилъ себѣ на эти деньги библиотечку, и въ подражанiе Карамзину—повѣхалъ путешествовать по южной Россiи. Это путешествіе, въ подражанiе ему же, онъ описалъ въ письмахъ. Его книга имѣла два изданiя (1800 и 1805) и продавалась съ успѣхомъ, потому что Письма Русскаго путешественника Карамзина возбудили большой энтузіазмъ къ Путешествiямъ. Но она слаба въ своихъ историческихъ воспоминанiяхъ, жидка содержанiемъ, наполнена романическими чувствами и модной тогда меланхоліей, и обнаруживаетъ много той поддѣльной чувственности, которая была тогда въ модѣ.

Измайловъ издавалъ и журналы: *Патріотъ*, или журналъ воспитанiя, (1804); *Вѣстникъ Европы* (1814) и *Россiйской Музеумъ*, (1815). — Въ 1824 г. издалъ онъ альманахъ подъ названiемъ: *Литературный Музеумъ*, который замѣчательнъ тѣмъ, что онъ напечаталъ въ немъ нѣкоторыя произведенiя прежнихъ авторовъ, не бывшія въ печати; между прочимъ остроумное, легкое и живое *Путешествіе въ Сарепту*, Салтыкова, которое было прежде извѣстно въ рукописи; во въ печати многое пропущено.

Въ своемъ журналѣ *Патріотъ*, какъ и во всей своей жизни, онъ хотѣлъ осуществить Эмиля Руссо. При его собственномъ хорошемъ воспитанiи и образованности, это не дѣлало его страннымъ въ обществѣ; но имѣло вредное вліяніе на его благосостояніе и счастье. Его домашній образъ жизни былъ страненъ и не прилагался къ отношенiямъ общественнымъ, которыя впро-

чемъ во вѣтшией жизни, какъ человекъ благовоспитанный, онъ соблюдалъ въ точности. Онъ умеръ въ бѣдности, сопутствуемый уваженіемъ и памятью людей, знавшихъ его благородный характеръ и доброе сердце. Его любили и уважали и Карамзинъ и Ив. Ив. Дмитріевъ.

Въ Вѣстникѣ Европы (1814) онъ помѣщалъ свои повѣсти, благоразумно написанныя, хорошимъ слогомъ, но незанимательныя и нѣсколько старообразныя по тому времени. Его Вѣстникъ Европы былъ нѣсколько скученъ; впрочемъ не такъ сухъ и скученъ, какъ послѣдніе свои годы у Каченовскаго. 1813 годъ былъ послѣдній хорошій годъ Вѣстника Европы, за исключеніемъ 1804 (изд. кнгопр. Ив. Вас. Повева), годъ, который никуда не годился!

Россійскій Музеумъ (1815) былъ живѣе и разнообразнѣе. *Вѣстникъ Европы* 1814 и *Музеумъ*, замѣчательны тѣмъ, что въ нихъ въ первый разъ начали печатать свои стихи молодой Пушкинъ и молодой баронъ Дельвигъ.

В. В. Измайловъ писалъ и стихи—гладкіе, чистые и благоразумные; впрочемъ онъ не имѣлъ особеннаго призванія къ поэзіи: это было, кажется, только жертва тому времени, когда почти всѣ авторы были стихотворцы. Двѣ его басни были помѣщены еще въ Аонидахъ Карамзина. Кромѣ писемъ Руссо, онъ перевелъ и другія книги; имъ изданы; *Атала* Шатобриана (1802); *Историческая и Политическая картина Европы* Сегюра (1802—1803); *переводы въ прозѣ 6 частей* (1819—1820).

Лучшее его дѣло было заведеніе у себя пансіона. Государь Императоръ Александръ въ уваженіе того, что Измайловъ—первый изъ природныхъ дворянъ посвятилъ себя воспитанію юношества, пожаловалъ ему за это орденъ св. Владиміра 4 степени; но пансіонъ существовалъ не долго. Въ послѣднее время своей

жизни Измайловъ былъ цензоромъ въ московскомъ ценсурномъ Комитетѣ. Онъ и въ этой, довольно трудной должности оказалъ себя благоразумнымъ и благороднымъ....

Въ разрядѣ почитателей Карамзина, но въ противоположность князю Шаликову, слѣдуетъ сказать о Сергѣѣ Николаевичѣ Глинкѣ. Нѣжный кн. Шаликовъ обожалъ въ Карамзинѣ чувствительнаго автора; С. Н. Глинка видѣлъ въ немъ, сквозь европейскую его образованность, чловѣка полезнаго и съ русскою душею. Это дѣлало ему тѣмъ больше чести, что не многіе видѣли это качество въ Карамзинѣ, въ началѣ его литературнаго поприща.

Глинка воспитывался въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ, подъ руководствомъ графа Ангальта. Онъ служилъ въ военной службѣ, былъ въ арміи въ первую войну съ Французами (1806 и 1807) и выпелъ въ отставку маіоромъ. Онъ сдѣлался извѣстенъ изданіемъ *Русскаго Вѣстника*, съ 1808 года, въ ту пору, когда послѣ первой войны съ Французами и Тильзитскаго мира, Глинка возненавидѣлъ Наполеона и Французовъ. Сначала цѣль его, при изданіи этого журнала, была напомнить русскимъ родную Русь, ея старину и подвиги; потомъ, мало по малу, онъ перешелъ къ совершенной ненависти враждебнаго намъ тогда народа, очаровавшаго насъ языкомъ, модами и вредными обычаями. Журналъ Глинки, не смотря на оппозицію приверженцевъ моды и галломаніи, пришелся совершенно по времени и имѣлъ успѣхъ необыкновенный. Приверженцы европейства не влюбилъ Глинку, идущаго поперекъ; но многіе обрадовались его патріотизму.

Надобно вспомнить, надобно знать то время, чтобы понять всю важность появленія *Русскаго Вѣстника*. Теперь о нашей старинѣ намъ твердятъ безпрестанно; а тогда—многіе въ первый разъ услышали, изъ *Русскаго Вѣстника*, о Царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, о бояринѣ Матвѣевѣ, о Зотовѣ, воспитателѣ Петра Великаго, и въ первый разъ увидѣли ихъ портреты. Кто первый

объ нихъ напомнилъ, кто первый, такъ сказать, натвердилъ намъ объ этихъ людяхъ, тотъ, конечно, заслуживаетъ и самъ остаться въ памяти.

Въ Русск. Вѣстникѣ (1810) было между прочимъ напечатано въ первый разъ (но не вполне, а въ извлеченіи): *Сказаніе о Задонскомъ побоищѣ, какъ было то побоище за рѣкою Дономъ, Великаго Князя Димитрія Іоанновича Московскаго съ Мамаемъ царемъ Татарскимъ!* — Это та самая рукопись, которую въ наше время напечаталъ *вполнѣ* И. М. Снѣгиревъ.

Русской Вѣстникъ, простое и рѣзкое обращеніе издателя, громкой его голосъ и привычка видѣть его по площадямъ и рынкамъ, между простыми народомъ, сдѣлали его очень извѣстнымъ московскому народу. Когда въ 1812 году Императоръ Александръ пріѣзжалъ въ Москву, онъ велъ ему на встрѣчу не одну тысячу народа. Но Государь провелъ ночь на станціи и въѣхалъ въ Москву рано утромъ: это оставило патріотическую встрѣчу! Это я знаю достоверно; и это напечатано подробно въ запискахъ Глинка о 1812 годѣ.

По пріѣздѣ Государя въ Москву, графъ Ростопчинъ позвалъ къ себѣ Глинка: что испугало чрезвычайно жену его. Но Ростопчинъ вручилъ ему отъ имени Государя Высочайшій рескриптъ и орденъ св. Владиміра 4 степени, и сказалъ ему: «Именемъ Государя развязываю вамъ языкъ на все полезное для отечества; а руки на триста тысячъ экстраординарной суммы. Государь возлагаетъ на васъ особенныя порученія, по которымъ будете совѣщаться со мною. Вотъ вамъ эти триста тысячъ: употребляйте ихъ по вашему усмотрѣнію, безотчетно, и дѣйствуйте на народъ къ доброй цѣли, потому что онъ имѣетъ къ вамъ довѣренность!» Глинка дѣйствовалъ сильно и много способствовалъ къ возстаповленію народной толпы противъ Наполеона и Французовъ. Но по изгнаніи Французовъ изъ Москвы и по возвращеніи въ нее графа Ростопчина, онъ явился и возвратилъ ему эти триста тысячъ въ цѣлости. Самъ онъ провелъ всю жизнь въ бѣдности. Что

приобрѣтать своими трудами, то у него велось не долго! — Его записки о 1812 годѣ живы и чрезвычайно любопытны своимъ безъискусственнымъ рассказомъ.

Эта книга издава подъ названіемъ: «Записки о 1812 годѣ. С. Г., перваго ратника Московскаго ополченія, потому что онъ первый подписался о готовности своей идти въ ополченіе.

Кстати о тогдашнемъ рвеніи на защиту отечества: мой двоюродный дядя Степанъ Ѳеодоровичъ Ѳилатовъ, флотской капитанъ перваго ранга и георгіевскій кавалеръ, будучи лѣтъ шестидесяти, и живучи давно на покой, въ Симбирскѣ, первый записался въ Симбирское ополченіе, и такими словами:

Хоть въ артилерію;
Хоть въ кавалерію,
Хоть въ пѣхоту,
Хоть во флотъ!

Стихи не хороши; но дѣло въ томъ, что онъ водилъ свое войско, и былъ съ нимъ, подъ Глогау.

Еще отступленіе. Дядя мой Ив. Ив. Дмитріевъ, увидѣвшися съ Ѳилатовымъ, и уважая его старческую рѣшимость, спросилъ его: получилъ ли онъ за это какую нибудь награду? — «Нѣтъ, Ваше «Высокопревосходительство! отвѣчалъ старикъ: да впрочемъ, это, «я думаю, потому, что нечѣмъ было меня награждать! — Въ мою «лѣта одна награда: лѣтомъ въ халатъ, а зимой въ тулупъ; такъ «это у меня уже есть.»

Глинка писалъ много, и въ стихахъ, и въ прозѣ: трагедіи, повѣсти, книги для воспитанія; перевелъ много книгъ. Но большая часть его сочиненій относятся къ славамъ и подвигамъ Русскихъ. Полное собраніе его сочиненій напечатано въ 12 частяхъ (1817—1820). Мы не читаемъ нынѣ его сочиненій, по тремъ разнымъ причинамъ: 1.) онѣ не щеголяютъ изящствомъ. Впрочемъ слогъ Глинки чистъ, правиленъ и благороденъ, какъ у

всѣхъ писателей того времени, послѣдовавшихъ Карамзину. Но въ его слогѣ замѣтенъ недостатокъ расположенія рѣчи, того искусства, которое даетъ ей силу и красоту, нисколько не мѣшая естественности: его рѣчь необдуманна, а попадаетъ на бумагу какъ случилось выразиться мысли. Онъ писалъ очень скоро, такъ сказать, на-скоро. Разговорная рѣчь его была звонче и красно-рѣчивѣе письменной. 2.) Мы не читаемъ его потому, что мы вообще равнодушны ко всему, что дѣлалось прежде насъ, исключая развѣ самую старину, которая теперь у пишущихъ въ модѣ. Мы, или прославляемъ, или презираемъ: у насъ нѣтъ середины; мы не любимъ немногое въ цѣлыхъ томахъ, и вызывать это не многое изъ забвенія. Мы и уважаемъ *все гуртомъ* у такого-то писателя, и презираемъ *все гуртомъ* у другаго. 3.) У насъ новое всегда выгоняетъ старое. — Но въ свое время патристическія сочиненія Глинки имѣли обширный кругъ читателей, особенно между сельскими дворянами, между грамотными купцами и мѣщанами столицы, и между всѣми читавшими людьми простаго народа. Однимъ оловомъ: имя Глинки, его журналъ (особенно въ началѣ) и его сочиненія имѣли, говоря нынѣшнимъ арлекинскимъ языкомъ, *большую популярность*, даже, чтобъ выразиться совсѣмъ по нынѣшнему, скажу: *огромную популярность*, и прибавлю въ доказательство: «*это фактъ.*» Послѣ этого слова, кажется, какъ не повѣрить!

Русская Исторія Глинки, написанная безъ всякаго критическаго взгляда, и языкомъ простымъ, имѣла 4 изданія. Стало быть она раскупалась и нашла себѣ читателей. Для ученаго изслѣдователя и знатока и исторія Карамзина имѣетъ недостатки; для читающаго простолюдина и исторія Глинки приноситъ пользу.

Есть одно сочиненіе С. Н. Глинки, совершенно забытое, но при нашей бѣдности въ трудахъ мысли и науки, оно должно быть упомянуто. Это: *Исторія ума человѣческаго отъ первыхъ успѣховъ просвѣщенія до Эпикура* (1804). Она содержитъ въ себѣ изложеніе системъ древней философіи. Авторъ дѣлаетъ извлеченія изъ Кондильяка и другихъ; но книга принад-

лежитъ собственно ему, и доказываетъ, какъ его начитанность, такъ и то, что онъ занимался разными предметами мышленія, и что оные были ему чужды.

Начитанность С. Н. Глинки была удвительна! онъ не только помнилъ все, что прочиталъ; но помнилъ наизусть цѣлыя мѣста изъ Монтескьё, Бекарія, Наказа Екатерины, Руссо, Вольтера, Дидерота, Франклина, однимъ словомъ изъ всего, что ни читалъ. Все это онъ приводилъ неожиданно и въ сочиненіяхъ и въ разговорахъ, такъ что эта неожиданность иногда похожа была на какой-то беспорядокъ. Онъ очень хорошо зналъ языки французской и нѣмецкой.

Французовъ, изъ воспитанія, ихъ образа мыслей онъ терпѣть не могъ; но по французски говорилъ охотно и нерѣдко! Это совсѣмъ на оборотъ, противъ нынѣшнихъ писателей, которые, или не хотятъ, или не умѣютъ говорить по французски; а сами безпрестанно перенимаютъ ихъ образъ мыслей и ихъ литературу, даже, между нами сказать, и ихъ свѣдѣнія, хотя и называютъ ихъ невѣждами въ сравненіи съ нѣмецкими учеными. Но эти, одной своей номенклатурой, одними своими учеными терминами, недоступны для многихъ; Французы служатъ для нихъ переводниками и къ нѣмецкой учености, а пренебреженіе къ нимъ служить только къ тому, чтобы этого не замѣтили! Но оставимъ эти тайны эрудиціи: онѣ повели бы далеко! Глинка былъ откровененъ; не любилъ Французовъ, и пользовался тѣмъ, что есть у нихъ хорошаго!

Онъ перевелъ на французскій языкъ и напечаталъ: первые томы *Писемъ Русскаго офицера*, младшаго своего брата, почтеннаго О. Н. Глинки....

С. Н. Глинка былъ цензоромъ, въ одно время съ Измайловымъ.

Онъ былъ чрезвычайно безкорыстенъ и любилъ слѣдовать первому движенію своего сердца. Государь Императоръ Александръ

пожаловалъ ему бриліантовій перстень въ 800 рублей ассигнаціями. Глинка прѣхалъ въ одинъ домъ и показывалъ свой перстень гостямъ и хозяевамъ. Въ эту минуту предложили сборъ въ пользу какого-то бѣднаго семейства. Денегъ съ Глинкою не случилось: онъ, не задумавшись, пожертвовалъ свой перстень. Сколько ни уговаривали его, сколько ни предлагали ему, отдать за него небольшую сумму, которую онъ послѣ пришлетъ хозяину дома: онъ никакъ не согласился, и прѣхалъ домой безъ перстня.

Въ 1812 году, во время пожертвованій на ополченіе, онъ пожертвовалъ всѣ свои серебряныя ложки. На другой день пригласилъ гостей обѣдать, и подаль имъ деревянныя! — Спросить: зачѣмъ же было приглашать гостей, чтобы подать имъ деревянныя ложки? — Не знаю; я только вишу то, что было и какъ было.

Русской Вѣстникъ подъ конецъ сдѣлался очень плохъ и небреженъ. Иногда онъ опаздывалъ выходить не только мѣсяцы, но почти цѣлымъ годомъ. — Причиною этого было — съ одной стороны, множество разной книжной работы, которою заваливалъ себя Глинка, ибо этимъ онъ кормилъ свое семейство; съ другой — безпечность, которая всегда была въ его характерѣ.

(Продолженіе средѣ).

ЗАПИСКИ СОВРЕМЕННОГО.

ДНЕВНИКЪ СТУДЕНТА.

(*Продолженіе.*)

2 марта, пятница. Вчера изъездилъ пол-Москвы съ поздравленіями именинницъ, и насилу сегодня отдохнулъ. Будь это не по обязанности, изъездилъ бы всю Москву, и конечно бы вовсе не усталъ; таковъ человекъ! Кончилъ день у Авдотьи Петровны Карамышевой, въ надеждѣ встрѣтить Петра Степановича Молчанова, котораго хозяйка завербовала къ себѣ въ племянники; но вмѣсто этого любезнаго человека, встрѣтилъ известнаго каша В. П. Н. и нѣсколько другихъ вовсе не врачаныхъ рожъ, которые только и толковали что о доходахъ, да о количествѣ принадлежащихъ имъ душъ. Тетушка очень сътовала на племянничка: говорила прежде какими-то обиняками, а наконецъ предъ ужиномъ разразилась прямымъ и очень яснымъ упрекомъ: «нынче, батюшка, случайные родные неслучайныхъ родныхъ знать не хотятъ; вотъ и нашъ оберъ-прокуроръ не удостоилъ насъ своимъ посещеніемъ». Нечего сказать, превеселый вечеръ! да и подъяломъ: не умничай и отъ хорошаго, не ищи лучшаго. Отвечерялъ бы на Поварской у Небольсиной, такъ нѣтъ, — мы, видишь ты, *прозираемъ* въ будущее!

Получилъ письмо изъ Петербурга: просьба моя съ аттестатомъ представлены въ Иностранную Коллегию, и я въ скорости определенъ буду. Зять Лабата, лейбъ-хирургъ Иванъ Петровичъ Эйнебротъ просилъ министра Будберга, который далъ приказаніе не медлить определеніемъ. — Альбины же пишутъ, что они въ концѣ апрѣля будутъ въ Москвѣ, и надеются, что я провожу ихъ въ Липецкъ, а зато по окончаніи сезона водъ они проводятъ мся въ Петербургъ. Schwester Dorchon отъ себя прибавляетъ, что по принятымъ мѣрамъ, я,

не смотря на опредѣленіе въ службу, могу до осени пожить на свободѣ подѣ предлогомъ пользованія липецкими минеральными водами. Кажется, все улаживается по желанію, какъ нельзя лучше.

Благодаря покровителямъ моимъ, я попалъ въ число гостей на завтрашній обѣдъ въ Англійскомъ Клубѣ, следовательно увижу героя Багратиона лицомъ къ лицу; а праздникъ долженъ быть на славу: у садовниковъ Лебедева и Соколова подряжено однихъ цвѣтовъ для уборки лѣстницы и померанцевыхъ деревьевъ для украшенія стола на двѣсти рублей.

4 Марта, воскресенье.

*Гость: — Благодарю за угощенье,
За ласку и за всё про всё.*

Въ сторону.

*Мысль хороша, — но исполненье,
Мнѣ кажется, ни то, ни сѣ:
Изъ оперы «Откупщикъ хлѣбосоль».*

Конечно, князь Багратионъ не только сказать, но и подумать этого не можетъ. Пріемъ торжественный, радушіе необыкновенное, энтузіазмъ неподдѣльный, а угощеніе подлинно на славу — вотъ что вчера встрѣтилъ желанный гость въ Англійскомъ Клубѣ.

Столъ накрытъ былъ кувертовъ на 300, т.-е. на все число наличныхъ членовъ Клуба и 50 чел. гостей; убранство великолѣпное; о провизіи нечего и горить: все, что только можно было отыскать лучшаго и рѣдчайшаго изъ мяса, рыбы, зелени, вина и плодовъ, все было отыскано, куплено за дорогую цену; а тѣ предметы, которыхъ по раннему времени года у торговцевъ въ продажѣ не было, доставлены богатыми владѣльцами изъ подмосковныхъ оранжерей безъ платы. Все наперерывъ старались оказать чѣмъ-нибудь свое усердіе и участіе въ угощеніи.

Ровно въ два часа по полудни, обыкновенное время обѣдовъ въ Клубѣ, пріѣхалъ князь Багратионъ, градоначальникъ и генераль-адъютантъ Уваровъ, и вмѣстѣ вошли въ большую гостиную. Члены Клуба, жадничая видѣть ближе героя, такъ столпились вокругъ его и въ дверяхъ, что старшины, пред-

шествовавшие ему и градоначальнику по обязанности въ качество хозяевъ, насилу могли проложить имъ дорогу. Князь Багратионъ имѣеть физиогномію чисто грузинскую: большой съ горбиною носъ, брови дугою, глаза очень умные и быстрые; но въ тѣлодвиженіяхъ онъ показался мнѣ не очень ловкимъ.

Лишь только отворили двери въ столовую, оркестръ заигралъ тотъ же вѣчный польскій, которымъ всегда начинаются танцы въ Благородномъ Собраніи: *Громъ побѣды раздавайся!* и старшины поднесли князю на серебряномъ поднось привѣтныя стихи, и тотчасъ же потомъ начали раздавать, или, вѣрнѣе, совать ихъ въ руки прочимъ присутствующимъ. Мнѣ досталось три экземпляра этого высокопарнаго произведенія, Николаева, въ которомъ, разумется, не обошлось безъ Тита, Цесаря Алкида и прочихъ нехристей; вотъ послѣдніе изъ него стихи:

«Славъ тако Александра въкъ
 «И охраняй намъ Тита на престолѣ;
 «Будь купно страшный вождь и добрый человекъ,
 «Рисей въ отечествѣ, а Цесарь въ бранномъ полѣ;

Да счастливый Наполеонъ,
 «Познавъ чрезъ опыты, каковъ Багратионъ,
 «Не смѣетъ утруждать Алкидовъ Росскихъ болъ.

За обѣдомъ князь сидѣлъ между двумя Александрями: А. А. Беклешевымъ и А. Л. Нарышкинымъ, а насупротивъ двое старшинъ для угощенія. За Нарышкинымъ особенно ухаживали князя Цициановъ и Грузинскій и В. А. Всеволожскій, подчивая его то тѣмъ, то другимъ, — и надобно отдать ему справедливость, что онъ не обижалъ ихъ отказомъ

Съ третьяго блюда начались тосты, и когда дежурный старшина, бригадиръ графъ Толстой, вставъ, провозгласилъ: здоровье Государя Императора! всѣ, начиная съ градоначальника, также встали съ мѣстъ своихъ, и собраніе разразилось такимъ громогласнымъ: ура! что, кажется, встрепенулся бы и мертвый, если бы въ толпѣ этихъ людей, одушевленныхъ такою живою любовью къ Государю и отечеству, могъ находиться мертвецъ. За симъ послѣдовалъ тостъ въ честь князя Багратиона, и также громкое ура трижды опять огласило залу; но

вмѣстѣ съ этимъ вторымъ ура грянулъ хоръ пѣвчихъ, и вотъ раздалась наконецъ кантата П. И. Кутузова:

Тщетны Россамъ всѣ препоны,
Храбрость есть побѣдъ залогъ:
Есть у насъ Багратіоны,
Будутъ всѣ враги у ногъ!

Въ продолженіе пѣнія этихъ *камплетцовъ*, какъ называлъ ихъ умный циникъ Захаръ Николаевичъ Посниковъ (вмѣсто куплетцовъ), сочинитель поминутно выскакивалъ изъ-за стола, подбѣгалъ то къ градоначальнику, то къ князю Багратіону и къ другимъ почетнымъ лицамъ, и одѣялъ всѣхъ, кто только попадался подъ руку, экземплярами своей кантаты. Простодушный старикъ Бабеновъ, завѣдывающій подмосковными деревнями Парышкиныхъ, которому достался также экземпляръ этой кантаты, прочитывая нѣсколько разъ послѣдніе стихи: *Есть у насъ Багратіоны, будутъ всѣ враги у ногъ*, никакъ не могъ вразумиться, кому именно принадлежатъ эти ноги, Багратіону или кому другому? и адресовался ко многимъ съ просьбою разрешить его недоумѣніе. «Тутъ нечего и думать, — замѣтилъ ему красноносый весельчакъ Д. — смыслъ этого стиха: *будутъ всѣ враги у ногъ* — есть тотъ, что *всѣ враги будутъ побѣждены нами*, т.-е. Русскими.»

Между тѣмъ тосты продолжались: сперва въ честь почтеннаго начальника Александра Андреевича, А. Л. Парышкина, и генераль-адыютанга Уварова; потомъ нѣкоторыхъ почетныхъ москвичей: князя Долгорукаго, Апраксина, Валуева и многихъ другихъ, и наконецъ старшинъ Клуба и всѣхъ его членовъ. Эти тосты были причиною, что многие нечувствительно поваклялись. По окончаніи обѣда гости перешли въ гостиную, и тамъ старшины объявили князю Багратіону, что онъ единогласно и безъ баллотировки избранъ членомъ Клуба въ воспоминаніе того дня, въ который онъ осчастливилъ Клубъ своимъ посѣщеніемъ. — Этой церемоніи я не видалъ, потому что въ гостиную попасть не могъ — *et pour cause*.

7 марта, среда. Нейкомъ написалъ прелестную музыку на 2 небольшія комическія интермедіи сочиненія Гунніуса: *der Schauspiel Director* и *Ehestand Wehestand*. — Какой разнообразный и вмѣстѣ какой трудолюбивый талантъ этотъ Ней-

комъ! не проходить недели, чтобы онъ не попотчивалъ публику чѣмъ-нибудь новымъ: то сочинить сонату, то симфонию, то квартетъ, и вотъ, pour changer, написалъ въ одно почти время двѣ интермедіи. Теперь оканчивается хоры для элегическо-драматическаго *представленія*, которое будетъ дано въ воспоминаніе усопшаго Штейнберга. Это *elegisch-dramatische Vorstellung* сочинилъ Гейдеке; начало не слишкомъ поэтическое:

Auch hierher jagt das ruhelose Herz
Verfolgend unbesigbar mit herber Schmerz—

т.-е., какъ водится у Нѣмцевъ: гдѣ *Letz*, тутъ и *Schmerz*.

Entflohne Lust,
Aus Freundes Brust—

и опять, разумеется, гдѣ *Lust*, тутъ и *Brust*; однако же умный Простъ скоро поправляется:

Der Liebe Thränen
Der Freundschaft sehnen
Ist alles nicht genug die Vorsicht zu versöhnen,
Den Menschen Werth durch Menschen Todt verhöhnen?

Но дѣло не въ стихахъ, а въ музыкѣ: я слышалъ нѣкоторые хоры: прелесть! Передъ пьесою исполненъ будетъ небольшой реквиѣмъ, сочиненія также Нейкома; есть аккорды, раздрающіе душу.

По смерти Штейнберга, какъ-то пропадаетъ охота ѣздить къ нѣмцамъ. Ни скромная прелестница *Шредеръ*, ни болтливая кокетка *Кафка*, однѣ не въ состояніи поддержать тѣхъ пьесъ, въ которыхъ играли онъ съ Штейнбергомъ; устоять развѣ однѣ только большія оперы, по милости мамзель Соломони, Галтенгофа и Гунниуса.

Въ два съ небольшимъ года, Штейнбергъ Русалками Чертовою Мельницею и Духовидцемъ (*das neue Sonntagskind*) приобрѣлъ тысячу до 20 рубл., которыя оставилъ женѣ своей, доброй, но безталанной нѣмочкѣ. Будетъ ли она уметь сохранить ихъ? едва ли. Чудное дѣло: кажется, вдова Штейнберга должна бы была въ своемъ кругу внушать къ себѣ уваженіе, а между тѣмъ этого вовсе нѣтъ; вотъ уже она и собирается въ Петербургъ вмѣстѣ съ К.. Добрый путь, милая Anastasia! Мы не забудемъ покойнаго вашего супруга, а Снѣгирь Nemo не забудетъ васъ и вашей подновснѣной пощечины.

8 марта, четверг. Штейнбергъ былъ не только отличный актеръ, но и отличный поэтъ, хотя поэзія его, какъ поэзія и всѣхъ нѣмецкихъ студентовъ, воспитывавшихся подъ вліяніемъ Кантовой философіи, нѣсколько отвлеченна и туманна; но за то недостатокъ сей искупается необыкновенною энергіею мыслей и выражений. Рифмы Штейнбергу ни почему и нѣсколько его не затрудняютъ. Какъ хороши его октавы, къ которымъ прибранъ имъ такъ счастливо эпитафій: *Si male nunc, non olim sic erit.*

Одно его всѣхъ болѣе выдержанное стихотвореніе, котораго прекрасное и утѣшительное окончаніе, къ стыду моему, не припомню, на дняхъ спишу цѣликомъ, на досугъ переведу и посвящу Мерзлякову. Это, во-первыхъ, будетъ сильная дань моею къ нему благодарности, а во-вторыхъ, маленькій косвеннымъ образомъ упрекъ за то, что онъ не любитъ нѣмецкихъ поэтовъ.

(Продолженіе будетъ).

САЛУСТИЙ, РИМСКІЙ ИСТОРИКЪ.

ЧАСТЬ 1.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И ПРЕДПОЛОЖЕНІЯ.

Саллустій родился въ Амитернѣ, городѣ Сабинской области, несомнѣнно отъ плебейской фамиліи, потому что въ послѣдствіи былъ трибуномъ—достоинство, предоставленное только родамъ плебейскимъ. А какъ мы не знаемъ никого изъ этой фамиліи, облеченнаго первостепенными должностями государственными, то Саллустій самъ себя долженъ былъ пролагать дорогу къ почестямъ и слѣдовательно онъ былъ изъ числа тѣхъ, которые у Римлянъ назывались людьми новыми. Мы не знаемъ достоверно всѣхъ подробностей государственной его службы до самаго трибуновства. Самъ о себѣ онъ говоритъ: (Catil. 4.) «Еще съ юности я стремился посвятить себя службѣ государственной;—духъ мой въ этомъ непостоянномъ возрастѣ тревожимъ былъ желаніемъ почестей.—И на этомъ поприщѣ я встрѣтилъ много неприяностей.»—Въ другомъ мѣстѣ: (Jug. 4.) «Пусть разсудятъ, въ какое время получилъ я высшіе чины, пусть примутъ въ уваженіе, какіе люди не могли ихъ достигнуть, и какого происхожденія лица въ последнее время сдѣлались сенаторами—и тогда увидятъ, что я не по празднослобію и слабодушію, но желая сохранить свое достоинство, оставилъ прежнее поприще.»

Изъ сихъ словъ видно, что онъ имѣлъ почетныя должности, хотя не былъ консуломъ. Въ первый разъ мы встрѣчаемъ его въ исторіи въ 701-мъ году Рима трибуномъ народнымъ. Сообщимъ же теперь о его дѣйствіяхъ, сколько намъ известно

изъ Асконія, древняго грамматика; ибо одинъ только онъ упоминаетъ о Саллустіевомъ трибуствѣ. Это время ознаменовалось событіемъ весьма важнымъ въ исторіи Рима. Клодій, неистовый демагогъ, противникъ аристократической партіи, который уже нѣсколько лѣтъ, не безъ содѣйствія другихъ сильныхъ лицъ, волновалъ республику, убить Милономъ, Цицероновымъ другомъ.

И здѣсь-то мы встрѣчаемъ Саллустія — трудно сказать — болѣе ли партизаномъ Клодія, или противникомъ Милона. Ибо изъ словъ Асконія (*ad Cic. Mil. Cap. 17.*), сравнивая ихъ съ Цицероновыми, видимъ только, что въ тотъ день, когда убить Клодій, предъ самымъ его выѣздомъ изъ Рима, Саллустій съ другимъ трибуномъ Помпсемъ говорилъ къ народу рѣчь въ смыслѣ благопріятномъ для Клодія, которая по этому могла быть принята аристократами за возмутительную. Самъ же Цицеронъ въ вышесказанномъ мѣстѣ говоритъ о рѣчи только одного мятежнаго и подкупленнаго Клодіемъ трибуна, не называя его по имени; и этотъ трибунъ, упоминаемый Цицерономъ, по мнѣнію Асконія, вѣроятно есть вышесказанный Помпей. И такъ Саллустій былъ Цицерономъ или пропущенъ, или, вопреки Асконію, и не говорилъ ничего. Когда же Милонъ убилъ Клодія, то Саллустій между другими своими товарищами показалъ себя преслѣдователемъ Милона; и однажды вмѣстѣ съ другими трибунами вызвалъ Помпея, тогда первостепеннаго вельможу, предъ народъ, и заставилъ его рассказать нѣкоторое произшествіе, изъ котораго можно было заключать о пагубныхъ замыслахъ Милона даже и на самаго Помпея — все это, разумѣется, для возбужденія большей ненависти противъ Милона (*Asc. ad Mil. cap. 25*). Когда же Помпей сдѣлался единовластнымъ правителемъ государства и предложилъ народу назначить особенное, чрезвычайное слѣдствіе по дѣлу убійства Клодіева, то Саллустій съ другимъ трибуномъ Мунаціемъ старался не допустить сенатъ, изъ благопріятства къ Милону, разными изытіями ослабить силу и смыслъ сего предложенія, и съ вышесказаннымъ трибуномъ Помпеемъ всеми силами побуждалъ народъ къ принятію онаго (*Asc. ad Mil. c. 6. 18*). Изъ всего сего видно, что Саллустій преслѣдовалъ

Милона; но этого мало: Асконій говоритъ (Argum. ad. Mil.): «Въ особенности Квинтъ Помпей и Кай Саллустій говорили (къ народу), какъ жестокіе враги противъ Милона, и возбуждали ненависть (въ народъ) даже и къ Цицерону за то, что онъ съ такою готовностію и такимъ усердіемъ принялъ на себя его защиту. Однакожь послѣ, какъ Помпей, такъ и Саллустій впади (у народа) въ подозрѣніе, что съ Милономъ и Цицерономъ примирились (т.-е. еще въ самомъ продолженіи сего дѣла).» Теперь обратимъ вниманіе на слѣдующее мѣсто изъ Цицероновой рѣчи за Милона (сар. 18) «Нѣкоторые, какъ вамъ извѣстно (говоритъ Цицеронъ къ судьямъ), одобряя это назначеніе (суда), утверждали, что хотя рука Милона убила Клодія, но совѣтъ былъ другаго лица, важнѣйшаго. Этими словами презрѣнные и злонамѣренные люди указывали на меня, какъ на разбойника и убійцу!» Къ этому мѣсту Асконій замѣчаетъ, что слова Цицерона относятся къ трибунамъ Помпею Руфу и Саллустію, которые именно такъ отзывались объ убійствѣ Клодія. Теперь какъ же согласить эти слова Асконія съ тѣмъ, что онъ сказалъ выше, а именно о подозрѣніи (безъ сомнѣнія на чемъ-нибудь основанномъ), что Помпей и Саллустій еще до окончанія сего дѣла съ Милономъ и Цицерономъ примирились? Если они примирились, то въ заключеніи дѣла Цицеронъ не могъ уже такъ указывать на Саллустія. Асконій нигдѣ не приводитъ подлинныхъ словъ Саллустія. Въ актахъ или дневныхъ запискахъ, на которыхъ онъ основываетъ свое повѣствованіе, какъ видно, упоминалось только о томъ, кто говорилъ, и весьма не ясно и сбивчиво о томъ, что говорено было. Замѣтимъ, что эти акты не были официальные извѣстія, а записки разныхъ лицъ о городскихъ происшествіяхъ, большею частію для отсутствующихъ. И потому на ихъ вѣрность полагаться трудно (*). Вообще изъ всѣхъ вышеприведенныхъ мѣстъ, мы не имѣемъ яснаго понятія о силѣ вражды между Цицерономъ и Саллустіемъ. По крайней мѣрѣ Цицеронъ нигдѣ въ своей рѣчи не называетъ его. (**)

(*) См. замѣчаніе 1.

(**) Какимъ представляеть Саллустія въ этомъ дѣлѣ Дебрессъ, можно видѣть въ его описаніи жизни Саллустія. Я не смѣлъ позволить себѣ отступить отъ исторіи, сколь ни мало въ ней связи и ясности.

Далѣе слѣдуя по порядку годовъ, вотъ что пишеть о немъ Діонъ, жившій 200 лѣтъ спустя послѣ него, подь 704 г. Рима. Замѣтимъ напередъ, что Помпей уже объявилъ себя противникомъ Цезаря, междоусобная война уже возгаралась. Въ это время цензорами были Пизонъ тесть Цезаря и Анпій Клавдій. И такъ вотъ что Діонъ говоритъ о Саллустіѣ: «Пизонъ, желая тишины и изъ уваженія къ дружескимъ связямъ разныхъ лицъ съ Цезаремъ, доброжелательствуя многимъ, самъ не очернилъ никого цензорскимъ замѣчаніемъ; но товарищу своему (Аппію Клавдію) не препятствовалъ исключать изъ сената всѣхъ отпущенниковъ, многихъ даже изъ знатныхъ, и въ числѣ ихъ и историка Криспа Саллустія.» Изъ сихъ словъ видно, что Саллустій пострадалъ въ это время вмѣстѣ съ прочими болѣе по духу партіи, нежели по заслугамъ своимъ. Иначе Діонъ, который, какъ извѣстно, любилъ чернить славныхъ, особенно литературными заслугами, Римлянъ, не оставилъ бы упомянуть о причинѣ его изгнанія (*). И дѣйствительно вскорѣ находимъ мы его во время междоусобной войны на сторонѣ Цезаря и подь 706 г. Рима читаемъ у того же Діона и Анпіана, что «Цезарь, намѣреваясь переправиться въ Африку, послалъ Саллустія въ Кампанію для усмиренія бунтующихъ легіоновъ, давъ ему въ это время чинъ претора для возвращенія прежняго мѣста въ сенатъ, и что въ этомъ посольствѣ Саллустій едва не былъ убитъ мятежниками.» Когда же Цезарь переправился въ Африку, то отправилъ его съ нѣсколькими кораблями (Hirt. V. Afr. 8. 34), къ острову Церцинъ, бывшему тогда во власти Помпейцевъ, чтобы захватить хлѣбныя припасы, что Саллустій къ великому удовольствію Цезаря удачно исполнилъ. Замѣтимъ, что Гирцій, согласно съ Діономъ, даетъ Саллустію въ это время санъ претора, но ни слова не говоритъ о его исключеніи изъ сената. Наконецъ къ большому доказательству, какое довѣріе имѣлъ къ нему Цезарь, служитъ свидѣтельство того же современнаго писателя, (ib. 97), что Цезарь, по покореніи Нумидіи и обращеніи ея въ римскую провинцію, поручилъ ее въ управленіе Саллустію, въ качествѣ проконсула. Теперь почитатели Саллустія должны присту-

(*) См. Зап. 11.

шгъ къ весьма неприятному мѣсту въ Діоновой исторіи касательно Саллустіева поведенія въ провинціи. Вотъ оно: «Цезарь, овладѣвши безъ всякаго сопротивленія вѣрными городами, принялъ въ подданство и побѣжденныхъ Нумидянъ, и отдалъ въ управленіе Саллустію, какъ сказалъ въ своемъ опредѣленіи; въ самомъ же дѣлѣ отдалъ для грабежа и расхищенія. Новый правитель Африки не замедилъ оказать себя взяточникомъ и грабителемъ, и навлекъ на себя крайнее поношеніе. Порицая въ своихъ сочиненіяхъ тѣхъ, которые обогащались отъ провинцій, на дѣлѣ обнаружилъ противное тому, чтò говорилъ. А потому хотя и былъ прощенъ Цезаремъ, однакожь въ сочиненіяхъ своихъ оставилъ свое собственное изображеніе, какъ будто начертанное на общественномъ памятникѣ.» Вѣрить ли этому? — Признаюсь, трудно. Вообразите себѣ человека, который только что прибылъ изъ провинціи съ награбленными деньгами, который подпалъ за это гнѣву Цезаря, и котораго дѣла слѣдовательно огласились. Вообразите себѣ, что этотъ человекъ, которому шельмъ сего стыдно было, бы взглянуть на своихъ соговарищѣй, кліентовъ Цезаря, вдругъ принимается за перо и со всею жаромъ проповѣдника строгой нравственности нападаетъ на тѣ самыя пороки, въ которыхъ только что изобличенъ былъ. Если бы и допустить такое самозабвеніе совѣсти, то мнѣ кажется, при всякой чертѣ пера, одна мысль: что жъ скажутъ обо мнѣ мои товарищи? должна была удержать его руку и заставить обратиться къ себѣ. Такое лицемеріе свойственно только низкой посредственности. Такой разврагъ душевный гнуснѣе всякаго разврата чувственнаго, и допустивъ его, въ Саллустіѣ мы имѣли бы примѣръ, утвердительно скажемъ, единственный въ исторіи славныхъ писателей. Что жъ теперь заключить о Діоновомъ сказаніи? Или Діонъ его выдумалъ? Правда, можно выдумать рѣчь, которую влагаетъ онъ въ уста Меценату для убѣжденія Августа утвердить въ Римѣ единоначаліе, но здѣсь есть поводъ блеснуть школьнымъ краснорѣчіемъ и показать себя знатокомъ въ дѣлахъ государственныхъ. Но писать для Римлянъ и оскорблять выдумками память ихъ славныхъ предковъ невозможно. Не спросилъ ли бы тогда всякій читающій его

исторію (а онъ писалъ для просвѣщенныхъ читателей): «Откуда ты взялъ это лживое извѣстіе?» Обратимъ же теперь вниманіе на этотъ вопросъ, который во всему праву принадлежитъ теперь намъ. Разсмотримъ прежде самое дѣло.

Если Саллустій былъ обвиненъ во взяткахъ предъ Цезаремъ, то предполагается, какъ обыкновенно бывало въ такихъ случаяхъ, посольство со стороны Нумидійцевъ съ жалобою de repetundis, тѣмъ болѣе, что въ Замъ было великое число и римскихъ негоціантовъ, державшихся стороны Помпея, которыхъ вѣроятно Саллустій всего менѣе щадилъ, какъ такихъ людей, съ которыхъ наиболѣе могъ воспользоваться несправедливыми поборами (*). Допустивъ это, Саллустій долженъ бы былъ оправдываться предъ судомъ Цезаря и защищаться, какъ Цицеронъ предъ тѣмъ же Цезаремъ защищалъ Дейотара и Лигарія. И это должно было происходить въ весьма короткомъ промежуткѣ времени съ января до половины марта 709 г. Рима, ибо въ декабрь 708 г. Цезарь возвратился изъ Испаніи, и въ мартъ слѣдующаго года былъ убитъ. Еще повторяю, что такое дѣло было бы очень гласно въ Римѣ, и однакожь, не говоря о Цицероновой перепискѣ, въ которой объ этомъ ни слова, самые современники, недоброжелатели Саллустія, какъ Варронъ, самые жестокіе враги его, какъ Леней, самые совѣстники по роду сочиненій, какъ Азиній Полліонъ, (а извѣстно, что значитъ совѣстничество въ литературѣ), порицаютъ Саллустія совсѣмъ съ другой стороны, и не говорятъ ни слова о безчестномъ его поведеніи въ Африкѣ. Здѣсь кстати, хотя мы не касались еще частной жизни Саллустія, выписать мѣсто изъ Геллія, которое впрочемъ въ другомъ отношеніи будетъ для насъ нужно впоследствии.

Въ 18-й главѣ 17-й книги у Авла Геллія читаемъ слѣдующее: «Маркъ Варронъ, писатель важный и достойный всякаго довѣрія, въ томъ сочиненіи, которое называется: *Призвательный* или *о мирѣ*, говоритъ, что Саллустій, этотъ строгій и благородный авторъ, въ исторіи котораго мы привыкли

(*) Нельзя здѣсь не замѣтить, что Деброссъ, не основываясь ни на какихъ историческихъ памятникахъ, говоритъ объ этомъ посольствѣ, какъ о бывшемъ дѣйствительно. Столько его воображеніе дополняетъ исторію!

читать цензорскіе приговоры, былъ захваченъ Милономъ въ дѣль позорномъ (*in adulterio*), высъченъ ремнями и отпущенъ только за деньги». Варронъ ли называетъ Саллустія строгимъ и благороднымъ писателемъ, или эти слова принадлежать Геллію, но примите въ уваженіе то, что Геллій предлагаетъ сіе мѣсто, какъ разительную противоположность Саллустіевыхъ сочиненій съ его дѣйствительною жизнію, и предлагаетъ именно съ тѣмъ намѣреніемъ. Подумайте жь, еслибъ Геллій нашель что-нибудь достойное вѣроятія въ другомъ писателѣ на счетъ поведенія Саллустіева въ Африкѣ, то умолчалъ ли бы въ этомъ мѣстѣ, которое предлагается здѣсь именно въ укоризну сего строгаго писателя? или любовное приключеніе важнѣе грабежа государственнаго? Прибавимъ, что вслѣдствіе Цезарева обвиненія онъ невольно долженъ бы былъ оставить службу. Но самъ онъ говоритъ, что оставилъ ее добровольно, и говоритъ это въ оправданіе предъ современниками за имѣющія быть отъ нихъ укоризны, что столь просвѣщенное лице вмѣсто дѣятельныхъ услугъ государству обрекло себя на жизнь писателя. Можетъ быть скажутъ еще, что обвиненіе Цезаря было не гласно». Но въ такомъ случаѣ всего менѣе могъ знать объ этомъ Діонъ.

Теперь спрашивается: откуда жь взялъ Діонъ свое извѣстіе? Изъ того же мутнаго и грязнаго источника, изъ котораго почерпнулъ онъ и рѣчь Фуфія Калена противъ Цицерона, и откуда для описанія Саллустіевой жизни черпаютъ и въ наше время Леклерки, Деброссы и Герлахи, которыхъ потомъ поворяютъ, какъ авторовъ достойныхъ вѣроятія, молодые литераторы. Эготъ источникъ есть, какъ можемъ заключать по оставшимся памятникамъ, произведеніе или злоязычниковъ, скрывающихся подъ чужимъ именемъ, или декламаторовъ и грамматиковъ, которыхъ памфлеты и сказки, къ-несчастію, въ Діоново время, принимались за неподдѣльную и хорошей пробы монету. Въ такомъ родѣ инвектива на Саллустія подъ именемъ Цицероновой—благодареніе судьбъ—дошла и до нашего времени. Чтобы познакомить читателя съ сими произведеніями, нужно сказать о нихъ нѣсколько подробнѣе. И такъ, вотъ въ чемъ дѣло.

Два славные писателя въ полномъ собраніи римскаго сената

выходят на браннословный поединокъ. Зачинщикомъ является Саллустій. Когда-то, гдѣ-то, за что-то, Цицеронъ его позлословилъ; и вотъ Саллустій въ сенатъ начинаетъ за эго платить ему тѣмъ же. Онъ осыпаетъ его самыми низкими ругательствами, разбирая его нравственную жизнь съ самой юности до того времени, какъ онъ принялъ на себя защиту Вагинія. Замѣтимъ еще, что въ этой рѣчи упоминается о Теренціи, женѣ Цицероновой, какъ еще не разведшейся съ мужемъ, о Тулліи, ихъ дочери, какъ еще живущей, и о Цезарь, какъ о такомъ лицѣ, котораго дружбы Цицеронъ искалъ уже въ это время. И такъ эта рѣчь сочинена за долго до войны междуусобной. Но Цицеронъ въ своемъ отвѣтъ проходитъ всю жизнь Саллустія до самаго его возвращенія изъ Африки и даже послѣ Цезаревой кончины; ибо упоминаетъ о его садѣ и виллѣ, купленной имъ по смерти Цезаря. Такъ поздно Цицерону нашелся защитникъ! А изъ этого слѣдуетъ: 1, что Саллустіева рѣчь предъ современниками заслуживала только презрѣніе, и не стоила того, чтобы отвѣчать на нее; 2, что Цицеронова рѣчь принадлежитъ вѣку декламаторовъ, который начинается уже въ правленіе Августа: ибо съ вѣроятностію можно полагать, что Цицеронова рѣчь сочинена въ такое время, когда Саллустіева по давности могла быть принята и за подлинную; 3, что не одно и то же лице было сочинителемъ обихъ рѣчей, какъ думалъ знаменитый Коррадо. Предполагать же, что Саллустіева рѣчь не вся дошла до насъ, по той причинѣ, что ей должно было кончиться тамъ же, гдѣ оканчивается Цицеронова, нельзя; потому что, какъ сказано выше, по одной тѣ лица живы, которыхъ по другой уже не было на свѣтъ. Теперь расскажемъ вкратцѣ содержаніе ихъ. Оно намъ нужно, какъ матеріалъ Саллустіевой жизни. Вотъ отрывки, болѣе или менѣе для насъ необходимы, и вмѣстѣ образцы того краснорѣчія, приличія и изящнаго вкуса, которыми восхищаются Герлахи, Вейзы и другіе подобные имъ нѣмецкіе ученые! (*) Начнемъ съ рѣчи Саллустія.

(*) Издаше Герлаха не заслуживаетъ никакого особеннаго уваженія ни въ критическомъ, ни въ экзегетическомъ отношеніи. Все его достоинство состоитъ въ вариантахъ нѣкоторыхъ манускриптовъ, которые не были прежде осматриваны. Что касается до его жизнеописанія Саллустія, то сколько изящно и

«Что Цицеронъ, восклицаетъ Саллустій — или неизвѣстно никому, что ты говоришь и что дѣлаешь? Какова была твоя юность? Не пожертвовалъ ли ты страстямъ своимъ целомудріемъ? Считалъ ли что-нибудь для себя постыднымъ! Не съ потерей ли благонравія научился у Марка Пизона этому безстыдному краснорѣчію? Не удивительно, что такъ безчестно торгуешь имъ, приобрести такъ постыдно. Или ты гордишься домою своимъ? Но жена твоя святотатка и клятвопреступница; а дочь... тебѣ пріятнѣе и угодливѣе, нежели сколько позволительно дочери. — Да, я вижу, ты гордишься тѣми дѣлами государственными, которыми ты занимался вмѣстѣ съ женой своей послѣ консульства, когда вы въ домъ своемъ давали судъ и расправу по закону Плавціеву: когда изъ заговорщиковъ однихъ ты осуждалъ на смерть, другихъ штрафовалъ деньгами; когда тотъ строилъ тебѣ виллу Тускуланскую, другой Помпеянскую, иной покупалъ тебѣ домъ; а кто не могъ ничего дать, тотъ былъ обвиняемъ въ томъ и томъ преступленіи. И отъ этой-то гражданской крови ты сдѣлался богатымъ — ты — ничтожнѣйшій человекъ, поклонникъ низкій враговъ, поноситель друзей, то той, то другой партіи, невѣрный никому, презрѣнный сенаторъ, продажный адвокатъ, съ головы до ногъ отвратительный; языкомъ лжецъ, руками хищникъ, ртомъ обжора, ногами бѣглецъ.— Несчастный Римъ, претерпѣвшій жесточайшую проскрипцію! когда ты, (къ Цицерону), возмутьивъ все государство, и поразивъ страхомъ всѣхъ добрыхъ, принуждалъ ихъ повиноваться твоимъ жестокимъ опредѣленіямъ, когда всѣ суды, всѣ законы исполнялись по твоимъ прихотямъ, когда, пренебрегши законъ Порціевъ, присвоилъ ты себѣ одному власть надъ жизнью нашей и смертію.» Но вотъ обстоятельства, выказанныя хотя съ крайнею злобою, но дающія большой вѣсъ этой инвективѣ. Замѣтимъ ихъ. Онъ намъ нужны будутъ впоследствии. «Скажи мнѣ, — такъ говоритъ псевдо-Саллустій въ заключеніи — къ какой ты принадлежишь партіи? Кто друзья,

краснорѣчиво, хотя и наполнено выдумками, Дебросово, столько жъ нескладно, безтолково — и исполнено противорѣчій Герлахово. Изданіе Вейза, рецензента или корректора изданій Таухница, не стоило бы того, чтобы упоминать о немъ, еслибъ у насъ не вошло въ обыкновеніе считать все то хорошимъ, что издается у Немцевъ.

кто враги твои? Не называлъ ли ты тѣхъ тиранами, которыхъ могуществу теперь благопріятствуешь? Которые прежде казались тебѣ отличными гражданами, тѣхъ называешь теперь безумными и неистовыми! защищаешь Ватинія; худо говоришь о Секстіѣ; самыми ругательными словами оскорбляешь Бибула; хвалишь Цезаря; всячески угождаешь тому, кого всѣхъ болѣе ненавидѣлъ; иное говоришь, иное чувствуешь; однихъ злословишь, другихъ ненавидишь, слабодушный предатель, ни на той, ни на другой сторонѣ не заслужившій довѣрія! (*)» Теперь перейдемъ къ другому пасквилю, изданному отъ имени Цицерона въ отвѣтъ Саллустію; онъ намъ еще нужнѣе; ибо въ немъ-то и заключается вся чернота нравственности Саллустіевой.

Если псевдо-Саллустій назвалъ Цицерона распутнымъ въ юности, то псевдо-Цицеронъ долженъ былъ необходимо усугубить распутства своего противника. Онъ такъ и сдѣлалъ, говоря, что Саллустій не только въ юности, но и въ зрѣлыхъ лѣтахъ ведетъ жизнь распутную и еще до такой степени, что никто въ распутствѣ не превзошелъ его, и такъ всегда себѣ равенъ, что каковъ въ зрѣлости лѣтъ, таковъ былъ и въ юности. Однимъ словомъ, такъ утонулъ въ сладострастіи, какъ свинья въ грязи. «Ты, восклицаетъ онъ, порицаешь меня въ сенатѣ, а въ исторіи своей хвалишь.» (Вздоръ! еще не хвалилъ, потому что Катиллина еще не былъ обнародованъ и вѣроятно не былъ и сочиненъ.) (5. §. 7. 8.) «Ты ставишь мнѣ въ укоризну мое краснорѣчіе, въ которомъ всегда искалъ защиты, когда поднадалъ подѣ судѣ (вранье!).» Во второй части этой рѣчи, которая начинается съ 5-й главы, ораторъ, вновь пробыгая пороки Саллустіевой юности, утверждаетъ, что онъ продалъ отцовскій домъ еще при жизни отца, и тѣмъ свелъ его въ гробъ, дважды былъ подѣ судомъ и на краю гибели и пр. Потомъ: «Живи Саллустій, говоритъ ему, какъ тебѣ угодно; дѣлай, что хочешь; для твоихъ пороковъ было бы довольно и того, чтобы ты одинъ только зналъ ихъ. Что укорягъ насъ въ бездѣйствіи и безопасности? (Какой счастливый переходъ!) Хотя мы прилежно охраняемъ целомудріе женъ нашихъ, однакожь ско-

(*) См. зам. III.

лько ни бодрствуемъ, не можемъ уберечь ихъ отъ тебя. Твоя смѣлость преодолеваетъ все наши помеченія; но нужно ли, господа сенаторы, напоминать о всѣхъ постыдныхъ словахъ и дѣлахъ того человека, который предъ вами не устыдился явно признаться въ прелюбодѣяннѣ? Если я прочту одно только замѣчаніе непорочнѣйшихъ мужей Аппія Клавдія и Луція Пизона, то какое неизгладимое пятно останется на твоей жизни? (т.-е. декламатору было извѣстно, что исключеніе изъ сената цензорами могло быть и за безчестное поведеніе, потому исключеніе Саллустія, если только его не выдумалъ самъ, онъ и истолковалъ сообразно съ своимъ намѣреніемъ.) Послѣ того мы тебя не видали уже въ сенатѣ (могъ ли говорить такъ Цицеронъ, который въ то время не былъ въ Римѣ?) до самаго того времени, какъ ты перешелъ нату сторону, куда стеклась вся нечистота республики (т.-е. на сторону Цезаря). Но этотъ же Саллустій, который во время мира не остался даже и сенаторомъ, введенъ былъ въ сенатъ послѣ квестуры, и въ этомъ чинѣ велъ себя такъ, что все для него было продажное, на что только находился покупатель. (Но Діонъ говоритъ, что Саллустій вошелъ въ сенатъ преторомъ). Послѣ квесторства онъ оставался образцемъ въ той шайкѣ, куда стеклись все пороки, — однимъ словомъ: Саллустій былъ образцемъ всѣхъ потерявшихъ всякой стыдъ, всѣхъ распутныхъ, отцеубійцъ, святотатцевъ, должниковъ, сколько ихъ ни было въ Римѣ, муниципіяхъ, колоніяхъ, наконецъ во всей Италіи. (Довольно, перейдемъ теперь къ Нумидіи). Сдѣлавшись преторомъ, не опустошилъ ли онъ провинцію такъ, что наши союзники отъ войны пострадали меньше, нежели отъ его управленія въ мирное время? у которыхъ онъ столько похитилъ, сколько можно было перевезти въ Римъ чрезъ банкировъ, или помѣстить на корабляхъ, т.-е. сколько хотѣлъ. А чтобы избавиться отъ суда, помирился съ Цезаремъ на трехъ стахъ тысячахъ денаріевъ. (Цезарь мирится на томъ, что могъ отнять безъ всякихъ чиновъ и удалить самаго грабителя на край свѣта!) Или скажи намъ, на какія деньги ты купилъ дорогой садъ, виллу Цезареву близъ Тибура и другія его помѣстья! (Но Саллустіевъ садъ во время Цицерона вовсе не былъ извѣстенъ). Можетъ быть ты гордишься своими чинами! по твоему мнѣ-

никогда быть дважды сенаторомъ и квесторомъ все равно, что дважды быть консуломъ и дважды удостоиться триумфа? (Вовсе непонятный вздоръ. Положимъ, что такъ какъ, по словамъ декламатора, Саллустій вступилъ въ другой разъ въ сенатъ квесторомъ, то можно сказать, что онъ дважды былъ квесторомъ и сенаторомъ; но когда Цицеронъ былъ въ другой разъ консуломъ, и когда удостоился триумфа, хотя, какъ мы знаемъ, и домогался его? Очевидно, что Цицеронъ говорить здѣсь о своихъ чинахъ въ противоположность самохвальству Саллустіеву. Это напоминаетъ того схолиаста, который въ одномъ замѣчаніи къ Цицероновой рѣчи за Марцелла пожаловалъ Цицерона даже въ диктаторы, но далѣе): «Тотъ долженъ быть вовсе безпороченъ, кто намѣренъ говорить противъ другаго, а кто не можетъ слышать отъ другаго правды, тотъ злословить. (Изрѣченія глубокомысленныя. По крайней мѣрѣ Герлахи находятъ ихъ достойными Цицеронова краснорѣчія). Ты волочишься по всѣмъ домамъ, гдѣ бы тебѣ можно было поѣсть и попить хорошенько. (Но по свидѣтельству другаго вралл-грамматика, Саллустій купилъ за дорогую цѣну перваго повара въ Римѣ. И такъ не могъ шататься по чужимъ домамъ. См. Грамм. въ замѣч. къ Horat. Sat. I. 4. 102 Въ какой мѣрѣ такіе вралли заслуживаютъ вѣроятія, пусть рѣшитъ читатель самъ.) Ты самый гнусный любодѣй и памятникъ войны междуусобной.» (Какъ будто Саллустій былъ изъ первыхъ поджигателей этой войны.)

Но довольно этихъ нелѣпостей. Изъ сохраненія приличія въ этихъ отрывкахъ я выбросилъ много самыхъ площадныхъ и низкихъ порицаній, которые во французской облагороженной формѣ читатель можетъ найти у Дебросса. Повторяю, что я бы не выписалъ мѣстъ сихъ, если бы Деброссы и Герлахи не принимали ихъ въ уваженіе при составленіи Саллустіевой жизни, и не вводили бы въ заблужденіе молодыхъ людей. Теперь подивитесь вотъ чему: этотъ враль, который такъ жарко говоритъ о грабежахъ Саллустія во время его квесторства и преторства, не упоминаетъ ни слова о его трибунствѣ, какъ будто оно вовсе было ему неизвѣстно. Но всякій согласится, что ни одинъ порядочный декламаторъ не оста-

виль бы этого мѣста жизни Саллустіевой безъ вниманія. Вражда съ Цицерономъ, преслѣдованіе Милона за угощеніе ремнями, участіе въ неистовствахъ Клодія, суть такія мѣста, которыми, всего позволительнѣе было бы воспользоваться, и которыя, бывъ обработаны и представлены краснорѣчиво, дали бы еще болѣе вѣса прочимъ обвиненіямъ! Послѣ всего этого я не знаю, что сказать объ этомъ уродливомъ произведеніи. Не въ томъ дѣло, что оно подложное, и что есть произведеніе такого враля, котораго Коррадо называетъ осломъ, а Виландъ поденщикомъ; нужно было бы опредѣлить, гдѣ и въ какое время оно писано. Но изъ того, что декламатору не извѣстно было даже трибунство Саллустіево, необходимо должно заключать, что оно написано во времена весьма отдаленныя отъ временъ республики. Мнѣ даже кажется, что оно написано двумя разными лицами, потому что, остановясь въ концѣ 4-й главы на тѣхъ же лицахъ, на которыхъ останавливается рѣчь Саллустіева, новый авторъ съ 5-й главы опять начинаетъ проходить Саллустіеву жизнь съ юности, и упоминаетъ новыя первому неизвѣстныя обстоятельства.

Теперь перейдемъ къ вралямъ новаго рода, къ грамматикамъ и схолиастамъ; они врутъ такъ же, какъ и составители пасквилей, только безъ желчи и злобы, имѣя въ виду одно только удовольствіе праздныхъ читателей, потому всего болѣе любятъ рассказывать любовныя анекдоты. Къ Саллустію непосредственно относятся только толкователи *Виргилія* и *Горация*. Хорошо бы еще было, еслибъ мы имѣли ихъ въ цѣлости, но къ-сожалѣнію отъ нихъ (именно отъ *Горачіевыхъ*) остались намъ лоскутки, еще болѣе обезображенные позднѣйшими ихъ переписчиками и сократителями. При-томъ замѣтимъ, что сіи грамматики жили во времена весьма отдаленныя отъ сочинителей, которыхъ объясняли, т.-е. тогда, когда сочиненія классиковъ были уже объясняемы въ школахъ. Принимая даже на вѣру, что эти лоскутки *Горачіевыхъ* комментаторовъ принадлежать тѣмъ лицамъ, которымъ приписываются, именно *Акрону* и *Порфиріону*, все, по суду ученыхъ, существованіе ихъ относится къ IV вѣку по Рождествѣ Христовѣ. Особенный характеръ этихъ людей, какъ сказано выше, собирать

изъ какихъ-то сказаній, (ибо большею частію не говорятъ, откуда заимствуютъ ихъ), и часто вѣроятно выдумывать соблазнительныя сказки на счетъ славныхъ писателей. Имъ известны всѣ самыя сокровенныя ихъ тайны. Но сколь гнусны иногда и отвратительны ихъ выдумки, можно видѣть изъ слѣдующаго. Известно, сколь нѣжно любилъ Цицеронъ дочь свою Туллію; изъ этого Донатъ выдумалъ нелѣпѣйшую и отвратительнѣйшую сказку, будто подъ 623 стихомъ VI книги Энеиды Виргилій разумѣлъ, кого бы вы думали? Цицерона! Гораціево жизнеописание, которое приписывается Светонію, обезображено также гнуснѣйшею вставкою, которая выкинута изъ текста всеми критиками (*). Съ сими-то людьми предлежитъ намъ теперь дѣло; но прежде должно рассмотретьъ вышеприведенный анекдотъ изъ Варрона, котораго авторитетъ такъ важенъ, что одинъ онъ стоить болѣе, нежели всѣ порицатели Саллустія вмѣстѣ. Какъ бы ни казалось по снисхожденію къ слабостямъ человѣческимъ простительнымъ любовное приключеніе молодого челоуѣка въ пылу страсти съ прекрасной римскою дамою; но этотъ анекдотъ, не смотря на важность автора, представляетъ что-то очень невѣроятное. 1. Мы знаемъ, что Милонъ любилъ свою супругу и даже во время своего изгнанія заботился о ея благосостояніи (Cic. Err. Att. V. 8). Известенъ также характеръ Милона. Одни его споры съ Клодіемъ и кровавый конецъ сего послѣдняго отъ мстительной руки его, достаточно его показываютъ. Такой челоуѣкъ не кончилъ бы такъ съ Саллустіемъ, имѣя возможность до смерти засѣчь его, не страшась ищениа законовъ, и руководствуясь примѣромъ другихъ (**). И что же? этотъ пылкій и мстительный челоуѣкъ отпускаетъ Саллустія за нѣкоторую сумму денегъ! Ибо нельзя допустить, чтобы Саллустій имѣлъ ихъ при себѣ много. Для такихъ по-

(*) См. Зам. IV.

(**) Мы не знаемъ никакого закона, существовавшаго во время республики противъ нарушителей семейственнаго цѣломудрія. Но и никакое законное наказаніе не преслѣдовало тѣхъ супруговъ, которые сами были мстителями своей чести. Даже нѣкоторые супруги показали надъ сими обольстителями такіе примѣры наказаній, которые страшнѣе самой смерти (См. Valer. Max. VI. 1. 13). Замѣчательно, что патроны, даже въ чужомъ дѣлѣ, въ подобныхъ случаяхъ, имѣли надъ своими отпущенниками право наказывать ихъ смертію. (Id. ib. 4. Suet. Caes. 47).

хожденій не запасаются банковыми билетами. Но скажутъ, что въ такомъ случаѣ (т.-е. убійства Саллустія) дѣло бы огласилось, и Милонъ, по существовавшему тогда между знатными обычаю (*), долженъ былъ бы развестись съ Фавстою, которую можетъ быть любилъ столько, что не смотря на ея невѣрность, не хотѣлъ, чтобы честь ея была очернена въ публикѣ.—Но въ такомъ случаѣ не слѣдовало брать у Саллустія денегъ. Ибо замѣтите слова Варрона. Онъ именно говоритъ, что Саллустій откупился отъ гибели только деньгами. Но взять въ этомъ случаѣ съ преступника деньги, значить продать ему жену свою. Какой позоръ для гордаго Милона!

2. Валерій Максимъ, извѣстный собиратель историческихъ анекдотовъ, рассказываетъ нѣсколько приключеній изъ римской исторіи, подобныхъ рассказанному Варрономъ (**); и между другими именами, потерпѣвшими одинакую участь съ Саллустіемъ, ничего не говоритъ о немъ. А этотъ случай былъ ближайшій по времени къ Валерію Максиму, и Варронъ въ двухъ мѣстахъ приведенъ имъ какъ уважаемый писатель. И такъ не всѣ просвѣщенные Римляне верили этому анекдоту. За то грамматики, къ которымъ теперь мы должны возвратиться, имъ воспользовались: одинъ въ замѣчаніи къ 612 стиху VI книги *Виргиліевой Энеиды*; другой въ замѣчаніи къ 41 стиху 2-й сатиры 1-й книги *Горация*. Но какъ здѣсь вся важность въ авторитетъ Варрона, то довольно только упомянуть объ этихъ грамматикахъ, которые его списывали.

Но вотъ другіе анекдоты, принадлежащіе только имъ, что легко узнать по нелѣпости повѣствованія; напр., въ вышесказанной сатирѣ *Гораций*, описавши всѣ опасные случаи, которые сопровождаютъ волокитъ знатныхъ дамъ, прибавляетъ: «Гораздо безопаснѣйшая награда ожидаетъ волокитъ въ другомъ сословіи, именно въ сословіи отпущенницъ, къ которымъ Саллустій питаетъ столь же неистовую страсть, какъ и искатели благосклонности дамъ знатныхъ. »Неизвѣстно, о какомъ именно Саллустіѣ говоритъ здѣсь *Гораций*, ибо кромѣ историка

(*) Около времени перваго триумвирата три знаменитые лица въ Римѣ развелись съ своими супругами по той же причинѣ—*Лукуллъ*, *Помпей* и *Цезарь*.

(**) Мы указали на это мѣсто въ предыдущемъ замѣчаніи.

и племянника его статс-секретаря Августова, были и другие ему однофамильцы, но схолиастъ, обрадовавшись случаю поговорить о развратной жизни Саллустія, выдумалъ слѣдующую сказку: «Говорять (кто?), такъ онъ пишегъ въ своемъ замѣчаніи къ сему мѣсту, что Саллустій такъ же неистово пылалъ страстію къ отпущенницамъ, сколь неистово другіе къ знатнымъ дамамъ; за что когда былъ ему сдѣланъ выговоръ цензорами въ сенатъ, то онъ (въ оправданіе) сказалъ, что онъ гоняется за отпущенницами, а не за знатными дамами. По этому и былъ исключенъ изъ сената, въ чемъ самъ оправдывался въ своемъ Катилинѣ.» Уже изъ самой нелѣпости разказа, (именно, чѣмъ его цензоры упрекають, тѣмъ онъ и оправдывается), можно видѣть, сколь онъ достовѣренъ, и какое перо начертало его. Замѣтьте, что этому вралю извѣстно было и то, что Саллустій, какъ мы выше видѣли изъ Діона и декламатора, былъ когда-то исключенъ изъ сената, къ чему онъ теперь прибравъ и причину въ словахъ Горация. Теперь хотите ли видѣть, какъ новые врази по словамъ старыхъ лѣпятъ новые разказы? Переведемъ же теперь Дебрасса.

» Въ сердцѣ Саллустія кипѣло довольно страстей, чтобы замѣнить ихъ одну другою; если время не было благопріятно для его честолюбія, то его лѣта были таковы для любви, къ которой онъ чрезмѣрно увлекаемъ былъ своимъ темпераментомъ. (Дебрассу былъ извѣстенъ темпераментъ Саллустія!) Покушенія его въ семь родъ часто сопровождались такими успѣхами, что сдѣлали его страшнымъ для бдительныхъ матерей и ревнивыхъ супруговъ. Но хитрецъ на выдумку средствъ къ свиданію со своими любовницами столько жъ, сколько смѣлъ къ приведенію ихъ въ исполненіе, онъ нашель секретъ отводить глаза матерей и супруговъ. Его дерзость превозмогала ихъ наблюденія, ихъ бдительность уступала его ловкости, такъ что впоследствии онъ достойно получилъ прозваніе счастливаго волокиты... но одно непріятное приключеніе прервало нить его счастливыхъ обстоятельствъ и заставило его отказаться отъ связей со знатными дамами...» (Здѣсь разказывается вышеприведенный анекдотъ, изъ Варрона, за нимъ слѣдуетъ продолженіе въ такихъ словахъ:) «Этотъ случай

(т.-е. Милонново угощеніе ремнями) отвратилъ его совершенно отъ связей съ знатными дамами. Заботясь болѣе о безопасности, нежели о чести (т.-е. о великой чести имѣть благородныхъ любовницъ!), онъ обратился къ женщинамъ низшаго сословія, т.-е. къ дочерямъ отпущенниковъ, съ которыми надѣялся вкусить наслажденія, невозмущаемыя болѣе страхомъ, и любилъ ихъ съ такимъ же жаромъ страсти, какъ и дамъ знатныхъ, когда слава побѣдъ служила поощреніемъ любви его.» Изъ этого разсказа можно заключить несомнѣнно, что еслибы нашелся какой-нибудь отпущенникъ, подобный Милону, который попотчивалъ бы хорошенько Саллустія хоть кулаками, (ибо ременная казнь вѣроятно принадлежала знатнымъ,) то Саллустій въ выборѣ любовницъ спустился бы и еще пониже. И не стыдно писать такой вздоръ и сводить сказки двухъ вралей, чтобы изъ нихъ составить новое вранье! Декламаторъ утверждаетъ, что Саллустій волочился за знатными дамами, грамматикъ говоритъ, что онъ пылалъ страстію къ отпущенницамъ—и Деброссъ сливаетъ обѣ сказки въ одну!...

Теперь безъ сомнѣнія читатель пожелаетъ знать то мѣсто въ Катилинѣ Саллустія, гдѣ онъ самъ оправдывается въ своемъ преступленіи. Но тщетно бы онъ искалъ его, если бы счастье или судьба не произвела въ наше время грамматика, подобнаго древнему. Этотъ новый грамматикъ есть г-нъ Герлахъ. Въ первыхъ четырехъ главахъ Катилины онъ ясно видитъ чистое признаніе Саллустія въ его преступленіяхъ и безчестныхъ поступкахъ (р. 12. ed. Gerl.), и слѣдовательно оправдываетъ старое вранье стараго враля, который также видѣлъ въ Катилинѣ — хоть мы и не знаемъ, въ какомъ мѣстѣ, если не примемъ Герлаха — признаніе Саллустіево. Конечно скажутъ нѣкоторые, что въ моемъ изслѣдованіи не нужно бы было упоминать о новѣйшихъ. Я бы такъ и поступилъ, еслибы для узнанія Саллустіевой жизни не обращались къ нимъ любители исторіи, и не принимали ихъ словъ за результатъ ученыхъ изслѣдованій; но теперь изъ представленныхъ мною источниковъ всякой можетъ видѣть, въ какой мѣрѣ сіи писатели заслуживаютъ вѣроятіе.

Можно ли не почувствовать самага грустнаго расположе-

нія души, когда подобныя сказки выдають вамъ, за достовѣрную исторію жизни славнаго писателя? Выдають потому только, что кромѣ этихъ пасквилей мы ничего болѣе не знаемъ о его нравственной жизни? Можно ли при такомъ случаѣ оставить безъ вниманія сіи прекрасныя слова Виланда, въ его оправданіи Саллустія? (*)

«Честь и слава знаменитаго писателя, говоритъ онъ, если бы даже теперь онъ вовсе до него не принадлежали, по моему мнѣнію, есть не маловажное дѣло для человечества. Онъ суть, такъ сказать, неприкосновенный залогъ, коего сохраненіе ввѣрено честности и попеченію потомства. И если всегда у всѣхъ народовъ считалось преступленіемъ противъ человечества трогать кости и прахъ умершихъ, то не болѣе ли постыдно и жестоко чернигъ порицаніемъ доброе имя человека, котораго заслугами свѣтъ еще пользуется — чернить тогда, когда уже онъ не можетъ самъ защищать себя!»

Эти слова и все то, что написано славнымъ нѣмецкимъ литераторомъ въ защиту Саллустія, еще болѣе поселили грусти въ душѣ моей при одномъ случаѣ, о которомъ здѣсь не мѣсто рассказывать. Долго я былъ въ такомъ непріятномъ расположеніи духа, какъ въ одну ночь увидѣлъ слѣдующій сонъ, который теперь хочу рассказать благоклонному читателю.

Мнѣ казалось, что я въ бібліотекѣ Аполлона Палатинскаго, основанной Августомъ и украшенной бюстами славныхъ римскихъ писателей. Я стоялъ предъ однимъ изъ нихъ и со вниманіемъ его разсматривалъ. Это былъ бюстъ Саллустія. Въ это время я замѣтилъ стоящее возлѣ меня лице, на которое теперь только обратилъ вниманіе. Представьте жь себѣ, что я долженъ былъ чувствовать, когда въ чертахъ этого незнакомца замѣтилъ совершенное сходство съ бюстомъ? Въ крайнемъ изумленіи я отступилъ немного и воскликнулъ: Ужели это Саллустій? Ужели дѣйствительно я вижу часть, первый римскій историкъ? Это лице не оставило меня безъ отвѣта. И вотъ разговоръ, начавшійся между нами.

(*) См. его замѣчан. ко 2-й сатирѣ Горация.

Саллустій. Такъ, вы действительно видите Саллустія римскаго историка. Чтò касается до прочаго, то благодарю за ласковое привѣтствіе. Не принимаю его за пустую учтивость, потому что убѣжденъ совершенно, что если я не лучшій изъ римскихъ историковъ, то по крайней мѣрѣ я даль исторіи характеръ особенный, вовсе неизвѣстный моимъ предшественникамъ.

Я. Въ вашихъ словахъ заключено много смысла. Къ-сожалѣнію, мы ничего почти не знаемъ о тѣхъ историкахъ, которые писали до васъ.

С. Сядемте здѣсь. Я это объясню вамъ. Мнѣ вообще не нравился этотъ ходъ лѣтописей, который дали мои предшественники своимъ историческимъ произведеніямъ. По моему мнѣнію, исторія, какъ и всякое художественное произведеніе, должна имѣть единство, какъ бы вы его ни назвали, единство дѣйствія, мысли, цѣли—все равно, только надо, чтобы всѣ событія были устремлены къ одному концу, и чтобы ничто постороннее къ нимъ не примыкало. Отъ чего, раскрывая многихъ изъ вашихъ историковъ, вы часто прерываете чтеніе, охотно принимаетесь за другую работу, оставляя его до времени, и даже иногда чувствуете скуку? Рассмотрите хорошенько; вы увидите, что это отъ того, что вы безпрестанно съ новыми событіями, которыя не въ связи между собою, такъ сказать, перебываете дорогу, и не видя цѣли, чувствуете утомленіе. Поэтому я разбилъ всю римскую исторію на части и каждую часть опредѣлялъ, какъ какую-нибудь драму, единствомъ дѣйствія. (*) Я былъ увѣренъ, что изъ всѣхъ сихъ частей можно наконецъ составить одинъ общій взглядъ и всѣ дѣйствія привести къ одному концу, отъ чего вся исторія нашей республики получила бы удивительное единство. Теперь въ этомъ стремленіи къ единству дѣйствія идите вслѣдъ за страстями и характерами, успѣхами и неудачами лицъ дѣйствующихъ и вліяніемъ ихъ на общество, не обращая ни въ ту, ни въ другую сторону—и ваша исторія одушевлена, на ея сценѣ вы видите дѣйствующія лица съ намѣреніемъ и опредѣленною цѣлю. Но на этомъ пути вы уже не скажете

(*) *Statui res gestas populi Romani carptim, ut quaeque memoria digna videbantur, perscribere. Sall. Cat. 4.*

ничего излишняго, ничего не примыкающаго къ дѣлу. Эпизоды позволительны—не спору—но съ тѣми же условіями, какъ въ эпической поэмѣ, т.-е. чтобы они доставляли душѣ отдохновеніе и новое удовольствіе, слѣдовательно какъ такіа отдѣленія, которыя вы можете и обойти, если не желаете своротить съ главной дороги; но не были бы части самой исторіи только поставленныя не въ своемъ мѣстѣ. Таковы эпизоды въ моемъ Югуртѣ о первобытныхъ обитателяхъ Африки, братьяхъ Филенахъ, изображенія Цезаря и Катона въ Катиланѣ и пр. Жалью, что моя исторія не дошла до васъ, Впрочемъ два небольшія сочиненія, дошедшія до васъ могутъ служить повѣркою словъ моихъ. Правда, каждое изъ нихъ, какъ отдѣльное происшествіе, уже по этому само себя служитъ цѣлю; но скажите мнѣ: читая ихъ, замѣтили ль вы въ разсказъ что-нибудь излишнее, не принадлежащее къ единству цѣли или дѣйствія? Повѣрьте мнѣ, въ этомъ совокупленіи всѣхъ частей къ одному состоитъ совершенство исторіи. Прекрасныя описанія, картины, рѣчи, составляютъ что-нибудь, но не болѣе какъ побочныя украшенія относительно къ главному зданію, которое прекрасной симметриею частей въ цѣломъ можетъ обходиться и безъ нихъ. Эту же экономію соблюдалъ я и въ слогѣ. Сколь можно старался я быть бережливымъ на слова и фразы, старался всячески не давать мѣста слову постороннему, и силъ выраженія охотно жертвовалъ благозвучіемъ. Я повѣрялъ себя. Пригласивъ кого-нибудь изъ своихъ друзей, я вручалъ ему новое сочиненіе, и просилъ его, чтобы онъ прочелъ изъ него двѣ или три страницы, какъ будто съ тѣмъ, чтобы онъ сказалъ свое мнѣніе о моемъ слогѣ, а самъ между тѣмъ подъ видомъ какого-нибудь дѣла удалялся въ ближнюю комнату. Представьте жь себя мое удовольствіе, когда я видѣлъ, что онъ не оставлялъ чтенія и не былъ доволенъ тѣмъ, когда я прерывалъ его. Тогда я, скрывая свою радость, говорилъ самъ себя: мое сочиненіе хорошо: въ немъ нѣтъ ничего посторонняго. Вотъ мой взглядъ на исторію. (*)

Я. Мы испытываемъ то же при чтеніи вашихъ сочиненій, что и современники ваши, но все дѣйствіе на умы припись-

(*) См. Замѣчаніе V.

ваемъ вашему слогу. Сверхъ того наши ученые находятъ ваши вступленія вовсе не принадлежащими къ дѣлу.

С. Вступленія? но что они заключаютъ въ себя, кромѣ похвалы избранному мной занятію и необходимо проистекающаго отсюда оправданія, почему я оставилъ службу государственную? Вы знаете, что римлянинъ обязанъ былъ служить государству. Ученымъ занятіямъ посвящалось только то время, которое было свободно отъ службы. Одинъ только родъ литературы у насъ былъ уважаемъ—краснорѣчіе, но потому что слово было главнѣйшимъ средствомъ къ соединенію съ обществомъ. Правда, были нѣкоторые и изъ Римлянъ, которые посвятили себя единственно трудамъ ученыхъ, но они уже не пользовались уваженіемъ народнымъ. Что касается до меня, то мнѣ вовсе не хотѣлось, подобно Лукрецію, обречь себя на одни только умственные упражненія. Я хотѣлъ извѣстности, славы; а это приобреталось только службою. Самый родъ моихъ занятій увлекалъ меня на это поприще. Исторія моего отечества съ раннихъ лѣтъ была любимымъ моимъ чтеніемъ. Я собиралъ нашихъ лѣтописцевъ, заставлялъ Аттея (*) сводить ихъ, дѣлать для меня сокращенія и выписки, и читая ихъ, съ такимъ же жаромъ нѣсколько разъ принимался описывать славныя дѣла нашихъ предковъ, съ какимъ стремился подражать имъ на поприщѣ службы. Къ-несчастью, въ мое время человѣку новому и не имѣющему богатства трудно было вступить на эту стезю славы. Въ народныхъ собраніяхъ все рѣшалось деньгами, въ сенатѣ вліяніемъ знатныхъ, — и всѣ почти мѣста въ военной и гражданской службѣ въ мое время были въ рукахъ ихъ.

А. Извините меня, я удивляюсь вотъ чему. Какъ вы съ такими способностями, съ такимъ даромъ слова не приняли себя за образецъ Цицерона и не искали славы на томъ же поприщѣ, на которомъ столько прославился онъ?

С. Вы ошибаетесь, если думаете найдти сходство въ нашихъ дарованіяхъ и способностяхъ. Цицерону сама природа дала всѣ совершенства оратора. По этому краснорѣчіе было для него не только средствомъ, но и цѣлю. Для него же

(*) См. Замѣчаніе VI.

было довольно и той славы, которая следовала за нимъ, какъ за гениемъ въ своемъ родѣ. Чины и почести пошли уже за нею. Но я былъ чуждъ этой славы. Дѣла судебныя не занимали мечтательной души моей, стремившейся прямо къ дѣламъ государственнымъ. И я бы никакъ, подобно Цицерону, не стерпѣлъ того, чтобы до самаго преторства не явиться на кафедрѣ народной (*); какъ со мной и случилось. Прибавьте къ этому, что увлекшись духомъ древнихъ сказаній, я невольно привыкъ употреблять слова и обороты вѣковъ прошедшихъ, и потому вовсе не былъ способенъ быть адвокатомъ, и если иногда для опыта принимался писать что-нибудь въ этомъ родѣ, то скорѣй находилъ въ себѣ современника Катона, нежели Цицерона.

А. И такъ вамъ оставалось одно: идти прямо въ собранія народныя и объявить себя кандидатомъ.

С. Но это было невозможно безъ славы, безъ покровительства и безъ большихъ денегъ. Не буду вамъ говорить о всѣхъ незаконныхъ средствахъ, употреблявшихся во время мое при выборахъ. Это увлекло бы меня слишкомъ далеко. Но обращаясь на площади ежедневно, я подружился со многими молодыми людьми и нѣкоторыми изъ знатныхъ фамилій. Надо вамъ сказать, что для сихъ юношей дома нашихъ первостепенныхъ гражданъ всегда были отворены. Не смотря на разность лѣтъ и чиновъ, сіи сановники искали ихъ расположенія, видя въ нихъ разсадникъ будущихъ властей и стараясь чрезъ нихъ поддержать свое вліяніе на общество, особенно, когда замѣчали въ нихъ отличныя способности (**). Вы знаете, какъ быстро смѣнялись наши власти, и какъ скоро на этомъ пути старое поколѣніе замѣнялось новымъ. Въ это время дѣла государства находились въ рукахъ немногихъ. Сторона сената была почти совсѣмъ подавлена. Три олигарха располагали всѣмъ: Помпей, Цезарь и Крассъ. Я никогда не чувствовалъ душевнаго расположенія къ первому по его двусмысленному поведенію, которымъ онъ въ это время навлекъ на себя негодованіе и тѣхъ, которые были къ нему привержены.

(*) Cic. Manil. 1.

(**) См. Замѣчаніе VII.

Цезарь дѣлалъ приготовленія къ походу въ Галлію; но кромѣ того, что мнѣ не хотѣлось оставить города, надо было еще имѣть и военныя способности, чтобы съ нимъ сблизиться. Я не имѣлъ ихъ. Внезапная тѣсная дружба сихъ полководцевъ, укрѣпленная сверхъ того бракомъ одного съ дочерью другаго, поразила сенатъ страхомъ и открыла ихъ честолюбивыя замыслы. Поведеніе Красса было гораздо скрытнѣе и загадочнѣе, но я разгадалъ его. Крассъ не былъ подобенъ двумъ его совѣстникамъ. Помпей и Цезарь прямо стремились къ первенству и другъ въ другъ искали себѣ подпоры. Крассъ по видимому стремился къ тому же, но въ самомъ дѣлѣ искалъ только мѣрь предохранительныхъ отъ ихъ неограниченнаго честолюбія, чтобы не быть самому подавленнымъ ихъ силою. Помпей и Цезарь были искренними друзьями, хотя на короткое время; Крассъ не былъ другомъ ни тому, ни другому, и если явно дѣйствовалъ въ ихъ пользу, то тайно покровительствовалъ тѣмъ лицамъ, которымъ имъ не доброжелательствовали. Постоянная цѣль его была не допускать никакую партію усилиться столько, чтобы она могла имѣть перевѣсъ въ республикѣ. И когда впоследствии времени онъ увидѣлъ, что одинъ изъ его совѣстниковъ, ведя продолжительную войну въ Галліи, укрѣплялъ себя легіонами, то съ радостію принялъ Сирійскую провинцію, чтобы начать войну противъ Парѣянъ, и такимъ образомъ на всякій случай имѣть въ готовности военную силу и для своей собственной защиты. Немногіе входили въ его виды, но я его понималъ. Признаюсь даже, что среди столькихъ партій, столькихъ крамоль находилъ ихъ полезными для отечества (*). И вотъ чрезъ тѣхъ молодыхъ людей, о которыхъ я сказалъ вамъ, мнѣ отворилась дверь въ домъ Красса, въ которомъ я нашелъ себѣ покровителя. Вскорѣ я получилъ чинъ квестора и вступилъ въ сенатъ. Согласитесь, что въ это время съискать благорасположеніе лицъ, которыхъ голосъ былъ сиденъ въ народныхъ собраніяхъ, наконецъ получить безъ денегъ и безъ знатности рода то, чего другіе не могли получить ни знатностію, ни деньгами — потребно было довольно дарованій. И такъ я имѣлъ право этимъ похвалиться.

(*) См. Замѣчаніе VIII.

Но...вы знаете изъ моей исторіи, какъ я впоследствии раскаявался, что вступилъ на это поприще.

Я. Но вы имѣли сильнаго покровителя.

С. Еще не важно то, что я получилъ достоинство. Надо было дѣйствовать на этомъ поприщѣ среди общаго разврата совѣсти. Вотъ гдѣ встрѣтили меня всѣ муки. Представьте себѣ сенатъ въ мое время. Представьте себѣ сановниковъ—однихъ утопающихъ въ роскоши среди всѣхъ возможныхъ наслажденій, и которые, оставивъ уже всякую заботу о благо государственномъ, одно только имѣютъ попеченіе—препятствовать на пути чести людямъ достойнымъ, но не знатнаго происхожденія, чтобы не допустить ихъ современемъ сравниться съ ними въ почестяхъ, и своею дѣятельностію обратить негодованіе народа на ихъ праздность и бездѣйствіе. Представьте себѣ другихъ, также знатныхъ, но утонувшихъ въ долгахъ, расточившихъ свое имѣніе развратной жизнію, и которыхъ вся цѣль вступленія въ сенатъ есть та, чтобы получить въ управленіе провинціи и тамъ грабежами пріобрѣсти новыя богатства (*). Наконецъ представьте себѣ честолюбцевъ, развращающихъ народъ подкупамъ, чтобы чрезъ него возвыситься надъ своими товарищами. Вотъ съ какими лицами въ соприсношеніи я былъ поставленъ. Среди сихъ-то волиъ надо было провести корабль свой. Но честолюбіе и зависть къ успѣхамъ моихъ сверстниковъ увлекали меня. Кто въ это время—забудемъ Катона, одного только Катона—во время всеобщей испорченности нравовъ, даже съ самымъ благороднымъ образомъ мыслей, съ самыми чистыми намѣреніями не уклонился съ пути прямаго? Особено когда присоединялась благовидная, но рѣдко въ исполненіи удачная мысль, что небольшимъ отступленіемъ отъ правилъ строгой нравственности мы современемъ принесемъ отечеству пользу. Отъ всей души прощаю Цицерону, что въ такой сильной борьбѣ онъ не выдержалъ принятаго имъ характера (**). Надѣюсь, что прос-

(*) См. Замѣчаніе IX.

(**) Здѣсь говорится о томъ времени, когда онъ изгужденіи Помпею вступилъ въ дружбу съ Цезаремъ. Оправданіе его въ этомъ поступкѣ см. въ его перепискѣ. (Fam. 1. 9.)

тятъ и меня въ уклоненіи съ того пути, по которому я хотѣлъ идти сначала. Въ домъ Красса познакомился я съ человѣкомъ, который пользовался посполно его покровительствомъ и дружбою, съ человѣкомъ, который не быть бы терпимъ во времена древней республики, но теперь для многихъ казался необходимымъ, съ человѣкомъ, известнымъ въ нашей исторіи, даже славнымъ своими крамолами—я говорю о Клодіѣ. Онъ впоследствии оказалъ мнѣ великую помощь въ полученіи трибунскаго достоинства.

Я. Извините меня, если я не скрою своего огорченія. Никогда бы я не желалъ слышать, чтобы славный историкъ Саллустій былъ когда-нибудь въ дружескихъ отношеніяхъ съ неистовымъ мятежникомъ Клодіемъ.

С. (Съ улыбкою). Будьте спокойны. Никогда бы историкъ Саллустій не былъ въ дружбѣ съ Клодіемъ; но Саллустій-юноша, въ пылу честолюбія не могъ такъ разсуждать, какъ разсуждалъ впоследствии. Лучше бы было вовсе не вступать на эту дорогу. Но теперь возвратиться назадъ уже было поздно. Жребій былъ брошенъ. Падо было показать себя или слабодушнымъ, или не уступать ни шагу своимъ совѣстникамъ и завистникамъ. Но Клодій производилъ мятежи и волновалъ республику? Правда. Но скажите мнѣ, что жъ дѣлали въ то время эти знаменитые сановники, гордившіеся славою родовъ своихъ? что они дѣлали, когда Клодій изгонялъ Цицерона, твердѣйшую опору сената, разрушалъ домъ его, отдавалъ на разграбленіе его виллы и бѣшенствовалъ какъ злой духъ въ Римѣ? Нѣкоторые изъ нихъ изъ зависти охотно предавали того, котораго не за долго предъ симъ называли спасителемъ отечества, другіе по слабодушію боялись раздражить сильныхъ, которые Клодію покровительствовали; наконецъ знатнѣйшіе, не заботясь ни о чемъ, наслаждались всеми удовольствіями среди своихъ прекрасныхъ виллъ и садовъ, оставя отечество на жертву безстыдству олигарховъ и крамоламъ (*). Когда Цицеронъ защищалъ недостойнаго Ватинія, то онъ явно признался, что дѣлаеть это въ отмщеніе знатныхъ, потаенныхъ его недоброжелателей, что если они оказываютъ вниманіе и ласки

(*) См. замѣчаніе X.

врагу его, то да позволять и ему въ Ватиніи имѣть своего собственнаго Клодія. Въ такомъ положеніи былъ я. Не одобряя и не разделяя неистовыхъ поступковъ Клодія, я думалъ, что его неистовства образуютъ другихъ. Оставьте вашъ школьный взглядъ на наши дѣйствія. Вообразите себѣ республику, волнуемую всеми страстями, какія только могутъ произойти отъ честолюбія, корыслюбія и вражды личной. Клодія, можно сказать, былъ порожденіе всѣхъ этихъ страстей. Прежде всего Крассъ спасъ его подкупомъ судей отъ гибели, которая угрожала ему въ судѣ по дѣлу нарушенія святости тайныхъ священнодѣйствій. Потомъ два олигарха, Помпей и Цезарь, проложили ему дорогу къ трибунству въ надеждѣ употреблять его по своей собственной волѣ. Но какъ жестоко ошиблись въ этомъ впоследствии! Этотъ Клодія имѣлъ честолюбивый, непокорный и самостоятельный характеръ. Желая первенства и бывъ преслѣдуемъ аристократами, онъ къ приведенію въ дѣйствіе своихъ намѣреній избралъ своимъ орудіемъ самую подлую чернь, и угождалъ ея желаніямъ, пріобрѣлъ великую силу. Посредствомъ ея онъ такъ же хотѣлъ властвовать, какъ властвовали олигархи, писалъ законы, раздавалъ провинціи и тетрархіи. Впрочемъ сторона его не была и безъ нѣкотораго блеска. Правда, вся почти безнравственная и буйная молодежь стеклась подъ его знамена (*), но кромѣ ея были и юноши знатныхъ семействъ съ блестящими способностями и надеждами. Довольно указать вамъ на молодаго Куріона (**), моего друга, котораго столько ласкалъ самъ Цицеронъ, не смотря на то, что онъ былъ въ самыхъ дружескихъ связяхъ съ Клодіемъ, во время его трибунства. Не спѣшите обвинять меня такимъ обществомъ. Увѣряю васъ, что я не разделялъ

(*) Эту молодежь Цицеронъ называетъ: *Grex Catilinae, commissatores conjunctionis barbatuli juvenes, sanguinaria juvenus* (Cic. Att. I. 14. 16. II. 7.)

(**) Изъ писемъ Цицерона къ Атикѣ (I. 14.) мы видимъ, что Куріонъ былъ свачала другомъ Клодія. Если же Саллустій былъ въ хорошихъ отношеніяхъ къ Клодію, то несомненно былъ въ тѣхъ же отношеніяхъ и къ Куріону. Это тотъ славный Куріонъ, который, впоследствии ставшись трибуномъ, далъ важнѣйшій и благовиднѣйшій предлогъ Цезарю къ началу войны междуусобной. Впоследствии, кажется, Куріонъ уже не былъ въ дружбѣ съ Клодіемъ. Иначе Цицеронъ не просилъ бы его содѣйствія въ доставленіи консульства Милону, жесточайшему врагу Клодія. См. Cic. Fam. II. 6.

ихъ нравственности, но не хотѣль уступить имъ въ честолюбіи. Вотъ какое поприще открыли Клодію олигархи, надѣясь чрезъ него утвердить свои акты, которые были порицаемы благомыслящими гражданами и находились въ опасности быть уничтоженными сенатомъ (*). Не могли они избрать къ тому лица способнѣйшаго! Изъ этого уже вы можете судить о характерѣ Клодія (**). Правда, онъ сначала имъ поступился, но съ тѣмъ, чтобы они выдали ему Цицерона, лютѣйшаго врага его. Акты ихъ были утверждены, и Цицеронъ изгнанъ. Но когда пробудившаяся совѣсть сената, когда желанія благомыслящихъ гражданъ, когда голосъ всей Италиіи потребовалъ сего славнаго мужа, когда этотъ двоедушный Помпей, предатель вѣрнѣйшаго своего друга, долженъ былъ уступить общимъ желаніямъ, тогда Клодій перемѣнилъ тонъ. Онъ уже не щадилъ Помпея. Будучи пороченъ самъ, онъ всегда смѣло указывалъ на пороки другихъ. Онъ выставялъ его какъ тиранна и осыпалъ всеми порицаніями его честолюбивые и пагубные для отечества замыслы. Какихъ тогда сценъ мнѣжа и позора для самыхъ честолюбцевъ нашъ Римъ не былъ свидѣтелемъ! Тогда я говорилъ самъ въ себѣ: вы олигархи воспитали этого крамольника, чтобы самимъ заводить въ отечествѣ крамолы. Оставьте жъ насъ маловажныхъ наслаждаться вашимъ собственнымъ позоромъ. Вотъ, М. Г., чѣмъ и Клодій были иногда полезны въ нашемъ отечествѣ (***).

Сколько разъ я сокрушался о томъ, что Цицеронъ своимъ свидѣтельствомъ въ судъ и еще болѣе своими язвительными насмѣшками сдѣлалъ себѣ врагомъ Клодія! сколько онъ могъ имѣть случаевъ употребить его въ пользу, еслибъ не былъ во враждѣ съ нимъ!

А. Признаюсь, вашъ Римъ достоинъ сожалѣнія, если имѣлъ иногда нужду въ такихъ людяхъ, каковъ былъ Клодій.

С. Но что жъ иное вся наша исторія, какъ не исторія смутъ и раздоровъ? Несогласія между сенатомъ и народомъ, возникшія съ первыхъ дней республики, не прекращались никогда до самаго конца ея. Съ самаго начала народъ былъ

(*) См. Свотр. Сис. Sext. 18.

(**) См. Замѣчаніе XI.

(***) См. Замѣчаніе XII.

признавъ верховнымъ правителемъ. Но какъ можно было привести въ движеніе столь многосложную машину, чтобы она дѣйствовала къ общей пользѣ? И такъ вліяніе лучшихъ гражданъ, т.-е. сената, было необходимо. Оно было благотельно въ счастливое время вѣщнихъ войнъ и опасностей. Но наконецъ мы разбогатѣли; узнали роскошь и корыстолюбіе; онѣ сдѣлались причиною новыхъ завоеваній, а новыя завоеванія средствомъ къ ихъ удовлетворенію. Тогда общая польза уступила частной. Тогда честолюбцы стали подкупать народъ, чтобы, получивъ чрезъ него чины, возвыситься надъ своими товарищами, или пріобрѣсти богатства въ провинціяхъ. Ослѣпленный народъ охотно продавалъ себя, не зная того, что вмѣсто выгодъ себѣ, доставлялъ только выгоду честолюбцамъ. Но когда уже дошло до того, что корыстолюбіе сдѣлалось главною пружиною дѣйствій въ обоихъ сословіяхъ, тогда уже не было средствъ остановить честолюбцевъ, чтобы они не посягнули на самыя святѣйшіе уставы отчества. Вездѣ съялись крамолы, повсюду образовались партіи, которыя наконецъ, забывая свои частныя виды и мелкія личности, совокуплялись въ двѣ огромныя массы, готовыя къ страшному и пагубному столкновенію, — одна подъ благовиднымъ предлогомъ защиты правъ сената, другая подъ видомъ защиты правъ народа. Эта плачевная катастрофа готовилась и произошла въ мое время (*). При такомъ-то столкновеніи партій всякое посредствующее лице, которое могло останавливать ихъ стремленіе — не будемъ разсуждать о средствахъ — пусть хотя мятежами и крамолами — было въ политическомъ смыслѣ полезно. Въ жизни моей я не испыталъ сильнѣйшей горести, какъ въ то время, когда услышалъ о гибели Красса, единственнаго посредствующаго лица, которое могло удержать столкновеніе двухъ враждебныхъ партій. Съ этой стороны смотрѣлъ я и на Клодіевы крамолы. Я увѣренъ, что такъ же смотрѣлъ на нихъ и Крассъ. И когда Цицеронъ въ патетическомъ мѣстѣ своей рѣчи за Милона, обращаясь къ Помпею, умолялъ его защитить Милона, котораго помощь будетъ ему нужна впоследствии, то я думалъ: «Нѣтъ; не въ Милона,

(*) См. Замѣчаніе XIII.

а въ Клодіѣ вы потеряли своего поборника.» Помпей по видимому самъ это чувствовалъ. Предвидя рѣшительную борьбу съ своимъ страшнымъ противникомъ, онъ спѣшилъ примириться и войти въ дружбу съ Клодіемъ не за долго предъ тѣмъ временемъ, какъ онъ погибъ отъ руки Милона (*).

Я. Теперь я вижу, почему вы такъ сильно преслѣдовали Милона.

С. Но убійство Клодія было столь вопіющее дѣло, что ни предъ какимъ судомъ, никакимъ Цицероновскимъ краснорѣчіемъ нельзя было оправдать его. Самоуправство не позволено ни въ какомъ обществѣ. Наконецъ, что жъ вы скажете, когда тотъ самый, который съ такимъ жаромъ защищалъ его — Цицеронъ, признался въ послѣдствіи, что въ этомъ дѣлѣ онъ слѣдовалъ чувству дружбы, а не справедливости (**). Сверхъ того я былъ трибуномъ, дѣйствующимъ лицомъ на томъ же мѣстѣ, на которомъ за нѣсколько времени дѣйствовалъ самъ Клодій; и на которомъ онъ составилъ себѣ сильную партію. Вы видите, что обстоятельства и самая справедливость заставляли меня преслѣдовать убійцу. Впрочемъ я не былъ изъ самыхъ жаркихъ преслѣдователей.

Я. Извините меня, если я не скрою отъ васъ, что наши ученые даютъ этому другую причину, именно: одинъ случай, рассказанный объ васъ Варрономъ.

С. Знаю, о какомъ случаѣ вы говорите.

Я. Что жъ объ этомъ думать?

С. Помните ли вы другой анекдотъ, рассказанный объ этой же Фавстѣ Горациемъ?

Я. Гораций говоритъ, что за нее же прибить кулаками и раненъ ножомъ нѣкоторый Виллій. А грамматикъ при томъ замѣчаетъ, что эту участь претерпѣлъ самъ Милонъ.

С. (Съ улыбкою). И такъ участь любовниковъ Фавсты не менѣе достойна сожалѣнія, какъ и непріятелей отца ея, диктатора Силлы. Не видите ли вы, что это одно и то же приключеніе, разглашенное молвой злоязычниковъ на счетъ поведенія Фавсты со вмѣшеніемъ дѣйствующихъ лицъ и обстоя-

(*) См. Cic. Mil. 8. 29.

(**) Ац. IX. 7.

тельство по благоусмотрѣнно разскащиковъ? Повѣрьте мнѣ, никогда бы Варронъ не рѣшился разсказать обо мнѣ такой вздорной выдумки, еслибъ по своему слабодушію не думалъ тѣмъ угодить Азинію Полліону. Надо вамъ сказать, что, къ несчастію, сколько я имѣлъ при жизни враговъ на поприщѣ государственной службы, столько жъ враговъ литературныхъ послѣ моей смерти, когда были обнародованы мои сочиненія.

Я. И такъ ваши сочиненія обнародованы послѣ вашей смерти (*)?

С. Да, моимъ племянникомъ. Вы знаете изъ моего Катиліны, что я посвятилъ себя исторіи, оставивъ совершенно государственную службу, что случилось почти около Цезаревой смерти. При жизни моей только искренніе друзья знали о моихъ занятіяхъ. И я, пожертвовавъ для спокойствія службою, не хотѣлъ для того же спокойствія обнародованіемъ своихъ сочиненій раздражать людей сильныхъ. Могъ ли по этому сказать лжно, во время правленія триумвировъ: «Посмотрите, какіе люди засѣдаютъ теперь въ сенатѣ», или, «что я не имѣю постыднаго и нагубнаго желанія пожертвовать своею честью и покоемъ властолюбію не многихъ.» Но появленіе въ свѣтъ моихъ сочиненій сопровождено было необыкновеннымъ успѣхомъ. Кромѣ содержанія, которое столько было интересно для читателей, самый слогъ, имѣющій нѣкоторый отпечатокъ старины, давалъ имъ особенный характеръ. Присоедините чувство, которымъ я былъ проникнутъ, и которымъ оживлялось повѣствованіе—и вы не удивитесь, что я привлекъ себѣ не только великое число почитателей, но и подражателей (**). Разумѣется, нашлись и порицатели; но при всеобщемъ вниманіи къ моимъ сочиненіямъ, они еще способствовали ихъ славу. Но никто столько не обезславилъ меня, сколько Азиній Полліонъ, который хотѣлъ быть моимъ совѣстникомъ по роду сочиненій.

Я. Намъ известно только то, что онъ нападалъ на слогъ вашъ.

С. Но у сильныхъ людей всегда много льстецовъ и

(*) См. Замѣчаніе XIV.

(**) Seneca Ep. 114. См. также Ruhnken. Praefat. ad Vell. extr. о порицателяхъ Gell. IV. 15.

поклонниковъ, которые изъ угожденія имъ то молвой, то своими выдумками очерняютъ имя тѣхъ, которые непріязни ихъ покровителямъ. Вздорные анекдоты на счетъ моей нравственности вышли на свѣтъ прежде всего изъ Полліонова общества.

Я. Но характеръ его описанъ слишкомъ уважительно какъ вашими, такъ и нашими историками.

С. И вотъ что всего удивительнѣе, тогда, когда они имѣютъ его собственноручное свидѣтельство въ низости его характера. Припомните то несчастное время нашего отечества, когда Цицеронъ почти одинъ, вооружась своимъ краснорѣчіемъ, противостоялъ пагубнымъ замысламъ Антонія. Не Полліонъ ли писалъ къ нему: «когда судьба приведетъ меня въ Римъ, ни на шагъ не отойду отъ тебя.» Не онъ ли увѣрялъ его же, что не переживетъ гибели отечества? Не онъ ли раскаявался, извиняя себя необходимостію вражды личной, что присталъ къ сторонѣ Цезаря? (*) И что же потомъ? Не онъ ли перешелъ на сторону Антонія и предалъ ему на жертву и Цицерона и отечество? И этотъ человекъ, который раскаявался въ томъ, что служилъ Цезарю, могъ повиноваться волѣ пьянаго и развратнаго Антонія! Близкій повѣренный во всѣхъ его дѣлахъ до послѣдней войны междуусобной, онъ измѣнилъ наконецъ и ему, и прямо объявилъ Октавію, что не будетъ ни на той, ни на другой сторонѣ, а останется покорнымъ слугою того, кому судьба вручитъ побѣду (**). Вотъ какія лица занимали тогда мѣста перлостепенныя. Сохранился ли въ нихъ хоть малѣйшій признакъ характера римскаго! Теперь судите сами, могъ ли я съ такими людьми раздѣлять службу государственную?

Я. Ваши слова живо напоминаютъ мнѣ третью главу изъ вашего Югурты.

С. Но возвратимся къ моему совѣстнику. Въ правленіе Октавія, по внутреннему ли сознанію въ своихъ прежнихъ поступкахъ, или недовольный происшедшею переменою въ государство, но онъ постоянно сохранялъ въ словахъ и поступкахъ какую-то прежнюю республиканскую важность.

(*) См. его переписку съ Цицерономъ.

(**) См. Vell. Patenc. II. 86.

Хитрый Октавий, которому такія маски были нужны для его собственных видовъ, не только щадилъ, но и отличалъ его. Но теперь оставя уже военное поприще, онъ вздумалъ выдти на литературное. Ему хотълось въ одно время быть ораторомъ, историкомъ и даже поэтомъ. Но на первомъ пути встръчалъ его съ громадной славой, съ недостижимымъ искусствомъ и дарованіями — Цицеронъ, которому или должно было всеми силами стараться подражать, или остаться его ниже. Но талантъ Цицерона неподражаемъ, остаться ниже его запрещало самолюбіе; и вотъ онъ — и потомъ, достойный своего отца, сынъ его, стали порицать въ своихъ сочиненіяхъ красноръчіе знаменитаго оратора, и съ такою злобою, что всь скоръе видъли въ нихъ враговъ его, нежели соревнователей. Но этого мало. Кто бы ожидалъ, что дъло дойдетъ до очерненія характера и самой нравственности сего великаго мужа? Однакожь это истина. Полліонъ въ одной своей ръчи не устыдился увърять всьхъ, что Цицеронъ готовъ былъ просить прощеніе у Антонія, готовъ былъ предъ всеми отказаться отъ ръчей своихъ, произнесенныхъ противъ него, и написать и произнести другія въ похвалу ему, если Антоній пощадитъ его (*): но извѣстныя всьмъ обстоятельства кончины великаго мужа были лучшимъ опроверженіемъ клеветы Полліоновой (**). Онъ самъ устыдился послъ написать это въ повъствованіи о смерти Цицероновой. Не будемъ говорить о его сынъ, который разсыявалъ соблазнительныя эпиграммы подъ именемъ Цицерона, въ намъреніи очернить его нравственность. Вотъ что значить враги литературные! Теперь судите сами, могъ ли Полліонъ щадить меня въ то время, когда мои сочиненія разносились повсюду съ похвалами, конечно преувеличенными, но тьмъ болъе возбуждавшими его зависть. Повърьте мнъ, всь злые обо мнъ толки могли произойдти только отъ такихъ людей, каковъ былъ Полліонъ. Самый анекдотъ, рассказанный Варрономъ, ему обязанъ бытіемъ своимъ.

Варронъ былъ другъ Полліона, — объ этомъ вы можете заключить и сами уже изъ того, что, когда Полліонъ открылъ

(*) См. Сенеку Ритор. Suasor. 6. extr. et Historicor. de Cic. Elogia.

(**) См. Замъчаніе XV.

публичную бібліотеку, то между бюстами славныхъ писателей его одного только поставилъ бюстъ еще при его жизни. Теперь припомнимъ, съ какой лютой яростію Антоній преследовалъ всѣхъ друзей Цицерона (*). Варронъ, уже однажды ограбленный Антоніемъ (**), былъ въ числѣ проскриптовъ и ограбленъ имъ въ другой разъ (***) ; но Фуфій Каленъ, у котораго онъ скрывался некоторое время, и Полліонъ выпросили ему прощеніе. Огададимъ честь доброду дѣлу. Я уже сказалъ вамъ, что Полліонъ былъ повѣреннымъ во всѣхъ дѣлахъ Антонія, и когда послѣ Перузинской войны и небольшой размолвки, Антоній и Октавій въ Брундузіи начали переговоры, то посредниками примиренія между ними были со стороны Антонія—Полліонъ, а со стороны Октавія—Агриппа. Вскорѣ меня не стало на свѣтъ. Миръ между двумя властолюбцами не былъ продолжителенъ. Новый и окончательный разрывъ созрѣвалъ и всѣми былъ ожидаемъ и предсказываемъ. Вдругъ Варрону вздумалось выдти на новое поприще литературы въ видѣ совѣтodawца. Вы знаете, что еще у древнихъ греческихъ философовъ и ораторовъ былъ обычай писать иногда убѣдительныя или совѣтовательныя сочиненія къ лицамъ знаменитымъ. Въ такомъ родѣ вамъ извѣстны нѣкоторыя Сократовы, напр. къ Филиппу и проч. Я знаю вѣрно, что у насъ Цицеронъ предпринималъ писать что-то въ этомъ родѣ, чтобы склонить къ миру Цезаря съ Помпеемъ. Вотъ и Варронъ, какъ единственный преемникъ Цицероновой славы въ философіи, написалъ сочиненіе, подъ названіемъ: «Признательный, или о мирѣ», и приписалъ его Полліону, какъ такому лицу, которымъ уже одинъ разъ примирены были враждующія партіи; а чтобы болѣе угодить ему, вставилъ между прочимъ обо мнѣ тотъ вздорный анекдотъ, о которомъ идетъ дѣло. Конечно, онъ взялъ его изъ молвы злоязычниковъ, но никогда бы его не выставилъ, еслибъ не думалъ тѣмъ угодить литературному моему совѣстнику.

Я. Но Ленеі также порицалъ васъ. (****)

(*) Nep. Attic. 10.

(**) Cic. Phil. II. 40.

(***) Gell. III. 10. extr.

(****) См. Замѣчаніе XVI.

С. Этому я охотно прощаю. Онъ вступился за своего благодѣтеля. Притомъ площадныя ругательства чловѣка ничтожнаго не вредны. Вреденъ авторитетъ такихъ людей, какъ Варронъ.

Я. Правда. Но все наши ученые думаютъ, что эти пасквили должны однакожь имѣть какое-нибудь оспораніе.

С. Но почему жъ вы не вѣрите тому, что эти пасквили говорятъ о Цицеронѣ? Я укажу здѣсь вамъ на ту рѣчь противъ него, которая известна подъ моимъ именемъ.

Я. Но не вся ли Цицеронова жизнь свидѣтельствуетъ въ пользу его? Не въ его ли сочиненіяхъ мы находимъ полную картину его государственной и частной жизни? Самыя уклоненія его отъ правилъ, предписываемыхъ строгою философіею, почти всегда оправдываются необходимою обстоятельствомъ.

С. Теперь поймите, чѣмъ счастливъ Цицеронъ. Въ его сочиненіяхъ вы видите, такъ сказать, журналъ его жизни. Но что можетъ представить вамъ за себя Саллустій, который не былъ ни адвокатомъ, ни философомъ, и по неважному посту своему не былъ въ связяхъ и перепискѣ съ славными лицами. Прибавьте къ этому, что тотъ, кто говоритъ за себя, имѣетъ всегда возможность оправдать себя и въ слабостяхъ и дать имъ благовидный видъ, а я...

Я. Признаюсь, что если не о всей вашей жизни, то по крайней мѣрѣ я бы желалъ, чтобы вы оставили намъ записки о вашемъ управленіи провинціею.

С. Я вижу, что вы склоняете рѣчь на Діоново повѣствованіе о моемъ управленіи Нумидіею. Но скажите мнѣ, чего можно ожидать отъ этого грека, который радъ былъ всякому случаю, чтобы очернить какого-нибудь известнаго римскаго писателя? Посмотрите, какимъ представляетъ онъ Цицерона. Не было ни одной гнусной выдумки, ни одного презрѣннаго вранья, въ которомъ бы онъ хотя сколько-нибудь поусомнился, и имъ бы не воспользовался. Но ни одинъ добросовѣстный повѣствователь не оставилъ бы такихъ извѣстій безъ указанія, откуда они заимствованы. Не отзывается ли ясно въ его разсказѣ голосъ декламатора?

Я. Но не подалъ ли, можетъ быть, вашъ прекрасный садъ

повода декламаторамъ къ порицавію вашихъ дѣйствій въ провинціи?

С. Этотъ садъ устроенъ не мной, а моимъ племянникомъ. Онъ при Августѣ сдѣлавшись повѣреннымъ государственныхъ и семейственныхъ его тайнъ, сталъ богатъ и славенъ, и не бывъ даже сенаторомъ, болѣе значилъ въ качествѣ близкаго повѣреннаго при императорѣ, нежели я во время республики въ качествѣ трибуна. (*) Онъ развелъ этотъ садъ, куда стекалась погомъ римская публика для прогулокъ. Наконецъ къмъ изъ моихъ современниковъ засвидѣтельствована моя роскошная жизнь? Гдѣ большое общество? Гдѣ великолѣпный домъ? Кто изъ славныхъ лицъ времени триумвировъ былъ въ знакомствѣ со мною? Не много остальныхъ лѣтъ моей жизни я провелъ въ совершенномъ уединеніи, предавшись любимому моему занятію—исторіи.

Я. Безъ сомнѣнія общество супруги вашей, бывшей свидетельницы столь многихъ важныхъ событій, доставляло вамъ пріятныя воспоминанія?

С. Я не былъ женатъ.

Я. Такъ это неправда, что вы были женаты на Теренціи, бывшей супругъ Цицероновой, какъ увѣряетъ одинъ позднѣйшій вашъ соотечественникъ?

С. Но этотъ мой соотечественникъ, не кстати женивъ меня на Теренціи и похваляя Цицерона за безбрачіе, повидимому вовсе не зналъ, что Цицеронъ, послѣ развода съ Теренціею, не только не былъ чуждъ новыхъ связей, но и желалъ ихъ, и дѣйствительно женился на молоденькой воспитаницѣ своей Публиліи. Изъ этого вы можете заключить, сколь достовѣренъ такой авторъ. (**)

Я. А нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ думаютъ, что, кромѣ прочаго, ваша общая ненависть къ Цицерону соединила васъ.

С. Но какою и за что могъ я питать къ нему ненависть? Если Милоново дѣло поставило меня съ нимъ въ непріятныхъ отношеніяхъ, то эта непріязнь была кратковременна. Правда, я не былъ другомъ Цицерона, но и не питалъ къ нему нена-

(*) См. Замѣчаніе XVII.

(**) См. Замѣчаніе XVIII.

всиги, напротивъ, великое уваженіе, какъ къ превосходному гражданину, славному писателю, и одному изъ величайшихъ ораторовъ. Посмотрите въ моего Катилину. Кому я воздалъ похвалу послѣ Катона и Цезаря?—Ему—и никому кромѣ его. (*) «Несравненный гражданинъ, превосходный консулъ»—чего жъ еще ожидать отъ историка безпристрастнаго? Отъ друга своего Брута онъ могъ ожидать болѣе, но не отъ меня. (**)

Я. Но какая жъ была причина этого подложнаго сочиненія, которое подъ вашимъ именемъ издано пригизъ Цицерона?

С. Я сейчасъ это объясню вамъ. Но скажите мнѣ, на какомъ основаніи вы считаете это сочиненіе не моимъ?

Я. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ прекрасное сочиненіе одного ученаго. (***) Но какъ вы желаете знать именно мое мнѣніе, то скажу вамъ въ немногихъ словахъ, что мнѣ кажется нелѣпымъ жаловаться въ сенатъ на то, что кто-нибудь изъ сенаторовъ гдѣ-то васъ злословилъ; обращаться то къ сенату, то къ народу, котораго тутъ нѣтъ, съ худыми о томъ и другомъ сословіи отзывами, и наконецъ осыпать не только противника, но и жену его самыми площадными ругательствами. Я не вѣрю, чтобы что-нибудь подобное могло произойти отъ пера вашего. Наконецъ, по моему мнѣнію, чтобы говорить такъ противъ Цицерона, надо было имѣть авторитетъ равный его достоинству; но вы что значили предъ нимъ въ то время, когда дружбы его искали Помпей, Цезари и Крассы? Вѣроятно вы тутъ же исключены бы были изъ сената, если бы отважились на это. Но положимъ, что вы не произнесли эгу рѣчь, а только написали; все отъ пера вашего нельзя ожидать такого неприличія; надо, чтобы и выдумки были правдоподобны; а этого достигнуть нельзя, не соблюдая приличія.

С. Вы говорите совершенную правду. Теперь надо вамъ сказать исторію этого сочиненія. Признаюсь, мнѣ немного скучно повторять то, что вамъ должно быть извѣстно, но какъ

(*) *Homio novus, quamvis egregius. Cat. 23. Optumus consul. lb. 43.*

(**) См. Цицерона *Att. XII. 21.*

(***) Коррадо, итальянскій ученый, одинъ изъ тѣхъ героевъ XVI. ст., которые возстановили намъ классиковъ. Разборъ этой рѣчи см. въ его сочиненіи подъ назв. *Quaestura*. Это сочиненіе есть образецъ критики здравой и остроумной и вмѣстѣ прекраснаго латинскаго слога.

это нужно къ дѣлу, то припомните себѣ, что Ватиній во время своего трибунства продалъ себя Цезарю и во всемъ поступалъ совершенно по его волю. Припомните, какъ жестоко за это преслѣдовалъ его Цицеронъ. Наконецъ Ватиній сталъ искать преторства, надѣясь на подкупъ голосовъ и вліяніе Помпея, и успѣлъ въ этомъ такъ, что отстранилъ самаго Катона, своего соискателя. Цицеронъ не оставилъ его преслѣдовать и за это, и въ особенности, желая отмстить за Катона, жестоко напалъ на него въ сенатѣ. По окончаніи своей должности, Ватиній нашелъ себѣ обвинителя по дѣлу подкупа въ Кальвъ, юномъ и пылкомъ ораторѣ, и былъ позванъ въ судъ. Въ это время Цицеронъ уже поколебался на пути своемъ; онъ вошелъ въ связь дружескую съ Цезаремъ изъ угожденія Помпею. Вдругъ разнесся слухъ, что Цицеронъ принялъ на себя защиту Ватинія. Конечно, изъ дружбы къ Цезарю онъ могъ Ватинія не преслѣдовать, но никто не ожидалъ, чтобы онъ вздумалъ защищать того, котораго недавно столь жестоко преслѣдовалъ, и чтобы такимъ поступкомъ обезславилъ себя предъ сенатомъ. Нельзя не согласиться, что одно только Цицероново искусство и краснорѣчіе могло выдержать роль столь трудную. Но не смотря на то, что онъ такъ ловко и умно умѣлъ извиниться въ своемъ отступленіи отъ своихъ прежнихъ правилъ; не смотря на то, что угождая по видимому партіи народной, бросилъ новыя стрѣлы на Клодія; не смотря на то, что вышелъ изъ такого сомнительнаго положенія съ честію и рукоплесканіями, все однакожъ мнѣ поступокъ его не нравился. Въ этотъ самый день Клодій пригласилъ къ себѣ многихъ друзей своихъ и знакомыхъ, въ числѣ которыхъ былъ и я. Онъ проклиналъ Цицерона, какъ можете думать, не столько за нападеніе на себя, сколько за его угожденіе людямъ сильнымъ, и чрезъ нихъ народу. Ему казалось, что онъ вторгается въ его собственную область. Еще болѣе свирѣпствовалъ онъ противъ Цезаря и Помпея, которые искали дружбы этого, по словамъ его, презрѣннаго Цицерона. Демагоги, изъ которыхъ, какъ можете вообразить себѣ, состояло это общество, и между которыми были многіе, принадлежавшіе еще къ Кагилининской партіи, раздѣляли его чувства. И я, разумеется, какъ бываетъ въ такихъ слу-

чаяхъ, сколько изъ угожденія къ хозяину, столько жъ, впрочемъ, и по собственному убъжденію, высказалъ нѣсколько словъ на счетъ того, что мнѣ не нравилось въ этомъ Цицероновомъ поступкѣ. Какъ вдругъ, чрезъ нѣсколько дней, слышу, что ходигъ въ народъ какой-то пасквиль на Цицерона подъ моимъ именемъ. Это чрезвычайно меня встревожило. Я боялся, чтобы это не было какое-нибудь дѣльное и умное сочиненіе, которое могло быть принято за подлинное, и въ такомъ случаѣ я навлекалъ себѣ сильнаго дѣломъ и словомъ врага въ Цицеронъ. Но къ чрезвычайной радости увидѣлъ, что это было грубое ругательство, заслуживающее одно только презрѣніе; по этому и не старался узнать, кто былъ сочинителемъ этого пасквиля. Но то несомнѣнно, что кто-нибудь изъ этого общества. И какъ такіе пасквили въ формѣ рвчей подъ чужимъ именемъ были у насъ весьма обыкновенны, то Цицеронъ и не обратилъ на него вниманія. Вотъ вамъ исторія этого сочиненія! (*)

Я. Я хотя не рѣшительно, однакожъ не безъ основанія полагалъ, что это сочиненіе относится еще къ вашему времени; теперь ясно вижу, почему Квинтиліанъ принялъ его за ваше.

С. Квинтиліанъ? этотъ славный наставникъ и критикъ? Нѣтъ, это не возможно. Наши аристархи въ распознаваніи подлоговъ не уступятъ вашимъ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе имѣли средствъ къ ихъ узнанію. Это мѣсто въ Квинтиліанѣ несомнѣнно подложное, разсмотрите его хорошенько. (**)

Я. Но для меня довольно того, что я отъ васъ слышу. Теперь, какъ дѣло коснулось вашихъ подложныхъ сочиненій, то кстати позвольте спросить васъ о тѣхъ письмахъ къ Цезарю, которыя извѣстны подъ вашимъ именемъ, и въ которыхъ вы подаете ему совѣты на счетъ управленія государствомъ.

С. Саллустій могъ подавать совѣты Цезарю! тому, къ которому и многіе изъ знатныхъ не всегда могли приближаться! къ которому самъ Цицеронъ не осмѣлился писать въ этомъ смыслѣ! къ тому, который отъ покровительствуемыхъ имъ требовалъ безмолвнаго исполненія своихъ приказаній. Впрочемъ это предполагаетъ въ Цезарѣ по крайней мѣрѣ желаніе

(*) См. Замѣчаніе XIX.

(**) См. Замѣчаніе XX.

пользоваться чьими-нибудь советами. Но читали ль вы гдѣ нибудь, чтобы Цезарь во время своего начальства военного и гражданскаго пользовался чьими-нибудь советами? Наконецъ прибавлю, что еслибъ я былъ столько силенъ, чтобы давать ему советы, то однакожь далъ бы совсѣмъ другіе, а не написалъ бы такихъ пошлостей, какія находятся въ этомъ сочиненіи (*).

Я. И такъ вы не были близки къ Цезарю?

С. Правда, я былъ на его сторонѣ, но никогда не былъ къ нему близокъ. Исторія не скрыла отъ васъ людей къ нему близкихъ. Вы ихъ знаете.

Я. Извините мою нескромность, позвольте мнѣ еще однажды спросить васъ: вы, который дали столь блестящее и разительное свидѣтельство Катоновымъ добродѣтелямъ, какимъ образомъ, въ то время, когда рѣшалась судьба вашего отечества, не пристали къ той же сторонѣ, на которой былъ онъ?

С. Вы судите о дѣйствующихъ лицахъ по окончаніи драмы, и смотря потому, каковъ конецъ ея, веселъ, или печаленъ, радостенъ или жалокъ, заключаете уже о поступкѣ лицъ то въ добрую, то въ худую сторону. Это несправедливо. Чтобы судить надлежащимъ образомъ о дѣйствующихъ лицахъ, надо переселиться въ ихъ время, принять въ уваженіе ихъ образъ мыслей, характеръ, страсти, обстоятельства. Вы говорите о Катонѣ, но одна его и только его мудрость предвидѣла, что эта борьба есть для Рима послѣдняя, и что если Цезарь останется побѣдителемъ, то древнее зданіе обрушится и такъ, что уже никакими силами не будетъ восстановлено. Потому не удивительно, что въ Цезарь онъ видѣлъ злаго гетія своего отечества; и брань ихъ должна была кончиться смертію одного изъ нихъ (**). Что касается до другихъ, то съ одной стороны страхъ проскрипціи въ случаѣ, если бы Помпей остался побѣдителемъ (***), съ другой великодушіе,

(*) См. Замѣчаніе XXI.

(**) См. Замѣчаніе XXII.

(***) Какъ не политично поступилъ Помпей, распространивъ грозную молву противъ тѣхъ, которые не будутъ на его сторонѣ, см. во многихъ письмахъ Цицерона къ Аттику (кн. 8. и 6). Самъ Цицеронъ не скрылъ своихъ опасеній въ случаѣ его побѣды.

Цезаря къ самымъ врагамъ своимъ съ самаго его вступленія въ Италію, наконецъ надежда, что все кончится примиреніемъ, произвели такое волненіе умовъ, что никто почти не могъ дать себѣ вѣрнаго отчета, чѣмъ онъ руководствовался въ выборъ партіи. Укажу вамъ на Цицерона.... Но кажется, это онъ идетъ къ намъ. Вотъ кстати; отъ него вы услышите это гораздо обстоятельнѣе.

Когда Саллустій произносилъ послѣднія слова, то въ противоположной сторонѣ зданія дѣйствительно былъ слышанъ какъ будто шумъ шаговъ. И потомъ какъ будто изъ внутреннихъ чертоговъ медленно и величественно выходилъ челоуѣкъ съ благороднымъ и выразительнымъ лицомъ. При его видѣ, я почувствовалъ какой-то страхъ, смѣшанный съ неописаннымъ восгоргомъ. «И такъ вотъ онъ! защитникъ и покровитель Сициліи, спаситель отечества, благодѣтель провинціи, представитель просвѣщенія не только Рима, но и всего своего вѣка, величайшій изъ ораторовъ.» — Всѣ сіи мысли стѣснились вдругъ въ моемъ умѣ, и разгоряченное ими мое воображеніе представляло мнѣ его уже въ сопровожденіи всего сената посреди Катона, Помпея, Цезаря и другихъ славныхъ сановниковъ; въ другой сторонѣ, какъ будто въ полумрачномъ углубленіи мерцали, какъ привидѣнія, лица Верреса, Катилины, Клодія, Антонія. Душа моя не могла вынести такого совокупнаго и внезапнаго натиска идей и явленій. Мнѣ казалось, что не славное лицо какое-нибудь, но самъ олицетворенный Римъ къ намъ приближался. Дыханіе стѣснилось въ груди моей; съ каждой минутой оно становилось тяжелѣе. Я невольно воскликнулъ, и проснулся.

Можно представить, какое впечатленіе произвелъ во мнѣ сонъ сей. Долго я не зналъ, что обо всемъ этомъ думать; многое казалось мнѣ справедливымъ, многое вѣроятнымъ, многое игрою воображенія. Наконецъ я рѣшился, написать его, сообщить одному своему пріятелю, занимающемуся изученіемъ классической литературы. Онъ, спустя довольно долгое время, возвратилъ мнѣ его, сопроводивъ своими примѣчаніями, которыя теперь, съ его согласія, вмѣстѣ съ тѣмъ, что принадлежитъ собственно мнѣ, предлагаю благосклонному читателю.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

ЛЮБОПЫТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ИЗЪ ПОРТФЕЛЯ МИЛЛЕРА. (*)

I.

ЧЕТЫРЕ ЭПИГРАММАТИЧЕСКІЕ СТИХОТВОРЕНІЯ ЛОМОНОСОВА.

Эти стихотворенія находятся въ копіи въ портфеляхъ Миллера. Хотя имя Ломоносова на нихъ не обозначено, но фактура стиха, языкъ и известныя современныя отношенія ясно обнаруживаютъ автора. Всѣ четыре стихотворенія записаны также въ сборникъ Разныхъ Стихотвореній, который принадлежитъ библиотекѣ Казанскаго университета, Первые два обозначены въ немъ именемъ Ломоносова; послѣднія же два безъ онаго.

Злбное Примиреніе относится, вѣроятно, къ тому времени, когда Сумароковъ вступилъ въ союзъ съ Тредьяковскимъ противъ Ломоносова, и сталъ въ Трудолубивой Пчелѣ нападать на его оды. Подъ именемъ Сотина разумется сокращенный Триссотинъ, Тредьяковскій. Подъ именемъ Аколуста—Сумароковъ, описанный по внѣшнимъ своимъ признакамъ въ стихѣ:

Картавиль и спивль, качался и мигаль.

Подъ именемъ Пробина самъ Ломоносовъ.

Зубницкому. Эти стихи имѣють отношеніе къ известному спору о бородѣ между Ломоносовымъ и Тредьяковскимъ. Подъ именемъ Христофора Зубницкаго Тредьяковскій написалъ письмо изъ Холмогоръ іюля 15, 1757 года, въ которомъ

(*) Препровождая эти документы въ редакцію Москвитянина для напечатанія, я считаю пріятною обязанностію выразить за нихъ мою искреннюю благодарность г. Начальнику Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Князю Михаилу Андреевичу Оболенскому, который далъ мнѣ возможность пользоваться неистощимомъ сокровищницею портфелей Миллера.

С. Шевыревъ.

Ноября 21 1853 года.

осуждаетъ Ломоносова за его гимнъ бородѣ, обвиняетъ въ безбожїи, и находитъ его достойнымъ публичнаго наказанїя.

Третье стихотворенїе: *на сочетанїе стиховъ Россійскихъ*, имѣетъ отношенїе къ тому, что Тредьяковскій, не понимавшїй красоты въ сочтанїи мужеской рїемы съ женскою, сказалъ въ своемъ Новомъ и краткомъ способѣ къ сложенїю Россійскихъ стиховъ: «Такое сочетанїе Стиховъ такъ бы у насъ мерское и гнусное бѣло, какъ бы оно, когда бы кто наипокланяемую, наинѣжную, и самымъ цвѣтомъ младости своея сїющую Европскую Красавицу, выдалъ за дряхлаго, чорнаго, и девяносто лѣтъ имбющаго Арапа. Сїе ясно будетъ, совершенно къ Стихамъ нашимъ примѣнившемуся. Следовательно, сочетанїе Стиховъ, каково Французы имбуютъ, и всякое иное, подобное, въ насъ Стихосложенїе введено быть не можетъ, и не долженствуетъ.» — Штигелій въ эпиграммѣ есть Тредьяковскій. Противъ этого мнѣнїя Ломоносовъ выразился такъ въ своемъ письмѣ о правилахъ Россійскаго стихотворства: «Подлинно что всякому, кто однѣ женскїя рїемы употребляетъ, сочетанїе и перемежка стиховъ странны кажутся, однако, ежели бы онъ къ сему только примѣнился, то скоро бы увидѣлъ, что оно толь же прїятно и красно, коль въ другихъ Европейскихъ языкахъ. Никогда бы мужеская Рїема передъ женскою не показала, какъ дряхлой, чорной и девяносто лѣтъ старой Арапъ, передъ наипокланяемою, наинѣжною, и самымъ цвѣтомъ младости сїющею Европскою красавицею.» Извѣстно, что Тредьяковскій, впоследствии, на дѣль отказался отъ своего мнѣнїя и передѣлалъ всѣ прежнїе стихи свои.

Четвертое стихотворенїе есть одно изъ свидѣтельствъ того, какъ Ломоносовъ зналъ языкъ Русской, какъ владѣль имъ, какъ вникалъ во всѣ подробности его изученїя, даже и въ самомъ произношенїи.

1.

ЗЛОБНОЕ ПРИМѢРЕНІЕ.

Съ Сотиномъ, что за вздоръ? Акдласть примирился,
Конечно третїй членъ къ нимъ лѣвшїй прильпился,

Дабы три фуриі втѣспившись на Парнассъ,
 Закрыли крикомъ музъ Россійскихъ чистый глазъ.
 Коль много разъ театръ казалъ на смѣхъ Сотина,
 И у Аколаста онъ слылъ всегда скотина.
 Аколастъ злобствуя всѣмъ уши раскричалъ,
 Картавилъ и сипгаль (*), качался и мигалъ,
 Сотиновыхъ стиховъ разсказывая свверность;
 А нынѣ объявилъ любовь ему и вѣрность.
 Дабы Пробиновыхъ хвалу унижить одъ,
 Который вознося Россійской чтить народъ (**).
 Аколастъ написалъ: Сотинъ лишь врагъ способенъ,
 А нынѣ доказалъ, что самъ ему подобенъ (***)
 Кто быть желаетъ нѣмъ, и слышать наглыхъ вракъ,
 Межъ самохвалами съ умомъ прослыть дуракъ,
 Саружись съ сей парочкой. Кто хочетъ съ ними знаться,
 Тотъ думай, каково въ кропиву

2.

ЗУВНИЦКОМУ.

Безбожникъ и ханжа, подметныхъ писемъ врадъ!
 Твой мерзкой складъ давно и смѣхъ намъ и печаль:
 Печаль, что ты языкъ Россійской развращаешь;
 А смѣхъ, что ты тѣмъ зломъ затмить достойныхъ чаешь.
 Но плюемъ мы на страхъ твоихъ поганыхъ вракъ:
 Уже за тридцать лѣтъ ты записной дуракъ.
 Давно изгага всѣмъ читать твои синички,
 Дорогу некошну, вонючя лисички.
 Никто не поминай намъ подлости ходуль,
 И къ пьянству твоему потребныхъ красоуль.
 Хоть ложной святостью ты Бородой скрывался,
 Пробинъ на злость твою взирая улыбался.
 Ученія его и чести и труда
 Не можешь повредить ни ты, ни Борода.

(*) Въ Казанскомъ сборникѣ шепелалъ на мѣсто и сипгаль.

(**) Въ Казанскомъ спискѣ прибавлены здѣсь четыре стиха:

Чего не можешь ты начать, о зависть злая,

Но истина стоитъ недвижима святая.

Коль золь, коль лживъ, коль подлъ Аколастъ и Сотинъ,

Того не звать лишь ихъ гордый нравъ одинъ.

(***) Этотъ стихъ вставленъ изъ Казанскаго списка.

3.

НА СОЧЕТАНІИ СЛѢКОВЪ РОССІЙСКІХЪ.

Я мужа бодрого изъ давнѣхъ лѣтъ имѣла,
 Однакоже вдовой безъ онаго сдѣла:
 Пштивелій увѣрялъ, что мужъ мой худъ и слабъ,
 Безсиленъ, подлъ, и старъ, и дряхлой былъ Арапъ.
 Сказалъ, что у меня кривякъ трясутся ноги,
 И нѣтъ мнѣ никакой къ супружеству дороги.
 Я думала сама, что виражду такова,
 Негодна никуда, увѣчная вдова.
 Однако нынѣ вся увѣрена Россія,
 Что я красавица Россійска поэзія;
 Что мой законный мужъ завистной молодецъ,
 Кто сдѣлалъ моему несчастію конецъ.

4.

О СОМНѢТЕЛЬНОМЪ ПРОИЗНОШЕНІИ БУКВЫ Г ВЪ РОССІЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Бугристы берега, благопріятны влаги,
 О горы съ гроздами, гдѣ грѣетъ югъ ягнать,
 О грады, гдѣ торги, гдѣ мозгокружны браги,
 И деньги, и гостей, и годы ихъ губять,
 Драгіе ангелы, пригожія богини,
 Бѣгущія всегда отъ гадка гордыни,
 Пугливы голуби изъ мягкаго гнѣзда,
 Угодность съ нѣгою, огромные чертоги,
 Недуги наглые, и гнусные остроги,
 Богатство, нагота, слуги и господа,
 Угрюмы взглядами, игрени, пѣги, смуглы,
 Багровые глаза продошоваты, круглы,
 И кто гораздъ гадать и лгать, да не мигать,
 Играть, гулять, рыгать, и ногти огрызать;
 Нагаи, Болгары, Гуроны, Геты, Гунны,
 Тугіе головы, о иготи чугунны,
 Гивливые враги и гладкословный другъ,
 Толпыги, щеголи, когда вамъ есть досугъ,
 Отъ васъ совета жду; я вамъ даю на волю;
 Скажите, гдѣ быть Га и гдѣ стоять глаголю?

II.

ИЗВѢСТІЯ О МѢСТѢ ПОГРЕБЕНІЯ ФРАНЦА ЛЕФОРТА И О НАДГРОБНОМЪ ЕГО ПАМЯТНИКѢ.

Любознательный Миллеръ, находившійся въ дѣятельной перепискѣ со многими нѣмецкими профессорами Московскаго университета, при самомъ его началѣ, поручалъ профессорамъ, Росту и Рейхелю, отыскать надгробный памятникъ Лефорту. Вотъ что профессоръ Ростъ пишетъ къ Миллеру въ письмѣ изъ Москвы отъ 5 ноября, 1761 года:

«Что касается до надгробнаго памятника Лефорту, въ Реформатской церкви, нѣтъ ничего кромѣ знаменъ. Памятникъ былъ въ старой Евангелической церкви, и вмѣстѣ съ другими снятъ, по повелѣнію Двора.»

Въ письмѣ отъ 12-го ноября онъ передаетъ списанную имъ съ памятника надпись: «Frans le Fort General-Admiral Sr Zarischen Majestät: und ohnlängst erster Ambassadeur an verschiedenen Höfen, gestorben im Martio 1699.» (Францъ Лефортъ, Генераль-Адмираль Его Царскаго Величества и недавно первый посланникъ при различныхъ дворахъ, умеръ въ мартъ 1699 года).

Проф. Рейхель, въ письмѣ отъ 24 декабря того-же 1761 года, уведомляя Миллера, что профессоръ Ростъ взялъ на себя справку относительно надгробнаго памятника Лефорту, самъ прибавляетъ, что онъ въ католическомъ монастырѣ у капуциновъ (Рейхель не говоритъ, въ какомъ это было городѣ) справлялся о надгробномъ памятникѣ жены Лефорта, но капуцины ничего о томъ не знали. Къ тому присовокупляетъ онъ еще, что нѣмецкіе прихожане уже теперь не могутъ хоронить мертвыхъ своихъ въ Москвѣ; что кладбища при церквяхъ сравнены съ землею, памятники и надгробные камни съ нихъ снесены; что настоящее мѣсто погребенія нѣмцевъ, Марьиная роща, находится въ 3-хъ или 4-хъ верстахъ отъ города, и хотя красуется рядами четверугольныхъ камней, но они бѣлы и приглашаютъ посѣтителей этого мѣста покоя отгадывать то, что на нихъ было написано.

III.

ПИСЬМО ИВАНА ИВАНОВИЧА ШУВАЛОВА КЪ АКАДЕМИКУ МИЛЛЕРУ ПО СЛУЧАЮ ВОЛЬТЕРОВОЙ ИСТОРИИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Извѣстно, что Шуваловъ предложилъ Вольтеру написать Исторію Петра Великаго и доставлялъ ему всѣ матеріалы, для того нужные, и что самъ Вольтеръ, какъ авторъ этой Исторіи, называлъ себя въ письмахъ къ Шувалову секретаремъ его и даже переписчикомъ. Миллеръ, по выходѣ 1-го тома, написалъ замѣчанія на книгу Вольтера, которыя отправлялъ къ своимъ знакомымъ для прочтенія. Кураторъ Московскаго университета, Ф. П. Весселовскій, между прочимъ, читалъ ихъ съ большимъ удовольствіемъ и применялъ къ изданію Вольтеру Горациево: Parturiunt montes. Миллеръ посылалъ свои замѣчанія и въ Лейпцигскій журналъ. Шувалову были непріятны эти дѣйствія академика. Онъ желалъ, чтобы Миллеръ открыто и въ Россіи сообщилъ свои замѣчанія на второй томъ. Тѣмъ оказывалъ Шуваловъ услугу и Вольтеру, который въ 1761 году 19 сентября такъ писалъ къ нему: Je suis très obligé à Votre excellence de m'avoir épargné des batailles avec des Allemands.

Monsieur,

Je viens de recevoir une grande partie du 2-d tome de l'histoire de Russie par M. de Voltaire. Je crois être en devoir de la communiquer à vos lumières. Il me semble, Monsieur, qu'une critique, faite à la sourdine par un académicien, doit être rejetée et réparée par les bons conseils, que votre devoir porte à contribuer de publier les faits d'un fondateur de l'Académie et de l'Empire. Je me flatte, Monsieur, que vous voudrés me mettre au niveau avec votre savant de Leipzig, qui fut jadis secrétaire, et devient maintenant prêtre, dont j'ai oublié le nom. Vous rendrés par là, Monsieur, service au héros de l'histoire, au bien du monde et à vous même. Vous me ferés un grand plaisir d'apporter avec vous les remarques que vous avez faites, destinées pour la critique de Leipzig et changées en observations de Petersbourg. Votre rang, votre devoir l'exigent. J'espère, Monsieur, que vous ne refuserez point à ma juste demande, et que vous préférerez l'utilité à

la vanité. J'attends votre réponse, et plus encore vous même avec les mémoires, étant avec la considération que je vous dois

Monsieur

votre très humble et très obéissant serviteur

J. Schouvalow.

Peterhoff. Ce 22 Juin. 1761,

IV.

ДВА ФРАНЦУЗСКІЯ ПИСЬМА БОГДАНОВИЧА (ИППОЛИТА БОДРОВИЧА) КЪ АКАДЕМИКУ МИЛЛЕРУ.

Первое письмо написано къ Миллеру при посылкѣ первой части сочиненія: Историческое изображеніе Россіи, вышедшаго въ 1777 году; второе по полученіи отъ Миллера замѣчаній. Изъ этихъ писемъ любопытно видѣть, какъ авторъ Душеньки владѣлъ французскимъ языкомъ. Письма напечатаны съ стариннымъ правописаніемъ и съ нѣкоторыми ошибочками подлинника.

1.

Monsieur

C'est par votre zèle pour la gloire de la Russie et vos connoissances profondes, que je vous connois Monsieur. L'exemplaire de mon ouvrage, cy-joint, est la marque de mon estime pour vous. Puisse-t-elle servir de baze à notre correspondance et à cet accord qui doit regner dans la Republique des Lettres. Je sais, Monsieur, que vous ne refusez pas les hommages des talens, quelque foibles qu'ils soient. C'est à vous à les perfectionner par vos lumières. Je pourrois en avoir besoin dans la carrière que j'ai entrepris. Vous m'obligerés sensiblement en me les communiquant, vous trouvant à la source des dépôts précieux renfermés dans les Archives. En même tems vous obligerés la Nation qui m'a invité à lui donner cet ouvrage. Jugez Monsieur, par ce motif combien je serai reconnoissant, et combien je m'empresse de vous prouver le respect et la considération si bien merités, et avec lesquels j'ai l'honneur d'être, Monsieur

votre très humble et très obéissant serviteur

Hippolite de Bogdanovicz.

Ce 18 Decembre. 1777. à S-t Petersbourg.

2.

Monsieur

J'ai reçu avec une satisfaction particulière votre lettre, Monsieur, et les remarques obligentes sur mon ouvrage. Ne recevant que des complimens de toutes parts, qui ne sont guerre instructifs pour celui qui veut les meriter des Connoisseurs en Histoire, je ne me suis pourtant pas aveuglé sur ces complimens, et bien loin de croire mon ouvrage au dessus de critique, j'ai senti son imperfection même avant de le commencer, sur le plan que je devois choisir pour suivre le gout de la plupart de mes Compatriotes. J'avoue franchement encore, qu'on m'a élevé dans cette amour de la Patrie qui m'écarte souvent des Regles des Historiens Cosmo(po)lites, et je ne puis qu'admirer leur talent sans pouvoir l'imiter. Le siecle, la Religion et les mœurs me tiennent dans les bornes, que j'adopte naturellement pour mes Regles. Je reçois cependant avec toute la reconnaissance due les bons avis que vous me donnés et je tacherai d'en profiter le mieux. L'Abregé du Président Henaut est bon, outre cela je ne laisse pas d'avoir toujours sous les yeux les Tablettes Chronologiques de du Fresnoy, qui m'ont servi en quelques lieux pour vérifier la Chronologie du Prince Scherbatoff, qui n'est pas decisifs dans bien des endroits. Aussi dans les traits de caractère des hommes, dont la Chronologie paroît être indifferente, j'aurois mieux ne point marquer la date que de la marquer à tort. Cet embarras est surtout sensible dans l'Histoire qui precede le Regne de Vladimir. Les tems posterieurs sont marqué avec plus de certitude, et peuvent être vérifiées avec plusieurs Ecrivains étrangers. Au reste, Monsieur, je vous prends au mot et j'ose compter sur Vôtre bonne assistance, si j'aurai besoin de quelque chose dans la suite de mon ouvrage. Je crois en tirer deux grands avantages: celui de rendre mon Abregé meilleur et celui de correspondre avec la personne de vôtre merite, dont l'estime me flatte et m'honore. De mon coté, vous me trouverés Monsieur, toujours empressé

à vous prouver le respect et la consideration particulière avec la quelle j'ai l'honneur d'être

Monsieur
votre très humble et très obeissant serviteur
H. de Bogdanovicz.

Ce 15 Janvier. 1778. à S-t Peterbourg.

V.

ПИСЬМО ПРОКОФІЯ АКИНОЕВИЧА ДЕМІДОВА КЪ МИЛЛЕРУ.

Милостивый Государь

Федоръ Ивановичъ,

Въ присутствіе ваше у меня благоволилъ мнѣ приказать прислать о селѣ Романовскѣ, а нынѣ называютъ съ чего Преображенскимъ.

Я досталъ отъ Сибирскихъ людей, которые прошедшую исторію поютъ на голосу, которую присемъ къ Вашему Высокородію посылаю.

Впрочемъ желаю здравія и благополучія,
и остаюсь къ повелѣнію готовый
Прокофій Демидовъ.

22-го сентября 1768.

При этомъ письмѣ Демидовъ отправилъ къ Миллеру въ рукописи—ту самую пѣсню, которая напечатана въ известномъ сборникѣ: *Древнія Россійскія стихотворенія, собранная Кириешю Даниловымъ*, на стран. 326 подъ заглавіемъ: *Никитъ Романовичу дано село Преображенское*. Приложенный къ письму образчикъ пѣсни, съ нотами вмѣсто заглавія, даетъ понятіе о томъ, какъ написанъ былъ весь сборникъ. Стихи не раздѣлены, а писаны въ сплошную строку. Самая пѣсня Калайдовичемъ напечатана съ необыкновенною исправностію. Не найдешь варианта прибавить къ изданію. Письмо указываетъ на то, какъ весь сборникъ, у насъ обыкновенно приписываемый Киришю Данилову, былъ записанъ въ Сибири съ устъ Сибирскихъ людей, для Прокофія Акиноевича Демидова.

Что касается до повода къ отсылкѣ пѣсни, то Миллеръ, какъ видно, любопытствовалъ знать объ устныхъ преданіи народа, что село Преображенское слыло прежде Романовскимъ. Въ пѣсни говорится, что Никита Романовичъ, вѣрный Бояринъ, желая спасти Царевича, сына Іоанна Грознаго, отъ родительскаго гнѣва, присудившаго ему казнь, увезъ его

во село свое Романовское,
Въ Романовское и боярское.

Подъ конецъ же пѣсни, когда Царь обрадовался, увидѣвъ спасеннаго сына, то

Скричалъ онъ Царь зычными голосомъ:
«А чѣмъ Бояринъ пожаловати,
А старова Никиту Романовича?
А погребъ тебѣ злата, серебра,
Второе тебѣ питья разнова,
А сверхъ того грамота тарханная:
Кто церкву покрадетъ, мужика ли убьетъ,
А кто у жива мужа жену уведетъ,
И уйдетъ во село во боярское,
Ко старому Никитѣ Романовичу,
И тамъ быть имъ не въ выдачу.»
А было это село боярское
Что стало село Преображенское
По той по грамотѣ тарханная;
Отнынѣ оно слыветъ и до вѣку.

**ИНСТРУКЦІЯ ДВОРЕЦКОМУ ИВАНУ НАМЧИНОВУ О УПРАВЛЕНІИ
ДОМУ И ДЕРЕВЕНЬ.**

(1724 года).

Пунктъ I. *О смотрѣніи дому и деревень и о содержаніи людей, и чтобъ нигдѣ не сидѣли вина и табакомъ не торговали, и разбойники бы и плуты никакова пристанища не имѣли, также и крестьяня краденого ничего ни у кого не принимали.*

Жить въ Москвѣ и управлять домъ мой и деревни, и по часту ѣздить тебѣ во всѣ деревни каждый годъ раза по два; протчихъ же людей содержать въ своемъ послушаніи, и всего надъ ними смотрѣть и наказывать всѣхъ, кромѣ стряпчего: ибо, кромѣ другихъ, все взыщется на тебѣ. Также смотрѣть, чтобъ нигдѣ не сидѣли вина и табакомъ никтою не торговалъ, какъ люди, такъ и крестьяня; и чтобъ разбойники и плуты никакова пристанища у крестьянъ моихъ и въ моихъ лѣсахъ не имѣли: а буде гдѣ явятся, такихъ, если сила есть, ловить и приводить въ городъ; а буде нѣтъ силы поймать, то о томъ въ городахъ, гдѣ пристойно, доносить и подавать явки. Также чтобъ люди и крестьяня краденыхъ лошадей и протчаго отнюдь ни у кого не принимали ничего, и для того вездѣ о томъ указами чаще подтверждать, и сверхъ того и самому накрѣпко смотрѣть. А ежели гдѣ какія шалости явятся, съ тѣми поступать по указамъ Его Императорскаго Величества; и для того плутовъ приводить и просить о розыску и о наказаніи, и отнюдь въ томъ никому не токмо потакать, но и не упускать и не покрывать, а поступать во всемъ по силѣ состоявшихся Его Императорскаго Величества указовъ, и какіе впрядь будутъ.

Пунктъ II. *О содержаніи крестьянъ въ законъ и должности христіанской, и о покупкѣ новозданныхъ книжищъ о десяти заповѣдяхъ Божіихъ, о символѣ вѣры, о девяти блаженствахъ, и о раздачѣ оныхъ во всѣ деревни священникамъ, и о выборѣ десяти человекъ робятъ, и объ учени*

ихъ грамотъ, такъ же о выборъ отъ семей выростковъ для обученія кузнешному, кольсному, бочарному и прочему ремеслу.

Понеже у насъ деревенскіе мужики ни закону Божию, ни должности христіанской не знаютъ: того ради посылается при семъ къ вамъ новоизданная печатная книжица о десяти заповѣдяхъ Божіихъ, о символѣ вѣры и о девяти блаженствахъ. Купи такихъ и роздай въ деревняхъ во всѣхъ священникомъ, и скажи имъ отъ меня, чтобъ они по вся воскресные и въ праздничные дни, по окончаніи святой литургіи, прежде отъпуска, читали на амбонѣ вмѣсто поученія—иногда заповѣди съ толкованіемъ, иногда символъ вѣры, а иногда блаженствы: понеже сіе надлежитъ вѣдать всякому христіанину и то дѣлать. И для того надлежитъ священникомъ внушать сіе прилежно, дабы всякой могъ помнить, что слышитъ. Также велите накрывко прикащикомъ смотрѣть, чтобъ дворовые люди, крестьяня, и жены ихъ и дѣти ихъ всегда въ воскресные и въ праздничные дни ходили въ церковь, и по прошествіи того дни, чтобъ всякой десятской объявлялъ о своемъ десяткѣ, кто былъ и кто не былъ,—и которые не будутъ, тѣмъ чинить наказанье. Также, чтобъ по вся годы всеконечно исповѣдывались, ежели не случится кому въ великій постъ, то можно и въ другой который. И по прошествіи года велите священникомъ подавать росписи тѣмъ, которые были; и которыхъ имянъ въ росписи не явится, также и женъ ихъ и дѣтей,—тѣхъ жестоко наказывать. Притомъ же всеми образы надобно трудится, чтобъ было въ деревняхъ по нѣскольку человекъ умвующихъ грамотъ, въ чемъ состоитъ крайняя нужда. Того ради конюховыхъ дѣтей велите всѣхъ учить; и если у конюховъ мало, то брать и изъ крестьянъ сиротъ; буде же сиротъ не сыщется, то брать и у отцовъ, но токмо у такихъ, которые семьянисты, а такъ бѣдны, что съ нуждою и со скитаніемъ по міру питаются. Изъ всѣхъ деревень выбери нынѣ десять человекъ, чтобъ не гораздо малые были, а имянно отъ осми лѣтъ до двѣнадцати,—и роздай священникомъ, и вели учить ихъ грамотъ. И понеже имъ во дѣлкахъ не бывать, того ради надобно, чтобъ только знали силу складовъ: для того вели учить прежде по новоизданнымъ азбукамъ, которыя печатаны съ толкованіемъ заповѣдей и съ

символомъ вѣры; а потомъ, не уча часословъ, велите учить псалтырь. И когда которой, хотя и не доуча всей псалтыри, а совершенно познаеть слогу, отдавай въ Москвѣ учить писать хорошимъ писцамъ, А изъ сего польза та, понеже у насъ въ деревняхъ своихъ писцовъ нѣтъ, то, которые годны будутъ, отдавать въ деревнѣ прикащикомъ для записокъ, а прочіе годятся учить ремеслу, какое въ домѣ потребно будетъ. А паче всего великая нужда въ коновалахъ намъ: для того выбери нарочитыхъ робать двухъ умьющихъ грамотъ, и отдай учить иноземцу коновалу, чтобъ умѣли лечить лошадей и подковывать. Также крайняя нужда требуетъ, чтобъ во всѣхъ деревняхъ были свои кузнецы, понеже ни одинъ мужикъ не можетъ безъ того обойтись, чтобъ не имѣлъ въ желѣзной работѣ нужды, а отдають въ дѣло чужимъ мужикамъ и платять за то иногда вдвое деньги. Того ради безо всякаго отлагательства выберите отъ семей выростковъ, робать такихъ, которые бѣдные, и отдайте добрымъ мастерамъ учить кузнечному ремеслу не въ годы, но съ радюю за ученье, и платить за то мои деньги. Также когда выучатца, купить имъ нужные инструменты на мои жъ деньги. И чтобъ было въ Батыевъ два кузнеца, въ Никольскомъ, въ Васильевскомъ и въ Архангельскомъ по одному; и чтобъ у нихъ всегда были ученики, — ежели охотниковъ не будетъ, то и по неволѣ брать такихъ же бѣдныхъ, и отдавать, дабы конечно свои не переводились. Также случаются домашніе мои нужды, также и крестьянамъ, а дома не всякъ можетъ сдѣлать; для того конечно выберите во всѣхъ деревняхъ такихъ же бѣдныхъ, и ведите выучить колесниковъ, бочарниковъ, сани дѣлать и пр.

Пунктъ III. О смотрѣннн надъ прикащиками, а прикащикамъ надъ старостами, надъ выборными и, обще съ ними, надъ всеми крестьянами, дабы обходились съ сосѣдями ласково и учтиво; и о выборѣ во всѣхъ деревняхъ десятскихъ для смотрѣннн за крестьянами, которые бы по торговымъ праздникамъ не пѣдили; и о бытнн отымъ десятскимъ сборщиками Государевыхъ податей съ нихъ крестьянъ всякому съ своего десятка, и какимъ образомъ тѣ подати собирать и платить.

На крѣпко приказывайте и подтвержайте прикащикамъ,

чтобъ въ соседствѣ жили смирно и обходившись бы съ соседями ласково и учтиво, понеже людская и мужичья всякая грубость и невежество причитается намъ самимъ въ поношеніе: и для того вы смотрите сего надъ прикащиками, а прикащики чтобъ смотрѣли надъ старостами, надъ выборными, и, обще съ ними, надъ всеми крестьянами, дабы отъ постороннихъ отнюдь ни въ чемъ жалобы не было въ озорничествѣ и въ невежествѣ на людей моихъ и на крестьянъ. Буде же какая бы отъ кого кому хоть малая была учинена обида или противность, не токмо какому шляхтичу, но хотя последнему чьему и нищему крестьянину, дабы за то всякому конечно учинена была справедливая сатисфакція (то есть, за невежество и грубость чинить наказанье, а за корыстную обиду достойную заплату), и сверхъ того за преступленіе сего—наказанье; понеже потачка такихъ грублннъ ни въ какое добро не приведетъ, но паче попускаетъ зло дѣлать: ибо безстрашнѣ, да къ тому же еще пьянство, —всякому непотребному и Богу противному дѣлу корень, отчего и всякія бездѣлицы происходятъ. Второе и то худо, естли кто обыкнетъ праздновать и лѣниться; оставя свой должный трудъ и работу, ѣздить по торжкамъ. Понеже у мужиковъ и у бабъ, мало не у всѣхъ, обычай, хотя есть нужда, или нѣтъ, однакожъ надобно на торгу побывать; и вмѣсто того, чтобы сдѣлать себѣ отъ трудовъ своихъ какой прибытокъ, а иной и послѣднюю коняку пропьеть; а и кромѣ того, гдѣ въ околичности поденные торжки, по которымъ мужики и бабы, лѣгая съ торгу на торгъ, целую недѣлю могутъ проводить въ праздности и въ пьянствѣ: для того во всѣхъ деревняхъ выберите десятскихъ изъ лучшихъ мужиковъ и семьянистыхъ, переменная ихъ погодно; и естли которая деревня больше пятнадцати дворовъ, тутъ опредѣлить двухъ десятскихъ; и ежели гдѣ десять дворовъ или меньше, тутъ быть по одному; однакоже, чтобъ ни одна деревня безъ десятскаго не была. И тѣхъ, которые десятскими выбраны будутъ, такъ и въ книгахъ десятскимъ писать; нѣтъ же и сборщиками быть податей, чтобъ всякой собиралъ съ своего десятку по приказу прикащикова, старость и выборныхъ; и приказать, чтобъ того десятка тому десятскому были

всѣ послушны. А подати поголовныя собирать не тогда, когда спрашиваютъ, и не по третяишъ года, но по вся мѣсяцы: понеже такъ будетъ мужикамъ легче. И собравъ, десятскимъ съ своего десятка деньги приносить къ выборнымъ и къ старостамъ на мой дворъ при собраніи; а имъ того-же часа приносить тѣ деньги къ прикащику, и класть въ ящикъ нарочно къ тому сдѣланной, которой чтобъ былъ крѣпкой и за замкомъ и за печатями прикащика, старосты и выборныхъ. И по принятіи денегъ прикащику спрашивать мужиковъ и слышать, тольколь съ нихъ десятской собралъ, что въ отдачу отдасть. И такимъ образомъ всегда податныя деньги принимать, — не одинъ на одинъ, но при собраніи, для чего нарочно всѣхъ старшихъ отъ семей собирать. А когда придетъ терминъ (или срокъ) платежа податей, и если придетъ земской комиссаръ для собранія податей, тогда прикащику призвать къ себѣ старосту, выборныхъ и всѣхъ десятскихъ, и при нихъ тотъ ящикъ распечатать и деньги отдать; и потомъ паки такъ же запечатать, какъ выше показано. Буде же комиссаръ земской самъ не придетъ, а потребуетъ, чтобъ деньги къ нему были привезены, возить и къ нему самому прикащику съ старостою, или съ выборнымъ, и притомъ съ двумя или съ тремя десятскими; а съ однимъ мужикомъ безъ прикащика отнюдь не посылать, понеже отъ того бывають мужикамъ напрасныя убытки. Такъ же и для приказныхъ нуждъ въ города отнюдь однихъ мужиковъ не посылать, а вѣзти прикащику самому съ выборнымъ и съ двумя десятскими.

Пунктъ IV. *Чтобъ никто изъ дворовъ своихъ безъ позволенія десятскаго никуда не ѣздилъ, и о смотрѣннн десятскимъ въ бытность на торжкахъ надъ мужиками и надъ бабами, и о должности ихъ десятскихъ.*

Десятскимъ и всѣмъ крестьяномъ наврѣпко приказать, чтобъ никакой крестьянинъ, ни крестьянка, ни дѣти ихъ изъ двора своего никуда, и не токмо для иной нужды, ни для дровъ, и ни для чего не въ свои собственные угодья не ѣздили и не ходили безъ позволенія своего десятскаго; но ежели какая случится кому домашняя нужда вѣзть въ свои

угодья, или въ другую въ свою жь деревню, повиненъ всякой мужикъ спроситься у своего десятника, и съ его позволенія итти или ѣхать. Буде же потребуеть нужда отлучиться куда самому десятнику, то онъ долженъ приказать десятокъ свой другому десятнику, если есть въ той деревнѣ; а когда нѣтъ, то изъ простыхъ мужиковъ, которымъ въ небытность десятскаго править такъ, какъ десятскому. Буде же крестьянину или крестьянкѣ нужда куда итти или ѣхать, на торжекъ, который въ близости, а именно, не далѣ десяти верстѣ, то онѣ должны явиться за день торговаго дни десятнику, нужду свою, за чѣмъ онъ ѣдетъ, сказать; а что имѣеть продать, то и объявить ему. И потомъ всякой десятской долженъ притти на мой дворъ, и прикащику сказать, кто съ чѣмъ или для чего на торжекъ хочетъ ѣхать, а прикащику надобно приказать изъ тѣхъ десятниковъ, которые имѣють нужду на торжокъ сами, чтобъ они смотрѣли надъ мужиками и надъ бабами, дабы они ничего безъ вѣдома десятскихъ не покупали и не продавали; и притомъ же и того бь смотрѣли, чтобъ не лакомились по лабазамъ и пили бь по кабакамъ. Буде же десятникомъ нѣтъ нужды на торгу, и случится такъ, что ни одинъ не пожелаетъ ѣхать; то и посылать, чтобъ конечно на всякомъ торжку по одному десятскому съ мужиками было; или кого выбрать знатнаго, и тому всѣхъ подчинять, ежели староста или выборные не поѣдутъ туда. И когда возвратятся съ котораго торжку крестьяня, то каждой десятской въ своемъ десяткѣ долженъ пересмотрѣть всѣхъ, — не пьянъ ли кто, и что купилъ, то купленное, или что продалъ, деньги осмотрѣть. Такъ же всякой десятской въ своей деревнѣ каждой вечеръ и каждое утро долженъ десятокъ свой обойти по всѣмъ дворамъ, — всѣ ли ночевали въ домахъ своихъ, и нѣтъ ли кого прибылыхъ постороннихъ (кромѣ провѣзжихъ стояльцевъ, которые къ кому на дворъ какъ скоро въѣдутъ, повиненъ онъ десятскому объявить объ нихъ, кто провѣзжіе и съ чѣмъ, а десятской повиненъ самъ осмотрѣть и объявить имъ, провѣзжимъ, чтобъ они, отъѣзжая, объявили ему, что они въ цѣлости поѣхали въ путь свой; буде же стояльцы не пойдутъ къ десятскому, то тотъ хозяинъ повиненъ десятскому объя-

вить, что они ѣдутъ, и десятской повиненъ приттить къ нимъ и спросить, все ли у нихъ цѣло). А ежели за чѣмъ что увидить, или пьянство, или мотовство, или какое нибудь непотребство, то конечно тогожь дни всякой десятской долженъ о своемъ подчиненномъ прикащику объявить, а прикащикъ того виноватаго долженъ взять и при собраніи знатныхъ мужиковъ, то есть: старостъ, выборныхъ и всѣхъ десятскихъ, розыскать, и по розыску смогря, по винѣ чинить наказанье.

Пунктъ V. О дачь отлучающимся въ отъѣздъ и на дальные торги крестьяномъ пашпортовъ за прикащикими и священническими руками, и какъ выбирать въ десятники и отъ какихъ мѣтъ.

Ежели случится куда мужику ѣхать во отъѣздъ отъ десяти верстъ до тридцати для торгу какова мелкова, или для иной какой нужды, то не повиненъ ни одинъ крестьянинъ ѣхать не спрося прикащика и не объявля свою подлинную нужду; и прикащикъ не повиненъ мужика ни отпускать, ни посылать никуда одинъ собою безъ старосты и выборныхъ. Буде же куда понадобится мужику ѣхать далѣ пятидесяти верстъ и въ другой уѣздъ за какою нуждою, или для работы, или подѣ какимъ извозомъ, то безъ пашпорта отнюдь прикащику не отпускать, но давать ему пашпортъ за своею рукою, прописывая имянно, — съ чѣмъ онъ или для какова дѣла и куда отпущенъ, и на которыя мѣста и знатныя села путь его, и притомъ прописывать имянно срокъ, на сколько онъ времени и по которое число отпущенъ. Также вмѣстѣ съ прикащикомъ, чтобъ и священникъ приходской тотъ же пашпортъ подписалъ; однакожь никому пашпортовъ далѣ трехъ мѣсяцевъ не давать. И когда тотъ отпущеной крестьянинъ возвратится, надлежитъ прикащику съ старостами и съ выборными и съ десятникомъ того десятка осмотрѣть, подлинно ли онъ то исправилъ, за чѣмъ ѣздилъ или ходилъ куда.

Въ десятники надлежитъ выбирать знатныхъ и добрыхъ мужиковъ, кому бъ можно было вѣрить. И сей выборъ чинить десятскимъ не одному прикащику, но обще съ старос-

жани и съ выборными, и чтобъ десятскіе были совершенныхъ лѣтъ, а именно—не меньше тридцати пяти лѣтъ; къ тому жь, чтобъ не глупые и же нищіе были.

Пунктъ VI. *О осторожности крестьянской отъ воровъ и разбойниковъ, и о покупке для роздачи по вѣсьмъ деревнямъ десятскимъ фузей, и чтобъ всякой крестьянинъ (кромя престарѣлыхъ) имѣлъ у себя копье, также чтобъ имѣли въ деревняхъ по ночамъ часовыхъ.*

Понеже у насъ въ государствѣ разбои и татбы ни отчего такъ много умножаются, токмо отъ несмотрѣнія и небреженія нашего, да отъ потачки и попущенія прикащиковъ нашихъ, къ тому жь отъ неосторожности и оплошности самихъ мужиковъ: понеже вору у того какъ не красть, или его не разбивать, который ему противиться не можетъ, да еще чѣмъ надобно противиться, того и въ домъ своемъ не имѣетъ, какъ то обыкновенно развѣ у осторожнаго человѣка въ домъ перержавшая рогатина, а у иного случается и того нѣтъ, кромѣ одного ожега, которымъ въ печи дрова мѣшаетъ. И тако, на примѣръ, которая деревня состоитъ въ числѣ пятидесяти дворовъ, а разбойниковъ въ ту деревню придуть человекъ двадцать или меньше, которымъ мужики не токмо противятся, но и того не вѣдаютъ, какъ и въ деревню войдутъ: понеже карауловъ нѣтъ. А когда услышатъ, что котораго изъ нихъ мужика разбойники разбиваютъ, прочіе не токмо выручатъ, но и кричать не смѣютъ, и всякой ищетъ мѣста, куда бѣ уйтись и схорониться. А и нарекать на нихъ за то нельзя, понеже съ голыми руками не токмо противъ рогатины или еще пищали, но и противъ дубины не пошто соватца. А когда случаются и погони за разбойниками, собирается мужиковъ поговщиковъ иногда по нѣскольку сотъ; но и такимъ людствомъ сдѣлать ничего не могутъ, развѣ удастся на такихъ безоружныхъ напасть, каковы сами погонщики, но и такихъ большую половину упустятъ, и сіе дѣлается токмо отъ того, какъ вышепоказано, и отъ неискусства мужиковъ: понеже не токмо стрѣлять, но и за пищаль приняться не умѣютъ. Того ради надобно, чтобъ у всякаго десятскаго была пищаль, глад-

кая, а не винтовая, такъ какъ бываютъ завѣсныя пищали; и ежели не сыщется дѣланнѣхъ, то вели самъ нарочно сдѣлать въ Ивановскомъ, что близко Батыева, и чтобъ не малопушнныя были—пуль по пятьдесятъ или по сороку изъ фунта; а цѣною чтобъ пищаль была не выше рубля. На которую покупку деньги собери съ мужиковъ, и самъ оныя пищали подряди и раздай десятскимъ во всѣхъ деревняхъ. И чтобъ конечно всякой десятской умѣлъ изъ пищали стрѣлять; буде же который десятской старъ, то вмѣсто его чтобъ умѣлъ сынъ его или братъ. Однакожъ, чтобъ пищаль всегда была въ домъ у десятскаго, и онъ, не токмо отдавать кому на ссуду, но и самъ никуда изъ дому своего братъ не повиненъ. Прочіе жъ мужики, сколько бъ ихъ во дворѣ ни было, отъ четырнадцати или пятнадцати лѣтъ и до самыхъ такихъ престарѣлыхъ, что который уже работать не можетъ, чтобъ у всякаго было копые съ ратовищемъ длиною въ двѣ сажени. Также во всякой деревнѣ чтобъ по ночамъ всегда былъ часовой, понеже сіе потребно не токмо имѣть ради опасности отъ воровъ, но и для пожаровъ; и чтобъ было какое звонкое бревно или доска: ибо когда увидитъ караульной воровъ или пожаръ, чтобъ могъ стучать, и тѣмъ прочимъ людямъ всѣмъ знать дать. Также во всѣхъ деревняхъ подылатъ и трещотки, и приказатъ, чтобъ у каждаго крестьянина въ домъ были трещотки. И ежели десятской услышитъ отъ караульнаго голосъ или крикъ, то онъ долженъ кого изъ своихъ съ трещоткою послать или самъ по деревнѣ ходить и трещать, чтобъ всякой могъ слышать скорѣе; и каждой повиненъ бѣжать къ десятскому на дворъ, и тутъ собрався, итти помогать; а которые изъ дворовъ своихъ не выдутъ, тѣмъ чинить жестокое наказанье.

Пунктъ VII. О приуготовленіи и о содержаніи для пожарныхъ случаевъ инструмента въ, и о караульняхъ, и о колоколахъ, и о покупкѣ фузей, и о раздачѣ конохамъ, и объ ученіи ихъ стрѣлять.

Во всѣхъ деревняхъ сдѣлать для пожарнаго случая въ каждой деревнѣ, хорошихъ лѣстницъ по двѣ или по три, также

надобно крючья и вилы обыкновенныя пожарныя подьлать, токмо не такія большія, которыя для великаго зданія дьлаются. — и держать по разстоянію мьста; напрымьръ, когда деревня отъ деревни по верстѣ или по полгоры, тутъ можно и у трехъ деревень однимъ инструментамъ бытъ, а лежать въ той деревнѣ, которая въ серединѣ изъ тѣхъ, и чтобъ лежали не на улицахъ, но на дворахъ у десятниковъ, какъ крючья и вилы, такъ и лѣстницы. Буде же которыя деревни отъ другихъ или отъ моихъ дворовъ удалыи, тамъ держать особливыя инструменты такіе жъ. И для такихъ случаевъ опредѣлять, изчисляя по припорціи деревни, кому съ чьмъ на пожаръ бытъ, и чтобъ все было поголовно. А понеже у мужиковъ избы и протчее строенье кроется обыкновенно соломою, того ради надобно при тѣхъ инструментахъ бытъ граблямъ желѣзнымъ широкимъ для стаскиванья соломы, которыя насаживать на длинныя шесты, такъ какъ и крючья—и сіе дьлать на крестьянскія деньги, понеже то не для меня, но для ихъ общей пользы. Сверхъ того во всѣхъ деревняхъ для домовъ моихъ сдѣлать особливые пожарныя инструменты, а именно: во всякомъ домѣ по два крюка, по двой вилы и по двой грабли; и чтобъ насажены были на длинныя шесты и готовы лежали; также и лѣстницъ по двѣ или по три, что приставляются къ хоромамъ. Также вездѣ въ деревняхъ въ домахъ моихъ поставить въ пристойныхъ мьстахъ у воротъ, или гдѣ удобнѣе, караульныя высокія на четырехъ столбахъ, и сверху покрыть дранью или тесомъ, также и на верху, гдѣ стоятъ караульному, съ сторонъ забрать до половины кровли досками для защиты отъ погоды. И чтобъ на той караульнѣ, какъ ночью, такъ и въ день, часовой былъ — въ лѣтнее время въ день изъ конюховъ, а по ночамъ и зимою изъ крестьянъ караульные. И понеже у насъ въ Васильевскомъ и въ Никольскомъ довольно есть колоколовъ того ради выбрать колоколъ, который всѣхъ больше изъ Васильевскихъ или изъ Никольскихъ, и отослать въ Батыево, и вельтъ повѣсить на караульнѣ. Также въ Васильевскомъ, въ Никольскомъ и въ Петинѣ изъ среднихъ колоколовъ на моемъ дворѣ держать всегда на караульняхъ по одному колоколу. Сіе сдѣлано не для того, чтобъ часы бить въ колоколъ, но для пожаровъ и для плутовъ; —

и для того въ колокола часовъ отнюдь не велеть бить, но въ доску или бревно, дабы всякъ могъ знать, что въ колоколъ не даромъ бьютъ. Также обычай у насъ въ деревняхъ сторожамъ быть на нашихъ дворахъ, которые приходятъ съ одними голыми руками, что весьма запретить, и приказать, чтобъ во всѣхъ деревняхъ приходили на сторожу съ копьями или съ рогатинами, и на часахъ бы отнюдь безъ того не стояли. А для карауловъ или сторожу купить несочные часовые стеклянные часы и разслать по всѣмъ деревнямъ. Также купить на мои деньги завѣсныхъ пищалей гладкихъ такихъ же, какъ выше показано, и раздать конюхамъ, и сверхъ того давать имъ въ годъ по фунту пороху и по фунту свинцу на человѣка, и приказать прикащикамъ, чтобъ они учили ихъ стрѣлять въ цѣль, чего и самому смотрѣть; однакожь, конюховымъ пищаламъ лежать всегда у прикащика, а не у нихъ по избамъ.

Пунктъ VIII. *О умноженіи хлѣба, и о пашняхъ, и о пробѣ сѣву, и о учрежденіи земли.*

Надлежитъ въ деревняхъ прилежно смотрѣть, чтобъ умножить хлѣба; того ради, гдѣ возможно, прибавить пашни больше. А въ которой деревнѣ будетъ сѣмянной хлѣбъ какой худъ, или какихъ сѣмянъ нѣтъ, то купите на сѣмяна хорошаго хлѣба. И во время работы надъ мужиками неоплошно смотрѣть, и какъ приспѣетъ время пашни и сѣву, то самому въ пашнѣ и въ сѣнныхъ покосахъ смотрѣть, чтобъ не пропускали удобнаго времени къ работѣ. А понеже у насъ земли старья и почти вездѣ выпахались, отчего и хлѣбъ родится худо, и хотя бы и довольно кладенъ на землю навозъ былъ, но уже и то мало помогаетъ. Также и та худоба у насъ, что рѣдко сѣютъ хлѣбъ: ржи на десятину по четверти, овса по полторы, ячмени по полторы, пшеницы по четверти; для того опробовать такъ, какъ въ прочихъ мѣстахъ сѣютъ: во всѣхъ деревняхъ яроваго и аржанаго посѣять по мѣрной десятинѣ, унавозить и выпахать гораздо и посѣять вдвое, а по другой десятинѣ въ полтора противъ прежняго. Еще нѣкоторые домостроители сыскали способъ, отчего земля такъ родитъ хлѣбъ, какъ бы новая;

и сіе не великаго труда требуетъ, а именно: въ осеннія времена, когда уберутся сѣнолы, заготовливать гораздо больше прутнику, какое бѣ дерево ни было, и изрубя помельче и связавъ какъ фашины вяжутъ, возить на поле и класть въ копны величиною такъ какъ сѣнные; и чтобъ одна копна отъ другой не рѣдко была, напримеръ, сажень по десяти или по пятнадцати, и такъ чтобъ чрезъ зиму тотъ хворостъ въ копнахъ лежалъ. Также когда станетъ листь пасть съ деревъ, вельтъ оный собирать, также и иголки еловые и сосновые, сколько возможно, и возить на дворъ и класть въ навозъ вмѣсто соломы; тутъ же мѣшать и солому. И для того всегда готовить листь больше, для котораго сдѣлать нарочныя мѣста во всѣхъ деревняхъ, и вельтъ оплестъ плетнемъ, только чтобъ вѣтромъ не разносило, а сверху не надобно покрывать; и тако и солому отъ того подспорье будетъ. И когда весною сойдетъ снѣгъ и приспѣетъ время возить навозъ, тогда тѣ копны съ хворостомъ сжечь вдругъ и потомъ класть въ навозъ. Также готовить и подъ ржаной сѣвъ, чтобъ хворостъ лежалъ черезъ зиму; и когда придетъ время возить навозъ, дѣлать такимъ же образомъ, какъ выше показано. А у насъ, по благодати Божіей, во всѣхъ деревняхъ есть довольно лѣсовъ, и можно сіе безъ великаго труда дѣлать; еще и та изъ того прибыль будетъ, что лѣса будутъ подчищены, и могутъ прибавляться годъ отъ году и сѣнные покосы. Однакожъ вынѣшній годъ надобно для пробы во всѣхъ деревняхъ положить по три десятины съ фашинами, и такъ сжечь, какъ выше показано; а листь и еловыя и сосновыя иглы дѣлать и безъ пробы неотмѣнно. И для того буде удастся, что хворостъ жженный поможетъ, то можно по вся годы роши подчищать: одинъ годъ ту, а на другой другую рошу; также и пахотку вели подчищать, понеже еловой и сосновой хворостъ чаю лучше будетъ другаго. Притомъ же и крестьяномъ позволеніе дайте подчищать сучья, только того накрѣпко смотрите, чтобъ деревъ, кромѣ сучья, не рубили. И когда будутъ пахать, надобно прилежно смотреть, чтобъ земля была глубже пахана, и потомъ мелко перепажана и выборонена, чтобъ комьевъ большихъ не было: понеже въ томъ нѣтъ пользы, что хотя и много напахано, а плохо,—отчего и

труды и хлебъ теряемъ напрасно; того ради надлежитъ за пашнею гораздо прилежно смотрѣть, понеже сіе всему фундаментъ.

Пунктъ IX. *О расположении по числу мужеска и женска полу крестьяномъ тягла, и о расположении по тягламъ земли, и о смотрѣннѣ, чтобъ у нихъ земля пуста не лежала и въ наймы бѣ никто не отдавалъ, и чтобъ у каждаго тягла меньше двухъ лошадей не было.*

Понеже у насъ въ деревняхъ тягла именуются не однимъ званіемъ: инде называются деньги да полушки, а инде осмаки и протчія званія, что все во всѣхъ деревняхъ оставить, а называть и писать *тяглами*, изчисляя людей въ цѣлое тягло, чтобъ было два человека работниковъ мужескаго полу и двѣ женскаго; а работниковъ счислять—мужеской полъ отъ двадцати лѣтъ, а женской, какъ замужъ выйдеть. Токмо того прикащикамъ, а сверхъ того накрѣпко и вамъ смотрѣть, чтобъ холостыхъ выше двадцати лѣтъ не было. И понеже мужики, не хотя на себя брать участія тягла, для того долго нѣкоторые не женятся; однакожъ, женатъ онъ, или нѣтъ, не смотря на то, токмо когда которому двадцать лѣтъ, накладывать на него полтягла. И повиненъ всякой, имѣя цѣлое тягло, вспахать моеи земли двѣ десятины въ полъ, а въ дву потому жъ мѣрныя; а именно: всякая десятина восемьдесятъ сажень длиною, а сорокъ сажень поперечнику. А которая земля учреждается подъ мелкой хлѣбъ: подъ пшеницу, подъ горохъ, подъ конопля, подъ макъ, просу, рѣпу и ленъ,—оную пахать и собирать всѣмъ поголовно, кромѣ положенной на нихъ десятинной пашни. Такожъ на каждое цѣлое тягло уравнивать земли крестьяномъ ихъ собственныя во всѣхъ деревняхъ: когда тягло вспашеть на меня двѣ десятины въ поле, то надобно, чтобъ собственной ему земли было на всякое тягло противъ того вдвое, которую не запуская конечно, повиненъ всякой крестьянинъ самъ для себя вспахать и всю землю посеять, не отговариваясь тѣмъ, что посеять нечѣмъ или не на чѣмъ пахать, понеже на то имъ опредѣляется ссуда. И тако всѣми мѣрами лѣнниковъ къ тому принуждать и накрѣпко того за ними смотрѣть, чтобъ у нихъ земля напрасно пуста не лежала. И есть много такихъ, которые, имѣя

землю и лѣнся работать, отдають изъ оной половину или и больше внаймы, что весьма запретить во всѣхъ деревняхъ. И того нарочно смотрѣть, подѣ кѣмъ цѣлое тягло, и чтобъ у него меньше двухъ лошадей конечно не было, а у кого больше, то и лучше. Токмо еще есть такіе плуты мужики, что нарочно, хотя бы онъ могъ и три лошади держать, однакожь держать одну, и ту бездѣльную, чтобъ только про себя ему самую нужду вспахать, безъ чего пробить нельзя; и хотя бы и невѣиной хлѣбъ вѣтъ, только бы меньше работать ему.

Пунктъ X. О отбиранин съ 725 году по вся годы изо всего десятой части, и о продажѣ онаго, и о употребленіи изъ тѣхъ денегъ на всякія церковныя утвари, и на содержаніе престарѣлыхъ, и увѣчныхъ, и дряхлыхъ, и вдовъ, и сиротъ.

Съ нынѣшняго 1725 году начните во всѣхъ деревняхъ отбирать десятую часть изъ всего, что въ которомъ году отъ всѣхъ плодовъ Всевишній Богъ милостиво подастъ намъ, а имянно, что родитца какова хлѣба, что родитца лошадей и всякаго скота и птицъ; также что придетъ оброчныхъ мельничныхъ и за отдаточныя земли денегъ, всякой приплодъ, какъ выше показано. Хлѣбъ, какъ скоро съ поля уберуть, десятой снопъ особливо отбирать и, обмолая прежде другова, сыпать въ особую житницу; мелкой скотъ и птицъ, когда выростуть, отбирать лучшее особливо жъ, и продавать; а лошадей и рогатую скотину отбирать такимъ образомъ, напримеръ: если въ нынѣшнимъ годѣ родилось шесть жеребчиковъ, оставьте такъ; а на другой годъ, когда начнутъ кобылы жеребитца, то перваго и другаго и третьяго пропустить, а когда четвертый родитца, то и будетъ десятой, котораго запятнать особливимъ даннымъ на то пятномъ. Такимъ же образомъ отбирать и телятъ и тѣхъ десятого числа (какъ выше сказано) лошадей, жеребецъ или кобыла будетъ. Когда которой лошади исполница пять лѣтъ, на шестомъ году продавать, приведши въ Москву; а быковъ и коровъ такихъ же пятнанныхъ продавать въ деревняхъ, перекормя два года на третьемъ. И оныя деньги и протѣе за хлѣбъ и за скотъ и за птицы, также и съ денежныхъ приходовъ—сообщать вмѣстѣ съ особливою запискою, сколько отчего собралось. И изъ тѣхъ

денегъ содержать въ деревняхъ церкви, а имянно въ которой церкви какой недостатокъ, или въ книгахъ, или гдѣ сосуды оловянные, то вмѣсто тѣхъ купить серебрянные; также естли нужда въ священныхъ одеждахъ, и буде понадобится паникадилы, подсвѣшники, лампы, — то все исправлять; на тѣ жъ деньги покупать вино церковное, свѣчи, ладонъ, муку крупичетую на просвиры; изъ тѣхъ же денегъ давать ружныя деньги священникомъ и прочимъ причетникамъ. А что за тѣмъ останется, изъ того содержать престарѣлыхъ и увѣчныхъ и дряхлыхъ тѣхъ, кои никакой работы не могутъ работать, о которыхъ въ 12 пунктѣ слѣдуетъ, а имянно: покупать имъ платье и пищу, дабы кромѣ хлѣба и каша была съ масломъ. Также изъ тѣхъ денегъ содержать и сиротъ, одѣвать ихъ и на тѣ деньги учить, также бѣдныхъ вдовъ и дѣвокъ, о которыхъ въ 12 пунктѣ показано; выдавать приданное, награждая изъ тѣхъ же денегъ по разсужденію, а имянно: давать, когда денегъ такихъ мало, то рубли по два; а когда случитца довольно, давать и до пяти рублей, дабы женихи такихъ бѣдныхъ и сиротъ лутче охотилися брать; однако жъ съ симъ награжденіемъ не за чужихъ, но за своихъ выдавать. И тому всему имѣть по вся годы особливья, какъ приходныя, такъ и расходныя книги. А что за всеми тѣми вышеупомянутыми расходами оставатца будетъ, въ иные расходы ни въ какія нужды не держать, развѣ когда необходимая нужда будетъ требовать, брать подъ образомъ займовъ; а когда получены будутъ иныя деньги, тотчасъ паки въ ту сумму возвращать. И что такихъ денегъ въ приходѣ, въ расходъ и за расходомъ оставатца будетъ — присылать по окончаніи года ведомости однава въ годъ по вся годы.

Пунктъ XI. *О смотрѣннн, чтобъ въ деревняхъ убогіе и сироты по міру не скитались, и ежели такіе явятся, какъ съ ними поступать.*

Во всѣхъ деревняхъ накрѣпко смотрѣть, чтобъ престарѣлые какъ мужеска, такъ и женска полу по міру не скитались, также и сироты безъ призрѣнія не бродили и не лятали, но обучались бы работать всякъ по своей возможности и до силѣ. И для того ведѣть такихъ нищихъ престарѣлыхъ

и сиротъ, также и убогихъ вдовъ во всѣхъ деревняхъ переписать особливо, и потому самому съ прикащиками и старостами пересмотрѣть, и которые явятся, что они могутъ работать, тѣхъ отдавать въ работу своимъ крестьяномъ, которые заживные, и велѣть ихъ кормить и одѣвать, понеже они чужихъ наймутъ же себѣ въ работу. Буде же тѣ нищіе бродятъ для того только по міру, чтобъ туне ѣсть хлѣбъ, а не работать, такихъ насильно къ работѣ принуждать и наказывать; и когда будутъ жалобы приносить тѣ хозяева на нихъ, что они работаютъ лѣнцѣ, такимъ чинить жестокое наказанье, повеже и законъ Божій учить, дабы никто туне хлѣба не ялъ. А кому такіе нищіе въ работу и въ пропитаніе розданы будутъ, имѣть тѣмъ особливья книги; а другихъ, естли некому отдать или нужда моя требуетъ, брать на мой дворъ и кормить моимъ хлѣбомъ и одѣвать, только того смотрѣть, чтобъ туне никто не ялъ хлѣба.

Пунктъ XII. О приниманіи престарѣлыхъ и увѣчныхъ и сиротъ на мой дворъ и о призрѣніи ихъ кормомъ и одежею, а которые безродныя, а молодые, оныхъ по возрастѣ куда опредѣлять.

Буде явятся дворовые или крестьяня такіе престарѣлые, что уже они никакой работы работать не могутъ, или, кромѣ старости которые слѣпы, или хромы такъ, что ходить не могутъ, или безрукіе и не могутъ никакъ себя пропитать, кромѣ одной милостыни, а не имѣютъ у себя ни родственниковъ, ни свойственниковъ, и хотя и имѣютъ, но они ихъ пропитать конечно не могутъ, такихъ всѣхъ брать на мой дворъ и кормить ихъ моимъ хлѣбомъ, какой гдѣ Богъ дастъ. Сверхъ того приказать и самому конечно смотрѣть, чтобъ ходили за ними дѣловыя бабы и обмывали ихъ и покомили. Имъ же давать въ годъ по двѣ рубашки, а въ два года по сермяжному кафтану да по двѣ овчины на безрукавные полушубки, и по шапкѣ; и сіе со всякимъ прилежаніемъ дѣлать и исполнять, понеже въ томъ состоитъ христіанская должность, и вы дадите отвѣтъ въ томъ, гдѣ того не сдѣлано хотя одному какому будетъ. Между тѣмъ чаю вездѣ есть довольно одинокихъ и безтяглыхъ холостыхъ ребятъ (или

и впредь гдѣ будутъ), которые отъ младенчества и до возраста скитаютца по міру, такихъ брать на мой дворъ (ежели крестьяня свои не возьмутъ въ работу), и велите работать имъ всякую крестьянскую работу на моихъ лошадяхъ, и одѣвать ихъ и кормить и за нихъ платить подати подушныя, и которые годные явятца, тѣхъ опредѣлять въ конюхи, а за тѣмъ кои останутся, а пожелаютъ крестьяня принять къ себѣ въ домъ въ семейство, такихъ выпускать въ крестьяны и женить, а протчихъ держать и для того, если случитца поборъ въ солдаты, то вмѣсто того, что у крестьянъ дѣтей брать съ тягъ, отдавать изъ нихъ въ солдаты, и сіе держать секретно, дабы они не вѣдали.

Пунктъ XIII. О безродныхъ дѣвкахъ и вдовахъ, и о ихъ довольствѣ, и о замужествѣ, и о смотрѣннн, чтобъ у крестьянъ работниковъ постороннихъ не было, а брали бѣ вмѣсто того своихъ.

Которыя будутъ безродныя дѣвки, а хотя и съ матерями, но если такія матери, что и сами себя прокормить не могутъ, а не същутся изъ крестьянъ кто бы въ работу взять могъ ихъ и прокормить, такихъ дѣвокъ брать на мой же дворъ и до возрасту кормить (только чтобъ даромъ хлѣба не ѣли), и когда приспѣетъ къ замужству, выдавать за конюховъ и за крестьянъ своихъ, кромѣ тѣхъ, коихъ отдавать въ солдаты. А когда не будетъ у себя жениховъ такихъ, выдавать и въ чужія деревни, имая за нихъ выводъ. А сколько который годъ на сторону и у себя выдано будетъ, о томъ писать являно, кто она такова и куда выдана; тожъ чинить и со вдовами молодыми безродными и одинокими, которыя похотятъ замужъ; однакожъ, въ пропитаніи того крѣпко смотрѣть, если у кого никакихъ свойственниковъ нѣтъ, чтобъ оныя могли ихъ пропитать, такихъ на мой дворъ для пропитанія брать, а буде у кого есть хотя малое свойство, такихъ и въ неволю свойственникамъ отдавать въ работу. И для того на крѣпко во всѣхъ деревняхъ заказать, чтобъ крестьяня отнюдь чужихъ работниковъ, или по ихъ званію батраковъ и казаковъ, также и работницъ не наймывали, а брали бѣ вмѣсто того своихъ крестьянъ и крестьянокъ.

Пунктъ XIV. *О пересматриваніи по вся годы бѣдныхъ крестьянъ, кто какимъ образомъ оскудалъ, и при томъ о ссудѣ, и какъ содержать лѣнницевъ и наказывать, и ежели ссуда и наказанье не поможетъ, брать на мой дворъ и опредѣлять въ конюхи и содержать ихъ въ непрестанной работѣ.*

По вся годы свидѣтельствовать бѣдныхъ мужиковъ, отчего онъ обдѣнялъ, и ежели не отъ лѣности, не отъ пьянства припала ему скудость, такихъ ссужать хлѣбомъ всякимъ, освидѣтельствовать, подлинно ли скуденъ; и когда потомъ поспѣетъ хлѣбъ, оной данной ему отъ него взять, а прибыль ему отдать. И такъ во всехъ деревняхъ ссужать крестьянъ; также хотя которые отъ своего непотребства и отъ лѣности обнищали, и тѣхъ ссужать, однакожъ съ наказаніемъ, дабы впредь даромъ хлѣбъ ѣсть не повадно было. Буде же и за тѣмъ себѣ пользы не сдѣлаютъ, то такихъ брать въ конюхи или въ пашенную работу на мой дворъ, и такихъ лѣнницевъ или непотребцовъ кормить мѣсячиною невѣрнымъ хлѣбомъ, и чтобъ онъ былъ въ непрестанной работѣ, а подати за нихъ моими деньгами платить.

Пунктъ XV. *О свидѣтельствѣ крестьянъ противъ переписи, всѣ ль написаны, и осмотрѣть, чтобъ не было у нихъ чужихъ крестьянъ, и о платежѣ податей, не запуская въ доимку, и о платежѣ за нужныхъ крестьянъ податей изъ моихъ денегъ, и о уравненіи крестьянъ въ податяхъ.*

Во всехъ деревняхъ освидѣтельствовать, сходна ль перепись противъ указу, и нѣтъ ли гдѣ утаенныхъ душъ, или не явитца ль чужихъ какихъ; и ежели, паче чаянія, гдѣ явятца, оныхъ объявить, гдѣ надлежитъ; и кто утаилъ или принималъ чужихъ и держалъ прикащикъ или староста, тѣхъ отдавать туда жъ къ розыску. И смотрѣть, чтобъ нигдѣ въ деревняхъ моихъ не было пришлыхъ чужихъ бѣглыхъ, не токмо семейныхъ, но и холостыхъ, которыхъ крестьяне нанимаютъ для скотины, что вездѣ весьма запретить, чтобъ не принимали; а кто принималъ, тѣхъ приводить въ города жъ и съ тѣми бѣглыми, и просить, чтобъ имъ учинено было по указу наказанье. Буде же гдѣ провѣдаете моихъ за кѣмъ

бѣглыхъ крестьянъ, то посылать туда или самому стряпчему ѳздить, и поступать приказными порядки, какъ надлежитъ по указамъ. Такожъ накрѣпко смотрѣть, чтобъ подати конечно всѣ съ деревень плачены были, не запуская годъ за годъ. А ежели гдѣ крайняя нужда, то хотя нѣсколько платить за нихъ и изъ моихъ денегъ; а съ крестьянъ собирать тѣ деньги исподоволь. И хотя нынѣ и учинена подушная перепись и собираются подати поголовно, однакожъ есть нѣкоторые мужики въ семьяхъ многолюдны, а зѣло бѣдны, къ тому жъ и дѣтей имѣютъ малолѣтнихъ, а другіе заводные имѣютъ у себя мало въ семьѣ мужеска полу: того ради, естли не верстая противъ ихъ тяголь, а платить подати съ головъ, такъ что у кого въ семьѣ есть мужеска полу, то конечно семьянистые и бѣдные въ одинъ годъ пропасть могутъ, а та подать вся ляжетъ на однихъ оставшихъ; и тако и послѣдніе принуждены будутъ нищими быть, и оставя свои дома бѣжать. Того ради надлежитъ вамъ съ стряпчимъ, съ прикащиками и притомъ съ добрыми мужиками положить во всѣхъ деревняхъ противъ подушнаго оклада, разложя по тягламъ, а не съ душъ собирать подати и платить по исчисленію душъ.

Пунктъ XVI. О переписи по вся годно въ генварѣ крестьянъ мужеска и женска полу съ ихъ пожитками, и какое кто ремесло имѣетъ, и что на меня и на себя тотъ годъ посѣялъ, и что заплачено податей, и что противъ переписи прибыло или убыло людей, и что кому идетъ дворовымъ мѣсячины, и кто что работаетъ, и о присылкѣ о томъ въ домостей.

По вся годы во всѣхъ деревняхъ въ генварѣ переписывать крестьянъ всѣхъ по дворамъ: кто онъ имянемъ, и сколькихъ лѣтъ, и женатъ, или вдовъ, и что у него дѣтей мужеска и женска полу, и въ каковы лѣта, и что онъ платилъ государственныхъ податей въ прошломъ годѣ, и сколько имѣетъ скота, а именно: лошадей, коровъ, овецъ и свиней; и что подъ нимъ тягла, и сколько какова хлѣба онъ себѣ въ годъ посѣялъ, и что моею вспахалъ пашни; и только ли одною пашнею кормится, или какое имѣетъ ремесло, или подъ какой извозъ въ прошломъ году или въ работу наймывался, и гдѣ.

И такія подлинныя книги держать вамъ у себя, а съ нихъ такія жъ ко мнѣ присылать по вся годы, подписывая подѣтми книгами перечни, напримѣръ, сколько въ Батыевъ дворовъ, и что въ нихъ мужеска полу и женска душъ, и сколько работниковъ, и что въ томъ числѣ малолѣтвыхъ, и сколько всѣхъ тяголъ, и что со всѣхъ заплачено государевыхъ податей въ томъ прошедшемъ году, и сколько душъ прибыло или убыло противъ нынѣшней переписи. Также присылать книги имяныя и дѣловымъ людямъ: кто въ которой деревнѣ, въ каковы лѣта, и что за кѣмъ работы за самимъ и за дѣтьми, и что гдѣ платится съ нихъ въ которой деревнѣ податей, и сколько противъ нынѣшней переписи прибыло или убыло, и что у кого собственной его скотины, и что кому идетъ мѣсячныя. По тому жъ писать дѣловыхъ вдовъ и дѣвокъ, съ лѣтами, и что у которой скотины и прочего моего вручено.

Пунктъ XVII. О смотрѣніи въ Никольскомъ, въ Васильевскомъ, въ Батыевъ и въ Петинъ лѣсовъ и о выборѣ для смотрѣнія нарочныхъ крестьянъ.

Въ Никольскомъ, въ Васильевскомъ и въ Батыевъ выбрать добрыхъ мужиковъ, изъ престарѣлыхъ или увѣчныхъ по челоуку, и въ мѣсто работы велѣть осматривать лѣса и беречь отъ постороннихъ, также и своимъ приказать вездѣ, чтобъ кромѣ самой крайней нужды не рубили. А особливо смотреть, чтобъ продажи постороннимъ и поноровки не было; и ежели чьихъ застанутъ въ лѣсу, то бѣ ловили и приводили въ городъ, и рубленный лѣсъ записывать, и ѣздить туды стряпчему и бить челомъ гдѣ пристойно, а въ небытность стряпчаго ѣздить тебѣ. А своимъ крестьяномъ прикажите, чтобъ рубили тамъ, гдѣ съ другими смежно, а отъ двора далѣ, и то чтобъ съ позволенія прикащика, старостъ и выборныхъ. И того за ними смотреть, чтобъ смолы и дегтю на продажу не сидѣли изъ надобнаго и стоячего лѣсу; однакожъ, чтобъ и то безъ позволенія вашего, такожъ прикащиковъ, старостъ и выборныхъ не дѣлали и ничего не рубили, кромѣ дровъ. Также для смотрѣнія лѣсу опредѣлить одного и въ Петинъ.

Пунктъ XVIII. О строеніи во вѣсѣхъ деревняхъ, а особливо чтобъ въ Батыевъ и въ Васильевскомъ, конюшенъ и лошадиныхъ

сараявъ, и о перестройкѣ, въ Батыевѣ хоромѣ, и чтобъ покрыты были дранью, и о дачь чертежа.

Всякое строенье во всѣхъ деревняхъ, паче же конюшенные дворы и скотскіе сараи, есть инде что лѣтъ по пятидесяти какъ построены, а не перебираны, понеже такъ водится: до тѣхъ мѣстъ не перебирають и не починивають, какъ уже все упадутъ, да къ тому жъ кого нибудъ еще и задавить, то уже стануть перебирать. Того ради вездѣ всякое строенье, не дожидаяся того, заранѣе перебирать и починивать, а паче укрѣплять фундаментъ, также и кровли плотнѣе крыть. И хотя въ одинъ годъ не безъ труда, однакожъ, конечно, въ два года въ Батыевѣ и въ Васильевскомъ конюшни и лошадиные сараи чтобъ все дранью покрыты были, понеже отъ соломы уже была видимая бѣда такая, что можно было и всѣмъ лошадямъ погорѣть, и для того во Васильевскомъ велѣть довольное число наготовить драни, а въ Батыевѣ, гдѣ способнѣе, тамъ смѣтаться, сколько потребно и лубья купить и въ пристойномъ мѣстѣ положить до зимы, и дождався пути перваго зимняго, перевозить. Но ежели только одною дранью и лунками сараи и конюшни покрыты будутъ, а подволоки или потолокъ не будетъ, то не будетъ тепла. Буде же дѣлать подволоки изъ досокъ, то станеть зѣло дорого. Того ради, когда станете перебирать конюшни или сараи, подрубливать фундаментъ новымъ лѣсомъ, и когда придетъ дѣло подъ кровлю, тогда класть чаще переклады: одинъ отъ другога по аршину, а по крайней мѣрѣ по полтора; и у перекладовъ сверху круглость стесывать четвертую часть бревна. Также чаще подъ нихъ ставить крѣпкіе подставы, а именно пропусая два переклада, подъ третьимъ подъ каждымъ по два столба или подстава, утвердя шипами въ перекладъ. И на тѣ переклады класть плетневья подволоки, а плетень изъ самаго мелкаго прутья, оплетая около жердокъ какъ показано, сколько можно чаще, и класть приводя край на переклады, и всякой плетень по краямъ прибивать къ перекладамъ чаще деревянными гвоздьми, и потомъ сверху сплошь въмазать глиною, чтобъ гладко было, а глину мѣшать съ сѣчкою изъ яровой соломы. И подволоку до стѣнъ не допускать на пол-аршина или четверти на три, чтобъ можно было сѣно

сверху опускать въ рѣшетки, и для того по краямъ подволоки класть бревна или брусья во весь сарай, и въ него вдабливать колья вышиною аршина по полтора, и колья отъ кола чаще, и около колеьевъ оплестъ плетнемъ же, чтобъ сѣно само собою не валялось. И то сдѣлавъ, крыть кровлю, оставляя не малыя двери, куда подъ кровлю складывать сѣно, которое класть по срединѣ, а на подлѣ самихъ плетней, дабы подлѣ плетней свободно было людямъ ходить и метать оттуда сѣно въ рѣшетки. И гдѣ ходить людямъ подлѣ плетней, тутъ класть доски или лубья, чтобъ по тѣмъ доскамъ ходить, а не по подволокамъ плетневой. А какъ перебирать въ Батыевъ конюшню и сарай, и куда переставить хоромы, тому при семъ прилагается чертежъ (*).

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ.)

Читатели удивятся, когда узнаютъ, кому принадлежить эта въ высшей степени замѣчательная для своего времени, и по языку, и по содержанію, инструкція 1724 года. М. П.

(*) Въ подлинникѣ чертежа нѣтъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

мѣсяцословъ на 1854 годъ. С. и. б., въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. Стр. 312 и XX.

«Благословиши вѣнецъ лѣта благодати твоея Господи!»

Календарь нашъ съ нѣкотораго времени улучшается болѣе и болѣе. Дѣлится онъ попрежнему на VII частей: I. Свѣдѣнія церковныя, II. Астрономическія, III. О естественныхъ событіяхъ, IV. Статистическія, V. Историческія, VI. Почтовые, VII. Равныя свѣдѣнія, и 10 приложений разныхъ объявленій о періодическихъ изданіяхъ, книгахъ и проч. Существенное отличіе нынѣшняго мѣсяцослова отъ прошлогодняго состоитъ въ слѣдующемъ: онъ украшенъ тщательно гравированнымъ портретомъ Его Величества Государя Императора, шрифтъ книги красивѣе прежняго, по крайней мѣрѣ новѣе въ отливкѣ. Вновь *прибавлены*: «Таблица средней температуры разныхъ мѣстъ Россійской Имперіи», «Вѣдомости о посѣвѣ и урожаѣ хлѣба», «Таблица разстояній между станціями С. Петербурго-Московской желѣзной дороги», новыя таблицы о смертности и объ учебныхъ заведеніяхъ и три «Таблички платы за перевозку грузовъ и товаровъ между промежуточными станціями той же дороги. Почти всѣ прежнія статьи или составлены вновь, или измѣнены. Списокъ городовъ поверенъ весь по Почтовому дорожнику 1852 года. Генеалогія сличена съ генеалогіею готскаго календаря и дополнена свѣдѣніями, находящимися въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Хроника, составляемая изъ газетныхъ извѣстій, полнѣе хроники готскаго календаря. Изъ статей, въ сравненіе съ прошлогоднимъ, изъ нынѣшняго календаря *исключены* слѣдующія: въ IV-мъ отдѣлѣ: одностраничная табличка или «Списокъ губерніямъ и областямъ Европейской Россіи, по порядку ихъ населенности, въ 1846 году» (по Кеппену), и въ VII-мъ отдѣлѣ: «Правила для приѣма помѣщичьихъ крестьянъ въ учебно-хозяйственныя заведенія министерства государственныхъ имуществъ».

Ж. Д.

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

Однимъ изъ самыхъ примѣчательныхъ, изъ самыхъ важныхъ явленій въ области русской журналистики прошлаго года, мы считаемъ преобразование, или, лучше сказать, распространение *Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*. Высочайша повелѣнія, награжденія по службѣ, опредѣленія и перемѣщенія, министерскія распоряженія, объясненія недоразумѣній, встрѣчаемыхъ подвѣдомственными мѣстами, сроки отчетовъ—однимъ словомъ, все движеніе дѣлъ, вся почти жизнь министерства внутреннихъ дѣлъ передъ вашими глазами.

Въ октябрьской книжкѣ напечатано еще слѣдующее приглашеніе господина министра, которое служить вѣрнымъ залогомъ постепеннаго усовершенствованія этого журнала:

«Въ министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ получена записка, въ которой изъясняется желаніе, чтобы въ дополненіе къ свѣдѣніямъ, помѣщаемымъ въ семь журналовъ, издаваемыхъ для пособія и облегченія губернскихъ чиновниковъ, прежніе циркуляры министерства, до сего времени неизмѣненные, такъ-какъ многіе изъ нихъ, бывъ разосланы въ давнее время, частію утрачены, частію остаются неизвѣстными дѣлопроизводителямъ, въ особенности, если состоялись до поступленія сихъ послѣднихъ на службу.»

«Вслѣдствіе сего объявляется, что мысль эта возбуждена уже прежде въ Министерствѣ, и нынѣ составленъ полный сборникъ министерскихъ циркуляровъ, который теперь печатается, и въ непродолжительномъ времени будетъ разосланъ ко всемъ подвѣдомственнымъ министерству мѣстамъ и лицамъ. Темъ не менѣе, изъясняя автору записки признательность за сообщеніе сказанной мысли и сожалея только, что онъ счелъ нужнымъ скрыть свое имя, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ приглашаетъ всѣхъ состоящихъ въ вѣдомствъ его лицъ, доставлять ему свои предположенія, клонящіяся къ пользѣ службы и улучшенію сего журнала, присовокупляя, что всѣ такіа сообщенія будутъ принимаемы съ благодарностію и разсматриваемы со вниманіемъ.»

Пользуясь симъ приглашеніемъ, Москвитянинъ, по литературной части, осмѣлится предложить на первый случай слѣдующія два-три замѣчанія Журналу Министерства Внутреннихъ Дѣлъ:

1. Желательно, чтобы онъ сдѣлался вмѣстѣ и средоточіемъ всѣхъ губернскихъ вѣдомостей и указывалъ своимъ читателямъ ихъ статьи, а газетамъ пути къ ихъ улучшенію.

Разсматривая губерніскія вѣдомости, нельзя не удивляться ихъ различію: имѣя одинакія средства, одні богаты любопытными свѣдѣніями, другія не представляютъ ровно ничего. Строгое вниманіе министерскаго журнала будетъ, безъ сомнѣнія, имѣть на нихъ благотворительное вліяніе, и какаѣ польза проистечетъ тогда отъ нихъ и для самаго журнала, и для нихъ самихъ, и для литературы!

2. Желательно читать въ Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ подробныя извѣстія о разныхъ подвигахъ благотворительности, самоотверженія, мужества, благочестія, которыми такъ отличается святая Русь. Сухаго, оффиціального, форменнаго донесенія, которое нужно и важно въ своемъ мѣствѣ и въ свое время, бываетъ недостаточно для питанія народнаго чувства. Жизнь какого-нибудь Крашенинникова, подвигъ, подобный подвигу Марина, самопожертвованіе острогожскихъ героевъ, дѣятельность Гагина, посвятившаго себя на службу обществу (*), вотъ свѣдѣнія, коими бы украсился Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; и кто имѣетъ болѣе средствъ для ихъ собранія! Эти свѣдѣнія уравнили бы или даже изгладили бы впечатлѣнія отъ такъ называемыхъ примѣчательныхъ происшествій, къ коимъ будетъ относиться третье наше замѣчаніе.

3. *Примѣчательными происшествіями* искони называются у насъ смертоубійства, самоубійства, пожары, наводненія, различныя смертности. Кажется, отъ этихъ явленій пора бы отнять такое громкое имя и называть ихъ несчастными случаями, преступленіями и т. п.

Мы возвратимся еще не разъ къ Журналу Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а теперь представимъ только краткое обозрѣніе истекшаго полугодія.

Въ настоящее время Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ является и оффиціальнымъ органомъ министерства, и вмѣствѣ любопытною книгою для человека неслужащаго.

Первый отдѣлъ занимается чисто оффиціальною частію и содержитъ въ себѣ: 1) правительственныя дѣйствія по министерству Внутреннихъ Дѣлъ, 2) правительственный указатель по дѣламъ разнаго рода, касающимся вѣдомства этого министерства, 3) личный составъ министерства, и 4) объявленія.

Второй отдѣлъ составляютъ изслѣдованія и описанія.

(*) Касимовскій мѣщанинъ, 75 лѣтъ, скончавшійся въ 1844 году, о которомъ Москвитянинъ скоро сообщитъ подробное извѣстіе.

Третій предлагаетъ матеріалы для русской статистики.

Четвертый содержитъ въ себѣ современную летопись, общественныя событія и различныя примѣчательныя происшествія.

Пятый отдѣлъ—смѣсь.

Вотъ программа журнала; посмотримъ на ея выполнение; мы уже сказали, что преобразование журнала послѣдовало въ июль мѣсяцъ, и потому начинаемъ съ июльской книжки.

На первой страницѣ этой книжки видимъ мы рисунокъ, изображающій жителей Балтскаго уѣзда Подольской губерніи. Эта картина приложена не съ тѣмъ, чтобы украсить книгу, но съ очень похвальною цѣлю познакомить съ различными костюмами нашего отечества тѣхъ, которымъ не удалось оглядѣть ихъ самимъ. А многіе ли изъ насъ въ состояніи объѣхать всю нашу пространныю Россію?

Переходимъ къ самому журналу.

Официальная часть июльской книжки заключаетъ въ себѣ: 1) правительственныя дѣйствія по министерству Внутреннихъ Дѣлъ съ 22 октября 1852 года по 1 марта 1853 года, т.-е. появившіяся въ это время Высочайшія повелѣнія, сенатскіе указы и министерскія распоряженія. 2) Правительственный указатель. Здѣсь помѣщены указанія и напоминанія, дѣланныя правительствами по различнымъ дѣламъ. Указанія эти чрезвычайно полезны. Лице служащее, видя, что по такому-то случаю сдѣлано такое-то распоряженіе, будетъ руководиться имъ впослѣдствіи; а не прочти онъ Журнала М. В. Д., онъ и не звалъ бы объ этомъ, и, можетъ быть, сдѣлалъ бы ту же самую ошибку, которая уже замѣчена правительствомъ. 3) Личный составъ министерства В. Д. (съ 22-го октября 1852 года по июль 1853). Здѣсь поименованы всѣ лица, которыя опредѣлены вновь, назначены и утверждены въ должностяхъ по всему министерству. Польза этого поименованія неоспорима. Какъ часто случается иному необходимости обратиться къ какому-нибудь чиновнику министерства, а онъ и не знаетъ, кто именно занимаетъ эту должность. 4.) Объявленія, имѣющія цѣлю сообщить частнымъ лицамъ различныя свѣдѣнія, предлагають въ июльской книжкѣ свѣдѣнія о дворянскихъ выборахъ, о перевозѣ непогребенныхъ тѣлъ, о безмѣнѣ новаго устройства и объ изданіи Журнала М. В. Д. по новому плану.

Въ неофициальной части июльской книжки помѣщено *Лиманское отдѣленіе Одесской городской больницы съ очеркомъ Одесскихъ лимановъ вообще*. Статья чрезвычайно интересна. Печатныхъ свѣдѣній объ одесскихъ лиманахъ до сихъ поръ было такъ мало, что

публика не могла извлечь изъ нихъ для себя надлежащей пользы въ отношеніи къ врачебному ихъ употребленію. Предложенная же статья знакомить насъ съ этими лиманами во всей подробности. Здѣсь именуется всѣ самые замѣчательные лиманы, предлагается химическое разложеніе воды ихъ, описывается пользованіе лиманскими ваннами, водянными и грязными, и исчисляются болѣзни, къ которымъ они преимущественно помогаютъ.

Далѣе въ отдѣлѣ матеріаловъ для статистики Россіи помѣщена статья подъ заглавіемъ: *Романо-Борисоглыбскій уездъ Ярославской губерніи* (изъ работъ Ярославской статистической экспедиціи). Здѣсь описанъ сначала составъ уезда, его пространство и мѣстоположеніе, населеніе приписное и дѣйствительное, состояніе въ уездѣ сельскаго хозяйства, промыслы общіе уездному населенію, фабрики, заводы и другія промышленно-хозяйственныя заведенія.

Въ четвертомъ отдѣленіи, носящемъ заглавіе: современная лѣтопись, упоминаются *общественныя событія*: дворянскіе и городскіе выборы, посвященіе римско-католическаго епископа, и ир. и пр. Лѣтопись произрастенія хлѣбовъ и травъ въ Имперіи за первую половину 1853 года по каждой губерніи отдѣльно, и разныя примѣчательныя происшествія, какъ напр. наводненіе, землетресеніе, и т. п.

Въ Сѣвѣ говорится объ атласѣ Подольской губерніи, о примѣчательныхъ мѣстностяхъ въ Чериковскомъ уездѣ Могилевской губерніи, о послѣдней народной переноси въ Великобританіи. и т. п.

Въ концѣ приложены вѣдомости о привозѣ жизненныхъ припасовъ въ С.-Петербургъ по московской желѣзной дорогѣ, за май текущаго года, свѣдѣнія о количествѣ судовъ съ грузомъ, врибывшихъ въ С.-Петербургъ, и т. п.

Какъ видитъ самъ читатель, книжка полна самыхъ любопытныхъ и разнообразныхъ свѣдѣній.

Для полноты статьи сдѣлаемъ хотя краткое обзорніе и остальнымъ книжкамъ журнала за прошедшій годъ.

Въ книжкѣ, вышедшей за *августъ мѣсяцъ*, за официальной частью, занимающею 265 страницъ, слѣдуетъ статья объ *общественномъ хозяйствѣ С.-Петербурга*. Здѣсь предлагаются главныя статьи расходовъ и доходовъ города и разныя капиталныя работы, произведенныя въ последнее время.

За этимъ слѣдуетъ *Статистика пожаровъ въ Имперіи за 1852 годъ*.

Въ числѣ же матеріаловъ для статистики Россіи помѣщена статья о *городѣ Романовъ-Борисогльбскѣ*, Ярославской губерніи. Послѣ краткаго историческаго обозрѣнія, предлагается географическое положеніе города, его населеніе, замѣчательныя зданія (причемъ приложенъ рисунокъ, изображающій фасадъ и планъ Воскресенскаго собора), промышленность города, хозяйственно-промышленныя заведенія и правительственныя учрежденія.

Современная летопись въ этой книжкѣ приводитъ различныя общественныя событія, говоритъ о прозябаніи хлѣбовъ и травъ въ Имперіи за іюнь и іюль мѣсяцы, и объ общественныхъ учрежденіяхъ по вѣдомству министерства Внутреннихъ Дѣлъ, какъ напр. домъ призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ въ С.-Петербургѣ, Вологодскій городской банкъ, и т. п.

Въ Смѣси помѣщены свѣдѣнія о *цѣлебныхъ ключахъ въ Мещовскомъ уѣздѣ, ходѣ газоваго освѣщенія въ С.-Петербургѣ*, и т. п.

Въ началѣ книжки приложена карта Романова-Борисогльбскаго уѣзда съ означеніемъ всѣхъ селъ и другихъ примѣчательныхъ селеній.

Сентябрьская книжка открывается картиною, изображающей жителей Каменецкаго уѣзда Подольской губерніи.

Официальная часть содержитъ въ себѣ 107 страницъ. За нею слѣдуетъ весьма любопытная статья *объ устройствѣ полицейской и пожарной части въ городахъ*. Къ этой статьѣ приложены таблицы о числѣ полицейскихъ и пожарныхъ командъ, о стоимости ихъ содержанія, и проч., и проч.

Въ отдѣленіи, тракующемъ о матеріалахъ для статистики Россіи, помѣщена *историческая записка о городѣ Каменецъ-Подольскѣ*. Здѣсь весьма отчетливо прослѣжена судьба этого города отъ его основанія до нашего времени, и упомянуто о многихъ интересныхъ подробностяхъ его исторической жизни. Къ этой статьѣ приложенъ видъ каменецкаго замка.

Къ *октябрьской книжкѣ* приложенъ рисунокъ, изображающій жителей Ольгопольскаго уѣзда Подольской губерніи; одежда чрезвычайно красивая и совершенно не похожая на нашу московскую у простолюдиновъ, особенно у женщинъ.

Официальная часть занимаетъ 194 страницы.

Въ отдѣлѣ Исследованій и описаній встрѣчаемъ первую статью: *Объ устройствѣ ремесленнаго сословія и ремесленной промышленности*. Статья начинается описаніемъ историческаго происхожденія ремесленнаго сословія и устройства ремеслъ при Петрѣ В-

дикомъ. Далѣе говорится о правахъ и обязанностяхъ ремесленниковъ въ обществѣ устройствъ состояній, о правахъ и обязанностяхъ ремесленнаго гомовы, мастеровъ, подмастерій, о значеніи добросовѣстныхъ, и проч.

Въ Матеріалахъ для статистики Россіи помѣщена статья подъ заглавіемъ: *Медико-топографическое описаніе Гижитинскаго округа*. Здѣсь говорится о климатѣ и естественныхъ свойствахъ края, о его произведеніяхъ, животныхъ въ немъ живущихъ, о способѣ народнаго продовольствія, о составѣ населенія, о бытѣ туземцевъ, о ихъ пищѣ, одеждѣ, привычкахъ, болѣзняхъ и проч. Статья эта составлена охотскимъ окружнымъ врачомъ, лекаремъ I отд. Богородскимъ, читается весьма легко и заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ подробностей.

Во второмъ отдѣленіи ноябрьской книжки помѣщена вторая статья объ устройствѣ ремесленнаго сословія и ремесленной промышленности. Статья эта полна тѣхъ же любопытныхъ подробностей о ремесленномъ сословіи, какъ и первая, ей предшествовавшая.

Въ Матеріалахъ для статистики Россіи говорится о *эмарсамости по Имперіи отъ неосторожности* за 1852 годъ.

Въ Современной летописи говорится объ оборотахъ главнѣйшихъ ярмарокъ въ 1853 году, о дѣйствіяхъ общества страхованія скота, объ урожаѣ хлѣбовъ и травъ за сентябрь и октябрь мѣсяцы въ двадцати восьми губерніяхъ, и предлагается летопись учреждений по части общественной благотворительности и общественнаго призрѣнія. Весьма любопытно устройство и дѣйствія Французскаго благотворительнаго общества въ С.-Петербургѣ, описаніе частной больницы купца Калгина въ С.-Петербургѣ и Британское благотворительное общество.

Въ этомъ же отдѣленіи упоминаются замѣчательныя происшествія и свѣдѣнія о долгахъ и новомъ бюджетѣ города Парижа.

Самъ наполнена любопытными извѣстіями, за которыми отсылаемъ читателя къ самой книжкѣ. Замѣтимъ между прочимъ, что къ ней приложена карта Забайкальской области и Кяхтинскаго градоначальства, составленная подполковникомъ Заборинскимъ и исправленная по 1 января 1853 года.

Въ декабрьской книжкѣ официальной части посвящено 174 стр.

Въ Матеріалахъ для Статистики Россіи предложена ведомость о народонаселеніи Россіи по 9 народной переписи и дѣйствія страховыхъ отъ огня обществъ въ Россіи.

Въ Современной летописи говорится объ общественныхъ событіяхъ, объ урожаѣ хлѣбовъ и травъ, осеннихъ всходахъ за ноябрь мѣсяцъ, и объ учрежденіяхъ по части общественной благотворительности и общественного призрѣнія.

Въ этомъ же отдѣлѣ упоминается о пожарахъ, обрушившихся зданіяхъ, уродливыхъ рожденіяхъ и о колоніяхъ малолѣтнихъ арстантовъ, и особенно о Метрейской земледѣльческо-исправительной колоніи во Франціи.

Въ Смѣсь встрѣчаемъ свѣдѣнія о цѣлебныхъ водахъ Забайкалья, фабричную статистику города Костромы, и т. п.

Считаемъ не лишнимъ напомнить при этомъ читателю, что за 12 подобныхъ книжекъ съ подобными приложеніями онъ платитъ всего 7 руб 15 коп. серебромъ.

ВѢСТНИКЪ. ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ ИСПЫТАТЕЛЬНЫХЪ ПРИГОДЪ.

Журналъ этотъ, въ отличіе отъ издаваемыхъ до сихъ поръ *Извѣстій* и *Записокъ* общества (говоря словами объявленія редакціи), будетъ стараться передавать большинству свѣтскихъ читателей, любящихъ дѣльное чтеніе, свѣдѣнія, выработанныя частными изслѣдованіями воздѣльвателей наукъ и сообщать общедоступныя свѣдѣнія изъ всѣхъ отраслей естествознанія. Къ тексту, выдаваемому еженедѣльно въ величину листа, общаны объяснительные политипажи и каждая двѣ ведья большой отлично сдѣланный рисунокъ въ четвертку величины.

Намъ удалось видѣть первый номеръ этого журнала, который 2-го числа января будетъ раздаваться подписчикамъ. Какъ наружность, такъ и содержаніе этого листа вполне оправдываютъ ожиданія, возбужденныя объявленіемъ редакціи.

Первая статья носитъ заглавіе: *Гусиное озеро*. Въ этомъ номерѣ только начало ея, и потому говорить о ней будемъ мы по ея окончаніи; къ статьѣ приложена ситуационная карта, съ цѣлю облегчить чтеніе статьи. Вторая статья: *Листъ*. Очень жаль, что авторъ статьи не напечаталъ своего имени, и мы не знаемъ, кого благодарить за это дѣльное описаніе не всѣмъ извѣстной птицы, но замѣчательной какъ по своей наружности, такъ и по образу жизни.

Въ этомъ же номерѣ начало некролога Григорія Ивановича Фишера фонъ-Вальдгейма съ приложеніемъ его портрета.

Душевно радуемся появленію въ Москвѣ новаго, и, кажется, очень дѣльнаго журнала, и со всею искренностію желаемъ ему успѣховъ. — Мы забыли сказать, что портреты г. Фишера и политическія анста сдѣланы превосходно.

Исторія одессы, составлена К. Смольяниновымъ. Одесса, въ Городской типографіи. 1853.

Городъ Одесса занимаетъ важное мѣсто между нынѣшними городами нашего отечества, какъ по своему географическому положенію, такъ и по значительности его торговли. Мы съ удовольствіемъ прочли исторію этого народа отъ его основанія до нашихъ временъ, и рекомендуемъ ее читателямъ. Они увидятъ, какъ изъ Истрійской гавани III и IV вѣковъ и изъ незначительнаго селенія Качибей (Гаджибей) постепенно образовался городъ, имѣющій европейскую замѣчательность. Авторъ внимательно слѣдитъ за судьбою Одессы, не упуская ни одного лица, ни одного распоряженія правительства, способствовавшаго къ украшенію этого города, и подробно говорить о каждомъ событіи, имѣвшемъ значеніе въ жизни Одессы.

Въ концѣ книги приложенъ планъ города Гаджибея съ военною гаванью и пристанью для военныхъ судовъ, составленный въ 1794 году. — Трудъ въ высшей степени добросовѣстный и дѣльный, за который автору принадлежитъ по праву полная благодарность.

Словожанинъ. Малороссійскіе рассказы Григорія Данилевскаго. С. П. Б. въ типографіи И. Фишона. 1854.

Есть страны, надѣленные особенною поэтической судьбою. Таковы Италия, Испанія и Шотландія. Такова у насъ Малороссія. Ея поэтическая исторія, ея преданія и повѣрья, все въ ней составляетъ обильный источникъ для повѣствователя. Оттого-то тѣ изъ нашихъ писателей, которые обратились сюда за предметами для своихъ произведеній, нашли обширное поле для своего таланта. Воинственное Запорожье, гроза сосѣднихъ государствъ, и стойкая Гетманщина, отстоявшая, въ борьбѣ съ Польшою, и православную вѣру и русское имя, уже не разъ вдохновляли нашихъ писателей. Кто не помнитъ «Тараса Бульбу», гдѣ такъ живо изображена судьба Украйны въ XIV вѣкѣ? — Но не всѣ части Малороссіи равно привлекали вниманіе повѣствователей. Такъ нынѣшнюю Харьковскую губернію, или Слобожанщину, какъ ее называетъ г. Данилевскій,

не многие писатели избирали мѣстомъ дѣйствій своихъ разказы, между тѣмъ какъ и она можетъ быть предметомъ самыхъ оригинальныхъ наблюдений. — Къ этой-то забытой части Малороссiи и обратился авторъ разбираемой нами книги.

Г. Данилевскiй любитъ Малороссiю. Его привлекаетъ та связь комическаго съ поэзiей, которую представляетъ быть тамошняго народа. Еще болѣе: когда, отвлекаясь отъ разказа, онъ высказываетъ вообще взглядъ свой на Малороссiю, онъ видитъ въ ней гораздо болѣе поэзiи, чѣмъ комизма. Взглядъ столичныхъ жителей приводитъ его въ негодованiе. Въ «Введенiи» онъ старается доказать, какъ неверны господствующiя понятiя о степномъ помѣщикѣ. Нѣтъ, говоритъ онъ, «не медведи-степовики тѣ, которые бросаютъ Петербургъ для родной степи! Не медведи-степовики тѣ, которые, извѣдавъ свѣтъ, хозяйничаютъ и трудятся на клочкѣ родной земли! Не медведи-степовики тѣ, которые, выучившись, сами учатъ, и просвѣтятся, идутъ въ работѣ наравнѣ съ своими послѣдними работниками! Эти медведи, господа, прежде васъ выгнали плутовъ-прикащиковъ и сами воздвѣываютъ данную имъ Богомъ ниву! Они, господа, прежде васъ стали выкупать имѣнiя изъ долговъ, снятiе недонмокъ стали считать семейными праздниками, и, входя въ нужды крестьянъ, наполнять тишиною и счастьемъ свой домашнiй уголокъ! . . . » (Введенiе, стр. XVII—XVIII). — На тѣ оригинальныя явленiя, которыя несогласны съ его взглядомъ, г. Данилевскiй смотритъ, какъ на исключенiя. «Но эти-то исключенiя, прибавляетъ онъ, и любопытны, эти-то исключенiя и привлекательны, привлекательны потому, что въ наше время, болѣе, чѣмъ когда-либо, интересуются знать, какъ живетъ русскому человеку всюду, въ костромскихъ и орловскихъ лѣсахъ, на взморьяхъ и въ оренбургскихъ равнинахъ, въ городахъ и по великимъ русскимъ рѣкамъ, вездѣ, гдѣ русскiй духъ и Русью пахнетъ...» (Тамъ-же). — И такъ авторъ самъ предупреждаетъ насъ, что въ его книгѣ мы будемъ имѣть дѣло только съ исключенiями. — Не знаемъ, до какой степени вѣренъ взглядъ его на любимую имъ сторону, но не можемъ не пожалеть, что, въ своихъ разказахъ, онъ ограничился почти одними исключенiями. — Исключенiе особенно любопытно тогда, когда стоитъ подлѣ правила, и есть возможность сравненiя. Правило, когда дѣло идетъ о жизни, высказывается тоже не однообразно. Видѣть ту Малороссiю, которая, по мнѣнiю автора, составляетъ правило, которая, не забывая родныхъ обычаевъ, не чуждается однако просвѣщенiя, было-бы для насъ едва-ли не любопытнѣе, потому что, при всемъ желанiи знать Россiю, мы еще очень мало знаемъ ее. Конечно, оригинальныя исключенiя пред-

ставляют больше пищи для рассказчика; но все-таки нельзя не пожалеть, что, при такой любви къ Малороссіи, авторъ изобразилъ намъ въ своей книгѣ такъ мало настоящихъ ея представителей.

«Слобожане» состоятъ изъ слѣдующихъ семи рассказовъ: Степной городокъ, Маларь, Слободка, Дядушкинъ Домикъ, Хуторянка, Изюмскія Вечерницы и Пельтетепивскіе Панки. Скажемъ наше мнѣніе о каждомъ изъ этихъ рассказовъ.

Въ «Степномъ Городкѣ» рассказывается неудачное сватовство одного прѣзжаго. — Прѣзжайъ былъ человекъ характера тихаго и робкаго, и притомъ человекъ неловкій. Отправляясь на поиски за невестою, онъ попадаетъ въ одинъ домъ, гдѣ вовсе нѣтъ никакой невесты, но гдѣ хозяйнѣ, гордясь первымъ знакомствомъ съ новымъ лицомъ и не желая прекратить съ нимъ съ перваго-же раза своихъ сношеній, оставляетъ его на этотъ счетъ въ невѣдѣнности и старается найти ему невесту, чтобъ заслужить его благодарность. Другіе жители «Степнаго городка» были однако посвѣдѣе хозяйина. Съхватившись къ нему вечеромъ посмотреть на прѣзжаго и воспользовавшись временнымъ отсутствіемъ хозяйина, они спѣшатъ сообщить гостю объ отсутствіи невесты.... Дѣло однако кончается смѣхомъ и ужиномъ у прѣзжаго.

Читатель видитъ, что завязка не очень искусна. Намъ кажется, что авторъ слишкомъ много старался о комическомъ эффектѣ содержанія и не довольно объ его естественности. Нельзя сказать также, чтобъ характеръ главнаго лица рассказа, т.-е. прѣзжаго, былъ вполне выдержанъ. Эти недостатки выкупаются, впрочемъ, неподдельною веселостью, которая разлита во весь рассказъ, и нѣкоторыми частными описаніями, не лишенными живости и оригинальности.

Почти то же должно сказать и о второй повѣсти: «Маларь», которая рассказываетъ похождения двухъ разгульных Малороссовъ, случайно встрѣтившихся и подружившихся, также случайно появившихъ къ одному пану для временной работы и проводившихъ у него, по безпечности, всю остальную жизнь свою. Но по живости и оригинальности рассказа эта повѣсть гораздо лучше первой. Многія сцены не лишены истиннаго комизма и рассказаны живо. Таковъ рассказъ о встрѣчѣ малара съ будущимъ пріятелемъ (стр. 45—48), о покражѣ у малара лошади (стр. 55) и о возвращеніи домой прогуливавшагося на ярмаркѣ хуторянина. Последний особенно любопытенъ:

«Прѣзжаетъ такой хуторянинъ домой, чернобровая хозяйка ласково встрѣчаетъ его и сажаетъ за столъ. «Вотъ это-жъ тебѣ, милый Павлусю, или милый Явтусю, варенички, а вотъ это пшениные коржики! кушай на здоровьечко, а я тебѣ еще и горюлочки достану!»

Сидеть пропащій мужъ ни живъ, ни мертвъ, уплетаетъ молча вареники и коржики и не знаетъ, какъ ему и выпутаться изъ бѣды! «Ну говори-же, начинается взволнованная хозяйка: почему была пшеница на ярмаркѣ и почему бычки?» Мужъ, утирая усы, принимается рассказывать, почему была пшеница и почему бычки.— «Ну, а очипокъ купилъ ты мнѣ?» спрашиваетъ неровнымъ голосомъ хозяйка, наливая мужу горьлки. «Купилъ!» отвѣчаетъ мужъ. — У хозяйки душа готова уйдти подъ полъ. «Гдѣ же онъ?» спрашиваетъ хозяйка. «Тамъ!» отвѣчаетъ флегматически мужъ, махая рукою. «Гдѣ тамъ?»— «У купцовъ, на ярмаркѣ». — «Какъ у купцовъ, на ярмаркѣ?» «Также! пропала моя пшеница, пропали мои бычки!... Сижу я, моя голубочка, на возу и думаю, какъ бы это ихъ не украли!» — «Ну?» — «Вотъ, сижу я и думаю! Утро пришло, не украли! Обѣдъ пришелъ, не украли! Солнце стало садиться, не украли!» — «Ну?? Ну??» — «Да уже вечеромъ украли вражьи люди!» замѣчаетъ мужъ со вздохомъ, утирая усы — и хозяйка блѣдная и взбѣшенная вскакиваетъ изъ-за лавки....»

Изъ остальныхъ пяти рассказовъ лучшіе: «Дѣдушкинъ Домикъ» и «Изюмскія вечерницы»; самый слабый: «Хуторянка», «Слободка» есть простой очеркъ, написанный довольно поэтически и изображающій «Слободку» во все время года.

Мы уже выше замѣтили, что авторъ не довольно заботится о выдержкѣ характеровъ. Природа и обстановка рассказа отвлекаютъ его отъ дѣйствующихъ лицъ. Съ любовью описывая красоту южнаго дна и нѣгу южной почвы, останавливаясь на каждой оригинальной чертѣ малороссійскаго народа, авторъ изображаетъ намъ дѣйствующихъ лица слегка и какъ будто нехотя. Оттого развязка у него представляется совершенно неожиданно. Ея никакъ нельзя ожидать, судя по началу и по характеру дѣйствующихъ лицъ. Повесть у него не есть нормальное развитіе лица подъ влияніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Напротивъ, дѣйствующія лица служатъ какъ-будто только связью для рассказа, однимъ поводомъ къ нему. Всего яснѣе это отсутствіе выдержанности въ «Хуторянкѣ». — Вотъ содержаніе ея. — По дорогѣ къ Цареборисову ѣдетъ къ какому-то пану въ его бричкѣ какой-то юноша. Бричка разсыпается въ дорогѣ. Юноша остается такимъ образомъ на полпути; но догадливый кучеръ выводитъ его изъ затрудненія. Онъ даетъ ему лошадь, а самъ остается сторожить барское добро. Но недолго юноша могъ продолжать свое путешествіе. Конь сначала остановился, потомъ понесъ, сбился съ дороги и сбросилъ молодаго паныча. Въ отчаяніи лежитъ онъ на землѣ и не можетъ добиться отъ провзжихъ и прохожихъ, гдѣ дорога въ Цареборисово. Наконецъ провзжаетъ соседній панъ Дуля.

который заговаривается съ панычемъ и приглашаетъ его къ себѣ. — Здѣсь авторъ останавливается, чтобы ближе познакомить насъ съ дѣйствующими лицами. О панѣ Дуль мы не станемъ распространяться. Это лицо вводное. Юноша называется Владиміръ Андреечъ Торба. Онъ богатый помѣщикъ, недавно получившій наследство и намѣревающийся ѣхать въ Петербургъ, на службу. Поведенія онъ тихого, смирнаго; ни въ школѣ, ни на службѣ, въ уѣздномъ городкѣ, не навлекъ онъ на себя никакого упрека. Особенно въ школѣ онъ приобрѣлъ себѣ репутацію самаго прилежнаго ученика. Но за то не приобрѣлъ онъ ничьей жаркой дружбы, и ничье сожалѣніе не сопровождало его выхода изъ школы. Когда, разставаясь съ своими учениками, учитель русской словесности, страстный и пылкій любитель науки, вздумалъ, шутя, предсказывать имъ будущую ихъ судьбу, то одного Торбу оставилъ онъ безъ всякаго предсказанія. Мальчикъ самъ долженъ былъ напомнить о себѣ, но страненъ былъ полученный имъ отвѣтъ. «Ты?» произнесъ, неожиданно впавшій изъ веселаго, безпечнаго, въ грустный и суровый тонъ, учитель: «ты будешь....» прибавилъ онъ, и губы его задрожали: «ты будешь.... эхъ! жаль мнѣ тебя, Володя! мало тебя съкли, и не хотѣлось бы мнѣ, чтобъ ты былъ тѣмъ, чѣмъ ты будешь непременно!» (стр. 210). Послѣдствія, прибавляетъ авторъ, оправдали слова учителя, и Торба не разъ, вспоминая прошлые дни, качалъ головою и жалѣлъ, что его мало съкли. Правда, поведенія онъ былъ прекраснаго, не въ чѣмъ было упрекнуть его, но всякій, кто ни встрѣчался съ нимъ, приходилъ къ такому заключенію: «Вѣдь вотъ, хорошій, кажется, человекъ, и тихій и добрый, и сплетней не переноситъ; а вѣдь порядочная однако же кислятина!» (стр. 211). И такъ вотъ каковъ герой повѣсти. Это, по видимому, человекъ нерѣшительный, не имѣющій ничего рѣзко-опредѣленнаго въ своемъ характерѣ: ни хорошаго, ни дурнаго; одно изъ тѣхъ безцвѣтныхъ лицъ, которыя своею безхарактерностію осуждены на вѣчное ничтожество. — Но не такимъ, къ удивленію читателя, представляется онъ въ разговорѣ съ дочерью Дули, Грушенькой, выросшею въ семьѣ содержателя того пансіона, въ которомъ учился молодой Торба. Говоря съ нимъ о дѣтствѣ и стараясь удержать его отъ поѣздки въ столицу, Грушенька напоминаетъ ему о ребяческихъ мечтахъ его. Вы помните, говоритъ ему она, «вы хотѣли, выйдя изъ училища, поселиться въ деревнѣ, оживить въ своемъ дому прошедшіе, золотые нравы старины.... Помните-ли, какъ вы жадно читали тогда каждую строчку, каждую замѣтку объ этой старинѣ?» (стр. 219). Такая черта, неожиданно внесенная въ характеръ героя повѣсти, въ правѣ удивить читателя.

Человек, уже въ школѣ разсуждающій объ общественномъ бытѣ, не похожъ на то безцвѣтное лицо, которое авторъ изображаетъ намъ въ началѣ своего разсказа. Въ такихъ мечтахъ можетъ быть своего рода увлеченіе. Куда же двинулся прежній характеръ Торбы?

Дальнѣйшій ходъ повѣсти также не отличается выдержанностію. Поколебавшись некоторое время между мыслию о Петербургѣ и влеченіемъ къ Грушенькѣ, Торба увязаетъ однако въ столицу. Тамъ онъ выходитъ въ люди, и однажды, въ минуту скуки, рѣшается навѣстить забытую родину. Грушеньку онъ находитъ уже матерью семейства, счастливою въ безвѣстной долѣ и осуществившею тотъ патріархальный бытъ, о которомъ прежде они мечтали вмѣстѣ. Торба проводитъ у нея цѣлый день и увязаетъ съ раскаяніемъ въ пройденной дорогѣ, съ грустію о добровольно-брошенномъ счастьи.

Всего этого также нельзя было ожидать отъ того безцвѣтнаго лица, которое авторъ изображаетъ намъ сначала.—Но если характеръ Торбы не выдержанъ, то характеръ Грушеньки даже и не вполне обрисованъ. Кромѣ ея разговора съ Торбою, почти ничто не служитъ къ опредѣленію ея характера. А между тѣмъ это второе лицо повѣсти!

Мы не безъ намѣренія передали такъ подробно содержаніе этой повѣсти. Въ ней всего ярче выражаются и достоинства и недостатки г. Данилевскаго. Объ остальныхъ разсказахъ мы упомянемъ вкратцѣ. Изъ нихъ лучшіе: «Дваушкинъ Домикъ» и «Пельтепинскіе Панки». — Особенно первый дышетъ веселостію и разсказанъ съ поэтической наивностію.—Что касается до втораго, то въ немъ и самая завязка ведена удачнѣе, чѣмъ въ остальныхъ повѣстяхъ.

Скажемъ вообще наше мнѣніе о направленіи и характерѣ таланта г. Данилевскаго. Въ немъ замѣтно сильное вліяніе Гоголя, но нельзя сказать, чтобы это вліяніе было всегда благотворно.—Подражать писателю можно двумя способами: или въ его направленіи, или въ его манерѣ. Въ первомъ отношеніи можно подражать всякому автору, но во второмъ не всякому, а только тѣмъ, въ манерѣ которыхъ заключается нѣчто общее, нѣчто свойственное одному искусству, а не художнику. Мы думаемъ, что въ манерѣ Гоголя много личнаго, что искусство выражается у него особеннымъ, ему только свойственнымъ образомъ, и потому полагаемъ, что ему должно подражать съ большою осторожностію. Объяснимся примѣромъ. У Гоголя былъ особенный даръ среди самой комической сцены двумя-тремя словами нарисовать поэтическую картину, часто даже въ видѣ сравненія. Эта

картина, своимъ разкинь контрастомъ съ остальнымиъ разсказомъ, всегда производитъ сильное впечатлѣніе. Вспомнимъ описаніе ночи, въ которую Иванъ Ивановичъ рубить хлѣвъ Ивана Никифоровича! Подражатели Гоголя стараются усвоить себѣ его манеру, но у нихъ она часто служитъ только къ тому, чтобъ растянуть и замедлить разсказъ. Подражатель, не лишенный дарованія, долженъ всегда различать, чтѣ у писателя принадлежитъ искусству, и чтѣ составляетъ личное свойство его таланта. Къ-сожалѣнію, г. Данилевскій не можетъ вполне избежать упрека въ неразборчивомъ подражаніи.

Теперь объ языкѣ. Никогда, можетъ быть, языкъ еще не былъ въ такомъ пренебреженіи у нашихъ писателей, какъ въ настоящее время. На слогъ теперь немногіе обращаютъ вниманіе. Мало того: относительно слога, благодаря отсутствію разумнаго взгляда на языкъ (не у ученыхъ, а въ изящной словесности), у насъ безпрестанно появляются литературныя ереси. Такъ еще недавно было сказано, что Гоголь довелъ русскую прозу до высшей степени совершенства. Конечно, никто болѣе насъ не уважаетъ Гоголя, но *suum cuique*, и при всемъ уваженіи къ знаменитому писателю, мы все-таки не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Въ языкѣ каждаго писателя есть двѣ стороны: языкъ и слогъ. Языкъ у Гоголя былъ живъ и выразителенъ, но это его личное свойство; а слогъ у него былъ не всегда правиленъ и довольно небреженъ. Поэтому и подражать Гоголю въ этомъ отношеніи вовсе не слѣдуютъ. Къ сожалѣнію, г. Данилевскій усвоилъ себѣ весь ходъ гоголевской фразы. Не унижая дарованія автора «Слобожанъ», мы не можемъ однако не замѣтить, что иногда его фраза звучитъ для насъ неприятно, какъ серьезная, а не шуточная пародія на любимое произведеніе. То же должно сказать и о расположеніи разсказа.

Мы сочли нужнымъ откровенно высказать г. Данилевскому свое мнѣніе о его талантѣ, потому, что видимъ въ его дарованіи возможность дальнѣйшаго развитія и считаемъ обязанностью дѣльной критики содѣйствовать этому развитію. Надѣмся, что трудолюбивый авторъ не повсѣтуетъ на насъ за нѣсколько строгій судъ надъ его произведеніями. Только такой судъ и служить выраженіемъ участія къ дарованію писателя. Скажемъ въ заключеніе, что въ книгѣ г. Данилевскаго все-таки болѣе хорошаго, чѣмъ дурнаго, и что она составляетъ пріятный подарокъ русской публикѣ на новый годъ.

НАУКА ПОВЕЖИ, или посланіе къ Пизонамъ, Квинта Горация Флакка. Переводъ въ стихахъ *М. Дмитріева*. Съ приложеніемъ подлинника, введеніемъ и примѣчаніями, служащими къ объясненію оригинала и перевода. Москва. Въ типографіи А. Семена. 1853.

Было время, когда свѣдѣніи въ классической литературѣ не были рѣдкостью между нашими писателями, когда всякій, кто любилъ литературу, считалъ необходимымъ узнать, въ переводѣ или подлинникѣ, великіе образцы древней словесности. Тогда всякій переводъ древняго писателя былъ встрѣчаемъ публикою благосклонно и давалъ переводчику право на извѣстность. — Съ тѣхъ поръ мы ушли далѣе, познакомились съ теоріями Нвмцевъ, основанными какъ на философскомъ мышленіи, такъ и на изученіи и исторіи поэзій; а между тѣмъ самыя памятники древней литературы изучаются у насъ сравнительно гораздо менѣе, если принять въ соображеніе успѣхи, которые съ того времени сдѣлали у насъ вообще науки, и въ особенности филологія.

Такое странное явленіе стѣдитъ того, чтобъ обратить на него вниманіе, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время историческое направленіе составляетъ отличительную черту ученой письменности. Странно видѣть эту неподвижность литературы при движеніи науки, все болѣе и болѣе усиливающимся, это равнодушіе писателей къ лучшимъ памятникамъ исторіи въ то самое время, когда исторія имѣетъ у насъ столько дѣятелей. — Не ставемъ однако винить въ этомъ одну публику. Публика читала переводы древнихъ поэтовъ лѣтъ тридцать тому назадъ; она и теперь встрѣчаетъ благосклонно историческія изслѣдованія о бытѣ древнихъ; читала бы, вѣроятно, и переводы классическихъ писателей, еслибъ они были и отвѣчали современнымъ требованіямъ. — Нѣтъ! причины столь разнаго направленія ученой и собственно-литературной дѣятельности заключаются совсѣмъ не въ духъ публики, а въ характеръ такъ называемой изящной словесности нашего времени. Въмѣстъ съ преобладаніемъ журналистики у насъ возникла литература легкая, ежедневная; ей нѣтъ дѣла до трудолюбивыхъ изслѣдованій, ей нѣтъ времени быть разборчивой. Поглощая своею живостію и обширностію вниманіе большинства и дѣятельность многихъ писателей, не лишенныхъ дарованія, она стоитъ подлѣ науки, почти не пользуясь ею, и далеко не служитъ посредникомъ между наукою и публикой. — Вотъ отчего, не смотря на дѣятельность нашихъ ученыхъ, классическая древность еще чужда нашей публикѣ; вотъ отчего еще недавно одинъ журналъ спрашивалъ съ ребяческой наивностію: «для кого издаются Пропілеи?»

Переводчикъ Гораціевой «Науки Поззіи» самъ чувствовалъ это отношеніе своего перевода къ нашему времени. Онъ упоминаетъ въ предисловіи объ этомъ удаленіи отъ древнихъ не только нашей, но и европейской публики, и сомнѣвается въ современности труда своего. Но въ послѣднемъ мы позволимъ себѣ не вполне согласиться съ нимъ.—Въ литературѣ западной Европы уже замѣтно приближеніе перелома. Здравая критика уже давно вооружается противъ настоящаго направленія литературы; публика начинаетъ встрѣчать съ вѣсмышкой скороспѣлыя произведенія своихъ известныхъ писателей, хотя еще читаетъ ихъ по привычкѣ. У насъ тоже слышатся жалобы на пустоту нашей литературы, время отъ времени появляются переводы древнихъ; самые журналы охотно ихъ печатаютъ; однимъ словомъ, все показываетъ, что изысканная словесность послѣдняго времени перестаетъ уже удовлетворять вкусу читающей публики.

Вотъ почему мы встрѣтили съ особеннымъ удовольствіемъ новый переводъ знаменитаго произведенія Горація. Постараемся дать нашимъ читателямъ полный и подробный отчетъ о его достоинствѣ.

Переводчикъ не ограничился одною передачею «Посланія къ Пизонамъ». Желая дать своимъ читателямъ полную возможность оценить какъ достоинство перевода, такъ и значеніе подлинника, онъ присоединилъ къ труду своему введеніе, излагающее различныя взгляды на «Науку Поззіи», и примѣчанія, служащія къ объясненію перевода. Такъ какъ, по нашему мнѣнію, это придаетъ особенное значеніе новому изданію, то мы прежде всего поговоримъ о введеніи.

Еще доселѣ намъ почти неизвѣстны труды европейскихъ комментаторовъ относительно классическихъ писателей. Трудность, съ которою достаются у насъ подобныя книги, ученая ихъ форма и совершенное отсутствіе у насъ серьезнаго изученія литературы, дѣлаютъ ихъ недоступными большинству публики. Даже многимъ изъ нашихъ ученыхъ, для которыхъ древняя поэзія не составляетъ предмета спеціальнаго изученія, ученая литература «Науки Поззіи» мало известна. Поэтому «Обозрѣніе» ея, которое предшествуетъ переводу, заслуживаетъ особенную благодарность всѣхъ любителей классической литературы. Оно даетъ имъ возможность познакомиться со всѣми мнѣніями объ этомъ предметѣ и составляетъ замѣчательное пособіе для его изученія. Дѣлая вѣрную оценку каждому изъ мнѣній о «Наукахъ Поззіи», переводчикъ тѣмъ самымъ устанавливаетъ настоящую точку зрѣнія на это произведеніе и указываетъ на то значеніе, которое оно имѣетъ относительно современной теоріи. Тѣ, которые знаютъ, какое вліяніе должнъ имѣть взглядъ на «Ars poetica» и вообще

на древних писателей имѣлъ на теорію поэзіи, и какую реакцію этотъ взглядъ вызвалъ противъ классическаго направленія, легко поймутъ всю важность правильнаго воззрѣнія въ этомъ дѣлѣ. Опредѣляя то мѣсто, которое «Наука Поэзіи» должна занимать въ теоріи, авторъ «Обозрѣнія» тѣмъ самымъ возвращаетъ ей практическое значеніе и обращаетъ на нее особенное вниманіе читателя. — «Наука Поэзіи» представляется такимъ образомъ не мертвымъ собраніемъ отжившихъ правилъ, но живымъ памятникомъ древняго искусства и древней жизни, образцомъ подробной поэтической критики, имѣющей даже нѣкоторое значеніе и въ настоящее время.

Теперь намъ слѣдуетъ говорить о самомъ переводѣ. Но прежде чѣмъ мы приступимъ къ его оцѣнкѣ, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что въ наше время требуется отъ перевода древнихъ вообще и въ особенности отъ перевода древняго поэта.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы ближе узнали классическую древность, переводъ древнихъ писателей сталъ дѣломъ труднымъ. Современный міръ стоитъ такъ далеко отъ міра Греціи и Рима; ихъ взгляды и понятія такъ не похожи на наши, что даже переводъ классическаго прозаика, угадавшій его духъ и вѣрно передавшій его, есть уже замѣчательное явленіе. Въ самомъ дѣлѣ, много-ли въ Европѣ хорошихъ переводовъ, напримѣръ Тацита? такихъ переводовъ, которые бы передали не только букву, но и духъ великаго историка? Но если не легко передать и прозаическаго писателя древности, то перевести поэта еще труднѣе.—У древнихъ поэзія была вполне національна, какъ и всѣ явленія ихъ жизни, а переводить и современнаго національнаго поэта довольно трудно. Надобно хорошо понимать народъ, къ которому принадлежитъ писатель, чтобы выполнить такое предпріятіе. Между всеми же римскими поэтами Горацийъ есть едва-ли не самый трудный. Его произведенія наполнены намеками на его время, на тогдашнія обстоятельства и лица. Все это уже требовало внимательнаго изученія со стороны переводчика. Самый языкъ Горация, живой, разговорный, часто шуточный, составляетъ также не малую трудность. Сжатость и меткость его выраженій, которымъ способствовала точная краткость латинскаго языка, требуетъ отъ переводчика большаго знанія русскаго языка и большаго умѣнья владѣть стихомъ. Наконецъ надобно было отгадать вѣрно поэтическимъ чувствомъ самый тонъ оригинала. Здѣсь кстати о тонѣ. — Прежде у насъ было въ обыкновеніи передавать поэтическія произведенія древнихъ важнымъ, высокимъ слогомъ. Этому была, можетъ быть, причина и въ самихъ древнихъ писателяхъ, независимо отъ характера той эпохи, въ которую появлялись подобные переводы.

У древнихъ, въ самыхъ веселыхъ ихъ произведеніяхъ, есть дѣйстви-тельно какая-то важность, какая-то торжественность, происходящая отчасти отъ спокойнаго настроенія ихъ духа и пластическаго взгляда на натуру, отчасти отъ ихъ серьезнаго взгляда на искусство. Но такъ какъ эта важность, это спокойствіе были также и въ характерѣ древней жизни, то въ нихъ не было ничего театральнаго, ничего неестественнаго; между тѣмъ какъ наши переводы прежняго времени, вслѣдствіе неудачно избраннаго тона, впадали часто въ надутость и нерѣдко были холодны. Въмѣстѣ съ тѣмъ, смотря на «Науку Поэзіи», какъ на какой-то поэтическій кодексъ, переводчики не заботились о вѣрности эпохи и смѣло вносили въ посланіе Го-рація выраженія своего времени, какъ скоро они казались имъ при-личными содержанію. Такъ у Поповскаго Горацій говоритъ о руб-ляхъ и копейкахъ, а у Мерзлякова, (котораго переводъ, однако, до-вольно живъ и не лишенъ достоинствъ) упоминается о римскихъ дворянахъ. У послѣдняго изъ этихъ переводчиковъ, даже среди тѣхъ мѣстъ, которыя переведены удачно, встрѣчается какая-то смѣсь вы-раженій самыхъ обыкновенныхъ и разговорныхъ съ выраженіями напыщенными и неупотребительными ни въ какой живой рѣчи. Мы думаемъ, что послѣднее происходило отъ невольной жертвы времени, которое требовало отъ переводчика древнихъ нѣкоторой важности. Отъ этихъ двухъ причинъ, то-есть отъ ложнаго взгляда вообще на древнюю поэзію и отъ неправильнаго взгляда на «Науку Поэзіи», произведеніе Горація подвергалось совершенному превращенію въ переводахъ этого времени. Оно служило почти одною канвою, по которой переводчики вышивали собственные узоры. Впрочемъ, даже при желаніи остаться вѣрнымъ подлиннику, важный, торжественный тонъ этой эпохи долженъ былъ уже вредить близости къ ориги-налу. — Въ послѣднее время замѣтили эту ошибку, и, знакомясь бо-лѣе и болѣе съ древними, начали заботиться о живой передачѣ ихъ тона. Но увлеченные желаніемъ передать по возможности живымъ образомъ древнихъ писателей, многіе изъ новѣйшихъ нашихъ пере-водчиковъ впади въ другую ошибку. Обращая вниманіе на живую сторону древнихъ произведеній, на ихъ отношеніе къ жизни, они думали, что не ошибутся, если станутъ передавать живой языкъ древности живымъ языкомъ своего времени. Въ этой мысли, конечно, есть своя доля правды. Въ торжественномъ тонѣ XVIII вѣка для насъ, конечно, исчезла живая сторона древней жизни. Само собою разумѣется, что она въ дѣйствительности была гораздо проще и никогда не становилась на такія ходули. Но иное дѣло жизнь и иное дѣло взглядъ на нее. А поэзія, которая не чуждается

жизни, должна выражать и то, и другое. Взглядъ-же древнихъ на вѣкъ жизни былъ исполненъ важности и сповоидствія, и который совершенно исчезаетъ при этой манерѣ переводить древнихъ. Наконецъ здѣсь есть и другая опасность: заботясь о живости перевода, можно невольно самимъ языкомъ нарушить колоритъ картины, внести въ свой переводъ языкъ новаго времени, и такимъ образомъ, при всей буквальной вѣрности, лишить свой переводъ всякаго сходства съ оригиналомъ.

Новый переводъ «Науки Поэзій» съ успѣхомъ избѣгнулъ этихъ крайностей. Языкъ, которымъ говорить въ немъ Горацийъ, есть языкъ живой, простой и разговорный, но нисколько не переноситъ насъ въ новое время и сохраняетъ всѣ оттѣнки той эпохи, къ которой принадлежитъ подлинникъ. Намъ особенно понравились тѣ мѣста, которыя, намекая на эпоху Горация или на отношенія того времени, требовали отъ перевода въ одно и то же время и живости языка и историческаго колорита. Переводчикъ сумѣлъ избѣжать и тѣхъ техническихъ выражений, которыя въ Римѣ были для всѣхъ понятны, а у насъ потребовали бы ученаго объясненія, и отдаленія отъ подлинника и превращенія перевода почти въ толкованіе, какъ это не рѣдко бываетъ не только у насъ, но и въ Европѣ. *Переводъ стренъ почти буквальный.* Это даетъ ему особенную цѣну, потому что, независимо отъ литературнаго значенія, онъ приобретаетъ еще этимъ все достоинство пособія при изученіи Горация. Многія выраженія переданы притомъ поэтически, такъ что мы не сомнѣваемся, что если-бы самъ Горацийъ не употребилъ-бы ихъ, если-бы писалъ по-русски. Таковъ, на примѣръ, переводъ словъ: *mares animos*, словами *браниль души* (стр. 64—65), *inornata et dominantia nomina*, словами: *безукрашенность рѣчи народной*, (стр. 52—53) *ore rotundo*—*полнозвучное слово* (стр. 58—59); таковъ переводъ того мѣста, гдѣ Горацийъ говоритъ о пиршествахъ Римлянъ, съ тѣхъ поръ, какъ они стали владыками міра:

«Postquam coepit agros extendere victor et urbem
Latio amplecti: muras, vinoque diurno
Placari genius festis impune diebus....»

Въ переводѣ:

«Послѣ какъ тотъ-же народъ чрезъ победы расширилъ предѣлы
Мирныхъ полей; какъ обнесъ онъ свой городъ обширной стѣною;
Въ праздники началъ виномъ утѣнять надмѣнную силу»

(Стр. 50—51).

Такъ же удачно передана большая часть эпитетовъ, но мы не станемъ ихъ выписывать: читатели сами могутъ убедиться въ этомъ, если возьмутъ трудъ сравнить переводъ съ оригиналомъ. Въ доказательство же ясности перевода и буквъ и духу подлинника, живости и разговорности языка, вышнемъ одно мѣсто, въ которомъ Гораций говоритъ о различномъ положеніи искусства въ Греціи и Римѣ.— Мы нарочно приведемъ это мѣсто тоже въ подлинникъ и въ переводъ, чтобы читатели могли сами убедиться въ справедливости словъ нашихъ. Вотъ оно:

«Grajis ingenium, Grajis dedit ore rotundo
Musa loqui, praeter laudem nullius avaris.
Romani pueri longis rationibus assem
Discunt in partes centum deducere. Dicit,
«Filius Albini: si de quincunce remota est
«Uncia; quid superat? poterat dixisse: triens. En!
«Rem poteris servare tuam. Redit uncia: quid fit?
«Semis. At haec animos aerugo et cura peculi
«Quum semel imbuerit, speramus carmina fingi
«Posse liuenda cedro et levi servanda cupresso».

Въ переводѣ:

«Грекамъ муза дала полнозвучное слово и геній,
Имъ ни къ чему не завистливыиъ, кромѣ величія славы!
Дѣти-же Римлянъ учатся долго съ трудомъ; но чему-же?
На сто частей научаются ассъ разделять безъ ошибки!
«Сынъ Альбина! скажи мнѣ: если мы, взявши пять унцій,
«Вычтемъ одну, что останется?»—Третья часть асса.—«Прекрасно!
«Ну, ты имѣнье свое не растратишь!— А если прибавимъ
«Къ прежнимъ пяти мы одну, что будетъ всего?»—Половина.—
«Если какъ ржавчина въ умъ заберется корысть, то возможно-ль
«Съ нею стиховъ ожидать, въ кипарисѣ храниться достойныхъ?»

(Стр. 60—61),

Читатель видитъ, что мнѣніе наше о языкѣ перевода нисколько не преувеличено. Замѣтимъ, что дѣло идетъ о счетѣ, который, не легко передать живо и разговорно, и что здѣсь подлинникъ переданъ стихъ въ стихъ.

До сихъ поръ мы говорили объ одномъ языкѣ. Но языкъ не составляетъ еще единственнаго достоинства перевода. Нужно еще, чтобы въ немъ не терялись красота и сила картинъ подлинника. Съ этой стороны разбираемъ наша переводъ удовлетворительнымъ.

взыскательнымъ требованіямъ. Видно, что самъ переводчикъ подвергнулъ свой трудъ строгой критикѣ, и, стараясь о вѣрности филологической и исторической, не забывалъ въ то же время и поэтической вѣрности. Таково, наприм., мѣсто, гдѣ Гораций говоритъ о различіи человеческихъ возрастовъ, (стр. 47—49). Переводчикъ передалъ его, сохранивъ всю живописность выраженій подлинника, всю изящную простоту его.—Мы выпишемъ его:

«Слушай! чего я хочу и со мною народъ нашъ желаетъ.

«Если ты хочешь, чтобъ зритель, съ минуты открытѣя завѣсь,

«Слушалъ съ вниманіемъ, молча, до слова: «бейте въ ладоши!»

«То старайся всѣхъ возрастовъ нравы представить прилично,

«Сходно съ натурою, какъ измѣняются люди съ годами.

«Мальчикъ, который ужъ знаетъ значеніе словъ и умѣетъ

«Твердо ступать по землѣ—онъ ровесниковъ любить и игры,

«Вдругъ онъ разсердится, вдругъ и утихнетъ, и все ненадолго.

«Юноша, если надзора наставника онъ ужъ свободенъ,

«Любить коней и собакъ и зеленое Марсово поле;

«Мягче онъ воска къ пороку; не слушаетъ добрыхъ совѣтовъ;

«Медленъ въ полезномъ, и гордъ, и сорить расточительно деньги;

«Пылокъ въ желаньяхъ, но скоро любимую вещь оставляетъ!

«Мужескій возрастъ, съ умомъ, измѣнившемъ наклонность
съ лѣтами,

«Ищетъ богатства, связей; онъ почестей рабъ—и боится

«Какъ—бы не сдѣлать чего, въ чемъ раскается, можетъ быть, послѣ

«Старецъ—не знаетъ покоя: или несчастный въ заботахъ

«Копить добро, или боится прожить, что накоплено прежде;

«Хладнокровно и съ робостью править своими дѣлами;

«Ждетъ и надѣется долго; не скоро рывається; жадно

«Въ будущемъ ждетъ исполненья; ничѣмъ не доволенъ, печаленъ,

«Хвалитъ то время, какъ молодъ онъ былъ, порицая вѣкъ новый!»

«Годы летать и приносить многія блага, но много

«Ихъ и уносятъ, какъ жизнь начинаетъ клониться къ закату!

«Юношѣ роль не давай старика; а мальчику—мужа;

«Каждога возраста нравы—черты означаютъ инныя».

Въ подлинникѣ:

«Tu quid ego et populus mecum desideret, audi.

Si plausoris eges aula ea manentis et usque

Sessuri, donec cantor: «Vos plaudite!» dicat:

Aetatis cujusque notandi sunt tibi mores,

Mobilibusque decor naturis dandus et annis.»

«Reddere qui voces jam scit puer et pede certo
Signat humum, gestit paribus colludere, et iram
Colligit ac ponit temere, et mutatur in horas.»

«Imberbis juvenis, tandem custode remoto,
Gaudet equis canibusque et aprici gramine campi;
Cereus in vitium flecti, monitoribus asper,
Utilium tardus provisor, prodigus aeris,
Sublimis cupidusque et amata relinquere pernix.»

«Conversis studiis aetas animusque virilis
Quaerit opes et amicitias, inservit honori,
Commisisse cavet quod mox mutare laboret.»

«Multa senem circumveniunt incommoda, vel quod
Quaerit et inventis miser abstinet ac timet uti,
Vel quod res omnes timide gelideque ministrat;
Dilator, spe longus, iners, avidusque futuri.
Difficilis, querulus, laudator temporis acti
Se puero, censor, castigatque minorum.»

«Multa ferunt anni venientes commoda secum,
Multa recedentes adimunt. Ne forte seniles
Mandentur juveni partes, pueroque viriles;
Semper in adjunctis aevoque morabimur aptis.»

(Стр. 46 и 48).

Выпишемъ то же самое мѣсто изъ перевода Мерзлякова, кото-
рый въ свое время пользовался немалою славой.

«Чего народъ и я желаемъ отъ певца?
Внемли! чтобъ зритель твой творенья до конца,
То состраданіемъ, то страхомъ наслаждался
И въ чувствахъ бы его вънецъ твой соплетался.
Знай нравы всѣхъ людей; среди различныхъ лѣтъ
Премьненъ образъ ихъ, какъ тѣней быстрый слѣдъ.
Младенецъ, съ вѣрными разставшись помочами,
Начавъ уже ласкать родителей словами,
Стремится въ слѣдъ играмъ, въ безпечный равныхъ кругъ,
Превратенъ безъ вины, и тихъ и глѣвенъ вдругъ.
Отъ дядьки скучнаго свободой увлеченный,
Другъ пламенный забавъ, мечтатель обольщеный,
То бѣгомъ тѣшитъ, то ловлей, то борьбой,
Къ совѣтамъ каменный, къ порокамъ восковой;
Слѣпецъ, надменный мотъ; для прихотей стенаеть;
Что нынѣ полюбилъ, то завтра презираеть. —

Но время протечет — простынет жаръ страстей,
 Онъ ищетъ въ сорокъ лѣтъ богатства и друзей.
 Рабъ знати, почестей, заботамъ томится,
 Трудясь для праздныхъ дней, быть ввѣреннымъ страшится.
 Но можно-ль зрѣлый вѣкъ со старостью сравнять?
 Несчастной жаждетъ благъ, бонится ихъ вкушать!
 Трепещетъ, мучится и видитъ все превратно,
 Причудливъ, мнителенъ, шагъ далѣ, два обрѣтаетъ.
 Брюзгливый всѣхъ судья, вездѣ находитъ зло:
 Все худо, что теперь, все славно, что прошло;
 Не вѣрить никому, ни съ кѣмъ онъ не согласенъ,
 И каждый шагъ ему грядущаго опасенъ:
 Мы въ лѣта восходя, въ слѣдъ радостей летимъ;
 А нисходя, отъ нихъ несомнѣно бѣжимъ. —
 Противно въ старцѣ то, что въ юности любезно;
 Не терпитъ зрѣлый вѣкъ, что отроку полезно:
 Умъ въ возрастанъ и нравы измѣнять!»

(См. Подражанія и переводы изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ, М. 1826. Ч. 2. стр. 327—328).

Мы не думаемъ унижать перевода Мерзлякова. Онъ не лишень достоинства, и, по своей живости, долженъ былъ обратить на себя вниманіе публики. Выписанное нами мѣсто доказываетъ, что переводъ этотъ сдѣланъ не безъ поэтического чувства. Мы хотимъ только показать, чѣмъ новый переводъ отличается отъ переводовъ прежняго времени, точно также, какъ показали-бы отношеніе новаго перевода и къ переводамъ нашего времени, если-бы они были. Читатели видятъ, что въ разбираемомъ нами переводѣ соблюдены всѣ краски подлинника; что вѣрный Горацио и постигалъ поэтическимъ чувствомъ его характеръ, переводчикъ не нарушилъ ни однимъ выраженіемъ того впечатлѣнія, которое производитъ чтеніе самаго подлинника. Знающіе латинскій языкъ, поймутъ всю трудность этого и оценятъ по достоинству такое выполненіе задуманнаго труда. Повторяемъ, нужно было долгое изученіе, много труда, много поэтического чувства, чтобы передать Горациа такъ вѣрно и такъ поэтически.

Наконецъ скажемъ и о стихѣ. — Изъ всѣхъ размеровъ, доступныхъ нашему языку, всего менѣе воссчастливилось у насъ гекзаметру. Появись въ эпоху Домоносова, онъ тотомъ исчезъ надолго. Великостіе-ли трудности стиха, или негармоническаго гекзаметра тѣхъ писателей, которые его употребляли, или того и другаго вмѣстѣ, —

только долгое время никто из наших поэтов не рвался писать этим размером. Даже переводчики древних, которым так прилична эта мѣра, отвергали ее до Мерзлякова и «Илиады» Гнѣдича. У Мерзлякова гекзаметръ довольно жестокъ; у Гнѣдича онъ уже лучше, но и у него гекзаметръ только силенъ, а нисколько не музыкаленъ; между тѣмъ какъ въ рукахъ даровитаго поэта это одинъ изъ самыхъ музыкальныхъ размеровъ. Допуская большую свободу, гекзаметръ въ то же время требуетъ и большаго искусства, чѣмъ другіе размеры. Жуковский, испробовавшій все возможные для русскаго поэта размеры, обратился (въ первый разъ въ «Абадоннѣ») и къ гекзаметру, который такъ хорошъ у него въ «Одиссее». Его примѣръ встрѣтилъ, однако, мало послѣдователей. Тѣ-же, которые писали гекзаметромъ, мало обращали вниманія на составъ стиха, на его гармонію. Переводчикъ «Науки Поэзіи» изучилъ этотъ трудный стихъ и владѣть имъ совершенно. Онъ у него силенъ и гибокъ и читается легко, какъ проза, не требуя отъ чтеца никакого особеннаго искусства, но тѣмъ не менѣе нисколько не прозаиченъ, даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ содержаніе подлинника не могло вдохновлять переводчика, какъ напр. тамъ, гдѣ Гораций говоритъ о различныхъ размерахъ.

Изъ выписанныхъ нами мѣстъ читатели уже видятъ, что гекзаметръ вполнѣ повинуется переводчику. Но желая подтвердить доказательствами каждое слово наше о новомъ переводѣ, мы выпишемъ еще одно мѣсто, въ которомъ стихъ отличается замѣчательною гибкостью и музыкальностью:

Нѣкогда древній Орфей, жрецъ боговъ, провозвѣстникъ ихъ воли,
 Дикихъ людей отучилъ отъ убійствъ и отъ гнусной ихъ пищи.
 Вотъ отчего говорятъ, что и львовъ укротилъ онъ и тигровъ!
 Сивскія стѣны воздвигъ Амѳіонъ: оттого наше преданье
 Повѣствуетъ о немъ, что онъ лирными звуками камни
 Двигалъ съ ихъ мѣста, куда ни хотѣлъ, сладкогласіемъ лиры.
 Древняя мудрость въ томъ вся была, чтобъ народное съ частнымъ,
 Чтобъ святыню съ мірскимъ различить, дать браку уставы,
 Строить грады, на древъ вырѣзывать людямъ законы!
 Оттого и божественнымъ именовъ чтили поэтовъ,
 И пророчествомъ звали ихъ пѣснь.—Въ слѣдъ за ними позднѣе
 Славный Гомеръ и Тиртей воспаменяли своими стихами
 Бранныя души! Оракулы тоже въ стихахъ возвышались!
 Голосъ Пѣриды—и жизни указывалъ путь, и поэтамъ
 Снискивалъ милость царей; и работъ годовыхъ съ окончаньемъ
 Пѣснью веселой народъ услаждалъ! Не стыдитесь отнынѣ,
 Лкры искусной, и голоса музъ и пѣвца Аполлона. (Стр. 65).

Скажемъ и о примѣчаніяхъ. Они должны обратить на себя особенное вниманіе всѣхъ любителей классической литературы. Переводчикъ воспользовался для объясненія текста трудами всѣхъ комментаторовъ, которые были ему доступны. Здѣсь объясняется каждый стихъ, представлявшій нѣкоторое затрудненіе, каждый обычай, каждое лицо, о которомъ упоминаетъ Гораций. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ комментаторы принимаютъ различное чтеніе, оно приводится въ примѣчаніяхъ. Такимъ образомъ переводчикъ даетъ читателю всѣ средства судить о достоинствѣ перевода. Притомъ, сообщая свѣденія о жизни древнихъ, объ ихъ обычаяхъ и о лицахъ, упоминаемыхъ въ подлинникѣ, эти «Примѣчанія» не только не мѣшаютъ чтенію самого перевода, но своею занимательностію поддерживаютъ интересъ читателя. Сверхъ того они служатъ превосходнымъ пособіемъ при изученіи Горация, представляя въ маломъ объемѣ то, для чего нужно было-бы прочитать цѣлые томы. Въмѣстѣ съ предисловіемъ они высказываютъ все, что можно было сказать о Горациѣ и его произведеніи.

Пожелаемъ же полнаго успѣха въ русской публикѣ новому переводу. Онъ соединяетъ въ себѣ два весьма важныя качества: трудъ и легкость формы, подъ которою незнакомый съ дѣломъ не узнаетъ присутствія труда. Въ качествѣ ли ученой работы, или въ качествѣ произведенія изящной словесности, онъ равно удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ критики.

Мы не говорили еще о текстѣ подлинника, который приложенъ къ переводу. Онъ изданъ очень исправно, какъ и слѣдовало ожидать при такомъ тщательномъ трудѣ. Известно, что мы не богаты дешевыми и хорошими изданіями классиковъ. Поэтому приложеніе текста къ переводу очень возвышаетъ достоинство изданія. Не говоря уже о томъ, что это облегчаетъ сличеніе перевода съ оригиналомъ, это даетъ еще возможность имѣть дешевое и хорошее изданіе Горациевой «*Ars Poetica*» за весьма небольшую цѣну. N.

ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ

1. *Essai philosophique sur la formation de la langue française*, par M. Edelestand du Méril. Paris, 1852. *Философическій опытъ касательно образованія французскаго языка*, Е. дю-Мери. Парижъ, 1852.

2. *Origine et formation de la langue française*, par A. de Chevallet; 1-re partie. Paris, 1853. *Происхожденіе и образованіе французскаго языка*, А. Шевалле, и проч.

3. *Grammaire de la langue d'oïl, ou grammaire des dialectes français aux douzième et treizième siècles*, par G. F. Burguy. T. 1-г. Berlin, 1853. *Грамматика уальскаго языка, или грамматика французскихъ наречій въ XII-мъ и XIII-мъ столѣтіяхъ*, Г. Ф. Бюрги.

Нельзя сказать, чтобы къ числу умственныхъ качествъ, которыми надѣленъ Французскій народъ, принадлежалъ также и даръ языкованія. Безъ-сомнѣнія, этой-то, почти совершенной неспособности къ изысканіямъ сравнительной филологіи и должно приписать странное явленіе, что ни одинъ языкъ не заставилъ написать столько нелѣпностей, какъ французскій языкъ, между прочимъ, самъ по себѣ столь основательный и благоразумный; ни одинъ, говорю я, не подалъ повода къ столькимъ ошибкамъ, не внушилъ столько бредней. *Этимологія* была и вѣчно останется между Французами особеннымъ родомъ помѣшательства, и я считаю совершенно справедливымъ слово знаменитаго современнаго лингвиста, что три причины болѣе всѣхъ свели съ ума людей весьма разсудительныхъ въ другихъ отношеніяхъ: *этимологія*, *любовь* и *метафизика*. Не проходитъ года, чтобы члены института, на которыхъ возложена обязанность назначать премію, основанную Вольнеемъ, не вынуждены были предать осужденію какую-нибудь попытку всеобщаго изысканія языковъ и идей посредствомъ языка французскаго. Но исключая даже этихъ крайнихъ проявленій

помъшательства, невольно удивляешься иногда непонятной легкости, съ какою люди ученые вовлекаются въ этомъ отношеніи въ самыя странныя мечты. Кто бы повѣрилъ, напр., что человекъ, нѣкоторыми почитаемый за оракула и многими за отличнаго писателя, производить *ancêtre* отъ *ancien être*, *beffroi* отъ *bel effroi*, *conduire* отъ *du-ire* иди вдвоемъ, *sortir* отъ *se-hors-tir* (*se tirer dehors*) (*), и при этомъ удобномъ случаѣ излагаетъ намъ съ видомъ Трисмегиста тайны, сокрытыя въ языкѣ, точно такъ, какъ будто бы языкъ, хранящій тайну мірозданія и первобытнаго откровенія, былъ ни болѣе ни менѣе, какъ французскій.

Должно сознаться, что ученые старинной школы оправдывали до известной степени эти невинные промахи свѣтскихъ людей своими безумными выдумками. Начиная отъ Періона и Генр. Этьенпя, которые вездѣ видѣли греческое начало во французскомъ языкѣ, отыскивали, поочередно, еврейскій, нѣмецкій, баскскій, ниже-бретонскій. И у тѣхъ даже, которые въ догадкахъ своихъ наиболее приближались къ истинѣ,—какъ, напр., Рокфоръ, Рэнуаръ, — какое совершенное отсутствіе методы и филологическаго чутья! Нѣмцу, г. Діэцу, въ его превосходномъ сочиненіи о романскихъ нарвчїяхъ предназначено было открыть Французамъ происхожденіе ихъ собственнаго языка. Къ-счастью, его поняли съ разу, и прежде нежели онъ окончательнѣе высказалъ свои убвжденія, г. Амперъ развивалъ уже его доказательства между своими соотечественниками, съ искусствомъ и тонкостію взглядовъ, которыя почти равняются достоинству изобрѣтенія. Рядъ остроумныхъ сочиненій былъ плодомъ этого новаго направленія, которое, по видимому, далеко не истощилось, потому что въ теченіе года появилось три новыхъ сочиненія на тотъ же предметъ.

Имя г. дю-Мери обвщало одно изъ тѣхъ обширныхъ собраній фактовъ и соображеній, которые если не представляютъ рвшенія задачи въ ясныхъ и свободныхъ формахъ, то по крайней мѣрѣ за-ключаютъ его въ себѣ вразумительно и предоставляютъ удовольствіе дѣлать выводы умамъ проникательнымъ, болѣе любящимъ самостоя-тельно отыскивать истину, нежели находить ее совсѣмъ готовую. Правда, безпристрастная критика вынуждаетъ сказать, что не все части этого замѣчательнаго труда представляютъ равное достоинство, что рас-предвленіе книги далеко не удовлетворяетъ требованіямъ читателя, что метода не всегда отличается тою вѣрностію, которую мы при-выкли находить въ сочиненіяхъ сравнительной филологіи, — наконецъ, что часть этимологическая, къ-сожалѣнію, представляетъ промахи.

(*) Петербургскіе вечера, гр. де-Мастръ. Разговоръ 3-й.

которые слишком часто напоминают приемы старинной школы. Не смотря на эти недостатки, сочинение г. дю-Мери темъ не менее остается драгоценнымъ руководствомъ къ подобнымъ трудамъ, и даетъ новое право на славу его автору, котораго общій голосъ давно уже провозгласялъ однимъ изъ ученѣйшихъ и трудолюбивѣйшихъ людей нашего времени.

Сочинение г. Шевалле, удостоившееся въ 1850 году преміи, установленной г. Вольнеемъ за сравнительную филологію, равнымъ образомъ представляетъ трудъ совѣстливый, менѣе полный, нежели сочинение г. дю-Мери, въ отношеніи къ исторической части, но превосходящій его въ отношеніи къ методу и ясности изложенія. Мнѣ кажется, однакожь, что г. Шевалле, подобно своему почтенному предшественнику, преувеличилъ вліяніе кельтскаго и нѣмецкаго языковъ, отыскивалъ въ нихъ происхожденіе словъ, чисто латинскихъ. Какъ, напр., отыскивать въ нѣмецкомъ корень слова *effroi*, и въ кельтскомъ *talent*, *orgueil*, *arrogant*, когда очевидно, что первое происходитъ отъ *efferrare* (*effrayet*), а вторыя отъ словъ, равно классическихъ, которыя отклонились отъ своего первобытнаго значенія въ простонародной латинской рѣчи.

Наконецъ, опытъ г. Бюрги представляетъ трудъ полный изслѣдованій точныхъ и терпѣливыхъ, иногда черезъ-чуръ тонкихъ. Предполагая себѣ цѣлю изысканія касательно различныхъ нарѣчій языка XIII столѣтія, не старался ли г. Бюрги уловить неуловимое? Языкъ этой эпохи, уже обладающій литературою, въ дѣйствительности не имѣлъ нарѣчій, но только областныя различія въ правописаніи и выговорѣ. Что касается до выговора, то звукъ, по самому свойству своему, вещь столь неуловимая, что должно отчаяться отыскать его отгѣнки. Что касается до правописанія, то печатныя изданія средневѣковыхъ подлинниковъ, единственныя, которыя употребляетъ г. Бюрги, представляютъ основаніе совершенно недостаточное, чтобы утвердить на нихъ вѣрныя заключенія. Дѣйствительно, эти изданія обыкновенно передаютъ одинъ и тотъ же рукописный экземпляръ подлинника; а между различными списками одного и того же сочиненія, нѣтъ двухъ, которые походили бы одинъ на другой въ мелочныхъ подробностяхъ. Переписчики слѣдовали съ полною свободою своимъ мѣстнымъ привычкамъ, и для убѣжденія, что точно видишь правописаніе, которому слѣдовалъ авторъ, должно бы имѣть передъ собою его собственноручный подлинникъ. Здѣсь открывается неизбежное неудобство всякой попытки, имѣющей цѣлю дать грамматикѣ языку, который не имѣлъ грамматикѣ, и подвести подъ правила то, при чемъ не слѣдовали никакимъ правиламъ.

Впрочем, какъ бы ни судили о достоинствѣ этихъ различныхъ сочиненій, задача происхожденія и образованія французскаго языка можетъ почтаться уже и теперь почти рѣшенной. Нѣтъ никакого повода думать, чтобы новые документы прибавились къ тѣмъ, которые мы уже имѣемъ, и вѣроятно, они ничего не измѣнили бы въ формуль, отнынѣ установленной, которая опредѣляетъ языки французскій, итальянскій, испанскій и другія романскія нарѣчія, такимъ образомъ: простонародный латинскій языкъ, измѣненный мѣстнымъ выговоромъ и смѣшанный съ варварскими элементами, частію вслѣдствіе нашествій германскихъ племенъ, частію долговѣчностію незначительнаго количества словъ, относящихся къ временамъ, предшествующимъ римскому завоеванію. Основное тождество этихъ трехъ нарѣчій, сходство законовъ, по которымъ совершалось ихъ производство отъ первобытнаго источника, совершенно равный ходъ ихъ развитія,—любопытный фактъ, что элементы варварскіе (не латинскіе), которые находятся въ каждомъ изъ нихъ, вполне одинаковы и постоянно находятся въ одинаковой пропорціи,—вотъ болѣе, нежели сколько нужно для доказательства, что одна и та же причина предназначала Францію, Италію и Испанію говорить однимъ и тѣмъ же языкомъ. Какъ изъяснить, напр., что слово *chemin* (самино), которое производятъ отъ кельтскаго, находится, въ одно и то же время, въ языкахъ французскомъ, итальянскомъ и испанскомъ? Какимъ образомъ эти три страны, такъ различно застигнутыя завоеваніемъ и подпавшія подъ власть совершенно различныхъ отраслей германскаго семейства, сошлись, чтобы усвоить себѣ именно одни и тѣ же нѣмецкія слова, какъ напр. *trouver, trovare* (treffen); *dérober, rubare* (raube); *jardin, giardino* (Garten); *flacon, fiasco* (Flusche), и проч.? Не очевидно ли, что примѣсь этихъ варварскихъ словъ произошла уже въ простонародномъ латинскомъ языкѣ, и что Римъ остается преобладающею причиною языка Франціи, такъ точно, какъ ея умственная образованія и ея учреждений?

«Происхожденіе романскихъ нарѣчій, прекрасно замѣчаетъ г. дю-Мери, восходитъ къ первому барбаризму, который Галлы прибавили къ латинскому языку.» Можетъ статься, еще правильнѣе было бы сказать—къ первому усилію, сдѣланному народомъ, чтобы освободиться отъ грамматическаго ига, слишкомъ для него тяжелаго. Утверждать, что французскій языкъ въ некоторомъ смыслѣ предшествуетъ латинскому, значитъ, по моему мнѣнію, поддерживать парадоксъ, не лишенный истины; я говорю о латинскомъ языкѣ, преобразованномъ по образцу греческаго, который мы находимъ у классическихъ писателей Рима. По крайней мѣрѣ достоверно то, что

не ученый и литературный язык пережил в употреблении и дошел до нас, в виде разговорного языка, под именем французского, итальянского, испанского, но язык низшаго разряда, язык, лишенный грамматики, не столь богатый окончаниями, растянутый в словосочинении, но обрванный, сокращенный в произношении. Не было двух латинских языков, как можно подумать, основываясь на некоторых выражениях г. Бюрги, но был язык грамматический и язык народный, равным образом, как теперь, язык крестьянина, если бы писать слова так точно, как они их произносят, представил бы значительную разницу с языком человека образованного. И так язык низший одержал верх над языком высшим, язык людей неграмотных, солдат, жителей провинций — над языком литературным и столичным. Случилось то же самое, что произошло бы и в наше время, если бы академия уступила первенство просторечью, или если бы люди не учившиеся устанавливали правописание. Надписи, которые, для древности, лучшие свидетели народного языка, представляют на каждой строчке самые возмутительныя, самые огромныя грамматическія ошибки. Латинские сочинители время упадка, стремящиеся только к тому, чтобы их поняли, отличаются все одним слогом. Я укажу в этом отношении на любопытную рукопись, которая находится в Императорской парижской библиотеке, и на которую, мнѣ кажется, слишком мало обращали вниманія. Это — разсужденіе о поваренномъ искусствѣ въ VII вѣкѣ, написанное, какъ можно себя представить, простонароднымъ языкомъ того времени, какимъ-то Винидаріемъ. Слогъ этого автора, который гордо именуется себя *Vir inluster*, наполненъ галлицизмами, выражениями в родѣ слѣдующаго: *pisces co jure* — рыба подъ соусомъ, гдѣ мѣстоименіе уже играетъ роль члена. Необходимо также замѣтить, что печатныя изданія авторовъ того времени, которые, подобно Григорію Турскому, не знали грамматики, не могутъ дать точнаго понятія о первобытномъ текстѣ. Дѣйствительно эти изданія вообще печатались со списковъ, переправленныхъ послѣ Карловингскаго возрожденія; случалось также, что новѣйшіе издатели принимали за ошибки переписчиковъ черты языка, которыя принадлежали самому автору. Г. Бетманъ, который сравнивалъ три списка Григорія Турскаго VII столѣтія, объявляетъ, что въ приготовляемомъ имъ изданіи не останется ни одной строчки изъ текста древнихъ издателей, и что оно будетъ служить дѣйствительнымъ представителемъ языка, которымъ говорили въ VI и VII столѣтіяхъ. Слѣдственно, переворотъ, извлекии языкъ французскій изъ языка латинскаго, не есть дѣло ни Кельтовъ, ни герман-

ских народов, но дело ума человеческого. Со времени введения латинского языка въ Галлію, не произошло никакого внезапнаго переворота въ языкъ этой страны, все сдѣлалось посредствомъ произвольнаго движенія, которое можно сравнить съ натуральнымъ развитіемъ и цвѣтеніемъ растенія. Безъ сомнѣнія, вѣщія вліянія, которыхъ не возможно отвергать, способствовали къ тому же результату. Старинный запасъ кельтическихъ словъ, словъ грубыхъ, низкихъ, которыя почти все относятся къ жизни поселеннаго, или словъ неблагопріятныхъ и запечатлѣнныхъ особеннымъ характеромъ пошлости, сохранился въ народѣ. Къ-тому же произношеніе— столь важный элементъ въ преобразованіи языковъ, осталось чисто кельтическое, такъ что французскій языкъ можно опредѣлить такимъ образомъ: языкъ латинскій, пронаносимый на галльскій манеръ. Съ другой стороны, Германія насильно внесла множество выраженій, относящихся къ новому, основанному ею общественному порядку. Въ особенности, въ эпоху Карловинговъ, нѣмецкій языкъ сдѣлалъ настоящее вторженіе въ Галлію, вторженіе гораздо важнѣйшее и обильнѣйшее послѣдствіями, нежели въ эпоху Меровинговъ. Была минута, когда онъ сдѣлался языкомъ политическаго класса. Романскій языкъ подвергался тогда дѣйствительной опасности, и въ IX-мъ столѣтіи Франція чуть-чуть не заговорила по-нѣмецки. Но латинскій элементъ окончателно одержалъ верхъ; нѣмецкій на вѣки вошелъ въ свои границы Эльзаса и Дотарингіи, и съ тѣхъ-то поръ, языкъ романскій, безъ всякаго внѣшняго событія (нашествіе Норманновъ оставило нѣсколько скандинавскихъ словъ только въ одной Нормандіи), слѣдовалъ естественному ходу своего развитія, или, если хотите, своего успѣха.

Неоспоримо, что никогда это слово не имѣло столько нужды въ объясненіи, какъ въ примѣненіи къ языку. Нигдѣ не бываетъ успѣхъ такъ сомнительный и не перевѣшивается столько упадкомъ, какъ въ исторіи языковъ. Дѣйствительно, въ языкахъ совершенство находится при самомъ ихъ началѣ. Сравнительно съ санскритскимъ, языки греческій и латинскій кажутся бѣдными и грубыми; сравнительно съ греческимъ и латинскимъ, языки, которыми мы говоримъ. (разумеется, не упоминая здѣсь о благородствѣ, которое умѣлъ сообщить имъ геній), ничто иное, какъ варварскія ломанныя нарѣчія, не заключающія въ себѣ ни своихъ корней, ни причинъ, по которымъ они дѣйствуютъ. Чтобы находить ихъ благородными и прекрасными, должно забыть ихъ происхожденіе. Вышедшія изъ ломаннаго языка народнаго, преобразованныя въ послѣдствіи грамматиками и риториками, они на всегда сохраняютъ отпечатокъ этого двой-

наго источника. Возьмите лучший современный язык, дойдите до начала каждого из элементов, его составляющих, забудьте на минуту, что язык этот теперь полонъ жизни и благородства, обратите внимание только на его родословную, и вы найдете въ немъ всегда только двѣ вещи: педантизмъ и простонародное нарѣчіе. Привожу прилѣтъ на удачу:

«La beauté étend son prestige sur la postérité elle-même et répand un charme, vainqueur des siècles, sur le nom seul des créations privilégiées, aux quelles il a plu à Dieu de la départir». (Красота простираетъ свое очарованіе на самое потомство и проливаетъ прелесть, побѣждающую вѣка, на одно имя избранныхъ существъ, которыхъ Богу угодно было одарить ею).

Въ этой фразѣ нѣтъ ни одного слова, которое не было бы взято изъ языка латинскаго, по крайней мѣрѣ, въ своихъ корняхъ; но изъ какого латинскаго! Вотъ, въ сущности, чтò г. Кузень, быть можетъ, самъ того не подозревая, рѣшился написать:

«(l)la bel(i)ta(s) e(x)te(n)dit suum praestigi(um) su(pe)r (il)la(m) posterita(tem) (il)la(m) me(t)ip(s)is(i)ma(m) (*) et repand(it) un(um) carme(n) victor(em) de (il)lis sec(u)lis su(pe)r (il)lu(d) nom(en) sol(um) de (il)lis creaturis privilegia(tis) a(d) (il)las quales il(lud) (h)a(bet) placi(tum) a(d) Deu(m) de (il)la(m) departir (i)».

Если бы современнику Августа довелось слышать, что черезъ XVIII столѣтій послѣ него это будетъ называться превосходнымъ слогомъ, и что учителя будутъ писать такимъ образомъ, то, нѣтъ сомнѣнія, онъ возмимѣлъ бы самое жалкое понятіе о будущихъ усилкахъ челоуѣческаго разума; если бы намъ дано было видѣть образчикъ языка, которымъ будутъ говорить черезъ X столѣтій, когда французскій языкъ, въ свою очередь, сдѣлается слишкомъ благороднымъ, то, безъ сомнѣнія, и мы не менѣе бы удивились. Нѣчто похожее на исковерканное нарѣчіе негровъ,—таковъ, можетъ статься, будетъ языкъ грядущихъ поколѣній. Пусть только представлять себѣ, чтò станется съ нашимъ языкомъ письменнымъ и разговорнымъ въ тотъ день, когда будетъ принято, что можно быть очень хорошимъ челоуѣкомъ и не знать латинскаго языка, въ тотъ день, когда чувство этимологии утратится съ ослабленіемъ классическаго образованія, и языкъ будутъ употреблять почти такъ же, какъ каменщики употребляютъ геометрическія правила, не понимая ихъ. Ну, а *медицисты*, люди, которые видятъ все въ черномъ цвѣтѣ, увѣрены, что уже появились важные признаки этого будущаго переворота.

(*) Итал. *medesima*, стар. исп. *meismo*.

Ламаргинъ предлагаетъ намъ образчики слога кухарокъ; Жоржъ Зандъ заставляетъ находить неисчерпаемая красоты въ какомъ-то изломанномъ нарвчїи. Простонародная рвчъ теперь въ модѣ; ее рвутъ другъ у друга изъ рукъ; академія ввнчаетъ ее! И пусть бы еще старались воскресить остатки одного изъ нарвчїи, облагороженныхъ гениемъ и заслужившихъ на короткое время названіе языковъ; если бы это было провансальское нарвчїе трубадуровъ XII столѣтія, воспоминаніе языка Бернара де-Вантадуръ, или Рембо де-Вакеръ, въ такомъ случаѣ этотъ отголосокъ прошедшаго могъ бы имѣть свою прелесть. Но ломанный языкъ улицъ города Ашана, простонародное нарвчїе, не имвющее ни правилъ, ни измѣненій, ни правъ на благородство, однимъ словомъ, дурной французскій языкъ, котораго все достоинство состоитъ въ томъ, что говорить *barquo* вмѣсто *barque* и *foulo* вмѣсто *foule*, не долженъ былъ бы сохраняться въ письмѣ, и если внѣ Ашана соглашаются удивляться ему, то это дѣйствительно очень дурной признакъ.

Такимъ образомъ, языкъ происхожденія плебейскаго, исковерканный впоследствии въ теченіе вѣковъ варварскимъ произвошеніемъ, полу-скраденный людьми проглатывающими гласныя,—вотъ французскій языкъ. Все это не мвшаетъ, что долго еще, когда иностранецъ захочетъ сказать вещи прїятныя и остроумныя, будетъ считать себя обязаннымъ говорить по-французски. Исторія языка, если разсматривать ее въ цѣлости, вся заключается въ слѣдующихъ двухъ словахъ: упадокъ въ отношеніи къ благородству и красотѣ формъ.—успѣхъ въ отношеніи къ легкости, и, впоследствии, неизбежная змѣна языка ученаго языкомъ народнымъ. Первый виновникъ этого преступленія, первый нововводитель былъ поклонникъ Будды, который, за 600 лѣтъ до Р. Христова, захотѣлъ сдѣлать доступными народу задачи, до тѣхъ поръ исключительно предоставленныя школамъ и сословіямъ аристократическимъ. Для этого онъ былъ вынужденъ говорить языкомъ плоскимъ, растянутымъ, безъ выраженія, безъ словосочиненія, полнымъ повторовеній, настоящимъ слогомъ деревенскаго проповѣдника. Позже, ученики его совершили преступленіе гораздо важнѣйшее—они стали писать языкомъ разговорнымъ и приспосабливать его къ умственному употребленію, чтобы говорить со всеми и для всѣхъ быть понятнымъ. Эту огромную уступку савлали въ свою очередь и мы: мы забыли благородный латинскій языкъ для языка простонароднаго. Я не говорю, чтобы должно было сожалѣть о томъ, я только подмвчаю въ исторіи языковъ то вѣчное колебаніе, которое, кажется, служитъ закономъ всему существующему на землѣ: благородство для малаго числа, или пошлость для всѣхъ.

CATALOGUE DES LIVRES DE LA BIBLIOTHEQUE DE FEU M. J. J. DE BURE. 1 VOL.

Каталогъ книгъ библіотеки покойнаго М. Ж. де-Бюръ.

(Посвящается Сергью Александровичу Соболевскому).

Каталогъ! Стоитъ-ли труда говорить о каталогѣ? Почему же нѣтъ, если этотъ каталогъ заслуживаетъ вниманія всѣхъ людей, одаренныхъ изящнымъ вкусомъ, по красотѣ и рѣдкости книгъ, въ немъ означенныхъ,—если онъ возбуждаетъ участіе всѣхъ библиофиловъ, начиная съ тѣхъ, которые покупаютъ книги, чтобы украшать ими шкафы кабинета, и оканчивая тѣми, которые испытываютъ восхитительное удовольствіе, тайное наслажденіе, читая превосходное твореніе въ экземплярѣ, соединяющемъ всѣ условія совершенства, изъятomъ отъ всякаго недостатка и напоминающемъ своимъ переплетомъ, или вытисненными на немъ гербами, — если книга старинная,—современниковъ ея перваго появленія въ свѣтъ, великаго Конде, или г-жу Севинье, которые, быть можетъ, дотрогивались до нея своими руками! Наконецъ, если библіотека, которая поступаетъ въ продажу и на расхищеніе по разнымъ концамъ свѣта, принадлежала людямъ съ вѣрнымъ сужденіемъ, людямъ, которыхъ достойное уваженія имя соединяется съ исторіею всей библиографіи? Такова библіотека, которой каталогъ изданъ г-мъ Потье, и которой продажа началась съ 1-го декабря прошлаго года.

Эта библіотека принадлежала братьямъ де-Бюръ, послѣднимъ представителямъ старинной книжной торговли, послѣднимъ потомкамъ старинныхъ парижскихъ горожанъ, обогащавшихся честною торговлею, передававшихъ отъ отца къ сыну одно и то же ремесло, какъ дворянскую грамату, съ лавкою правды, нерѣдко черною и закоптелюю, и старинною вывѣскою, — гербомъ, который стоилъ всякаго другаго. Съ какою радушною, любезною добротою они принимали посѣтителей! Какое престоудшіе, какая честность дышала на ихъ лицахъ! Въ нихъ возрождаалась счастливая старина во всемъ своемъ блескѣ, со всемъ завиднымъ счастьемъ домашняго очага, со всеми семейными добродѣтелями. Г-да де-Бюръ осуществляли также въ себѣ старинное братство между книгопродавцами и литераторами. Ихъ покупщики были также и друзьями ихъ; нерѣдко они тратили собственные деньги на дорогое изданіе ученой книги, единственно ради славы и достоинства автора и съ малою надеждою на вознагражденіе за издержки. Для нихъ было достаточно чести, что книга появлялась въ ихъ лавкѣ. Правда, съ своей стороны и ученые поставляли себѣ за удовольствіе и за честь имѣть дѣло съ гг. де-Бюръ. Имъ поручилъ Бартеlemi продажу своего *Analaxar*

сиса, Ларше свой перевод Геродота, Дасье переводъ *Киропедии*. Ларше въ свои свободные дни проводилъ въ магазинъ братьевъ де-Бюръ, разговаривалъ съ ними о новостяхъ литературнаго міра, или шарилъ, сколько позволяли ему силы, на полкахъ, обремененныхъ старыми книгами. Въ постные дни, Ларше, усердный католикъ въ старости, вздумалъ наложить на себя лишеніе совсѣмъ особеннаго рода. Въ эти дни онъ не читалъ по-гречески, а довольствовался менѣе благороднымъ, латинскимъ лзыкамъ. Не знаю, потому ли, что я самъ становлюсь старъ, но только мнѣ кажется, что люди, которыхъ знавалъ я въ молодости, имѣли оригинальность фizioноміи и характера, какой теперь уже не встрѣтишь. Никто не скажетъ, по крайней мѣрѣ, чтобы весна и лѣто не были прекраснѣе въ старину, чѣмъ теперь. Почему же и ученымъ не испытывать надъ собою этого закона всеобщаго упадка.

Изъ сказаннаго мною о де-Бюрахъ, можно составить себѣ понятіе о библиотекѣ, собранной такими людьми. Это также библиотека добраго стараго времени, отличающаяся существеннымъ достоинствомъ, выбранная съ строгимъ вкусомъ, составленная мало по малу въ теченіе 60 лѣтъ, библиотека семейная. Гг. де-Бюръ тщательно означали на первомъ листѣ нѣкоторыхъ изъ прекраснѣйшихъ книгъ своихъ, что онѣ подарены имъ матерью; а та получила ихъ отъ мужа своего г-на де-Бюръ. Г-жа де-Бюръ, мать, столько же замѣчательная своимъ умомъ, сколько рѣдкою красотою,—была,—странное свойство въ женщинѣ—библиофилка. Можно себѣ представить, что у ней не было недостатка въ случаяхъ удовлетворить своей склонности. Два рода книгъ, въ особенности, составляли ея драгоценное собраніе: творенія религіознаго содержанія и книги испанскія. Вотъ почему эти два класса представляютъ необыкновенное богатство въ каталогъ гг. де-Бюръ. Ей принадлежали экземпляръ *Cançionero* и другой экземпляръ *Romancero*, цѣнные чрезвычайно дорого; въ ея же собраніи должны были находиться и великолѣпные рукописные *Часословы*, украшенные восхитительными миниатюрами, и *Подражаніе І. Христу*, переводъ знаменитаго Лемэтра де-Саси, экземпляръ, принадлежавшій Генріэттѣ Французской, дочери Генриха IV-го и женѣ Карла I-го, короля англійскаго, той самой, которой Боссюэтъ произнесъ надгробное слово. Истинно неопыненная книга! Рѣдко возвращались братья де-Бюръ съ продажи какой-нибудь известной библиотеки, (большею частію, порученной имъ самимъ), безъ добычи, которая увеличивала ихъ сокровище. Для этого должно было, чтобы книга была превосходная, и чтобы стоила не слишкомъ дорого; кромѣ превосходнаго, они не

хотели ничего иметь въ своей библиотекѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ были слишкомъ скромны и благоразумны, чтобы позволять себѣ то, что мы называемъ глупостію, издержкою непростительною. Но за то, какіе у нихъ бывали и случаи! Какія имъ попадались книги! Случаевъ теперь больше не бываетъ, книги попадаютъ только у книгопродавцевъ, а эти находки, какъ всемъ известно, обходятся слишкомъ дорого. Вскорѣ послѣ революціи, — вотъ было времячко-то! — драгоценныя книги валялись на набережныхъ. Бывало, заплатишь за прекрасный томъ въ сафьянномъ двойномъ переплетѣ, 20 или 30 франковъ, и это казалось цѣною неслыханною. Я увѣренъ, что нѣтъ ни одной книги въ библиотекѣ гг. Дебюрь, которая теперь не стоила бы въ-десятеро противъ того, что за нее было заплачено. Что стоили имъ, наприм., этотъ Плиній Древній *Variorum* съ гербомъ Кольберта, или Аматовъ Плутархъ изданія Васкозана, чудно переплетенный Деромомъ, или Цицеронъ изданія Эльзевира, прекрасно сохранившійся внутри и снаружи; письма св. Августина, переводъ Дюбуа, 6 томовъ, достойныхъ княжеской библиотеки, или *Возношеніе души къ Богу*, Боссюэта, въ такомъ изящномъ переплетѣ, что при одной мысли объ немъ забьется сердце любого библиофила, и Записки Этуала о царствованіяхъ Генриховъ III и IV, такія свѣжія и чистенькія, какъ будто-бы онъ сейчасъ изъ печати, — 9 томовъ, въ простомъ кожаномъ переплетѣ, но что за переплетъ! Что стоили имъ всѣ эти книги, которыя будутъ теперь продаваться на весь золота? Впрочемъ, бездѣлицу, въ сравненіи съ ихъ теперешнею цѣною! Должно сознаться, что, руководствуясь такимъ строгимъ вкусомъ въ выборѣ книгъ, нельзя составить многочисленной библиотеки, ни даже того, что можно назвать истинною библиотекою; это скорѣе собраніе рѣдкостей. Сюда не принимаются ни новыя книги, ни новыя изданія, хотя бы даже эти изданія были гораздо превосходнѣе старинныхъ. Подобные любители лишаютъ себя сочиненія до тѣхъ поръ, пока не найдутъ именно того экземпляра, какой имъ хочется иметь, экземпляра безъ порока, чистаго и свѣжаго, какъ вчера только напечатанная книга, переплетеннаго Бойе, Дюселемъ, Падлу или Деромомъ. — Какі! у васъ нѣтъ ни одного Расина? — Въвы! нѣтъ. Вотъ уже 30 лѣтъ, какъ я нищу его, и, кажется, такъ буду несчастливъ, что умру, не найдя того, кого желаю приобрести. — Помилуйте; да всѣ книжныя лавки наполнены сочиненіями Расина. — Да, для васъ, а не для меня: я хочу имѣть только одинъ экземпляръ Расина, а этотъ-то экземпляръ именно нигдѣ и не находится! — И библиотека де-Бюрьовъ отзывается этою исключительною страстію. У нихъ должно искать не

полнаго собранія книгъ, а рѣдкихъ изданій. У нихъ всего по немпогу; есть даже греческія книги, есть сочиненія по части натуральной исторіи, и въ каждомъ родѣ недостаетъ множества писателей. Каталогъ гг. де-Бюрь назначается для собственно такъ называемыхъ библиофиловъ, для записныхъ любителей, въ особенности для любителей древнихъ изданій и старинныхъ переплетовъ, также для отыскивающихъ изданія, украшенныя гербами,—для тѣхъ, которые платятъ за книгу въ 20 разъ дороже, когда на ней есть доказательство, что она принадлежала старинному знаменитому любителю, графу д'Ойму, Лонжпьеру, Гроливу, или какому-нибудь извѣстному лицу, королю, принцессѣ. Библиотека гг. де-Бюрь наполнена книгами такого рода. Кромѣ *Подражаній* Іисусу Христу, принадлежавшаго Генріэтту Французской, слѣдуетъ также указать на *Правила Святыхъ*, Фенелона, экземпляръ Іакова II-го; *Вступленіе въ жизнь благочестивую*, св. Франсуа де Салля, экземпляръ Анны Австрійской; сочиненія *Павла Ороза*, принадлежавшія кардиналу Бурбонскому; *Раблѣ* г-жи Помпадуръ, *Марціанъ* съ подписью Расина; множество хорошенькихъ книгъ съ гербомъ г-жи Шамильяръ; между прочимъ сочиненія Вуатюра и переводъ *Писемъ Плинія Младшаго*, Саси, два тома, украшенные гербомъ, кажется, Франциска I-го; книги, принадлежавшія де-Гу, Субизамъ, Кольберту, и одинъ томъ изъ библиотеки Фуке. Вотъ книги, за которыя горячо станутъ спорить на аукціонѣ! Тамъ будутъ гордые побѣдители и жестокія пораженія.

Я не говорилъ еще о рукописяхъ, или, по крайней мѣрѣ, только мимоходомъ упомянулъ о нѣсколькихъ *Часословахъ* красоты удивительной. Я не охотникъ до рукописей; но разъ взявшись ознакомить читателей съ каталогомъ гг. де-Бюрь, долженъ указать на 5 рукописей, кажется, Жарри, знаменитаго каллиграфа XVII-го столѣтія. Говорятъ, что такія вещи покупаютъ на весь золота. Можетъ статься. О вкусахъ не спорятъ. Чтѣ до меня, то я предпочелъ бы имъ рукопись совсѣмъ другаго рода: это второй томъ перевода, или лучше сказать, преложенія той части *Цезаревыхъ Комментаріевъ*, которая относится къ войнѣ съ Галлами. Переводъ былъ сдѣланъ для Франциска I-го, котораго гербъ находится на книгѣ, украшенной, сверхъ того, портретами нѣкоторыхъ изъ знаменитѣйшихъ придворныхъ этого государя. Судя по описанію г-на Потье, это должна быть вещь удивительная въ своемъ родѣ. При-томъ же книга была писана для Франциска I-го, и безъ сомнѣнія, читана этимъ государемъ. А портреты, говорятъ, превосходной отдѣлки, представляютъ подъ римскими именами, адмирала Бониве, коннетабля Монморанси, маршала де-Шабаннъ. Но эту драгоценность никто не приобщитъ

къ своему сокровищу, потому что г. Ж. Ж. де Бюръ уже подарилъ ее императорской библіотекѣ. И замѣтите, что это только второй томъ. Первый въ Лондонѣ, а третій—Богъ знаетъ гдѣ! Есть еще манускриптъ, который я предпочелъ бы даже *Цезаревымъ Комментаріямъ* Франциска I-го,—это экземпляръ *Гирлянды Юліи*, поднесенный самимъ герцогомъ Монтозье дввицъ де-Рамбулле, знаменитой Юліѣ д'Анженнъ, сдѣлавшейся впоследствии герцогинею Монтозье. Герцогъ подарилъ ей два экземпляра. Первый и прекраснѣйшій былъ проданъ за 15,000 фр. или около того, при продажѣ книгъ герцога де ла-Валльеръ, второй былъ купленъ за цѣну гораздо умереннѣйшую г-мъ де-Бюръ. Известно, что *Гирляндой Юліи* называлось собраніе стиховъ, сочиненныхъ въ честь дв. де-Рамбулле славнѣйшими современными поэтами. Весь отелъ Рамбулле заключается въ этой книгѣ. Должно сознаться, что тотъ, кто приобрѣтетъ *Гирлянду Юліи*, будетъ имѣть право гордиться своимъ приобретениемъ.

Не могу кончить статьи, не обозначивъ между печатными книгами знаменитаго и рѣдчайшаго изданія *Большихъ и малыхъ путешествій*. Это одна изъ тѣхъ книгъ, которыя находятся только въ публичныхъ библіотекахъ. Другой ея экземпляръ показывается любопытнымъ въ числѣ рѣдкостей Мазариновой библіотеки. Экземпляръ гг. де-Бюръ также помонъ и гораздо прекраснѣе. Кажется, онъ принадлежалъ известному библіофилу Калльяру. И сколько бы еще можно назвать книгъ, если бы не бояться наскучить слишкомъ плодовитыми описаніями. Восхитительная *Библія* перевода *Лѣметра де Саси*; *Цицеронъ variorum*, совершенство въ своемъ родѣ; *Тацитъ*, достойный удивленія, и экземпляръ *Изложенія Католическаго ученія*, Боссюэта, изданія, такъ называемаго, *для друзей*, потому что было выпущено въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и только для того, чтобы подвергнуть его предварительной цензурѣ нѣкоторыхъ друзей Боссюэта.

Да, я чуть было не забылъ рыцарскихъ романовъ, *Ожье Датчанина*, *Четырехъ сыновей Эмона*, книга, которая теперь такъ высоко цѣнятся любителями; болѣе того, я чуть было не забылъ чуднаго экземпляра романа *Астреи*! Но, впрочемъ, всего и пересказать нельзя, да я и не намѣренъ; прочтите лучше каталогъ сами, и если вы дѣйствительно библіофилъ, никогда чтеніе не доставитъ вамъ минуты, болѣе усладительной.

Одному только роду любителей здѣсь нечего дѣлать: это букинисту. Букинистомъ называю я не того скромнаго покупателя, который довольствуется книгами обыкновеннаго достоинства, но

чистыми, полными и прилично переплетенными; это человекъ благородный, но не любитель. Я говорю о собирателѣ книгъ запачканныхъ, разрозненныхъ, оборванныхъ, годныхъ только на обертку. Подобно тому, какъ на высшей ступени лѣстницы вы находите библіофила, строгаго и безжалостнаго судью, отвергающаго прекраснѣйшую книгу, лишь только онъ замѣтитъ въ ней самый простительный недостатокъ, такъ точно на низшей ступени вы встрѣчаете! любителя книгъ въ три су, много-много въ пять, въ десять. Это человекъ умный, человекъ, одаренный вкусомъ во всякомъ другомъ отношеніи, пріятный въ обществѣ, хорошій семьянинъ; умъ и вкусъ его извращены тогда только, когда дѣло коснется до книгъ. Ему всегда нужно дурное и дешевое, точно такъ, какъ истиннымъ библіофиламъ нужно прекрасное и дорогое, и если они смѣются надъ! нимъ, то, не безпокойтесь, и онъ платитъ имъ тою же монетою, и смотритъ съ улыбкою насмѣшливаго сожалѣнія на всѣ великолѣпныя изданія въ мірѣ. Дайте ему библіотеку де-Бюръ—онъ продастъ ее всю разомъ за пол-цѣны и закупитъ другую на набережной и на рынкахъ. Увы! снисхождение къ недостаткамъ ближняго! Кто изъ насъ не имѣетъ ихъ?

Еще нѣсколько дней—и прекрасная библіотека гг. де-Бюръ не будетъ существовать! Книги, которыя они собирали съ такою любовью, разойдутся по тысячамъ чужихъ рукъ и покинутъ маленькій кабинетъ, гдѣ ихъ берегли и лелѣли съ нѣжными попеченіями. Другія библіотеки обогатятся ими, чтобы быть расхищенными въ свою очередь. Жалкая участь всего земнаго! О мои милыя книги! придетъ день, когда и васъ разложатъ на столѣ для продажи, и когда раскупятъ васъ и будутъ владѣть вами другіе, быть можетъ, менѣе достойные владѣть вами, нежели вашъ теперешній хозяинъ! Онъ мой, однакожъ; я всѣ ихъ выбиралъ одну по одной, прискивалъ въ потъ лица моего, и такъ люблю ихъ! Мнѣ кажется, въ этомъ долгомъ и пріятномъ обществѣ съ ними онъ сдѣлался какъ будто частію души моей. Но что я говорю? Нѣтъ ничего прочнаго въ этомъ мірѣ, и не мы ли виноваты, если не научились изъ самыхъ книгъ нашихъ цѣнить превыше всѣхъ преходящихъ благъ, уносимыхъ теченіемъ времени, благо непреходящее, красоту безсмертную, безконечный источникъ всякаго познанія и всякой мудрости!

С. де-Саби.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

О ТУРЦІИ [*].

...Мы не очень понимаемъ восторгъ, внушаемый некоторымъ журналамъ Турціею. Эта нація, которая, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, едва считалась въ числѣ европейскихъ государствъ, вдругъ приняла страшные размѣры. Говорили, что она умерла, и вотъ она является полною жизнью; до сихъ поръ никто не вѣрилъ ни genius ея государственныхъ сановниковъ, ни искусству ея полководцевъ, ни дисциплинѣ ея войска, ни могуществу ея флотовъ, ни цветущему состоянію ея финансовъ,—и вдругъ она снова обрѣтаетъ и сераскировъ своихъ, и страшную артиллерію времени Салимана, и флоты и сокровища времени Барбаруссы, и фанатизмъ времени Магомета II. Абдуль-Меджидъ все еще *царь царей, раздавательъ отъцовъ земнымъ владыкамъ, тѣнь Аллаха, повелитель двухъ морей и двухъ материковъ!* Аллахъ! Аллахъ! Цветущія времена калифовъ готовы возвратиться. Исламизмъ возстаетъ и снова будетъ царствовать самовластно: этого требуютъ истинныя выгоды просвѣщенія; не крестъ, а полумѣсяцъ блистаетъ на христіанскомъ куполѣ Св. Софій: этого требуютъ истинныя выгоды церкви!

Если еще недавно эти новые поклонники полумѣсяца, подобно намъ, вѣрили ничтожеству турецкаго могущества, упадку Магометовой религіи, то не должно ихъ въ томъ упорять: теперь они откровенно сознаются въ своей ошибкѣ.—Это не наша вина, говорятъ они; это вина.... парламентскихъ говоруновъ 1840 года! Бѣдные парламентскіе говоруны! Вы увидите, коли скоро не скажутъ, что это

(*) Въ множествѣ великихъ статей о Россіи и Турціи въ иностранныхъ газетахъ, встрѣчаются изрѣдка и дальнія: помѣщаемъ одну, изъ послѣднихъ номеровъ Assemblée Nationale.

все они же въ теченіе 10 лѣтъ подписали Адрианопольскій договоръ и проиграли сраженіе при Незибѣ!

И во-первыхъ, отчего родилось это мнѣніе, распространенное повсемѣстно и во все времена, что Турція, рано или поздно, должна лишиться своихъ европейскихъ владѣній; что паденіе Константинополя въ 1453 году ждетъ мстителя; что просвѣщеніе, вмѣстѣ съ христіанствомъ, снова должно процвѣтать въ этихъ богатыхъ странахъ, скорѣе опустошаемыхъ, нежели управляемыхъ племенемъ чуждыхъ завоевателей. Отчего Востокъ полонъ этимъ върованіемъ до такой степени, что мусульмане сохраняютъ тщательно задѣланными ворота, въ которыя, говорить преданіе, должны войти въ Константинополь *Глуры*? Отчего г. Мэстръ и за нимъ г. Бональдъ могли напечатлѣть въ памяти свѣта эти знаменитыя слова: *«Турки только лагеремъ стоятъ въ Европѣ»*. На все это есть причина, глубокая, важная, историческая, и которая, быть можетъ, стоить труда, чтобы на нее указали.

Славные писатели рассказывали послѣдніе дни западной имперіи, предсмертную борьбу стараго свѣта, падающаго подъ повторенными ударами варваровъ, и новую Европу, выходящую изъ этихъ ожившихъ развалинъ, съ двумя символами своего могущества и своей вѣры: Крестомъ Христовымъ и мечемъ Карла Великаго. Цѣль, къ которой стремились дѣти свѣра, была еще болѣе—наслажденіе климатомъ и цивилизація покоренныхъ ими странъ, нежели истребленіе самой этой цивилизаціи. Совершенно чуждые всякой идеи общественнаго устройства, они какъ-нибудь безсознательно допускали уловлять себя въ хитросплетенную сѣть римскихъ учрежденій. — Идолопоклонники, они не въдали Христа, никогда не отвергались Его и не воинствовали противъ Него; побѣдители, они мало по малу приняли законъ побѣжденныхъ. Очищенные рождающимся свѣтомъ христіанской религіи, подчиненные въ теченіе времени привычкамъ домашней жизни, они способны были основать то европейское общество, которое одно наполнило собою исторію міра съ того дня, какъ оно приняло св. крещеніе въ лицѣ Хлодовика (*).

Совсѣмъ другое происходило на Востокѣ. Изъ числа народовъ-завоевателей одни Османлысы явились въ Европу съ просвѣщеніемъ уже довершеннымъ, съ страшнымъ призваніемъ распространенія своей вѣры. Они не только не допускали обращать себя въ христіанство, но пришли именно съ тою цѣлю, чтобы огнемъ и ме-

(*). Нечего напоминать читателямъ, что западный писатель все видитъ въ Исторіи еще только себя! *Ред.*

чемъ предписать законъ Пророка. Они не только разрушали наши храмы, но на развалинахъ ихъ воздвигали мечети. Ихъ цвлюю было не столько завоеваніе прекраснѣйшихъ странъ міра, сколько истребленіе христіанскаго имени.

Всѣмъ извѣстно, что исторія ихъ доказала это жестокииъ образомъ. Если они допустили существовать на востокѣ какому-то слабому и угнетенному подобію христіанской религіи, то это для того только, чтобы поддерживать между собою ненависть и презрѣніе къ христіанамъ, которые приобрѣли имъ столько побѣдъ. «*Что мнѣ за дѣло, говорилъ одинъ великій визирь какому-то посланнику, который объявлялъ ему о побѣдѣ, одержанной его государемъ, что мнѣ за дѣло, собаки ли грызутъ с иней, или свиньи пьдять собакъ*» (*). Свиньи, или собаки, христіане не могутъ быть ничѣмъ другимъ для *правовѣрныхъ!*

И такъ Турція устроилась и хотѣла жить *внѣ Европы*; а Европа, въ свою очередь, никогда не давала ей права гражданства между своими народами. Война съ Турками всегда была законною, церковь не переставала ее проповѣдывать, и всѣ державы, если и входили въ переговоры съ султаномъ, то только для того, чтобы получить отъ него уступки, которыя лишали его всѣхъ правъ судопроизводства надъ ихъ соотечественниками, живущими въ турецкой имперіи. Мы не хотимъ перевертывать кровавыхъ страницъ исторіи, которая начинается разграбленіемъ Константинополя и оканчивается морейскими убійствами; мы хотимъ только напомнить, что она не похожа на исторію новѣйшихъ временъ, а на исторію временъ дохристіанскихъ, и самую ужасную, которая когда-либо сохранилась въ памяти человѣческой!

Но, скажутъ нѣкоторые,—вы это все говорите намъ о старой Турціи; а у насъ передъ глазами Турція совершенно нова, Турція Махмуда и Абдуль-Меджида, Турція безъ чалмы и безъ янычаровъ, Турція *преуспевающая и полная терпимости*, Турція, въ которой нтъ ничего турецкаго! Мы знаемъ это; не будучи въ состояніи усвоить себѣ Европу оружіемъ, Оттоманы, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ, старались сблизиться съ нею сами посредствомъ нововведеній. Но скажите по совѣсти, можно ли называть хотя одного человѣка, нѣсколько опытнаго въ политикѣ, который вѣрилъ бы этому перерожденію древняго народа, невѣжественнаго и полнаго фанатизма, каковъ народъ Турецкій? Народъ не преобразуютъ вопреки его вѣрѣ, въ особенности, когда законъ *вѣры* замѣняетъ для него всѣ другіе законы. Можно отважиться на

(*). *Исторія Константинополя, Дужула.*

смѣлая попытка нововведеній въ одежду и церемоніалъ, звать *Е. В. Императоръ* того, кого до сихъ поръ называли *Его Высочество Султанъ*, но нельзя сдѣлать, чтобы фатализмъ превратился въ разумъ, неподвижность въ успѣхъ, а Азіятцы, въ теченіе вѣковъ косившіе въ многоженствѣ, въ Европейцевъ. Турція живетъ однимъ Кораномъ. Коранъ же основанъ на одной только силѣ, а сила не подлежитъ никакимъ измѣненіямъ. Она угнетается, или падаетъ; но она остается тѣмъ, что есть, или перестаетъ существовать. Народы, ведущіе происхожденіе свое отъ Голговы, одни знаютъ тайну наказаній, приносящихъ пользу, и жертвъ перерождающихъ. Законъ Магомета произвелъ завоевателей, но не могъ произвести цивилизаціи, еще меньше способенъ произвести возрожденіе. Исламизмъ значитъ покореніе; съ той самой минуты, когда вмѣсто того, чтобы покорять другіе народы, Османлисы сами покоряются имъ, чтобы получить отъ нихъ право существовать, нѣтъ болѣе Кораца, нѣтъ воиновъ Ислама, нѣтъ болѣе Турція! И притомъ же, какіе видимъ мы результаты отъ этихъ, черезъ чуръ превозносимыхъ реформъ? Давно ли была война Пелопонезская, ужасная война? И не будь возстановленія Греціи, наши султана развѣ не продолжали бы обогащать кровію землю Эллиновъ. Его алжирскій дей развѣ не продолжалъ бы держать скипетръ морскихъ разбоевъ, облагая податью европейскую торговлю и наполняя свои галеры христіанскими невольниками? Недавно писали, что Коранъ получалъ со дня на день толкованіе болѣе приспособленное къ духу времени. Но развѣ забыли, между прочими подробностями, дѣло турецкаго займа, которому едва миновалъ годъ, и который навлекъ слабому преемнику Солимана замѣчанія отъ всѣхъ дворовъ. Повѣренный Высокой Порты прѣхалъ въ Парижъ и Лондонъ; онъ сдѣлалъ заемъ, котораго обязательства вскорѣ начали обращаться во всѣхъ значительныхъ торговыхъ городахъ Европы. По возвращеніи его въ Константинополь, дѣло огласилось въ народѣ, общее мнѣніе взволновалось при этомъ нововведеніи, сословіе улемовъ собралось и напомнило султану, что Кораномъ запрещены всякія денежныя сдѣлки съ *неправными*, и султанъ испугался, и султанъ *хатти-шерифомъ* отрекся отъ всѣхъ переговоровъ, которые успѣшно окончилъ его повѣренный.

Турки суть Турки и всегда останутся *Турками*. Ничто не измѣнилось и ничто не измѣнится. Не должно на этотъ счетъ обманывать себя, не должно и сожидать объ этомъ.

Нѣсколько дней тому назадъ, — рассказывалъ намъ путешественникъ, только что возвратившійся изъ Константинополя, — султанъ Абдуль-Меджидъ вошелъ помолиться въ большую мечеть *Ал-Собіа*.

Замѣтивъ, что въ некоторыхъ мѣстахъ свода известка отстала и угрожала паденіемъ, онъ приказалъ отбить ее при себѣ. Лишь только сдѣлали нѣсколько ударовъ молотомъ, какъ открылась великолѣпная мозаика XIV столѣтія и разостлала надъ головою премника Магометова всѣ грозныя картины Страшнаго-Суда. Съ Софія императоровъ византійскихъ возникала изъ своего савана! Пораженный ужасомъ, Абдуль-Меджидъ тотчасъ приказалъ замазать это докучливое видѣніе, и въ Константинополь пронесся слухъ, что въ тотъ день султанъ воротился съ молитвы печальный и встревоженный!

Быть можетъ, это—предвѣщаніе, навѣрное—поразительная эмблема. Племя Османлисовъ только легкимъ слоємъ легло сверху европейскіхъ народовъ. Соскоблите турецкую штукатурку, и вы найдете подъ нею христіанскій востокъ; и эти прекрасныя прибрежія, такъ долго оставшіяся въ запустѣніи подъ игомъ варваровъ, снова зацвѣтутъ, какъ въ тотъ геройскій вѣкъ, когда крестоносцы дѣлили между собою царство Константина!... *Леопольдъ Гальера*.

С И Н О П Ъ.

Городъ *Синопъ*, (по-турецки *Синубъ*), лежитъ въ Анатолиі, на сѣверномъ берегу Чернаго моря, на полпути изъ Константинополя въ Трапезундъ и въ 100 миляхъ разстоянія отъ каждаго изъ этихъ двухъ городовъ. Онъ зависитъ отъ пашалыка ангорскаго; жителей имѣетъ отъ 8 до 10 тысячъ человекъ. Городъ построенъ на перешейкѣ полуострова, который вдается въ море въ видѣ мыса. Это самый сѣверный пунктъ этого огромнаго берега. Гавань простирается къ востоку отъ города; но такъ какъ она не заперта молами, то ее можно считать только рейдою. Рейда защищена баттарейми и городовою крѣпостью, большимъ и массивнымъ четырехугольнымъ зданіемъ, основаніе котораго восходитъ къ временамъ греческихъ императоровъ. На западъ отъ полуострова—другое пристанище для кораблей, называемое *Ак-Лиманъ* (Бѣлая гавань).

Важность Синопа состоятъ въ его верфи, единственной въ Турціи послѣ константинопольской. На ней строятъ фрегаты и линейныя корабли; такъ какъ сосѣднія горы доставляютъ лубовый, необыкновенно крѣпкій лѣсъ, то корабли, построенныя въ Синопѣ, славятся прочностію и долговѣчностію и слывутъ лучшими изъ всего оттоманскаго флота. Инженеры—большею частію иностранцы, находящіеся въ турецкой службѣ, а работники—тамошніе Греки, которые получаютъ отъ 10 до 12 су въ день.

Укрѣпленія гавани не полны и находятся въ дурномъ состоянн. Въ 1808 г., во время попытки лорда Дюкворта на Константинополь, французскій посланникъ генераль Себастьянн, который, какъ извѣстно, защищалъ этотъ городъ, понимая важность Синопа, отправилъ туда двухъ французскихъ инженерныхъ офицеровъ и двухъ унтеръ-офицеровъ съ порученіемъ исправить укрѣпленія. Первымъ ихъ стараніемъ было поставить баттарею на оконечности мыса, такъ, чтобы она повелѣвала обѣими сторонами полуострова и входомъ въ рейду. Потомъ они начертали планы многихъ другихъ крепостныхъ работъ, изъ которыхъ одни совсѣмъ не были приведены въ исполненіе, а другіе не были поддерживаемы, равно какъ и прежнія укрѣпленія. Такимъ образомъ, этотъ портъ оставался безъ поправокъ около сорока лѣтъ, а тѣ, которые начали дѣлать, еще не достигли необходимаго развитія.

Синопъ построень изъ развалинъ древняго греческаго города, Милезіанской колоніи, который возвышался на полуостровѣ, между тѣмъ какъ турецкій городъ расположенъ на перешейкѣ. Синопъ—отечество Діогена; онъ былъ столицею Митридата. Лукуллъ овладѣлъ имъ въ 71 г. до Р. X. Дома и укрѣпленія представляютъ множество древнихъ обломковъ, въ беспорядкѣ наваленныхъ. На нихъ видны греческія и паплатонійскія надписи; въ нихъ много бюстовъ и обезображенныхъ статуй. Путешественники упоминаютъ даже о цѣлой статуѣ, заложеной, внизъ головою, въ стѣнахъ крепости. Всѣ города Малой Азіи, гдѣ некогда процвѣтали искусства и просвѣщеніе, представляютъ подобное зрѣлище, столь тягостное для взора Европейцевъ. Турки болѣе трехъ столѣтій прозябали на этихъ величественныхъ развалинахъ, и не извлекли изъ нихъ для себя урока...

(С. Анж. J. D. Débats).

Припомнимъ, что Синопъ упоминается въ лѣтописи нашего Нестора, который приводитъ оттуда св. апостола Андрея въ Корсунь, и потомъ по Дивяпу на мѣсто Кіева.

Замѣтимъ кстати, что Черное море называлось Русскимъ при Несторѣ и до Нестора, со времени, можетъ быть, похода Аскольда и Дира подъ Константинополь, но не при св. апостолѣ Андрѣ, чего не говоритъ Несторъ, вопреки статьѣ петербургскихъ вѣдомостей. *Ред.*

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ПИСЕМЪ.

Берега Некара отличаются отъ рейнскихъ, горы положе, больше зелени, нѣтъ такихъ утесовъ, какъ тамъ, виды пріятнѣе.

Нѣмецкіе спутники, большею частію изъ сѣверной Германіи; изъ которыхъ нѣкоторые также въ первый разъ видятъ Некаръ, какъ я, вскричали—было сперва съ недоовѣрчивостію: «Ну гдѣ же хваленые берега Некара, гдѣ здѣшнія чудеса? такихъ мѣстъ у насъ много», и проч. Но послѣ утихли, и согласились, что мѣста въ самомъ дѣлѣ хороши. Рѣка часто извивается. На поворотахъ и другихъ неприступныхъ мѣстахъ попадаются развалины замковъ, напоминающія живо о среднихъ вѣкахъ.

Многія мѣста известны въ исторіи тридцатилѣтней войны. Вотъ, вотъ здѣсь 218 (или 418) Пеортеймцевъ было умерщвлено! закричалъ одинъ нѣмецъ, указывая на прибрежный посадъ, и человекъ десять оборотились на его голосъ съ видимымъ участіемъ. Подробности исторіи въ Германіи гораздо извѣстнѣе для большинства, чѣмъ у насъ.

Вчерашній конскій охотникъ встрѣтился со мною опять. Мы начали разговаривать, какъ знакомые; и онъ оказался очень умнымъ, дѣльнымъ и расположеннымъ къ справедливости человекомъ. Это ассесоръ изъ одного города въ Ганноверскомъ королевствѣ. Вчера, подъ вліяніемъ только что полученныхъ неожиданныхъ впечатлѣній, онъ не могъ, видно, воздержать свое удивленіе предъ стутгардскими заводами, и изливался въ патетической рѣчи только объ англійскихъ жеребцахъ и арабскихъ кобылахъ; нынѣ — онъ совсѣмъ другой человекъ, и разговоръ нашъ коснулся до всѣхъ предметовъ европейскіхъ. Къ намъ присоединилось нѣсколько другихъ собесѣдниковъ.

Потомъ заговорили мы объ явленіяхъ изъ міра невидимаго. Ассесоръ мой оказался чистымъ рационалистомъ, отъ котораго онъ отскакивали, какъ отъ шлифованной металлической поверхности, или лучше сравнить по русской пословицѣ: какъ отъ стѣны горохъ, хоть онъ не отвергалъ ихъ существованія. Что я не понимаю, что употребить не могу, того мнѣ не надо, твердилъ онъ. — А много ли мы понимаемъ, отвѣчалъ я? — Но это другой вопросъ! — Если вы принимаете, что онъ *есть*, міръ невидимый, такъ одно уже это допущеніе влечетъ за собой безчисленное множество слѣдствій, которыя не могутъ остаться безъ вліянія на всю нашу жизнь. — Для упрямѣго нѣмца эти слова оставались безъ смысла. Несмотря однакожь на свое невѣріе, или безприкладное вѣрованіе, онъ разсказалъ мнѣ два случая, въ истинѣ

которыхъ онъ былъ вполнѣ увѣренъ. Мнѣ жаль, что я не записалъ ихъ въ ту минуту, а теперь помню только ихъ содержаніе, а не подробности. Отцу ассесора, пастору, понадобилась пара лошадей. Онъ поручилъ купить ихъ одному своему прихожанину, который слылъ за знатока. Черезъ нѣсколько времени приходитъ къ нему, кажется, какой-то крестьянинъ. «Вы ищете лошадей». Да. «Не покупайте бурыхъ. Если вы купите бурыхъ, то будетъ бѣда».—Пастору показалось страннымъ такое предостереженіе, и онъ разсудилъ, что поручивъ купить лошадей своему другу, онъ долженъ взять тѣхъ, коня тотъ къ нему привести. Случилось, что комиссіонеръ привелъ бурыхъ лошадей, которыя и были взяты,—но чрезъ недѣлю эти лошади разбила пасторова работница, который ушибся до смерти, и сами, кажется, понесаясь, попали въ какую-то яму или рѣку.

— Предостереженіе было не нужно, твердилъ немецъ, и послушаться его было нельзя.

— Не слушайтесь, твердилъ я, но примите къ свѣдѣнію, что *есть* что-то другое, кромѣ того, что мы видимъ, а если *есть*, то и проч.

Другой случай, тоже заподлинно извѣстный немцу, состоялъ въ предчувствіи о смерти одного его знакомаго человека, которое имѣли нѣсколько лицъ, общихъ знакомыхъ, предчувствіе, сопровождавшееся нѣкоторыми очень разительными обстоятельствами, къ сожалѣнію мною позабытыми.

Мы говорили много съ немцемъ о нашихъ чиновникахъ и крестьянахъ. Ганноверскіе крестьяне, сколько мнѣ удалось замѣтить, пользуются наилучшимъ благосостояніемъ во всей Германіи.

На пароходѣ случилось мнѣ провѣрить замѣчанія мои о немецкихъ племенахъ. До сихъ поръ онъ различаются рѣзко, и Шваба, Австрійца, Баварца, Прусака, Гессенца, Ганноверца, Саксонца, различу я съ перваго взгляда. Надо бы поискать между ними Тацитовыхъ Квадовъ, Свевовъ, Херусковъ, и проч. Изъ всѣхъ немецкихъ племенъ считаю я лучшимъ и добрымъ—Швабовъ, то-есть Виртембергцевъ.

Была и тяжелая минута у меня на пароходѣ. Дочь моя познакомилась съ русскою дамою, которую узнала по ея разговору съ маленькимъ сыномъ. Это была г-жа Н., дочь сенатора нашего К., о смерти котораго я только что наканунѣ прочелъ въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. А она съ живѣйшимъ удовольствіемъ говорила о скоромъ возвращеніи въ отечество, а свиданія съ отцемъ...

Тяжело было мнѣ смотреть на нее, и я не рѣшился сообщить ей роковую вѣсть...

Въ Гейдельбергъ доплыли мы въ 3-мъ часу, а ближайшій поездъ отправляется въ Баденъ въ 4 часа; мы разочли, что не успѣемъ осмотрѣть развалины замка, и остались ожидать въ залѣ минуты отправленія.

Въ Осъ прѣехали часовъ въ 7; оттуда въ Баденъ-Баденъ особая желѣзная дорога привозитъ, кажется, въ полчаса. Всѣ вагоны были биткомъ набиты. Что за съездъ, и въ такое позднее уже время!

Отыскали М. С. Ш., которому дѣти обрадовались безъ памяти.

На другой день обошли городъ и мѣста прогулокъ, залы, гдѣ играютъ по утру въ рулетку и прочія азартныя игры, которыя привлекаютъ сюда народу гораздо больше, чѣмъ воды. Да вода-то собственно здѣсь и нѣтъ, а воздухъ, говорятъ, хорошъ!

Потомъ отыскала я нѣкоторыхъ москвитянъ: семейство А. Д. Ч., гдѣ узналъ о кончинѣ добраго, любезнаго Геништы....

Миръ его праху, — и благодарное воспоминаніе: при первомъ вступленіи моемъ на поприще жизни, онъ подалъ мнѣ руку помощи! Тридцать пять лѣтъ мы были знакомы, видѣлись въ последнее время хотя по разу въ годъ, но сохранили другъ къ другу одно и то же дружеское расположеніе.

Третій мѣсяцъ я только за границею, и вотъ уже слышу вѣстную скорбную вѣсть: И. Т. Кокоревъ, Л. С. Севрукъ, И. Н. Царскій, М. А. Окуловъ, О. О. Геништа. Съ Севрукомъ я простился въ Петербургъ, крѣпкимъ, веселымъ! Царскаго видѣлъ почти наканунѣ отъѣзда, въ совершенномъ здоровьѣ! Кокоревъ далъ честное слово: приняться за работу и заниматься усердно Москвитяниномъ до моего прѣзда!

Къ-сожалѣнію, не засталъ любезнаго кн. В. А. Ш. о памяти и расположеніи котораго слышалъ здѣсь такъ много пріятнаго. Вотъ что называется доброе семейство! Какое пріятное, любезное впечатлѣніе оставили всѣ члены его вездѣ, гдѣ имъ случилось пробить нѣсколько времени. И никого не встрѣчалъ я, кто бы этого не чувствовалъ, и не былъ имъ благодаренъ. Добру приходится иногда худо, но все-таки оно живо возчувствуется нынѣ или завтра, и получить себѣ награду, и внутри и внѣ. Вотъ вамъ общее мѣсто, которое не мѣшаетъ иногда повторять съ прочими.

Мнѣ хотѣлось видѣть домъ, гдѣ скопчался Жуковскій. Наведя справку и отыскавъ домъ, я остановился на бульварѣ, и смотрѣлъ

на окошко. Вдругъ подходитъ ко мнѣ молодой человекъ и приглашаетъ войти въ домъ—отъ имени кн. А. М. Горча, съ которымъ я имѣлъ честь предъ тѣмъ познакомиться у Н. А. М., и провелъ на гуляньѣ пріятнѣйшій часъ въ занимательной бесѣдѣ о дорогихъ воспросахъ. Князь занимаетъ именно тѣ комнаты, гдѣ жилъ и скончался нашъ незабвенный поэтъ. Онъ разсказалъ мнѣ много любопытныхъ подробностей о послѣднихъ годахъ жизни Жуковскаго, объ его литературныхъ предпріятіяхъ, о Странствующемъ-Жидѣ, о порученіи Кернеру перевести его на нѣмецкій языкъ.

Я просилъ показать мѣсто, гдѣ стоялъ смертный одръ Жуковскаго. Перекрестился и помянулъ покойника тамъ, гдѣ онъ испустилъ духъ.

Въ 6 часовъ мы ловляли въ Страсбургъ. На французской границѣ надо было записать имена. Я сказалъ свое имя, которое офицеръ и записалъ, но не безъ труда, хотъ оно состоитъ изъ краткихъ слоговъ, но неестественно для Французовъ соединенныхъ, а когда дошла очередь до Щепкина, то офицеръ вышелъ просто изъ себя: какъ ни бился, никакъ не могъ справиться: T, a, c, h!.. Comment, monsieur? T, a, c, h, e, p, k! Attendez, monsieur, p, k, t, a... Mais non, c'est impossible! Отъ смѣха не могъ выговорить онъ ни слова,—p, p, k, non, monsieur, j'ecrirai tout bonnement: monsieur à quatorze sousoppez,—и опять Французъ покотился со смѣха, хохоталъ такъ живо, искренно, что и мы всѣ захохотали. Въздъ Михаила Семеновича во Францію былъ самый комическій и забавный.

Въ таможенъ осмотръ былъ снисходителенъ и любезенъ. За паспортами хлопотъ было гораздо меньше, чѣмъ прежде. Железная дорога уничтожила вездѣ много затрудненій и лишнихъ формъ.

А въ теперешнихъ поѣздкахъ, право, есть что-то волшебное.—Ну, какъ третьяго дня бралъ я еще ванну въ Вильдбадѣ, успѣвъ послѣ того побывать въ Стутгардѣ, и все-таки видѣлъ тамъ что-нибудь, създилъ въ Гейльбронъ, изъ Гейльброна толкнулся въ Вейнсбергъ, вздъ и впередъ проехалъ все теченіе Некара, со всѣми его поворотами, познакомился съ десятками лицъ, со всѣхъ концевъ Германіи, промчался вдоль Рейна отъ Гейдельберга до Келя, осмотрѣлъ Баденъ-Баденъ, и увидѣлся тамъ съ московскими пріятелями, а теперь ужъ я ночую въ Страсбургѣ, и завтра буду въ Парижѣ, пожалуй хотъ въ Лондонъ...

Въ Страсбургѣ едва нашли мы двѣ каморки въ гостиницѣ Меца, и повалились спать, какъ разбитые.

Поутру взяли места на круговое, так называемое, путешествие, из Стразбурга в Париж, из Парижа в Брюссель, из Брюсселя в Ахен и Кельн, из Кельна вниз по Рейну, опять до Стразбурга. Вы можете повхатъ отсюда и по Рейну до Кельна, из Кельна в Брюссель, и потомъ в Париж, и наконецъ в Стразбургъ. На всемъ этомъ протяженіи вы вольны останавливаться, гдѣ угодно, и на сколько угодно времени, и потомъ продолжать путешествіе на всякомъ пароходѣ и во всякомъ повадѣ, на первыхъ мѣстахъ. Билетъ имѣетъ силу на цѣлый мѣсяцъ, и стоитъ 108 франковъ или по нашему около 100 руб. ассиг. — Вы заплатите эти деньги, гдѣ хотите, в Стразбургѣ, Брюссель, Майнцѣ, Мангеймѣ, и сдѣлаете свой кругъ до мѣста отправленія. Выгоды получается, кажется, 25 процентовъ, и потомъ вы забавляетесь отъ хлопотъ брать безпрестанно билеты и расчитываться. Вотъ какъ здѣсь все прилажено, и прилаживается больше и больше!

Поутру мы осмотрѣли Стразбургъ, памятники Гуттенбергу и Клеберу, Стразбургскій соборъ съ колокольней и часами; лишь только не успѣли побывать в кафе... гдѣ, говорятъ, находится самое огромное количество газетъ и журналовъ.

Въ 12-ть часовъ мы отправились в Парижъ, и уже не вѣли, не скакали, не мчались, а летѣли. Это былъ какой-то особенный скорый поездъ. На станціяхъ останавливались по три, по пяти минутъ не болѣе. Надо было видѣть, что была за толкотня, давка, рванье, около буфетовъ, какъ расчитывались продавцы и покупатели. *Un poulet, ... un verre de vin, ... deux pains, ... dix sous, ... deux francs, ... le reste... Allons, allons, messieurs!* Звонокъ, все бѣгутъ, спотыкаются... *Allons, allons, messieurs!* Свистъ — и опять покатались вагоны, на всемъ лету садятся все по мѣстамъ, какъ угорьлые, жуютъ, обтираются и наслу-наслу опомниваются.

Но вотъ Эперней, столица Шампаня. На галлерей буквами въ аршинъ написано: *Buffet d'Épernay, a 50 centimes le verre!* (Эпернейскій буфетъ Шампанское по 40 к. за бокаль.)

Машина остановилась, дверцы все расперлись, путешественники поскакали благимъ матомъ къ буфету. *Du Champagne, du Champagne!* Виночерпни въ бѣлыхъ передникахъ, бѣгаютъ назадъ и впередъ. Пробки летятъ въ потолокъ. Перестрѣлка не умолкаетъ. Шпшшъ, шшшгъ... бокалы пьются. Спросили и мы полбутылки. Поздравили Францію! Выпили по другому бокалу, закусили. *Allons, allons, messieurs!* А захотѣлось уже еще: *encore une demi-bouteille!* но звонокъ раздался, нѣкогда... побѣжали, съли,—и двинулись.

Въ 9 часу мы были уже въ Парижъ. Опять осмотръ, также енисходительный. У дверей ожидаютъ омнибусы. Куда, куда! Hotel de Douvre... Hotel des Princes... Hotel Moliere, au boulevard des Italiens: Сюда, сюда! Готово». Свли. Поѣхали... Hotel Moliere. Deux francs. Et pour le conducteur, monsieur, se qu'il bon vous plaira. А хозяйка у дверей дожидаются, подають руки,—милости просимъ! Пожалуйте! Par ici, monsieur, encore un petit bout d'escalier. Encore trois degres, и надо было взбираться по крутой лѣстницѣ, въ 15 этажъ, подъ самое небо, но куда-нибудь, лишь бы' отдохнуть, — а ужъ стало весело.

Парижъ. 12% августа. На другой день по приѣздѣ я обводилъ своихъ спутниковъ по главнымъ точкамъ Парѣжа, начавъ съ Итальянскаго бульвара, мимо Вандомской колоны, къ Магдалины, оттуда на площадь de la Concorde, къ обелиску, гдѣ видны съ одной стороны Елисейскія поля, а съ другой Тюльери, вотьомъ чрезъ Тюльерійскую рощу и садъ, мимо дворца и Лувра, въ Палероялю.

Парижъ все тотъ же—то же богатство въ магазинахъ, великолѣпие въ кофейныхъ, движеніе на улицахъ, если посмотреть съ перваго взгляда, но если всмотрись, то и заметишь, что у всѣхъ есть какая-то задняя мысль, что все какъ будто въ дорогѣ, на ходу, а не дома, что ожидается что-то, а что—неизвѣстно. Неудовольствія не примѣтно, да и спокойствія также. Никто, кажется, не поручится за завтрашній день, а еще меньше за слѣдующій годъ, хотя, вѣроятно, и наступитъ онъ безъ всякой переменны, —переменны неизбежной, но чрезъ должайшее время. Теперь Парижъ похожъ на человека, оглушеннаго сильнымъ нечаяннымъ ударомъ: онъ не можетъ собраться ни съ силами, ни съ мыслями...

Построекъ очень много, и откуда берутся деньги, не понимаетъ никто. Должно сказать вамъ, что цѣлая широкая улица идетъ теперь параллельно съ Тюльери и Лувромъ вплоть до Градской думы, что два четвероугольника къ Лувру кончены, и что отъ Лувра открыто все пространство къ Палероялю.

Какъ будто откупщикъ, нанесшій въ отчаяннѣ огромную сумму, далеко превышающую все его имѣніе, употребляетъ все свои усилія, чтобы пустить въ ходъ все дѣла, обезпечить весь успѣхъ, изобрѣтаетъ всякія штуки, чтобы сподобить народъ, (и на первыхъ порахъ, кажется, успѣваетъ, пьяныкъ встрягается. больше, —но нѣтъ, ночью скребетъ у него на сердцѣ и роковая минута приближается! Рино ли, поздно ли, а поглядитъ Генрихъ V на французскомъ престолѣ.

Смотря на это безчисленное множество магазиновъ, не понимаешь, кто же покупаетъ въ нихъ, и чѣмъ они содержатся. Указываютъ на городскихъ покупателей, но тамъ вездѣ свои есть магазины и свои производители. Иностранцы—отъ Нѣмцевъ не разживешься. Итальянцамъ самимъ вѣсть нечего. Остаются Англичане и Русскіе. Русскихъ теперь, слава Богу, не такъ много, а Англичане покупаютъ развѣ только модные товары, но прочіе вароватъ продать сами. Да сколько бы ни было покупателей, а все-таки, магазиновъ кажется больше. Представьте себѣ, что во всемъ городѣ всѣ нижніе этажи домовъ заняты магазинами....

Посидавъ у знаменитыхъ Провансальскихъ братьевъ, мы отправились въ театръ—смотреть Розу Шери, въ Филибертъ Ожье, и не нашли въ ней ничего особеннаго: порядочная актриса, — вотъ все, что объ ней сказать можно.

На другой день, въ воскресенье, отслушали мы обедню въ русской церкви. То же скромное помѣщеніе, тотъ же смиренный иконостасъ, какъ и въ 1839 году, но пѣніе прекрасное, и служба вообще благоговѣйная. Нынѣшній священникъ, О. В. Васильевъ, отличается особеннымъ рвеніемъ, и своими достоинствами заслужилъ себѣ почетное имя не только между Русскими, но и Французами. Онъ хлопочетъ о построеніи русской церкви. Да и странно не имѣть въ Парижѣ церкви Русскимъ, когда Турки строятъ себѣ мечеть.

Мы отправились въ Версаль, гдѣ спущены будутъ всѣ фонтаны, въ продолженіе Наполеоновскихъ праздниковъ. Что за давка была за билетами, какъ бѣгали получившіе, чтобъ скорѣе занять мѣста, мудрено описать, — а поѣзды отправляются ежедневно и по двумъ желѣзнымъ дорогамъ! Со стороны управленія прилагаются всѣ усилія для облегченія и удовлетворенія путешественниковъ: вездѣ разставлены люди, которые указываютъ вамъ дорогу, остерегаютъ отъ уклоненій, предупреждаютъ и объясняютъ недоумѣнія, отвѣчаютъ на вопросы, и все съ учтивостію, любезностію и догадливостію.

Я люблю Версаль съ ея великолѣпными галереями, широкими корридорами, безконечными переходами, парадными лѣстницами, широкими террасами, стриженными аллеями, разнообразными боскетами, эрмитажами, прудами, фонтанами, съ ея Лудовикомъ XIV, который, кажется, еще живъ, и смотреть изъ окошка. Прошлись по заламъ, украшеннымъ картинами французской Исторіи. А нечего сказать: пожили Французы! Всякая Исторія имѣетъ свои достоинства, но нельзя не согласиться, что движенія нигдѣ нѣтъ больше, чѣмъ во

французской; молодому человеку есть о чемъ подумать, пометчать, есть надъ чѣмъ восторгаться.

На силу вырвались мы изъ душныхъ залъ на свѣжій воздухъ, успѣвъ проголодаться; а вотъ и закуска у самаго входа въ садъ, но къ сожалѣнню состоящая изъ однихъ сластей съ разными соками. Надо было любоваться на этихъ проворныхъ торговцевъ, которые угощали прохожихъ! Чтѣ за движеніе около ихъ столовъ. Какъ они наливали стаканы, расчитывались, обгали глазами предстоящихъ, чтобъ не пропустить никакого должника....

Обойдя нѣсколько аллей, мы расположились въ толпѣ народа на берегу пруда, изъ котораго Нептунъ со свитою своею бросаетъ высокія струи во все стороны. Берега кругомъ были обтѣнены народомъ. Сколько толковъ и разсужденій, и опять какое разнообразіе. Вездѣ кипитъ жизнь, хоть и — мелкая.

Послѣ фонтановъ мы побродили еще по аллеямъ, послушали военной музыки, расположенной въ разныхъ частяхъ сада, посмотрѣли на разныя группы, большею частію изъ простолудиновъ, и отправились на желѣзную дорогу, ибо дожидаться потыпныхъ огней было бы опасно. Какъ съли мы на мѣста, я уже и не помню. Поутру была давка за билетами, среди бѣла дня, а теперь, ночью, была не давка, а какой-то неистовый приступъ. Получивъ билеты, мы должны были дожидаться съ часъ минуты отправленья въ залъ, гдѣ яблоку негдѣ было упасть. Потъ катился градомъ со всѣхъ лицъ. Наконецъ раздался звонокъ, и все бросились изъ дверей къ вагонамъ.

Вотъ вамъ и другой день въ Парижѣ. На третій день — но я уже и позабылъ, чтѣ дѣлалъ въ третій день. Кажется, были мы въ Лувръ. Близъ входа во вновь устроенной залъ со свѣтомъ сверху, предъ галлереей, выходящею на Сену, собраны все лучшія картины, наподобіе флорентинской трибуны: и Святое Семейство, и Мадонна, и Михаилъ Архангелъ Рафаэля, и Леонардо да-Винчи, и Корреджіо, и последнее миллионное приобрѣтеніе музея, Мурилова Божія Матерь.

Въ другой разъ обошли мы археологическое отдѣленіе музея, которое, кажется, не имѣетъ въ своемъ завѣдываніи критики. Множество вещей интересныхъ, но множество также подложныхъ, т. е. въ родѣ нашихъ бардинскихъ.

Рисунки и гравюры расположены нынѣ по стѣнамъ въ новыхъ залахъ. Вообще помѣщеніе роскошное, и музей занимаетъ почти цѣлый городъ. Знаменитое и завидное учрежденіе. Говорятъ — и бібліотеку хотятъ перевести сюда же: Лувръ сдѣлается самымъ обширнымъ и богатымъ храмомъ наукъ и искусствъ!

А музея произведеній: валии не удалось мнѣ и нигдѣ видѣть. Опять передѣлки. Видно строгая тѣнь г-на К. мѣшает мнѣ поклониться Милосской Венерѣ, считая меня недостойнымъ ея лицезрѣнія.

Вечеръ провелъ я у Тьеры, котораго желалъ послушать о Норманнахъ и объ ихъ учрежденіяхъ въ покоренныхъ ими странахъ.

Г. Лаво, сынъ московскаго старожила, издаващаго вѣкогда описаніе Москвы, привелъ меня къ нему. Тьеры живетъ за Луксамбургомъ, въ самой уединенной части города, въ домѣ известной графини Бельжойозо, которую газеты недавно уморили было напрасно. Онъ слѣпъ и безъ ногъ, уже лѣтъ 30. (Въ предисловіи къ одному изъ первыхъ изданій своего Завоеванія Англіи Норманнами, 1830 года, онъ говорилъ уже о своей болѣзни.) Ужасное положеніе, и надо дѣйствительно удивляться твердости его духа, силѣ умственныхъ способностей, запасу вниманія и терпѣнія, кои даютъ ему возможность не только заниматься и читать, но и сочинять дѣльными и связными разсужденіями, отличными по слогу.

Вотъ механизмъ его работы: онъ заставляеть себя читать источники, летописи и граматы, потомъ указываетъ, что надо изъ нихъ выписать подѣ известными подраздѣленіями. Когда накопится, по его соображенію достаточное количество выписокъ о данномъ предметѣ, онъ заставляеть перечитывать себя ихъ сряду, и выводитъ свои заключенія, кои потомъ вмѣстѣ съ цитатами диктуеть, переслушивается, исправляетъ и приводитъ въ порядокъ.

Книга его, которую мнѣ случилось перечестъ недавно, Исторія покоренія Англіи Норманнами, устарѣла: видишь на всякой страницѣ Француза, который ищетъ занимательности описаній, картинности положеній, разительности подробностей, и скользитъ по источникамъ, не давая себѣ времени въ нихъ углубляться.

Вы читаете, на прямърь, безчисленныя описанія опустошеній, и безпрестанно видите опустошенныя мѣста вновь населенными: значитъ, что описанія летописцевъ исполнены общихъ мѣстъ, завалены соромъ, котораго надо разгребать много, чтобъ добраться до истины, а онъ только что очищаетъ и перелагаетъ ихъ, угождая вкусу.

Новое поколѣніе ученыхъ, съ коимъ случилось мнѣ говорить о Тьерѣ, въ Парижѣ и Нормандіи, осуждаютъ его пристрастіе къ сторонѣ побѣжденной, что было впрочемъ а *l'ordre du jour*, во время его выступленія на поприще. Другіе не довольны его недостаточной оцѣнкой заслугъ духовенства и дворянства. Вездѣ слышатся голоса партій, или старыхъ предразсудковъ. Еще замѣтилъ я, что фран-

пузскіе ученые не любятъ приписывать ничего чуждому вліянію, и потому о Норманнахъ говорить, какъ о мимотекшемъ явленіи: они не сдѣлали сами ничего, а приняли все отъ Франковъ, — какъ будто получить что-нибудь отъ Франковъ безчестнѣе, чѣмъ отъ Норманновъ.

Провинціальныя ученые вообще отзываются не только о Тьери, но и о Гизо: «когда этимъ господамъ останавливаться на частностяхъ: они бросаютъ высшіе взгляды» и проч.

Тьери принялъ меня очень ласково. Ему лѣтъ 60. Голосъ у него не совсѣмъ пріятный, сильный. Увидя его на его низкихъ креслахъ, точь-въ-точь въ такомъ положеніи, въ какомъ я видалъ многихъ больныхъ въ Вильдбадѣ, и слышавшихъ о чудесныхъ дѣйствіяхъ тамошнихъ водъ, я заговорилъ объ его болѣзни, тотчасъ послѣ первыхъ привѣтствій, и предложилъ ему путешествіе въ Вильдбадъ. Онъ былъ очень тронутъ и поблагодарилъ меня за мое участіе. — «Нѣтъ, не могу я рѣшиться», сказалъ онъ со вздохомъ. «Какъ мнѣ можно думать о дальнемъ путешествіи, когда перемѣна квартиры меня мучить».

Это положеніе слѣпца очень понятво: въ самомъ дѣлѣ, теперь онъ знаетъ наизусть свои комнаты, знаетъ размѣщеніе всѣхъ утварей и мѣсто всѣхъ книгъ и рукописей. Онъ живетъ, такъ сказать, вмѣстѣ съ ними со всѣми. Малѣйшая перемѣна производитъ уже въ немъ безпокойство, нарушаетъ его внутреннюю гармонію; перемѣнить жилище — для него мученіе.

Я однакожъ не переставалъ убѣждать его, по какому-то внушенію, что это леченіе облегчитъ его страданія. — Вы пріѣдете въ Стразбургъ къ вечеру, говорилъ я ему, въ покойномъ вагонѣ, какъ будто не выходя изъ своего кабинета и не вставая съ своихъ кресель. Въ Стразбургъ вы переночуете, и на другой день столь же спокойно пріѣдете въ Дурлахъ, откуда любая коляска привезетъ васъ чрезъ пять часовъ въ Вильдбадъ. Удобства тамъ найдете вы всѣ, и опасности никакой. Чистый, легкій воздухъ, купанье въ теплой водѣ, не могутъ ни въ какомъ случаѣ причинить вреда, а польза можетъ произойти. Рѣшитесь.

«Надо поговорить съ докторомъ Луи. Развѣ весною...»

Я просилъ у него совѣтовъ для путешествія въ Нормандію: онъ указалъ мнѣ на молодого ученаго Делиля, одного изъ библиотекарей, на котораго вообще возлагаютъ здѣсь большія надежды, и который недавно издалъ книгу о земледѣльчeskомъ классѣ, преимущественно въ Нормандіи. — «На меня нападаютъ», сказалъ Тьери, «но я радъ всегда отдать справедливость достоинствамъ.» Мы говорили о раздѣленіи земли въ Нормандіи и Англіи. Я предложилъ ему свои

недоумѣнія объ отсутствіи лентъ въ древней Россіи, и передалъ ему Несторовы мѣсткія о первомъ водвореніи Норманновъ.

Поздно вечеромъ оставилъ я бѣднаго Тьерри, котораго видъ возбуждаетъ состраданіе.

Послѣ познакомился я съ молодымъ Делилемъ, который самъ родомъ изъ Нормандіи. Онъ нависалъ мнѣ маршрутъ, и снабдилъ меня письмами ко всемъ тамошнимъ ученицѣмъ въ Руанъ, Канъ, Байе.

Четвертый день посвященъ былъ Фонтенебло, гдѣ живетъ мой старый воспитанникъ, кн. Н. И. Г., по причинѣ болѣзни жены. Мнѣ очень пріятно было увидѣться съ нимъ, и вспомнить давно-прошедшее время. Въмѣстѣ общици мы обширныя аллеи и палаты, столько знаменитыя во французской исторіи, гдѣ каждый король оставилъ по себѣ память. И покойный Людовикъ-Филиппъ поработалъ много,—думалъ ли онъ, что хлопочетъ для Бонапартова племянника, своего гамскаго плѣнника. Что за коловратность во французской исторіи. Послѣ объѣхали мы по всемъ направленіямъ обширнѣйшіе лѣса, окружающіе замокъ, и осмотрѣли нѣкоторыя равнины, по коимъ разсыпаны огромные камни въ ужасномъ, но пѣтическомъ безпорядкѣ, вследствие какого-то всемірнаго переворота. Поразительно видѣть эти дикія пустыни околоротопнаго времени въ соседствѣ съ монументами новой роскоши, разнообразнаго великолѣпія и изысканнаго искусства.

Поручивъ дѣтей попеченіямъ М. С. Ш., я отправился въ Руанъ, съ вторымъ повозомъ, и, чрезъ пять часовъ, немного за полдень, былъ уже въ столицѣ Нормандіи, на Сенѣ. Отыскалъ тотчасъ г. Борепера, служащаго архиваріусомъ въ городскомъ архивѣ. Онъ сидѣлъ, окруженный пергаментными грамотами, съ которыхъ и началось наше обозрѣніе. Грамотъ у Французовъ богатство необозримое, изъ тѣхъ столѣтій, отъ коихъ мы имѣемъ едва единицы, но грамотъ на латинскомъ языкѣ, кои, впрочемъ, отнюдь не обработаны еще такъ, какъ мы теперь собираемся обработывать наши источники.

Потомъ мы обошли соборъ, знаменитѣйшее готическое зданіе во Франціи, обозрѣли Городскую Думу, не менѣе примѣчательную, помянули славную Орлеанскую дѣву на мѣстѣ ея казни, не ознаменованномъ, къ стыду Франціи, никакимъ достойнымъ памятникомъ, рассмотрѣли въ одномъ частномъ домѣ, на наружныхъ стѣнахъ, лѣпныя изображенія горельефами, встрѣчу и свиданіе Франциска I съ Генрихомъ VIII, которое предстаетъ теперь на какомъ-то французскомъ театрѣ, и совершили путешествіе въ церковь за-городомъ, гдѣ умеръ или положенъ былъ Вильгельмъ Завоеватель. Въ городѣ

ской библиотекъ разсмотрѣвъ я хронику Дудона Сен-Кентенскаго, и попросилъ г. Борепера отыскать мнѣ мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о первомъ дѣленіи Норманнами земли веревкою, которое онъ къ счастью скоро у насель. Дѣленіе веревкою встрѣчается и у насъ по граматамъ.

Изъ Руана въ Канъ должно было вѣхать въ дилижансѣ, во всю ночь на пролетъ, съ 6 часа вечера.

Чѣмъ свѣтъ пріѣхаль я въ Канъ, усталый и измученный, но не хотѣлъ тамъ оставаться, и свѣшилъ къ цѣли своего путешествія въ *Байе*. Позавтракавъ кое-какъ, я пустился въ какомъ-то омнибусъ, и чрезъ два часа былъ уже на мѣстѣ. Отыскалъ г. Ламбера, смотрителя городской библиотеки, который тотчасъ и повелъ меня къ коврамъ, или, правильнѣе, холстинамъ Матильды Фландрійской, королевы англійской, дюшессы нормандской, супруги Вильгельма Завоевателя.

Это такой памятникъ, для котораго стоить труда нарочно пріѣхать изъ Россіи въ Байе. Я позабылъ свою усталость и наслаждался вдоволь подробнымъ обзорнѣемъ всѣхъ изображеній подъ руководствомъ любезнаго библиотекаря, который, замѣтивъ тотъ — часть мое искреннее удовольствіе и участіе, обрадовался самъ случаю показать свое знаніе. Онъ познакомилъ меня въ то же время съ возраженіями Аббата Деларю, который приписываетъ памятникъ позднѣйшей Матильдѣ, императрицѣ, дочери Генриха I.

Важный для исторіи Англій, Франціи, и вообще среднихъ вѣковъ, онъ важенъ и для насъ, представляя намъ Норманновъ, родныхъ братьевъ нашихъ.

Покореніе Англій Норманнами вы видите съ перваго шага до совершеннаго окончанія. Вотъ они рубятъ лѣсъ, вотъ строятъ лодки, спускаютъ на воду, вотъ плывутъ по морю, высаживаются на берегъ, отправляютъ посольства, вступаютъ въ сраженіе, побеждаютъ, берутъ плѣнниковъ, предаютъ все огню и мечу, вступаютъ во владѣніе, пируютъ и проч. и проч. Это цѣлая исторія въ лицахъ.

Одежды, оружіе, — мечи, шлемы, щиты, копья, — утварь, посуда, точъ-въ-точъ, какія мы видимъ въ рисункахъ, приложенныхъ къ харатейному житію св. Бориса и Глѣба, на изображеніи въ Святославовомъ Сборникѣ, на образахъ св. Владимира съ сыновьями.

Холсты занимаютъ обширную комнату, расположенные стоймя покомемъ на столахъ, съ двухъ сторонъ, длиною 210 футовъ, 11-ть дюймовъ, вышиною 19 дюймовъ.

Они вышиты разноцветными шерстями. Нѣкоторыя краски еще свѣжи. Рисунокъ грубый и младенческой, въ родѣ нашихъ древнихъ образовъ. Въ современности ихъ съ событіемъ (1066) сомнѣнія нѣтъ: столько здѣсь есть частности и подробностей, коихъ нельзя ни выдумать, ни знать никому, кромѣ современника.

Я былъ доволенъ какъ нельзя болѣе, и утомительное мое путешествіе вознаградилось сторицею.

Больше никакихъ памятниковъ норманскихъ здѣсь нѣтъ, хотя Байе всегда считался между Норманнами хранилищемъ народнаго духа и языка, и они, долго спустя по водвореніи, присылали сюда дѣтей воспитываться чтобъ они дома не забыли норманскаго языка.

Мнѣ хотѣлось дохватъ до моря, чтобъ видѣть мѣсто, гдѣ при-ставали Норманны во время оно, но вѣтеръ былъ очень силенъ, и я, побоясь простуды, замѣнилъ путешествіе восхожденіемъ на колокольню, съ которой видно море.

Причетникъ разсказалъ мнѣ исторію церкви такъ ясно, изящно, такъ художественно, драматически, какъ я не слыхалъ нигдѣ ни одного актера въ Парижѣ. Удивительный голосъ, удивительный тонъ, и удивительное искусство. Онъ былъ бы украшеніемъ любой сцены.

Позавтракавъ нанкусвѣйшей рыбы, приготовленной по-нормански, я обратился въ Канъ.

Въ Канѣ отыскалъ проф. Шарма, къ которому также имѣлъ письмо отъ любезнаго Делля, и онъ обводилъ меня по главнымъ церквамъ, показалъ библіотеку, гдѣ хранится копія съ Матильдиныхъ холстовъ, нѣсколько уменьшенная, потомъ общество нормандскихъ изслѣдователей древностей, которое совѣстился, впрочемъ, показать, потому что оно помѣщается бѣдно, и не приведено въ надлежащій порядокъ.

Нѣсколько часовъ провелъ съ г. Шарма съ особеннымъ удовольствіемъ: это любезный, добрый, простосердечный ученый. Я попалъ на него врасплохъ, по окончаніи экзаменовъ, въ Коллегіи, (предъ коей красуются статуи — Лапласа—и еще непомню чья), и онъ, разумеется, усталый, нѣсколько однако же не остановился отъ новаго труда водить по городу невѣстнаго путешественника и показывать ему все достопамятности.

Разумеется въ вознагражденіе я долженъ былъ отвѣчать ему на множество вопросовъ о Россіи, историческихъ учрежденіяхъ, лицахъ и проч.

Мнѣ хотѣлось отправиться отсюда въ Валь-Рише, помѣстье Гизо, близъ Лизье, но узналъ, что едва ли онъ теперь здѣсь, потому что ничего о немъ не было слышно.

Дождь полилъ какъ изъ ведра, и я рѣшился вѣхать ночью въ Руанъ.

Въ Руанъ можно было поспѣть къ первому поезду по желѣзной дорогѣ, но я не догадался выйти изъ дилижанса съ ближайшей точки, и добѣжалъ до конторы, гдѣ, кажется, нарочно задержали пассажировъ, чтобъ они остались на нѣсколько времени въ городѣ, въ пользу трактирщика.—Я вырвался наконецъ изъ запертыхъ дверей, и ко мнѣ подвернулся проводникъ, который взялся довести ближайшей дорогой,—мы побѣжали было бѣгомъ, но увы! только что приблизились къ воротамъ желѣзной дороги, какъ услышали роковой свистокъ отъѣзда. Предосадно—три минуты разницы, и я поспѣлъ бы въ Парижъ къ 12 часамъ. Съ горя пріютился около буфета, напился кофе и повалился спать, въ ожиданіи слѣдующаго поезда. Написалъ однакежъ записку къ любезному г. Бореперу, прося его къ себѣ, и не имѣя самъ силы двинуться съ мѣста.

Моя неосторожность, впрочемъ, и безъ того достойна осужденія: ну къ-чему мучился я два дня, когда, употребивъ одинъ лишній день, я могъ сдѣлать все гораздо пріятнѣе и спокойнѣе.

Бореперь не являлся, и я пошелъ гулять по городу, осмотрѣть мостъ, на которомъ стоитъ статуя Корнеля, и въ 12 часовъ, наконецъ, пустился въ путь.

Возвратившись, я нашелъ свою молодежь въ такихъ попыхахъ со спектаклей, концертовъ, косморамъ, діорамъ, панорамъ, магазиновъ и разныхъ гуляній; что тотчасъ рѣшилъ: пора домой!

Надо было подумать о покупкахъ. Любезный нашъ г. Лаво указалъ мнѣ на магазинъ готоваго платья, подъ вывѣскою de la belle Jardinière.

Представьте себѣ огромный домъ почти со сквозными этажами, которые, я уже и не понимаю какъ, одинъ на другомъ держатся. Этотъ домъ раздѣленъ на нѣсколько особыхъ частей, какъ бы кварталовъ: въ одномъ кварталѣ видите вы несмѣтное количество фракковъ, всѣхъ мѣръ, цвѣтовъ, и добротъ; въ другомъ столько же сюртуковъ, въ третьемъ жилетовъ, и такъ далѣе. Подраздѣленія: зимнее и лѣтнее. Каждой кварталъ находится подъ наблюденіемъ особаго прикащика, который имѣетъ своего помощника. Вы говорите ему: мнѣ нужно фракъ, такого-то цвѣта и въ такую-то цѣну. Онъ измѣритъ васъ зоркими и опытными своими глазами, или прикинетъ свою мѣрку, и чрезъ минуту вы получаете желаемое платье, которое примѣриваете предъ великолѣпнымъ зеркаломъ, и предъ критикой самаго проницательнаго судьи. Нѣтъ, говорить онъ, оживуъ

вась взглядомъ мастера, вамъ нужны талія повыше, рукава подлиннѣе, воротникъ отложе,—снимаетъ съ вась фракъ, и чрезъ минуту приносить другой: вотъ этотъ обилася около вась, видите—какъ онъ играетъ....—Жаль, что я позабылъ всъ его выраженія, а онъ меня очень забавлял. Цѣны назначены и приклеены къ каждой одеждѣ—и до такой степени умеренны, что нельзя не удивляться. Сравнительно съ московскими и петербургскими дешевле по крайней мѣрѣ вдвое, если не больше.

Въ четверть часа путешествіе наше кончилось: мы обошли всъ кварталы, и въ нижнемъ этажѣ, въ конторѣ, передъ дверью входа и выхода получили отобранныя вещи вмѣстѣ съ счетомъ. Вся эта операція такъ мнѣ понравилась, даже больше чѣмъ понравилась, доставила какое-то удовольствіе, что я спросилъ у конторщика адреса, съ намѣреніемъ указать, кому случится изъ знакомыхъ, на ихъ примѣчательное заведеніе. Конторщикъ подаетъ мнѣ пять медалей, очень изящно вычеканенныхъ. Это что такое? Это наши адреса. Какъ адреса? Снимки съ медалей, полученной нами отъ правительства за послѣднюю выставку. На медали были означено, что *La belle Jardinière* представила на выставку полную одежду, состоящую изъ пальто, жилета и панталонъ за 5 фр. 75 сант., за что и награждена этою медалью! Каково! За полтора рубля серебромъ цѣлая одежда!

Я вышелъ изъ магазина, какъ изъ спектакля.

Г. Лаво рассказалъ мнѣ объ одной забавной тяжбѣ, которую магазинъ Прекрасной Садовницы имѣлъ недавно съ директоромъ водеvilнаго театра. Какъ могли поссориться портной съ театромъ? А вотъ какъ: въ водевилѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ замѣтило другому, что у него распоролся фракъ. *Quel diable*, отвѣчаетъ другой, я купилъ фракъ *chez la belle Jardinière*. И на другой день хозяинъ *de la belle Jardinière* подалъ просьбу въ судъ исправительной полиціи, что довѣренность къ его дому подрывается выходкою водеvilнаго героя, что его дѣла могутъ отъ того придти въ упадокъ, и прочее и прочее. Приглашены адвокаты, которые, вѣрно, получили по даровому платю, и постарались доказать, что въ платьѣ *de la belle Jardinière*, по самому процессу ея шитыя, никогда не можетъ быть никакой прорѣхи, покуда развѣ оно износится. — «Вотъ, на примѣръ, этотъ фракъ, вы видите, я купилъ его тогда-то. Я ношу его всякой годъ, но разсмотрите—каковы всѣ швы, какъ будто вчера съ иглочки—и пошелъ, и пошелъ (*)!»

(*) Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ *Allgemeine Zeitung*, напечатано письмо парижскаго ея корреспондента, что въ числѣ послѣднихъ арестовъ взято изъ магазина *de la belle Jardinière* 22 портныхъ подъ стражу, по подозрѣнію въ политическихъ замыслахъ. О любезные Галлы!

Женскіе наряды взялась выбрать и накупить г-жа Богданова, съ которою насть познакомилъ М. С., старинный покровитель этого семейства.

Женскіе наряды вообще здѣсь дороже мужскихъ, и разница съ московскими цѣнами не такъ велика, но нельзя же не купить чего-нибудь въ Парижѣ.

Московское семейство Богданова живетъ въ Парижѣ давно, и старшая дочь, дочь известной московской танцовщицы Карпаковой, получила уже знаменитость. Успѣхами своими она обязана больше всего попеченіямъ мачихи, родомъ француженки, которая, по окончаніи службы отца на московской сценѣ, убѣдила его перевзхатъ на житье въ Парижѣ, чтобъ тамъ дать художественное воспитаніе дѣтямъ. Лишая себя самаго нужнаго, при помощи небольшой пенсін, записали они дѣтей въ дѣвѣннюю консерваторію, и прожили кое-какъ нѣсколько лѣтъ, отчасти въ долгу; дѣти работали часовъ по пятнадцати, семнадцати въ день. Изъ многихъ домовъ принуждены они были выѣзжать, потому что другіе жильцы не хотѣли жить вмѣстѣ съ ними, и слушать безпрестанное брянчанье не фортепiano, отдѣранье на скрипкѣ, и плачь на флейтѣ. Блистательный успѣхъ наградила всѣ эти труды и пожертвованія. Надо прибавить еще, что всѣ дѣти отличаются какою-то особенною русскою кротостію, терпѣніемъ и послушаніемъ, которыми очень счастливо умѣла воспользоваться французская взыскательность и настойчивость ихъ рѣдкой мачихи. Она выработала просто чудеса! Не слишкомъ ли страдательными орудіями окажутся онѣ въ зрѣлыхъ своихъ лѣтахъ—это покажетъ время, а теперъ старшая дочь, которой нѣтъ, кажется, осьмнадцати лѣтъ, занимаетъ мѣсто первой танцовщицы на сценѣ Большой Оперы, и противопоставляется Черито; старшій сынъ получилъ первую премію за экзамень изъ семнадцати своихъ сверстниковъ, которые должны были проиграть какую-то труднѣйшую піесу. Русскому мальчику получить первую премію изъ 17-ти—не шутка! Дѣвица Богданова получила приглашеніе на зиму въ Ввну на императорскій театръ.

Я обѣдалъ съ дѣтьми и М. С. Щепкинымъ у Богдановыхъ. Ихъ простой, умѣренный обѣдъ, за которымъ прислуживала и знаменитая танцовщица и побѣдитель-скрипачъ, на пятнадцатомъ, кажется, этажѣ, въ отдаленной части города, доставилъ мнѣ искреннее удовольствіе. Послѣ обѣда молодой человекъ проигралъ намъ свой концертъ, и видя, какой потъ съ него катился, можно было вообразить, что съ нимъ было, когда его слушали эксперты консерваторіи.

Богдановы получили теперъ позволеніе отъ благодѣтельнаго начальства остаться еще два года въ чужихъ краяхъ; это для нихъ

было необходимо, дабы расплатиться съ своими долгами, и поставить дтей еще потверже на избранныхъ путяхъ.

Предъ отъездомъ мнѣ случилось представить это семейство Н. И. Гречу, который встрѣтился у меня съ ними наканунѣ нашего отъезда, и просить его о покровительствѣ какъ въ Парижѣ, такъ и въ Петербургѣ, чтѣ онъ съ такою любезностію уже и исполнилъ.

Вечера опять посвящены были театрамъ, хотъ и пришлось смотреть почти вездѣ на актеровъ подставныхъ: у Porte St. Martin играютъ разъ сто сряду Консульство и Имперію, то-есть Исторію Наполеонову въ лицахъ. Спектакль великолѣпный, (почему бы неупотребить здѣсь: позорище великолѣпное): сраженія, осады, приступы, пожары, празднества, все передъ глазами. Тысячи народу на сценѣ. Все слажено, или, говоря языкомъ театральнымъ, поставлено отлично. Костюмы вѣрные и подлинныя, начиная отъ сѣраго сюртука Наполеонова и трехъугольной шляпы,—но когда заговорилъ Наполеонъ, то очарованіе все исчезло. Это верхъ посредственности, бездарности и даже глупости: потому что можетъ ли быть что-нибудь нелѣпнѣе, какъ придать Наполеону въ рѣшительныя минуты сраженій напыщенный тонъ какого-нибудь дюжиннаго адвоката въ маленькомъ городкѣ! Странно даже, какъ позволяются такія нелѣпости и начальствомъ и публикою. Я надвѣялся увидѣть вѣрное подобіе Наполеоново, какъ напримѣръ на нѣмецкихъ сценахъ можно видѣть подобіе Фридрихово, сохранившееся въ преданіяхъ,—ни тутъ-то было.

Кстати о Наполеонѣ. Въ Елисейскихъ поляхъ показывается прекрасная панорама сраженія при пирамидахъ, при чемъ указатель подробно описываетъ всѣ движенія войскъ, и всѣ распоряженія генераловъ, между которыми вдали на бѣлой лошади виднѣтся Бонапартъ: «мы ночевали тамъ, вдругъ приходитъ извѣстіе, мы двинулись туда-то, увидѣли....сдѣлали залпъ....Parbleu.... c'était un carnage!»

Гробницы Наполеоновой не удалось намъ увидѣть: въ формѣ билетовъ для входа провозшла какая-то перемѣна, а мы получили изъ посольства еще прежніе. Смотритель отказалъ намъ даже съ грубостію, чтѣ я замѣчаю, какъ рѣдкой случай между Французами.

Быль однакожъ и другой: въ зимнемъ саду, который бываетъ открытъ и лѣтомъ, но называется такъ потому, что находится подъ крышею, даются концерты. Мы отправились туда, и прослушавъ двѣ или три піесы, встали съ мѣстъ, и пошли гулять между великолѣпными деревьями, кустарниками и цвѣтами. Вдругъ подбѣгаетъ какой-то господинъ и зоветъ къ полицейскому чиновнику. «За чѣмъ?» «Вы скрыли свои палки при входѣ». У насъ никто не спрашивалъ

палокъ. «Не можетъ быть, вы скрыли ихъ, чтобъ не платить за сбереженіе». Полицейскій чиновникъ былъ однакожь справедливецъ и учтивецъ этого господина, и принялъ нашу сторону.

Славятся здѣсь также дѣвицы Брганъ, въ которыхъ впрочемъ мы не нашли ничего особеннаго, увидѣвъ въ новой пьесѣ: *Les demoiselles de Saint-Syrg*. Не дурны—и только.

Михаилу Семеновичу посчастливилось увидѣть Скупаго, Гартиофа, Школу женщинъ, Лекаря по поволѣ, но никакихъ отличныхъ талантовъ онъ не нашелъ, а былъ въ высшей степени доволенъ общею постановкою пьесы.

Никогда не бывалъ я въ Парижъ безъ того, чтобъ не прогулять въ *Jardin des plantes*. Эта прогулка всегда доставляетъ мнѣ большое удовольствіе, потому что ни гдѣ не видно такого почтенія къ наукѣ, какъ въ этомъ царственномъ учрежденіи; кромѣ живыхъ растений и животныхъ, какіе богатые музеи, и какія богатѣйшія лекціи Жюрье, Кювье, Сент-Илеровъ, Амперовъ, и проч. и проч. И все открыто, свободно, даромъ!

Гизо не нашелъ въ его улицѣ *Vil-Eveque*, гдѣ я имѣлъ честь посѣщать его въ 1839 году. Онъ въ своемъ помѣстьѣ *Val-Richer*, вопреки извѣстію, полученному мною въ Канѣ.

Наканунѣ отъѣзда посѣтилъ меня достойный нашъ швейцарскій священникъ Полисадовъ, нынѣ назначенный въ Берлинъ, и сообщилъ мнѣ много любопытныхъ свѣдѣній о графѣ Остерманъ-Толстомъ, одномъ изъ героевъ 1812 года, оканчивающемъ долгіе дни свои (ему уже болѣе 80 лѣтъ) на берегу Женевского озера. Старець поручилъ священнику привезти ему изъ Парижа портретъ Алексѣя Петровича Ермолова, которому передалъ онъ по полученіи раны начальство надъ нашимъ войскомъ подъ Кульмомъ, и который столь славно совершилъ тогда свой великій историческій подвигъ. Эта черта меня очень тронула, и я въ ту же минуту передалъ въ Москву, къ Алексѣю Петровичу, желаніе его маститаго товарища, увѣренный, что оно принесетъ ему удовольствіе.

Разставшись съ любезнымъ нашимъ спутникомъ, который вдругъ собрался въ Англію, отправились и мы въ обратный путь на Брюссель.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

II.

УЛУСЪ ХОШОТСКІЙ ИЛИ ХОШОУТОВСКІЙ.

Дорога къ ставкѣ улуса Хошотскаго изъ городка Селитряннаго.—Домъ владѣтеля и древнія вещи.— Историческій обзоръ водворенія Калмыковъ по степнымъ берегамъ Волги.—Раздѣленіе на улусы.—Сословія улуса.—Образъ жизни и свойства.—Новорожденные.—Увеселенія.—Времячисленіе и праздники.—Богослуженіе.—Ученіе Буддійское.—Погребеніе.

Изъ городка Селитряннаго идетъ, между косогорами, песчаная и неровная дорога до станицы Княжеской; въ ней холмы песку. Она отстоитъ отъ городка въ 12 верстахъ, заселена Малороссіянами въ 1849 году, выходцами воронежскими. Изъ Княжеской поѣхаль я по займищу къ улусу Хошотскому или Хошоутовскому, до котораго отъ станицы около 35 верстъ; переѣзжалъ Шулуку, Ахтубу, Песчанку и нѣсколько ериковъ. Займище устроено калмыцкими кибитками, и въ двухъ мѣстахъ я нашель два подвижныхъ хутора, составленныхъ изъ кибитокъ. За Песчанкой открывается Волга во всей красѣ. Текущая плавно и тихо на степномъ просторѣ, она разстилается голубой пѣленою, которой цвѣтъ сливается съ лазурью небесною. Отблески заходящаго солнца, погасая во влагъ, рассыпаются дрожащими искрами по зыблющей водѣ. За четыре версты до улуса построены изъ плетвя калмыцкія избы, обмазанныя глиною. Внутренность чистая и освѣщается большими окнами. Калмыки признаются, что имъ гораздо лучше жить въ избахъ, нежели въ кибиткахъ, за всѣмъ тѣмъ стоять вокругъ кибитки. Разговаривая съ двумя стариками, я узналъ отъ нихъ, что они были при взятіи Парижа и исходили почти всю Европу. Знаки отличія украсили ихъ грудь, и гордятся, что они кололи *Пранцовъ* (Французовъ).—Приближаясь къ ставкѣ Тюменевой, пріятно видѣть двѣтельность, хозяйственные строенія и порядокъ.

Ставка расположена по Волгѣ, а домъ владѣтеля Тюменя по берегу ея (1). Видъ отсюда на рѣку превосходный. Трехъэтажный деревянный домъ построенъ въ родѣ петербургскаго домика на дачѣ, съ мезониномъ и галлерейми вокругъ, и такая постройка сближается съ китайскою архитектурою. Комнаты расположены, какъ въ лучшихъ барскихъ домахъ, и убраны по столичному: зеркала, картины и ковры поражаютъ изысканностію, особенно не думавшаго встрѣтить все это въ калмыцкомъ улусѣ, судя по тому превратному понятію, какое затвердили о Калмыкахъ. Люстры, часы надстольные и игрушки, раскладенныя на столахъ, принадлежность прихоти и своенравной расточительности, какъ бы напрашиваются, чтобы глядѣли на нихъ (2). Разсматривая изображеніе воиновъ двѣнадцатаго года, я изумленъ былъ, увидѣвъ въ гостиной образъ Спасителя и предъ Нимъ теплоющуюся лампаду. Въ идолопоклонническомъ народѣ! Самые простые Калмыки почитаютъ нашихъ угодниковъ, особенно св. Николая, коему ставятъ свѣчи въ церкви и молятся ему, когда отправляются на рыболовство въ Каспійское море. Бьютъ ему поклоны и просятъ: угодникъ Божій Николай! защити насъ отъ морскихъ бурь, и спаси. — Князья Тюменевы принимаютъ къ себѣ въ праздники нашихъ священниковъ, которые совершаютъ молитвословіе предъ образомъ Спасителя, какъ у православныхъ.

Семейство княжеское, съ которымъ я познакомился, состоитъ изъ вдовствующей княгини Джага, настоящаго владѣтеля князя Церень-Джабъ, сына вдовствующей княгини, который служилъ въ Петербургѣ, а теперь служить эсауломъ въ Астраханскомъ казачьемъ первомъ полку и украшенъ анненскимъ орденомъ (3), брата его

(1) Ставка владѣльческая въ улусѣ называется *орьга*; при ней находятся хуруль и базаръ; въ улусахъ казенныхъ нѣтъ ставки, потому нѣтъ орьги, но *курл*.—Мѣстопребываніе этой ставки есть зимнее, и оно у Русскихъ называется *дворниками* и *дворами*, ибо здѣсь и около этого мѣста былъ постоянный дворъ.

(2) Этимъ устройствомъ улусъ обязанъ покойному владѣльцу подполковнику князю Сербеджану Тюменеву, который съ своимъ отрядомъ находился при взятіи Парижа. Желая сдѣлать осыдлыми своихъ Калмыковъ, онъ выстроилъ для многихъ изъ нихъ домики, не говоря о селцѣ Тюменевъ, но и на Круглинскихъ островахъ, (верхнемъ и нижнемъ) и въ селеніи Кардъ, лежащемъ между казачьими станицами: Косиконскою и Сьроглазинскою, по правому берегу Волги.—Желательно было бы, чтобы образу жизни князей Тюменевыхъ последовали другіе калмыцкіе князья и улусы, ибо этимъ путемъ можно достигнуть, что кочующіе Азіатцы сдѣлаются осыдлыми и полезными правительству и себѣ.

(3) Это было въ 1851 году, и можетъ быть, уже онъ имѣетъ высшій чинъ и

князя Церень-Дорджи и дяди их князя Церень-Норбо. — Имя Церень есть прибавочное и означает на тангутскомъ языкѣ благословенный, а норбо — драгоценность. У азиатскихъ владѣтельныхъ особъ всегда къ собственному имени придается качественное, какъ, напримѣръ, у крымскихъ и киргизскихъ хановъ *ширей* (господинъ), у татарскихъ *беки* (благородный). — Владѣствующая княгиня очень любезная и общежительная; сынъ ея, владѣтель, женатъ на Очиртѣ, происходящей изъ ханскаго дома Аюки, извѣстнаго умомъ современника Петра Великаго, коему онъ содѣйствовалъ своими войсками въ походъ его на Персію. Княгиня Очирта (1) весьма милая и скромная, пишетъ по-русски, играетъ на фортепiano и гитарѣ. — Князь Церень-Дорджи, женатый на русской, принявъ въ христіанствѣ имя Александра. Онъ служитъ въ Казачьемъ полку. Казалось бы, что съ принятіемъ имъ христіанства, мать, братья и родные должны изгнать его изъ своего семейства, какъ дѣлается часто между не христіанами, — напротивъ, братья-владѣтели, мать и дядя такъ же его любятъ, какъ и прежде. — Ихъ даже посѣщаютъ одноземцы, принявшіе православіе, и недавно гостила у нихъ княгиня, перекрещенная, получившая воспитаніе въ первостепенномъ С.-Петербургскомъ училищѣ для благородныхъ дѣвицъ, называемомъ въ простонародіи Смольнымъ монастыремъ. Ее обласкали, какъ свою родную. — Дядя молодыхъ князей, князь Церень-Норбо, штабс-ротмистръ, состоитъ по кавалеріи: онъ отлично доброй души, сердца прекраснаго и нрава веселаго. Его знаніе свѣтскихъ приличій, предупредительность, услужливость и, что важнѣе всего, просвѣщеніе, соединенное съ простотою, заставляютъ невольнo любить его. Онъ прекрасно владѣтъ русскимъ перомъ, даже съ изысканностію слога, которому изучился чрезъ чтеніе нашихъ отечественныхъ сочиненій. Встрѣтить въ степи и среди полудикаго народа такого челоуѣка—это кладъ! Поговорка:

орденъ.—Желаемъ отъ души и почестей и награды достойному владѣльцу хошоутовскому, и еще не менѣе того желаемъ, чтобы онъ обратилъ вниманіе на образованіе своихъ Калмыковъ-скитальцевъ.

- (1) Отецъ ея Церень-Убуши, послѣдній Торгоутовскаго поколѣнія, былъ владѣлецъ яндыковскій и икицохуровскій. По смерти, въ 1851 г., улусъ поступилъ къ Цереню-Арши, его сыну, который однако чрезъ нѣсколько времени померъ, а сестра его Очирта, по правамъ и обычаямъ калмыцкимъ, не наследовала власти отцовской, но должна была воспользоваться содержаніемъ и выдачею приданаго при выходѣ ея въ замужество. Улусъ между тѣмъ признанъ выморочнымъ, по рѣшенію Зарго (суда калмыцкаго), 29 дек. 1839 г., и по сему предмету Правительствъ. Сенатомъ 7 департ. объявленъ указъ 12 янв. 1844 г.—Почерпнуто изъ словесныхъ объясненій и дѣла, производившагося по этому улусу).

каковъ попъ, таковъ и приходъ, оправдывается здѣсь на дѣлѣ; такая же прислуга: радушная, услужливая, которая сверхъ того умѣетъ хорошо подать чай, кушанье, какъ бы это происходило у столичныхъ жителей. Изъ природныхъ Калмыковъ составленъ былъ оркестръ музыкантовъ; бывали вечера и танцы. Рассказывали мнѣ, что на балы съѣзжалось до двухъ-сотъ особъ. Радушное угощеніе и шампанское были неистошимаы.

Представленный въ первый разъ княгинямъ, я нашелъ ихъ сидѣвшими въ гостиной. Вдовствующая Джага пригласила меня сѣсть подлѣ нея, на диванѣ, и ни мало не стѣснялась разговоромъ, была непринужденна, ласкова и разговорчива, и своею любезностію поправила бы и причудливо-прихотливой свѣтскости. Разспрашивая о моемъ путешествіи, она любопытствовала слышать о петербургской жизни, которую довольно знаетъ чрезъ сына своего. Она шутила надъ своей однообразной жизнью и оправдывала ее привычкою. Не смотря на незнаніе ею русскаго языка, она бесѣдовала неумолчно и очень жалела, что не въ состояніи сама объясняться, а чрезъ переводчика, который не все такъ передать, какъ бы могла сама. Она и ея невѣстка были одѣты по-азіатски. На первой—поверхъ бешмета, застегиваемаго пуговицами съ верху до низа, похожаго на сарафанъ, былъ надѣтъ шелковый на распашку халатъ, въ родѣ капота, который не застегивался; изъ-подъ бешмета выходилъ бѣлый воротничекъ, какъ манишка женская; голову прикрывала круглая бархатная шапка, называемая *махла*, обложенная собольею опушкою; на ногахъ, сколько могъ замѣтить, были сапоги изъ краснаго козла, съ высокими деревянными подборами. На невѣсткѣ ея, поеерхъ бешмета, была парчевая эпанча, безъ рукавовъ и съ перехватомъ на талии; шапка была изъ малиноваго бархата, четырех-угольная, съ высокимъ верхомъ и, вмѣсто опушки, съ золотымъ позументомъ; на пальцахъ ея блестѣли брилліантовые перстни, а въ ушахъ обѣихъ княгинь—серьги. Поверхъ одежды лежали на груди двѣ косы, въ родѣ широкихъ лентъ, которыя были вложены въ чохлы изъ чернаго бархата. У молодой ниспадали косы до колѣнъ, чѣмъ щеголяютъ. По недостатку природныхъ косъ, двѣтъ накладныя и вкладываютъ ихъ въ чохлы, переплетенными.

Въ четыре часа по полудни пригласили къ обѣденному столу, на которомъ приборы обнаруживали выборъ моды. Кушанья подавали французскія, — кухня французская далеко проникла у насъ. — Были поставлены вина къ услугамъ каждаго, и никого не принуждали пить. Это чисто свѣтская образованность! Княгиня замѣтила однако, что ей очень, очень будетъ пріятно, если гости будутъ пить

безъ церемоніи, какъ у себя дома. Предъ окончаніемъ обѣда подали шампанское, и княгини выпили по бокалу, желая заохотить гостей. Послѣ обѣда подали кофе.

У князя Тюмени находится собраніе оружіи и дарственныхъ отъ царственныхъ особъ сабли, за храбрость. Въ числѣ оружіи есть два азіатскія ружья съ надписью и прекрасною отдыжкой, съ чернью. На стволъ одного ружья написано по-арабски: «Сагибъ Кади Мухаммедъ, Фиги Зюльматъ варагдъ вабаркъ, т.-е. (это ружье) владѣтеля епископа Мухаммеда, (которое защититъ) среди мрака, грома и молніи».—На стволъ другаго ружья татарская надпись. На одной сторонѣ написано: «Барака-ала, бу туфенкъ би назиръ мислели гюрмишь дегюль биръ агля рай.—Хвала Богу! это ружье безъ порока, подобнаго не видалъ ни одинъ изъ живущихъ на свѣтѣ». На другой сторонѣ написано: «Десте аласа кастине вермизъ аманъ Ханъ Менгли зада Туктамышъ-Гирей.—Т.-е. на руку взять (приложить) къ цѣли, не дастъ пощады!—Ханъ сынъ Менгли, Туктамышъ-Гирей». Это ружье принадлежитъ крымскому хану Токтамышу-Гирею.

Хранится весьма примѣчательный клинокъ шашки съ надписью, или начертаніями, которыя не разобраны. Онъ найденъ въ 1815 г. при рѣкѣ Ахтубѣ на татарскихъ развалинахъ, называемыхъ Даулетъханъ, въ урочищѣ Лопась, гдѣ выстроена нынѣ станица хошоутовская (Енотаевского уезда), между княжеской станицею и татарскимъ селеніемъ Сеитовкою (Красноярскаго уезда).

Клинокъ испещренъ узорами, особыми знаками, въ родѣ буквъ, и изображеніями. Украшенія выставлены въ двухъ рамахъ; на одной широкой представлена корона, надъ коею въ щитѣ полумѣсяцъ съ изображеніемъ человѣческаго лица въ профиль, напротивъ него звѣзда, наверху короны луна. На той же широкой рамѣ, внизу подъ полумѣсяцемъ, въ окоймленной узорами насѣчкѣ, какъ бы надпись. Въ другой узкой рамѣ, протянутой отъ луны вверхъ, идутъ изображенія и украшенія, а именно: окриленное солнце, съ украшеніемъ вверхъ, потомъ въ овальномъ кругѣ звѣзда, надъ коею парящая фигура, держащая въ правой рукѣ пальмовую вѣтвь, а въ лѣвой — знамя, далѣе вверхъ узорчатое украшеніе, надъ нимъ соянце въ лучахъ, а на концѣ снова узорчатое украшеніе. Узорчатыя украшенія съ изображеніями и начертаніями, на подобіе буквъ, были крыты золотомъ, и позолота сохранилась мѣстами довольно хорошо. Съ обѣихъ сторонъ клинка вышеупомянутыя начертанія.—Работа клинка отличная. Къ шашкѣ придѣланъ эфесъ изъ серебряной черни; принадлежала князю Батырь-Убуши Тюмену, бывшему ротмистру, который съ нею совершалъ походы, рубилъ въ сраженіяхъ, и не разставался,

только холера, постигшая его въ Польшѣ въ 1831 году, разлучила его съ нею. У головки шапки сдѣлана имъ надпись на калмыцкомъ языкѣ: *заячи дедюдэ зальберинь барэ, заясынъ дедюдэ зюрькинъ барэ*, т.-е. «помолясь Творцу Великому, хватись (за шапку), чтобы сражаться за сотвореннаго великаго (Государя); берись (обнажить) съ усердіемъ!» — По глубокой преданности его къ Престолу русскому, за который онъ проливалъ кровь, вылились изъ его благороднаго сердца эти прекрасныя слова. — Клинокъ хранится свято въ родномъ его семействѣ, не только какъ знакъ древности, но какъ уваженіе къ имени Батыръ-Убуши, произносимаго и по смерти съ особымъ почитаніемъ. Самое придаточное названіе къ Батыръ-Убуши, уже налагаетъ на Калмыковъ уваженіе, ибо *убуши*, придаваемое мужчинамъ, а *убусанца, шабганца* — женщинамъ, означаютъ людей, посвятившихъ себя Богу, а потому мужъ и жена, хотя бы жили вмѣстѣ, даютъ обѣтъ избегатьъ чувственныхъ наслажденій, наблюдать посты, жить въ уединеніи и готовить себя къ будущей святой жизни. Они отличаются тѣмъ, что носятъ чрезъ плечо перевязь (оркюмджи), которую завидѣвъ издали, останавливаются и оказываютъ знаки уваженія.

Калмыки, или правильнѣе, — ихъ родовое названіе, — Тургуты, по происхожденію своему суть Монголы, обитали издревле въ восточныхъ предѣлахъ нынѣшней Китайской имперіи (Чжунгарія или Зюнгарія (1) и не принимали долгое время никакого участія въ судьбѣ своихъ единоплеменниковъ, борющихся съ Китаемъ. Когда возникли раздоры и перевороты между единосемцами, тогда нѣкоторыя племена отделились отъ своихъ хановъ, будучи предводительствуемы тайшами, а другія замыслили поддержать свое могущество. При завоеваніи Чингисъ-ханомъ Зюнгаріи, Калмыки, въ соединеніи съ другими многоразличными племенами, громилъ всю известную сѣверо-восточную Азію, и проникли до береговъ Волги, подъ предводительствомъ внука его Бату. По основаніи имъ Сарая, столицы Золотой орды, смѣшались впоследствии съ Татарами, потеряли свой языкъ и переродились совершенно. Съ паденіемъ

(1) Чжунгарія, Джунгарія, Зюнгарія или Зонгарія, лежитъ за Алтаемъ на юго-востокъ отъ Томской губерніи. — Довольно замѣчательно, что нѣкоторые изъ Калмыкъ волжскихъ разсказываютъ, по изустнымъ преданіямъ, что они отъ племени Монголовъ, что предки ихъ имѣли пребываніе между Тибетомъ и Кékёноуромъ; что оттуда, по возникшимъ неудовольствіямъ, перешли въ подданство Россіи, около 250 лѣтъ тому назадъ, и что ихъ путешественникъ былъ владѣлецъ Лоузонгъ. — Имя его произносятъ съ уваженіемъ, восхваляютъ его удалство и любовь къ кочующей жизни, которая доселѣ такъ драгоценна каждому изъ Калмыкъ.

Золотой орды, остатки ихъ разсыпались по бывшему Дешт-кипчакскому царству, такъ что родъ ихъ исчезъ. — По ниспроверженіи дома Чоросскаго, еще въ половинѣ XV вѣка, Чжунгарцы отделились отъ Монголовъ восточныхъ и жили независимо отъ своихъ единоплеменниковъ. Они не принимали никакого участія въ войнахъ между Китаемъ и Халхасцами. Со смертію ихъ предводителя Эсена (1453 г.), они лишились своего могущества.

Говоря о водвореніи нынѣшнихъ Калмыковъ въ Астраханской губерніи, должно сказать, что они суть зюнгарскіе скитальцы, отъ трехъ поколѣній: Чорось, Хошотъ и Торготъ, бороздившихъ въ XIV в. съ Китаемъ; потомъ въ XVI в. присоединились къ нимъ Дурботы или Дербентъ-Ойраты (четыресюзники); и такимъ образомъ составилось уже четыре рода. Главою Дербентъ-Ойратовъ былъ сильный владѣтель Зюнгаріи. Въ началѣ XVII вѣка они раздробились на части, и откочевавшіе отъ нихъ во внутренность Сибири были проименованы въ порицаніе *Эметами*, а Татары называли ихъ *Калмакъ* (1). Въ это время Сибирь признавала власть русскую, почему они отправили своихъ пословъ (въ 1618 году) къ Царю Михаилу Феодоровичу и просили о принятіи ихъ подъ свое покровительство. Черезъ два года появились толпы Калмыкъ съ восточной стороны Каспійскаго моря, на берегахъ Ори и Эмбы (2); заняли пріятныя мѣста, выгодныя для кочевья. За ними прибыла сильная орда Торготская, къ коей присоединялись по временамъ Хошоты и Дербеты. — Хорлюкъ, вождь Торготовъ или Тургутовъ, занялъ обширныя степи между Волгою и Ураломъ (въ 1630 г.), безъ согласія на то Россіи. На пути онъ покорилъ своей власти Татаръ Чжанбулуцкихъ, Ногайцевъ, Хотай-Кипчаковъ, Малибашъ и др., и казалось, успокоился на берегахъ Волги; но наскучивъ бездѣйствіемъ, онъ возобновилъ грабежи на

(1) *Эметъ* по-монгольски, а *Калмакъ* по-тюркски, означаютъ *отставшія*. Что же касается до Дербентъ-Ойратъ, то это слово монгольское: *дербентъ* — четыре, а *ойратъ* — близкій, сосѣдній, союзный.

(2) Берега Каспійскаго моря постоянно служили пристанищемъ кочующимъ племенамъ. Протяженіе моря въ длину 1,130 верстъ, въ ширину 250 верстъ, а самая большая глубина его не опредѣлена, ибо трех-сотъ-саженный лотъ не доставалъ дна. О протяженіи моря и его глубинѣ доставлены вѣрныя свѣдѣнія изъ корпуса топографовъ астраханскаго порта и отъ командира астраханскаго почтоваго пароходства по морю Каспійскому. — Полезно было-бы, если бы кто изъ топографовъ снялъ на карту постоянное пониженіе моря, съ тѣхъ поръ, какъ могутъ припомнить убыль воды, съ обозначеніемъ наоса песку, съ раковинами, протяженіемъ мѣстности хрящавой и рыхлой, — свидѣтельство недавняго обмѣленія,

сосѣднихъ Татаръ; потомъ устремился на Астрахань и рѣшился завладѣть ею. Астраханцы храбро отразили его, и онъ, въ кровавой борьбѣ съ ними, лишился многихъ родственниковъ своихъ и значительной части Калмыкъ.—Это принудило его оставить смѣлое предпріятіе.— Безъ сомнѣнія, онъ думалъ основать здѣсь свое царство. По прошествіи двадцати пяти лѣтъ, сынъ его, тайша Шукуръ — Дайчингъ, покорила Россіи со всеми своими улусами; по смерти его сынъ тайша Пунцукъ повторилъ присягу на вѣрность (въ 1661 г.), въ присутствіи астраханскаго воеводы князя Григорія Черкаскаго, на урочищѣ Берекетъ.—Въ его управленіе ордою, вышелъ изъ Зюнгариі владѣлецъ Хошоута Кюндюлегъ или Кунделюнь-Убаши, и присоединился къ Торготскому улусу съ 3,000 кибитокъ (1). Вскорѣ онъ померъ, а Аюка, сынъ его, вступилъ въ права своего отца (въ 1661 г.), и увеличилъ владѣнія множествомъ переходившихъ къ нему Калмыковъ. Онъ торжественно присягнулъ на вѣрность, въ присутствіи астраханскаго воеводы, боярина князя Я. М. Одоевскаго, на урочищѣ Солянка, лежащей на нагорной сторонѣ Волги, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Астрахани. Онъ обязался не имѣть никакого сношенія съ Персією, ханомъ крымскимъ и другими пограничными землями; но ходить войною на непріятелей по требованію нашего правительства, и быть, такъ сказать, оплотомъ со стороны азіатской.

Родная тетка хана, Дорджи-Араптагъ, прикочевала къ приволжскимъ степямъ съ 3,000 кибитокъ и присоединилась къ Торготскому поколѣнію брата своего, а въ 1673 и 1674 г. вышелъ изъ Чжунгаріи владѣлецъ Дербетевскаго поколѣнія тайша Соломъ-Церень, съ 4,000 кибитокъ, и призналъ надъ собою власть Аюки.

При возникшемъ мятежѣ сентовскомъ (около 1674 г.) пало подозрѣніе на его родственника, дербетовскаго владѣльца, Соломъ-Цереня, потомъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, Калмыки производили грабежи по Волгѣ, проникая въ глубину Казанской и Оренбургской губерній. Это самое побудило снова требовать съ него клятву въ вѣрности, и онъ возобновилъ ее на прежнемъ урочищѣ, сознаваясь въ своемъ

(1) Хошоутовскій улусъ, коего нынѣ владѣлецъ князь Тюменевъ, расположенъ по обѣимъ сторонамъ Волги, на земляхъ Черноярскаго, Енотаевскаго и Астраханскаго уѣздовъ.—При Баторъ-Ханъ-Тайцзи, бывшемъ главою Ойратовъ (въ XVII в.), Хошоты владѣли Тангутомъ, Хухунорой и Тибетомъ. — Какъ рассыпалось нынѣ владычество ихъ! Остатки сохранили свое имя въ предѣлахъ Россіи, гдѣ они наслаждаются благотворнымъ попеченіемъ правительства. Въ Китаѣ же ихъ единоземцы давно уже уничтожены, лишеніемъ правъ и владѣній.

взрломствъ. Тогда же съ нимъ присягали братья его Мончакъ и Замса, и тайша дербетевскій Соломъ-Церенгъ. Калмыки хранили клятву до перваго случая, и присоединясь къ взбунтовавшимся Башкирцамъ (въ 1681 г.), распространили прежніе грабежи, продолжавшіеся три года. Аюка въ притворномъ раскаяніи возобновилъ присягу (въ 1683 г.) съ двумя своими, тайшею Соломъ-Церенемъ и сыномъ его Мункотемиромъ. Вскорѣ однако онъ перешелъ съ своею ордою за Уралъ, къ восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря; разбилъ тамъ Киргизъ-Кайсаковъ, Трухменцевъ, Каракалпаковъ; завладѣлъ еще нѣкоторыми племенами, и это сдѣлало его такъ извѣстнымъ, что сильные владѣтели кубанскіе, — киргизскіе и хивинскіе, искали его дружбы и защиты, даже самъ Далай-Лама, который около 1690 г. наименовалъ его ханомъ.

Вспыхнувшія въ Зюнгариі волненія побудили владѣльца черныхъ Калмыковъ, Цаганъ-Батыря, оставить свою родину и просить дозволенія у правительства нашего поселиться на степяхъ, которыя и были отведены ему по луговой сторонѣ р. Ахтубы. Онъ занялъ древній мѣста золотоордынскія, почти до самой Астрахани. Ханъ Аюка, заботясь о родственныхъ связяхъ съ сильнымъ владѣльцемъ зюнгарскимъ Цеванъ-Завтаномъ, выдалъ за него дочь свою Сетеръ-Джаца (въ 1698 г.), — будучи самъ женатъ на двоюродной сестрѣ его, Дармъ-Балъ. Семейная вражда въ домѣ Аюки чуть не погубила его самаго. Любимый сынъ Гунжепъ посягнувъ на жизнь старшаго сына Чақдоржапа, который, отделившись съ недовольными своими братьями и множествомъ Калмыкъ, перешелъ навсегда за Уралъ, чѣмъ весьма ослабилъ силу хана. Калмыки же, пользуясь правомъ переходить на правый берегъ Волги, ворвались (въ 1707 г.) въ Пензенскую и Тамбовскую губерніи, обратили въ пепель болѣе ста деревень и селеній, увели съ собою въ плѣнъ тысячи народа и продали ихъ на границахъ Кавказа, Персіи, Хивы и Бухаріи. Астраханскій и казанскій губернаторъ, П. М. Апраксинъ, требовалъ отчета отъ Аюки, который, слагая всю вину на своевольство тайшей Мункотемира и Чемети, оправдывался отдаленностію своего кочевья и невѣдніемъ ихъ замысла. Аюка, желая доказать свою преданность на дѣлѣ, послалъ пятитысячный отрядъ (въ 1710 г.) для усмиренія Башкирцевъ, и потомъ десять тысячъ разставилъ, отъ Дона по рѣчкамъ Салу и Мавычу, для отвращенія набѣговъ со стороны Кубанцевъ и грабительствъ отъ донскихъ казаковъ, Некрасова. Обязанность эта была возложена на дербетевскихъ Калмыковъ, подъ начальствомъ тайшей Чемети и Четеря, сына Мункотемира.

Калмыки имѣли частныя сношенія съ родственниками, оставшимися въ предѣлахъ Китайской имперіи; посылали подарки въ Пекинъ и Тибетъ, для поклоненія Далай-Ламѣ, чтобы получать отъ него священныя книги и религіозныя предметы. Съ этою цѣлю пріѣзжали къ нимъ знатные люди; но ханъ Аюка, прикрывая свои дѣйствія благочестивымъ обычаемъ, отправлялъ въ Пекинъ своего племянника Рабжура. Въ 1713 году были отправлены къ нему послы китайскіе, которые ѣхали на Казань, оттуда на Саратовъ и, переправясь чрезъ Волгу, нашли Аюку на кочевкѣ противу Царицына.... Ханъ принялъ грамоту отъ пословъ съ колынопреклоненіемъ. Объясненія Аюки состояли въ увѣреніи его въ преданности къ Богдо-хану, въ рѣчахъ о кочевкѣ народа и незначительныхъ разговорахъ объ образѣ жизни. Замѣтивъ единообразіе одежды пословъ и сходство обычаевъ, онъ сказалъ имъ: «хотя мы живемъ далеко отъ Небесной имперіи, однако ничѣмъ не отличаемся отъ ея жителей». Цѣль посольства, какъ полагаютъ должно, состояла въ томъ, что правительство китайское, покоривъ своей власти всю Зюнгорію, хотѣло знать о состояніи Калмыцкаго народа, кочующаго въ предѣлахъ Россіи, и объ отношеніи его къ своимъ единоплеменникамъ. Въ бытность пословъ, Аюка объявилъ по себѣ преемникомъ сына сво- Чакдоржапа, и вручилъ ему печать ханскую.

Кубанскій султанъ Бакши-Гирей, мстя Аюкѣ за грабежи грабежемъ, разорилъ нѣсколько его улусовъ (въ 1715 г.) по берегамъ Волги; за тѣмъ напалъ на станъ его близъ Астрахани, разграбилъ его кибитки и имущество, такъ что Аюка едва не попался въ плѣнъ съ своимъ семействомъ, если бы не спасъ его кн. Бековичъ-Черкасскій, собиравшійся идти тогда изъ Астрахани съ незначительнымъ отрядомъ въ походъ на Хиву. Однако Аюка, недовольный спасеніемъ, требовалъ отъ князя Бековича, чтобы онъ началъ военныя дѣйствія противу Бакши-Гирей, и когда князь не согласился, тогда онъ сообщилъ тайно Хивинцамъ о походѣ Бековича съ малымъ отрядомъ, и они, соединясь съ Аральцами и Трухменами, истребили войско совершенно, вмѣстѣ съ предводителемъ. Послѣ этого онъ вступилъ въ союзъ съ Бакши-Гиреемъ и открылъ ему дорогу во внутрь Россіи: пензенскіе и симбирскіе города были преданы имъ огню, и тысячи плѣнныхъ повлекъ онъ за собою. Вѣроломныя поступки Аюки, давно уже обнаруженные, заставили наше правительство наблюдать тайно за его дѣйствіями, почему астраханскому губернатору Волынскому, известному кабинетъ-министру при Императрицѣ Аннѣ и заплатившему своею головою за соперничество съ временщикомъ Бирономъ, было предписано имѣть при Аюкѣ, сынѣ его

Чакдоржапъ или Чакдурь-Чжабъ и другихъ владѣльцахъ, особыхъ людей, которые бы сообщали о ихъ замыслахъ. Тогда же былъ назначенъ, какъ бы для почета Аюкь, драгунскій эскадронъ. Не смотря на принятыя мѣры, внукъ его Дондокъ-Омбо, сынъ Гунжепа (1), вступилъ въ брачный союзъ съ дочерью кабардинскаго владѣтеля, и этимъ родствомъ прибавилъ намъ враговъ. Послѣдовавшая смерть Чакдоржапа (въ 1722 г.), казалось, должна была успокоить самого хана, который готовилъ послѣ себя одного изъ сыновей своихъ, Черень-Дондока, но чрезъ два года умеръ самъ Аюка (2). Пятидесятилѣтнее управление Аюки, хитраго, уклончиваго и много вредившаго Россіи, было тягостнымъ для ней. Приобрѣтя уваженіе и имя поборника своей народности, онъ имѣлъ друзей за Кавказомъ, въ Хивѣ, Бухаріи и самомъ Китаѣ, и поступая скрытно, въ то же время былъ покорнымъ Россіи и доказывалъ это мнимой преданностію. Между многими примѣрами довольно сказать, что когда въ Астрахани взбунтовались стрѣльцы (въ 1705 году) и грозили убить митрополита Сампсона, онъ принялъ его въ ставку подъ свою защиту, и истребилъ волжскихъ мятежниковъ, шедшихъ на Царицынъ.

Честолюбивая ханша, вдова Аюки, вздумала выйти за-мужъ за внука своего Дондокъ-Омбу, или Дундуку-Омбо, чтобы сдѣлать его ханомъ. Послѣдовали внутреннія несогласія, совмѣстничества и разбой Калмыковъ по всему волжскому краю, и дабы прекратить все это, петербургскій Дворъ утвердилъ въ ханскомъ достоинствѣ сына Аюки, Черень-Дондока или Черень-Дундука, коего самъ онъ желалъ, и астраханскій губернаторъ Измайловъ провозгласилъ его ханомъ (въ 1731 г.) на дуговой сторонѣ Волги, противу Камышина (3). Явились опять искатели ханства, доказывая право своимъ рож-

- (1) Дондокъ-Омбо, оставя жену свою Соломъ, бывшую прежде за-мужемъ за отцемъ его, женился, по своимъ видамъ, на Кабардинкѣ.
- (2) Онъ имѣлъ отъ разныхъ женъ восемь сыновей: Чакдоржапа, или Чандурь-Чжаба, Араптана, Санжипа, Гунжепа, Гунделека, Черень-Дондока, Галдавъ-Данжина и Церева. Араптанъ, Гунжешъ, (отецъ хана Донаукъ-Омбы и дѣдъ князей Дондуковыхъ, и Гунделекъ, умерли при жизни Аюки; старшій сынъ его завѣщаль былъ по себѣ преемникомъ старшему своему сыну Дасагга. Петръ Великій, по случаю похода въ Персію (въ 1722 г.), завязалъ съ Императрицею въ ставку Аюки, который представилъ ему свою жену Дарму-Баду и дочь. Государь, разсмотря состояніе Калмыцкаго народа и видя престарѣлость хана, назначилъ ему въ преемники Дорчжу Назарова, но ханъ думалъ о Черень-Дондокѣ; прикрывая же свои намѣренія, онъ отправилъ 40,000 конницы, въ угоду Петру I, для наказанія Лезгиновъ, двѣствовавшихъ за Терекомъ въ пользу Персіи.
- (3) Нынѣ здѣсь Николаевская слобода, Царевскаго уѣзда, известная богатствомъ и торговыми оборотами.

деніемъ (1). Во все управленіе Черенъ-Дондока происходили волненія, а самъ ханъ предавался пьянству, за что былъ вызванъ въ столицу, и на мѣсто его назначенъ Дондокъ-Омбо (въ 1735 г.), который поселилъ въ улусахъ порядокъ и водворилъ согласіе. Въ слѣдующемъ году онъ дѣйствовалъ съ пользою противу Крыма, начальствуя самъ надъ Калмыками; потомъ часть донскихъ казаковъ съ Калмыками поразила Кубанцевъ въ полѣ и проникла до береговъ Кубани, наводя на жителей повсемѣстный страхъ. За такія услуги онъ былъ утвержденъ въ ханскомъ достоинствѣ (въ 1737 году), и ему были присланы знаки достоинства: знамя, сабля, шуба и шапка соболья. Признавая выше всякой власти волю Далай-Ламы, онъ сносился съ нимъ и хотѣлъ предоставить ему назначеніе по немъ наследника; но, среди предположеній, возсталъ противу него старшій сынъ его, и онъ умеръ отъ грусти (въ 1741 году). Жена его Джанъ или Чжанъ домогалась вступить въ управленіе улусомъ, однако владѣлецъ Дондокъ-Дашу, сынъ Чакдоржапа, а внукъ Аюки, былъ объявленъ намѣстникомъ ханства. Ханша вдова оставлена съ семействомъ въ собственномъ мужа ея, Багоцохуровскомъ улусѣ, потомъ, по прибытіи въ Петербургъ, приняла св. крещеніе съ дѣтьми, съ наименованіемъ княгини Дондуковой (2). Калмыки при этомъ намѣстникѣ увеличили грабежи по Волгѣ, препятствовали торговымъ сношеніямъ съ Астраханью, и самъ Дондокъ-Дашу, кочуя на урочищѣ Рынь-пески, вознамѣрился со всею ордою перейти за Уралъ, оттуда проложить себѣ путь въ Персію, Бухарію или Зюнгорию, за всѣмъ тѣмъ Дворъ русскій, находя переходъ его невозможнымъ, призналъ еще его ханомъ (въ 1757 году), а тринадцатилѣтняго сына его Убаша намѣстникомъ.

При Дундукъ или Дондокъ-Даша вышло изъ Чжунгаріи въ приволжскія степи нѣсколько кибитокъ изъ рода Хойдъ, съ вла-

-
- (1) Въ числѣ сильныхъ искателей, по праву рожденія, былъ второй сынъ Чакдоржапа, Петръ Тайлиша, внукъ Аюки, котораго восприемникомъ во св. крещеніи былъ Петръ Великій: онъ далъ ему свое имя. Съ этого времени Калмыки начали креститься довольно часто. Вдова Петра Тайлиша, во св. крещеніи Анна, утверждена была въ княжескомъ достоинствѣ (въ 1737 году) и сдѣлана главною всѣхъ крестившихся ея соотечественниковъ. Для постоянного ея мѣстопребыванія назначенъ городъ Ставрополь, Симбирской губерніи. Владѣльцы: дербетевскій Чиданъ, торгоутовскій Аюша и Тувадуть, и семейство Дондокъ-Омбы приняли христіанство (съ 1743—1744 г.).
- (2) Принадлежавшіе Дондокъ-Омбу улусы: Багоцохуровскій и Эркетевскій, достались въ наследство князю Алексію Дондукову, который въ 1786 г. уступилъ ихъ правительству, а въ замѣнъ получилъ въ Могилевской губерніи 1,984 души, кроме пенсін.

двѣдцемъ своимъ Деджитомъ, тогда же припявпимъ подданство Россіи. На пути въ Россію, родился у него сынъ въ городѣ Тюмени (Тобольской губ.), коего наименовалъ Чжыргалынъ или Джиргалынъ, а по мѣсту рожденія прибавили къ имени его городъ Тюмень,—Джиргалынъ-Тюмень. По смерти Деджита родъ Хайдъ соединился съ Хошоутовскимъ помощію брака, т.-е. вдова Деджита Ользе Орошихо вступила въ бракъ съ владѣльцемъ хошоутовскимъ Замвиномъ, и послѣдственное достояніе владѣльцевъ хошоутовскихъ перешло къ хойдскому владѣльцу Джиргалынгу Тюменю (1).

- (1) Помѣщаемъ выписку, подъ заглавіемъ: *Историческія свѣдѣнія о вступленіи въ подданство Россіи владѣльца Деджита, потомка Эбгунъ-Мергчи, общепіную мѣ владѣльцемъ хошоутовскимъ кн. Церентъ-Джабомъ Тюменскимъ.*—При происходившихъ въ Зювгоріи волненіяхъ въ 1757 году, одинъ изъ потомковъ Эбгунъ-Мергчи, изъ рода Хойдъ, называвшійся Икинминганъ (большая тысяча), предпринялъ намереніе отдаться подъ покровительство Россіи;—этотъ потомокъ былъ владѣлецъ Деджитъ, который, съ своею супругою Ользе-Орошихо, прикочевалъ къ границамъ Россіи, смежнымъ съ Китаемъ, въ городъ Семипалатинскъ (Томской губ.). Тамъ объявилъ онъ о своемъ намрѣніи, и по волѣ Государыни былъ отправленъ въ городъ Тюмень. По прибытіи сюда, Деджита, жена его, вскорѣ родила сына (въ 1757 году), котораго назвали, по рожденію въ Тюмени, Тюмень-Джиргалынъ, т.-е. *радость десяти-тысячная*. Отсюда онъ направилъ свой путь къ берегамъ рѣки Волги. Достигнувъ кочевья Торгоутоцевъ, онъ явился къ хану Дондокъ-Даши, поселился по Волгѣ и вскорѣ умеръ, оставивъ трехлѣтняго Тюмень-Джиргалынга. Хошоутовскій владѣлецъ Замвинъ, происходящій отъ младшаго брата Чингисъ-ханова, Хабту-Хасири, предложилъ свою руку вдовѣ Ользе-Орошихо, по смерти первой жены своей Доваръ, родной сестры Дондокъ-Дашинъ.—Ользе-Орошихо отвѣчала: «хотя я не могу желать лучшаго, какъ имѣть васъ супругомъ моимъ; однако, вы отецъ двухъ сыновей и одной дочери, которые суть родные племянники хана Дондокъ-Дашинъ. У меня одинъ сынъ, и, по выходѣ въ замужство за васъ, неужели должна бросить его спротою, съ малымъ числомъ подвластныхъ ему людей? Это для меня не возможно! Если желаете вступить со мною въ бракъ, то усыновите моего сына, когда ханъ только согласится на это». Замвинъ просилъ письменно дозволенія у хана, который изъявилъ свое согласіе; Ользе-Орошихо вышла за него за мужъ, и потомъ сынъ ея былъ усыновленъ ханской грамотою.—По достиженіи Тюменемъ-Джиргалынгомъ девяти-лѣтняго возраста, онъ былъ привезенъ своими родителями въ С.-Петербургъ Тамъ открылась на немъ оспа, и Государыня Екатерина В., заботясь объ излеченіи, поручила попеченіе двумъ своимъ лейбъ-медикамъ, которые избавили его отъ смерти. Императрица оказывала особую милость всѣмъ имъ, и пожелала, чтобы сына изучили русскому языку и письму. Замвинъ, по возвращеніи въ свой улусъ, отдалъ Тюмень-Джиргалынга учиться въ Астрахань.—Послѣ клятвеннаго побѣга намѣстника хана Убаши (въ 1771 г.) Екатерина II повелѣла раздѣлить между владѣльцами, оставшимися вѣрными Россіи, тѣ земли въ Астраханской губерніи, какія были занимаемы убжавшими. Астраханскій губернаторъ генералъ-маіоръ Бекеровъ раздѣлялъ остатки Торгоутъ, под-

Со смертію хана (въ 1761 году) возникли споры о престолонаследованіи, которые были прекращены, ибо виновникъ ихъ Цебекъ-Дорджа, внукъ Дондокъ-Омбы, покорился намѣстнику Убаши, и потомъ завладѣлъ его умомъ. По учрежденіи въ улусъ *Зарго* (народнаго суда), Цебекъ-Дорджа успѣлъ возбудить въ намѣстникъ Убаши недовѣрчивость къ петербургскому Двору, указавъ съ невыгодной стороны на проведеніе военныхъ линій по Волгѣ и отъ Саратова по станицамъ Донскихъ козаковъ до Астрахани, за тѣмъ отъ Урала, Самары чрезъ Царицынъ, до Терека; увѣрилъ въ мнимыхъ слухахъ объ отобраніи земель у Калмыкъ, а ихъ самихъ объ обращеніи въ военную службу. Убаши двинулся отъ береговъ Волги съ 30,000 кибитокъ (въ 1771 году), и зимою направилъ путь свой къ Уралу.—О побѣгѣ его срды узнали въ Петербургъ, и первые дни выхода Калмыковъ были днями празднествъ. Захвативъ по дорогѣ купцовъ съ товарами, виномъ и съѣстными припасами, они пировали. На необозримомъ полѣ были раскинуты кибитки, и станъ въ почное время освѣщался огнями и шумѣлъ веселіемъ. Какъ-бы съ торжествомъ освобожденія, шли они къ Уралу; но перешагнувъ его, были встрѣчены Киргизъ-Кайсаками и Бурутами, которые безъ жалости истребляли ихъ. Претерпѣвая повсюду уничтоженіе, едва пробились они къ рѣкѣ Или. Убаши съ владѣльцами явился на границахъ Китая только съ половиною числа кибитокъ, и Калмыки были раздѣлены по уездамъ Илійской области, съ обращеніемъ въ земледѣльцевъ. Въ предѣлахъ Россіи остались, удержанные Волгою по случаю оттепели, слѣдующіе владѣльцы: полковникъ князь Дондуковъ, Цаганъ-Кичикъ, Маша, Цагалай, Цаганъ, Тюмень, Джальчингъ, Нохонъ-Кюбень съ братомъ, Табунъ-Намки, Санджилъ, Цендень-Дорджа и

властныхъ Убаши, между разными владѣльцами, и этотъ остатокъ слился съ родовыми племенами князей калмыцкихъ Замванъ, или, какъ другіе произносятъ Замванъ, управляя своимъ родовымъ улусомъ, удержалъ названіе хопшутовскаго владѣльца.—Усыновленный его сынъ Тюмень поступилъ на службу, въ царствованіе Екатерины II; бился много разъ съ горцами, а въ 1802 г. уволился отъ службы, по причинѣ ломоты въ ногахъ, и былъ награжденъ чиномъ премьеръ-маіора. Вышедши въ отставку на 45 году своей жизни, онъ занимался хозяйствомъ и старался объ улучшеніи своего народа. По открытіи войны въ 1812 г., онъ вручилъ старшему сыну своему, Сербеджау, конный отрядъ Калмыковъ, состоявшій изъ 550 человекъ, и, вооруженный имъ самимъ, отправилъ на службу отечеству, и имѣлъ радость встрѣтить его возвратившимся съ чиномъ подполковника. Вскорѣ померъ Тюмень-Джиргалынгъ; ему наследовалъ въ его правахъ Сербеджапъ, съ удержаніемъ прозванія Тюменева, которое обратилось нынѣ въ фамильное; его сынъ кн. Церень-Джабъ вступилъ въ права своего отца (въ 1851 г.), и, какъ мы уже знаемъ, служить зсауломъ въ астраханскомъ казачьемъ войскѣ.

вдова Яндыка, Бютекъ; съ ними осталось 13,000 кибитокъ. Побѣгъ Убаши былъ справедливою причиною уничтоженія хановъ и намѣстниковъ, и каждому владѣльцу было предоставлено управлять своимъ улусомъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ мѣстныхъ начальниковъ.

Значительная часть Больше-дербетевскаго улуса, издавна завистывшая отъ Донскаго войска, перекочевала (въ 1799 году) отъ Дона въ степи и присосѣдилась къ улусу Мало-дербетевскому (кочующему понынѣ въ уздѣ Царицынскомъ). Въ слѣдующемъ году владѣлецъ Мало-дербетевскій, Чучей, возведенъ въ намѣстники, съ пожалованіемъ ему: знамени, сабли, панцыря, шашки, собольей шубы и шапки; возстановленъ судъ Зарго, дозволено свободное богослуженіе по Ламайской вѣрѣ, и утверждены владѣнія: съ востока, отъ истока рѣки Кумы до Астрахани, отсюда вверхъ по Волгѣ, по обѣимъ ея сторонамъ, до степей Киргизъ-Кайсацкой орды; съ юга: рѣки Кума, Манычъ, Сала и Калаусъ; съ запада: земли Донскихъ казаковъ; а съ сѣвера: Царицынъ, Сарпта и нагорная сторона Волги. Пространство между рѣками Сарпою, Волгою до Маныча, Кумы и Мочаговъ, есть равнина, усыянная пахучею полынью, ковылемъ и травою, сожигаемою солнцемъ. Это почти то самое пространство, какое нынѣ занимаютъ Калмыки (*).

(*) Прилагаемъ свѣдѣнія о мѣстности отъ Астраханской до Ставропольской губерній, доставленныя Иваномъ Гавриловичемъ Черкасовымъ — Объемъ земель астраханскихъ, начиная отъ границъ саратовской до Ставропольской губерній и отъ предѣловъ войска Донскаго до Каспійскаго моря, представлялъ, не такъ давно, одну пустыню. Половина этого протяженія усыяна отлогостями горъ Эргени, концы начало ниже города Царицына (Саратовской губерніи), а конецъ при рѣкѣ Манычѣ. Эргени отдѣляютъ воды Дона и Волги, изъ нихъ вытекаетъ много рѣчекъ, и потому дѣлятся на двѣ системы. Къ Донской принадлежатъ: Червленная, Большая и Малая; Бургусты, Царица, Аксай, Хара-Салъ, Якшибай и Джурикъ. Къ Волжской: Тенгута, Большая и Малая Уласты, алмата, Алипа-Зельмень, Артанъ-Зельмень, Нарынъ-Зельмень, Сухата и Сарпа. Положеніе Эргени даетъ поводъ предполагать: не были ли они омываемы, во времена отдаленныя, водами Каспія? Ибо до береговъ моря идетъ совершенно плоская равнина, увлажненная солончакими, на концы растутъ горько-солонцоватыя травы, а въ копаньяхъ всегда солонцоватая вода. Плоская равнина дѣлится на двѣ полосы: на удобную для посѣва зерноваго хлѣба, въ особенности пшеницы, и на полосу безплодную. По хребту Эргени идетъ перевозный путь, который начинается отъ Дубовскаго посада (Саратовской губерніи) и оканчивается у Ставрополя. Товары, нагружаемые на Дубовской, пристани доставляются только лѣтомъ Чумаками на волахъ. Этими занимаются преимущественно крестьяне селеній Ставропольскаго узда: Петровскаго и Кугудьты; Пятигорскаго изъ селеній: Медведскаго и Воронцовки (князя Воронцова). Зимой эта дорога, по безлюдности, непрозражаема, но по ней устроятся станицы, и нѣтъ сомнѣнія,

Съ кончиною намѣстника Чучея (въ 1807 году), уничтожено въ ордѣ намѣстничество ханское; чрезъ восемнадцать лѣтъ издано особое положеніе для управленія народомъ Калмыцкимъ. Въ 1828 году пожалована Зарго золотая печать, которая хранилась прежде въ его судѣ, въ г. Енотаевскѣ (Астраханской губерніи), а теперь она сберегается въ астраханской палатѣ государственныхъ имуществъ.

Въ 1836 году Зарго переведенъ въ Астрахань и присоединенъ къ гражданско-уголовной палатѣ. Обычай, по коимъ судился народъ, уничтожены и замѣнены Сводомъ законовъ; въ 1846 году Зарго закрытъ на-всегда и Калмыки подчинены общимъ законамъ.

Съ приходомъ Калмыкъ въ Россію, въ XVII столѣтіи, они со-

что она сдѣлается лучшимъ торговымъ сообщеніемъ для приволжской мѣстности, Ставропольской губерніи и Черноморскаго войска.—Вершины Эргени устьяны по мѣстамъ курганами, единственными нѣмыми памятниками, свидѣтельствующими о бывшихъ здѣсь народахъ. Думали, что въ курганахъ зарыты богатая имуществъ, почему была предпринята раскопа военной командою, нарочно для того составленной. Это происходило при Императрицѣ Ежатеринѣ Великой. Но въ насыпяхъ отрывали только по нѣскольку скелетовъ съ гробами, и могилы, въ которыхъ покойники были похоронены по магометанскому обычаю. Есть курганы, которые произошли отъ военныхъ дѣйствій. — На рѣкѣ Калаустъ, не далеко отъ впаденія ея въ Манычъ, возвышается одинъ конусообразный курганъ, среди обширной равнины. Преданіе Калмыковъ говорить, что при Петрѣ Великомъ, когдo они называютъ *Цаганъ баатыръ Ханъ* (бывшій богатырь-Царь), происходила тамъ жестокая битва между Аюкою ханомъ и кавказскими Ногайцами. Пораженные Ногайцы оставили убитыми на мѣствъ 6000 воиновъ, конѣ зарыли въ одну яму, насыпали надъ ними высокую могилу, которая названа въ память победы *Байринъ-толго*, могила радости. Остались слѣды жилищъ, доказывающихъ, что тамъ народы имѣли осѣдлость. Слѣды ихъ обитанія суть откапываемая въ землѣ основанія зданій, кирпичъ, изразцы и мазанки. Около Пятигорскаго уезда, по теченію Кумы, пониже слободы Владимировки, помѣщика Ребрева, до сего времени находятъ на урочищѣ Джеланъ-Киту остатки отъ каменныхъ строеній, на протяженіи 60 верствъ. Кирпичъ, тамъ вырываемый, очень крѣпокъ и какъ бы одинъ частый желѣзнякъ. Крестьяне селеній Пятигорскаго уезда: Покойнаго, Парасковія и другихъ, употребляютъ донынѣ этотъ кирпичъ для устилки въ печакъ подовъ. Въ Карабалннской слободѣ, бывшей прежде городомъ Св. Креста, многіе жители выстроили дома изъ вырятаго на Джеланъ кирпича. Этотъ кирпичъ именуютъ жители *мамаевскимъ*. — По рѣкѣ Кумѣ доселѣ разбросаны слѣды древнихъ Маджаръ, и безъ сомнѣнія, это была мѣстность маджарскаго царства, когдo народъ давно исчезъ; потомъ она была завоевана Татарами, пѣз конѣ предводитель Мамай оставилъ по себѣ имя даже за Кавказомъ. — Въ настоящее время все вышеупомянутое пространство занято кочующими Калмыками, состоящими въ вѣдомствѣ астраханской палаты государственныхъ имуществъ и подъ начальствомъ главнаго управленія магометанскихъ народовъ, по утвержденному положенію 19 мая 1806 года.

хранили образъ кочевья Монголовъ (1). Въ настоящее время они дѣлятся на *хотоны*, *аймаки*, *роды* и *улусы*. Это раздѣленіе выражаетъ живую картину начальнаго и постепеннаго ихъ возрастанія. *Хотономъ* называется собраніе семействъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга кибитками (2). Хотонъ есть зародышъ патриархальности, изъ коего возростала постепенно народная жизнь. Хотонъ, до дѣйствующаго положенія объ управленіи калмыцкими улусами, не имѣлъ определенной числительности. — Онъ представлялъ собою купу близкихъ родственниковъ, такъ напримѣръ: прадѣда, дѣда съ сыновьями, внучатами и дѣтьми ихъ. *Аймакъ* есть соединеніе нѣсколькихъ хотоновъ, связанныхъ между собою узами родства, въ степеняхъ дальнѣйшихъ, узамъ свойства въ степеняхъ близкихъ и дальнихъ. Аймакъ такъ же, какъ и хотонъ, не имѣлъ определенной числительности. Въ аймакъ тотъ изъ хотонныхъ старѣйшинъ получалъ названіе *зайсанга*, который по праву первородства нисходилъ прямо отъ родоначальника перваго хотона. Родомъ (анги) называется соединеніе нѣсколькихъ аймаковъ, происходящихъ хотя отъ одного родоначальника или старѣйшины перваго хотона, но въ которомъ однако представители—старѣйшины или зайсанги, уже утратили степени родства и свойства, но сохранили въ памяти народа свой корень. Не имѣя права на старшинство одинъ предъ другимъ, они остаются равными между собою. Земли, занимаемая ихъ родомъ, получаютъ названіе *отокъ* или участокъ. *Улусомъ* называется часть народа, заключающая въ себѣ нѣсколько родовъ, родственныхъ по происхожденію. Представитель улуса или старѣйшій изъ зайсанговъ, получалъ названіе *нойона*. Это достоинство, по рассказамъ Калмыковъ, не переходило по старшинству рода, но приобрѣталось доказанными заслугами, съ тѣмъ однако исключеніемъ, что въ это званіе возводился по избранію всегда одинъ изъ зайсанговъ. Земли, всеми родами улуса занимаемая, въ общей ихъ совокупности, носили названіе *цутукъ* (округъ). Соединеніе вмѣстѣ нѣсколькихъ улусовъ на томъ же началѣ, на которомъ осно-

- (1) Помѣщаемъ здѣсь любопытныя и важныя объ нихъ поясненія, Ивана Гавриловича Черкасова, чиновника особыхъ порученій астраханскаго военнаго губернатора. Онъ былъ ученикъ академика Шмидта, знавшаго монгольскій языкъ, и владѣлъ калмыцкимъ языкомъ, какъ русскимъ. Двѣнадцать лѣтъ онъ провѣлъ между Калмыками: сначала былъ переводчикомъ въ Мало-дербетьевскомъ улусѣ, гдѣ находился шесть лѣтъ; потомъ помощникомъ управлявшаго тѣмъ улусомъ три года, и наконецъ секретаремъ совѣта калмыцкаго правленія. Кромѣ прекрасныхъ познаній о бытѣ-жизнѣ Монголовъ, Иванъ Гавриловичъ Черкасовъ имѣетъ европейскія свѣдѣнія.
- (2) Хотонъ, по доставленному мнѣ свѣдѣнію княземъ Хошоутскаго улуса Церенъ-Джабомъ Тюменевымъ, состоитъ отъ 10 до 15 кибитокъ.

ывається улусъ, получило названіе *тангачи* (племя); представитель его изъ нойоновъ именовался ханомъ (государемъ). Связь многихъ племенъ между собою образовывала *оронъ* (государство), а представитель его получалъ названіе *Бокдо-хана*, (священный государь).

По различію степеней родоприсхожденія, начальники родовъ имѣли особые свои титулы.—Званію зайсанга присвоивали *кюндюте*—почтенный; званію нойова—*алдыръ*, къ которому присоединяли иногда: *хайралдыкъ*—милостивый, или *орешенгүте*—благотворный. Слово *алдыръ* въ русскомъ языкѣ не имѣетъ равнаго себѣ по значенію. Нойоновъ часто именовали сятельными князьями. Вышшіе начальники власти удерживали наименованіе: *ханъ*, *бокдо-ханъ*. — Императоровъ російскихъ именують Калмыки: *Ики деду Бокдо-ханъ*, великій, высоко-священный ханъ.

Аймаки и улусы получали проименованіе отъ первыхъ ихъ представителей. Такъ улусъ Яндыковскій отъ нойона Яндыка. Улусъ Эркетеневскій называютъ Калмыки часто Опчиками, именемъ одного изъ умершихъ зайсанговъ.

Калмыки, во времена независимаго ихъ состоянія, приписывали достоинство Бокдо-хана одному Чингису; по отпаденіи же ихъ отъ Монголовъ, имѣли только хановъ. Представители народные, отъ зайсанга до хана, не имѣли никакого права на свободу и имущество Монголовъ и Калмыковъ; но какъ правители, состоявшіе въ главѣ общественныхъ дѣлъ, распоряжались разными сборами. Сборы эти назывались *албанъ*.

Какъ у Монголовъ, такъ и у Калмыковъ албанъ, до 1825 года не опредѣлялся въ численности или мѣрѣ; собирався произвольно и различно. Назначеніе его было удовлетвореніе общественныхъ расходовъ (*нутугинъ гарудъ*), и въ этомъ смыслѣ онъ выражалъ какъ бы государственную подать. Албанъ у астраханскихъ Калмыковъ измѣнился съ 1825 г. Правительство, желая ограничить произвольные сборы нойоновъ, опредѣлило въ ихъ пользу съ кибитки по 25 руб. асс.. Съ того времени нойоны содѣлались какъ бы помѣстными.

До 1825 года нойоны и зайсанги пользовались добровольными приношеніями, называвшимися гостинцами (*деед-жи*). Обязанность народныхъ властителей состояла въ управленіи, охраненіи и защитѣ той части улуса, которою они владѣли. Они соединяли въ себѣ власть военачальниковъ и судей.

Во времена силы, свободы и независимости Монголовъ и Калмыковъ, по преданіямъ послѣднихъ, ихъ земли распредѣлялись такъ, что одна часть улуса занимала степи въ одной сторонѣ, другая въ другой, и такъ далѣе; въ срединѣ кочевалъ ханъ съ своимъ родомъ,

хуруломъ (кумирлю), духовенствомъ и шебинерами. Эти два класса составляли охранную стражу святыни. Кочевья Монголовъ и Калмыковъ всегда изображали воинскій станъ, дѣлившійся на четыре главные рода: *Токтоновъ*, *Хойтовъ*, *Баруновъ* и *Зюнгаровъ*. Изъ этихъ родовъ образовывался оплотъ могущества и владѣній.

Роды имѣютъ свое значеніе: *Токтоны* отъ слова *токтоху*—остановиться, занять мѣсто; *Хойты* отъ *хойту*—задній, послѣдній; *Баруны* отъ *барунъ*—правды; *Зюнгары* отъ *зюнг-гаръ*, лѣвая рука. Ими начальствовалъ старѣйшій изъ нойоновъ, коему прибавлялось слово *тайша*. Нойоны и тайши, кромѣ обязанностей по охраненію края, составляли совѣтъ хана, раздѣляли съ нимъ власть во время войны и мира. Власть нойоновъ-тайшей въ томъ же порядкѣ раздѣлялась съ нойонами, а нойоновъ съ зайсангами.

По степенямъ начала и постепеннаго развитія улуса, возрадался судъ народный. Въ первыхъ степеняхъ: хотонъ, аймакъ и родъ, онъ представлялъ разборъ семейный, патріархальный, потомъ въ улусѣ явился судъ въ формѣ (зарго): онъ составлялся изъ зайсанговъ и гелонговъ, подъ предсѣдательствомъ нойона. Въ судѣ избиралось по одному члену изъ каждаго рода, почему было столько членовъ, сколько въ улусѣ родовъ. Онъ носилъ названіе *Нутугинъ-зарго* (суда окружнаго, улуснаго); члены этого суда именовались *заргачи* (судья), безъ различія въ старшинствѣ. Судъ высшій составлялся изъ нойоновъ, подъ предсѣдательствомъ хана. По присутствію въ немъ восьми членовъ, назывался *найманъ-зарго* (восьми-членный). Тамъ рѣшались дѣла гражданскія и уголовныя. Письменныхъ законовъ не существовало, дѣла рѣшались по совѣсти, обычаямъ, переходимымъ отъ предковъ, и правиламъ вѣры. Образъ суда былъ примирительный; вышею степенью преступленія было убійство.

Внутреннія несогласія, преобладаніе одного рода предъ другимъ и непріязненное столкновеніе между племенами, часто рождали вражду, доходившую до кровной мести. Она была бы причиною и источникомъ взаимнаго уничтоженія, еслибы не обуздывалась вѣрою. По-этому-то у Монголовъ, исповѣдующихъ буддизмъ, постановлено ученіемъ Фо за основное правило: «грѣшно отнимать жизнь у существа одушевленнаго». Этотъ грѣхъ считается у нихъ *безпромежуточнымъ* (забсыръ-уга-нююль), т.-е. непростимымъ. Такое правило очень умно соглашено съ наклонностями и понятіями кочующихъ. Слѣдя ему, судъ не полагалъ за самое убійство смертнаго наказанія, а опредѣлялъ: за первое убійство вознагражденіе, обезпеченіе родственниковъ и дѣтей, оставшихся послѣ убитаго; подвергалъ

виновнаго духовному покаянію, по которому обязанъ былъ отречься отъ удовольствій міра, носить красную перевязь чрезъ плечо (оркюмджи) и жить опредѣленное время при хуруль убушею (постникомъ). За второе назначалось такое же наказаніе, только въ болѣе степені, и на лицѣ его выжигалось клеймо. За третье убійство выжигалось другое клеймо, и преступникъ на всегда изгонялся изъ среды своего народа. Подобныя злодѣи слыли *андынами*.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда виновный не былъ въ состояніи вознаградить за похищенное, онъ отдавался головою не только лично, но и съ его семействомъ, тому лицу, коему принадлежало возмездіе. Истецъ былъ въ правѣ продать или употребить его въ работы, по своему произволу. Осужденные такимъ способомъ люди назывались *китыты*—рабъ кабалный.

Въ дѣлахъ даже по смертоубійству, гдѣ не было ясныхъ доказательствъ или признанія, судъ оканчивался религіознымъ обрядомъ, именуемымъ *шаханъ*, который составлялъ послѣднюю и крайнюю степень доказательствъ. Основаніе шахана суть совѣсть и вѣра. Такой обычай вершить дѣла существовалъ и у астраханскихъ Калмыковъ.

Судъ имѣетъ обыкновенно въ виду двѣ стороны: обиженную и обидчика, истца и отвѣтчика. Когда истецъ не представлялъ достаточныхъ доказательствъ, а отвѣтчикъ не сознавался и не примирялся, тогда на волю истца отдавалось покончить шаханомъ. Истецъ избиралъ для рѣшенія дѣла самаго честнаго человека, который обязанъ былъ выполнить обрядъ шахана.

На счетъ обиженнаго убивали черную корову, не имѣвшую никакихъ пятенъ; снятая съ нея кожа, облитая кровью, разстилалась въ кибиткѣ шерстью внизъ, такъ что одна половина была продѣта подъ двери, а другая лежала вѣт дверей. Разостланная шкура приколочивалась къ землѣ колышками. На правой сторонѣ, вверху дверей, прикрѣплялась голова коровы, съ раскрытыми глазами, вытянутымъ и завернутымъ на правый бокъ языкомъ; вся голова обагривалась кровью. Съ лѣвой стороны дверей прибавался человѣчскій черепъ; а на землѣ, съ правой стороны, ставилось ружье съ взведеннымъ куркомъ. За тѣмъ становился впереди противу входа кумиръ (бурханъ), на нарочно устроенномъ возвышеніи; предъ нимъ зажигалась на уступѣ благовонная курительная свѣчка (кюдже). По стѣнамъ развѣшивались картины (шютень), изображавшія существа карательныя. Подлѣ картинъ садились, по обѣимъ сторонамъ, по три гелюнга (жрецы) съ духовными инструментами.

Послѣ этой обстановки являлись обоюдные посредники, съ ними истецъ и отвѣтчикъ. Избранный къ выполнению шахана предлагалъ тяжущимся миръ, и если они соглашались, то шли переговоры; въ противномъ случаѣ начинался шаханъ. Занявшій мѣсто истца скидалъ съ себя платье, до рубашки и исподняго бѣлья, и босыми ногами становился на растянутаю кожу. За кибиткой, предъ дверьми ея, двалъ онъ три земные поклона; потомъ входилъ въ нее. Со входомъ его раздавалась пронзительно-дикая и оглушающая музыка. По приближеніи его къ кумиру, звуки стихали и начиналось тихое чтеніе молитвы. Въ это время онъ обязанъ потушить свѣчу предъ кумиромъ, а сердце зарѣзанной коровы подносилось въ то время на тарелкѣ къ бурхану, предъ коимъ онъ долженъ взять его ртомъ и вынести изъ кибитки. По выходѣ его, одинъ изъ гелюнговъ принималъ отъ него сердце, которое разсматривалось при посредникахъ. Если на оболочкѣ не сдѣлано никакихъ поврежденій, то обрядъ считался выполненнымъ, а обвиняемый правымъ.

Тогда истецъ обязанъ заплатить за безчестіе, которое обуславливалось взаимнымъ договоромъ, прежде исполненія шахана. Если же избираемый для исполненія шахана отказался или вынесъ сердце съ поврежденною оболочкою, то отвѣтчикъ признавался виновнымъ, и истецъ удовлетворялся.

Обрядъ шахана представляетъ много странностей, но нельзя не признать, что такая странность необходима, дабы предметами чувственными сильнѣе поразить воображеніе кочующаго, и сильнѣе произвесть на него впечатлѣніе.—По истолкованію духовныхъ, онъ имѣетъ такой смыслъ. Калмыки считаютъ грѣхъ дѣломъ чернымъ, порочнымъ; самыя карательныя существа у нихъ, *асури* (злые духи, чудовища ада), изображаются черными и въ видахъ безобразныхъ. Глава *асурей*, *Ямандага*, рисуется на духовныхъ картинахъ съ открытымъ ртомъ, оскаленными зубами, съ пламенемъ, исходящимъ изъ рта, съ выпученными глазами и протянутыми рогами. Убійство человѣка есть тягчайшій смертный грѣхъ, а потому въ образѣ черной коровы напоминалось исполнителю обряда, что онъ принимаетъ на себя гнѣвъ и кару боговъ, если поступить противу совѣсти. Обозображенная голова коровы служить свидѣтельствомъ, что душа виновнаго, по переселеніи, допускаемомъ буддизмомъ, будетъ вмѣщаться въ существахъ безобразныхъ, наносящихъ человѣку страхъ, будетъ лишена сообщества съ людьми. Черепъ человеческой головы служить напоминаніемъ о смерти. Ружье съ взведеннымъ куркомъ напоминать быструю и внезапную кару Бога. Кумиръ (бурханъ) свидѣтельствуется исполнителю обряда о присутствіи Бога, какъ Судіи Всевидящаго,

Всеядущаго. Зажженная свѣча изображаетъ свѣтъ, Богомъ проливаемый, а благоволеніе отъ нея—милости Бога. Потушеніе свѣчи исполнителемъ обряда обнаруживаетъ отреченіе отъ него Бога и милосердія Его. Сердце коровы, положенное на тарелкѣ предъ кумиромъ, должно напоминать, что онъ обязанъ приступать къ выполнению обряда съ чистотою совести и сердцемъ непорочнымъ. Картины духовныя, представляющія карательныхъ существъ, должны напоминать тѣ страданія, которымъ онъ подвергнется въ случаѣ неправоты. Разостланная сырая кожа, облитая кровью, служить предвареніемъ: какъ она скользкая, то надобно поступать осторожно и добросовѣстно.

Нынѣ Калмыки дѣлятся на три главные рода: а) на Торгоговъ, б) Дербетовъ и в) Хошоутовъ. Роды эти состоятъ изъ девяти улусовъ (*). Названія ихъ суть монгольскія, нарицательныя, кои объясняютъ такъ: Торгоговъ или Торгутовъ происходятъ отъ *токтогу*, а по другимъ отъ *торгоху*, и значить остановитъ,—будто бы они въ одномъ сраженіи остановили натискъ непріятелей; *дѣрбетъ* отъ *дѣрбень*—четыре, а *Хошоты* отъ *хошъ*—станъ, это слово измѣнено нашими казаками въ кошъ.

А) Торгоговъ, первые поселившіеся, подъ предводительствомъ Хорлюка, на обширныхъ и богатыхъ степяхъ приволжскихъ (въ 1630 году), и первые оставившіе ихъ подъ предводительствомъ потомка его Убаши (въ 1771 г.), заключаются теперь въ шести улусахъ: 1) Экицохуровскомъ, 2) Яндыковскомъ, 3) Харахусовскомъ, 4) Эрденикчииковскомъ, 5) Багацохуровскомъ и 6) Эркетеневскомъ. Два послѣднихъ суть родовое наследство хана Дундукъ-Омбы, перешедшее къ князьямъ Дундуковымъ.

Б) Дербеты дѣлятся на два улуса: 1) на Больше-дербетевскій и 2) Мало-дербетевскій.

В) Хошоты заключаются въ одномъ улусѣ Хошотскомъ или Хошоутовскомъ. Изъ калмыцкихъ владѣтелей хошотскій владѣлецъ Замвинъ, первый выстроилъ себѣ, на нагорной сторонѣ Волги (въ концѣ XVIII в.), домъ, гдѣ нынѣ Замьяновская станица, и тамъ зимовалъ съ своимъ родомъ; его примѣру послѣдовалъ усыновленный имъ сынъ Тюмень-Джимгалынгъ; сынъ Тюменя, Сербеджапъ, перешелъ на нынѣшнее мѣсто и обстроилъ, т.-е. тамъ, гдѣ теперь ставка князя Церень-Джабъ Тюменева.

Народонаселеніе во всѣхъ улусахъ: 60,216, или 15,068 кибитокъ, полагая примѣрно въ каждой кибиткѣ по четыре души. Самый

(* По извѣстіямъ постороннихъ записокъ и собственнымъ разспросамъ у владѣтельныхъ князей.

большой улусъ—это Мало-дербетевскій (въ немъ 5,046 кибитокъ), а самый меньшій — Больше-дербетевскій (въ немъ 786 кибитокъ). Скота по вѣсѣмъ улусамъ 812,181 головъ, а именно верблюдовъ 20, 588, лошадей 70,122, рогатаго скота 124,383, овецъ простыхъ калмыцкихъ 570,966, мериносовыхъ 352, шленскихъ 1,939, козь 23,976. Цѣнность всего скота до четырехъ милліоновъ рублей (1).

По учрежденію особаго управленія, калмыцкіе нойоны получили названіе князей. Простые Калмыки, глубоко почитая своихъ нойоновъ, придаютъ имъ названіе *цаганъ-ясанъ* (бѣлая кость), какъ происходящимъ отъ рода благороднаго. *Зайсанги*, находясь въ зависимости отъ владѣльцевъ, управляютъ наследственными аймаками (участками), и считаются отъ бѣлой кости. *Хуварыкъ* (духовенство) почитается Калмыками до ослѣпленія, и даже вѣрятъ, что хуварыки имѣютъ силу отгонять *эрликовъ* (чертей). Духовенство состоитъ изъ *манжи*—послушниковъ, *гецулей*—учениковъ вѣры, *гелюновъ*—служителей вѣры, *гелю*—уставщика и благочиннаго, *гелка*—ключаря, *нирбы*—хранителя състныхъ припасовъ, *бакши*—учителя вѣры: онъ замѣняетъ протоіерея и архимандрита; *цорджи*—епископа, и *ламы* (соучастника откровенія)—первосвященника, архіепископа (2). Манжи и гецули утверждаютъ гелюнами; назначеніе гелюногъ и другихъ высшихъ обязанностей зависитъ отъ ламы, который почитается наравнѣ съ бурханами, а далай-ламы поклоняются какъ дѣйствительному божеству. Избраніе ламы совершалось первоначально далай-ламою, но нынѣ прекращено это, и утвержденіе его зависитъ отъ нашего правительства. При возведеніи въ достоинство ламы, онъ облачается въ полное жреческое одѣяніе, выходитъ къ дверямъ хурула, и тамъ останавливается. При его появленіи, владѣльцы, а за ними и народъ, преклоняютъ колѣна съ богопочитаніемъ. Ламъ теперь два: одинъ живетъ въ улусѣ Багацохуровскомъ, а другой въ Эрдени-Кичиковскомъ. Простой народъ именуется *хара* (черный), какъ у насъ чернь, и дѣлится на *аймачныхъ*, несущихъ общественныя повинности, и *кеточинеровъ*, принадлежащихъ къ удѣламъ владѣльцевъ. Прислуга князей и духовенства состоитъ изъ особаго класса людей. У первыхъ суть: *цайчи*—варитель чая, *зама*—поварь, *морчи*—конюхъ, *тукчи* или *маичи*—знаменосецъ, и *онисчи*—ключникъ. У вторыхъ

(1) По вѣдомостямъ о народонаселеніи Калмыкъ и ихъ скотоводствѣ, за 1850 годъ, доставленнымъ мнѣ астраханской палатою государственныхъ имуществъ.

(2) *Манжи* у Калмыкъ, *банди* у Монголовъ, есть послушникъ или ученикъ; *гецуль* или *кгецуль*, тибетское слово, значить поступающій добродѣтельно; *гелюнь* или *кгелюнь*, тибетское слово, значить молящійся о ниспосланіи ему добродѣтели.

суть: *шебинеры* или *шобинеры* ламы и хурула; они пасутъ стада ламы, служатъ для всѣхъ ихъ надобностей и для хурула.

Жизнь Калмыка однообразна (*). Все его занятіе состоитъ въ смотрѣніи за скотомъ и стараніи увеличить его. Иногда разнообразится она травлею звѣрей, стрѣляніемъ птицъ и сайгаковъ. Съ апрѣля мѣсяца прѣзжаютъ въ улусы Икицохуровскій, Яндыковскій, Эркетеневскій, Харахусовскій, Эрдени-цаганъ-кичиковскій и частію Мало-дербетевскій, гуртовщики изъ верховыхъ губерній, для закупки скота. Въ то время каждый Калмыкъ старается продать, что Богъ ему далъ, и тѣмъ уплачиваетъ всѣ лежащія на немъ повинности.

По жизни кочевой, каждый хотонъ переходитъ изъ одного мѣста на другое, черезъ двѣ или три недѣли. При переходѣ навьючиваютъ все имущество свое, разумѣя и самую кибитку, на верблюдовъ, и покрываютъ коврами, если хозяева—люди зажиточные. Женщины и дѣвушки наряжаются въ праздничныя одежды, и гонятъ съ мальчиками скотъ. Малолѣтныя и младенцы сажаются въ ящики, называемые *укюкь*, которые привязываются по бокамъ навьюченныхъ верблюдовъ. Мать садится съ младенцемъ на верху верблюда и кормитъ грудью во время самой дороги. Мужчины верхами предшествуютъ кочевью и указываютъ путь. Дѣвушки зажиточныхъ семействъ ѣдутъ также верхами; сѣдла и сбруя у нихъ блещутъ серебромъ. Они отличаются своимъ наѣздничествомъ, и нерѣдко оспариваютъ свое удалство у лихаго наѣздника. Перекочевка развлекается еще охотою звѣрей и птицъ. Такая перекочевка напоминаетъ передвижной воинскій станъ, и имѣетъ свою пріятность, особенно, если переходы совершаются на дальнемъ разстояніи и по нѣскольку дней, пока не отыщутъ свѣжихъ пастбищъ и чистыхъ водъ. Во всю дорогу раздаются пѣсни, сыплются остроумныя причитанія, поговорки и нравственныя замѣчанія, или рассказываются сказки и были. По прибытіи къ мѣсту прикочевки, развьючиваютъ верблюдовъ, ставятъ кибитку дверьми на полдень, если же въ хотонъ находится хуруль, то къ хурулу. Внутри жилья ставится, прямо противъ дверей, кровать, съ лѣвой стороны дверей, у изголовья постели, разставляютъ сундуки, иногда ставятъ другъ на дружку; разставленные сундуки, (по-калмыцки баранъ) застилаются коврами; по правую сторону находится домашняя посуда, а посрединѣ кибитки таганъ.

Быть Калмыковъ, кочующихъ по обѣимъ сторонамъ Волги, особенно хошоутовскихъ, обнаруживаетъ довольство. Хошоутовцы, на-

(*) Изъ записокъ хошоутскаго владѣльца князя Церенъ-Джабъ Тюмсенева.

ходясь въ непрерывной дѣятельности, стремятся къ улучшенію своего состоянія, и весьма многіе изъ нихъ не садятся пить чай безъ бѣлаго хлѣба, отъ того что нанимаются въ работу къ рыбопромышленникамъ, разнымъ торговцамъ и въ услуженіе.

Въ прошломъ году (1850) выдано однихъ билетовъ на отлучку Калмыкъ 1,200. Нѣкоторые даже занимаются свѣнокосомъ, посѣвомъ хлѣба разнаго рода, дынь, арбузовъ, кукурузы и картофеля. Одинъ изъ хлѣбопашцевъ, Кююке Керечіевъ, получилъ похвальный листъ отъ министерства Государственныхъ Имуществъ, за земледѣльческіе труды. Кромѣ хозяйственнаго занятія, находятъся въ улусѣ серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастера, слѣсаря, оружейники, живописцы (1), столяры, плотники, портные, сапожники и кузнецы.

Калмыки большей частію простодушны и послушны, и по ихъ землямъ, особенно по хошоутовскимъ, можно проѣзжать спокойнѣе, нежели по киргизь-кайсацкимъ (2). Какъ люди полудикіе, они преданы лѣни, и потому многіе чуждаются осѣдлости. Принявшіе православіе живутъ въ русскихъ деревняхъ. Въ жизни своей трезвы, разумѣется, не безъ случаевъ, въ коихъ оказываются неумѣренными. Одинъ Астраханскій купецъ, имѣвшій съ ними дѣла по торговлѣ болѣе двадцати лѣтъ, какъ онъ говорилъ, описывалъ ихъ мнѣ черными красками (3); онъ называлъ всѣхъ ихъ обжорливыми, пьяницами, развратными, отчаянными плутами и не имѣющими никакого понятія о честности, забывая, что онъ купецъ, что онъ дышетъ корыстію. Если пользоваться свѣдѣніями такихъ людей, то будетъ непростительная и грубая ошибка со стороны наблюдателя нравовъ.

Безпрерывно странствуя, Калмыкъ такъ привыкъ къ этой жизни, что не можетъ разстаться съ нею. Я встрѣчалъ иногда ряды навьюченныхъ верблюдовъ, арбы, запряженныя верблюдами и волами. —

- (1) У меня находится нѣсколько рисунковъ, писанныхъ Хошоутовцами, и я видѣлъ рисованныя ими же духовныя картины и изображенія бурхановъ, на священныя книгахъ; послѣднія очень правильны.
- (2) Собственные наблюденія. — Мнѣ случалось много разъ ночевать въ степи, среди кочевки, и было такъ покойно и хорошо, какъ въ русской деревнѣ. Случалось бывать самъ-одинъ въ кибиткѣ, между полудикарями, и тамъ было столь же чинно, какъ въ избѣ. И если узнать, что провѣзжій еще чиновникъ, то стараются услуживать наперевѣь.
- (3) Этому купцу отказали нѣкоторые владѣльцы отпускать на работу своихъ Калмыкъ, по причинѣ дурнаго съ ними обращенія и частыхъ недоплатъ; этими средствами, какъ говорили мнѣ, онъ приобрѣлъ большое состояніе. Недовольный тѣмъ, что мало нажился отъ труженниковъ, онъ еще бранитъ ихъ: благодарность чисто азіятская!

Посреди́въ кибитки всегда увидите чугу́нный котель, въ коёмъ готовится чай и пища; около котла сидящихъ дѣтей, которыя грѣются, или мужчинъ и женщинъ, грѣющихся и курящихъ трубку. Противъ дверей кибитки, расположенныхъ на востокъ, разостланы войлоки, на коихъ спать; по сторонамъ разложена деревянная посуда, *дамбы* (чайныя кружки) и кожаные мѣшки, какъ-то: *бортаги* (для хранения вина), *архоты* (замыняющіе кадки), *уты*—для собиранія сухаго помета (аргасуна), и водоносные въ родѣ ведеръ. Поверхъ дверей растянуты лоскуты бумаги или полотна, на коихъ написаны молитвы по-тангутски, или же развѣвается въ углу, на верху кибитки, доскутокъ матеріи краснаго цвѣта, съ тангутской молитвою.

При кочевьѣ улусъ дѣлится на хотоны; каждый хотонъ состоитъ отъ осьми до десяти семействъ и болѣе. Останавливаясь при рѣчкахъ, ерикахъ и худукахъ (колодцахъ), живутъ тамъ дотолъ, пока довольно корму для скота, а послѣ переходятъ снова на другія мѣста. При переходѣ не забываютъ бурхановъ, коихъ, уложивъ въ ящики, возятъ на однихъ бѣлыхъ верблюдахъ.

Не смотря на зной и холодъ, дождь и шуруганы (бури), Калмыкъ привыкаетъ къ нимъ, крѣпнетъ и достигаетъ глубокой старости. Болѣзни посвящаютъ его очень рѣдко, кромѣ лихорадокъ, по причинѣ переменчивой погоды, и оспы (цецикъ); послѣдняя истребляетъ иногда семейства; правительство строго предписало прививать ее.

Цвѣтомъ лица Калмыки очень смуглые; глаза имѣютъ узкіе, какъ бы прорѣзанные, мускулы выдавшіеся, зубы бѣлые, какъ жемчугъ, и волосы черные. Зрѣніе у нихъ чудное. Едва мелькающій издали предметъ не укрывается отъ нихъ глаза. Росту почти весь средняго и стройны, весьма искусны въ верховой ѣздѣ, какъ мужчины, такъ и женщины.

По не повсюднему употребленію хлѣба, довольствуются кирпичнымъ чаемъ, молокомъ обыкновеннымъ и квашеннымъ, и буданомъ; позажиточные пьютъ кумысъ. Изъ квашеннаго молока всякаго скота готовятъ черезъ перегонку *арьку* (вино), которая равняется полугару; перегнанная два раза называется *арза*, въ третій разъ—*хорза*. а въ четвертый—*дангъ*, и послѣдній есть настоящій спиртъ (*).

(*) По замѣчаніямъ некоторыхъ, первый напитокъ изъ кобыляго молока называется *чигинь*, а изъ коровьяго, иногда съ примѣсью овечьяго, *айрикъ*. Изъ обонихъ ихъ гонять въ котлахъ *арьку*. Сварившееся отъ перегонки молоко называется *буза*, которую сушатъ и употребляютъ для кушавья, что называется *шѣрмукъ* и *хурсуинъ*. — Отъ айрикъ или арька, безъ сомнѣнія, произошло названіе *аракъ*.

Остающуюся от перегонки сыворотку употребляют въ кушанья различно. Когда она бываетъ еще теплая, тогда подливаютъ въ нее парнаго молока: она имѣетъ довольно пріятный, сладковатый вкусъ, и называется *хоэрмыкь*. Если даютъ ей остынуть, то сливаютъ потомъ въ холщевые мѣшки. По выходѣ жидкости остается гуща, въ родѣ творогу, которую, выжимая руками, пропускаютъ сквозь пальцы на чистыя рогожи, сушатъ на солнцѣ и запасаютъ на зиму, что называется *шуурмыкь*. При употребленіи въ пищу, мѣшаютъ его съ коровинымъ масломъ, кладутъ въ мясной супъ или *будань*. — Шуурмыкъ на вкусъ кислвяжущій буданъ сходенъ съ русской болтушкою: онъ готовится на мукъ съ водою, съ подбавкою молока, бараньяго сала или масла. Готовятъ *эзге*, *боорцыкь* и *цельвикь*. Эзге есть уваренное до густоты молоко, съ примѣсью сычуга; оно вкусомъ и видомъ похоже на донской каймакъ. Боорцыкь и цельвикь суть пирожныя: первое есть пшеничное тѣсто, приготовленное въ маслѣ шариками, и потомъ жаренное; второе такъ же дѣлается, только лепешками. — Оба они подаются къ калмыцкому чаю. Изъ пшеничной и ржаной муки, смѣшанной съ саломъ, пекутъ лепешки на золѣ. — Любимое еще кушанье, это *бишъ-бармакъ* (татарское) и *ишки сынъ махань*, мелко искрошенное лошадиное мясо, жаренное на бараньемъ жирѣ. Охотно жарятъ баранину и жеребятъ: последнее составляетъ роскошь.

Изъ животныхъ употребляютъ еще въ пищу: рыбу, птицъ домашнихъ и дикихъ и зайцевъ, только тѣ изъ нихъ, кои занимаются охотою. — Дѣлуютъ свою лошадь и собаку, называя ихъ *товарищами* и *друзьями*. За всемъ тѣмъ бѣдный народъ, добывая скотъ большой, употребляетъ его въ пищу; поднимаетъ даже палый, и вѣсть. Увидѣвши въ первый разъ въ жизни, что Калмыки, сидя подѣ плетнемъ, спокойно сдирали кожу съ дохлаго телянка и ѣли мясо его, я долго не могъ смотреть на ихъ бытъ, вездѣ отзывавшійся мнѣ запахомъ палаго. Это воспоминаніе пробуждалось еще болѣе во мнѣ, когда находилъ въ кибиткѣ развѣшанное мясо: вареное, сушеное, вяленое и сырое; когда собаки хлѣбали изъ того же котла, изъ котораго ѣли сами Калмыки; когда дѣти ѣли мясо полусырое, валяясь съ собаками, вырывавшими изъ ихъ рта; когда дѣти, растлнувшись голыми по землѣ, не заботились касательно накопленія около нихъ нечистоты. На вопросъ: отъ чего не могутъ вѣсть рваннаго? Калмыки отвѣчали: «грѣшно рвать. Всякому животному Богъ далъ жизнь, и никто не можетъ отнимать ее; что же намъ, то назначено въ сѣдѣ», или, говоря ихъ словами, «тегеръ албо» — Богъ далъ. Должно сказать, что Калмыки не рѣшатся убить не только юмара,

какъ бы онъ ни кусаль, но даже той нечистоты, которая роется въ его головѣ: онъ сниметь ее почтительно и отложить въ сторону. Понятно, отъ чего это происходитъ: отъ вврованія въ переселеніе душъ:—быть можетъ, въ той нечистотѣ душа его отца или жены!

Не занимаясь разведеніемъ огородничества, употребляютъ разныя полевые корни, молочай, *чилима*, родъ водяныхъ орховъ, и какую-то луковицу, называемую буудукъ (*ornithogalum bicolor*). Всеобщее употребленіе — это куреніе табаку, къ которому пристрастны мужчины, женщины и даже дѣвушки. Еще съ младенчества они привыкаютъ къ нему, и случалось видѣть, что трубку почти не выпускаютъ изъ рта.

Одежда простолюдиновъ однообразная: лѣтомъ молодые носятъ бешметы нанковые, а зимой суковныя сняго цвѣта, и шаровары; старики же надѣваютъ, смотря по времени года, нанковый или суковный лапшикъ (халатъ). Шапка (махла) большей частью у всѣхъ изъ желтаго сукна, четырехугольная, наподобіе уланскаго кивера, съ красною на верху по срединѣ кистью (залъ). Сапоги у обоюго пола одинаковые по покрою, съ тѣмъ различіемъ, что у мужчинъ изъ чернаго козла, а у женщинъ изъ краснаго сафьяна; послѣднія подбиваютъ ихъ высокими каблуками. Употребляютъ также сапоги изъ юфти черной и не выдѣланной. Нѣкоторые изъ мужчинъ носятъ *даха*, шерстью вверхъ, родъ армяка, выдѣланнаго изъ лошадиныхъ шкуръ. Платье женское *терликъ* съ рукавами—родъ сарафана, у зажиточныхъ обложенный по воротнику и на груди по поясъ парчею; а обыкновенный *терликъ* есть китайчатый или нанковый; поверхъ его надѣвается *цегедиль*, настоящій сарафанъ безъ рукавовъ, застѣваемый пуговицами впереди, въ одинъ рядъ, сверху внизъ. Онъ иногда шьется изъ лошадиныхъ шкуръ, шерстью вверхъ, для ношенія въ ненастную погоду. Поверхъ цегедына носится *бирза*, похожая на халатъ, и она исключительная принадлежность зайсангскихъ женъ.

Богатыя Калмыки носятъ верхнее платье на распахку, шитое изъ разныхъ матерій: саржевой, плисовой, парчевой, штофной и шелковой; подъ нимъ парчевый бешметъ (казакинъ или полукафтанъ); у щеголей или молодыхъ людей кафтаны съ закидными рукавами. Бѣлье шьютъ изъ толстаго полотна, и рѣдко кто заботится имѣть болѣе одной пары; носятъ, пока не изорвется. При мытьѣ бѣлья прикрываютъ свое тѣло чапанами, пока не просохнетъ. Зимомъ одѣваются какъ мужчины, такъ и женщины, въ овчинныя тулупы, а голову покрываютъ малахаями (овчинными шапками). — Въ недавнее время появились шубы изъ мерлушекъ, волчьи и лисьи, манишки, жилеты, куртки, галстухи и картузы. Я видѣлъ молодыхъ Калмыкъ,

прекрасно одѣтыхъ въ русскую одежду, въ картузь изъ синяго сукна, съ околышкомъ краснымъ, какъ у донскихъ казаковъ, чѣмъ они тщеславятся. Сколько я могъ замѣтить, стараются одѣваться въ хорошія платья.—Волосы заплетаютъ въ косы: дѣвушки взрослые по нѣсколько косъ, а женщины по двѣ, которыя вкладываются въ китайчатую или изъ другой какой-либо матеріи обшивку; дѣвушки несовершеннолѣтнія носятъ волосы раскинутыми по плечамъ. Мужчины перестали заплетать косы; иногда встрѣчаются старые люди; но по большой части зачесываютъ ихъ въ кружокъ, какъ наши мужчины. Нѣкоторые брѣютъ голову, всѣ однако ходятъ съ усами, и самое духовенство, но безъ бородъ, которыя выщипываютъ. Оба пола носятъ серьги: у женщинъ по двѣ, у мужчинъ и дѣвушекъ я видѣлъ по одной. На пальцы надѣваютъ кольца и перстни.

Духовенство носитъ лѣтомъ китайчатый бешметъ, краснаго или желтаго цвѣта; поверхъ его суконный лапшикъ, а зимою шубу, крытую китайкою, шелковою матеріею или сукномъ, тѣхъ же двухъ цвѣтовъ. Шапка у него лѣтняя—круглая, наподобіе перевернутой вверхъ дномъ тарелки, съ пуговкою на верху; шапка зимняя, называемая *бишилегчи* (малахай)—четыреугольная изъ желтаго сукна и на мѣху, опушенная лисьимъ мѣхомъ. Сапоги изъ краснаго сафьяна. Всѣ духовныя лица не носятъ, по своему закону, нижняго платья, а вмѣсто его имѣютъ короткія до коленъ юбки; но всѣ духовные брѣютъ голову.

По сравненію съ другими азіатскими племенами, Калмыкъ не унижается ни предъ кѣмъ, не кланяется, не проситъ, а говорить просто, не жалуется, а рассказываетъ, и его жалоба какъ бы касается до всякаго. При самой бѣдности и несчастіи Калмыкъ не унываетъ, и не услышите отъ него жалобы, онъ только скажетъ: *Яахобы Тенгеръ медне*,—что дѣлать, то Богъ знаетъ. Въ обращеніи онъ доверчивъ, простъ, ласковъ, какъ можно судить потому, что онъ принимаетъ всѣхъ къ себѣ радушно. Посѣщая кибитки, я часто заставалъ около котла маститыхъ и дряхлыхъ, съ обнаженною грудью, стариковъ, которые при моемъ входѣ вставали; имъ слѣдовали всѣ гости и стояли до выхода. Такъ поступаютъ при старшинахъ, и каждый принимаетъ въ свою кибитку самаго бѣднѣйшаго. Ему подаютъ немедленно чай, буданъ и трубку. Я никогда не видѣлъ, чтобы кто изъ кочующихъ Калмыковъ просилъ милостыню, или, при оказаніи какой-либо услуги протѣзему, попросилъ бы на водку. Они усердно помогаютъ, провожаютъ въ дорогъ, не какъ степные Киргизцы, и передаютъ отъ хотона къ хотону, если кто бонется ѣхать безъ провожатаго. При постигающихъ бѣдствіяхъ, помогаютъ другъ другу.—Нельзя

скрыть, что, при многихъ добрыхъ качествахъ, предаются воровству, что, однако, не считается у нихъ за порокъ; безпечны, вспыльчивы, легковерны, ибо охотно вѣрятъ всякому слуху; въ дѣлахъ своихъ предприимчивы, и какъ скоро принимаются за дѣло, такъ скоро охлаждають къ нему, и страстные игроки, впрочемъ только тѣ, которые познакомились съ городской жизнью. Какъ народъ полудикій, коему свойственны все предразсудки, Калмыки чрезвычайно суевѣрны. Приписывая свое несчастье эрикамъ (чертямъ), повсюду преслѣдующимъ человека, они прибѣгаютъ къ гелюнкамъ. Получивъ отъ нихъ *манц* (лоскутъ матеріи), вѣщаютъ на шесть вѣв кибитки, и остаются увѣренными, что мани не допуститъ до нихъ эриковъ и людей, знающихся съ демонами. Почитаютъ подвигомъ душеспасительнымъ, чтобы въ хурулъ (капище) вертѣть *кырда* (1), будто бы отгоняющее нечистую силу; носить съ собою бумажки съ письменами тангутскими (священными) и узелки; перебирать четки, произнося слова священныя: *омъ мани патъ ме хоумъ* (2). Вѣрятъ *захурчельмъ* (астрологамъ), *удугунамъ* (колдунамъ) и *бѣ* (ворожеямъ). Молнія, громъ, бури, повальные болѣзни и бѣдствія, кажутся въ ихъ глазахъ сверхъестественными: гелюнки и ворожеи должны ихъ спасать. Обыкновенная у нихъ ворожба: баранья лопатка передней ноги, которую жгутъ на угольяхъ; раскладываніе четокъ, смотрѣніе въ воду, и все это толкуютъ по своимъ замѣткамъ. Довольно замѣчательно, что весьма многіе изъ простолюдиновъ прекрасно и даже вѣрно изъясняютъ воздушныя явленія, по коимъ предвѣщаютъ засуху, неурожай, зиму холодную и т. п., такъ что по ихъ примѣтамъ перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто. При появленіи зайцевъ въ степи около кибитокъ въ осеннее время, — непременно зима холодная, — это такая примѣта, что сдѣлалась общею между Русскими, ихъ соседями. — По чрезвычайной привязанности къ кочующей жизни, они не могутъ разставаться съ нею, и разстаться — это смерть для нихъ; — такихъ примѣровъ очень много. Только съ дѣтства

(1) Круглая небольшая машинка, въ родѣ барабана, которая изукрашена молитвами снаружи и внутри, и при вертѣніи издастъ трескъ.

(2) Значеніе этихъ словъ необъяснимо, и никто не истолковалъ доселѣ. Написаны объ этомъ цѣлыя книги, которыя оканчивались тѣмъ, что призывали молитву эту таинственною, недоступною для ума. Известный наизъ сивологъ и монголъ, архимандритъ Авакумъ, говоритъ, что эти слова должно читать такъ: *Омъ мани бадъ ме хоумъ*, т. е. «о Мани-бадъ! помилуй меня». Мани-бадъ — богъ милости, къ коему прибѣгаютъ для испрошенія милосердія и зашиты. — Нѣкоторые изъ калмыцкаго духовенства, избѣгая объясненій, говорятъ, что одинъ только Далай-Лама можетъ сказать, что значатъ эти слова, ибо въ немъ одномъ заключается тайна откровенія.

можно отбить охоту къ кочевкѣ; однако есть случаи, что Калмыки-христiане, не только крестившіеся ихъ правды, но и вновь крещенные, опять обращались къ кочующей жизни, не смотря на то, что для нихъ выстроены правительствомъ дома, отведены поля: они бросили жилища, а поля отдали въ оброчное содержаніе. Тутъ по неволѣ вспомнишь: привычка вторая природа.

Будучи отъ природы крѣпки, мужчины и женщины, они не знаютъ большихъ страданій, или по крайней мѣрѣ переносятъ ихъ терпѣливѣе. Такъ, напримѣръ, родильница разрывается столъ, опираясь животомъ объ что-либо упругое, хотя при родахъ присутствуетъ повивальная бабка, которая принимаетъ новорожденнаго.

Послѣ рожденія младенца, выносятъ его изъ кибитки, и первый бросившійся въ глаза предметъ служить ему именемъ, напримѣръ *нохо* (собака), *кичимъ* (щенокъ), *бора* (сивый) и т. п., или призываютъ зурхачу-гелюнга, который, прочитавъ надъ нимъ молитвы, нарекаетъ по имѣющейся у него книгѣ. Кромѣ назначеннаго имени, даютъ еще особое прозваніе, отъ чего у Калмыка два названія, и онъ, оставляя настоящее свое имя, знаетъ лишь одно прозвище. Даютъ наименованія довольно пріятныя, напримѣръ: *бидма*—цвѣтокъ, *норбо*—драгоценность, *эрдени*—сокровище, *элюнцолхъ*—верхъ благополучія и т. п. Послѣ наименованія привѣшиваютъ на шею новорожденнаго молитвы, написанныя по-тунгутски, которыя зашиваются въ кожу или холстъ. Разрѣшившаяся двумя младенцами считается благословенною. Въ сороковой день зѣдятъ роженицы съ своимъ младенцемъ въ хуруль, или приглашаютъ гелюнга для прочтенія очистительныхъ молитвъ. Лѣта считаютъ не со дня рожденія, а по расчету времени до рожденія, и кто родится на канунъ новаго года (24 ноября), то засчитывается за цѣлый годъ.

Въ семейномъ быту составляетъ предметъ веселостей и радостей—женитьба и бракосочетаніе. Родители жениха, или самъ женихъ, узнавъ первоначально чрезъ разпросы о невѣстѣ, спрашиваютъ потомъ у гелюнга-зурхачу: не будетъ ли какого препятствія къ брачному соединенію (*). И если получаютъ въ отвѣтъ, что въ стихіяхъ планетъ и созвздіяхъ, подъ коними родились женихъ и невѣста. нѣтъ никакихъ дурныхъ предзнаменованій; то одинъ изъ пожилыхъ родственниковъ жениха отправляется съ другимъ молодымъ своимъ родственникомъ къ родителямъ невѣсты, съ наибольшимъ количествомъ арьки (водки). По пріѣздѣ ихъ туда, под-

(*) Свѣдѣнія о женитьбѣ сообщены мнѣ Мих. Алексѣев. Кондратьевымъ, учителемъ и переводчикомъ калмыцкаго языка. Онъ нѣсколько лѣтъ жилъ въ улусахъ. Сверхъ этого я имѣлъ замѣтки одного улуснаго владыцкаго.

носить родителямъ арку и объявляютъ причину своего прибытія. Получивъ отъ нихъ согласіе на выдачу дочери за-мужъ, родители и женихъ обращаются къ зархучи (зурхачу) о назначеніи имъ счастливаго мѣсяца и дня свадьбы. Со времени даннаго согласія, начинается положительное сватовство, т.-е. женихъ съ родителями и родственниками ѣдетъ къ невѣстѣ, везетъ для угощенія вареное мясо цѣлой лошади, коровы или барана, арку или водку русскую, подарки изъ шитыхъ платковъ и разныхъ матерій, и открывается пиршество. Въ назначенный для брака день, женихъ отправляется къ своему тестю съ родственниками и товарищами, съ полнымъ запасомъ варенаго мяса и арки, а его невѣста сидитъ въ то время въ кибиткѣ съ своими подругами. Подъ конецъ пира приглашаютъ жениха съ товарищами его въ кибитку невѣсты, въ коей уже приготовлено приданое, и показавъ ему все это, отсылаютъ въ хотонъ жениха. При появленіи молодаго въ кибиткѣ невѣсты, подруги ея бросаются навстрѣхъ пришедшихъ, перевязываютъ и бьютъ. Послѣ того развязываютъ одного изъ товарищей, который смягчаетъ ихъ гнѣвъ запасомъ мяса и арки, и тѣмъ выкупается свобода вѣхъ ихъ. Иногда дѣвушки, вооруженныя палками, защищаютъ входъ къ невѣстѣ, и жениху стѣить большаго труда добратся, сквозь палочные удары, къ своей невѣстѣ; но чтобы отвратить отъ себя нобои, онъ даритъ защитницамъ привезенныя съ собою лакомства: война стихаетъ, женихъ выноситъ невѣсту изъ кибитки, садитъ ее на лошадь позади себя, и когда скроются изъ виду кочевья, тогда подводятъ невѣсту другую лошадь, и женихъ ѣдетъ съ нею до хотона своихъ родныхъ. Поступаютъ еще иначе. Пожилые женщины и мужчины, по отъѣздѣ жениха домой, отвозятъ къ нему молодую. Тамъ, предъ дверьми кибитки родителей жениха, разстилаютъ стеганный войлокъ или коверъ; на немъ сажаютъ молодыхъ, закрываютъ имъ глаза кумачнымъ краснымъ платкомъ или другою какою-либо матеріею, даютъ имъ въ руки отъ задней бараньей ноги очищенную отъ мяса берцовую кость (*), и потомъ гелюнгъ читаетъ молитвы надъ ними. Въ то время бракосочетаемые кланяются на востокъ, предъ разложеннымъ огнемъ. Прочтеніемъ молитвъ оканчивается бракосочетаніе. Вышедшая за-мужъ не можетъ явиться къ своимъ родителямъ, пока не родитъ; если же въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не будетъ беременна, то мужъ имѣетъ право оставить ее и жениться на другой. Если жена почитается, по суевѣрнымъ замѣчаніямъ, виновницею несчастія мужа, но не помрачила себя порокомъ, то она возвра-

(*) Кость, по замѣчанію нѣкоторыхъ, означать богатство, которое состоитъ въ размноженіи стада.

щается съ честію въ домъ своихъ родныхъ, и получаетъ названіе *возвратившейся назадъ дьвушки* (хараджи ирсынъ кююкюнъ). Обезславившая себя, отправляется въ домъ родственниковъ или отца на паршивой кобылѣ, съ обрѣзаннымъ хвостомъ.

Женитба совершается, по сказанію одного улуснаго князя, еще такъ: если Калмыкъ выглядѣлъ для себя дьвушку, то посылается отъ жениха, къ родителямъ невесты, *зуучи* (сваха), которая является къ нимъ съ виномъ русскимъ или калмыцкимъ и начинаетъ сватать. При изъявленіи согласія выпиваютъ вино, и дѣло слажено. Спустя нѣсколько времени посылается отъ жениха вторично вино и разное вареное мясо, смотря по состоянію: это называется *шагата* (гостинецъ). По принятіи шагата, родители невесты требуютъ отъ жениха приданого для невесты и ея родни, которое заключается въ деньгахъ и лошадяхъ. Родители жениха выговариваютъ въ замѣнъ столько лошадей, сколько нужно для невестиной кибитки, и верблюдовъ для вьюка. По окончаніи обоюдныхъ условій, начинается пиръ, и тогда соглашаются о днѣ бракосочетанія. Въ день свадьбы, женихъ беретъ съ собою вино, мясо вареное, и ѣдетъ къ невестѣ. По прибытіи его разбиваютъ новую кибитку невесты, около разводятъ огонь и развѣшиваютъ близъ огня *шутенъ* (картину духовную (*)); съ противоположной стороны разстилаютъ коверъ или войлокъ бѣлый, на который сажаютъ молодыхъ, на корточкахъ, лицомъ на востокъ, и даютъ имъ въ руки берцовую кость. Гелюнгъ читаетъ надъ ними брачныя молитвы, а они въ то время кланяются предъ огнемъ на востокъ. По совершеніи бракосочетанія, женихъ отправляется къ тестю и тещѣ, и получаетъ отъ нихъ подарки. — Послѣ навьючиваютъ кибитку на верблюдовъ, и одинъ, прѣзжавшій съ женихомъ, сажаетъ къ себѣ на сѣдло невесту, закрываетъ халатомъ, и вдутъ въ хотонъ жениха. По прибытіи сюда ставятъ кибитку повобрачныхъ, въ нѣсколькихъ сажняхъ отъ свекровой, и женихъ вводитъ молодую, закрытую, въ кибитку своихъ родителей. Съ нею садится на корточкахъ у дверей, предъ коими совершаютъ *галъ тасклымъ* (жертвоприношеніе) и моленіе, и читаютъ новобрачнымъ поученіе: о почитаніи, повиновеніи родителямъ, оказываніи уваженія всему родству и любви взаимной. Этимъ оканчивается обрядъ, но молодая, прежде совершенія

(*) По словамъ другихъ, кромѣ разложеннаго огня, ставятъ посреди кибитки *тагамъ*, въ знакъ того, что молодая дѣлается хозяйкой, и тогда даютъ приданое (*дахуули*); потомъ вводятъ невесту въ кибитку, расплетаютъ косу на двое и приготавливаютъ постель. Въ то время молодой остается въ домѣ своихъ родныхъ, а вечеромъ прѣзжаетъ къ своей молодой.

его, не можетъ видѣть своихъ родителей. Тогда начинается свадебное угощеніе. Молодежь и дѣвушки поютъ пѣсни, или играютъ имъ на *домбуръ* (балалайкѣ), или ятагъ (*). Подъ эту музыку все пляшутъ, или кто хочетъ.—Невѣстка должна наблюдать во всю жизнь, чтобы при свекровѣ и родныхъ мужескаго пола не быть босой и не ходить съ открытой головою. Когда они поднимаются съ мѣсть, тогда и она должна встать и отнюдь не садиться.

Есть мнѣніе, что будто бы въ простонародіи не совершаются браки чрезъ духовенство, что браки суть гражданскія условія, договоры между обручающимися, и что по врученіи берцовой кости заключается бракъ. Это не справедливо: присутствіе духовныхъ, договоры и кость не суть принадлежности достаточныя для союза брачнаго,—непремѣнно нужны обряды гелюнговъ, и тогда бракъ освящается ими. Не лишнимъ считаемъ дополнить, что браки, совершаемые нойонами и людьми знатными, происходятъ съ нѣкоторою отъѣнкою.—За невѣстою посылаютъ ближняго родственника нойона, съ которымъ она привѣзжаетъ на лошади, до мѣста кочевья жениха. Впереди ея везутъ, на двухъ шестахъ, распущенную широкую шелковую матерію, въ видѣ занавѣса, чрезъ который она не можетъ видѣть лежащей предъ нею дороги, какъ бы въ ознаменованіе безъизвѣстной ея будущности. По приближеніи къ кочевью, женихъ выѣзжаетъ къ ней на встрѣчу, и мѣсто свиданія назначается обыкновенно около рѣчки. Тамъ раскладываютъ огонь и постилаютъ два ковра; на одномъ садится женихъ съ невѣстою, а на другомъ гелюнгъ. При чтеніи молитвъ льютъ на огонь масло, и когда окончится моленіе, женихъ садится на свою лошадь и отправляется въ дальній путь, въ сопровожденіи своихъ товарищей; за нимъ ѣдетъ невѣста въ прежнемъ порядкѣ. По прибытіи къ тому мѣсту, гдѣ въ кочевь жениха должна быть разбита кибитка, ставятъ въ ней таганъ и раскладываютъ огонь. Съ того мѣста начинается конское ристалище, состоящее въ опереживаніи (уралданъ). Отъ мѣста, откуда ѣдетъ невѣста, до мѣста разбитой въ кочевь кибитки, происходятъ опереживанія, и кто изъ товарищей жениха прибѣжитъ туда скорѣе, тотъ получаетъ отъ невѣсты въ награду платокъ или другой какой-либо подарокъ. Во весь путь молодой, до ея привѣзда на мѣсто, дѣлаются постоянные бѣги, и всякій разъ прискакавшій къ ней первымъ, получаетъ отъ нея подарокъ. Когда молодая привѣдетъ уже въ кочевье, тогда разбиваютъ ея кибитку, на указанномъ мѣстѣ развьючиваютъ съ верблюдовъ ея приданое; она же сидитъ верхомъ

(*) Родъ гуслей или цимбаловъ, съ мѣдными струнами. На нихъ играютъ палочками, надъвая мѣдные наконечники въ видѣ наперстковъ.

на своей лошади, пока не снимутъ ее и не введутъ въ приготовленную кибитку; при дверяхъ отнимаютъ занавѣсъ, а верховой приборъ вносится за нею. Лошадь пускаютъ на волю, и кто первый поймаетъ ее, того она дѣлается собственностію.—Лишеніе невестою лошади означаетъ, что съ выходомъ за-мужъ она не имѣетъ никакой возможности возвратиться къ прежней дѣвической жизни.—Вечеромъ входитъ женихъ къ своей молодой.

Женитьбы совершаются еще похищеніемъ. Молодецъ, вознамерившійся жениться на понравившейся ему дѣвушкѣ,—если родители не согласны, подговариваетъ своихъ товарищей, прѣзжаетъ съ ними въ хотонъ, отнимаетъ дѣвицу, увозитъ въ степь, а дня черезъ три привозитъ къ себѣ въ кибитку. Отсюда молодой привозитъ родителямъ арку, мясо вареное, и испрашиваетъ прощеніе.

Многоженство у Калмыкъ не воспрещено, однако никто изъ нихъ не имѣетъ болѣе одной жены. Разводы бываютъ по неизмѣннѣ дѣтей или другимъ причинамъ. Если жена подала поводъ къ разводу, то мужъ отправляетъ ее къ родителямъ, отдавши лошадь съ сѣдломъ. Если мужъ подалъ поводъ къ разводу, то онъ долженъ возвратить все ея приданое.—Дозволяется жениться на родныхъ племянницахъ.—Говорятъ, что нѣтъ даже примѣровъ добровольнаго оставленія своего мужа, и обратно. Мужья любятъ своихъ женъ и заботятся о семействѣ.

Охота составляетъ предметъ увеселеній; она производится гончими собаками и птицами. По нахожденію въ степяхъ большого множества зайцевъ, ихъ затравливаютъ. Попадаются для охотниковъ волки, лисицы и сайгаки. Лисицъ выгоняютъ изъ логовищъ дымомъ, или ловятъ капканами. Охота за сайгаками довольно замѣчательна. Для нея собирается нѣсколько стрѣлковъ, известныхъ своимъ искусствомъ. Вооруженные винтовками, охотники отправляются верхами, на лучшихъ лошадяхъ; берутъ съ собою верблюда и скотопойное корыто. Едва завидятъ сайгачье стадо, тотчасъ ставятъ корыто, около котораго ложится одинъ изъ надежныхъ стрѣлковъ. Сидящій на верблюдѣ удаляется въ противоположную сторону, но такъ, чтобы замѣтили его сайгаки; остальные завязаютъ съ разныхъ сторонъ, гоня къ корыту, и когда удастся имъ направить сюда, тогда они отъѣзжаютъ и показываются издали. Послѣ этого стадо подходитъ къ лежащему стрѣлку, который долженъ употребить всю свою смѣлливость, чтобы не испугать и застрѣлить удачно, въ противномъ случаѣ стадо повеселится, какъ вѣтеръ: тогда рѣдкій стрѣлокъ можетъ убить сайгака, который ударится бѣжать и летить съ неизмовѣрною быстротою.

Ястребы бьютъ утокъ, соколы драхвъ, а балабаны очень искусно бьютъ зайцевъ. Весьма любопытно видѣть птичью охоту, коею занимается въ особенности князь Церепъ-Норбо, какъ для удовольствія, такъ и для поправленія своего здоровья. Будучи подверженъ изсушенію, онъ отправляется осенью бить лебедей, конхъ поражаютъ балабанами. Князь увѣрялъ меня, что, провелъ осенью недѣли три на охотѣ, онъ поправляется, и что покойный братъ его такъ же вылечился совершенно отъ этой же болѣзни. Лебединое мясо, приготовленное жаркимъ или варенымъ, обливается лебжьимъ жиромъ, и потомъ ѣдятъ его ежедневно, какъ обыкновенную пищу, но всякій день, на тощакъ, надобно выпивать пузырекъ лебжьей желчи, которая сильно содѣйствуетъ пищеваренію и исправленію желудка.

Во время продолжительной стоянки, предаются разнымъ увеселеніямъ. Сосѣди дѣлаютъ у себя въ праздничные дни пирושки, для чего сносятъ въ одно сборное мѣсто арку (*); когда всѣ соберутся, тогда тотъ, который долженъ подчивать виномъ калмыцкимъ, садится на корточкахъ около дверей кибитки, противу тагана, а гости разсаживаются кружкомъ внутри жилия. Предъ поднесеніемъ кому-либо арки, дѣвушки поютъ каждому поздравительную пѣснь; выпившій свою чашку передаетъ другому, и она обходитъ весь кружокъ.

Въ длинныя зимніе вечера собирается молодежь въ одну просторную кибитку, въ коей, кромѣ посидѣлокъ, называемыхъ вечеринками,—игръ и забавъ, раздаются пѣсни и веселятся пляскою. Дѣвушка, стоя на одномъ мѣстѣ, пристукиваетъ ногою подъ голосъ пѣсни и подвигается впередъ, едва замѣтно, въ сопровожденіи тѣлодвиженій; молодые же мужчины по одиночкѣ и попарно вертятся около и передразниваютъ своими оборотами, или скачутъ, стучать ногами, и присѣдаютъ, въ родѣ пляски камаринскаго и трепака. †

Лучшіе музыканты суть дѣвушки: онѣ почти всѣ умѣютъ играть на *домбурѣ* (двухструнная балалайка) и скрипкѣ. Старинныя музыкальные инструменты—ятага и двойная флейта, почти выводятся изъ употребленія.

Страсть къ шахматамъ у Калмыковъ такъ сильна, что они часто просиживаютъ зимнія ночи на пролетъ и проигрываютъ все свое состояніе.

Въ большіе праздники бываетъ борьба и конскія скачки. Для борьбы составлены положительныя правила, и главное дѣло состоитъ

(*) Вино ставится въ боченкахъ и *бортагахъ* (кожаные выкопченные мѣшки), а подивъ нихъ *цѣйцо*, деревянная точеная чашка, замѣняющая пять нашихъ рюмокъ.

въ томъ, чтобы одинъ повалилъ другаго на спину. Единоборцы, выступая на борьбу, снимають съ себя верхнее платье, засучивають выше коленъ свои шаравары, натирають свои руки пескомъ, чтобы при схваткѣ не скользили, ходять нѣсколько времени кругомъ, избирая случай схватить другъ друга сзади, одной рукою за поясъ. Никто изъ нихъ не долженъ хватать другъ дружку за горло, за волосы, или толкать, при-чемъ столтъ около нихъ два или три посредника, наблюдающіе за правильной борьбою. Если борцы разгорячатся, то обливають водою ихъ спины; если приходятъ въ изнеможение, но борьба не прекращается, то ихъ разводятъ и даютъ отдохнуть. Поборовшій получаетъ награду: деньги, лошадь или платье.

Для конскихъ скачекъ опредѣляется мѣсто и пространство, напримѣръ, 40 верстъ, а иногда и болѣе, въ оба конца. Къ бѣгу допускается всякій, кто хочетъ. Въ день бѣга собираются зрители и охотники, которые, посадивъ на отборныхъ лошадехъ мальчиковъ, отъ двѣнадцати до пятнадцати-лѣтняго возраста, пускають въ скачку: чья лошадь скорѣе проскачетъ, той хозяинъ получаетъ отъ ней-она награду, какъ за борьбу. Подобные бѣги происходятъ на верблюдахъ, только на разстояніи отъ 10 до 15 верстъ.

Изъ игръ, переданныхъ мнѣ, суть: *цаганъ модунъ хонху* (искать бѣлую палку), *билыцькъ бултулхо* (хоронить кольцо), *Боджи-ханъ тукъ юргюю* (доставлять знамя хана-Боджи).

Цаганъ модунъ хонху состоитъ въ томъ, что дѣвушки и парни раздѣляются на двѣ половины, изъ нихъ каждая должна искать бѣлую, длиною въ два вершка, палку, въ сумеркахъ, на опредѣленномъ мѣстѣ. Отмѣкавшій изъ которой-нибудь половины, обязанъ, незамѣтно для другой, положить палку на назначенномъ пунктѣ. Если же противная половина замѣтитъ несущаго, то она старается отнять, при чемъ происходитъ большая суматоха. При началѣ игры условливаются, сколько разъ надобно находить; проигравшая сторона дѣлаетъ вечеринку.

При игрѣ билыцькъ бултулхо, садятся дѣвушки и парни кружкомъ въ кибиткѣ. Одинъ снимаетъ съ своей руки кольцо, обходитъ весь кругъ и отдаетъ кому хочетъ; за нимъ встаетъ дѣвушка или мужчина, и ищетъ; если угадаетъ, то садится на то мѣсто, у кого находилось кольцо.

Въ игрѣ Боджи-ханъ тукъ юргюю, садятся въ кружокъ дѣвушки и парни; одинъ беретъ кушакъ, свиваетъ его и кладетъ кому хочетъ на колына, приговаривая: и начинается доставленіе знамени хана-Боджи, играть и не смѣяться. Кто засмѣется, того быть три раза по рукѣ и взыскать съ виновнаго трехлѣтнюю

лошады. При этой игрѣ изыскиваютъ все способы, какъ разсмѣшить, и кто засмѣется, тотъ получаетъ три удара кушакомъ по рукъ.

Калмыкъ стоитъ на ступени полудикаря, но при посѣщеніи имъ сельскихъ и городскихъ жителей, онъ перенимаетъ ихъ обычаи и знакомится съ удобствомъ жизни.

При встрѣчѣ другъ съ другомъ, приветствуютъ: *менду-гарбата*,—здравствуй, (собственно же, по буквальному переводу: здорово вышелъ). Предъ русскими скидаютъ шапку и кланяются.

При объясненіи разстоянія изьясняютъ его конной вѣздой, говоря: отъ такого-то мѣста до такого два дня вѣзды. Измѣряя протяженіе чего-либо, говорятъ: столько-то саженой, локтей или ступеней.

Языкъ и письмена калмыцкія суть монгольскія. Выговоръ словъ гортанный, въ устахъ женщины довольно пріятный, и слышится какъ бы гулъ отъ струнъ, переставшихъ звучать, но носящихся еще въ воздухѣ. Калмыки охотно распѣваютъ свои пѣсни, которыя изливаются изъ ихъ сердца непринужденно и, можно сказать, по вдохновенію. Предметы пѣсней суть: любовь, наѣздничество, удалство и т. п. Мнѣ рассказывали, что они весьма даровиты и шутя складываютъ пѣсню. Представляемъ для любопытныхъ три пѣсни свѣтскаго и одну духовнаго содержанія:

Харга сайхнѣ керъ моринъ минн, ханцанъ болтала гююгичи,
Харанго бюрюлинь аладу, геренинь барагини амчи,
Денькергекинъ уланъ минн, девгъ тосадъ гююгичи,
Дерегдъ кюркю газарту сцель уга кюргичи;
Яминъ яргасинъ бютю модуль ту шахадъ барюличи моринъ кююне,
Залу кююкичи моринъ десеренъ кѣмельджи абие. Т.-е.

Гнѣдой мой конь, бѣги и вытянись въ рукавъ,
И къ темнымъ сумеркамъ домой меня доставь,
До мѣста, куда можно рысью доббжать.
Мой высокогрудый, бѣлый конь!
Доставь меня безъ усталы, галопомъ,
И дай мнѣ схватить дѣвицу;
Близъ темнаго дѣса у рѣки Яргаса.
Конь догоняетъ.
И молодець дѣвицу на лошадь хватаетъ (*).

Весьма замѣчательная и важная пѣсня, это—воспѣваемая красавица, которая ожидаетъ къ себѣ хана Джанибека. Судя по содержанію пѣсни, передаваемой народной памятью, она должна быть первой половины XIV вѣка; ибо властелинъ Золотой орды, ханъ

(*) Эта пѣсня доставлена мнѣ владѣтельнымъ княземъ Хошоутовскаго улуса Церенъ-Джабомъ Тюменевымъ, а три остальные Мих. Алексѣевъ Кодратьевымъ

Джанибекъ, сынъ хана Узбека, царствовалъ съ 1342 по 1357 г., какъ видно по отысканнымъ мною монетамъ на развалинахъ Сарая.

При берегу Сахарнаго озера (1)
 Съ гербомъ кристалльнымъ въ теремъ,
 Сидитъ надмѣнная красавица Хара-Шинь,
 Коей подобимъ нѣтъ вблизи!
 Златоблестящая, какъ зеркало.
 Ея серги драгоценныя бьются по ланитамъ,
 Такова красавица Хара-Шинь!
 Ей сказали, что прѣбудетъ къ ней Джанабга-ханъ.
 Нѣжно, томно она улыбается,
 Во всѣ стороны озирается;
 Расчесанные ея волосы
 Застѣлаютъ мѣсто, на коемъ она сидитъ.
 Красавица—дѣвица Хара-Шинь
 Сидитъ на верху барама (2),
 Она нѣжно, томно улыбается,
 Во всѣ стороны озирается,
 Подобно ястребу, когда держать его.
 Если кто захочетъ съ нею пошутить,
 Тогда она мягче ткани шелковой;
 Если ей смотрѣть въ лице,
 Тогда она подобна кречету;
 Если ее сравнить съ легкостьюю,
 Тогда она легче перышка.

Воробей, воробей, что ты дѣлать хочешь?
 Камышевыя головки гризть.—
 Но какъ же, если подавишься?
 Ногтемъ выпаралаю.
 Ну, если ноготокъ переломится?
 Я прибѣгу къ ковылю ко травѣ.
 А какъ озябнешь и помрешь?
 Огонь разложу и согрѣюся.
 Отъ огня будетъ пожаръ.
 Я крылышками затушу.
 Ахъ, ты крылышки опалишь!
 Тогда на воздухъ поднимусь.
 Анъ тутъ коршунъ схватить тебя.
 Подъ бурьяномъ скоронюсь.
 Ужъ вѣрно тамъ змѣя уязвить.
 Что же дѣлать, и умру,
 Что же дѣлать, и умру.

(1) Такъ называютъ его Калмыки, Татары и туземные жители города Цареза (Астраханской губерніи), при коемъ лежатъ развалины Сарая.

(2) Барама значитъ сундуки, поставленные другъ на другъ и покрытые коврами.

Духовная пѣсны:

На горѣ Бурумъ, на горѣ хановой,
 Распространилось ученіе Божіе,
 Которое насъ странниковъ,
 Предъ богами многихъ вышнихъ очищаетъ.
 Ароматный еніамъ воскуряемый
 Возносится къ нимъ съ благоуханіемъ,—
 И отъ грѣховъ нашихъ очищаетъ.
 Высочайшіе боги многіе,
 Въ легкотончайшихъ одеждахъ,
 Отъ грѣховъ нашихъ очищаютъ;
 Всевышніе боги многіе!
 На хребтѣ горы воздвигнуто
 О семи углахъ сюме (1),
 И голосъ изъ того сюме
 До горныхъ странъ возносится,
 Съ голосомъ гунзудовъ, докишдь-хурула (2).
 Предъ тьми гунзудами
 Двое маленькыхъ банды.
 Пѣше тѣхъ бандей
 До небесныхъ странъ возносятся,
 А бывшій ковчегъ-хранилище
 Опоясанъ чудными лентами.
 Много, много тамъ изъ святыхъ
 Богатыми перевязями перевязаны.

Предъ отправленіемъ въ дальній путь, или предъ начинаніемъ ка-
 кѣго-либо важнаго дѣла, обращаются съ молитвою:

«Высочайшая божеская драгоценности! низпошли мнѣ
 «ничтожному прѣхать къ мѣсту безъ всякаго несчастнаго при-
 «ключенія, безболѣзненно и совершенно въ вождельномъ здо-
 «ровьѣ. Вразуми меня вскорѣ въ предначертаніи моемъ ко всему
 «благому; утверди мысль мою въ сердце, сохрани и помилуй вер-
 «ховныхъ нашихъ властителей, тобою поставленныхъ надъ нами.
 «Умножи во вселенной твоей всѣхъ имѣющихъ жизнь, полезными и
 «благими мыслями; отвори всякое, на зло движущееся; избави отъ
 «нечистоты (грѣховной), помилуй нашихъ родителей, предоохрани
 «всѣхъ смертныхъ отъ искушеній шулмы (дьявола), и споспѣшест-
 «вуй людямъ во всѣхъ благихъ предпріятіяхъ ихъ» (3).

(1) Сюме—главное капище.

(2) Гунзудъ—зѣпвало при служеніи жрецовъ, а хурулъ—внутренность для слу-
 женія въ капищѣ. Банды или маджи—послушники.

(3) Пѣснь духовнаго содержанія и молитва, сообщенная мнѣ М. А. Кондратье-
 вымъ, переведены мнѣ съ тангутскаго языка, на коемъ совершается богослу-
 женіе и писаны священныя книги.

Калмыки, какъ народъ суевѣрный, имѣютъ большіе предразсудки. — Когда впереди или съ-права ѣдущаго въ дорогѣ калмыка пролетитъ птица, называемая *лунь*, то это признакъ хорошій, успѣхъ въ дѣлѣ. Предъ такимъ полетомъ онъ снимаетъ шапку и дѣлаетъ три поклона. — Перебѣжить дорогу заяцъ, — непременно надобно закричать и лускнуть (ударить по воздуху) вслѣдъ за нимъ плетью. — Уроненное въ пути огниво никогда не надобно поднимать. — Воющую собаку должно ударить три раза. — Каркающей на кибитку или предъ челоуѣкомъ воронъ говорятъ: сказывай хорошія вѣсти, и потомъ кидаютъ ей что-либо изъ съѣстнаго. — Ёдущему владѣльцу или зайсангу попадется на встрѣчу собака, съ червыми зубами и ртомъ, — убить ее непременно. — Перебѣжавшаго чрезъ хурульную кибитку хорька стараются поймать всѣми силами, и, по указанію всевѣдущаго зурхачея разрубиваютъ на четверо, потому всѣ части бросаютъ въ тѣ стороны, куда укажетъ зурхачей.

Поговорки и пословицы, которыя во всемъ свѣтѣ сближаются по своимъ понятіямъ и мыслямъ, обнаруживаютъ такое же значеніе у Калмыковъ.

Ястребъ полета не перемѣняетъ, а хагъ (царь) слова не измѣняетъ.

Куй желѣзо, пока горяче.

Чужими руками змѣю брать.

Вмѣсто общаемаго завтрашняго сала, сегоднѣшнее легкое лучше.

Вмѣсто ста лошадей имѣй лучше сто друзей.

Не харкай (не плюй) въ колодезь.

Переѣхавши чрезъ рѣку, лодки не нужно; излечившемуся отъ болѣзни лекаръ не нуженъ.

Въ степи и жукъ—мясо.

Слѣпая корова, въ колодезь упала.

Конское копыто глупое.

Ознобившемуся разожги камышъ, а голодному вари судачину.

За невѣнїемъ собаки и свинья лаеетъ.

Крошившій мясо облизываетъ пальцы.

14. Одинъ паршивый верблюдъ порочить тысячу.

Уула уулъ харга дыкъ уга, кюнь кююнке харгадыкъ, то-есть: гора съ горой не встрѣтится, а челоуѣкъ съ челоуѣкомъ встрѣтится.

Кююне юильду лама мету, эбреененъ юильденъ, гониренъ киръ чити уга, то-есть: на чужія дѣла лама, а на свои не стѣитъ пономаря.

15. Аджирга алыкъ болхола, унгуни ядаху кѣльни булыкъ, т.-е. жеребець пѣгой на худой конецъ, а ребенокъ бѣлый съ ногами бѣлый.

Юмюсюнъ ётёлкени галинъ зудъ, кююкюнъ ётёлкени геринъ зудъ. Застарвлая зола для дома помѣха, застарвлая дѣвица для дома убытокъ.

19 Альмытъ имсесе холо унши уга. Яблоко отъ яблони не далеко падаетъ (1).

Въ часы досуга рассказываютъ забавныя приключенія про своихъ товарищей, съ прибаутками и насмѣшками. Иногда повѣсти продолжаются по нѣскольку сутокъ, и рассказчикъ говоритъ на распѣвъ, который сопровождается балалайкою. Иногда передразниваетъ и передаетъ голосъ того животнаго, котораго онъ изображаетъ. Были о подвигахъ геройскихъ доставляютъ изобилный источникъ для талантливаго описателя, и онъ называется *джангиры*. Рассказываются сказки про богатырей и удалцовъ.

Калмыки, водимые предразсудками и примѣтами, ищутъ въ самыхъ немощахъ своихъ пособія отъ гелюнгговъ, которые лечатъ ихъ настоємъ изъ травъ. Если врачевство не помогаетъ, то приписываютъ, что болящій носить имя несчастное. Въ такомъ случаѣ жрецъ-зурхачей, слѣпивъ изображение челоуька, даетъ ему имя страждущаго и относить въ потаенное мѣсто, а больнаго называетъ другимъ именемъ. Нѣтъ послѣ этого лучше, то уже увѣрены, что всему виною эрликъ (дьяволъ). Однако рѣшаются его умиливать: гелюнгъ приноситъ въ жертву эрлику мучную куклу, вмѣсто больнаго. Когда и это не помогаетъ, тогда говорятъ, что эрликъ завладѣлъ больнымъ.

Лѣтосчисленіе не ведется ни съ достопамятнаго происшествія, имѣвшаго бы эпоху, ни съ опредѣленнаго какого-либо времени, а считается пятью кругами, содержащими въ себѣ по двѣнадцать лѣтъ, которые называются именами животныхъ съ придаточнымъ къ нимъ свойствомъ, и по истеченіи шестидесятилѣтнаго счисленія, оно начинается вновь съ перваго круга, ибо этимъ кругообращеніемъ образуется періодъ 60 лѣтъ. Годъ состоитъ изъ 13 лунныхъ мѣсяцевъ, кои называются именами животныхъ, безъ придаточнаго къ нимъ свойства (2). Вотъ ихъ имена: 1) *баръ-сара*, мѣсяць тигра (декабрь); 2) *туула-саръ*, м. зайца (январь); 3) *лу* или *цаганъ*, м. драконъ или бѣлый (февраль); 4) *мого-сара*, м. змѣй (мартъ); 5) *моринъ-сара*, м. лошади (апрѣль); 6) *хонинъ-сара*, м. овца (май); 7) *меченъ-сара*, м. обезьяна (іюнь); 8) *така-сара*, м. курица (іюль); 9) *нохо-сара*, м. собака (августъ); 10) *гаха-сара*, м. свинья (сентябрь); 11) *сулуна-*

(1) Изъ свидѣній владѣльца Хошоутскаго улуса князя Церенъ-Джаба Тюменева.

(2) Изъ записокъ одного владѣтельнаго калмыцкаго князя.

сара, м. мышь (октябрь); 12) *укюръ-сара*, м. корова (ноябрь). Одинъ изъ двѣнадцати мѣсяцевъ бываетъ два раза въ году, и составляетъ тринадцатый. Годъ начинается съ 25 ноября, и проводы стараго года (*зула-сара*) совершаются наканунѣ новаго. Тогда въ хурулъ и кибиткѣхъ возжигаютъ предъ бурханами коровье масло. Весна считается съ февраля. Каждый мѣсяць состоитъ изъ 30 дней, а недѣля изъ семи дней, кои суть слѣдующіе: *нарынъ* (воскресенье), *сарынъ* (понедѣльникъ), *мингмыръ* (вторникъ), *умомжи* (среда), *пёрбё* (четвергъ), *басынъ* (пятница), *беембе* (суббота). Праздники дѣлятся на большіе, средніе и малые; къ большимъ принадлежать семь дней, съ 8 по 15 мая, въ память *бурхиль-бакши* (учителя втры). Въ празднество бурханъ-бакши украшаютъ хурулы и кибитки зеленью и древесными вѣтвями; жрецы пускаютъ на воду печеные хлѣбцы особой формы, первоначально освященные предъ бурханами (*). Четыре празднества въ честь Бурхана и Бакина суть торжественныя (дююцена).—Къ среднимъ принадлежать семь дней осенняго мѣсяца, съ 8 по 15 число, въ которые отправляется богослуженіе въ хурулъ. Въ октябрѣ мѣсяць, съ 1 по 23 число, происходятъ жертвоприношенія. Пять дней въ ноябрѣ, съ 20 по 25 число, совершаются богослуженія въ хурулахъ, въ честь Зонкобая. Три дня въ декабрѣ, число коихъ нельзя обозначить, празднуются какъ продолженіе новаго года. Семь дней въ январѣ, съ 24 по 30 число, отправляется богослуженіе подъ названіемъ *хуучинъ-хурулъ*, о пришествіи на землю *Мангасъ*, изъ царства злыхъ духовъ. Къ меньшимъ праздникамъ принадлежать три дня каждаго мѣсяца (8, 15 и 30 числа), и называются *мацакъ*, въ которые отправляется богослуженіе, и многіе въ эти дни не ѣдятъ до зари.—Во всѣ праздники никто не занимается работою, и посѣщаютъ капища для приношенія моленій. Въ большіе праздники не ѣдятъ скоромнаго, считаютъ за грѣхъ не только зарѣзать что-либо, но подать ножъ на этотъ предметъ. Нѣкоторые даже въ мацакъ не ѣдятъ ни скоромнаго, ни рыбнаго.

Домъ князей Тюменевыхъ извѣстенъ всему астраханскому краю по своимъ достоинствамъ, радушію и образованности, и мнѣ остается только, повторяя общіе отзывы, дополнить, что они пекутся объ образованіи своего улуса и помогаютъ бѣднымъ. Благотворенія ихъ простираются не на одни языческія племена, но на магометанскія и христіанскія. Возвышенное чувство! Истинные послѣдователи ученія Спасителя! Храмы и келии духовенства выстроены и под-

(1) Въ это время дарятъ другъ друга.

держиваются ими. Сиоме (главное капище) (1) построено въ китайскомъ вкусѣ, съ башнями и портикомъ, окруженнымъ каменными столбами, образующими дворъ, и сюда сходится народъ для слушанія службы, ибо въ ихъ кумирню почти никто не входитъ, за исключеніемъ духовенства, и иногда присутствуютъ князья. Въ дворъ входятъ не въ ворота и не въ калитку, коихъ нѣтъ и не дѣлаютъ, по религіозному уставу, но по мосткамъ, положеннымъ черезъ заборъ. На верху капища поставлена посеребренная луна, а на ней укрѣплено вызолоченное солнце. Въ хуруль (служебное мѣсто) (2) сзываютъ свисткомъ, сдѣланнымъ изъ раковины и издающимъ звукъ охотничьяго рога; сзываютъ три раза въ день: по восхожденіи солнца, въ полдень и предъ закатомъ солнца. При входѣ моемъ въ сиоме, раздались трубы, мѣдныя тарелки, литавры, барабаны, свистки и звонокъ. Музыка была оглушительная, разнообразная, малопріятная, и производилась гелюнами (жрецамъ), сидѣвшими въ два ряда на коврахъ, поджавши ноги. У всѣхъ ихъ ноги, руки до плечъ и грудь были обнажены; въ хуруль входятъ босыми.—Трубы были трехъ родовъ: однѣ *гандама*, небольшія, сдѣланныя изъ берцовыхъ человѣческихъ костей, оправленные въ серебро и перевязанныя человѣческими волосами; *бишкюръ*, въ видѣ гобоевъ, *бюра*, длиною въ сажень. Бишкюръ и бюра металлическіе. — Звонокъ (хонга), побольше почтового, украшенъ изображеніями, бурханами и священными письменами. Остальные инструменты были безъ украшеній и особыхъ отличекъ, кромѣ того, что они смѣсь европейско-азіатской формы. Съ одного конца стоялъ чепкю (установщикъ и благочинный), съ жезломъ въ рукахъ, наблюдавшій за правильностію служенія и поправлявшій, если кто ошибался въ нотѣ. Гелюны были одѣты въ разноцвѣтныя шелковыя и парчевыя ризы, и господствующій цвѣтъ платья,—красный и желтый; поверхъ ризъ были накинута красныя плащи, а нѣкоторые имѣли черезъ плечо желтыя перевязи (оркюмджи); на головахъ ихъ были шапки въ родѣ коронъ, съ

(1) Наша церковь называется по-калмыцки чондже. — Истолкователемъ нѣкоторыхъ служебныхъ обрядовъ былъ у меня русскій, жинущій въ улусть болѣе 40 лѣтъ и превосходно владѣющій языкомъ народнымъ. Имя его Василій Андреевичъ Гоглазинъ.

(2) Хуруль собственно значить собраніе, отъ глагола *хураху*, собираться. Въ каждомъ улуствѣ находится хуруль, окруженный жилищами гелюновъ. Дома духовенства и хуруль носятъ общее названіе *куруе* или *куруе*—ограда, а въ переносномъ смыслѣ житѣльство духовенства. Жилище молитвенное называется *бурхани-орыли*. Хуруль можетъ отправляться иногда въ кибиткѣ.

остроконечными углами, изъ-подъ шапки висѣли по плечамъ по двѣ искусственныя косы, изъ черныхъ широкихъ лентъ. Гепкю или гепки, по имени Арша, былъ одѣтъ въ длинное атласное малиноваго цвѣта съ опушкою платье, похожее на чапанъ, только съ застежкою и пуговицами; поверхъ былъ накинутъ красный суконный съ опушкою плащъ, наподобіе римской тоги, а на головѣ красная шапка, въ видѣ трехугольной, съ капишономъ; на рукѣ висѣли четки, которыя имѣютъ всѣ гелюнги и высшее духовенство. Съ другаго конца гелюнговъ курился оміамъ. Напротивъ стояло *кюрдэ*, испещренное внутри и снаружи молитвами на тунгутскомъ языкѣ. Гелюнгъ вертѣлъ за шнуръ, и такое вертѣніе замѣняло его молитву. Люди изъ недуховнаго званія покупаютъ *кюрдэ* за большія деньги. — За жрецами были разставлены, подлѣ жертвенника, сосуды и утварь, за коими находился алтарь. — Музыка хурульная, проигравъ молитвы, внимала потомъ напѣву гуузуда (зпѣвало), который давалъ тонъ, и за нимъ начиналось всеобщее пѣніе молитвъ; потомъ снова играла музыка. За гелюнгами сидѣли, на другой сторонѣ, гецуоли (ученики вѣры) и манжи (послушники), приготовляемые къ духовному званію. Одежда на нихъ была простая, только что носили сапоги изъ краснаго сафьяна; нѣкоторые изъ нихъ имѣли круглыя шапки, съ красной кистью, называемой *залд*, — и перевязь чрезъ плечо. Бакша (учитель вѣры) не присутствовалъ въ хурулѣ по причинѣ нездоровья. — Служеніе отпиралось на языкѣ тунгутскомъ, который доступенъ одному духовенству. — Проповѣди произносятся на калмыцкомъ языкѣ. — По стѣнамъ были развѣшаны бурханы (картины духовныя). На возвышенномъ мѣстѣ сидитъ бурханъ, вылитый изъ металла и вызолоченный. По бокамъ его лили, сдѣланныя изъ серебра, и другіе цвѣты; между ними курительныя тибетскія свѣчи; нѣсколько подабѣ отъ нихъ серебряныя сосудцы. Близъ алтаря приносятъ въ жертву: масло, медъ, пряники, зерно всякаго рода, печеный хлѣбъ, плоды, вареный чай и подслащенную воду, называемую аршанъ (*). Около алтаря хранятся священныя книги, писанныя золотомъ на языкѣ тунгутскомъ; онѣ состоятъ изъ длинныхъ и узкихъ листовъ, по краямъ коихъ изображенія святыхъ и угольниковъ. Берущій въ руки книгу, цѣлуетъ и прикладываетъ ее къ головѣ; книги обертываютъ въ нѣсколько разноцвѣтныхъ тканей, и чѣмъ болѣе ихъ, тѣмъ болѣе выражается усердія, и оно цѣнится наравнѣ съ жертвоприношеніемъ. По окончаніи служенія подали кирпичный чай въ деревянныхъ чашкахъ (шанга): гелюнгамъ, гецуламъ и манжамъ. — Духовенство, выходя

(*)Онъ готовится при чтеніи особыхъ молитвъ.

изъ сюме, дѣлало поклоны предъ Далай-Ламою, всѣми святыми, и выходило не оборачиваясь спиною. Поклоны дѣлають такимъ образомъ: сжавъ двѣ ладони, прикладываютъ ихъ на грудь, и въ то время читають молитвы; потомъ дѣлають поклоны.—три до службы и три послѣ службы; гелюнги же, вставая съ постели и ложась спать, всегда дѣлають 28 поклоновъ. Простой народъ, являясь къ зайсангамъ и владѣльцамъ, оказываетъ имъ уваженіе приложеніемъ ко лбу двухъ пальцевъ правой руки.—Духовенство живетъ отдѣльно, по одиночкѣ, въ особыхъ кельяхъ; занимается чтеніемъ священныхъ книгъ, приготовляетъ мальчиковъ, посвящаемыхъ съ малолѣтства въ хуруль. Принимають почти дѣтьми, ибо я видѣлъ пятилѣтнихъ. Воспитывая ихъ, съ этого возраста, испытываютъ въ способностяхъ. Все духовенство содержится отъ произвольныхъ подаваній, совершеній обрядовъ. Оно ведетъ очень строгую жизнь; народъ почитаетъ его, и живо считаетъ святымъ. — Употребляють пищу рыбную и скоромную.

Калмыки слѣдуютъ ученію буддійскому, коего важность понимаютъ однѣ духовныя особы. Буддизмъ вышелъ изъ предѣловъ Индіи, около 2,000 лѣтъ до Р. Х.; и распространился по Тибету, Татаріи и Сіаму.

Человѣкъ, поражаемый стройностію мірозданія, яркостію и теплою солнца, свѣтомъ звездъ и красотою окружающей его природы, не могъ не углубляться въ размышленія и не искать причинъ о происхожденіи вселенной (*). Подъ вліаніемъ этихъ явленій объясняются главные догматы Буддистовъ, духъ и цѣль ихъ ученія.—Основные понятія и истолкованія вѣры заключаются въ книгѣ *Йартумчуйкъ толм* (зеркало міра). Книга эта начинается такъ: «Аллидхаши уга Чидакчинъ Эркету кичеть, — Алдаршиксинъ, Тююни зарлиги соноску хубитынъ ду, — Арюнь сайтуръ нееджи, тододхойнъ Юйледукчи Ачиту джикъ садунъ теригюютенъ ду Мѣрною. Т.—е:»

«Поклоняюсь свято-добродѣтельному Джикъ Садуну, удостоенному соучастія въ слушаніи славныхъ откровеній Творца, не имѣющаго въ могуществѣ себѣ равнаго.—Да видитъ созданіе дѣло рукъ Творителя (Гододхойнъ Юйледукчи) въ святомъ ученіи».

Хурмуста изображается мальчикомъ, вдушимъ на бѣломъ слонѣ, неописаннаго блеска и прелести. У слона 33 головы, изъ коихъ каждая

(*) Помѣщаемъ изложеніе о Буддизмѣ или Буддизмѣ, по переданной мнѣ запискѣ Ив. Гав. Черкасскимъ.—Должно сказать, что Калмыки слѣдуютъ ученію Фо, потому называются Фонтами.

имѣть по семи клыковъ, въ клыкѣ по семи озеръ, въ каждомъ озерѣ по семи цвѣтковъ, на цвѣткѣ по семи невинныхъ дѣвъ небесной красоты, у дѣвы по семи спутницъ, а у спутницъ по семи музыкальных тарелокъ (цангъ), издающихъ пріятные звуки. Посреди всѣхъ этихъ очарованій, прелестей и роскоши красотъ, возсѣдаетъ, на средней головѣ слона, Хурмуста; на остальныхъ 32 спутника его, а за ними вдутъ на слонахъ еще восемь тысячъ спутниковъ. Дорога Хурмусты выходитъ изъ рощи, исполненной благоуханій и отрадь, проходить черезъ четыре пространныя земли и идетъ къ мѣсту собранія всѣхъ небожителей (тенгеріевъ)..

Шакджи-мюни изображается человѣкомъ, сидящимъ на горѣ Будаля въ покойномъ созерцаніи; предъ нимъ вѣра въ видѣ снѣди, кругомъ горы раскинуты богатая рощи изъ плодоносныхъ деревьевъ, на коихъ висятъ зрѣлые плоды; вокругъ тянутся долины, красующіяся зрѣлымъ рисомъ.

Манзу-шири изображается сидящимъ, также въ созерцаніи, на пяти-угловатой горѣ; съ правой стороны гора Будаля, на которую обращенъ взоръ Манзу-шири; остальные стороны горы усажены холмами спѣлаго риса и другими произрастеніями.

Далай-Лама почитается человѣкомъ разумнѣйшимъ, совершеннѣйшимъ, единственнымъ источникомъ духовной іерархіи, и существомъ, въ которомъ хранятся тайны откровенія. Вѣроучители буддизма до того простерли фанатизмъ объ его совершенствѣ, что ему приносятъ божескія жертвы. Съ кончиною его избираютъ преемника изъ среды себя, или воспитываютъ младенца, убѣждаясь, что всѣ совершенства далай-ламы переходятъ на избраннаго намѣстника, но тѣло умершаго сожигаютъ.

Таинственное понятіе о мірѣ и человѣкѣ, созидалось, вѣроятно, въ разныхъ странахъ многими учителями, по ихъ понятіямъ и видамъ, а потому міръ ученый не долженъ основывать надежды, чтобы когда-либо можно было достигнуть полнаго описанія буддійской миѳологіи. Изученіе ея составляетъ тайну, а цель открытаго вѣроученія—фатализмъ. Предметъ послѣдняго есть убѣжденіе въ томъ, что человѣкъ призванъ на землю для сохраненія его довременнаго первообраза, *займа* (предназначенія), и бытія его въ высшей области Манзу-шири, т.-е. достиженія глубокой старости, которая должна сопровождаться совершенной безмятежностью, при всѣхъ превратностяхъ жизни. Приобрѣтеніе высшаго духовнаго совершенства и блаженства доступно только первенствующему духовенству, которое, поборая плоть безбрачностью, и укрупляя духъ ученіемъ, можетъ

сблизиться съ нематеріальною силою первообраза (1). Понятіе о совершенствѣ и блаженствѣ, и путь, ведущій къ нимъ, указаны, вѣроятно потому, чтобы размножить духовенство, какъ главнѣйшій двигатель іерархіи далай-ламы, — владыки могущественнаго. Между нашими Калмыками было, въ прежнее время, непомѣрное число духовенства, въ отношеніи незначительнаго числа народа (2). По статистическимъ свѣдѣніямъ за 1850 годъ, считалось 60,216 душъ Калмыковъ (3), а духовенства около 3,000 (4). Число духовенства нынѣ определено штатомъ, по коему положено 2,650 лицъ. Въ 1836 г., считалось 12,967 семействъ, а духовныхъ лицъ 5,270. — Лама утверждается въ званіи Государемъ Императоромъ (5), Лама есть блюститель вѣроученія, и ему подчинено хуварыкъ (духовенство).

Имѣвъ возможность бесѣдовать съ учителями буддизма, я представляю здѣсь нѣкоторыя извѣстія, мною почерпнутыя отъ нихъ, единственно во свидѣтельство, что самые духовные толкуютъ о своей вѣрѣ весьма часто не согласно съ ихъ священными книгами.

Хуварыкъ (духовенство) такъ объясняетъ міросозданіе и свое вѣровсповѣданіе. Съ предвѣчности существовалъ хаосъ: онъ былъ поколебнуть бурей, и явилась вселенная съ облаками, звѣздами, землею, островами, рѣками и морями. Среди моря выдвинулась Царь-гора (Сюммерь-ула), которая была поставлена на черепахѣ, богомъ *Манзу-шири*, и она сдѣлалась средоточіемъ всего міра. (6) Сюммерь-ула облита съ одной стороны серебромъ, съ другой золотомъ, съ третьей рубинами, а съ четвертой небесной лазурью. На горѣ семь уступовъ, на коихъ обитаютъ

- (1) По этому вѣрованію, тѣла ламъ и бакшей, подобно тѣлу далай-ламы, сожигаются. Высшее духовное блаженство выражается у Калмыковъ такъ: *лоодъ болбо*, — вверхъ сталь. Сожиганія изъ мірскихъ людей удостоиваются лишь тѣ, которые способствовали распространенію вѣровсповѣданія.
- (2) Профессоръ казанскаго университета г. Поповъ въ статьѣ «О приволжскихъ Калмыкахъ» отнесъ неправильно причины размноженія духовенства къ тунеядству, вѣроятно, по сбивчивымъ его понятіямъ о вѣроученія Буддистовъ.
- (3) Сообщено мнѣ по распоряженію главнаго попечителя Калмыцкаго народа и управляющаго астраханскою палат. госуд. имущ. генералъ-маіор. М. М. Тагайчина.
- (4) По словеснымъ свѣдѣніямъ.
- (5) По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ однимъ владѣльцемъ калмыцкихъ, далай-лама, живущій въ Хласъ, столицѣ Тибета, не имѣетъ нынѣ никакого вліянія на образъ управленія и судопроизводство калмыцкое, кромѣ снабженія книгами и вещами хурульными.
- (6) У Китайцевъ кость черепахи имѣетъ таинственное значеніе, а у браминновъ основаніе мірозданія.

духи добрые (тенгерин) и злые (асурен). Асурен внизу, какъ падшіе, тенгерин надъ ними, а самыя чистѣйшіе, на вершинѣ, ихъ глава Хормуста. Первые люди, явившіеся послѣ паденія духовъ, произошли отъ духа свѣта (*гвельте тенгери*), жили тѣмъ же' свѣтомъ, и назывались *Хубилганъ*. Будучи смертными, они жили однако по 80,000 лѣтъ, и потомъ возраждались уже черезъ переселеніе душъ. Блаженство хубилгановъ едва было не потеряно чрезъ соблазнъ одного челоуѣка, который думалъ съѣсть запрещенный плодъ *шиме*, но былъ не допущенъ къ нему. За вѣтъ тѣмъ, капавшій изъ него сокъ медовый прельстилъ его, и онъ насладился (*). Сохранившіе святость, въ числѣ одной тысячи, переселились на небо бурханами (святыми). Падшіе превратились въ людей, которые стали питаться произведеніями природы и терпѣть всѣ крайности. Сжалившіеся надъ ними бурханы посѣтили землю и водворили добродѣтель. Первый былъ *Эбдекчи бурханъ*, истреблявшій злыхъ; за нимъ сошелъ чрезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ *Атанъ-Чидыкчи бурханъ*, возобновлявшій міръ; потомъ чрезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ *Герель-Сакикчи бурханъ*, хравитель міра; послѣ сошелъ на землю *Манзу-шири бурханъ*, а наконецъ *Шакджи-юни*, введшій ламайскую веру. При всемъ покровительствѣ бурхановъ, люди должны современемъ уничтожиться, и когда явится въ міръ *Майдри бурханъ*, существо совершеннѣйшее, тогда міръ вновь населится добродѣтельными, и встанетъ тогда одно царство женщинъ,—мужчинъ не будетъ вовсе! Женщины будутъ жить по 80,000 лѣтъ. (**)

(*) Плодъ шиме называется по-калмыцки еще *югель-шиме*, торновый сокъ, ибо шиме сокъ, а югель торнь.—Такой плодъ явно намекаетъ на познаніе добра и зла. Не можемъ не замѣтить при этомъ случаѣ, что у Санхоніатона читается имя перваго челоуѣка Адамъ, а имя Еввы повторялось въ языческихъ богослуженіяхъ древнѣйшихъ Грековъ; что поэтъ Изидъ въ своей Теогоніи, восхваляя твореніе челоуѣка, производитъ его изъ смѣшенія персти и воды. Другіе же язычники говорятъ, что челоуѣкъ созданъ по образу Божию, и что душа есть частица божескаго дыханія (Horat., Ovid., Virgil. Juv.). Сократъ доказываетъ, что челоуѣкъ сотворенъ (см. Ксеноф. in memog. Socrat. кн. 1), а Платонъ подтверждаетъ, что челоуѣкъ произошелъ изъ земли по благодни Божіей и по образу своего Творца, почему названъ *богообразомъ*,—*есондомъ* (см. in Menedemo, politico-crit).

(**) По неисправленію людей, жизнь ихъ уменьшалась. Первые добродѣтельные жили по 80,000 л., менѣе добродѣтельныя 40,000 л., за ними другіе 30,000, тамъ слѣдующіе 20,000 лѣтъ, такъ что дошло до нашего возраста и дойдеть до младенческаго. Тогда явится *Майдри бурханъ*, покровитель женщинъ.

Опредѣляя Всемогущаго Бога, называютъ Его Всевидящимъ, Святѣйшимъ, Незримымъ, Всеуправляющимъ и Непостижимымъ. Не умѣя выразить величіе Его, олицетворяютъ въ добрыхъ и злыхъ бурханахъ, коимъ воздаютъ почести божескія: добрымъ, какъ хранителямъ и всеняспосылающимъ благое, а злымъ, чтобы они не губили людей.

Свойство въкоторыхъ бурхановъ сходно съ греческими и римскими богами. Представляю важнѣйшихъ, олицетворенныхъ ламайскимъ ученіемъ. 1) *Шакджи-мюни*, ояъ и бакши, источникъ святости. 2) *Манзу-шири*, вѣчно юный. 3) *Майдри*, правитель міра. 4) *Абида*, источникъ рая. 5) *Нитиверъ-узюкчи*, всевѣдущій. 6) *Эрликъ-ханъ*, *Ценоржанъ* и *Магалага*, одно и то же, богъ ада и судія мертвыхъ. 7) *Оточе бурханъ*, врачитель. 8) *Дайчи-тенгеръ*, богъ войны. 9) *Журмуста*, оберегатель міра и пекущійся о всѣхъ тварахъ. 10) *Очирвани*, ниспосылатель бурь. Выше всѣхъ ихъ есть *Тенгери*, громодержецъ, который, бросая громъ и молнію, разъяжаетъ въ то время на *Лу-ханъ* (царь-драконъ). Божескимъ поклоненіемъ пользуются на землѣ ламы, далай-лама, тенгерин обоого пола, раждающіеся отъ сладкихъ поцѣлуевъ, и даже отъ одной улыбки чистѣйшей любви; послѣдніе переселяются въ добрыхъ людей. Небесныя свѣтила и огонь суть жилища этихъ тенгеріевъ. Все ученіе Шакджи-мюни сохраняется въ священныхъ книгахъ, называемыхъ *номъ* (священное писаніе), въ конкѣ излагается таинственными объясненіями *гурбанъ-эрдени*. Идущіе по стезямъ добра наследуютъ въ будущей жизни награду вѣчную, безсмертіе, а идущіе по стезѣ зла будутъ наказаны. При предствательствѣ бурхановъ, освобождаются грѣшники отъ вѣчныхъ страданій.

Думають, что послѣ смерти покойника душа его долго ходитъ въ этомъ мірѣ, и потому прибѣгаютъ къ умилоствленіямъ. Тѣла умершихъ знатныхъ особъ и высшаго духовенства сожигаются, какъ у Индійцевъ. Сгорѣвшія кости и прахъ собираютъ въ особый сосудъ и передаютъ въ каменную или деревянную *цаца* (часовню), нарочно для того выстроенную, въ которой непрерывно горитъ лампада, и Калмыки, проходя или проѣзжая мимо, останавливаются для поклоненія. — При сожиганіи тѣла отправляется богослуженіе, которое иногда совершаетъ лама, во всякомъ случаѣ бакши, со множествомъ духовенства. Послѣ погребенія важныхъ особъ, отдается на хуруль все ихъ платье и приносятся большіе вклады на помяновеніе, деньгами и скотомъ. Въ теченіе сорока дней происходить

въ хуруль служба, а чрезъ сорокъ. девять дней совершаются поминки. Во все это время семейство покойнаго ничего не закалываетъ; всѣ игры и забавы прекращаются. — Родные умершаго хранить прахъ не только въ сосудахъ, но носить его на шею въ узелкахъ или футлярахъ серебряныхъ и золотыхъ, до смерти своей, и дѣлаютъ еще изъ пещи изображенія бурхановъ, которыхъ ставить въ хуруль и держать у себя дома, какъ святыню.

По смерти простолюдина приходять въ его кибитку два или три гелюнга, прочитываютъ надъ умершимъ погребальныя молитвы, и потомъ приказываютъ зарыть тѣло въ землю или положить на поверхности ея на какую-либо сторону, на берегу рѣвки, на дерево, или же опустить въ воду — все это зависитъ отъ всевиднѣя зурхачея, но не смотря на ихъ всезнаніе, правительствомъ строго запрещено оставлять тѣла непогребенными и повелѣно предавать землѣ.

АЛЕКСАНДРЪ ТЕРИЦЕНКО.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

(Письма въ редакцію «Москвитянина».)

К.

Вѣсти и анекдотъ о Рашели.—Гг. Островскій и Потвхинъ въ Петербургѣ.—Русскій театръ и анекдотъ о г. Максимовѣ.—Литература книгъ и изданій.—Г. Аванасевъ.—Чужбинскій.

Поручая себя благосклонному вниманію читателей, новый корреспондентъ съѣздитъ отвѣчать на зовъ редакціи новостями, которыя встрѣчаютъ новый годъ Петербурга, Петербурга холоднаго (морозъ на солнцѣ до 20 градусовъ) и внутреннаго (золотой корабль на шпигцѣ адмиралтейской иглы показываетъ, что долго еще отрадать пившелодамъ), шумнаго и праздничнаго, хотя не праздника, что будетъ доказано ниже...

Что же новаго въ этомъ Петербургѣ?

Рашель и Рашель, вездѣ Рашель, всегда Рашель, въ каждомъ умѣ и сердцѣ Рашель, куда ни прійдешь—Рашель! Четыре еженедѣльныя абонимента чудной израильтанки, каждый въ двѣнадцать представлений, кончаются черезъ двѣ недѣли! черезъ двѣ недѣли Ра-

пешель вѣдетъ въ Москву! — А между тѣмъ, пока неудовимая и неопредѣлимая, какъ музыка, чудная и оборожительная, какъ задушевный стихъ, стихъ, который, Богъ вѣсть иногда почему и какъ чаруетъ, — съ черными глазами, блѣдная, какъ мраморная Геба, съ голосомъ, которому подобнаго быть не можетъ, такъ она сцениченъ и могучъ, — пока она еще въ Петербургѣ, все полно ею! Въ газетахъ то и дѣло печатаются объявленія: «вышелъ бюстикъ ея. работы известнаго художника-каррикатуриста Степанова»; «вышелъ портретъ ея, превосходящій десятки другихъ, существовавшихъ до нынѣ»; «вышла статуэтка ея. въ ростъ, въ роли Адриенны Лекуврёръ»; «въ кассѣ Михайловскаго театра продаются медалины съ изображеніемъ Рашели, въ профиль, на голубомъ полѣ изъ алебаstra»; — во всѣхъ окнахъ эстампныхъ магазиновъ, ресторановъ, залъ лучшихъ куафёровъ и книжныхъ лавкахъ сверкаетъ античный бюстъ и орлиный очеркъ чуднаго лица чудной артистки! Она наша крайняя и послѣдняя новость! Ея собратья французскіе актеры наперерывъ стараются приобрести ея имя для афишки своихъ бенефисовъ, и Рашель неутомимо исполняетъ ихъ желанія между представленіями собственныхъ абониментовъ; этого мало, — она и напихъ не забываетъ! Въ бенефисъ молодого, даровитаго и горячо — любящаго свое искусство артиста Бурдина она прѣвхала посмотрѣть русскій театръ, прослушала пьесу изъ школы молодого писателя Островскаго «Женихъ изъ ножевой линіи», — три раза апплодировала игрѣ актеровъ, слѣдя за нею по программѣ на французскомъ языкѣ, и вслѣдствіе этого, посѣтители скромной квартиры молодого артиста любятъ, въ кругу двухъ-трехъ портретовъ отечественныхъ знаменитостей, портретомъ Рашели, подареннымъ ею г. Бурдину, съ золоченною рамкою и надписью: «*Je voudrais être votre compatriote, cependant tous les artistes sont freres!*» Этотъ портретъ лучше всего говорить въ пользу артиста, тѣмъ болѣе, что онъ присланъ тогда, какъ г. Бурдинъ отказался отъ всякаго цѣннаго вознагражденія за логу въ его бенефисъ и получилъ безцѣнное, какъ прибиваютъ въ Петербургѣ. Вслѣдъ за этимъ Рашель явится въ бенефисъ Мартынова на русской сценѣ, въ одной изъ лучшихъ своихъ ролей — разумется на французскомъ языкѣ. — 3-го января мы увидимъ ее на подмосткахъ Дворянскаго Собранія, въ музыкально-художественномъ концертѣ въ пользу бѣдныхъ! А наконецъ сегодня, на канунѣ Новаго года, толпа читающихъ въ *Публичной библиотекѣ*, въ два часа по-полудни засуетилась и поднялась съ мѣстъ; все

устремилось въ круглую, первую залу—гдѣ явилась въ качествѣ по-
сѣтительницы Рашель. Она явилась и исчезла какимъ-то сновидѣн-
емъ, и всѣ были очарованы ея любезностью, скромностью, и порази-
тельной красотой. Одинъ иностранецъ, бывший тутъ, написалъ и
поднесъ ей четырестишіе, копии котораго мы не успѣли захватить.

Кстати о театрѣ. — Послѣ необычайнаго успѣха *«Не въ свои
сани не садись»* и *«Бѣдной Невѣсты»*, публика съ нетерпѣніемъ
ожидала новой пьесы того же автора, *«Бѣдность не порокъ»*, о ко-
торой въ частныхъ письмахъ долетаютъ изъ Москвы постоянно слухи,
и которую дирекція уже ставитъ; ее ожидали къ первымъ днямъ
новаго года,—но пронеслась вѣсть, что вышла остановка за музы-
кою, которую не успѣли написать для перваго акта, гдѣ сцена свя-
токъ съ пѣснями. Въ городѣ говорятъ, что самъ авторъ прѣхалъ
дать послѣдній отгѣнокъ желаемой постановки ея; тѣмъ пріятнѣе
это намъ, что постановки пьесъ г. Островскаго въ Петербургъ и
въ Москвѣ разнятся значительно другъ отъ друга. — 2-го января
г. Островскій читаетъ эту пьесу для актеровъ.

Еще такъ недавно подаренный родной литературѣ сильный
талантъ г. Островскаго уже вызвалъ подражателя, и подражателя
если не ловкаго, то по крайней мѣрѣ даровитаго. Мы говоримъ объ
авторѣ, къ-сожалѣнію уже покойномъ, пьесы *«Женихъ изъ невоз-
можной линіи»*, которая принята публикою благосклонно. Все въ этой
пьесѣ не свое: и завязка, напоминающая *«Бѣдную Невѣсту»* съ тѣмъ
только различіемъ, что главный женскій характеръ въ ней замѣненъ
мужскимъ, а мужской женскимъ; и Юлинка, рабски списанная съ
Липочки въ *«Свои люди—сочтемся!»*—до того, что въ первомъ моно-
логѣ своемъ также толкуетъ и о студентахъ, и о штатскихъ и о
военныхъ; и Борька, выкроенный изъ Тишки той же пьесы; и
эта Анна Антоновна, торговка, списанная съ свахъ г. Островскаго;
но нельзя отвергнуть видимаго достоинства пьесы, языка ея. Эта
пьеса снова показала, какъ сильно сочувствіе публики къ тому роду
произведеній, который усвоилъ себѣ авторъ Большова и Ризполо-
женскаго, и снова даны средства нашимъ артистамъ сдѣлать шагъ
впередъ на поприщѣ искусства. Г. Бурдинъ былъ превосходенъ въ
роли Мордоплюева, и эту роль блистательно поддержалъ свою
побѣду въ роли Бородкина; г-жа Линская смѣшила до слезъ въ роли
торговки; а г. Григорьевъ 2-й, игравшій до сихъ поръ карри-
катурные шаржи здѣшнихъ гостинподворцевъ, снова сдѣлалъ шагъ

впередъ къ созданіямъ болѣе чистымъ и художественнымъ. Новая пьеса г. Островскаго «*Блѣдность не пороки*» обѣщаетъ намъ увидѣть г. Бурдина въ роли Мити, совершенно новой, и г. Самойлова въ роли не менѣе замѣчательной; г. Мартыновъ, Григорьевъ 2-й и другіе также выступить въ этой пьесѣ.

Г. Потвхинъ, авторъ *Крестыянки* и *Козонка*, прѣвхавшій также въ Петербургъ, читалъ въ нѣкоторыхъ гостиницахъ новую свою драму, которая имѣла величайшій успѣхъ, и обѣщаетъ намъ на сценѣ новое наслажденіе.

При словѣ о театрѣ, мы, избѣгая подробной оцѣнки пьесъ и игры артистовъ, напередъ будемъ сообщать только болѣе любопытные случаи, которыми ознаменуется то или другое сценическое явленіе. Таковы наши представленныя выше вѣсти о Рапелли, о которой уже до насъ представлено подробное сужденіе въ *Москвитинѣ*; въ такомъ же смыслѣ мы хотимъ теперь сказать о выходѣ г. *Максимова* въ роли *Гамлета*. Съ позволенія любимаго нашего артиста, сообщаемъ, какимъ трудностямъ подвергался онъ до выхода въ этой роли. Москвичи знаютъ разницу въ исполненіи *Гамлета* Мочаловымъ и покойнымъ Каратыгинымъ. Удивляясь искусству послѣдняго, Максимовъ постоянно сочувствовалъ первому, и теперь, когда не стало ни того, ни другаго, задумалъ испытать свои силы. Сколько труда, сколько бессонныхъ ночей, забытыхъ обѣдовъ и тревоги стоило это предпріятіе! Роль изучена по рисункамъ, заготовленнымъ даровитымъ художникомъ; роль изучена съ замѣчаніями лучшихъ европейскихъ критиковъ! Этого мало; одинъ изъ первыхъ здѣшнихъ британскихъ негодяевъ, г. *Гордонъ*, пригласилъ къ себѣ однажды, за нѣсколько недѣль до представленія, своего друга артиста, прочесть въ избранномъ кругу гостей изъ Лондона и Эдинбурга роль *Гамлета*. Мой другъ! сказалъ онъ Максиму, введя его въ богатый залъ, гдѣ стоялъ столъ, съ изданіемъ Шекспира, въ вѣнцѣ изъ бутылокъ лучшихъ заморскихъ винъ и свѣчей: у каждаго изъ слушателей книга *Гамлета* по-англійски; читайте.... И если мы, соотечественники Шекспира, одобримъ васъ, все это вино ваше, и мы будемъ пить ваше здоровье; если же нѣтъ, то, кромѣ бутылки медаку, вамъ ничего не дадимъ». Тренещущій артистъ сталъ читать, — и торжество его было полное. Въ другой разъ ему хотѣлось еще испытать себя до выхода на сцену въ кругу нашего молодаго поколѣнія; онъ попалъ на вечеръ молодыхъ художниковъ и студентовъ; молодое поколѣніе предрекло ему успѣхъ.... Онъ четыре дня не

звалъ ни сна, ни обѣда; вышелъ на сцену новый Гамлетъ, блѣдный, съ дикими пепельными волосами, задумчивый, тихій, съ потрясающимъ душу голосомъ отчаянія и любви,—и театръ загрохоталъ отъ рукоплесканій, и вѣски посыпались на молодаго артиста. Успѣхъ неслыханный и неожиданный этого дебюта извѣстенъ читателямъ. Мы прибавимъ еще, что этотъ успѣхъ былъ кромѣ того не случайный: г. Максимовъ поддержалъ его ролью Скулявана въ пьесѣ «Любовь и предразсудокъ» и готовится поддержать въ роли «Кина». Словомъ, г. Максимовъ началъ совершенно новую жизнь для своего дарованія.

Переходимъ къ другимъ новостямъ....

Опера итальянская привлекаетъ слушателей какъ въ первыя времена Виардо и Гривиз; въ театрѣ-Циркѣ играютъ маленькіе детишки и такъ называемыя народныя русскія представленія. Наши нескіе щеголи ходятъ съ *плетами* на рукахъ, (родъ шалей, замѣтившихъ для някъ дамскія муфты). На каналахъ и Невѣ, среди улицъ на разчищенномъ льду снуютъ коньки англичанъ и русскихъ воспитанниковъ пансіоновъ; джэки выписываютъ вензеля, наши бѣгаютъ въ запуски.

Книжная торговля оживилась съ недавнимъ открытіемъ новаго магазина книгъ *Смирдина сына* и *Верховоного*; собраніе полное и драгоценное книгъ Смирдина-отца вошло сюда; но лучшимъ украшеніемъ магазина служить единственное изданіе «*Полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ*». Сорокъ семь томовъ этого единственнаго у насъ изданія представили уже творенія тридцати нашихъ авторовъ! Сказавъ въ сотый разъ спасибо г. Смирдину, пожелаемъ ему съ новымъ годомъ здоровья и новыхъ силъ для продолженія своего безцѣннаго предпріятія, въ лучшемъ и исправнѣйшемъ видѣ.

По системѣ редакціи Москвитянина, мы будемъ избѣгать сужденій о нашихъ литературныхъ журналахъ, о которыхъ говоритъ другой отдѣлъ Москвитянина. Въ нашихъ письмахъ мы будемъ говорить только объ отдельныхъ литературныхъ явленіяхъ и объ изданіяхъ специальныхъ. Здѣсь, упомянувъ о хорошенькомъ изданіи извѣстной повѣсти г. Михаила Михайлова «*Святки*», вышедшей такъ кстати, и объ ожидаемомъ изданіи перевода г. Гербея «*Игоря князя Сперскаго*» — мы пропустимъ кучу переводныхъ повѣстей и стихотвореній а пророч, появившихся здѣсь, и укажемъ на возрастающій и крѣпнущій журналъ «*Москвой Сборникъ*», отрывки изъ котораго самаго высокаго интереса безпрестанно перепечатываются

теперь въ нашихъ газетахъ, и на свѣженькій выпускъ только-что вышедшихъ четырехъ листовъ (21, 22, 23 и 24) *«Извѣстій Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности»*. Здѣсь читатели встрѣтятъ труды академиковъ: Срезневскаго, Погодина, — и въ *«Прибавленіяхъ»* цѣлую массу любопытнѣйшихъ памятниковъ нашей народной словесности: Бѣлорусскія пѣсни и загадки, пѣсню перойскихъ Черногорцевъ, купальскую пѣсню Словаковъ, и наконецъ еще двѣ малорусскія гусли, доставленныя г. *Аванасъвымъ-Чужбинскимъ*. Къ первымъ его двумъ *думамъ* напечатано здѣсь объясненіе; но мы все-таки не поняли, почему онъ опустилъ въ списокъ думы *«Самойло Кушка»*, тринадцать стиховъ о Санджаковнѣ, записанныхъ у Лукашевича и перепечатанныхъ у Максимовича, тѣмъ болѣе, что, по его собственнымъ словамъ, его дума напечатана по списку Лукашевича, изрѣдка только измененная по новымъ вариантамъ. Двѣ новыя думы: *«Три брата»* (известная *«Побѣдъ трехъ братьевъ изъ Азова»*) и *«Бандуристъ»* — совершенно новая и *нигдѣ не напечатанная*. Эта дума такъ любопытна и такъ высокохудожественна въ своей степной простотѣ и красотѣ, что мы считаемъ долгомъ всю ее выписать для читателей въ нашемъ подстрочномъ переводѣ...

Б а н д у р и с т ь .

— «Ой, на татарскихъ поляхъ, на казачьихъ путяхъ не волки-сѣромахи воютъ-завываютъ, не орлы-чернокрыльцы кричатъ и подъ небомъ летаютъ; то сидитъ на могилѣ казакъ старый, какъ голубъ сизый, на бандурѣ играетъ, выигрываетъ, голосно распѣваетъ. Конь возлѣ него, изстрѣлянный, изрубленный, копые изломанное, ножны безъ сабли булатной, въ ледункѣ ни одного заряда! только и осталась ему дорожная бандура, да въ глубокомъ карманѣ, трубка-бурунка, да табакъ поль-панушки. Казакъ сердечный изъ трубки потягиваетъ, на бандурѣ играетъ, выигрываетъ, жалобно распѣваетъ. Гей, братцы, паны-молодцы, казаки-Запорожцы! Гдѣ вы носитесь, какъ поживаете? До Сѣчи ли матери вы прибываете? Ляховъ ли вороговъ дубьемъ угощаете, или Татаръ-бусурманъ, какъ стадо, кнутами въ полонь загоняете? — Когда бы мнѣ Богъ помогъ старыя ноги распрямить, поспѣшить за вами, можетъ быть я бы еще смогъ вамъ на концѣ вѣка заиграть, голосно запѣть! Пусть бы моя бандура знала, что меня рука христіанская погребала! А то пропадетъ моя бандура ни за собаку: будетъ сама себѣ лежать среди

степи! И уже мнѣ, старому, безъ коня пропадать — не смогу я по степямъ блуждать, будутъ меня волки-свромахи встрѣчать, будутъ дѣдомъ за обѣдомъ коня моего завдаты!—Бандура жь моя, подруга вѣрная, бандура моя малеваная! Гдѣ жь мнѣ тебя дѣть? въ степи чвстой ли спалить и пепель по вѣтру пустить? или на могилѣ положить? Пусть буйный вѣтеръ въ степяхъ пролетаетъ, струны твои задвываетъ, смутно, жалобно играетъ, выигрываетъ. Можетъ, подорожные казаки будутъ вхаты близко, почувютъ, что что-то жалобно играеть, и завернуть къ кургану!»

Нашъ переводъ довольно близокъ къ подлиннику, и мы убѣждены, что читатели поблагодарятъ насъ за эту выписку, равно какъ и за извѣстie, почерпнутое изъ того же выпуска академическихъ «Извѣстій»,—что г. *Аванасьевъ-Чужбинскій*, молодой литераторъ, составившій для академiи «Малороссійскій Словарь» и единственный изъ немногихъ знатоковъ степной литературы, съ наступающимъ лѣтомъ ѣдетъ въ Малороссiю, съ надеждою по возможности изыскивать и записывать остатки нашихъ украинскихъ думъ и пѣсень. Онъ же обѣщаетъ сдѣлать попытку—записать музыку думы о Морозенко. Советуемъ ему въ Харьковѣ обратиться къ г. *Неговскому*, который только что окончилъ курсъ въ тамошнемъ университетѣ, собралъ до 3000 украинскихъ пѣсень, и между прочимъ знаетъ, въ числѣ другихъ голосовъ, и голосъ этой думы. Въ Харьковѣ же онъ можетъ отыскать бандуриста *Гарбуза* (близъ Холодной горы), въ Ольшанѣ, подъ Харьковымъ бандуриста Левка и Петра Колибабу, и въ Тростинцѣ, гдѣ теперъ между прочимъ живеть одинъ изъ даровитыхъ знатоковъ родной литературы и Шекспира, г. А. Кронебергъ, бандуриста Залавскаго. Въ самомъ дѣлѣ, грустно думать, но можетъ быть, съ предпріятіемъ другаго литератора записывать и сохранять для роднаго слова сказки *украинскія*, намѣреніе добросовѣстнаго и даровитаго литератора г. Аванасьева-Чужбинскаго записывать думы *украинскія* будетъ послѣднею попыткою, потому что старики-бандуристы почти перевелись въ степяхъ, и на огромныхъ расстояніяхъ едва укажешь изъ нихъ двухъ-трехъ, да и тѣмъ уже, по словамъ нашего трудолюбиваго собирателя, каждому почти за 70 дѣть....

В. З.

ИЗЪ УСТЮГА. Въ 12 N Москвитянина 1852 года, въ отдѣлѣ Внутреннихъ Извѣстій, былъ помѣщенъ нашъ голосъ противъ статьи «Замѣтки о городѣ Устьсысольскѣ». Указывая въ немъ, между прочимъ, на невѣрно-объясняемое г. Кичинымъ имя («Зыряне»), мы сказали, что г. Михайловъ производитъ его вѣрнѣе отъ словъ: саръ, что-то святое, и анъ, женщина; то-есть золотая баба, главный идолъ Зырянъ-язычниковъ; но и тутъ мы допускали только вѣроятность, потому что объясненіе Михайлова также натянуто. Нынѣ пришла намъ мысль объяснить это гораздо проще. Слѣдуетъ только взять зырянскія слова, соответствующія русскимъ—золотая баба,—и задача разрѣшится сама собой. Золото—по-зырянски зарнь, и женщина, баба—анъ, составляютъ вмѣстѣ зарнь-анъ, почему, вѣроятно, русскіе поклонниковъ идола назвали Зарняне, а потомъ Зыряне.

Въ томъ же N писали мы, что бѣлка, какъ древняя ходячая монета, соответствовала одной копейкѣ. Основаніемъ такому положенію послужило зырянское слово сѳоуръ—рубль, составленное изъ сѳо—сто и урь—бѣлка. Теперь же прибавимъ еще, что самое слово копейка до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ зырянскихъ селеніяхъ значить урь—бѣлка, и что именно цѣлыя шкурки этихъ звѣрей замѣняли монету въ странѣ, гдѣ обитали Зыряне. Въ настоящее время нѣкоторые изъ ученыхъ опровергаютъ дѣйствительность существованія въ Россіи кожаныхъ денегъ, даже въ видѣ частей шкурокъ; но мы говоримъ здѣсь объ известной мѣстности, и въ подкрѣпленіе нашей мысли приводимъ въ свидѣтельство Записки Лепехина. Описывая въ нихъ сольвычегодскій соборъ, ученый путешественникъ говоритъ: «Въ семь же соборѣ было казнохранилище старинныхъ денегъ, которыя у насъ кожаными называютъ, и нынѣ деньги сіи отчасти истлѣли, а остальные отвезены къ Москвѣ. Кожаная деньги въ сей странѣ были не такія, какъ напримѣръ въ Москвѣ, но состояли изъ частей и цѣлыхъ звѣриныхъ мѣховъ, и такъ жители по древнему обыкновенію торговали, мѣняли товаръ на товаръ, въ чемъ кто изъ быточествовалъ». (См. Дневныя Записки, часть 3, стр. 291).

Теперь перейдемъ къ новостямъ. Въ Вологдѣ, въ губернской типографіи, напечатана двумя изданіями Справочная книжка для Вологодской губерніи на 1853 годъ. До сихъ поръ ни въ одномъ изъ журналовъ мы не видали извѣстія о ея выходѣ, и потому не лишнимъ считаемъ сообщить объ этомъ читателямъ Москвитянина. Справочная книжка состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: въ первомъ «Составъ

чиновъ военныхъ и гражданскихъ Вологодской губерніи, а во-вторыхъ «Статистическій очеркъ Вологодской губерніи», составленный к. Дубравинымъ.

Наша Губернскія Ведомости въ послѣдніе годы замѣтно улучшились; нынѣ появляются въ нихъ статьи часто довольно интересныя, впрочемъ, если намъ будетъ позволено, мы по временамъ будемъ сообщать въ редакцію Москвитянина подробнѣйшія о нихъ извѣстія.

Устюгъ Великій издавна славится черновой серебряной работой; въ немъ въ XVII вѣкѣ были лавки собственно съ серебряными издѣліями, а въ прошедшемъ—фабрика, но въ нынѣшнемъ столѣтіи слава устюжской черни начала мало по малу забываться, вроятно отъ соперничества Москвы, гдѣ серебряная работа подъ черню дешевле, за то прочность ея не такова, рисунки стираются скорѣе съ московскихъ, нежели съ устюжскихъ издѣлій. Лучшимъ мастеромъ въ Устюгѣ считается нынѣ мѣщанинъ М. Ив. Кошковъ; онъ отъ комитета Лондонской выставки, за представленныя на нее вещи, получилъ бронзовую медаль и одобреніе. Въ нынѣшнемъ 1853 году Кошковъ имѣлъ счастье представить Государю Императору: столовую, десертную и чайную ложки, столовую вилку, черенокъ для столоваго ножа и щипцы для сахара. Его Императорское Величество, удостоивъ ихъ Всемиловѣйшаго одобренія, изволилъ Высочайше повелѣть: сдѣлать Кошкову слѣдующій заказъ:

♦	Одну дюжину столовыхъ ложекъ на	156	руб.	сер.		
—	— десертныхъ	—	—	90	—	—
—	— чайныхъ	—	—	60	—	—
—	— столовыхъ вилокъ	144	—	—	—	—
—	— десертныхъ	—	—	90	—	—
—	— столовыхъ черенковъ	138	—	—	—	—
—	— десертныхъ ножей	—	138	—	—	—

Вещи дѣлаются мастеромъ 5% дешевле противъ обыкновенной на нихъ цѣны. Рисунки на издѣліяхъ изъ мастерской Кошкова отличаются, кромѣ прочности, и изяществомъ.

Послѣ извѣстій пріятныхъ, мы должны упомянуть и о горькой утратѣ, понесенной небольшимъ кружкомъ зырянофиловъ. Въ началѣ прошлаго года въ Устьсысольскѣ скончался знатокъ зырянской

старинны, языка, этнографіи и статистики, учитель тамошного уезднаго училища Мих. Ив. Михайловъ. Читатели Москвитянина, ввроятно, помнятъ статью его: Замѣтки о Зырянахъ, помѣщенную въ одномъ изъ NN этого журнала въ 1849 году. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ онъ былъ постояннымъ вкладчикомъ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а въ Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1850 года напечаталъ примѣчательную статью Усть-Вымь, о которой при обзорѣ Вѣдомостей поговоримъ болѣе. Покойный Михайловъ хорошо владелъ русскимъ языкомъ и съ искусствомъ знатока пользовался матеріалами, касающимися всѣхъ частей зырянопознанія, не смотря на то, что воспитаніе его ограничивалось окончаніемъ курса въ Вологодской гимназіи, послѣ чего онъ почти безвыѣздно прожилъ въ Устьсысольскѣ.

В. Д. ПОПОВЪ.

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

БАЛЪ И КОНЦЕРТЪ СЪ СЮРПРИЗАМИ, 10 ЯНВАРЯ.

Вечеромъ, къ половинѣ 9 часа, обширныя боковыя залы, какъ бы окомляющія главную, исполнскую, залу Собранія, — коей, по величинѣ и изяществу, не много найдется подобныхъ въ цѣлой Европѣ, — были вполне освѣщены и ждали посѣтителей, которые такъ рано и такъ дружно уже наполнили все оставшіяся входы и переходы. Ровно въ 9-ть часовъ, въ главномъ залѣ, за орломъ, видна была двурогая луна, въ первой четверти, и своимъ мерцаніемъ изливала на залу и хоры туманный свѣтъ, который мало по малу уступалъ утренней зарѣ, предвѣстницѣ дневнаго свѣтла. Не болѣе какъ черезъ четверть часа, на противоположной сторонѣ хоръ показался и самъ царь всей природы: искусственные лучи его были столь рѣзки, что не каждый глазъ былъ въ состоянн выдержать сильнаго блеска ихъ свѣта. Едва только искусственное солнце показало въ своемъ яркомъ блескѣ на искусственномъ для него горизонтѣ, затмивъ луну, и сосредоточивъ свои лучи на великолѣпно-устроенномъ двуглавомъ бриллиантовомъ орлѣ, парившемъ надъ горкою съ богатыми и красиво-драпированными сюрпризами, назначенными къ розыгрышу, — какъ въ одну минуту, если не менѣе, весь главный залъ, посредствомъ химическаго пособія, освѣтился 2,250 стеариновыми свѣчами въ великолѣпныхъ хрустальныхъ люстрахъ. Быстрота и полная успѣшность освѣщенія много говорятъ для признательности искусству химика В. Г. Эйхлера, принявшаго на себя обязанность химическихъ работъ въ залѣ. Картинность нынѣшняго освѣщенія удалась какъ едва-ли можно лучше. Слава наукъ и почетъ искусству! — Вскорѣ послѣ того вновь заиграла музыка и начались танцы въ большой залѣ.

Около полуночи въ боковой залѣ закрутились колеса фортуны и посыпалась билеты на 300 сюрпризовъ (выигрышей), и въ то же время въ другой боковой или столовой залѣ извѣстный мѣдннй хоръ московскаго Учебнаго Карабинернаго полка игралъ маршь изъ «Propheté», и освященіе мечей изъ оперы «Гугеноты», — обѣ Мейербеера; сцену и дуэтъ изъ оперы: «Горацин Куріціи» — Донизетти, и сцену и арію изъ «Вильгельма Телля» — Россини. — Когда окончилось выпутіе жребіевъ на сюрпризы и многіе счастливыи увидели въ крупныхъ цифрахъ улыбку къ нимъ даровитой фортуны, наградившей ихъ за посѣщеніе бала и доброе дѣло для дѣтей — излщными и цѣнными сюрпризами изъ серебра, бронзы, хрустала и фарфора, —

то балъ закипѣлъ съ полнымъ разгаромъ и *аллегри* живѣе посыпалось изъ вазъ фортуны. — На швейцарской доскѣ въ передней цифра посѣтителей показывала 5,047. Часу въ 4-мъ утра все кончилось, а догоравшія въ люстрахъ и канделябрахъ свѣчи напоминали присутствовавшимъ о времени разъѣзда по домамъ. Но это еще не конецъ бала: это, такъ сказать, первая его часть, а вторая, или окончаніе его, послѣдовало на другой день, 11-го января; и было въ такомъ порядкѣ:

Въ понедѣльникъ, въ 11 часовъ утра, имѣвшие на балъ билеты вторично собрались въ залы Собранія; въ боковой продолжался выемъ остальныхъ 200 сюрпризовъ (выигрышей), а въ главной залѣ на вчерашней эстрадѣ помѣстились музыканты, передъ ними же, въ нѣсколько рядовъ, пріютскія дѣти — все въ однообразной одеждѣ, и пѣли разные гимны, подъ аккомпаниментъ оркестра г. Лебедева. Между тѣмъ, и въ антрактахъ, господа любители музыки, составивъ особый оркестръ, подъ искуснымъ дирижированіемъ извѣстнаго знатока музыки В. И. Радивилова, играли знаменитую увертюру изъ оперы Моцарта: «Донъ-Жуанъ»; — Е. А. Лазовская и Д. Г. Половцевъ исполнили фантазію для арфы и скрипки, соч. г. Половцева съ аккомпаниментомъ оркестра; — С. П. Фолугауитъ сыгралъ на фортепiano большую фантазію на мотивы изъ оперы Тальберга: «Шевъста-Лунатикъ»; — И. П. Титовъ, подъ аккомпаниментъ оркестра, игралъ на кларнетѣ соло, а И. К. Фришманъ, также подъ оркестръ, сыгралъ адажіо и рондо изъ 3-го концерта Берію. — Послѣ оркестра гг. аматоровъ, концертъ окончился пѣніемъ драгоценнаго для всѣхъ русскаго гимна: «Боже Царя храни!», съ аккомпаниментомъ всѣхъ трехъ оркестровъ: гг. Сакса, Лебедева и дилетантовъ, и деревяннаго хора московскаго Учебнаго Карабинернаго полка. Этотъ молитвенный народный гимнъ, столь всѣми любимый и вѣчно желательный, былъ пропѣтъ едва ли не всѣми присутствовавшими въ концертѣ: такъ было сочувствіе къ нему всеобщимъ; — еще умильнѣе, не безъ сердечнаго трепета, было слышать его изъ дѣтскихъ устъ до 500 малютокъ, воспитывающихся въ пріютахъ, подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ихъ Величествъ Государа Императора и Государины Императрицы.

Какъ во время бала, такъ и концерта, въ боковыхъ залахъ Собранія разыгрывалось *аллегри*, и многіе счастливы и счастливицы, заплатя только 25 коп., отошли отъ билетныхъ вазъ, по милости фортуны, *не съ пустыми руками*. Большая часть вещей, разграничныхъ въ сюрпризахъ и *аллегри*, отличались своею цѣнностію и изяществомъ. — Концертъ продолжался часовъ до трехъ по полудни, и нѣтъ надобности говорить, что какъ вчерашній балъ, такъ и сегодняшний концертъ — во все время, отъ начала до конца, были непрерывно и пріятны, и веселы, и разнообразны великолюбіемъ своихъ обстановокъ, благодаря умѣнью, вкусу и такту его опытныхъ распорядителей, придумавшихъ соединить вечеромъ и утромъ полное и общее удовольствіе съ добрымъ дѣломъ.

ИВ. ДЖ.

С Ш Ъ С Ъ .

О ДЕСЯТИ ГОРОДАХЪ И НѢКОТОРЫХЪ СЕЛАХЪ ДРЕВНЕЙ УКРАИНЫ.

Письмо къ М. П. Погодину.

На полѣ, сжатомъ на-скоро историками Малороссіи, я собираю пропущенные и оброненные ими колосья, — по немногу передаю ихъ въ общую извѣстность. Теперь занимаюсь обзорѣніемъ полковъ и сотенъ, на которые встарину дѣлилась Малороссія. Тутъ встрѣчается важный пропускъ: неизвѣстно, изъ какихъ полковъ и сотенъ состояла Малороссія во время ея присоединенія къ Русской державѣ. Это достопамятное въ Русской исторіи событіе совершилось стараніемъ гетмана Богдана Хмельницкаго и его присягою, данною 8 генваря 1654 г. въ Переяславѣ, въ соборной Успенской церкви, основанной Мономахомъ. Списокъ тогдашнихъ полковъ и сотенъ, съ ихъ полковниками и сотниками, черезъ два вѣка послѣ нихъ, былъ бы историческою имъ поминкою; а составить этотъ списокъ—кому же, какъ не князю М. А. Оболенскому... Попроси-же его объ этомъ отъ себя и отъ меня, и напечатай въ Москвитинѣ!

Теперь обращаюсь къ древнимъ городамъ украинскимъ, надъ которыми и ты потрудился не мало въ своихъ *Исслѣдованіяхъ*.

1) *Пирятинъ*, уездный городъ на р. Удаѣ, поминаемый нерѣдко въ исторіи Малороссіи. Онъ былъ сотеннымъ городомъ Лубепскаго пѣлка, а въ гетманство Хмельницкаго, полка Кропивянскаго. Но онъ извѣстенъ и въ древности: ровно за 700 лѣтъ, т.-е. 1154 года, Глѣбъ Юрьевичъ съ Половцами, не успѣвъ ничего подѣлать въ Переяславѣ, взялъ *Пирятинъ* (см. Лѣтопись Лаврентьевскую). — За что же ты пропустилъ его въ своихъ *Исслѣдованіяхъ*, и не принялъ въ число древнихъ городовъ Переяславскаго княжества?

2) Пропущенъ у тебя и *Лукомль*, близъ котораго въ 1179 году стояли русскіе Князья, въ походъ за Сулу. Этотъ городъ значитъ и въ Книгѣ Большаго Чертежа: «а выше Горошины 2 мили градъ *Лукомль*; а выше Лукомли 2 мили градъ *Лубны*.» *Лукомская* сотня, въ гетманство Хмельницкаго, причислялась къ Полтавскому полку (сотникомъ былъ тогда Назаръ Елецкій); а потомъ она принадлежала къ полку Лубенскому. По-вынѣшнему зовется онъ *Лукомье*; древніе окопы его уцѣлѣли по нынѣ.—Поминаемый въ той же книгѣ «градъ *Буромля*» на Сулѣ (нынѣшняя *Буромка* Золотоношскаго уѣзда), конечно, ровесникъ *Лукомлю*, хотя и не поминается въ древнихъ лѣтописяхъ.

3) *Буромль*, а по Книгѣ Большаго Чертежа «градъ *Буромль*», хотя и не помянутъ древнимъ лѣтописавшемъ; но онъ конечно ровесникъ *Лукомль* и одного съ нимъ происхожденія. Въ прошломъ столѣтіи онъ назывался уже *Буромкою* и считался мѣстечкомъ сотни Горошинской.

4) *Жовнинъ*. Золотоношскаго уѣзда, въ гетманство Хмельницкаго былъ сотеннымъ городомъ Чигиринскаго полка (Жовнинскимъ сотникомъ 1649 года былъ Остапъ Сухомлиня). Этотъ городъ построенъ 1116 года княземъ Ярополкомъ, для полоненныхъ имъ Дручанъ, и называлъ *Желнинымъ* или *Желнами*. Неизвѣстно, по какому обстоятельству онъ названъ именемъ птицы желны: можетъ быть въ древней Украинѣ Дручане прозывались *желнами* (Такъ нынѣ бѣловежскія колоніи, по своимъ насельникамъ, зовутся въ народѣ *Прусамы*).

Отсюда перейти бы за Днѣпръ на *Татинецъ*... но я не дознался еще, гдѣ этотъ Днѣпровскій *Бродъ*, на который въ 1187 году ходилъ грозный Святославъ гонить Половцевъ? Туда не попадешь по указанію вашему на село *Мутатинцы*; ибо оно только на географической картѣ, и написано ошибочно вмѣсто села *Мутшинцы* !...

5) Обратимся же къ Кіеву, привычнымъ путемъ, на Переяславъ, а оттуда на древній городъ *Баручъ*, который слѣдуетъ признать въ нынѣшнемъ *Барышполѣ*, бывшемъ издавна сотеннымъ городомъ Переяславскаго полка. (Въ гетманство Хмельницкаго Барышпольскимъ сотникомъ былъ Антонъ Гарасименко).

Надеждинъ съ Неволнымъ, справедливо предположивъ *Баручъ* въ *Барышполѣ*, не напрасно предполагали въ той же сторонѣ и *Виха-*

тилъ (помятый 1135—74 г.). Я нашелъ его, близъ села Гнедина, въ сельцѣ или хуторѣ *Ньготинь*, принадлежавшемъ къ Барышпольской сотнѣ, вмѣстѣ съ *Княжичами*. А село *Русановъ*, въ которомъ справедливо признали древнюю *Русотину*, принадлежало къ сотнѣ Гоголевской.

б) Въ 1115 году Владимиръ Мономахъ устроилъ *мостъ черезъ Днѣпръ*. Гдѣ же? Въ новѣйшемъ (Ермолаевскомъ) спискѣ Лѣтописи Кіевской прибавлено: у *Вышегородѣ*. Но мнѣ слѣдуетъ, что не въ самомъ Вышегородѣ, а пониже его, по Черниговской дорогѣ, шедшей къ Двѣпру на Моровскъ, а отъ Днѣпра въ Кіевъ на село *Ольжици*.

Не знаю, гдѣ вы нашли, что село *Ольжици* было на черниговской сторонѣ Днѣпра? По этому предположенію, вы и въ словахъ Кіевской Лѣтописи: *на сей сторонѣ Днѣпра* (т.-е. на кіевской), хотите видѣть сторону черниговскую! Карамзинъ думалъ, что эти слова и написаны Черниговцемъ. По твоему, они написаны спутникомъ Изяслава, но соответственно мѣсту его пребыванія подлѣ Черниговымъ. А простѣе сказать: они написаны кіевскимъ лѣтописцемъ, соответственно мѣсту его пребыванія въ Кіевѣ! Объ *Городцѣ*, бывшемъ въ виду Кіева на *лѣвой* сторонѣ Днѣпра, онъ говоритъ: «поѣха (Глѣбъ) *на ону сторону* въ Городокъ» (1171 г.). А объ *Ольжичахъ* у него сказано: «стоявшимъ же имъ 12 дній подлѣ городомъ (Черниговомъ); въ то же веремя Вячеславъ съ Изяславомъ стояшета *на сей сторонѣ Днѣпра* у Ольжичъ.» (1152 г.).

Это прямое указаніе Кіевской лѣтописи на *кіевскую* сторону Днѣпра принимаю я за основаніе; беру въ соображеніе еще три мѣста изъ той же лѣтописи, и Несторово извѣстіе (подлѣ 947 г.), и для меня становится ясно, что *Ольжици*, село великой княгини Ольги, находилось подлѣ Кіевомъ, на *правомъ* берегу Днѣпра, противъ Черниговской дороги, — гдѣ-нибудь между *Дорогожичемъ* (у котораго Кирилловскій монастырь) и *Вышегородомъ* (къ которому, безъ сомнѣнія, принадлежало сперва это село, такъ какъ онъ былъ городъ Ольгинъ). У Ольжичъ останавливались обыкновенно кіевскіе князья, вырѣзались въ походъ къ Чернигову (какъ въ 1152 году Вячеславъ съ Изяславомъ, или 1183 г. Святославъ). Въ Ольжичахъ останавливались и князья, пріѣзжавшіе изъ Чернигова по приглашенію кіевского князя (на пр. Олегъ Святославичъ 1161 г., или Ольговичи въ 1142 г.).

Всѣ полагали, что и *Пересыченъ*, помятый въ лѣтописяхъ 1154 года, находился на *лѣвой* сторонѣ Днѣпра! но ты (въ *Изслѣдованіяхъ*) уже согласился со мною, что онъ былъ на *правой* сторонѣ,

пониже Кіева, и перемѣстилъ его въ княжество Кіевское, но гдѣ именно былъ онъ, это еще требуетъ опредѣленія.

7) Къ наддѣпровскимъ городамъ Кіевского княжества надо бы, кажется, прибавить *Иванъ* городъ, у котораго 1151 года стоялъ князь Изяславъ съ своими союзниками противъ Юрія. Смотри въ Кіевской лѣтописи: «стояхуть вси у *Ивана*». Это не личное, а мѣстное имя. Отсюда дошли они на ночлегъ въ Треполь, а изъ него въ Кіевъ. Очевидно, что Иванъ былъ ниже Треполя: по моему, возлѣ Ржищева, гдѣ и нынѣ находится гора *Иванъ* съ стариннымъ городищемъ. —

Есть и на лѣвой сторонѣ Днѣпра *Иванъ-городъ*, бывшій сотеннымъ городкомъ Нѣжескаго полка. Можетъ быть, онъ и построенъ переселенцами съ заднѣпровской *Иванъ-горы*. —

8) А вотъ еще городъ *Дерновый*, поминаемый 1146 года. Ты говоришь въ Изслѣдованіяхъ: «ясно, что это мѣсто было между Зарубомъ и Витичевымъ.» А для меня очевидно, что Дерновый отъ Заруба въ другой сторонѣ, въ Поросьѣ. Лѣтописецъ говоритъ объ Изяславѣ: «и перейди Днѣпръ у Заруба; и ту прислашася къ нему Чернїи Клобуци и все Поросье, и рекоша ему: ты нашъ князь, а Ольговичъ не хотимъ; а поѣди вборозѣ, а мы съ тобою! И пойдѣ Изяславъ къ *Дерновому*, и ту совокупшася вси Клобуци и Поршане.» Гдѣ жъ именно былъ городъ *Дерновый*? Тамъ, гдѣ и теперь онъ, на правомъ берегу Роси, подъ видомъ села *Деренковца*. Въ июль 1851 года, я ѣздилъ за Днѣпръ, въ Богуславъ и Корсунь, чтобы тамъ видѣть полное затмѣніе солнца и полюбоваться игрою Роси по скаламъ и камнямъ. Изъ Корсуни я проѣхалъ въ *Гарбузинскій Овучіевскій* монастырь, а оттуда въ *Деренковецъ*, съ котораго начинается заднѣпровское помѣстье князя М. С. Воронцова, и отъ котораго Рось поворачиваетъ уже къ Днѣпру. Возлѣ Деренковца, въ одной сторонѣ гора *Царева* и *Опришкова*, а въ другой *Деренова* гора: на ней и по нынѣ растетъ изобильно ягодный кустарникъ *деренъ* (*Cornus mas*), по которому и названъ древній городъ *Дерновый*.

Въ 1192 году князь Рюрикъ, «Половецъ оларивъ дары многими, и водивъ и къ ротѣ, и отпусти ихъ восвояси; а Кунтувагъ остави у себе, и да ему *городъ на Роси Дверенъ*, Рускоѣ землѣ дѣля.» Вы принимаете этотъ *Дверенъ на Роси* за особый, вамъ неизвѣстный городъ; а по моему это тотъ же *Дерновый* или *Деренъ* городъ, съ такою жъ перемѣною въ имени, какъ *Желній* и *Желны* (или *Желди*), какъ *Писоченъ* и *Писки*. Именемъ деревъ назывались нерѣдко поселенія: *Старо-дубъ*, *Вишня*, *Береза*, *Ольхи*, *Дубовый-гай* подъ

Прилукою, въ которомъ нѣтъ уже ни одного дуба!), *Козацкал-дуброва* (за Ковотопомъ, въ которой нѣтъ уже ни одного козака!). А что вмѣсто *Деренъ* написано *Дверенъ*, то прибавочный звукъ въ именахъ городовъ такое верѣдкое явленіе, что объ немъ и говорить нечего. Припомни къ этому (въ моей «Бубновской сотнѣ»), что надднѣпровскій городокъ *Бубновъ*, въ «Книгѣ Большаго Чертежа» передѣлался въ *Дубковъ*; а суройскій городокъ *Гемлязовъ* — въ *Алмазовъ*. Пынь зовется *Глемязовымъ*.

9) Вотъ мы опять на Переяславской сторонѣ Днѣпра, на славномъ Супоѣ, въ городкѣ, вошедшемъ на Украину въ пословицу своими бубликами: «Чудный (говорятъ) якъ глемязовскій бубликъ!»

10) Ниже *Глемязова*, на живописной излучинѣ Супоя, возвышается *Ташань*, принадлежавшая намѣстнику Малороссіи графу П. А. Румянцову. Туль, въ замкѣ, построенномъ отъ царицы для героя *Задунайскаго*, и dokonчилъ онъ славный вѣкъ свой — «какъ вечеръ во зарѣ румяной». Давно ли, кажется? А замка того уже нѣтъ; стѣны его еще при жизни Сергѣя Петровича Румянцова послужили на фундаменты хлѣбныхъ магазиновъ ташавскихъ. — Ташань еще и въ исходѣ прошлаго столѣтія называлась *Городищемъ*. — Безъ сомнѣнія, это одинъ изъ древнихъ городовъ украинскихъ, который я назову *Городкомъ суройскимъ* (въ отличіе отъ остерскаго и подбѣвскаго). Отъ Переяслава до него верстъ 25. — Сюда-то къ *Супоеви* пришелъ Юрій въ 1149 году, и отсюда подвигался медленно къ Переяславу на Изяслава, — черезъ рѣчку *Стрлковъ* и сельцо *Кудьново*. — Черезъ этотъ же *Городокъ*, я полагаю, въ 1159 году бѣжала княгиня (имярекъ) изъ Переяслава въ Гомій, къ своему Изяславу, туда же ушедшему. — Сельцо *Кудьново* теперь неизвѣстно; не слышно тамъ и урочища этого имени; я думаю, что это село не иное что, какъ нынѣшняя *Строкова*, принявшая имя своей исторической рѣчонки, уже изсякшей (подобно тому, какъ *Бѣлополье* зовется въ народѣ *Крыгою*, по имени своей рѣчки). А сельцо *Янцино*, за которымъ стоялъ Юрій, придвинувшись къ Переяславу, — существуетъ и пынь, называясь *Яненками Малыми* (въ отличіе отъ *Янеокъ Пологовскихъ*). Сельцо *Янцино*, безъ сомнѣнія, принадлежало знаменитой княгинѣ *Янкѣ*, и потому его смѣло можно относить ко второй половинѣ XI вѣка.

М. МАКСИМОВИЧЪ.

22 ноября 1853 г.

Михайлова Гора.

РОДИНА ГОГОЛЯ.

.... Я выѣхалъ съ нимъ изъ Москвы 13 июня, 1850 года.... разстался въ Глуховѣ 25 июня, давъ обѣщаніе быть у него въ августѣ. Я не спросилъ, гдѣ его Васильевка, въ полной увѣренности, что она должна быть возлѣ *Миргорода*.

Къ Спасову, дню отправился я на храмъ въ *Мгарскій* Лубенскій монастырь, и провелъ тамъ два пріятныхъ дня. Ознакомясь подробно съ монастыремъ, — основаннымъ Исаіей Копинскимъ въ концѣ 1622 года, — я былъ 8 августа въ Лубнахъ. При выѣздѣ изъ города черезъ Сулу, я нашелъ наковецъ памятную въ исторіи *Солоницу*. Это слобода за селомъ Засульемъ, окруженная солонцами; но тамъ вѣтъ уже тѣхъ окоповъ, въ которыхъ отчаянно защищался я былъ взятъ гетманъ Наливайко.

Заночевалъ я на *Ромодань*, т.-е. на дорогѣ изъ Лохвицы въ Кременчугъ, проторенной въ 17 вѣкѣ княземъ Ромодановскимъ. Восходъ солнца встрѣтилъ я въ *Кибинцахъ*, у церкви, въ которой погребенъ знаменитый владѣлецъ этого села *Трошинскій*. Здѣсь часто бывалъ въ дѣтскіе годы Гоголь, по родству съ Трошинскими. Въ *Миргородѣ* остановился я покормить лошадей и выпить чаю; но я не могъ здѣсь дознаться, гдѣ Васильевка, даже и по картѣ Миргородскаго уѣзда, вистѣвшей въ окружномъ правленіи. Причиной тому было, что Васильевка зовется въ народѣ *Яновищиною*, и что она Платавскаго, а не Миргородскаго уѣзда.

Какъ любителю старины, мнѣ нечего было дѣлать въ бѣдномъ, недавно еще погорѣвшемъ *Миръ-городкѣ* (такъ овъ написанъ въ Книгѣ Большаго Чертежа). Хотя и считался овъ однимъ изъ старшихъ полковыхъ городовъ украинскихъ, и славетъ былъ своими полковниками; но резиденція Миргородскаго полка находилась долго въ *Сорочищахъ*, на рѣкѣ Пслѣ. Туда и поспѣшилъ я, съ вязкою миргородскихъ бубликовъ, для Гоголя, и пріѣхалъ въ полдень невыносимо знойный.

Прежде всего я пошелъ взглянуть на домъ, въ которомъ жилъ памятный на Украинѣ дѣлбникъ *Трофимовскій*. Пріятная хозяйка дома рассказала мнѣ о покойномъ свекрѣ своемъ, передъ его портретомъ. Отъ нея же узналъ я, что Сорочинцы — родина Гоголя, что овъ и самъ пріѣхалъ сюда изъ Обуховки. — Это извѣстіе и нежданная встрѣча съ Гоголемъ на мѣстѣ его рожденія, весьма обрадовали меня; и мы весело провели этотъ день вмѣстѣ, у А. И. Давилевскаго. —

Мѣсто Сорочинцы до 1782 года было сотеннымъ городомъ Мир-

городскаго полка. Встарину оно звалось *Красно-полемь*; въ гетманство Хмельницкаго краснопольскимъ сотникомъ былъ *Муза*. Но за гетмана Многогрѣшнаго, когда сотникомъ здѣсь былъ *Борисенко*, Краснопольская сотня называлась уже *Сорочинскою*. Къ ней принадлежали: десять селъ: знаменитая *Обуховка* Капнистова, *Малая Обуховка*, *Савинцы*, *Опанасовка*, *Олферовка*, *Семеренька*, *Матяшовка*, *Портянки*, *Перевозцы* и *Барановка*, да 70 хуторовъ.

Цвѣтущее состояніе города настало при *Даниль Павловичъ Апостолъ*, бывшемъ 45 лѣтъ миргородскимъ полковникомъ, и съ небольшимъ 6 лѣтъ гетманомъ. Памятникомъ его гетманства осталась въ Сорочинцахъ сооруженная имъ красивая каменная церковь, во имя Преображенія, съ двумя придѣлами. Тутъ и погребенъ предпоследній малороссійскій гетманъ, 28 января 1734 года, въ склепу подъ амвономъ. На прзвой стѣнѣ виситъ изображеніе герба его съ надписью: «за труды и отечество.» Въ алтарѣ видѣлъ я напрестольный крестъ съ тѣмъ же гербомъ, и Евангеліе (московской печати 1735 г.) съ окладными изображениями *Данила* и *Уліани*. Въ этой церкви погребенъ еще генералъ-маіоръ *Георгій Лесли*.

Въ первую четверть вышшняго столѣтія, искусство и слава Михаила Яковлевича Трофимовскаго привлекали въ Сорочинцы недужныхъ всей Малороссіи. Въ началѣ 1810 года пріѣхала къ нему Марья Васильевна Гоголева, опасаясь трудныхъ родовъ. Ободря больную, Трофимовскій говорилъ, что у нея скоро будетъ «славный сыночекъ»: и она дала обѣщаніе, если родится сынъ, назвать его во имя *Никола Диканьскаго*. Квартира ея была въ домикъ генеральши Дмитріевой, въ которомъ и родился 19-го марта *Николай Васильевичъ Гоголь*. Восприемниками его были молодой Трофимовскій *Михайло Михайловичъ*, и Дмитріева. Домикъ тотъ недавно разобранъ новой владѣлицей, по незнанію, что въ немъ родился Гоголь.

Мы прѣехали черезъ Псѣль и ѣхали въ Васильевку ночью, при свѣтѣ полнаго мѣсяца. Наслажденіемъ для меня было промчатъя вмѣстѣ съ Гоголемъ по степямъ, лелѣявшимъ его съ дѣтства. И никогда я не видалъ его такимъ одушевленнымъ, какъ въ эту *Украинскую ночь*...

Съ грустью вспоминаю теперь и эту ночь, и день моей послѣдней встрѣчи съ Гоголемъ на его родинѣ.

«Степь широкій, всюды видно, много не бачу.»

М. МАКСИМОВИЧЪ.

24 ноября, 1853 г.

Михайлова Гора.

О ПОРТРЕТАХЪ ПУШКИНА.

(М. П. Погдину).

Въ отвѣтъ на призывъ Москвитнина (N 44) о доставленіи свѣдѣній о портретахъ русскихъ писателей, на первый разъ сообщаю извѣстіе о портретахъ А. С. Пушкина. Имѣя собраніе русскихъ портретовъ, гравированныхъ и литографированныхъ, могу только говорить о *печатныхъ*. Чтò касается до писанныхъ, то знаю только, что съ Пушкина писали *Тропининъ* (*) въ 1827 году и *Кипренскій*.

Исчислю изданныя изображенія Пушкина, которыя имѣю, или видѣлъ.

1. Голова, въ профиль, Пушкина молодого. Гравюра съ этого рисунка, сдѣланная *г. Гейтманомъ*, приложена была при первомъ изданіи *Кавказскаго Паллника*, а впоследствии при 4 N Художественной Газеты 1837 года.

2. Съ картины Кипренскаго сдѣлалъ гравюру академикъ Уткинъ, и, по увѣренію нѣкоторыхъ лицъ, знавшихъ Пушкина, вѣрнѣе, чѣмъ живописецъ, передалъ выраженіе глазъ поэта. Гравюра эта была приложена при альманахѣ *Сѣверные Цвѣты* за 1828 годъ, и также при 2-мъ изданіи *Руслана и Людмилы*. Впоследствии она же помещена при 4-мъ томѣ сочиненій Пушкина, но съ другой доски, потому что она здѣсь не обрамлена, какъ въ прежнихъ изданіяхъ, и ввиду присоединенія снимокъ подписи Пушкина.

3. Гравюра *Райта (Wright)*, прекрасно исполненная, немного больше уткинской, съ того же оригинала. Еще недавно было нѣсколько экземпляровъ этой гравюры въ петербургскомъ магазинѣ художественныхъ произведеній Прево.

4. Англійская гравюра съ того же портрета Кипренскаго была приложена при 4-мъ томѣ *Ста русскихъ литераторовъ*, изд. Смирдинымъ.

5—8. Съ того же оригинала, или, вѣроятнѣе, съ гравюръ и копій было издано нѣсколько литографій въ Москвѣ, въ 1837 году, по случаю кончины Пушкина. Всѣ онѣ довольно грубы. Одна, въ большомъ форматѣ, болѣе обыкновеннаго полулиста, литографирована *Л. Львовымъ*, печатана у *Чишкова*. Другая, меньше, «въ литографіи Ливдрота», съ факсимиле, помещеннымъ съ боку, гдѣ обыкновенно подписывается рисовальщикъ, или литографъ. Третья рисована на камнѣ *Клиндеромъ*, и издана въ величину уткинской гравюры, съ подписью: *Погасъ огонь на алтарь*. Наконецъ есть и политипажъ съ того же портрета въ *Живописномъ Обзорѣннѣ*, т. 3 (1837, N 40), стр. 80.

(*) Портретъ, имъ писан., находится теперь у кн. М. А. Оболенскаго, въ Москвѣ.

9. Въ изданіи: *Портретная и біографическая галлерей словесности, наукъ и художествъ въ Россіи* (6 выпускъ. Спб. 1844, въ 4-ку), въ 1-мъ выпускъ, при біографіи Пушкина помѣщенъ его литографированный портретъ, также сходный съ уткинскою гравюрою. На оберткѣ этого изданія сказано, что въ немъ портреты Соколова; на самомъ же портретѣ подписи: 1) *Рис. на кам. Шертле.* 2) *Лит. К. Полн въ С.-Петербургу.*

10. Литографія въ большомъ видѣ въ изданіи Гиппиуса, вышедшемъ выпусками подъ общимъ заглавіемъ: *Les contemporains, suite de portraits lithographiés, d'hommes d'état, d'écrivains, d'hommes de lettres et d'artiste, vivant de nos jours en Russie. Ouvrage dédié a Sa Majesté Impériale Alexandre I, par Hippius. 1822. St. Petersbourg. Lithographie de Helmersen.* — Вышло 45 портретовъ на большихъ желтыхъ листахъ; Пушкинъ подъ № 39-мъ. Хотя рассказываютъ, что Гиппиусъ рисовалъ свои портреты съ натуры, прямо на камнѣ, но кажется Пушкинъ рисовалъ съ Кипренскаго.

11 и 12. Голова Пушкина-покойника, на подушкѣ (въ профиль); небольшая литографія, дурно сдѣланная, безъ всякой подписи. — Въ богатомъ собраніи русскихъ портретовъ П. С. Шишкина въ С.-Петербургѣ видѣлъ я подобную литографію, изображающую Пушкина въ гробу; но она большаго формата и лучше исполнена съ рисунка академика *Бруни*, котораго имя впрочемъ не выставлено на литографіи.

13. При литературной газетѣ, издаваемой г. Кони, былъ приложенъ литографированный снимокъ съ маски Пушкина, съ подписью: *Пушкинъ. Рисовано съ маски Элеонорою Жуковской.*

14 и 15. *Гилдичъ, Жуковский, Пушкинъ и Крыловъ*, литографія съ рис. *Чернецова*, издалъ *Превю*. Всѣ четверо писателей нарисованы въ ростъ, и Пушкинъ спереди (en face). Въ московскихъ уличныхъ выставкахъ лубочныхъ картинъ, подъ воротами и на лоткахъ, продавались поддѣлки этой литографіи, печатанныя въ Москвѣ, въ 1839 г., въ лит. Чишкова. Есть экземпляры раскрашенные, или, лучше сказать, размалеванные, и на нихъ Пушкинъ является въ лиловомъ фракѣ, красномъ жилетѣ и т. п., и даже воротнички его рубашки украшены.

16. Въ Невскомъ Альманахъ 1829 года при отрывкахъ изъ *Опъги* на были приложены гравированныя виньетки. На первой изъ нихъ Пушкинъ изображенъ стоящимъ на набережной Невы, вмѣстѣ съ *Овъгивымъ*. У С. А. Соболевскаго хранится набросокъ карандашемъ этого рисунка, сдѣланный самимъ Пушкинымъ, и съ его краткими изъясненіями художнику.

Г. ГЕННАДИ.

ОХОТА СЪ ЯСТРЕВОМЪ ЗА ПЕРЕЦЕЛКАМИ.

« Будите охочи, забавляйтесь , утѣшайтесь сею доброю
 « потѣхою, зѣло потѣшно и угодно и весело , да не одо-
 « лѣютъ васъ кручины и печали всякія. Избирайте дни,
 « ѣздите часто, напускайте, добывайте, не лѣниво и без-
 « скучно , да не забудутъ птицы премудрую и красную
 « свою добычу. »

« О славные мои совѣтники и достовѣрные и премудрые
 « охотники ! Радуйтесь и веселитесь , утѣшайтесь и ва-
 « слаждайтесь сердцами своими, добрымъ и веселымъ снѣгъ
 « утѣшеніемъ въ предыдущія лѣта ! »

(Древ. Росс. Виліюевка, ч. III,
 книга Урядникъ Сокольниковъ Пути.)

Хотя содержаніе сей статьи положительно объясняется ея названіемъ; но я хочу предварительно сказать нѣсколько словъ о ястребахъ вообще. Всѣ хищныя птицы, высшаго, средняго и даже низшаго разряда, могутъ быть раздѣлены на двѣ породы: соколиную и ястребинную. Принадлежащія къ первой, ловятъ свою добычу, устремляясь, *падая* на нее съ высоты, для чего имъ необходимо подняться на известную мѣру вверхъ. Принадлежащія же къ породѣ ястребиной, напротивъ, ловятъ свою добычу *въ угонъ*, т.-е. находясь въ ней въ одинаковомъ горизонтальномъ положеніи, гонятся за ней, и, по рѣзвости своего полета, договяютъ. У насъ рѣчь идетъ о послѣднихъ. Ястреба раздѣляются, по ихъ величинѣ, на три рода. Самые большіе, достигающіе величинны крупной индѣйки, называются *гусятниками*, потому что *берутъ*, то-есть ловятъ дикихъ гусей. Такими ястребами, попадающимися довольно рѣдко, можно травить зайцевъ и даже лисицъ. Я имѣлъ одного такого ястреба уже двухъ осеней, котораго, какъ ликовинку, привезъ моему отцу одинъ Башкирецъ. Онъ рассказывалъ, что затравилъ имъ двухъ лисъ, чему очень можно было повѣрить, судя по силѣ и жадности птицы. Я прошу позволенія у читателей рассказать судьбу этого ястреба: онъ былъ чисторыбый, т.-е. свѣтлосѣрный, и такъ тяжелъ, что и сильный человекъ не могъ его долго носить на рукъ. Башкирцы охотятся съ такими ястребами, а чаще съ беркутами, всегда верхомъ, и возягъ ихъ на палкѣ, которая придѣлывается къ сѣдельной лукъ. По несчастію, этотъ рѣдкій ястребъ жилъ у насъ очень недолго. Мы затравили имъ только двухъ бѣляковъ, которыхъ сошли по первой октябрьской порошѣ, и для опыта затравили русскаго гуся, привыкшаго

хорошо летать. Вотъ какъ было это сдѣлано : стая дворовыхъ гусей повадилась ежедневно ходить пѣшкомъ на господское гумно , стоявшее на довольно высокой горѣ; накушавшись досыта и находя неудобнымъ и затруднительнымъ сходить внизъ съ крутой горы съ полными зобами, которые и на ровномъ мѣстѣ перетягиваютъ ихъ впередъ , — гуси обыкновенно слетали съ горы и опускались прямо на житный дворъ. Въ урочное время, я поставилъ охотника съ ястребомъ за хлѣбною кладью, у самаго того мѣста, гдѣ гуси должвы были слетать съ горы, а самъ зашелъ сзади и погналъ гусей, которые, ковыляя и падая, дошли до спуска съ горы и поднялись; ястребъ бросился, сваливъ одного гуся и, къ общему нашему удовольствію, сланилъ съ нимъ безъ всякаго труда. Мы не дали ястреба въ обиду другимъ гусямъ (безъ чего они бы забили его крыльями) и накормили на добычѣ до отвала. Не смотря на то, что эта славная хищная птица жила у насъ только двѣ недѣли, съ ней случилось диковинное приключеніе : была у насъ лѣтняя кухня на острову, въ которой давно уже перестали готовить ; въ эту кухню, на толстой колодкѣ, стоявшей по серединѣ кирпичнаго пола, сажали на ночь большаго ястреба. Охотникъ, которому былъ онъ отданъ на руки, приходитъ однажды поутру, и видитъ, что ястребъ, привязанный должникомъ къ колодкѣ, стащилъ ее съ мѣста, сидитъ распутивъ крылья въ углу, и держитъ въ когтяхъ огромную сову, еще живую; испугавшись, не испортила ли она ястреба, охотникъ прибѣжалъ сказать объ этомъ мѣ; мы съ отцомъ пришли немедленно и пашли ястреба въ томъ же положеніи. Съ большимъ трудомъ вынули изъ его когтей очень большую, почти бѣлую сову, которая тутъ же издохла; на ястребѣ никакихъ знаковъ поврежденія не оказалось. Еслибъ я не самъ видѣлъ этотъ диковинный случай — я бы не вдругъ ему повѣрилъ: кухня была заперта; кромѣ трубы, которая оказалась не закрытою, другаго отверстія въ кухню не было ; должно предположить, что сова попала въ кухню черезъ трубу для дровки, и что она залетѣла недавно, на самомъ разсвѣтѣ ; но какъ поймалъ ее ястребъ, привязанный на двухъаршинномъ должникѣ — придумать трудно; во всякомъ случаѣ жадность, злобность и сила ястреба удивительны. Я даже былъ увѣренъ, что никакой ястребъ не кинется и не возьметъ совы, особенно большой, потому что она сама вооружена длинными острыми когтями. Охотники наши думали, что сова сама напала на ястреба; но такое предположеніе невѣроятно. Черезъ нѣсколько дней послѣ приключенія съ совой, наступила оттепель, свѣгъ совершенно сошелъ, сдѣлался отличный узеркъ, и я послалъ охотника съ

ястребомъ верхомъ поискать въ наѣздку русаковъ, которые тогда совершенно выцвѣли; а самъ потхалъ стрѣлять тетеревовъ. Охотникъ, повѣдивъ нѣсколько времени по горамъ и полямъ, и не найдя нигдѣ зайцевъ, сдѣлалъ соображеніе, что они всѣ лежатъ въ лѣсу; а какъ на бѣду онъ взялъ съ собой ружье, то, подѣхавъ къ лѣсу, привязалъ въ опушкѣ лошадь къ дереву, посадилъ ястреба на толстый сучекъ, должникъ привязалъ къ сѣдлу, а самъ отправился стрѣлять въ лѣсъ зайцевъ. Очевидно, что все это было сдѣлано крайне глупо, и вотъ какія вышли послѣдствія: лошадь вѣроятно чего-нибудь испугалась, оторвала поводъ, стащила ястреба съ сучка и ускакала: только къ вечеру воротилась она домой. Несчастный ястребъ былъ еще живъ, но съ вытянутыми и вывихнутыми ногами: черезъ сутки онъ издохъ.... Такъ жалостно и совершенно даромъ погибла эта рѣдкая хищная птица. Я видѣлъ потомъ еще двухъ ястребовъ гусятниковъ: оба были меньше моего и гораздо темнѣе перомъ.

Второго рода ястреба (влвоє менѣе первыхъ) называются *утятниками*, потому что ими обыкновенно травить утокъ. Надобно сказать правду, что охота съ большими ястребами, гусятниками и утятниками, охота пустая и мало добычливая, особенно съ послѣдними. Для травли ястребами необходимо условіе, чтобы птица поднималась близко, иначе они не могутъ ее догнать; утки же всегда сидятъ на водѣ или на берегу воды, въ которую сейчасъ могутъ броситься, а ястреба никакой плавающей птицы на водѣ не берутъ и брать не могутъ. И такъ травля утокъ производится по маленькимъ рѣчкамъ или ручьямъ и озерамъ, предпочтительно находящимся въ высокихъ берегахъ, для того чтобъ охотникъ могъ подойти очень близко къ уткѣ, не будучи ею примѣченъ, и для того, чтобъ летъ ея продолжался не надъ водою; если же ястребъ схватитъ утку и она упадетъ съ нимъ въ воду, то рѣдко можно найти такого жаднаго ястреба, который не бросилъ бы своей добычи: ибо всѣ хищныя птицы не любятъ и боятся мочить свои перья, особенно въ крыльяхъ, и вымочивши какъ-нибудь нечаянно, сейчасъ распускаютъ ихъ какъ полузонтикъ и сидятъ въ укромномъ мѣстѣ, пока не высушатъ совершенно. Очевидно, что травля утокъ безъ особенной мѣстности не возможна. Иногда травятъ утятниками молодыхъ тетеревовъ, но для того необходимо, чтобы выводка находилась въ чистомъ полѣ; травить же въ рѣдколѣсѣ неудобно, потому что ястребъ можетъ убится объ дерево, чего онъ самъ по инстинкту такъ боится, что бросившись за тетеревенкомъ и увидя передъ собой даже рѣдкія деревья, сейчасъ возьметъ къ верху или возьметъ въ сто-

рону. Притомъ поматерѣвшій, помѣшавшійся молодой тетеревъ летитъ очень проворно, и ястребъ догонитъ его только въ такомъ случаѣ, если онъ подвигнется очень близко. Изъ всего сказаннаго мною слѣдуетъ, что травля утокъ и тетеревовъ не можетъ быть добычлива. Совсѣмъ другое представляеть охота за перепелками съ мелкими ястребами третьяго разряда, которые и называются *перепелятниками*: объ нихъ и объ охотѣ съ ними поговорю я подробно.

Я уже сказалъ, что ястреба гусятники большая рѣдкость, такъ что немногимъ охотникамъ удавалось видѣть ихъ на волѣ; утятники попадаютъ чаще, а перепелятниковъ деревенскіе жители видятъ по нѣскольку разъ въ день, или по крайней мѣрѣ замѣчаютъ эффектъ, производимый появленіемъ или присутствіемъ ястреба перепелятника, котораго часто глазами и не увидишь. Эффектъ состоитъ въ томъ, что вся дворовая и около дворовъ живущая птица, закричитъ всполошнымъ крикомъ и бросится, или прятаться, или преслѣдовать воздушнаго пирата: куры поднимутъ кудахтанья, цыплята съ жалобнымъ пискомъ побѣгутъ скрыться подъ распушенные крылья матерей—насъдокъ, воробьи зачирикаютъ особеннымъ образомъ, и какъ безумные попрячутся куда ни попало, — и я часто видѣлъ, какъ дерево, задрожавъ и зашумѣвъ листьями, будто отъ внезапнаго крупнаго дождя, мгновенно прятало въ свои вѣтви цѣлую стаю воробьевъ; съ тревожнымъ, пронзительнымъ крикомъ, а не щебетаньемъ, начнутъ черкать ласточки по соколиному, налетая на какое-нибудь одно мѣсто; защекочуть сороки, закаркаютъ вороны и потянутся въ ту же сторону, — однимъ словомъ: поднимется общая тревога; и это навѣрное значить, что пробѣжалъ ястребъ и спрятался гдѣ-нибудь подъ повѣтью, въ овинѣ, или сѣлъ въ чащу зеленыхъ вѣтвей ближайшаго дерева. Иногда такъ и не увидишь ястреба. Онъ переждетъ тревогу, весьма ему невыгодную, потому что она предупреждаетъ о немъ тѣхъ птицъ, которыя могли бы сдѣлаться его добычей; да вѣроятно надѣдаетъ и пугаетъ его весь этотъ пискъ, крикъ, шумъ и преслѣдованье, — переждетъ и улетитъ! Но я всегда любилъ такія явленія общей суматохи, всегда стерегъ вылетъ ястреба изъ его убѣжища, и часто видалъ, какъ онъ, то быстро махая крыльями, то тихо плывя, промелькнетъ и скроется въ кустахъ уремы или въ ближайшемъ лѣсу.

Все, что я стану говорить о наружномъ видѣ ястребовъ перепелятниковъ, объ ихъ выкармливаньи, вынашиваньи и проч., совершенно прилагается и къ двумъ первымъ родамъ. Перепелятники, перомъ свѣтлосѣрые, называются *шапорльбыми*; они близаютъ по свѣтлѣ и по-

темнѣе. Оренбургскіе охотники приписываютъ это различіе въ перѣ (т.-е. въ цвѣтѣ ястребиной *крыши*) вліянію деревъ , на которыхъ они вывелись, и потому свѣтлыхъ называютъ *березовиками*, а темныхъ — *дубовиками*. Ястреба коричнево-пестрые называются *краснозябыми*: ихъ гнѣзда всегда находятся на ольхахъ, а потому ихъ зовутъ *ольшняками*. Надобно замѣтить, что они мельче другихъ ястребинныхъ породъ. Хотя странно приписывать цвѣтъ перьевъ птицы тому дереву, на которомъ она вывелась , и хотя я всегда плохо этому вѣрилъ , но я долженъ сознаться, что нѣсколько опытовъ, сдѣланныхъ мною самимъ, подтверждаютъ мнѣніе охотниковъ. Самка перепелятника, (какъ у всѣхъ хищныхъ птицъ), гораздо больше и сильнѣе *чеглика*, т.-е. самца, который для травли не употребляется по своей малосильности и истомчивости. Я пробовалъ воспитывать и вывашивать перепелятниковъ чегликовъ: они въ выноскѣ гораздо понятнѣе и повадивнѣе самокъ. Я травилъ ими воробьевъ и всякихъ мелкихъ птичекъ, даже перепелокъ; но чегликъ перепелятникъ такъ слабосиленъ, что легкую перепелку не *угонитъ*, а съ сытой старой едва сладитъ и нерѣдко выпускаетъ ее изъ когтей; поршковъ перепелиныхъ ловить хорошо и то не по многу. Поймавъ штукъ 5—6, онъ уже и ихъ не догоняетъ , и даже не летитъ съ руки, на которую присядетъ, если очень усталъ. Чегликовъ-утигниковъ употребляютъ иногда для травли перепелокъ ; но это имѣетъ свои неудобства: для перепелки онъ слишкомъ силенъ, и поймавъ ее, не вдругъ опускается на землю. Въ книгѣ: «Урядникъ Сокольника Пути» Царя Алексѣя Михайловича, которую всякой охотникъ долженъ читать съ умиленьемъ , между прочимъ сказано : «Добровидна же и кощова добыча и летъ. По сихъ доброутѣшна и привѣтлива правленыхъ (т.-е. выношенныхъ) ястребовъ и челиговъ (т.-е. чегликовъ; иногда называются они тамъ же «чоглоками») ястребинныхъ ловля ; къ водамъ рыщеніе , ко птицамъ же доступаніе. Изъ сихъ непогихъ строкъ слѣдуетъ заключить : 1) , что кощовъ вынашивали, и что ими травили, чего я и другіе мнѣ извѣстные охотники никакъ добиться не могли, и признали ихъ къ ловлѣ неспособными. 2) Что *ястребы челиги*, т. е. ястребиные чеглики , употреблялись для охоты точно также, какъ и самки, но должно думать, что это были ястреба большіе, а не перепелятники. Последнее доказывается словами «къ водамъ рыщеніе», а равно и тѣмъ , что перепелокъ никогда около Москвы , въ достаточномъ числѣ для охоты, не бывало, да и быть не могло. Слѣственно рѣчь идетъ о травлѣ утокъ, вѣроятно, мелкихъ чирковъ , къ чему чеглики-утигники могутъ быть пригодны.

Ястреба вьют или кладут свои гнѣзда въ лѣсу изъ мелкихъ прутиковъ, на толстыхъ деревьяхъ, всегда на одномъ изъ главныхъ сучковъ и близъ самага древеснаго ствола; самки кладутъ по четыре, а чаще по три яйца; во всякой выводкѣ есть одинъ чегликъ. Охотники заранѣе осматриваютъ лѣса, особенно тѣ мѣста, гдѣ выводились прежде ястреба, и по разнымъ признакамъ знаютъ навѣрное, гдѣ именно находится гнѣздо; но близко къ нему, до вывода молодыхъ, не подходятъ, потому что самка броситъ яйца. Время выемки ястребовъ изъ гнѣздъ зависитъ отъ охотника; кто изъ нихъ не скучаетъ уходомъ за маленькими ястребятами, для корма которыхъ пушно мясо мелко рубить, тотъ вынимаетъ молодыхъ въ пушку; такіе ястребята ручнѣе и вынашивать ихъ легче; но многіе охотники утверждаютъ, что они бываютъ тупѣе, т.е. не такъ жадны, рѣзвы и сильны, какъ ястребята оперившіеся, которыхъ ловить уже приходится силомъ на длинной лутошѣ, потому что, когда человекъ влѣзетъ на дерево — они прыгаются по сучьямъ. Хотя я выкармливалъ ястребятъ разныхъ возрастовъ, но какъ это случалось въ разные годы, то я какъ-то не замѣчалъ разницы въ ихъ качествахъ, но что касается до *слетковъ*, т.е. до молодыхъ ястребовъ, слетѣвшихъ съ гнѣздъ, заловившихъ на волѣ и пойманныхъ потомъ въ *кутню* (*), то я утвердительно могу сказать, что они гораздо лучше гнѣздарей, но за то и вынашивать ихъ гораздо труднѣе. Вынутыхъ ястребятъ сажаютъ въ просторную клетку изъ прутиковъ или изъ сѣтки, а если они очень малы, то сначала кладутъ въ круглое лукошко, въ которомъ они, какъ въ гнѣздѣ, стапуть сидѣть смирно, плотно прижавшись другъ къ другу; даже кормятъ ихъ изъ рукъ рубленнымъ свѣжимъ мясомъ какихъ-нибудь птицъ: голуби и воробьи считаются самою здоровою пищею, которою можно скоро поправить слишкомъ исхудавшихъ ястребовъ, *натѣлить*, говори по-охотничьи. Впрочемъ можно давать баранину, говядину, телятину и зайчатину, если она случится. Когда ястребята подрастутъ, то дается каждому, чтобы они не дрались между собою, по особому куску

(*) Кутню называется длинная клетка изъ сѣтки, разгороженная на 3 отдѣленія или клетки же: въ средней сидятъ живые воробьи для приманки, а двѣ боковыя имѣютъ спускныя дверцы также изъ сѣтки, которыя поднимаются и востораживаются какъ въ чепкахъ. Молодой ястребъ (слетокъ), увидавъ воробьевъ, бросается къ нимъ черезъ которую-нибудь боковую клетку, тронетъ сторожекъ, дверца опустится, и ястребъ пойманъ. Иногда попадаютъ и старье ястреба, но очень рѣдко.

мяса, всегда одинъ разъ въ сутки, и, если это мясо будетъ птичье, то непременно — съ перьями и костями. Изобильный кормъ, особенно парнымъ мясомъ только что убитой птицы, самое вѣрное средство выпустить хорошихъ ястребовъ: они будутъ *родны* (велики), сильны, выведутъ перья ровно, отъ чего летаютъ рѣзвѣе и поспѣваютъ ранѣе къ охотѣ. Я знавалъ такихъ охотниковъ, у которыхъ ястреба не только получали кормъ не акуратно, не своевременно, но два по два иногда постились. У такихъ ястребовъ всегда бываютъ на стволахъ хвостовыхъ перьевъ пережабины бѣловатаго цвѣта, и самыя перья какъ будто помяты, надломлены и взерошены. Эти знаки называются *заморами*. Если ихъ много — ястребъ тупъ на лету. Въ клеткѣ надобно сдѣлать нашестви или поставить колодки для ночевки и отдѣльнаго сидѣнья ястребятъ послѣ корма: последнее нужно для того, чтобы они какъ-нибудь не подрались между собою и не помяли полныхъ пищею зобовъ, что бываетъ для нихъ иногда даже смертельно. Зобъ просиживается часовъ въ восемь, т.-е. пища разлагается и спускается изъ зоба въ кишки, послѣ чего скидывается ястребами, такъ называемая, *погадка*, которая есть ни что иное, какъ перышки, косточки и жилки, все неудобосваримое изъ проглоченнаго мяса, свернувшееся въ продолговатый, овальный сверточекъ, извергаемый ежедневно хищными птицами ртомъ; когда ястребъ *скинулъ погадку*, можно идти съ нимъ въ поле на охоту: до совершенія же этой операціи, даже вольныя хищныя птицы, какъ утверждаютъ охотники, ничего не ловятъ и не ѣдятъ. Нужно также, чтобы въ клеткѣ постоянно стояло корытцо съ водой, ежедневно перемѣняемой; въ жары ястреба часто пьютъ и купаются, что способствуетъ ихъ здоровью, чистотѣ и скорой переборкѣ перьевъ. Хотя въ гнѣздѣ и на сучьяхъ выводнаго дерева нечего имъ пить и негдѣ купаться, но слетѣвшіе съ гнѣздъ и старые ястреба любятъ и то и другое во время лѣтнаго зноя.

Наконецъ пришло время, обыкновенно въ половинѣ или исходѣ іюля, *поднимать* и *вынашивать* ястребовъ. Вечеромъ, когда довольно смеркнется, охотникъ осторожно влѣзаетъ въ клетку и бережно беретъ, вдругъ обѣими руками, спящаго ястреба, который спитъ всегда, поджавъ одну ногу со сжатыми въ кулачекъ пальцами, а голову завернувъ подъ крыло. При поимкѣ не спящаго ястреба двемъ, непременно были бы помяты его перья и самъ бы онъ напугался. Охотникъ вытягиваетъ ему ноги, складываетъ ровно крылья, выправляетъ хвостовыя перья, и, оставя на свободѣ одну голову, спеленываетъ его въ платокъ, нарочно для того сшитый въ двое, съ отверстіемъ для головы, плотно

обвиваетъ краями платка и завязываетъ слегка свуркомъ или тесемкой; въ такомъ положеніи носить онъ на ладони спеленнаго гнѣздара, по крайней мѣрѣ часа два, и непрестанно тамъ, гдѣ много толпится народа; потомъ развязавъ сзади пеленку, надѣваетъ ему на ноги *нагавки* съ *опутинками*, которыя привязываются обыкновенною петлею къ *должнику* (*), наглухо прикрѣпленному къ кожаной рукавицѣ или перчаткѣ съ правой руки, на которой всегда будетъ сидѣть выученный ястребъ. Въ это же время прикрѣпляютъ къ ястребу бубенчикъ, въ чемъ хотя нѣтъ необходимости, но что на охотѣ бываетъ очень полезно. Дутый мѣдный бубенчикъ, величиною въ крупный русскій орѣхъ или нѣсколько побольше, но круглый, звонкій и легкій, пришипивается въ хвостъ, для чего надобно взять ястреба въ обѣ руки, а другому охотнику разобратъ бережно хвостъ на двѣ равныя половинки, и, отступя на вершокъ отъ рѣпицы, проколотъ одно изъ среднихъ хвостовыхъ перьевъ по срединѣ, обыкновенной мѣдной булавкой; на нее надѣтъ за ушко бубенчикъ, острый конецъ воткнуть въ другое среднее сосѣднее перо и вогнать булавку до самой головки; она будетъ такъ крѣпко держаться, что точно вроснетъ въ перо; иногда ушко бубенчика отломится, а булавка останется на всегда. Прежде охотники привязывали бубенчикъ къ ногѣ; но этотъ способъ несравненно хуже: бубенчикъ будетъ безпрестанно за что-нибудь задѣвать и какъ разъ сломается; когда же ястребъ съ

(*) *Нагавками* или *обносцами* называются суконныя или кожаныя, но подшитыя тоненькимъ суконцемъ, онучки, шириною въ большой палецъ, которыми обертываютъ просторно, въ одну-рять, ноги ястреба; на онучкахъ, т. е. нагавкахъ напшты *опутинки*, плетенныя тесемочки, волосъ въ 30, длиною четверти въ полторы; каждая опутинка нижнимъ концомъ своимъ продвѣвается въ петельку, пришитую къ нагавкѣ, затягивается и держится крѣпко и свободно на ногѣ. *Должникъ* — тонкій ремень или пожалуй суорокъ, аршина въ полтора длиною, наглухо пришитый къ охотничьей рукавицѣ; должникъ устроенъ довольно затѣйливымъ образомъ: другой конецъ его прикрѣпляется къ желѣзному прутыку, вершка въ $2\frac{1}{2}$ длиною; прутыкъ просовывается весьма свободно въ круглое отверстіе костяной дощечки, просверленной на срединѣ, (длинною вершка въ два, а шириною въ палецъ), и держится въ дощечкѣ на широкой шляпкѣ, какая бываетъ у большаго гвоздя; къ обоимъ концамъ косточки прикрѣплены своими концами ремешекъ (въ четверть длиною; вытянутый по срединѣ къверху, онъ составляетъ острый трехъугольникъ, которому основаніемъ служить дощечка; къ верхнему острому углу ремешкаго трехъугольника, привязываются

перепелкой следеть въ траву или въ хлѣвъ, то звука никакого не-будеть; а бубенчикъ въ хвостъ, какъ скоро ястребъ начнетъ щипать птицу, при всякомъ наклоненіи головы и тѣла станетъ звенѣть и даетъ о себѣ знать охотнику, въ чемъ и заключается вся цѣль. — Потомъ охотникъ идетъ въ самое темное мѣсто, въ какой-нибудь сарай или хлѣвъ, бережно снимаетъ всю пеленку и старается посадить ястреба на свою правую руку, защищенную отъ его когтей рукавичкой. Эта минута самая трудная; иногда долго нельзя усадить ястреба, и требуется много ловкости и сваровки, чтобы онъ, бившись и вися на опутинкахъ, не тронулъ, т.-е. не вытянулъ ногъ. отъ чего ястреба на всегда остаются слабыми. Иногда гнздарь, смиренный и привычный къ чело-вѣку, наскучившій принужденнымъ положеніемъ въ пеленкѣ и боящійся въ темнотѣ летать (къ чему онъ и не привыкъ въ клеткѣ) — съ разу садится на руку; разумѣется не то бываетъ съ слеткомъ, какъ ска-зано будетъ ниже. Какъ скоро ястребъ усядется на рукъ, то надобно стоять смирно и оставаться съ полчаса въ томъ же темномъ мѣстѣ; потомъ растворить двери, отъ чего сдѣлается свѣтлѣе и ястребъ не-премѣнно станетъ слетать съ руки; когда же онъ успокоится, охотникъ потихоньку выходитъ на вольный воздухъ и ходитъ съ своимъ уче-никомъ по мѣстамъ уединеннымъ и открытымъ. Передъ солнечнымъ восходомъ сонъ начнетъ одолевать ястреба, и онъ сдѣлается смиритѣ; тутъ можно поступать смѣлѣе: поглаживать его, поправлять крылья, которыя онъ цѣлые сутки держитъ въ распушенномъ положеніи (не

простою петлею обв опутинки: стодтъ дернуть за нихъ концм — петля размы-жется и ястребъ можетъ летѣть. — Само собою разумѣется, что охотничьи названія всѣхъ *уборовъ* хищныхъ птицъ могутъ называться различно въ раз-ныхъ мѣстахъ Россіи, и что уборы эти бываютъ роскошны и бѣды. Драгоцен-ная книга Царя Алексѣя Михайловича, глаголемая «Урядникъ: новое уложеніе и устройство чина сокольничья пути», показываетъ, какъ великолѣпно убирали соколовъ и кречетовъ: «и мало поворова, подсокольничій молитъ: *начальные, время наряду и часъ красоть*. И начальные смютъ со стола нарядъ: пер-вый, Парфентій, возметъ клубочекъ, по бархату черчатому шить серебромъ съ совкою нарядною; второй, Михей, возметъ колокольцъ серебряны позолочены; третій, Леонтій, возметъ обвасцы и должикъ (должикъ) ткаеме съ золотомъ золоченымъ. И уготоватъ весь нарядъ на рукахъ, подошедъ къ подсокольни-чему, начальные сокольнички наряжаютъ кречета.» Очевидно, что колокольцм (бубенчики) всякой разъ, когда нужно, привазывались къ ногамъ ловчихъ птицъ.

подбирает), и потягивать полегоньку за хвостъ, чтобы онъ крѣпче держался когтями за руку охотника и не дремалъ. Часовъ въ 7 утра, можно посадить ястреба на колодку въ безопасномъ мѣстѣ и дать ему отдохнуть часа два, а чтобы онъ не скоро заснулъ и не крѣпко спалъ, то надобно его раза три вспырынуть водою: ястребъ не заснетъ до тѣхъ покъ, пока не провлнутъ перья, которыя онъ безпрестанно будетъ прочищать и перебирать своимъ носомъ. Охотникъ также можетъ соснуть въ это время. Послѣ короткаго отдыха, котораго слеткамъ никогда въ первый день не даютъ, потому что они гораздо упрямѣе и крѣпче, надобно взять ястреба на руку и носить до вечера, выбирая мѣста, гдѣ меньше толкается народу: внезапное и быстрое появленіе новаго челоуѣка всегда пугаетъ и заставляетъ слетать съ руки молодыхъ ястребовъ; особенно не любятъ они, если кто-нибудь подойдетъ сзади. Вынашивая гнѣздаря, смирнаго и привычнаго къ челоуѣку, не нужно его слишкомъ вымаривать, а потому можно передъ вечеромъ дать ему соснуть еще часика полтора. Во вторую ночь продолжается та же исторія, какъ и въ первую; на другой день, если ястребъ уже привыкаетъ хорошо сидѣть на рукѣ и если онъ не очень сытъ, (т.-е. не жиреетъ), то можно къ вечеру предложить ему мясо. Хотя рѣдко, но случается, что на другой день вечеромъ, ястребъ гнѣздарь, который не ѣлъ уже полторы сутки, да и въ предъидущій день былъ кормленъ очень мало, — станетъ ѣсть, сидя на рукѣ у охотника: въ такомъ случаѣ можно его *подкормить*, т.-е., покормить не много, дать третью часть противъ обыкновеннаго. На третій день ястребъ сдѣлается гораздо смиренѣе: бессонница и голодъ отнимутъ у него ту врожденную звергію дикости, которую еще не совсѣмъ истребила клѣтка. Вечеромъ надобно его начать *вабить* и заставить *перейдти* на руку. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ: ястреба надобно на что-нибудь посадить, не отвязывая должника, потомъ взять кусокъ свѣжаго мяса, показать сначала издали и потомъ поднести ему подъ носъ, и когда онъ захочетъ схватить его клевомъ, то руку отвернуть хотя на четверть аршина, и кускомъ мяса (вабиломъ) (*) поматывать, а самому почмокивать и посвистывать, (что называется *вабить*, т.-е. звать, манить). Ястребъ сначала будетъ вытягивать шеею то на одну,

(*) Обыкновенно для вабила употребляется крыло какой-нибудь птицы (всего лучше голубиное), оторванное съ мясомъ: охотнику ловко держать въ рукѣ проторожу крыла, которое не должно быть ошипано.

то на другую сторону и наклоняться, чтобъ достать кормъ, но вида, что это невозможно, рѣшится перелетѣть или хотя перескочить съ своего мѣста на мнѣнящее его вабило въ рукъ охотника; этотъ маневръ надобно повторить до трехъ разъ, и всякой разъ вабить дальше, такъ чтобы въ третій — ястребъ перелетѣлъ на сажень; тутъ надо укормить его побольше, потомъ посадить часа на два въ уединенное мѣсто, и вообще накормленнаго ястреба носить очень бережно, наблюдая, чтобы онъ слетѣвъ съ руки, не ударился о что-нибудь и не помялъ зоба. На четвертый день ястребъ, начавъ съ сажени, перейдетъ на руку разстояніе въ десять и двадцать сажень: въ такомъ случаѣ слѣдуетъ покормить еще побольше, въ-полсыга. Охотникъ продолжаетъ послѣдующіе дни прежнюю выноску, и наконецъ въ 7-мъ или 8-мъ дней птица сдѣлается такъ смирна и ручна, что охотникъ, вабившій съ каждымъ днемъ все дальше и дальше, — въ положенный часъ кормленія, посадивъ ястреба на заборъ или на крышу, самъ уйдетъ изъ виду вонъ, и только свиснетъ особливимъ позывомъ, котораго звукъ трудно передать буквами, похожимъ нѣсколько на слогъ *пфу*, — какъ ястребъ сей-часъ приметитъ и явится на рукъ охотника. Впрочемъ, иногда даже и гнѣздаръ нѣсколько упрямый, не вдругъ привыкаетъ *сейчасъ* летѣть на свистъ и голосъ охотника, а сначала начнетъ оглядываться на право и на лѣво, какъ будто прислушиваясь, потомъ начнетъ кивать головой, вытягивать шею и присѣдаться, что почти всегда дѣлаетъ птица, когда собирается съ чего-нибудь слетѣть: вотъ, кажется, сію секунду полетитъ, совсѣмъ ужъ перевѣсилъя впередъ..... и вдругъ опять принимаетъ спокойное положеніе и даже начинаетъ носомъ перебирать и чистить свои правильныя перушки, но бываетъ иногда, что посреди такихъ занятій, вовсе безъ приготовленій, ястребъ внезапно слетаетъ съ мѣста, замахавъ сначала проворно крыльями; потомъ, увидѣвъ охотника, онъ быстро опускается и бѣжитъ низомъ, т.-е. плавно плыветъ, стелется, какъ ласточка надъ землей..... воробьи зачирикаютъ и попричутся, сороки защекочутъ, куры закудахчутъ, а ястребъ, подбѣжавъ вплотъ къ охотнику, вдругъ взмоетъ къ верху и вцѣпится въ вабило, которое охотникъ успѣлъ уже окоротить, такъ что только маленькій кусочекъ мяса остался наружъ. — Срокъ и строгость выноски зависятъ отъ понятливости и покорности ястреба, и также отъ крепости или слабости его силъ. Иногда попадаетъ и гнѣздаръ, особенно поднятый поздно, столь упрямый, что и въ десять дней не добьешься отъ него полного повиновенія, тогда какъ другаго, на шестой день можно пригравить, а на седьмой идти съ нимъ въ

поле. Въ выноскѣ ястреба нужна строгая точность, неослабное вниманіе, а главное — нескучливость. На-примѣръ: ястребъ упрямится, не идетъ на руку иногда два часа съ ряду, тогда какъ наканунѣ черезъ такое же разстояніе перешелъ скоро, и сегодня долженъ былъ перейти еще скорѣе и дальше; скучливому охотнику надоѣстъ стоять на одномъ мѣстѣ, махать рукой и понапрасну звать ястреба, онъ самъ подойдетъ поближе и — испортитъ все дѣло: на завтрашній день ястребъ захочетъ еще большаго сокращенія разстоянія, и переломить его упрямоту будетъ еще труднѣе; онъ очень памятливъ, и впоследствии, когда выносятся совсѣмъ и станутъ ходить на руку отлично хорошо, вдругъ вспомнить, что его когда-то побаловали, заупрямится безъ причины и совершенно неожиданно. Выноска должна происходить безъ всякой уступки: не идетъ на руку — не давать ѣсть, не давать спать; если ястребъ худъ и слабъ, то лучше просто покормить на рукѣ или въ садкѣ, но никакъ не уменьшать разстоянія въ переходъ на руку. Вообще выноска — дѣло довольно трудное, и лѣнивому человѣку будетъ не по вкусу. Спать приходится весьма немного. Хорошо, когда есть другой благонадежный охотникъ, которому можно поручить и доверять ястреба на время, а самому часокъ другой уснуть; но надо быть осторожну въ выборѣ помощника; мнѣ не рѣдко случалось видѣть, какъ спитъ охотникъ, присѣвъ къ забору, и спитъ ястребъ, сиди у него на рукѣ, тогда какъ ястребу не слѣдовало въ это время даже и дремать. Можно утвердительно сказать, что едва ли третья часть ястребовъ вынашивается хорошо. Единственный кормъ самымъ свѣжимъ мисомъ и сбережене сытой птицы, также дѣло хлопотливое, и также утвердительно можно сказать, что всѣ ястреба погибаютъ одновременно отъ неосторожности и недосмотра охотниковъ.

Слетка вынашивать всегда гораздо труднѣе, а если попадется прошлогодній ястребъ, и охотникъ захочетъ, за неимѣніемъ другихъ, его непремѣнно выносить, то это потребуетъ много времени, хлопотъ и безпокойствъ, да и не благонадежно. Такой ястребъ не можетъ ловить отлично хорошо уже потому, что его всегда надо держать въ черномъ тѣлѣ, слѣдовательно нѣсколько слабымъ, а *изъ тѣла* (то-есть сытый, жирный), онъ ловить не станетъ и при первомъ удобномъ случаѣ улетитъ и пропадетъ.

Слетокъ вынашивается точно такъ же, какъ и гнѣздаръ, только строже, точнѣе и долѣе. Обращаю вниманіе господъ охотниковъ на последнее обстоятельство: чѣмъ долѣе вынашивается ястребъ до начала травли, тѣмъ лучше, тѣмъ благонадежнѣе въ будущемъ. Чтобъ вы-

носить скоро, надобно усмирить ястреба бессонницей и голодомъ, выморить его, а это иногда такъ ослабляетъ силы всего организма, что послѣ ничѣмъ нельзя возстановить его. Тогда какъ продолжительная нѣска даетъ возможность выучить ястреба сытаго, полного силъ, вкоренить въ него ученье одной привычкой, которая гораздо вѣрнѣе насильственной покорности отъ голода и бессонницы; даже въ продолженіе травли, все свободное отъ охоты время, кромѣ пятичасоваго сна, надобно носить ястреба на рукѣ постоянно, особенно слетка. Удивительно какая разница между слетками и гнѣздарами! Я пробовалъ кормить послѣднихъ такимъ отличнымъ кормомъ, всегда парнымъ, какого лучше, особенно въ такомъ изобиліи, не могла доставать мать своимъ ястребятамъ; пойманный-слетокъ далеко не бывалъ такъ сытъ, какъ поднимаемый на руку гнѣздарь, но между тѣмъ, всегда слетокъ оказывался какъ-то глаже, чище перомъ, складнѣе, рѣзвѣе и жаднѣе гнѣздаря; у послѣдняго глаза бываютъ блесоватомутнаго цвѣта, безъ всякаго выраженія, а у слетка, глаза живые, ярко-желтые, *наигранные*, по выраженію охотниковъ, т.-е. зоркіе и блестящіе. Правда, впоследствии и гнѣздарь наиграетъ глаза: они пожелтѣютъ и получатъ нѣкоторый блескъ, но никогда не сравняются съ глазами вольнаго ястреба. Возвращаюсь къ дѣлу. И такъ ястребъ, какой бы онъ ни былъ, выношенъ совершенно, то-есть, ходитъ на руку отлично, даже безъ вабила, на одинъ свистъ; надобно его притравить: дать ему поймать птицу и накормить до отвала, на первой пойманной имъ добычѣ. Слетка не нужно притравливать, развѣ для того, чтобъ онъ бралъ птицу покрупнѣе; для гнѣздаря же это самое важное дѣло; если въ клеткѣ онъ не поваженъ щипать птицу въ перьяхъ, то иногда, будучи уже выношенъ хорошо, не вдругъ бросится на живую птицу, даже не посмотритъ на нее: такого ястреба съ перваго разу не притравишь; но если въ садкѣ ему давали иногда птицъ въ перьяхъ и живыхъ воробьевъ или другихъ птичекъ, то притравить его легко. Охотники увѣряютъ, что притравливать надобно всегда на крупную птицу, и что такой ястребъ перепелятникъ будетъ жаднѣе и станетъ брать вольныхъ крупныхъ птицъ, какъ-то: утокъ чирять, не крупныхъ тетереватъ, дупельшнеповъ, галокъ, сорокъ и голубей. Я въ этомъ сомнѣваюсь, и хотя самъ всегда притравливалъ ястребовъ голубями, и нѣкоторые мои ястреба точно брали поименованныхъ мною птицъ; но кажется это происходило отъ врожденной злобности и отъ крѣпости въ ногахъ и пальцахъ, а не отъ первоначальной притравы, потому что не всѣ, а только рѣдкіе бывали такъ жадны и сильны; притомъ

другіе охотники притравливаютъ обыкновенно перепелками, а ястреба выходятъ отличные и даже иные берутъ дичь и птицу покрупнѣе.

Выношеннаго ястреба, приученнаго видѣть около себя лягавую собаку, притравливаютъ слѣдующимъ образомъ: охотникъ выходитъ съ нимъ на открытое мѣсто, всего лучше за околицу деревни въ поле; другой охотникъ идетъ рядомъ съ нимъ (впрочемъ можно обойтись и безъ товарища); незаметно для ястреба вынимаетъ онъ изъ кармана или изъ *вачика* (*) голубя, предпочтительно молодаго, привязаннаго за ногу тоненькимъ шнуркомъ, другой конецъ котораго привязанъ къ рукъ охотника: это дѣлается для того, чтобъ задерживать полетъ голубя и чтобъ въ случаѣ неудачи, онъ не улетѣлъ совсѣмъ; голубь вспархиваетъ, какъ будто нечаянно, изъ-подъ самыхъ ногъ охотника; ястребъ, опутники котораго заблаговременно отвязаны отъ должника, бросается, догоняетъ птицу, схватываетъ и падаетъ съ добычею на землю; охотникъ подбѣгаетъ и осторожно помогаетъ ястребу удержать голубя, потому что послѣдній очень силенъ, и гнѣздарию одному съ нимъ не справиться; нужно придержать голубинныя крылья, и потомъ, не вынимая изъ когтей, отвернуть голубю голову. Тутъ надобно дать полную свободу ястребу: пусть онъ возится и управляется съ добычей, какъ ему угодно, лишь бы мѣсто было гладко; онъ опишетъ самъ перья съ голубя, и проглотивъ сначала голову и шею, изорванныя въ кусочки охотникомъ, набѣтса до отвала, такъ что перестанетъ рвать мясо. Тогда охотникъ, взявъ осторожно ястреба на руку, относитъ его домой, сажаетъ на колодки и не трогаетъ до утра, чтобы онъ могъ выспаться хорошенько. Если притравленіе или притрава совершилась удачно, то повторять ее не нужно; если же, на примѣръ, ястребъ бросился, но не схватилъ голубя, или схватилъ, но не удержалъ, то надобно повторить притраву и добиться, чтобъ ястребъ взялъ птицу хорошо. Въ случаѣ притравы успѣшной, на другой день послѣ обѣда, когда жаръ посвяляютъ, охотникъ идетъ съ ястребомъ въ поле въ сопровожденіи собаки, непременно хорошо тресированной, то-есть имѣющей крѣпкую стойку и не голящейся за взлетѣвшею птицею; послѣднее качество собаки необходимо, особенно для гнѣздари, который еще не вловился: если собака кинется на него, когда онъ схватитъ перепелку и свалится

(*) Вачикъ—холщевая или кожаная двойная сумка; въ маленькой сумкѣ лежитъ забили, безъ котораго никакъ не должно ходить въ поле, а въ большую кладутъ затравленныхъ перепелокъ.

съ ней въ траву, то ястребъ испугается, бросить свою добычу, и трудно будетъ поправить первое впечатлѣніе. И такъ охотникъ выходитъ въ поле; имѣя въ вачикъ *непремѣнно* вабило; собака приискиваетъ перепелку, останавливается надъ ней, охотникъ подходитъ какъ можно ближе, поднимаетъ ястреба на рукъ какъ можно выше, кричитъ *пиль*, собака кидается къ перепелкѣ, она взлетаетъ, ястребъ бросается, догоняетъ, схватываетъ на воздухъ и опускается съ ней на землю. Повторится вчерашняя исторія, то-есть ястребъ накармливается досьта. На третій день начинается настоящая травля, но въ самомъ умѣренномъ числѣ: болѣе осьми и много десяти перепелокъ травить не слѣдуетъ. При томъ и возни съ ястребомъ будетъ много; въ каждую перепелку онъ такъ вкогтится, что не вдругъ отнимешь, потому что надобно это дѣлать бережно, отщипавъ кругомъ траву, чтобъ не помять перья у ястреба, и вотъ какимъ образомъ: лѣвою рукою должно закрыть пойманную перепелку отъ глазъ ястреба, вмѣстѣ съ его ногами, а правою рукою — отгибать когти, для чего нужно свачала разогнуть пріемный передній ноготь, и потомъ задній, тогда разогнутся остальные сами собою. Иной ястребъ такъ сердитъ, что когда разогнуть кости на обѣихъ его ногахъ и отнять добычу, то онъ сожметъ пальцы въ кулачокъ, такъ что они замрутъ и долго иногда остаются въ этомъ судорожномъ состояніи. Отнявъ перепелку, охотникъ, за спиною у себя, отрываетъ ей голову, кладетъ къ себѣ въ вачикъ, а шейку съ головкой показываетъ ястребу, который и вскакиваетъ съ земли на руку охотника: давъ ему клюнуть раза два теплаго перепелинаго мозжечка, остальное прячетъ въ вачикъ и отдаетъ ястребу послѣ окончанія охоты. Охотникъ даетъ время ястребу опомниться, оправляетъ его растопыренныя отъ злости крылья, и когда онъ перестанетъ когтить руку и совѣмъ успокоится, заставляетъ собаку приискать новую перепелку: гдѣ ихъ много, особенно около просянницъ, тамъ попадаютъ онъ на всякомъ шагѣ. Если собака прищеть выводку поршковъ (перепелятъ), то ихъ травить не надо; во-первыхъ, они подростутъ и къ осени можно ихъ затравить въ *порь*, и во-вторыхъ, такая легкая добыча балуетъ молодаго ястреба. Одного, перваго поршка *непремѣнно* затравишь, потому что не знаешь, надъ какой перепелкой стоитъ собака; но потомъ надобно ее отозвать отъ перепелиной выводки и отвезти въ сторону: затравленный поршокъ пойдетъ на кормъ ястреба. Съ каждымъ днемъ увеличивается число затравленныхъ перепелокъ, и наконецъ травля продолжается отъ выхода охотника въ поле вплоть до ночи. Мнѣ рассказывали, что въ старые годы охотникъ

затравливали по сту перепелокъ, но самъ я болѣе пятидесяти не приваживалъ; впрочемъ другіе, неумолимые охотники травли и въ мое время до семидесяти штукъ въ одно поле, въ числѣ которыхъ находилось иногда до 40 коростелей, особенно къ осени, когда они изъ болотъ всѣ выбѣгаютъ въ поля и опушки. Коростеля беретъ не всякой молодой ястребъ, потому что онъ кричитъ, когда его догоняютъ; крикъ его похожъ на огрызанье хорька или на шекотанье сороки. Если гнѣздарь не возьметъ его съ перваго раза, то уже не будетъ брать никогда. Слетокъ же крику дергуна не боится.

Бывало въ иной вечеръ, охотники съ четырьмя ястребами приносили болѣе двухъ-сотъ перепелокъ. Это цѣлый ворохъ. За позднимъ временемъ, некогда и темно было чистить и щипать птицу, потому всѣхъ перепелокъ раскладывали на большомъ лубкѣ, заранѣе прилаженномъ на льду въ погребъ. Это дѣлалось сколько для того, чтобы не выпотрошенная дичь не испортилась, столько же и для того, чтобы она хорошенько охладѣла. Теплую, жирную перепелку щипать не возможно, потому что съ выдернутыми перушками будетъ отставать и прорываться кожа, растянутая жиромъ до необыкновенной товины. На другой день, рано поутру, въ прохладной западной тѣни погреба начиналась шумная работа: повара потрошили, а всѣ дворовыя и горничныя дѣвушки и дѣвочки, пополамъ со смѣхомъ, шутками и бранью, щипали перепелокъ; доставалось тутъ охотникамъ, которыхъ въ шутку называли «побродяжками», за ихъ многочисленную добычу, безъ шутокъ надоѣдавшую всѣмъ, потому что эту пустую работу надобно было производить осторожно и медленно, не прорывая кожи, за чѣмъ строго смотрѣла ключница. Перепелокъ сушили, коптили, а всего болѣе солили. Сначала употребляли въ пищу свѣжихъ, въ пастетахъ, соусахъ, и жареныхъ на сковородѣ въ сметанѣ; но скоро онъ, по своей приторности, такъ надоѣдалъ, что никто не могъ смотрѣть на нихъ безъ отвращенія. Число затравленныхъ перепелокъ зависѣло не отъ числа пріисканныхъ собакою, а отъ силы ястреба и главное отъ того, что поймавъ перепелку, онъ иногда слишкомъ злобится, когтитъ, не даетъ отнять своей добычи, и время уходитъ даромъ; впрочемъ у молодого ястреба это добрый знакъ. Травля тогда бываетъ вполне успѣшна, когда ястребъ немедленно выпускаетъ изъ когтей перепелку, какъ скоро охотникъ наложитъ на нее руку. Это послѣднее дѣлаетъ только ястребъ старый, пересидѣвшій зиму въ садкѣ; впрочемъ и молодой гнѣздарь къ концу осени уже перестаетъ сердиться, или, лучше сказать, упрямиться, и легко уступаетъ свою добычу охотнику.

Живо воображая себѣ эту охоту теперь, съ удовольствіемъ и вмѣстѣ съ удивленіемъ вспоминаю, какъ я увлекался ею въ ребачествѣ, и какіе страстные охотники были до нея мои товарищи, люди пожилые и даже старики! Въ другихъ губерніяхъ, на-примѣръ въ Курской, травля перепелокъ составляетъ промыселъ однодворцевъ; но въ Оренбургской губерніи, кажется, и до сихъ поръ никто не охотится за ними для выгодъ денежныхъ. Тогда у насъ было три охотника, а четвертый; соревнованіе кипѣло горячее: чей ястребъ лучше и кто затравитъ перепелокъ больше! Бывало, не знаешь, что дѣлать отъ нетерпѣнія, отъ ожиданія, когда жаръ посвалитъ и можно будетъ ѣхать въ поле. Охотники не позволяютъ травить въ жаркіе дни часовъ до пяти по полудни, утверждая, что ястребъ залѣнится и заиграетъ. Это точно иногда бываетъ. Въ такомъ случаѣ, если ястребъ какъ-нибудь улетитъ совсѣмъ и черезъ нѣсколько дней будетъ пойманъ, надобно продержатъ его нѣкоторое время въ садкѣ, чтобы онъ забылъ свой побѣгъ, и потомъ вынашивать вновь, хотя не такъ уже строго. Впрочемъ, и собакъ искать, и охотнику ходить, конечно, въ жаръ тяжело; но въ дни сѣренькіе, или къ осени, уже прохладные, какъ скоро ястребъ скинетъ погадку, можно хоть съ утра идти съ нимъ въ поле. Травишь, бывало, до ночи, и всякій разъ ропщешь, что скоро садится солнышко и рано наступаютъ сумерки! По захожденіи солнца перепелки сидятъ уже не такъ крѣпко, легягъ шибче, поднимаются отъ земли выше и перемѣщаются дальше; ястребъ же утомился, ловить не жадно, и нрѣдко случается, что онъ не догоняетъ перепелокъ легкихъ, то-есть не такъ разжирѣвшихъ, *чекушъ*, какъ ихъ называютъ охотники, потому что онъ на лету кричатъ похоже на слоги: *чекъ,—чекъ,—чекъ,—* не догонитъ, повернетъ назадъ и прямо садеться на руку охотника или на его картузь, если онъ не подставитъ руки. Это называется: «ястребъ ходитъ на руку съ оборотомъ.» — Нечего дѣлать, надо возвращаться домой; сядешь на охотничьи дрожки и ѣдешь шагомъ, кормя дорогой ястреба и пересчитывая въ умѣ затравленныхъ перепелокъ. Замѣчательно, что этотъ счетъ никогда не бываетъ вѣренъ: какъ ни считаешь аккуратно — всегда ошибаешься, хоть одной штукой, а иногда двумя и тремя. Безъ сомнѣнія, главное удовольствіе въ охотѣ доставляетъ рѣзвость, ловчивость ястреба и доброе чутье и вѣжливость лагавой собаки. Они такъ свыкаются между собою, что это удивительно: ястребъ такъ умѣетъ различать поискъ собаки, что по ея движеніямъ и по маханью хвостомъ знаетъ, когда она добирается до перепелки, особенно понимаетъ стойку собаки: онъ уже не

спускаетъ съ нея глазъ, блистающій какой-то пронзительной ясностью, весь подберется, присядетъ, наклонится впередъ и готовъ броситься каждое мгновение. Ястребъ уже совершенно не боится приближенія собаки, не слетаетъ съ налета или колодки, когда она подходитъ, и часто подъ самымъ ея рыломъ щиплетъ пойманную добычу. Если ястребъ безъ бубенчика и свалится съ перепелкой въ высокую траву или нежатый хлѣбъ, то для скорѣйшаго отысканія его обыкновенно употребляютъ собаку, и она, найдя ястреба, который притаится и приляжетъ въ травѣ, сдѣлаетъ стойку и начнетъ махать хвостомъ отъ удовольствія; если же охотникъ далеко и ее не видить въ густомъ хлѣбѣ, то начинаетъ лаять. Если ястребъ такъ свывается съ собакой, то еще болѣе привыкаетъ къ своему хозяину: у другаго охотника онъ долго не будетъ такъ ловить и особенно ходить на руку, какъ у того, кто его выносилъ и охотился съ нимъ сначала. Когда перепелки жирны, а ястребъ рзвовъ и силенъ, то можно не подходить очень близко къ найденной перепелкѣ, а вѣдть собакъ издали спугать ее; тогда на дальнемъ разстояннн можно долше любоваться рзвостью ловчей птицы. Иные горячіе охотники крикомъ поощряютъ въ это время своего ястреба, какъ псовые охотники собакъ: «Эхъ милый, ну, — ну, — ну, подцѣпи; не промахнись» и пр. и пр. Про лихаго ястреба говорятъ, что онъ какъ пуля догоняетъ перепелку.

Самая богатая, добычливая травля перепелокъ бываетъ во второй половинѣ августа, и, смотря по погодѣ, иногда въ началѣ сентября: перепелки превратятся въ жиръ, отяжелѣютъ, и пролетѣвъ нѣсколько шаговъ, падаютъ на землю; даже не видя ястреба, поднимаются не охотно, а завидя его, лежатъ такъ плотно, что мнѣ случалось брать ихъ руками; невѣжливая и повѣженная къ тому собака переловитъ много такихъ перепелокъ. Съ особенною жадностью охотиться, бывало, въ началѣ сентября, потому что каждый день ожидаешь переменъ въ погодѣ и начала *пропаданья* перепелокъ: никакъ нельзя сказать, что онѣ отлетаютъ; онѣ именно пропадаютъ съ каждымъ днемъ; это всегда случается при наступленнн холоднаго ненастья, особенно съ сѣвернымъ вѣтромъ или морозомъ. Первое уменьшеніе гораздо значительнѣе и замѣтнѣе, а потомъ съ каждымъ днемъ травишь менше и спустишь ся щукъ на шесть, на пять. Тутъ всѣ охотники обыкновенно бросаютъ травлю; но я продолжалъ ее упорно; ѣздилъ и ходилъ цѣлые дни по всѣмъ любимымъ мѣстамъ исчезающихъ перепелокъ, какъ-то: по широкимъ мемамъ, которыя въ Оренбургской губерніи бываютъ въ сажень ширины, поросшимъ густою травою и мелкимъ кустарникомъ

чилизнака, бобовника и вишенника, по залежамъ, начинающимъ лужать и заростающимъ круговинами необыкновенно мягкой и густою шелкови-стою травкою, также по живью, зазеленѣвшему по мѣстамъ длинными полосами казульки, жабры и череды, а всего лучше около нежатаго просляница, брошеннаго за малостью урожая. Не одинъ десятокъ версть проѣдешь и исходишь, бывало, чтобы затравить одну перепелку... наконецъ нѣтъ ни одной, на другой день тоже — надобно посадить ястреба на зимнюю квартиру.

Пороки ястребовъ бываютъ слѣдующіе: часто случается, что молодой ястребъ *охватывается* и проносится мимо перепелки, или даже сядетъ за ней въ траву, а перепелка, особенно легкая, пробѣжавъ немного, быстро поднимается и возьметъ большой передъ; ястребъ же, оправившись, если и погонится за ней, то уже не догонитъ, иногда даже схватить по видимому перепелку на лету и вмѣстѣ съ ней упадетъ на землю; охотникъ подбѣгаетъ и находитъ, что ястребъ держитъ въ когтяхъ траву или какой-нибудь прутикъ, а перепелки и слѣдъ простылъ. Это показываетъ или горячность, которую охотники выражаютъ словомъ *обзарился*, или — слабость въ ногахъ; первое пройдетъ отъ опытности, а второе, если не происходитъ отъ худобы случайной, бываетъ неисправимо. Худобу же поправить легко: стоитъ два два поменьше травить, побольше кормить парнымъ мясомъ и побольше давать спать, однимъ словомъ — поватѣлить ястреба. Иногда бываетъ совсѣмъ противное: ястребъ плохо ловитъ отъ лѣви, отъ того что жиренъ; такого, разумѣется, надобно повыморить: поменьше кормить, побольше носить и не давать много спать. У сильныхъ ястребовъ, даже у насытыхъ, встрѣчается иногда особенный недостатокъ: они *носятся* — говоря по-охотничьи, то-есть, поймавъ перепелку, не сейчасъ опускаются на землю, а летятъ съ нею сажень 50, а иногда 100, и потомъ опускаются; это очень скучно и утомительно. Для избѣжанья такого невзгодья, подлѣпляють у ястреба воскомъ, въ самыхъ корняхъ, приемные когти, чтобъ они сдѣлались короче, и чтобъ ястребъ, опасаясь, что перепелка вырвется, сейчасъ опускался съ нею въ траву. Наковецъ попадаютъ ястреба просто глупые, тупые, не рѣзво летающіе, лѣвтяи и ротозѣи; они по большей части слабосильны, и такихъ надо выпускать на волю. Хорошаго ловца можно узнать съ перваго взгляда: на рукѣ онъ сидитъ бодро и весело, перо лежитъ у него гладко, головка маленькая, спина широкая, ставъ груглый, посадка стопкой, ноги здоровыя и крѣпкія, но не длинныя, емъ большая, пальцы твердые, кости острые, умѣренно-круглые (не хорошо, когда они

полога, еще хуже, если слишком круто загнуты), глаза живые и пронзительные. Вѣрной примѣтой считается, что ястребъ хорошъ, — если у него на хвостѣ находится семь «черпей», то-есть семь поперечныхъ темныхъ полосъ. Всѣ противоположные признаки избочиваютъ ястреба посредственнаго или плохаго.

Травля ястребами-перепелятниками другой дичи, кромѣ перепелокъ и коростелей, весьма незначительна, и обыкновенные охотники ею не занимаются, развѣ представится очень благопріятный случай самъ собою. Но я любилъ эти опыты и пробовалъ травить жадными перепелятниками тетеревятъ, которыхъ они берутъ очень хорошо, если выводка захвачена въ чистомъ полѣ и если тетеревята малы, а какъ скоро найдутъ за полтетерева, то такихъ уже догнать не могутъ, да и не удержать; дупелей также берутъ хорошо, если они очень жирны и поднимаются изъ-подъ самага рыла собаки; но если чуть подальше, то не догоняютъ. Я затравилъ, въ продолженіе моей охоты съ ястребами, одного жирнаго осеняго валдшнепа совершенно нечаянно, думая, что собака ищетъ по коростелю въ лѣсной опушкѣ; затравилъ двухъ чирковъ и одного болотнаго молодаго кулика; голубей русскихъ перетравилъ множество, а также галокъ и сорокъ; но только два ястреба изъ нѣсколькихъ десятковъ ловили у меня отлично послѣднихъ трехъ птицъ. По мнѣнію охотниковъ, ихъ потому беретъ не всякой ястребъ, что голубь очень силенъ, галка черна, а сорока щекочетъ и больно дерется клювомъ и ногами. Первая и послѣдняя—причины справедливыя и весьма уважительныя: но точно ли не нравятся черныя цвѣтъ ястребу—утверждать не могу. Вся хитрость состоитъ въ томъ, что ястребу надобно нечаянно, изъ-за чего-нибудь близко налетѣть на этихъ птицъ; въ прѣзвномъ случаѣ онъ ихъ не догонитъ. Одинъ охотникъ при мнѣ травилъ сорокъ, даже зимой, старымъ ястребомъ, но вотъ какимъ образомъ: онъ выбрасывалъ кости и всякой соръ подъ самымъ окошкомъ своей избы, сороки пла етали, а онъ поднималъ тихонько оконницу, подносилъ ястреба, который, возрась въ сорокъ, бросался и захватывалъ которую нибудь почти на мѣств. Этотъ охотникъ, въ продолженіе всей зимы, почти ежедневно травилъ такимъ образомъ сорокъ и кормилъ ими ястреба, который оставался совершенно здоровъ, начиналъ линять очень рано, въ началѣ мая, и совершенно поспѣвалъ къ травлѣ еще въ концѣ іюня мѣсяца: очевидно, что мясо сорокъ хищнымъ птицамъ здорово. Во время линянья надобно ястреба посадить въ садокъ, хорошо кормить и не трогать. Ястреба могутъ жить у добраго и попечительнаго охотника по нѣскольку лѣтъ; годъ отъ года становятся онѣ перомъ свѣтлѣе, бѣлесоватѣе, и нако-

непѣ сдѣлаются какъ будто сѣды. У меня не жили ястреба болѣе двухъ зимъ и всегда погибали отъ какого-нибудь недосмотра; одинъ изъ нихъ улетѣлъ во вторую зиму и не воротился: я полагаю, что онъ какъ-нибудь погибъ, потому что былъ очень ручевъ и большой пискувъ. Надобно замѣтить, что нѣкоторые гнѣздары пицають, когда проголодаются, а другіе — никогда.

Я помню у одного охотника ястреба шести осеней; это была чудная птица: бралъ все что ни попало, даже грачей; въ разное время поймалъ болѣе десяти валдшнеповъ; одинъ разъ впѣлся въ струю дикую утку (полукрякву) и долго плавалъ съ ней по пруду, не смотря на то, что утка ныряла и погружала его въ воду; наконецъ она бросилась въ камышъ, и ястребъ отцѣпился; утокъ чирять ловилъ при всякомъ удобномъ случаѣ; въ шестое лѣто, онъ сталъ не такъ рѣзвъ, и умеръ на седьмую зиму внезапно, отъ какой-то болѣзни; онъ былъ такъ уменъ, что иди въ поле, охотникъ не бралъ его на руку, а только отворялъ чуланъ, въ которомъ онъ жилъ; ястребъ вылеталъ и садился на какую-нибудь крышу; охотникъ не обращалъ на него вниманія и отправлялся куда ему надобно; черезъ нѣсколько времени, ястребъ догонялъ его и садился ему на голову или на плечо, если хозяинъ не подставлялъ руки; иногда случалось, что онъ долго не являлся къ охотнику, но подходя къ знакомымъ березамъ, мимо которыхъ надо было проходить (если идти въ эту сторону), охотникъ всегда находилъ, что ястребъ сидитъ на деревѣ и дожидается его; одинъ разъ прямо съ дерева поймалъ онъ перепелку, которую собака спугнула нечаянно, потому что тутъ прежде никогда не бывало перепелокъ; у этого ястреба можно было взять изъ когтей птицу совершенно живую и неповрежденную и посадить въ садокъ на зиму, что часто и дѣлали. Только охотникъ накладывалъ руку на пойманную имъ перепелку, какъ ястребъ выпускалъ ее изъ когтей и отпрыгивалъ въ сторону. Повидимому въ немъ уже не было собственной жадности, и онъ ловилъ такъ, по привычкѣ, или какъ бы для удовольствія своего хозяина. Можно себя представить, что съ такой умной птицей удовольствіе травли несказанно увеличивалось. Вѣроятно на слѣдующій годъ ястребъ сталъ бы ловить еще тупѣе; но любопытно было бы наблюдать его старость и постепенный упадокъ силъ. Не смотря на то, что охотникъ его былъ человекъ самый простой и грубый, онъ плакалъ о своемъ лихомъ посѣдломъ ловцѣ, и всегда говорилъ: «нѣтъ, мнѣ ужъ не найти такого ястреба.»

С. АКСАКОВЪ.

1853 года, декабря 4.

Деревня Абрамцево.

**О ПРЕДРАЗСУДКАХЪ НЕВЪЖДЕЪ И ЗНАТОКОВЪ ВЪ ДѢЛѢ
МУЗЫКИ.**

(Изъ Фетиса).

Относительно искусствъ существуютъ различныя степени невѣжества. Первая изъ этихъ степеней неуничтожима и состоитъ въ отвращеніи, которое внушается нѣкоторымъ людямъ искусствами; но подобное отвращеніе встрѣчается, однакожъ, довольно рѣдко. На второй степени этого невѣжества стоятъ такіе люди, которые родились въ низшихъ классахъ общества и вдалекѣ отъ большихъ городовъ. Ихъ невѣжество представляется полнымъ; но ихъ отрицательное отношеніе къ искусствамъ можетъ являться только временнымъ, преходящимъ, и потому оно не заставляетъ предполагать непременно, чтобъ люди этого разряда питали отвращеніе ко всему изящному. На третьей степени невѣжества находится вародъ, живущій въ городахъ и не могущій сдѣлать шага безъ того, чтобъ не наткнуться на произведенія музыки, живописи, архитектуры, и т. п. Но этотъ разрядъ людей обращаетъ на подобные предметы весьма поверхностное вниманіе и не замѣчаетъ въ нихъ ни достоинствъ, ни недостатковъ, хотя, наконецъ, и испытываетъ нѣкоторое, безотчетное удовольствіе при встрѣчѣ со всемъ изящнымъ. Люди свѣтскіе, всѣ тѣ, которые обладаютъ порядочнымъ воспитаніемъ и независимымъ состояніемъ, и которые даже поневолю обязаны часто смотрѣть на множество произведеній живописи и часто слышать музыку, собственно говоря, не дѣлаются чрезъ это знатоками ни въ живописи, ни въ музыкѣ; но все-таки, наконецъ, изощряютъ этимъ въ себѣ до нѣкоторой степени чувство изящнаго, такъ что это изощреніе служитъ имъ, болѣе или менѣе, вмѣсто положительныхъ знаній какого бы то ни было искусства.

Если исключить людей втораго разряда, о которыхъ упомянуто нами выше, и которые не имѣютъ возможности или случая выйти изъ своего совершеннаго невѣжества относительно предметовъ, не входящихъ въ кругъ ихъ житейскихъ потребностей, то въ остальныхъ двухъ разрядахъ, т.-е. въ первомъ и третьемъ, останутся именно тѣ люди, которые наиболѣе стараются разсуждать вслухъ о чувствованіяхъ, возбуждаемыхъ въ нихъ искусствами, какъ будто бы подобныя чувствованія должны служить правиломъ для всѣхъ насъ, и какъ будто бы подобныя лица владѣютъ познаніями, необходимыми для того, чтобъ имъ можно было развивать и поддерживать свои мнѣнія.

Замѣтьте, что никто не говоритъ : *это мнѣ нравится* , или *это мнѣ не нравится* ; но всѣ находятъ болѣе приличнымъ говорить положительно : *это хорошо* , или *это не годится никуда* , *это изъ рукъ вонъ плохо* ! Нѣтъ никого , даже между людьми , уже по своей несчастной организаціи не могущими увлекаться тѣми искусствами , которыя намъ даны для утоленія нашихъ страданій , нѣтъ никого , говоримъ , кто не имѣлъ бы своихъ сужденій о предметахъ , внушающихъ ему антипатію , отвращеніе , и кто не произносилъ бы этихъ сужденій съ увѣренностью въ ихъ непогрѣшительности. Подобный человѣкъ самъ чувствуетъ , что нормальное состояніе его организма представляетъ собою нечто неполное и оскорбительное для людскаго самолюбія ; и потому онъ всегда мститъ за себя , выказывая презрѣніе къ такимъ предметамъ , которые для него непонятны , и даже къ тѣмъ людямъ , которые питаютъ страсть къ подобнымъ предметамъ .

Что же касается до простонародья , то и оно имѣетъ свои собственные мнѣнія и выражаетъ ихъ по-своему . Въ изящныхъ искусствахъ оно замѣчаетъ не тонкости , а только наиболѣе грубыя черты . Напримѣръ , въ живописи оно поражается преимущественно только болѣе или менѣе удачнымъ подражаніемъ предметамъ матеріальнымъ ; въ статуѣ оно удивляется только тому , что она мраморная ; въ музыкѣ же пѣвають его только простыя протяжныя или плясовыя пѣсни .

Съ этими двумя разрядами людей не спорить никто : образованный классъ общества смѣется надъ первымъ и презираетъ послѣдній . Споры происходятъ взаимно только между людьми равно благовоспитанными и способными увлекаться искусствами . Но и эти люди весьма часто принимаютъ свои предразсудки за мнѣнія , а свои мнѣнія за истины .

Когда кто-нибудь захвораетъ , то ему нѣтъ необходимости знать ни причину , ни названіе своей болѣзни , чтобъ быть убѣждену , что она въ немъ существуетъ : чувствованіе страданія уже достаточно доказываетъ ему это . Точно то же можно сказать и о музыкѣ . Нѣтъ необходимости знать , какимъ образомъ ее сочиняютъ и перелаживаютъ на ноты , чтобъ быть убѣждену въ удовольствіи или утомленіи , которыя она въ насъ возбуждаетъ . Но если необходимо изучать медицину , видѣть множество больныхъ , посѣщать госпитали и усовершенствовать , посредствомъ наблюденій и сравненій , свою способность отличать симптомы болѣзней , если все это , говоримъ , нужно для того , чтобъ опредѣлять силу и важность различныхъ тѣлесныхъ страданій и назначать больному необходимыя лекарства ; то должно признать , что не менѣе необходимо знать элементы музыкальнаго искусства , изучить всѣ его средства ,

формы и ихъ разнообразіе, и умѣть отличать недостатки и достоинства въ гармоніи, мелодіи и ритмѣ, чтобъ быть въ состояніи опредѣлять красоты и слабыя мѣста музыкальныхъ композицій. По-этому, простой любитель музыки долженъ ограничиваться фразой: *эта музыка мнѣ нравится, или не нравится*, точно такъ, какъ мы вообще ограничиваемся словами: *я боленъ*, когда желаемъ выразить свое страданіе.

Впрочемъ, всякій музыкантъ или простой любитель музыки былъ бы менѣе расположенъ высказывать рѣзкимъ тономъ свои мнѣнія о музыкальныхъ пьесахъ, еслибъ каждый изъ нихъ замѣчалъ, что онъ переживаетъ эти мнѣнія нѣсколько разъ въ продолженіе своей жизни. Пусть мнѣ укажутъ на такого человѣка, который не отрекался отъ своего перваго удивленія въ пользу втораго, и который не былъ бы готовъ отказаться отъ этого послѣдняго, чтобъ удивляться такимъ предметамъ, къ которымъ онъ сначала питалъ антипатію. Сколько было отчаянныхъ поклонниковъ Грётри, которые сначала съ ужасомъ и негодованіемъ отвергали блистательныя нововведенія руссініевскія, и которые потомъ забыли какъ о своихъ прежнихъ любимцахъ, такъ и о своихъ послѣднихъ антипатіяхъ, и сдѣлались самыми ревностными защитниками руссінизма! Да и могло ли быть иначе? Искусства принадлежатъ усовершенствованію человѣческой и должны ей покоряться. Если измѣняются предметы и событія, то и люди принуждены измѣняться. Кромѣ того, мнѣнія и способъ ихъ выраженія должны разнообразиться также и вслѣдствіе большаго или меньшаго развитія образованности и вслѣдствіе привычки слышать нѣкоторыя вещи и оставаться въ невѣденіи относительно нѣкоторыхъ другихъ изъ нихъ. Итакъ, мы видимъ, что напрасно большинство людей высказываетъ свои мнѣнія такъ смѣло и положительно, какъ это дѣлается у насъ обыкновенно; мы говоримъ *напрасно*, потому, что при этомъ люди безпрестанно бываютъ принуждены противорѣчить даже самимъ себѣ. Вообще всѣ хотятъ уже черезъ-чуръ скоро дѣлать свои заключенія.

Артисты, люди ученые въ дѣлѣ музыки, живописи или какого-либо другаго искусства, не менѣе самихъ невѣждъ увлекаются предубѣжденіями и предразсудками; но только эти предубѣжденія и предразсудки бываютъ уже другаго рода. Весьма часто можно слышать, какъ нѣкоторые музыканты серьёзно доказываютъ, что только имъ однимъ принадлежитъ право не только судить о музыкѣ, но даже и нравиться другъ другу въ этомъ искусствѣ. Странное заблужденіе, вслѣдствіе котораго имъ представляется, что они возвышаютъ и прославляютъ этимъ свое искусство; тогда какъ *этимъ-то самымъ* они и ограничи-

вають его могутество. И что было бы съ живописью или музыкой, еслибъ эти искусства являлись только въ видѣ языка таинственнаго, который былъ бы понятенъ только однимъ посвященнымъ въ ихъ іероглифическіе знаки? Едва ли онъ заслуживали бы тогда и изученія. Артистъ, счастливо организованный, только потому и можетъ посвящать музыкѣ всю свою жизнь, что это искусство дѣйствуетъ на весь міръ, хотя всегда неопредѣленно, безотчетно. Еслибъ влияние музыки ограничивалось только тѣмъ, что она интересовала бы собою небольшое число людей, то въ чемъ заключалось бы вознагражденіе артиста за его долговременные труды и самоотверженіе, которые необходимы для ея изученія? *Чувствовать* и *судить*, два дѣла совершенно различныя: чувствовать можетъ всякій человѣкъ; а судить могутъ только знатоки.

Но не должно, чтобъ эти послѣдніе увлекались самоуверенностью, что ихъ мнѣнія всегда бываютъ непогрѣшными. Оскорбленное самолюбіе, желаніе отстоять свои собственные интересы, вражда, предубѣжденія школы и предубѣжденія національныя бываютъ такими причинами, которыя портятъ собою эти мнѣнія весьма часто. Невѣжды не поддаются, по крайней мѣрѣ, тѣмъ слабостямъ, которыми не довольно гнушаются артисты и ученые.

Есть столько примѣровъ, произведенныхъ этими слабостями, что всякій изъ насъ долженъ былъ бы всегда удерживаться отъ какихъ-либо рѣшительныхъ приговоровъ и сужденій прежде спокойнаго и безпристрастнаго разсмотрѣнія своей совѣсти, и прежде удаленія отъ своего сердца и своего ума всего того, что способно парализовать дѣйствія нашей души. Сколькихъ отрицаній и противорѣчій самимъ себѣ можно было бы избѣгать посредствомъ этой предосторожности!

Между артистомъ, философомъ и человѣкомъ свѣтскимъ, который безотчетно предается своимъ чувствованіямъ, очищеннымъ въ немъ образованіемъ, помѣщается посредствующій классъ, и этотъ-то классъ должно считать классомъ не судей, а *судителей* или *разсуждателей*, если можно такъ выразиться. Онъ, обыкновенно, состоитъ изъ литераторовъ, принимающихъ на себя обязанность судей, не смотря на то, что они къ ней способны не больше всякаго свѣтскаго человѣка, чувства котораго совершенствуются только вслѣдствіе привычки что-нибудь видѣть или слышать часто. По той увѣренности, съ которою эти литераторы каждое утро предлагаютъ, напримѣръ, свои музыкальныя теоріи, помѣщаемыя въ газетахъ и журналахъ, ихъ можно было бы принимать за ученыхъ и опытныхъ артистовъ, еслибъ ихъ многочисленные промахи не доказывали на каждомъ шагу, что они не знаютъ

ни цѣли, ни средствъ, ни условій музыкальнаго искусства. При этомъ особенно забавно то, что ихъ мнѣнія совершенно измѣнились въ последнее время, и что ихъ языкъ является теперь такимъ великодушнымъ, какъ будто бы у нихъ есть какая-нибудь постоянная, неизмѣнная доктрина. Прежде чѣмъ Франція познакомилась съ Россіи, и прежде, чѣмъ онъ успѣлъ пріобрѣсти у насъ всеобщую любовь, всѣ постоянно возставали противъ *музыкальной учености*, т.-е. противъ гармоніи и блеска оркестровки, который царствовалъ на счетъ мелодіи и *драматической истины*, высказали при этомъ столько же заблужденій, сколько и словъ.

Нынче измѣнилось все: журнальныя учености признали музыку Россіи *музыкою ученою*, и съ этихъ поръ всякій вмѣнилъ себѣ какъ бы въ обязанность злоупотреблять ученымъ музыкальнымъ языкомъ, элементы котораго остаются совершенно непонятными для большинства.

Теперь всѣ говорятъ только о *формахъ оркестровки*, о *модуляцияхъ*, о *стреттахъ*, и т. п., и на всемъ этомъ строятся музыкальныя системы, столько же удачныя, сколько были удачны системы прежнія. Единственная разница, которую я въ нихъ нахожу, состоитъ въ томъ, что вмѣсто прежняго проповѣданія мнѣній, составлявшихся каждымъ для себя въ видѣ основныхъ принциповъ, нынче каждый создаетъ себѣ нѣкоторое подобіе временной эстетики, и употребляетъ ее сообразно съ обстоятельствами и лицами. Дѣйствуя такимъ образомъ, всякій надѣется избѣжать противорѣчій. Однакожъ, миролюбивыя или враждебныя предубѣжденія, просьбы, ненависть или снисходительность имѣютъ такое влияние на эти сужденія, уже проникнутыя сами по себѣ невѣжествомъ, что если сравнить между собою все, что только написано въ ежедневныхъ или періодическихъ листкахъ о какомъ-нибудь новомъ музыкальномъ произведеніи, то найдешь тутъ и противное и благопріятное касательно всевозможныхъ вопросовъ. Что одобряется одними, то порицается другими, и наоборотъ; такъ что самолюбіе автора постоянно бываетъ здѣсь и удовлетворяемо, и оскорбляемо въ одно и то же время, если только онъ такъ простъ, что обращаетъ какое нибудь вниманіе на подобное пустословіе.

Говорить о томъ, чего не знаешь, есть болѣзнь, которой подвержены всякій человекъ, ибо никто изъ насъ не хочетъ казаться невѣждой въ чемъ бы то ни было. Это относится равно и къ политикѣ, и къ литературѣ, и къ наукамъ, и, особенно, къ изящнымъ искусствамъ. Если въ свѣтскихъ бесѣдахъ и рассказывается множество нелѣпостей на счетъ всѣхъ этихъ предметовъ, то эти нелѣпости еще не произво-

дять большаго зла, потому-что бѣглый свѣтскій разговоръ не оставляетъ послѣ себя почти никакихъ слѣдовъ; но что касается до нынѣшнихъ журналовъ, то они приобрѣли столько вліянія на идеи всякаго рода, что промахи журналовъ не могутъ оставаться безвредными. Современные журналы тѣмъ болѣе портятъ общественное мнѣніе, что проникаютъ всюду, и что большая часть людей лѣнивыхъ вѣрять имъ во всемъ слѣпо.

Со вѣмъ тѣмъ, должно признаться, что съ нѣкотораго времени уже понята необходимость вѣрять редакцію періодическихъ изданій такимъ людямъ, которые, владея спеціальными познаніями, могутъ говорить о различныхъ предметахъ болѣе или менѣе удовлетворительно. По этому-то и замѣчается, что въ свѣтъ нынче распространены обо всемъ идеяхъ уже достаточно правильныя, и что теперь говорить обо всемъ гораздо лучше, чѣмъ говорили прежде.

И. З.

Августъ 1853 года.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЕ ПАМЯТНЫЕ ЛИСТКИ.

№ 1. ПАМЯТНЫЙ ЛИСТОКЪ ОШИБОКЪ ВЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ И ДРУГИХЪ НЕСООБРАЗНОСТЕЙ, ВСТРѢЧАЕМЫХЪ У МНОГИХЪ НЫНѢШНИХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ; съ присовокупленіемъ мнѣній, разсужденій, взглядовъ по части языкознанія вообще.

Предисловіе.

Съ Новымъ годомъ, долженъ и «Памятный Листокъ» мой освятиться, поконить, стремиться все болѣе къ тому, чтобы сдѣлаться полезнымъ и приятнымъ. Правда, задача эта не легка, и не многіе осиливаютъ ее; но трудъ и терпѣніе—великіе помощники во всемъ. Не говорю о дарованіи; оно дается отъ Бога избраннымъ; но просвѣщать себя все болѣе изученіемъ и наблюденіемъ можетъ всякій, особенно нѣсколько приготовленный къ тому предварительнымъ приобретеніемъ нѣкоторыхъ знаній. — Буду стараться, чтобы «Листокъ» мой не былъ однимъ сухимъ сборникомъ замѣтокъ по части теоріи языка, и занимателемъ только для филологовъ, но и доставлялъ приятное чтеніе вообще для любителей отечественной литературы.

Вотъ предположенія мои на счетъ будущаго направленія и устройства моего «Памятнаго Листка,» — предположенія, которыя, впрочемъ, я

не забывалъ приводить въ исполненіе и прежде, съ самаго того времени, какъ «Москвитянинъ» приютилъ этотъ «Листокъ» на свои страницы.

Въ дополненіе къ нему, я буду помѣщать въ «Москвитянинъ» новый Листокъ, подъ названіемъ: «Памятный листокъ удачныхъ нововведеній въ Русскомъ языкѣ, какъ-то: искусно составленныхъ новыхъ словъ, счастливыхъ выраженій и оборотовъ рѣчи; съ присовокупленіемъ картинныхъ метафоръ, замѣчательныхъ мыслей, разительныхъ-прекрасныхъ картинъ и сценъ.»—Этотъ новый «Листокъ» будетъ умѣрять серіозность перваго утѣшительнымъ своимъ взглядомъ. — Понятно, что онъ можетъ появляться предъ читателями лишь изрѣдка и въ неопредѣленное время. Онъ долженъ, до времени, питаться еще крохами, и потому, скоро полѣтъ ему нѣ отъ чего.

1.) Неужныя иностранныя слова и фразы.

— «Одинъ изъ тѣхъ талантовъ, которые легко свыкаются со всякимъ родомъ ученой дѣятельности, вездѣ скоро *ориентируются*.» (С.-П.-бургскія Вѣдом., 1853, N 248, фельет., стр. 1017.) *Ориентироваться* по-русски *опознаться*.

— «Безо всякой уже *arrigèrè pensèe*.» (Пант., 1853, N 2; Цыганка, стр. 191.) Такія вводныя иностранныя выраженія, въ легкой литературѣ, особенно, какъ здѣсь, отъ лица автора, непозволительны, тѣмъ болѣе, что: «безо всякой уже *arrigèrè pensèe*», хорошо переводится словами: безо всякой уже *преднамыренной, цѣлостной* цѣли.

— «Слова *кулинарнаго искусства*.» (Тамъ же, N 5, Кулинерша, стр. 74.) А почему же не *повареннаго*?

— «Характеровъ *экзальтированныхъ*.» (Тамъ же, N 2, Смѣсь, стр. 74.) На что намъ чужое: *экзальтированныхъ*, когда у насъ есть свое: *восторженныхъ*?

— «Съ царствомъ фантазій, съ его таинственными *агентами*.» (Т. ж., стр. 75.) Ужь пусть *агенты* остаются на коммерческомъ, ученомъ языкѣ, но въ *миръ фантазій* не пускайте ихъ.

— «*Фантазеръ*.» (Т. ж., стр. 74.) *Мечтатель*, право, не хуже.

— «Публика съ восторгомъ *аплодировала* вашимъ картинкамъ.» (Пант., окт. 1853, Гвидо Ревн, стр. 13.) Глаголь иностраннаго происхожденія *аплодировать* совершенно напрасно введенъ у насъ въ такое всеобщее употребленіе; русскій глаголь *рукоплескать* несра-

вненно лучше, какъ потому уже, что онъ — отечественное наше слово, такъ и по естественности, благозвучности, выразительности, съ которыми онъ передаетъ и какъ-бы позволяетъ слышать означаемое имъ дѣйствіе. Слово это мастерски составлено изъ существительнаго имени *рука* и глагола *плескать*; и точно, при этомъ дѣйствіи, собственно *не хлопаютъ руками*, а скорѣе, *производятъ* ими *плесканіе*, похожее на плескъ волнь.

— «Чтобъ выпутать мистера Обри изъ настоящей страшной *дилеммы*.» (Отечест. Зап. 1853, сент., Тяжба, стр. 147). Къ чему, въ обыкновенномъ разсказѣ, профессорская *дилемма*? Вѣдь это не на университетской кафедрѣ. Просто и удобопонятно для всякаго сказать бы: изъ настоящей страшной *бѣды*.

— «Окно его, въ уровень съ дверью, было *солидно* загорожено. (Тамъ же, стр. 161.) Ужъ здѣсь *солидно* вовсе не кстати; *наглухо*, *накрытко* — такъ.

— «Въ ней съ перваго взгляда нельзя было не узнать того, что французы называютъ *l'enfant de bonne maison*.» (Отеч. Зап., ноябрь 1853. Утро вечера мудренѣе, стр. 100.) Мы читаемъ русскую повѣсть, и не хотимъ въ ней ссылокъ на авторитетъ французовъ. Намъ вѣтъ надобности знать, какъ на ихъ языкѣ называются тѣ или другія черты въ обращеніи, — скажите, какъ называется это у насъ. Въ означенной фразѣ можно было сказать: «нельзя было не узнать, что она изъ *высшаго круга*»; вообще же, *l'enfant de bonne maison* значить: *человѣкъ благовоспитанный*.

— «Умѣнье *оживлять* эти *интимные* вечера, вообще *отличающіеся* *пустотой* и *однообразіемъ*» (Тамъ же, стр. 117.) Почему бы не сказать: эти *пріятельскіе* вечера? — Да и отъ чего бы такіе вечера *отличались* *пустотой* и *однообразіемъ*? Мы думаемъ иначе. Для людей сообщительныхъ, тихихъ, невзыскательныхъ, *пріятельскіе* вечера пріятіе пышныхъ баловъ.

2.) Галлицизмы.

— «Я тебѣ сдѣлаю предложеніе: ты немедленно *оставишь* этотъ домъ, *переплывешь* куда-нибудь подальше.» (Пант. 1853. N 2, Пыганка, стр. 78.). — *Оставишь* этотъ домъ, *переплывешь* — *vous quitterez cette maison, vous délogerez* — совершенно французскій оборотъ рѣчи. Въ русскомъ языкѣ, здѣсь употребляется повелительное наклоненіе: *оставь* этотъ домъ, *переплывай*.

— «Геммонъ просилъ Титмауза *дать себѣ трудъ*.» (Отеч. Зап., июнь 1853, Тяжба, стр. 158.) *Дать себѣ трудъ*—*se donner la peine*—галлицизмъ; по-русски говорить: *принять на себя трудъ, потрудиться*.

— «Пиръ былъ *существенный* и вмѣстѣ блестящій.» (Тамъ же, стр. 169). Что такое: пиръ *существенный*? Французы называютъ пиръ, обѣдъ *essentiel*; но слово это значить тутъ: *сытный*.

— «*Это былъ первый разъ*, единственный разъ съ самаго начала ихъ бѣдствія, что мистеръ Обри проводилъ ночь не подъ одною съ ними кровлею.» (Отеч. Зап., сент. 1853, Тяжба, стр. 190.) *Это былъ первый разъ*,— что, — *c'étoit pour la première fois que*—чисто по-французски; а по-русски: «Въ первый еще разъ мистеръ Обри проводилъ ночь, и т. д.»

3.) Неумѣстное повтореніе однихъ и тѣхъ же, или однозначительныхъ, или однокоренныхъ словъ.

— «*Наивной простоты*.» (Пант. 1853, N 7, Знахарь, стр. 36.) *Наивность и простота* выражаютъ понятія, весьма сходныя между собою, а потому, *наивный* негодится въ прилагательныя *простота*. *Наивная простота* можетъ быть замѣнена однимъ словомъ: *простодушіе*.

— «*Занялись* приготовленіемъ обѣда; вся команда обѣдала также на берегу; графиня Гудчіоли сама *занялась* раздачею ей вина; музыка гремѣла, все общество дождалось, всѣ были въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Дензель *занялся* снѣженіемъ вида горы Стромболи.» (Тамъ же, N 2. Путешест. Л. Байрона, т. 8). Такое близкое троекратное повтореніе глагола *заняться* показываетъ большую небрежность въ языку.

— «*Ввелъ* важное нововведеніе». (Отеч. Зап. июль 1853. Истор. Англ. Журналистики, ст. 34). *Ввелъ*—*нововведеніе*! Неужели нельзя было обойтись безъ такого школьнаго повторенія однокоренныхъ словъ. Скажите, напримѣръ: *произвелъ* нововведеніе.

— «Она *кланялась* (гостямъ) едва замѣтнымъ *наклоненіемъ* головы». (Отеч. Зап. ноябрь 1853. Утро вечера мудренѣе, стр. 102). *Кланялась*—*наклоненіемъ*! И этого повторенія легко было избѣгнуть, сказавъ: «Она *привѣтствовала* гостей едва замѣтнымъ *наклоненіемъ* головы».

4). Не-русскіе, *необразныя* выраженія и обороты рѣчи, слова несоответственныя, *неупотребительныя*, излишнія, поставленныя не въ своемъ значеніи, обветшалыя несоблюденіе правописанія.

— «Составленіе этой книги, хотя и не отличающейся чѣсломя листовъ, вѣроятно, взяло у автора много времени и трудовъ». (С. Петерб. Вѣд. 1853, N 248, фельет. стр. 1017.)

Взяло у автора много времени и трудовъ — оборотъ рѣчи не русскій; да и: у автора (у кого же болѣе?) — лишнее. Правильнѣе было бы: «На составленіе этой книги употреблено», или: «Составленіе этой книги потребовало».

— «Обдающіе трепетомъ звуки». (Пант. 1853. Окт., Скрипачъ, стр. 9). Трепетомъ не обдасть, а проникаеть.

— «Жидкія способности графа Дредлигтона». (Отеч. Зап., окт. 1853. Тяжба, стр. 205.) Ни о жидкихъ, ни о густыхъ способностяхъ мы не слыхали; развѣ: слабыя?

— «Вынулъ стетоскопъ и началъ его свинчивать». (Т. ж., стр. 24). Не стетоскопъ, а стетоскопъ, но если и не т, то все же не ф, а в; потому что stethoscopus (th, а не ph).

— «Какое дѣло привело этихъ двухъ людей, въ эту часть города?» (Тамже, стр. 225). По грамматикѣ не двухъ людей, а двухъ человекъ.

— «Въ усталомъ взглядѣ и въ заплывшихъ чертахъ». (Тамъ же, стр. 226.) Черты (прибавьте: лица) суть одно чевещественное выраженіе лица, а потому, заплывать не могутъ.

— «На его изнуренныхъ, убитыхъ чертахъ.» (Тамъ же, стр. 256). То же самое.

— «У автора есть наблюдательность, естественность, отсутствіе натянутыхъ положеній и ложныхъ лицъ». (Отеч. Зап., октяб. 1853. Библиограф. Хрон., стр. 108). Есть и отсутствіе — выражаютъ понятія, взаимно противоположныя, и никакъ не вяжутся между собою; какъ говорить, что есть какой-нибудь предметъ не присущій?

— «Смотритель, вступивъ въ комнату, снялъ, первымъ дѣломъ, нагаръ со свѣчи». (От. Зап., июнь 1853. Марья Иванов., стр. 155). Снялъ, первымъ дѣломъ, нагаръ — что это за словосочиненіе? А какъ легко было выразиться хорошо! Напримѣръ: «Первымъ дѣломъ смотрителя, при входѣ его въ комнату, было снять нагаръ со свѣчи». Притомъ, къ чему тутъ важное: вступивъ, а не войдя?

— «Между тѣмъ Акулина Степановна убрала все со стола въ грозный шкафъ, давно уже собиравшійся упасть на посѣтителей маленькой (лишнее) горенки, но все удерживаемый отъ этого, вѣроятно

чувствомъ челоѡколюбіа. (Тамъ же, стр. 174). Приписывать шкаѡ чувство челоѡколюбіе — остроуміе, не имѡющее смысла, не возбуждающее улыбку, а напоминающее что-то пошлое.

— «Къ тому же она (каjeta) была совѡмъ *уложена*». (Тамъ же, Тяжба, стр. 162). *Въ каретѡ было все уложено* — дѡло другое. А то зачѡмъ *уклидывать* (спать?) карету, когда она отправляется въ дорогу?

— «Законы, на основаніи которыхъ наша природа устроена, съ *большимъ затрудненіемъ* допускаютъ союзу утонченной чувствительности со смѡлоу, непреклонною, *ни передъ чѡмъ не уступающею* твердостью». (Тамъ же, стр. 181). Допускаютъ *весьма рѡдко, лишь въ исключительныхъ случаяхъ* — было бы здѡсь постоянное выраженіе. Сверхъ того, что *непреклонно*, тѡ, разумѡется, *не уступаетъ ни предъ чѡмъ* (правильнѡе: *ничему*); слѡдовательно, дополненіе это излишне.

— «Своимъ *учтивымъ и вѡжливымъ* обхожденіемъ». (Пант. 1853, N 2. Путешест. Л. Байрова, стр. 18). Довольно котораго-нибудь одного изъ этихъ прилагательныхъ, значащихъ *почти* одно и то же.

— «Наполнили (вопли и стоны) окружающій насъ воздухъ *самою непріятною гармоніею*». (Пант. 1853, N 5, стр. 45). *Гармонія* есть согласіе, сладкозвучіе, стройность, а потому, прилагательное: *самою непріятною* несовмѡстимо съ нею.

— «Составляло *дикую* гармовію». (Тамъ же, стр. 62). То же самое.

— «*Ваятель, скульпторъ*, оживляющіе холодный и блѡдный мраморъ (мраморъ?), тяжелую мѡдь и бронзу!» (Пант. 1853, N 10, Петерб. Вѡст., стр. 39.) *Ваятель и скульпторъ* — одно и то же.

— «Посторонитесь ли вы *другъ другу?*» (Тамъ же.) *Слѡдовало: другъ передъ другомъ.*

— «Послѡ этого (послѡ молодости) можно (актеру) *имѡть начитанность*, но нельзя *пріобрѡсть технической части* какого-нибудь искусства». (Сѡв. Пч. 1853, N 206, Пчелка). И *имѡть и пріобрѡсть* здѡсь не на своихъ мѡстахъ. *Пріобрѡсть* начитанность, *усовершенствоваться, сдѡлаться свѡдущимъ* въ технической части искусства — было бы хорошо.

— «Зачѡмъ желать *всемирнаго ампула?*» (Тамъ же). Отъ домогательства играть въ *разнородныхъ роляхъ* до *желанія всемирнаго ампула*, живѡсть какъ далеко; да ви въ комъ, вѡроятно, и не рождалось столь безразсуднаго желанія. *Ампула*, слѡва, инымъ и неизвѡ-

стыгаго, можно бы и избѣгать , и сказать : *занимать всѣ возможныя роли.*

— «Еслибъ читатель сегодня *остановился чтеніемъ* на этихъ строкахъ, а завтра началъ продолжать его, то ему показалось бы, что онъ читаетъ совсѣмъ другую вещь». (Пант. 1853, N 9, Запретъ на имя, стр. 18.) Отъ этой неотвѣзной *вещи* нѣтъ спасенія; только взявъ въ руки журналъ, а и пошла *вещь за вещью*. Ну что бы, вмѣсто: *читаетъ совсѣмъ другую вещь*, написать, какъ должно: *читаетъ совсѣмъ другое?* Скажемъ еще, что: *остановился чтеніемъ*—выраженіе не совершенно правильное; лучше было бы: *остановился въ чтеніи, закончилъ чтеніе* на этихъ строкахъ.

— «И отъ претензіи на которую (сумму) освобождалъ (Титмаузь) помянутого О. Геммона». (Тамъ же, стр. 168). Авторъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать, что Титмаузь *обязывался не требовать съ О. Геммона означенной суммы*, а переводчикъ передать другое, а именно, что *Титмаузь обязывался не домогаться, чтобы О. Геммонъ взыскивалъ съ него поименованную сумму.*

Н 2. ПАМЯТНЫЙ ЛИСТОКЪ УДАЧНЫХЪ НОВОВЪЗДЕНІЙ ВЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ, какъ-то: *искусно составленныхъ новыхъ словъ, счастливыхъ выраженій и оборотовъ рчи; съ присозокупленіемъ возвышенныхъ метафоръ, замѣчательныхъ мыслей, разительнопредкрасныхъ картинъ и сценъ, встрѣчающихся въ новѣйшихъ произведеніяхъ отечественныхъ нашихъ писателей по части изящной словесности.*

Наконецъ, юное поколѣвіе писателей и художниковъ нашихъ, особенно, пылкіе поборники *натуральной школы*, обратитесь всѣ въ службу, внимайте, умою, сердцемъ и душою, тому, что говорить,—не одинъ изъ нашихъ ветерановъ-писателей классиковъ, которыхъ внушенія, какъ бы они благоразумны ни были, какъ-то не даются вамъ, нѣтъ, послушайте, что говорить молодой же, даровитый поэтъ и прозаикъ нашъ, г. Майковъ. (Отеч. Зап. 1853, ноябрь, Годич. выстав. Императ. Акад. Худож. стр. 2.):—«Что же, хорошо или дурно эти люди (изображенные на картинѣ г. Рипцони: «Кабачокъ») дѣлають? Имѣеть ли это какое-нибудь вліаніе на судьбу и жизнь этихъ людей? Что ихъ привело сюда? Можно ли на этой картинѣ указать примѣръ, что-могъ, вотъ какъ гибельна такая жизнь, и подѣйствовать этимъ на воображеніе слабого, но еще неспорченного человѣка? Нѣтъ, ничто не наводитъ насъ на такую мысль.... Не показываетъ ли, наоборотъ, эта картина

того, какъ весело въ этомъ заведеніи, какъ бы хорошо туда зайти? И этого, конечно, не имѣлъ въ виду художникъ. Если же картина такого рода лишена высокихъ человѣческихъ интересовъ, и передаетъ только то, что бываетъ въ извѣстныхъ мѣстахъ, она остается изумительно-вѣрной копіей съ дѣйствительности. Отчего? Оттого, что художникъ, какъ въ зеркалѣ, представилъ то, что происходитъ передъ его глазами, и совершенно скрылъ, какое впечатлѣніе оно производитъ въ его душѣ. » (Стр. 34—35.) Изумительно-вѣрная копія съ дѣйствительности, и только! Но довольно ли этого? Конечно, нѣтъ. Далѣе:—«Припомните въ исторіи нашей литературы, какъ при первомъ появленіи «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ» Гоголя, многіе изъ нашихъ писателей, думая подражать ему, ударились въ изображеніе грязнаго, но дѣйствительно-встрѣчающагося въ нѣкоторыхъ закоулкахъ нашего быта. Изображенія ихъ были вѣрны; но попробуйте прочесть ихъ теперь, вы бросите книгу; грязь, ими изображенная, будетъ не болѣе какъ грязью; впечатлѣніе будетъ тяжелое, даже нисколько незабываеое... въ комизмъ Гоголя скрывается сердце, вовсе несочувствующее грязному міру, который онъ изображалъ, и изображалъ съ цѣлью не простаго лагерротиписта, а высокаго моралиста. Онъ представлялъ пороку зеркало, но такъ, какъ мать дѣлаетъ это съ капризнымъ ребенкомъ, и говоритъ притомъ: «поглядись въ зеркало, на что ты похожъ теперь». Вотъ эта-то невидимая мать, это-то любящее сердце и составляетъ душу гоголевыхъ сочиненій, и ее-то не понимали первые его подражатели. *Задача искусства не заключается въ томъ, чтобъ воспроизводить то, что есть, но въ томъ истинное торжество его, чтобъ передать вышними знаками то впечатлѣніе, которое производятъ явленія живущаго міра на высокую душу, невытекающую никогда изъ виду идеала чловѣческаго нравственнаго совершенства.* Изъ художниковъ никто, можетъ быть, не изображалъ такіа грязныа сцены, никто не представлялъ груснѣйшихъ страстей чловѣческихъ въ такомъ отвратительномъ видѣ, какъ Гогартъ; но усомнился ли когда-нибудь, кто-нибудь въ чистотѣ его намѣреній, въ его высокой нравственности? Но какъ Гогартъ поступалъ съ такими сюжетами? Вводилъ ли онъ васъ въ темный притонъ, и показывалъ ли тамъ печальныа жертвы, туда стекающіяся? Вы тутъ различите и нѣкогда роскошнаго щеголя, котораго тщеславіе и жажда чувственныхъ наслажденій лишили всего состоянія и низвели на низшую степень чловѣчества, и онъ, въ припадкѣ отчаянія, ищетъ забвенія въ винѣ, но напрасно! надъ нимъ посреди оргіи тяготѣетъ тяжелая дума о промо-

танной жизни. Вы тутъ же найдете и неопытнаго юношу, вовлеченнаго дуда товарищами, и на лицъ его прочтете нѣкоторое природное отвращеніе отъ порока, борьбу дѣвственнаго стыда и цѣломудрія съ порочными наклонностями. А посреди густой группы разныхъ людей вы узнаете по лицу каждаго, ктѣ онъ и чтѣ привело его въ это мѣсто.... Тутъ есть и игрокъ, и бездарный актеръ, претендующій на роли Гаррика, и отецъ семейства, за которымъ приходитъ рыдающая жена съ груднымъ младенцемъ. Словомъ, въ этой грязной картинѣ вы почувствуете какой-то трагическій ужасъ; вы услышите, что здѣсь гдѣ-то вопіеть поправная нравственность, поруганное достоинство челоуѣка, разумъ, испровергнутый въ борьбѣ съ необузданными страстями. Въ каждомъ лицѣ вы увидите результатъ какой-то страшной драмы... Вотъ искусство въ его апогее! Здѣсь *нельзя не познать въ художникѣ великаго карателя во имя добра и высокой нравственности!* Вотъ этой-то гогартовской глубины взгляда, проникающаго далеко въ жизнь челоуѣческую, нѣтъ въ картинѣ г. Риццони, при всей мастерской отдѣлкѣ внѣшности; а безъ этого нравственнаго чувства, которое бы возбуждалось въ васъ, когда васъ вводятъ въ вертепы порока, къ чему и оскорблять наши взоры, нашъ вкусъ такимъ зрѣлищемъ?..» (Стр 35-36.)

Превосходно!— Благодарю васъ, даровитый авторъ, что вы доставили мнѣ случай украсить вышеприведеннымъ отрывкомъ первый выпускъ новаго моего «Памятнаго Листка».

Выписанныя нами мѣста могутъ служить примѣромъ *высокихъ мыслей, разительныхъ картинъ, излишняго языка.*

Въ *ровню* (pendant) къ этому, относительно *назидательности*, помѣстимъ слѣдующія строки: «Въ литературѣ и журналистикѣ есть литераторы, писатели, проникнутые истиннымъ призваніемъ, безкорыстною любовью къ искусству и высокими, неукоризненными правилами нравственными. Эти избранные, тихіе и кроткіе созерцатели понимаютъ и убѣждены, что литература не только эстетическое служеніе искусству, духовная забава для взаимнаго наполненія досуговъ авторскихъ и читательскихъ, но и благородное, строгое служеніе истинѣ, добру и морали. Книга или статья, по прочтеніи которой не чувствуешь себя лучше, чище, не ощущаешь въ себѣ высокихъ стремленій, не прибавляешь ничего къ своимъ мыслямъ и образованію, пустяки, жалкій фокусъ-покусъ, шутяха ракета, мгновенно погасающая! Книга или статья, не научающая добродѣтелямъ семейнымъ и общественнымъ, не распро-страняющая хоть нѣсколько круга умственныхъ свѣденій и свѣтлыхъ

возврѣній — мыльный пузырь, мимолетное дуновение, цвѣтокъ безъ красоты и благоуханія!» (Пант. 1853, октяб., Петерб. Вѣстн., стр. 36.)

— «Парусъ (при закатѣ солнца на, морѣ) не бѣзѣтъ: онъ облитъ сіяющимъ золотомъ, онъ горитъ огнемъ при послѣднихъ лучахъ солнца, блеститъ яркимъ серебромъ, когда солнце скроется за горою, и вдругъ является блѣднымъ, едва замѣтнымъ призракомъ на морѣ, а ужь въ небѣ, когда потухнетъ заря. Это происходитъ отъ того, что голубая линія моря синѣетъ, не касаясь горизонта; потомъ цвѣтъ моря сливается съ цвѣтомъ неба, и на этомъ-то фонѣ является корабль или барка, и обманутому зрѣнію кажется, будто корабль несется по небу. Было полнолуніе, и всякой день мѣсяцъ всходилъ и стоялъ надъ моремъ, то образуя огромныя золотыя колоны, то стальныя круги, какъ озера изъ блестящихъ зеркалъ, то золотыя борозды на поверхности волнъ; иногда мѣсяцъ вдругъ зажигалъ на горизонтѣ длинную, блестящую полосу свѣта, которая казалась фантастическимъ путемъ въ невѣдомую страну, и все это посреди ясной, тихой, безмятежной ночи юга.» (С. Петерб. Вѣдом. № 241, 1853, Крымск. Письма). Я не могъ не выписатьъ всего этого отрывка, представляющаго такъ живописно, такъ увлекательно-дивныя явленія крымской природы, попеременно рисующіяся на морѣ при закатѣ солнца, при восходѣ мѣсяца и стояніи его надъ моремъ въ полнолуніе. Конечно для насъ, жителей сѣвера, подобная картина юга имѣетъ въ себѣ много фантастическаго: но чтѣ до того? и мы, силою воображенія, заочно постигаемъ южную природу, и восторгаемся ею.

Вотъ одно изъ великолѣпныхъ описаній обаятельныхъ сценъ природы.

— «Надъ головою днемъ бирюзовыя тѣни, ночью расплавленный сафиръ.» (Пант. 1853, Сент. Кто кого проучилъ? стр. 18.) Кто жилъ въ Римѣ, тому, конечно, понятны вся естественность, вся пышность этой картины; но людямъ впечатлительнымъ, и не бывавшимъ въ этомъ городѣ, она раскроется мысленно. Они прильнуть, окомъ воображенія, какъ бы наяву, къ чудному южному небу, будутъ плавать въ бирюзовыхъ и сафирныхъ зыбяхъ воздушной природы Италіи.

И это привлекательная картина природы.

ЖВАНЪ ПОКРОВСКІЙ.

1854. Царское-Село.

ПРЕДСКАЗАНИЕ О ПОГОДЕ 1854 ГОДА.

Въ той полосѣ, которая простирается на полдень отъ Москвы до степей южной Россіи, должно ожидать въ 1854 году слѣдующаго состоянія температуры, съ нѣкоторыми частными и непродолжительными исключеніями:

Вторая половина зимы (съ конца января) будетъ далеко не такъ холодна, какъ первая половина.

Весна начнетъ ранѣе обыкновеннаго, и ознаменуетъ себя особенною теплотою.

Но лѣто (съ іюля мѣсяца по сентябрь) будетъ обильно дождями.

Осень будетъ болѣе сухая и холодная.

Зима станетъ не рано, но въ началѣ ея (съ декабря мѣсяца) морозы будутъ сильныя.

Независимо отъ сего надлежитъ ожидать ненастья или снѣгу (смотря по времени года).

Около:	14	января.
—	11	февраля.
—	10	марта.
—	4 и 31	мая.
—	28	іюня.
—	25	іюля.
—	21	августа.
—	17	сентября.
—	15	октября.
—	11	ноября.
—	9	декабря.

Изъ всего вышесказаннаго и нѣкоторыхъ другихъ соображеній, основанныхъ на долговременныхъ наблюденіяхъ, можно заключать, что въ наступающемъ году сѣнокосы и сады по означенному выше краю будутъ не весьма обильны, и что урожай самыхъ хлѣбныхъ растений не такъ будетъ хорошъ, какъ урожай овощей и грибовъ; самая уборка хлѣба будетъ затруднительна отъ сырой погоды. Замѣтить еще надо, что насѣкомыхъ появится лѣтомъ болѣе прошлогодняго, и пчелы будутъ роняться лучше.

М О Д Ы.

— Бальные наряды должны, безъ сомнѣнія, въ настоящее время составлять главный предметъ нашей хроники.

Бальные платья чрезвычайно разнообразны, дѣлаются, однакожъ, большею частію съ лифами *bisqués*, т.-е. очень длинными, въ видѣ корсетовъ; юбки длинныя, съ небольшимъ шлейфомъ.

Употребительнѣйшія украшенія, — на юбкахъ оборки, приподнятыя цвѣтами, лентами, перьями, на лифахъ драпри или берты, образующія спереди отвороты въ видѣ V.

— Лампасъ, муаръ-антикъ, дрогеты и другія матеріи, затканныя богатымъ узоромъ шелкомъ и золотомъ, вотъ главные элементы дамскихъ туалетовъ. Дѣвицы носятъ тарлатановыя и креповыя платья *jardinière*, шитыя шелками и соломкой гирляндами полевыхъ цвѣтовъ и колосьевъ; платья *stella*, шитыя по крепу золотомъ и серебромъ звѣздами, и наконецъ, гренадиновыя платья, затканныя златными полосами яркаго цвѣта.

— Богатый сорти-де-баль составляетъ необходимую принадлежность современнаго бального наряда. Это пардесю дѣлаютъ теперь съ несмысленной роскошью. Вотъ нѣсколько образцовъ.

— Сорти-де-баль *Alboni*, родъ тальмы съ рукавами и капюшономъ, изъ пушцоваго кашемиру, шитаго золотомъ и украшеннаго турецкими кистями изъ пушцоваго шелку и золота.

— Пардесю въ видѣ тальмы изъ бѣлаго бархату, съ серебряными разводами, на голубомъ плюшевомъ подбоѣ, обшитый голубой бахромой съ серебрянымъ аграмантомъ и украшенный кордельеромъ и кистями изъ голубаго шелку и серебра.

— *Venitienne*, сорти-де-баль бѣлое кашемировое съ капюшономъ,

образующимъ шарфъ спереди; рукава длинные и широкіе, разръзаны внизу; весь сорти-де-баль затканъ вокругъ широкой и яркой каймой, равно какъ рукава и капюшонъ.

— Пелерина *duchesse*, небольшая, съ остроколючими и длинными полами; она дѣлается изъ бѣлаго атласу, выстеганнаго великолѣпными арабесками; вокругъ великолѣпная бахрама изъ бѣлыхъ же марабу.

— При входѣ на балъ принято обертывать шею тюлевыми и кисейными шарфиками, нерѣдко шитыми золотомъ. Ничто не можетъ быть болѣе къ лицу этого легкаго боа, мягкій тонъ котораго такъ выгодно выказываетъ цвѣтъ его.

— Головные уборы очень оригинальны и красивы. Лучшіе изъ нихъ:

— Уборъ *Irvita*, сдѣланный изъ бархатныхъ и атласныхъ лентъ двухъ цвѣтовъ, перемѣшанныхъ съ вѣтками синели, золотыми цвѣтами и листьями.

— Уборъ *Izabelle*, состоящій изъ золотого блондоваго кружка посреди котораго приколотъ большой бантъ голубыхъ лентъ, затканыхъ золотомъ. Съ каждой стороны букеты бѣлыхъ марабу; діадема изъ рюшу золотыхъ лентъ дополняетъ эффектъ убора.

— Куафюръ *Manols*, состоитъ изъ большихъ бантовъ богатыхъ лентъ, затканыхъ золотомъ и перемѣшанныхъ съ бѣлой блондой.

— Уборы изъ цвѣтовъ почти всѣ безъ исключенія имѣютъ форму вѣнковъ, сплетенныхъ изъ длинныхъ и гибкихъ вѣтокъ, образующихъ сзади, на косъ, родъ сѣтки. Блескъ составляетъ первое условіе, первую красоту уборовъ: серебряный или золотой иней непремѣнно покрываетъ лепестки розъ съ брилліантовыми срединами, золотыми шипами и листьями и проч.

ОПИСАНІЯ КАТРИНКИ.

— Платье муаровое, убранный бѣлыми кружевными оборками и розетками атласныхъ лентъ; головной уборъ изъ пунцовыхъ муаровыхъ лентъ и пунцовой креповой розы.

— Платье атласное, обшитое на тюникъ и на лифъ бахромой изъ бѣлыхъ перьевъ; уборъ блондовый, убранный цвѣтами и лентами.

КРЕСТНИЦА.

РОМАНЪ

Жоржа Занда.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

АНИСЭ.

I.

ЗАПИСКИ СТЕФЕНА.

Мнѣ было шестнадцать лѣтъ, когда я признанъ былъ бакалавромъ въ Буржѣ. Курсъ провинціального обученія не Богъ знаетъ какъ обширенъ. Я былъ однако же изъ бойкихъ учениковъ въ лицѣѣ.

Къ-счастію моему, я былъ скромнень, на сколько можетъ быть скромнень школьникъ, привыкшій къ ежегоднымъ отличіямъ. Печальная настроенность духа удерживала меня отъ упоительнаго тщеславія.

Я съ ревностью предался занятіямъ, желая доставить тѣмъ удовольствіе своей матери и поскорѣе соединиться съ нею. Со слезами на глазахъ, она говорила мнѣ при прощаньѣ:

— Чѣмъ лучше будешь ты учиться, тѣмъ скорѣ увидишься со мною.

Каждый годъ она повторяла мнѣ это обещаніе, и каждый годъ я опережалъ своихъ сверстниковъ. У нихъ, вѣрно, не было матери, подобной моей!

Одну только ее любилъ я со всею страстью. Наканунъ послѣднихъ экзаменовъ я живо представлялъ себѣ ея радость, и бодрость всеялась ко мнѣ въ душу; спросили бы меня о какомъ-нибудь новомъ для меня предметѣ, мнѣ кажется, вдохновенный небомъ, я бы и тутъ нашелся что отвѣчать.

Я получилъ уже дипломъ и пошелъ проститься съ провизоромъ; но тутъ-то гроза разразилась надо мною. Мнѣ подали письмо съ черной печатью.

«Бѣдное дитя мое, писалъ ко мнѣ отецъ, я не хотѣлъ было извѣщать тебя о нашей горести до окончанія твоихъ экзаменовъ. Но во всякомъ случаѣ увѣдомляю тебя съ этой почтой, что твоя мать очень слаба и врядъ ли суждено тебѣ прѣхать во-время, чтобы обнять ее въ послѣдній разъ».

Я понималъ, что матери моей нѣтъ уже на свѣтѣ, и половина души моей, казалось, умерла вмѣстѣ съ нею.

Я не плакалъ, и отправился въ путь; я не долженъ былъ, да и не могъ искать утѣшенія; я отживалъ лѣта младенчества, и сознавалъ уже ясно, что не видать мнѣ никогда поры юношеской.

Дома не нашелъ я и слѣдовъ моей матери; осталась только коса длинныхъ черныхъ волосъ, которую отрезала она для меня за часъ передъ смертью.

Мнѣ было тогда ровно столько же лѣтъ, какихъ она родила меня на свѣтѣ Божій: мнѣ было шестнадцать лѣтъ! Она умерла отъ холеры въ полномъ цвѣтѣ жизни, въ полнонь блескъ своей красоты.

Отецъ мой былъ огорченъ больше моего. Печаль его была мрачна, болезненна; но она не могла быть продолжительна.

Мой отецъ былъ крѣпкаго здоровья, отличался большой дѣятельностью физическою и положительнымъ складомъ ума, хотя умъ этотъ вращался въ тѣсномъ кругу домашнихъ занятій. Онъ былъ деревенскій буржуа, но богаче всѣхъ въ окрестности: у него было до шести тысячъ ливровъ годоваго дохода. Сохраненіе и поддержка своей земельной собственности были единственной цѣлью его жизни. Пока были у него жена и сынъ, онъ могъ считать это обязанностью, хотя въ сущности это было для него самымъ высшимъ удовольствіемъ.

Первое время вдовства, ему казалось (какъ и мнѣ тоже), что онъ не въ состояніи заниматься никакими дѣлами. Мало по малу, онъ рѣшился приняться за прежнія занятія, изъ любви ко мнѣ. За тѣмъ, онъ продолжалъ то же изъ потребности дѣйствовать и жить.

Я вкратцѣ скажу о нѣкоторыхъ печальныхъ подробностяхъ нашей жизни. Надо замѣтить одно обстоятельство, весьма обыкновенное въ нашей провинціи. Классъ богатыхъ буржуа составлялъ въ это время совсѣмъ новое сословіе. Эти разбогатѣвшіе новички съ большимъ трудомъ собрали во-едино разрозненные клочки отдѣльныхъ наслѣдствъ или благопріобрѣтенныхъ земель, и составилъ изъ нихъ порядочный кусокъ, крайне льстившій ихъ самолюбію. Все на свѣтъ относительно: кто женился на сорока тысячахъ франковъ, тотъ считалъ себя богачемъ, удвоивши или утроивши свое достояніе.

Счастье его было упрочено, земля приведена въ порядокъ, она какъ-то заманчивѣе рисовалась его воображенію; но мысль, что она можетъ раздробиться на части, казалась ему возмутительной, пугала его; тогда клялся онъ не имѣть больше одного наслѣдника, и крѣпко держалъ свое слово.

Провинціальный буржуа вноситъ расчетъ даже въ сердечныя отношенія.

Въ то время, какъ я родился, другая важная причина поднимала нравственныя тревоги въ провинціальныхъ семей-

ствахъ; то была страшная разница въ воспитаніи обоихъ половъ. Разбогатѣвшій крестьянинъ, выльзши въ буржуазію, кое-какъ выучась грамоты, поставлялъ себѣ за честь породниться съ семьей, хотя бѣднѣе его, но считавшею въ числѣ предковъ своихъ какого-нибудь волостнаго или городского начальника.

Мой отецъ принесъ въ супружество порядочное состояніе—двѣсти тысячъ франковъ; моя мать—хорошее воспитаніе, приличный образъ жизни и имя, съ давнихъ поръ почетное въ кругу буржуазіи: она была изъ дома Ривзанжъ; отца же моего звали Герёнъ; онъ соединилъ обѣ фамиліи, какъ это не рѣдко случается въ нашихъ мѣстахъ.

Но не столько имя, сколько земля составляетъ идеаль подобнаго деревенскаго буржуа. Ему все равно, дочь или сынъ будетъ его единственнымъ наследникомъ. Въ этомъ онъ рѣзко отличается отъ стариннаго дворянина, который дорожилъ землею по причинѣ имени и титула. Разбогатѣвшій земледѣлецъ любитъ просто землю за землю.

Сохранить онъ доставшуюся ему землю въ цѣлости, и онъ умереть спокойно.

Дворянинъ допустилъ уничтоженіе права первородства; буржуа протестуетъ по своему. Онъ сокращаетъ свою семью, рискуя довести ее до полнаго уничтоженія.

Поэтому нѣчего было опасаться вторичной женитьбы моего отца, не смотря на его нестарые еще годы.

Меня ожидала худшая судьба.

Крестьянка принялась за его хозяйство, овладѣла домою и личностью моего отца.

Я былъ слишкомъ молодъ, при-томъ же покойная мать внушила мнѣ большую сыновнюю любовь; понятно, что я не могъ спасти отца отъ этой зарождавшейся тираніи. Печальный видъ мой былъ единственнымъ протестомъ; онъ пришелся не по сердцу. По прошествіи года, отецъ призвалъ меня и сказалъ:

— Тебѣ скучно со мною; ты получишь городское воспитаніе: ты отвыкь отъ деревенской жизни. Впослѣдствіи ты полюбишь ее опять, когда меня не будетъ на свѣтъ. Но до тѣхъ поръ, тебѣ надо поискать занятія, чтобы употребить съ пользою свои познанія. Хочешь ли быть адвокатомъ или медикомъ? Въ нотаріусы же или въ повѣренные и не думай. Тебѣ надо будетъ завести контору, продать для этого землю, а я не съ тѣмъ скупилъ четыре прекрасныхъ помѣстьевъ, чтобы размыгарить ихъ съизнова. Такъ объяви же твою волю, сынъ мой.

Я съ робостью спросилъ у отца, куда ему угодно, чтобы я шелъ, въ медики или адвокаты; особеннаго призванія ни къ чему я не чувствовалъ, но мать научила меня полной покорности

Для нея я сталъ бы работать—по любви; для него работалъ бы—по обязанности.

Отецъ мой, казалось, смутился отъ моего вопроса.

— Мнѣ бы хотѣлось, сказалъ онъ, чтобы ты былъ адвокатомъ или медикомъ, или чѣмъ-нибудь другимъ, только бы зарабатывалъ копейку.

— Вамъ нужны деньги, возразилъ я, вы хотите, чтобы я доставалъ для васъ деньги?

— Для меня? сказалъ онъ съ улыбкой. И, нѣтъ, сынъ мой, благодарю тебя; доставай для самого себя. Ты можешь располагать тысячею двумя стами ливровъ, которые я буду высылать тебѣ. Говорятъ, этого мало въ Парижѣ, но много для меня. Приобрѣтай самъ, пока я живъ, вотъ мой советъ.

— Сколько же времени даете вы мнѣ для приобрѣтенія необходимаго, чтобы я могъ избавить васъ и отъ этого пожертвованья?

— Сколько тебѣ вздумается самому, отвѣчалъ онъ. Я обязанъ давать тебѣ вспоможеніе; обязанъ по моему положенію и по средствамъ, которыя дозволяютъ мнѣ это. Но о другомъ чѣмъ и не помышляй до тѣхъ поръ, пока на задумаешь жениться.

За-тѣмъ, онъ далъ мнѣ сто франковъ на первый мѣсяцъ, тридцать на дорогу, подалъ плащъ, чемоданъ съ бель-

снѣ, и пожалъ мнѣ руку. Я видѣлъ, съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ онъ моего отправления; я ухватъ въ тотъ же вечеръ, захвативъ съ собою волоса моей матери, нѣсколько ея любимыхъ книгъ и букетъ флѣлокъ съ ея могилы.

Я говорю мало объ этихъ первыхъ годахъ своей жизни. Я увѣренъ, что не вношу сюда ни гордости, ни ожесточенія, ни даже напыщеннаго тона горести или мечтательности.

Мнѣ хочется перейти къ одному періоду моего существованія, который требуетъ моего полного вниманія; но для этого надо сказать вкратцѣ объ моихъ обстоятельствахъ, объ моихъ впечатлѣніяхъ до того времени.

Мнѣ часто ставили въ вину мой исключительный характеръ. Вотъ въ чемъ никакъ не могу я сознаться: я не замѣчаю въ себѣ этой исключительности; по-моему, я дѣйствую всегда логически относительно своей законной свободы, и не только въ отношеніи правъ моихъ, но даже и самыхъ моихъ обязанностей.

Въ Парижѣ не зналъ я никого, встрѣчался только съ немногими изъ школьныхъ товарищей; по-этому мнѣ не для чего было обзаводиться роскошью свыше моихъ средствъ. Одно только съ перваго разу я понялъ, что квартира, набитая студентами, слишкомъ шумна для грустнаго расположенія духа, котораго не могла усладить во мнѣ и разлука съ отцемъ. Я нанялъ одну комнатку на чердакѣ въ очень тихомъ домикѣ, по сосѣдству съ Люксембургомъ. Купилъ въ долгъ желѣзную кровать, столъ и пару стульевъ. Чемоданъ долгое время служилъ мнѣ комодомъ и библіотекой. Мало по малу, расплатившись за первыя покупки, былъ я въ состояніи устроить свою жизнь на сколько могъ удобнѣе и по собственному вкусу. Покойница-мать пріучила меня къ чистотѣ даже излишней, судя по моимъ средствамъ. Отецъ всегда говаривалъ, что я не выйду изъ долговъ по милости, этой опрятности, и нигдѣ не уживусь. Онъ ошибался. Конечно, человекъ, привыкшій къ нѣкоторой изысканности, не такъ легко уживается, какъ другой, довольный всякимъ помѣщеніемъ, но за то можетъ онъ сосредоточиться въ себѣ, и эта отрадная бесѣда съ самимъ собой отвлекаетъ его отъ шумной уличной жизни.

Такъ было и со мной. Когда я очутился среди стѣнъ, оклеенныхъ чистенькими обоями, когда я могъ сквозь опрятный стекла любоваться на люксамбургскую зелень, мнѣ пришла мысль провести всю жизнь на этомъ чердакѣ, и я въ самомъ дѣлѣ не перемѣнилъ квартиры во всю свою бытность въ Парижѣ.

Я убралъ свою келѣйку по собственному вкусу. Нѣсколько горшковъ цвѣтовъ на окнѣ, выходявшемъ на самый скатъ крыши, образа въ рабочемъ ящикѣ моей матери, старая шаль, которую она дала мнѣ некогда для покрывки стола, ея же маленькое фортепiano, которое отецъ мнѣ выслалъ, одѣяло для ногъ, ею вышитое,—вотъ что составляло для меня роскошь безцѣнную и полную прелести невыразимой.

Меня навѣщали нерѣдко старинные товарищи по школѣ. Они любили меня за доброту и приветливость, но упрекали за мрачность и затворничество, потому что я не повѣрялъ имъ никакихъ происшествій, которыхъ со мною не было; словомъ, я имъ казался чужакомъ и нѣсколько не занимательнымъ собесѣдникомъ. Однажды я даже раскаялся и не шутку испугался ихъ посѣщенію, когда они, примѣтя мое желаніе быть веселѣе съ ними, безъ церемоніи клали закуренныя сигары на шаль моей матери, открывали ея фортепiano и разыгрывали на немъ глупыя кадрили своими безпощадными ручищами. Мнѣ не хотѣлось *разыгрывать* сыновною любовью; мнѣ было больно, возмутительно; я чуть было не попалъ въ скупцы, потому что не хотѣлъ ссудить книгою, которая ей принадлежала. Одинъ только изъ товарищей понималъ меня; то былъ Эдмондъ Рокъ, который сдѣлался моимъ сердечнымъ другомъ.

По уходѣ нашихъ буйныхъ товарищей онъ сказалъ мнѣ:

— Это общество тебѣ не по сердцу, я вижу. Ты уже не дитя, бѣдный мой Стѣфенъ, не знаю даже, былъ ли ты когда молодъ. Можетъ быть, ты и помолодѣешь къ старости. Теперь же, тебѣ нужно быть наединѣ съ другомъ или двумя. Выбирай друзей осторожно и помни секретъ для избѣжанія общества лишнихъ людей, секретъ, благодаря которому, никто не нарушаетъ теперь моего спокойствія.

Онъ прошелся по комнатъ, отыскалъ въ перегородкѣ, выходящей на лѣстницу, какую-то деревянную перекладину, и сказалъ мнѣ:

— Завтра ты позови столяра, если не умѣешь самъ взяться за это дѣло. Вели пробить здѣсь отверстіе толщиною въ пѣриный стволъ. Тебѣ видно будетъ, кто звонитъ или стучитъ въ дверь, и тебя не будетъ дома для незваныхъ гостей. Тутъ нѣтъ ничего дурнаго. Повѣрь мнѣ: вся будущность чело­вѣка зависитъ отъ этой необходимой предосторожности...

— Въ которой ясно виднѣнъ весь характеръ изобрѣтателя, отвѣчала я. Нѣтъ, я не могу слѣдовать твоему совету.

Эдмондъ Рокъ былъ рѣзкаго и настойчиваго характера. Онъ не зналъ, что такое щекотливость, и если оскорблялся чѣмъ, то ужъ вѣрно не даромъ.

— Понимаю, сказалъ онъ; ты знаешь, что я не эгоистъ, и мнѣ извѣстно, что ты преданъ мнѣ. Но ты меня упрекаешь въ недостатокъ обязательности, я же не похваляю тебя за излишнюю доверчивость. Можетъ быть, я бы поза­мидовалъ тебѣ, еслибъ не зналъ, что ты стоишь выше меня по уму, а я выше по характеру. Ты трудился изъ любви къ кому-то: къ твоей матери! знаю. Я же работалъ... ты скажешь, для самого себя? нѣтъ! изъ любви къ наукѣ. Знать чтобы знать—вогь истинное наслажденіе, которое не нуждается въ постороннихъ ободреніяхъ. Мы оба предоставлены своимъ силамъ; я знаю, чего добиваюсь самъ и чего ищешь ты; ты же ничего про это не знаешь.

— Да, про меня ты сказалъ правду, милый Эдмондъ. Но будемъ говорить только о тебѣ. Какая же твоя цель?— слава или богатство?

— Ни то, ни другое. Наука, говорю тебѣ. Я довольно работалъ до сего дня, чтобы увѣриться, что я ровно ничего не знаю. Знай же! Я хочу, прежде нежели умру, узнать все, что только можетъ знать чело­вѣкъ. Товарищамъ нашимъ этого не нужно. Всѣ они захотятъ прежде всего узнать, что такое удовольствіе; затѣмъ нѣкоторые поддадутся, можетъ быть, тщеславію, захотятъ проникнуть въ ученую глубь кляузничества, или питаться пустыми, высокопарными фра-

зами судебного мастерства, либо прогуливаться по обширному полю медицинских предположений. Я не могу удовольствоваться такимъ убожествомъ; надъюсь, и ты тоже. Подобно тебѣ, у меня есть средства для жизни въ будущемъ; подобно тебѣ, у меня есть родные, которые не принуждаютъ меня въ выборъ службы; подобно тебѣ, я возросъ въ семьѣ простой, люблю деревенскую незатѣйливость въ образъ жизни и могу прожить тѣмъ немногимъ, что получаю. Мы оба понимаемъ прелести науки; мы оба въ ней можемъ найти свое счастье. Я уже на пути къ этому счастью, и иду вѣрной дорогой. Очередь за тобою; пора тебѣ сбросить эти пошлыя цѣпи, по милости которыхъ можешь ты потерять единственно дорогую вещь въ мѣрѣ: золотое время, быстрые часы нашей короткой жизни, часы, которые, увы! не возвратятся никогда для чловѣка жаждущаго и трудящагося для истины. Въ ней только и можешь ты обрѣсти силу и утѣшеніе, какъ не найдеть никогда опоры твоя разбитая душа среди пустой, бессмысленной жизни твоихъ товарищей. Бодрѣй же, къ дѣлу! запри дверь, просверли стѣну, сторожи крѣпко свою душу — не отъ естественной потребности помогать ближнему, но отъ вздорной снисходительности приличій, которая какъ-разъ обратится въ слабость и духовную слѣпоту.

Эдмондъ Рокъ говорилъ дѣло съ своей точки зрѣнія, но онъ не совсѣмъ ясно читалъ въ моей душѣ. Да и какъ могло быть иначе? я самъ какъ-то смутно заглядывалъ въ собственное сердце. Онъ родился на югѣ, выросъ подъ этимъ жгучимъ небомъ, котораго свѣтъ яркой струей разливается на природу. Я же родился въ Берри, въ царствѣ осеннихъ тумановъ, гдѣ вѣтры дуютъ неистово, гдѣ непостоянство погоды дѣлаетъ и чловѣка нерѣшительнымъ, пасмурнымъ съ виду, легко предающимся бездѣйствію и какъ бы усталымъ отъ жизни, хотя онъ не успѣлъ еще войти въ жизнь.

Побѣжденный его увѣщаніями, я просверлилъ перегородку; но видно не легко измѣнить натуру чловѣка: моя хитрость обратилась противъ меня же. Я рѣшился впускать только тѣхъ, которыхъ стоило. На дѣлѣ же вышло, что всякій приходилъ красть мое время и разстраивать мой занятія.

Безъ этого обсервационнаго пункта я, можетъ быть, и поставилъ бы на своемъ; но какъ только взгляну, бывало, въ эту проклятую щель, мнѣ ужь совѣстно было не откликнуться, и я терпѣливо выносилъ самыхъ невыносимыхъ, самыхъ пустыхъ и нестоющихъ людей—до того боялся я прослыть эгоистомъ съ тѣхъ поръ, какъ нашель къ тому средство.

Къ-счастью моему, я не былъ на столько богатъ, чтобъ могли во мнѣ имѣть нужду другіе. Къ-тому же характера я былъ не веселаго и рѣдко дѣлилъ удовольствія своихъ товарищей.

Трауръ, который носилъ я на шляпѣ, давалъ мнѣ возможность сохранять другой трауръ, который суждено мнѣ было носить вѣчно въ душѣ. Товарищи мои безъ оглядки отдались упоенію парижской жизни. Я же успокоился, на сколько могъ успокоиться мой несчастный характеръ, и слѣдуя совѣту Эдмонда, отдался наукѣ, если не съ жаромъ, то съ постоянствомъ и добросовѣстностью.

II.

Мнѣ не было нужды заботиться о томъ, выйдетъ ли изъ меня строгій ученый. Я не могъ не любить науки. Отъ того ли, что я чувствовалъ къ ней врожденную склонность, или твердое желаніе повиноваться матери родило во мнѣ эту любовь, только я не могъ оставаться безъ дѣла, и моя постоянная задумчивость была скорѣе плодомъ размышленія, нежели созерцанія. Изъ всехъ развлеченій, которыми я не дорожилъ, размышленіе и чтеніе были для меня самыми естественными, самыми удобными. Я работалъ машинально, какъ бы по штипкту, точно также какъ ѣдятъ безъ большаго аппетита, ходить безъ определенной цѣли, живутъ наконецъ, не думая вовсе о жизни. Впрочемъ, Эдмондъ Рокъ, навѣщавшій меня рѣдко, но сидѣвшій долго, требовалъ, чтобы я завелъ порядокъ въ своихъ занятіяхъ, и, подобно ему, слѣдовалъ бы методъ отъ частныхъ восходить къ общему. Я бы могъ исполнить это, еслибъ жива была моя мать, еслибъ она выразила свою волю. Но я былъ жалкое созданье, вполне под-

чиненное чувству, и мой хваленый разумъ состоялъ въ самой глубокой зависимости отъ моихъ душевныхъ движеній. Разбилося чувство, опустело сердце, и разумъ пошелъ гулять на безвѣтріи, какъ корабль съ полными снастями, но безъ пассажировъ, которыхъ везѣ, безъ кормчаго, который имъ править; гуляетъ онъ, куда потянетъ его волна; она потопитъ его, разобьетъ или наведетъ опять на дорогу.

Рокъ дивился этому нравственному состоянію. Оно было чуждо ему, и онъ честно и энергически упрекалъ меня.

— Чтѣ же ты дѣлалъ такое? говорилъ онъ, заглядывая ко мнѣ въ книги и въ ноты. Двѣ недѣли сидѣлъ за философій, потомъ вдругъ принялся за поэтовъ, за искусства, за критику! Мертвые языки—это дѣло; за ними музыка, естественныя науки, политическая экономія и скульптура! Чтѣ за странное смѣшеніе способностей человѣческихъ! жалкая трата времени и силы!

— Не ты ли говорилъ, отвѣчалъ я какъ бы нехотя, но съ усмѣшкой, что надо, пока живъ, выучиться всему, чтѣ можетъ знать человѣкъ?

— Да вѣдь ты выбралъ самое дѣйствительное средство, чтобы не знать ничего—учиться всему за-разъ. Одна наука вводить въ другую, скажешь ты—согласенъ; но все онъ требуетъ постепенности и порядка, образуются, какъ цѣпь, изъ множества колець, а вовсе не мѣшаются, какъ карты въ колодѣ.

— Однако передъ сдачей всегда мѣшались карты?

— Такъ ты считаешь жизнь игрою, гдѣ случай всегда готовъ посмѣяться надъ твоими соображеніями, или, пожалуй, избавить тебя отъ труда соображать всякое дѣло? Послушай! Я боюсь, чтобы ты, потративши времени и способностей больше, чѣмъ нужно для серьезнаго ученія, не сдѣлался вдругъ поэтомъ, или критикомъ, словомъ, такимъ человѣкомъ, который постъ обо всемъ, или говоритъ про все потому, что не знаетъ ровно ничего.

Я не спорилъ и защищался до того слабо, что этотъ неугомонный и рѣзкій человѣкъ терялъ терпѣніе и уходилъ отъ меня въ-сердцахъ. Однако же, черезъ нѣсколько времени

онъ опять приходилъ ко мнѣ, и послѣ каждой его выходки я видѣлъ ясно, что онъ больше и больше любилъ меня.

Однажды я сказалъ ему ласково:

— Ты упрекаешь меня, что я сердечныя привязанности ставлю выше ума и образованія въ чловѣкѣ, но твои поступки въ отношеніи ко мнѣ доказываютъ ясно, что и ты тоже находишься подъ вліяніемъ того, что самъ называешь сердечною слабостью. Въ школь, еще не любя, ты уважалъ меня; ты считалъ меня себя равнымъ, потому что во мнѣ была твердая воля. Теперь же, презирая меня немного за безпечность, ты любишь меня, сознайся; иначе бы ты не заботился о моемъ возвращеніи на путь истинный.

— Конечно такъ, воскликнулъ онъ какъ бы въ сердцахъ, я питаю къ тебѣ дружбу съ тѣхъ поръ, какъ ты ослабѣлъ, и мнѣ досадно, что я полюбилъ безсиліе, я, который такъ ненавижу его.

Рокъ ушелъ утѣшенный, въ полной увѣренности, что онъ превосходитъ меня силою воли. Но нападая на мое безсиліе, онъ забывалъ объ одномъ — заглянуть въ мою душу, понять ее; точно также, гоняясь за абсолютной истиной, забывалъ онъ изучать чловѣческое сердце. Оно было ему все недоступно; и онъ всю жизнь удивлялся и негодовалъ на противорѣчія и слабости другихъ, не сострадавъ къ нимъ душой, не снисходя даже сожалѣніемъ.

Въ два года я зналъ и понималъ несравненно больше моего друга; но въ сущности и въ полнотѣ не была мнѣ доступна ни одна наука, тогда какъ онъ, что называется съѣлъ собаку во многихъ. У него тоже не было определенной цѣли. Какъ и я, онъ говорилъ всегда, что торопиться некуда; сама судьба клала намъ кусокъ въ ротъ (по выраженію моей родины—Берри); мы не были въ необходимости выбирать положеніе въ обществѣ, не испытавши вполне своихъ силъ. Мы оба позволяли себѣ—онъ осуждать, я сожалѣть о нашихъ товарищахъ, вынужденныхъ необходимостью или подстрекаемыхъ мелкимъ честолюбіемъ къ выбору медицинскаго поприща безъ всякихъ познаній въ медицинѣ, или поприща судебнаго безъ всякихъ познаній въ законахъ.

Онъ выставялъ ихъ губителями души и тѣла; я смотрѣлъ на нихъ, какъ на жертвы, которымъ суждено принести въ жертву другихъ. Мы оба поставили целью, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, воспитать себя въ религіозномъ, философскомъ, нравственномъ и социальномъ отношеніи. Цель, какъ видите, не совсѣмъ маловажная. Рокъ шелъ къ ней бодро, съ увѣренностью; я началъ уже крѣпко сомнѣваться въ ея достиженіи. Я боялся придти къ заключенію, что человекъ не способенъ утверждать положительно, и готовъ былъ признать это общей участью человечества. Рокъ не уступалъ ничего подобнаго; онъ готовъ былъ сойти съ ума или отправить себѣ пулю въ лобъ, если, послѣ тяжкихъ поисковъ истины, она предстанетъ ему въ непроницаемомъ туманѣ. Въ тотъ день онъ твердо рѣшился предать проклятію все человечество, или отречься отъ самого себя. Къ-счастью, день этотъ не долженъ былъ никогда наступить для него. Разумный человекъ никогда не увѣритъ себя, что онъ все обнимаетъ своимъ взоромъ; или, очумѣвъ отъ гордости, думаетъ онъ видѣть то, чего на самомъ дѣлѣ не видитъ.

Пришло вакаціонное время. Мнѣ не хотѣлось провести эти два мѣсяца въ дому родительскомъ; я намѣренъ былъ навѣстить отца и тотчасъ же уѣхать. Онъ писалъ мнѣ, что я потрачу только деньги и время. Я догадался, что батюшкина ключница возбраняетъ мнѣ доступъ къ отчому дому. У меня опустились руки при этомъ открытіи.

—«Вотъ тебѣ и плодъ сердечныхъ влеченій,» говорилъ мнѣ Рокъ, единственный человекъ въ мірѣ, знавшій о моихъ домашнихъ горестяхъ. Ты говоришь, что отецъ твой, все-таки, добръ и чувствителенъ; познай же, что именно избытокъ этой ложной доброты и эгоистической чувствительности и доводитъ его до пренебреженія семейными обязанностями. Не горюй объ этомъ, а поразмысли хорошенько. Прости человекъ, извини его—это долгъ нашъ; но сохрани самого себя отъ подобной участи. Истреби эту мысль объ идеальной любви къ существу смертному; по милости этой мечты, мы создаемъ себѣ потребность въ какой-то высшей привязанности, которая приведетъ только къ горькому разочаро-

панію въ дѣйствительности. Ты тоже поэтъ, какъ и мать твоя, но ты также слабъ, какъ твой отецъ, не забывай этого и берегись стать на одну доску съ Петраркой, для котораго Лаура была абстрактомъ, и который подъ конецъ, говорятъ, удовлетворился поэтической натурой своей кухарки.

Рокъ вздумалъ на вакацію увезти меня въ свое семейство. У него были добрые родные, образецъ семейныхъ добродѣтелей, тихой и правильно устроенной жизни. Я понималъ, какъ спасительно будетъ для меня общество подобныхъ людей. Но семейство Рока жило въ нѣсколькихъ только льѣ отъ нашей деревни, и пребываніе въ немъ, казалось мнѣ, будетъ колоть глаза бѣдному отцу моему, за мое постыдное изгнанье. Я отказался, рѣшившись твердо остаться одинокимъ въ Парижѣ и въ душномъ чердакѣ мечтать о прохладѣ родительской долины.

Эдмондъ сожалѣлъ надъ моимъ положеніемъ.

— Это ужъ апатія, сказалъ онъ мнѣ. Я не оставлю тебя въ такомъ видѣ, чтобы черезъ два мѣсяца обратился ты въ неподвижную куколку. Ты проведешь это время въ уединеніи, въ прекраснѣйшемъ уголку земнаго шара. Тамъ съдѣлаешься ты поэтомъ или натуралистомъ, въ ожиданіи моего пріѣзда. Это будетъ лучше, чѣмъ съдѣлаться муміей.

Мы поѣхали вмѣстѣ, по дорогѣ на Немуръ, Монтаржи и Буржъ; почти та же дорога вела въ наши мѣста. На половинѣ пути Рокъ вздумалъ остановиться, чтобы устроить для меня лѣтнее жилище.

Рокъ былъ старше меня двумя годами и раньше вышелъ изъ школы; онъ уже успѣлъ присмотрѣться къ странѣ, и искусно выбралъ мнѣ кратковременное убѣжище. Онъ ввелъ меня въ уединенный домикъ въ деревнѣ д'Авонъ, утопавшій въ чащѣ Фонтеноблоскаго лѣса. Этотъ убогій пріютъ занимала ласковая и почтенная чета, которая приняла меня съ отверстыми объятіями и условилась покоить меня за самую умѣренную цѣну.

Хозяйка monkъ звали Жанъ и Мари Флоръ. Хижина ихъ состояла изъ двухъ этажей, по двѣ комнаты въ каждомъ. Наружная лѣстница, вся увитая плющемъ, вела въ верхнюю

половину, въ которой долженъ былъ я поселиться. Внизу жили сами хозяева; они готовили мнѣ кушанье и всячески заботились о моемъ спокойствіи.

Эдмондъ, рѣшившійся посвятить два дня устройству моего мѣстожителства, началъ водить меня по красивѣйшимъ пунктамъ обширнаго лѣса. Онъ самъ начертить планъ главныхъ мѣстъ, съ помощію которыхъ я могъ бы, не сбиваясь, гулять по окрестностямъ; но ему особенно хотѣлось видѣть мой восторгъ при входѣ въ долину де-ля-Соль, въ ущелія Франшаръ и другія восхитительныя мѣстности, гдѣ столѣтнія деревья были въ то время въ полномъ великолѣпіи.

Это былъ единственно счастливый для меня день съ тѣхъ поръ, какъ я схоронилъ мать свою. Но и онъ кончился очень печально.

Мы вышли пѣшкомъ, съ восходомъ солнца, и продолжали путь до самаго захода, останавливаясь только для легкаго обѣда на зеленой травѣ. Рокъ началъ свой курсъ всеобщей науки—съ геологій. Онъ то и дѣло рылся подъ ногами, и кажется, не думалъ восхищаться полной красотой природы. Не то чтобъ живой умъ его оставался вовсе глухъ къ ся зову; но онъ охотно отрекался отъ наслажденій, которыя въ состояніи были отвлечь его отъ главнаго предмета его занятій. Онъ поднималъ комочки земли, разбивалъ, рылся и въ то же время толковалъ съ жаромъ. Я чувствовалъ, что мысль моя устаетъ отъ продолжительнаго напряженія; но я обязанъ былъ ему этимъ днемъ и продолжалъ выслушивать его разсужденія, между тѣмъ какъ передъ глазами моими проносились восхитительныя картины, полныя блеска и невыразимой поэзіи. Нечего было и думать останавливать моего неистоваго спутника, или просить его раздѣлить мой восторгъ. «Я буду здѣсь опять,» думалъ я про себя, и на каждомъ шагу примѣчалъ мѣсто и заранее радовался будущему посѣщенію.

Отраднѣе воздухъ лѣсовъ и благодѣтельная усталость тѣла оживили меня. Въ живописныхъ видахъ скалъ и деревьевъ я не встрѣчалъ однообразія и мрачной задумчивости моей родины; но продолжительная ходьба по этимъ уединеннымъ

мѣстамъ невольно возвращала мнѣ физическую бодрость и тихую настроенность духа моихъ юныхъ годовъ. Я опять становился самимъ собою, жизнь вселялась опять въ мою душу.

По заходѣ солнца, мы пустились въ обратный путь, навьюченные всякаго рода рѣдкостями. Вдругъ на голомъ песчаномъ мѣстѣ, два камня, брошенныхъ вдоль тропинки, въ родѣ друидскаго алтаря, оживились странной, дикой, почти ужасающей картиной.

Блѣдная женщина, поразительной красоты, въ живописныхъ лохмотьяхъ, съ дикимъ и страдальческимъ выраженіемъ въ лицѣ, стояла облокотясь на скалу, задумчиво впривъ взоры въ землю, потомъ вдругъ поднимала ихъ къ небу съ видомъ упрека. По временамъ, глухой стонъ, подчасъ пронзительный крикъ вырывался у ней изъ груди. Тогда закрывала она руками загорѣлое лицо свое, сжимала сухощавыми пальцами черныя пряди жесткихъ волосъ своихъ, разбросанныхъ по плечамъ. Потъ и слезы струями текли по лицу ея. Подлѣ нея, на камнѣ, мальчикъ лѣтъ девяти, десяти, съ типически-рѣзкимъ лицомъ, принадлежащій, какъ и мать, къ скитальческой и таинственной породѣ людей, неправильно называемыхъ Богомцами (*), казалось, ждалъ знака или искалъ глазами спасительнаго пристанища. Шагахъ въ двухъ отъ него пасся маленькій тощій лошакъ. На всей этой группѣ лежала печать голода, нищеты и отчаянія.

Услышавъ задыхающіеся крики женщины, мы удвоили шаги. Я началъ спрашивать ее; она показала знаками, что не понимаетъ меня. Она не знала ни слова на нашемъ языкѣ: но отчаяннымъ, почти презрительнымъ движеніемъ руки просила насъ идти своей дорогой. Рокъ обратился тогда къ мальчику. Тотъ отвѣчалъ по-испански. Но другъ мой, изучившій коренныя основы формации языковъ, изъ всѣхъ живыхъ языковъ зналъ только свой родной.

— Поди сюда, закричалъ онъ мнѣ; ты, который случайно изучилъ столько предметовъ, не знаешь ли ты *мимоходомъ* языка испанскаго?

(*) Такъ называютъ Цыгановъ Французы. *Примѣч. Перев.*

Такъ выражался онъ обыкновенно, подсмѣиваясь надъ безпорядочными отрывками моихъ поверхностныхъ познаній. Я былъ слишкомъ живо тронуть, чтобъ разделять его хладнокровіе. Во всякомъ другомъ случаѣ, я отговорился бы незнаніемъ, но здѣсь состраданіе брало верхъ надъ скромностью и ложнымъ стыдомъ. Въ первый разъ рѣшился я заговорить на языкъ, на которомъ читалъ довольно бѣгло и уже угадывалъ плѣнительные звуки. Я изъяснялся, какъ умѣлъ, и маленькій бродяга отвѣчалъ мнѣ: «мы андалузскіе цыгане (gitanos). Нынѣшней зимою мой отецъ бросилъ насъ и отправился отыскивать счастья въ Парижъ, откуда онъ писалъ къ намъ и звалъ къ себѣ. Вотъ уже третій мѣсяць мы въ дорогѣ; но мать моя вдругъ занемогла и навѣрно скоро умретъ, потому что нигдѣ не находитъ себѣ пристанища.»

Я спросилъ его о причинѣ этого безжалостнаго отказа. Онъ горько улыбнулся, опустилъ глаза, потомъ поднялъ ихъ на меня, и ободренный моимъ участіемъ, отвѣчалъ умоляющимъ голосомъ: «взгляните на мать мою!»

Несчастная, въ припадкѣ страданія, уронила съ плечъ лохмотья прикрывавшаго ее рубища: она была въ послѣднемъ періодѣ беременности.

— Не надо быть ученымъ бакалавромъ Саламанки, сказалъ Рокъ, подходя ко мнѣ,—чтобъ открыть въ этой нищѣ первыя муки дѣторожденія. Чтѣ же намъ дѣлать? Предоставить ее самой природѣ—средство самое вѣрное, но не будетъ ли это слишкомъ безчеловѣчно.

— Провидѣніе посылаетъ насъ къ ней на помощь, отвѣчалъ я. Надо перенести ее къ намъ и возложить на г-жу Флошъ попеченіе о несчастной.

Мы хотѣли уже устраивать носилки; но цыганка, услыша отъ сына о нашемъ намѣреніи, съ геройской твердостью превозмогла свои страданія и показала знаками, что пойдетъ сама за нами. Она не могла, или не хотѣла говорить. Ни одного слова не выдали ея уста, запечатлѣнные страданіемъ или гордостью.

Черезъ четверть часа мы были у дома Флошъ.

Опасаясь, чтобы и здѣсь не оттолкнули бѣдной скитальцы, мы скрыли ея положеніе отъ глазъ не совсѣмъ провинцательнаго старика Флоша, до тѣхъ поръ, пока она не переступила порогъ ихъ хижины. Тогда, казалось намъ, она имѣла уже священныя права на помощь хозяевъ, и пока я объяснялъ дѣло старому супругу, Рокъ побѣждалъ отыскивать по деревнѣ повивальную бабку.

Старикъ Флошъ неохотно выслушалъ мои увѣщанія; но жена его, какъ хозяйка дома, показала истинно-христіанскую любовь къ ближнему и принудила мужа помогать ей въ материнскихъ попеченіяхъ о незнакомкѣ.

Рокъ возвратился съ бабкой; мы передали ей на руки больную, и возвратились въ свою комнату, гдѣ скромный ужинъ съ давнихъ поръ стоялъ уже на столѣ.

— Не думаю, чтобъ мы чѣмъ-нибудь помогли этой несчастной въ случаѣ серьезной болѣзни, — говорилъ Эдмондъ, съ неистовымъ аппетитомъ накинувшись на ужинъ, — развѣ вотъ ты, какъ-нибудь *мимоходомъ*, не научился ли медицинѣ и хирургіи.

— Къ-счастью, нѣтъ, отвѣчалъ я. И тебѣ нечего раздумывать о невольномъ убійствѣ. Кушай спокойно. Если повивальная бабка и не предъявила своихъ аттестатовъ, по примѣру злодѣевъ нашихъ товарищей, зато она персцеголяетъ ихъ практической опытностью.

III.

— А знаешь ли, какъ хороша эта несчастная женщина? говорилъ Рокъ, продолжая уничтожать кушанье. Какъ виденъ въ ней отблескъ тѣхъ восхитительныхъ цыганокъ, которыхъ воспѣлъ Мигуэль Сервантесъ. Это обломокъ роскошной Альямбры. Кстати, ты, которому все извѣстно, не знаешь ли—откуда взялась эта нечистая порода людей, до сихъ поръ носящая на челѣ своемъ печать какого-то падшаго величія?

— Это чистые Индійцы, отвѣчалъ я, которыхъ окрестили всѣми именами земель, гдѣ кочевали они въ долгомъ и таинственномъ странствованіи по свѣту; ихъ прозвали Египтянами, Богомцами, Зингарами....

— Et coetera, прибавилъ Рокъ, принимаясь за другое блюдо. Они, значитъ, въ родъ тѣхъ ископаемыхъ, находимыхъ по мелочамъ во всѣхъ концахъ земнаго шара; невѣжда топчетъ ихъ ногами, не подозревая нисколько, что это остатки первобытнаго періода.

За тѣмъ Эдмондъ пустился въ нескончаемыя разсужденія, приправляемыя неистовымъ жеваньемъ, которыя длились около часу и продолжились бы цѣлую ночь, еслибъ не вошла къ намъ г-жа Флошъ, держа что-то въ своемъ фартукъ и прося насъ поцѣловать и благословить принесенное. Это былъ маленькій уродецъ, закутанный въ старыи коверъ, изъ котораго выдавалось фиолетовое личико, закрытые глаза и необозначившіяся формы.

— Фай, возьмите скорѣе! закричалъ Рокъ: на это страшно взглянуть заужиномъ.

— Это новорожденное дитя! Вещь святая, государь мой, отвѣчала старуха, поднося ко мнѣ малютку.

Торжественный тонъ старушки произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Я попросилъ ее положить на столъ это маленькое существо, и разсматривалъ его съ большимъ любопытствомъ.

Никогда не разглядывалъ я новорожденныхъ съ такимъ вниманіемъ, и, подобно всѣмъ не-отцамъ, чувствовалъ только отвращеніе, смѣшанное съ сожалѣніемъ, при видѣ этого перваго проявленія человѣческой жизни.

— Стоило заботиться объ этой андалузской жемчужинѣ! говорилъ въ шутку мой пріятель. Она отблагодарила насъ маленькимъ уродцемъ!

— Право, вы мичего тутъ не смѣслите, возразила старуха Флошъ. Эта дѣвочка, не смотря на свою черноту, лучше всѣхъ красавицъ, какихъ я видала на своемъ вѣку.

— Такъ она хороша, по вашему? воскликнулъ Рокъ. Ну, бѣдный мой Стефенъ, хороши же мы были при рожденіи!

— Подвигимся лучше женскому инстинкту, думалъ я; гдѣ мы видимъ только жалкій намекъ на созданіе Божіе, таинственный глазъ женщины открываетъ тамъ всю красоту этого созданія въ будущемъ.

— Но чѣмъ же одѣли вы бѣдную малютку? спросилъ я у хозяйки.

— Да чтò только было почище изъ платяя цыганки, отвѣчала она. Бабка шьетъ теперь пеленки изъ моего стараго одѣяла, а мужъ мой дѣлаетъ ей кроватку изъ старыхъ ковровъ.

— А до тѣхъ поръ надо положить ее во что-нибудь помягче, подумалъ я, и отыскалъ въ чемоданѣ полотняныя платки и мериносовую шаль, въ которую старуха Флошъ и обернула малютку.

Снизу послышался голосъ отца-Флоша; онъ звалъ къ себѣ жену.

— Ахъ, государи мои, воскликнула старуха, я совсѣмъ потеряла голову! Мужъ-то до сихъ поръ не ужиналъ! Позвольте положить малютку къ вамъ на постель; я сейчасъ прибѣгу за нею.

Она вышла по второму зову своего мужа, который начиналъ терять терпѣніе, а мы остались ухаживать за дѣвочкой.

— Вотъ окказія, сказалъ Эдмондъ. Не научился ли ты мимоходомъ искусству кормить дѣтей?

Дѣвочка стала кричать; намъ пришлось въ голову дать ей сахарной воды.

— Смотри, смотри! пьеть! говорилъ удивленный Рокъ. Дѣвочка заснула у меня на колѣняхъ.

Рокъ закурилъ сигару и заговорилъ опять о потопѣ.

Между тѣмъ, шумъ утихъ въ нижнемъ этажѣ, и полная тишина воцарилась во всемъ домѣ.

— Мнѣ сдается, прервалъ я своего друга, что внизу всѣ

заснулъ отъ усталости, и намъ придется всю ночь укачивать ребенка.

— Дай мнѣ его, отвѣчала Рокъ, протягивая руки. Я отнесу его къ матери.

— Посмотри лучше, что тамъ дѣлается, и позови сюда в-жу Флэшъ.

Рокъ сошелъ внизъ. Я остался одинъ съ дѣвочкой, не замѣчая, что она спитъ у меня на колыбельяхъ; я инстинктивно поддерживалъ ее руками и думалъ о материнской любви, о любви моей покойной матери.

Вдругъ отворилась дверь, и предо мной остановился молодой цыганенокъ. На его темномъ лицѣ трудно было прочесть волненіе или усталость; но рѣзкій взглядъ и сжатые губы придавали этому дѣтскому лицу грустный и твердый видъ взрослому челоуѣка.

— Отдайте мнѣ сестру мою, сказалъ онъ по-испански. Моя мать умерла.

Я взялъ ребенка на руки и поспѣшно сошелъ внизъ. Рокъ стоялъ надъ умершей, объясняя хозяевамъ, что отъ усталости, нищеты, а можетъ и горя, она не могла перенести послѣднихъ мукъ дѣторожденія.

Когда цыганенокъ, пришедшій за мною, увѣрился въ горькой истинѣ, въ которой, по видимому, онъ еще сомнѣвался, припадокъ страшнаго отчаянія одолѣлъ его кажущуюся твердость. Съ неистовымъ крикомъ бросился онъ на трупъ матери, и жалобнымъ голосомъ, прерываемымъ рыданіями, началъ причитывать на своемъ азіатскомъ нарѣчій что-то, похожее на длинную пѣсню или протяжную декламацію. Цѣлый часъ не могъ онъ придти въ себя, и наши увѣщанія только раздражали его безсильную ярость или мрачное презрѣніе ко всему окружающему.

Эта сцена затронула меня за живое; хозяева, занятые предстоящими обрядами, мало обращали на нее вниманія; и я не сводилъ съ нея глазъ ни на минуту.

Блѣдное лицо покойницы, окаймленное длинными черными волосами, представлялось мнѣ лицомъ моей матери, которую не удалось мнѣ утѣшить въ страданіи, ни закрыть ей глаза въ послѣднюю минуту. Отчаяніе этого ребенка, естественно, должно было быть моимъ отчаяніемъ въ его годы. Плакать въ то время я не могъ. Его рыданія произвели на меня магнетическое дѣйствіе; отъ раздрающаго однообразія его стенаній, отъ его живыхъ и странныхъ возгласовъ на незнакомомъ языкѣ, нервы мои подались, слезы ручьями полились по щекамъ, и какое-то глубокое сочувствіе возродилось въ душѣ моей къ этому существу, подавленному одинаковой со мной судьбою.

Въ полночь все было кончено; смерть засвидѣтельствована законнымъ порядкомъ, мэръ и свидѣтели отправились по домамъ, повивальная бабка тоже.

Что же станется съ дѣтьми? Хозяева, утомленные ночными хлопотами, отложили вопросъ этотъ до слѣдующаго утра. Г-жа Флоръ привела овечку, которая должна была служить кормилицей для новорожденной. Мальчикъ, умиравшій съ голоду, не дотронулся однакожь до пищи и объявить желаніе провести ночь у ногъ умершей матери. Мнѣ стало жаль его; я уложилъ всѣхъ спать, а самъ остался наединѣ съ нимъ въ комнатѣ, гдѣ лежала покойница, спала дѣвочка въ корзинкѣ и подлѣ нея овечка съ своимъ ягненокъ.

Мало по малу цыганенокъ успокоился. Онъ сѣлъ у ногъ матери и глядѣлъ на меня пристально, но не говорилъ ни слова. Вѣроятно, онъ соб.подагъ обычай своей вѣры, запрещающій говорить околѣ покойника. Подъ конецъ онъ началъ засыпать, и я, видя кругомъ мертвую тишину, заснулъ тоже на своемъ стулѣ.

Меня разбудилъ пѣтухъ своимъ раннимъ пѣніемъ. На дворѣ только что свѣтало. Цыганенка моего уже нѣ было въ комнатѣ. Я подумалъ, что онъ вышелъ присмотрѣть за лощакомъ или заснулъ гдѣ-нибудь въ хлѣву. Дѣвочка спала спокойно. Овечка щипала зеленые листья, нарочно для нея принесенные въ комнату.

Покойница лежала на тюфякѣ, покрытая одѣяломъ. Желтая и сухая рука ея, необыкновенно маленькая и красивая, евъсилась къ полу. На рукѣ былъ широкій золотой браслетъ, закрывавшій кисть почти до самыхъ пальцевъ. Я снялъ его съ намѣреніемъ отдать его сыну. Не помня себя отъ усталости, я спряталъ его въ карманъ и заснулъ черезъ минуту.

На дворѣ былъ уже день, когда пришли смѣнить меня. Цыганенокъ не возвращался. Лошакъ исчезъ вмѣстѣ съ нимъ. Мы рѣшили, что мальчикъ отправился собирать у своихъ собратьевъ на погребеніе матери и просить о пристанищѣ для сестры; но прошелъ день, другой и третій, а слуху не было ни о бѣглецѣ, ни объ его бродящей братіи.

Въ ожиданіи какихъ-нибудь требованій, волостной глава переговорилъ съ г-жей Флошъ и съ нами, чтобы обезпечить предварительно существованіе бѣдной покинутой дѣвочки. Мы всѣ стали въ тупикъ, когда дѣло дошло до засвидѣтельствованія акта рожденія.

Имя матери было намъ неизвѣстно, не знали мы также и имени отца.

Надо было записать ее въ книгъ—рожденной отъ неизвѣстныхъ родителей. Г-жа Флошъ окрестила ее, вмѣстѣ со мною, воспріиеннымъ отцемъ, въ бѣдной маленькой церкви села д'Авонъ, гдѣ простое имя *Мональдеки*, вырѣзанное на плитѣ, напоминаетъ одну изъ мрачныхъ драмъ XVII вѣка.

Щедрый и добрый Эдмондъ положилъ на зубокъ весь кошелекъ свой, но не переставалъ смѣяться надъ этимъ случаемъ. Ему хотѣлось назвать цыганку какимъ-нибудь рѣзкимъ, выразительнымъ именемъ. Г-жа Флошъ стояла на своемъ, чтобы назвать ее *Схоллстикъ*.

Волостной глава имѣлъ обычай всѣмъ незаконнымъ дѣтямъ давать одно прозвище *Фрюмансъ*, принимая въ разсчетъ различія половъ.

Я не мало бился, чтобы позволили мнѣ выбрать имя; но когда требованіе мое было уважено, я остановился въ

рѣшительномъ недоумѣніи. Не было имени для выраженія такого страннаго событія; но, видно, судьбѣ угодно было дать этой дѣвушкѣ самое обыкновенное имя.

Я посмотрѣлъ на браслетъ, снятый мною съ руки умершей: онъ состоялъ изъ толстой золотой цѣпи, сомкнутой замкомъ съ рѣзнымъ гербомъ и бляхой, на которой вырѣзано было одно слово: *Морена*.

Въ простотѣ своей я думалъ, что сдѣлалъ важное открытіе, и съ гордостью показалъ Эдмонду имя матери и происхожденіе ребенка, выраженное на загадочномъ языкѣ геральдики. Онъ покатылся со смѣху.

— Помилуй! воскликнулъ онъ, да это собачій ошейникъ, украденный у какой-нибудь испанской сеньоры, а это имя, такъ звучное на французскомъ, которое, самъ знаешь, значить просто *черный* или *темный* — это имя маленькой собачки, которая стояла, можетъ быть, многихъ слезъ своей госпожѣ. Цыгане ловко крадутъ собакъ и лошадей, особенно если на нихъ есть цѣнные вещи. Слѣзай-ка съ облаковъ, куда умчалю тебя игривое воображеніе: твоя крестница не изъ роду какой-нибудь Медина-Чели, похищенная изъ колыбели бродячими волшебницами Андалузій; а просто дочь какой-нибудь цыганки-ворожеи или площадной плясуньи, у которой мужъ или любовникъ, или, можетъ, сама даже она промышляли воровствомъ собачекъ и золотыхъ цѣпей.

Нечего было возражать на подобное объясненіе; я отвергъ всѣ романическія мысли и сказалъ прямо:

— Чтѣ жъ, пусть она будетъ Мореной! Это имя прилагательное, и носить его можетъ смѣло существо человѣческое, какъ носить его всякое другое созданіе Божіе.

Въ эту минуту г-жа Флошгъ внесла мою крестницу; она была умыта, одѣта, и, благодаря чудесной силѣ природы, съ каждымъ часомъ болѣе и болѣе принимала видъ человѣческой. Фиолетовый цвѣтъ лица пропалъ; черты, прежде неясныя, стали уже обозначаться, и кожа принимала бронзовый, чрезвычайно характеристическій оттѣнокъ.

— Она негритянка! вскричал Рокъ, или по крайней мѣрѣ мулатка. Имя пришлось ей кстати.

Мы отправились къ мэру, потомъ въ церковь, гдѣ мнѣ надлежало къ имени Морена, которое мэръ и священникъ считали именемъ фамильнымъ, прибавить еще другое—Анна. На крестинахъ я подарилъ своей кумѣ старый плащъ, который наканунѣ мужъ ея чистилъ съ великимъ подобострастіемъ. Окрестныя женщины, только и толковавшія объ этомъ происшествіи, столпились около насъ, чтобы взглянуть на таинственнаго ребенка. Но г-жа Флошъ, стыдясь малаго роста своей крестницы, накрыла ее толстой муслиновой косынкой, служившей ей крестильнымъ покрываломъ, и мы въ-четверомъ отправились на обычное пиршество. За тѣмъ, Эдмондъ съѣлъ въ дилижансѣ, посоветовалъ мнѣ заниматься геологіей, обнялъ меня—и уехалъ къ своимъ роднымъ.

Мы не позволили ребенка записать въ воспитательный домъ. Г-жа Флошъ нисколько не тяготилась, хотя никто не приходилъ за ея крестницей. Она была удивительно добра, и съ любовію ходила за Мореной, которую, впрочемъ, всегда звала Анной; кормилицей же была ея черная овечка.

Я почти увѣренъ, что не будь меня и Эдмонда, она изъ любви къ ближнему взяла бы на себя издержки перваго воспитанія. Она неутомимо ходила за жалкимъ, слабымъ ребенкомъ, который, казалось ей, умретъ на ея рукахъ.

Но вскоре она увѣрилась, что дитя росло въ нормальныхъ условіяхъ своей породы, что здоровьемъ она была крѣпче, въ развитіи быстрѣе всѣхъ, въ ея лѣта, кого она видала на роду своемъ.

Обстоятельство это не могло въ то время укорениться на долго въ моихъ мысляхъ. Послѣ перваго впечатлѣнія, произведеннаго на меня смертью цыганки, воображеніе мое, взволнованное на мигъ, успокоилось совершенно. Первые два-три дни я мечталъ объ усыновленіи двухъ сиротъ, которыхъ Богъ поручилъ моимъ попеченіямъ. Но исчезновеніе, или, вѣрнѣе, бѣгство цыганенка, который, казалось, и не мелькнулъ въ моихъ глазахъ

сожалніе о своей сестрѣ, и скрылся, не сказавъ ни слова, чтобы оставить ее на моихъ рукахъ, исторія съ браслетомъ, самое имя, которое я далъ моей крестницѣ не въ добрый часъ,—все это заставило меня взглянуть на дѣло прямыми глазами. Цыгане составляютъ классъ людей, угнетенныхъ бѣдностью и общественнымъ презрѣньемъ. Ихъ странныя лица, ихъ таинственное происхожденіе имѣють въ себѣ много поэтическаго, и въ эпоху моего разсказа они были въ большой модѣ въ литературѣ. Но я начитался понемногу всего, и сущность дѣла была мнѣ доступна; сквозь поэтическую прелесть, которой облакали Цыганъ нѣкоторые писатели, проглядывало для меня рѣзко то страшное, не безъ причинъ возникшее презрѣніе, которое оказываютъ имъ народы, имѣющіе съ ними сношенія, и терпящіе отъ ихъ нечистоты, ихъ хищничества, ихъ плутней, — словомъ, отъ ихъ отверженія.

Морена въ скоромъ времени сдѣлалась для меня предметомъ психологическаго наблюденія, естественной жалости, не болѣе. Возвращаясь вечеромъ изъ долгихъ странствованій по лѣсамъ, я встрѣчалъ въ хлѣву, на свѣжей благоуханной постилкѣ, овечку и ея двухъ питомцевъ—ягненка и маленькую цыганку. Я дивился материнской заботливости своей хозяйки и добродушію старика Флеша, который терпѣть не могъ грудныхъ младенцевъ, и всегда укачивалъ Морену, по настояніямъ своей супруги. Эта опрятная, честная и строгая чета занимала меня въ то время болѣе, нежели загадочная судьба моей крестницы.

IV.

Мое деревенское здоровье пострадало сильно отъ парижскаго воздуха и добровольнаго заключенія среди четырехъ стѣнъ. Въ этомъ прекрасномъ Фонтенблосскомъ лѣсу, который имѣлъ своего поэта, творца *Обермана*, какъ и дѣвственныхъ лѣса Америки, вдохновлявшія Шатобриана и Купера, душа моя стала оживать. Печаль по прежнему оставалась на дѣлѣ ея, но уже не было прежней тоски, и я не чувствовалъ прежней

необходимости углубляться въ книги, чтобы спастись отъ горькихъ мыслей.

Я поддался обаянію природы, не отъ праздности, но съ дѣтскимъ увлеченіемъ; глаза мои прозрѣли, взоръ прояснился отъ созерцанія вѣчно-юныхъ красотъ вещественной природы: передъ мной воскресли—огромныя деревья, съ ихъ чуткою, развивающеюся жизнью; полевые увѣты, въ дикой красотѣ своей поднимающіеся изъ-подъ ногъ, ихъ топчущей; живѣе ощущалъ я сладостное упоеніе, разливаемое солнцемъ на растенія и животныхъ; слаще казалось мнѣ чудное томленіе, навѣваемое луной на Божій міръ, вѣчно бодрствующій среди своего безмолвія. Въ душѣ моей было много созерцательности—слѣдовъ моего рожденія въ долину Индра; но я посвятилъ себя изученію природы, не столь избѣженной, но болѣе красивой.

Въ моихъ прогулкахъ безъ цѣли, я не выжидалъ уже вышнихъ впечатлѣній; я ловилъ ихъ, такъ сказать, на лету въ этихъ мѣстахъ, гдѣ величіе сочеталось съ красотой, необъятность ослѣпительнаго горизонта съ дикой прелестью уединенія.

Разъ утромъ, подстерегъ я на березѣ красивыхъ насѣкомыхъ, и пристрастился къ энтомологіи. Опять *нечаянная* наука, подумалъ я шутя, но что до этого, лишь бы она заняла меня на время.

Я досталъ нѣсколько книгъ и сталъ ихъ перечитывать по вечерамъ, въ намѣреніи усвоить себѣ принятую классификацію. Я открылъ тогда, что наука эта еще не установилась, и что изслѣдователю предстоитъ обширное поле для разработки. Чтобы сдѣлаться энтомологомъ, нужно посвятить жизнь на исчисленіе нѣжныхъ, неувимыхъ нитей, которыми солнце или роса дѣйствуютъ на прозябательную силу въ каждый часъ дня и ночи.

Плоды этихъ розысковъ найдутъ себѣ приложеніе въ нѣкоторой степени къ земледѣлію и промышленности; но обреки себя человекъ на какую-нибудь специальность въ при-

мѣненіи науки, прощай тогда безграничное изученіе, прощай изслѣдованіе безконечныхъ тайнъ природы, прощай обильная жатва микроскопическихъ богатствъ, разсыянныхъ въ воздухѣ и свѣтѣ.

Я никогда не сдѣлаюсь энтомологомъ, думаю я, потому что не могу быть ничѣмъ другимъ; но какъ я (не въ укоръ будь сказано Эдмонду) не могу знать все на свѣтѣ, то хочу по крайней мѣрѣ понимать все, насколько это доступно моимъ средствамъ.

И я принялся изучать насѣкомыхъ по собственной методѣ, которая отрицала всякую возможность методы; я старался схватывать на лету это богатство, посылаемое небомъ на землю, угадать законы жизни, промучивать неисчерпаемое обиліе красоты въ каждомъ существѣ, въ каждомъ предметѣ моего изслѣдованія, и я прожилъ такъ цѣлый мѣсяцъ, который показался мнѣ днемъ.

Желаніе уловить различные виды одного и того же растенія ввело меня въ область ботаники. И сюда внесъ я тѣ же взгляды, тѣ же увлеченіе, ту же осторожность; но вынесъ за то двойное наслажденіе.

Растеніе и его паразитъ, оба равно, прекрасные, равно занимательные, завлекли меня въ тѣ сферы, гдѣ нѣкоторые виды ихъ берутъ свое начало. Въ этихъ обдуманыхъ занятіяхъ, всѣ прелести природы, всѣ живописныя или поучительныя случайности дороги привлекали мое вниманіе тѣмъ болѣе, что они не составляли прямой цѣли моихъ поисковъ; неисчерпаемая природа въ обиліи изливала дары свои на меня, скромнаго путника, жаждавшаго одной капли для освѣженія пути своего.

Благословляю васъ, блаженные дни, открывшіе мнѣ неисчерпаемый источникъ радостей въ моей бѣдной, горестной жизни! О мать моя! взывалъ я нерѣдко въ порывѣ восторга, взгляни на меня въ эту минуту, я наслаждаюсь жизнью, и ты, можешь быть, утѣшишься, что тебя нѣтъ со мною.

Судьба устроила мнѣ встрѣчу, не очень привлекательную

на первый разъ, по которую продолжалъ я въ послѣдствіи, по чувству душевнаго соблазна.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ роши сходился я съ молодымъ чловѣкомъ, немногимъ постарше меня, пріятной наружности, одѣтымъ какъ слѣдуетъ туристу, но роскошнѣе моего. Онъ принялъ меня сперва за грабителя, скитающагося по уединеннымъ мѣстамъ съ несомнѣнными намереніями. Но когда увидѣлъ, что я занимаюсь собираніемъ растений и насѣкомыхъ, то старался завести со мной разговоръ такъ ловко, что я поневолю долженъ былъ выносить его общество.

Разговоръ его, если хотите, былъ очень пріятенъ, но я не промѣнялъ бы на него свое уединеніе. Я не очень разговариваю; я изъ числа тѣхъ людей, которые думаютъ молча, про-себя.

Губертъ Клетъ былъ матушкинъ сынокъ, сбившійся съ истиннаго пути; онъ говорилъ, что ищетъ себя родъ жизни, съ твердымъ намереніемъ не найти ни одного, достойнаго своихъ дарованій.

Онъ родился и воспитывался въ Парижѣ, по милости отца своего, чловѣка съ достаткомъ, понатолкался въ гостиныхъ и въ кругу модныхъ художниковъ; онъ былъ не глупъ отъ природы, но не способенъ ни на какое дѣло; въ обращеніи его съ людьми было больше любезности, нежели истинной любви, и страшная пустота таилась подъ его обманчивой наружностью. Непомѣрная любовь къ самому себѣ царила въ этомъ чловѣкѣ, и какъ ни старался онъ очаровать ближнихъ своими поступками и умнѣемъ жить, слабая струна его проглядывала сильно во всѣхъ его разговорахъ.

Сначала онъ нашелъ во мнѣ много сходства съ собою. Онъ думалъ, что я тоже отвергаю всѣ средства, предлагаемыя современнымъ обществомъ, для развитія своихъ способностей. Но когда понялъ онъ, что я, напротивъ, мало вѣрилъ въ свои силы, чтобы приступить къ дѣлу безъ предварительныхъ познаній, что я не отрицаю обязанности, но уже покорялся ей въ будущемъ, — тогда онъ поступилъ со мною, какъ нѣкогда Эдмондъ съ своей точки зрѣнія: онъ сбав-

вилъ цѣны моему разуму и сталъ смотрѣть на меня свысока.

Вотъ выводъ, къ которому онъ привелъ меня поневоль, и въ ущербъ самому себѣ. Мнѣ сдѣлалось грустно. Я находился еще въ томъ состояніи духа, когда человѣку хочется забыть о будущемъ, чтобы вполне прильпиться къ прошедшему. Но его безумныя теоріи о презрѣніи къ ближнимъ возмутили мою душу. Въ этомъ случаѣ онъ далъ мнѣ полезный, хотя и тяжкій урокъ, совершенно вопреки своему собственному убѣжденію.

Станнымъ казалось одно обстоятельство въ этомъ гордомъ отреченіи отъ людей; въ то время, какъ я жилъ отшельникомъ, угнетенный бѣдностью, горемъ и природной робостью, вдали отъ юношескихъ развлеченій, отъ общества художниковъ и женщинъ и отъ всѣхъ соблазновъ парижской жизни, онъ съ руками и ногами погрузился въ эту столь ненавистную для него жизнь.

Онъ танцевалъ съ Малибранъ, бывалъ у Виктора Гюго, сообщалъ Бальзаку сюжеты для романовъ, былъ абонированъ въ музыкальной консерваторіи; онъ любилъ даже прихвастнуть, говоря, что двадцать книгопродавцевъ торговали его сочиненія, и что онъ не имѣетъ извѣстности потому только, что презираетъ славу и хочетъ жить поэтомъ для самого себя.

Подчасъ онъ казался мнѣ просто дуракомъ и лгунишкой. Было въ немъ немного и того и другаго; но то были недостатки юности, отъ которыхъ онъ долженъ былъ избавиться впоследствии. Подобно многимъ другимъ, онъ думалъ, что стоило ему захотѣть, и онъ сдѣлался бы великимъ человѣкомъ.

Недостатокъ этотъ былъ въ сильномъ развитіи въ это время. Я не имѣлъ объ немъ и понятія, живя въ уединеніи или съ товарищами, отличавшимися простотой жизни или деревенскими привычками. Понятно, что Губертъ Клетъ сначала поразилъ меня. Съ минуту казался онъ явленіемъ, до того любопытнымъ, что я готовъ былъ для него отказаться отъ жесткокрылыхъ насѣкомыхъ. Я спрашивалъ себя, точно ли онъ гений, которому святая скромность не позволяетъ

открыться предъ лицомъ всего міра, или онъ просто глупецъ, на котораго не следовало бы и обращать вниманія.

Послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ, я разгадалъ его вполне, не смотря на то, что я провинціалъ и ученый самоучка. Я понялъ, что у него достанетъ ума, чтобы выработать въ себѣ талантъ, но что истиннымъ литературнымъ художникомъ не будетъ онъ никогда, по причинѣ своего громаднаго самолюбія. Я понялъ, что онъ наивнѣе въ своемъ самолюбіи и слабѣе сердцемъ, нежели онъ думалъ; я замѣтилъ въ немъ много хорошихъ сторонъ, которыя не признавалъ онъ за ихъ излишнюю естественность и прозаичность, но которыя рано или поздно должны были взять верхъ надъ его мнимой тоскою и отчаяньемъ.

Однажды вечеромъ, онъ въ первый разъ проводилъ меня до дому. Самъ онъ занималъ великолѣпную дачу, принадлежавшую сестрѣ одного его пріятели, который пригласилъ его на лѣто охотиться. Но онъ презиралъ охоту, какъ и все на свѣтѣ, и любилъ уединеніе; вѣроятно потому и таскалъ онъ меня съ собою и не давалъ мнѣ быть одному.

Я ввелъ его въ свое походное убежище въ домѣ Флоръ; оно показалось ему оригинальнѣе и поэтичнѣе, нежели было на самомъ дѣлѣ. Исторія цыганки и видъ Морены, которая, черезъ шесть недѣль, сдѣлалась очень миленькой дѣвочкой, внушили ему мысль....

(Здѣсь слѣдуетъ пропускъ въ рукописи Стефена; или онъ не дописалъ, или просто затерялъ, либо сжегъ слѣдующую тетрадь. Въ замѣнъ того мы находимъ продолженіе этой исторіи въ различныхъ письмахъ и отрывкахъ, не безъ цѣли присоединенныхъ имъ къ своему дневнику).

ПИСЬМО

Г-жи де-Соль къ г-жѣ Маранжъ.

Милая маменька, прѣзжайте скорѣе. Вы не повѣрите, какъ тяжело шесть убійственныхъ дней не видать васъ! Вы не приучили меня къ этому, и вотъ я хожу теперь, какъ духъ, не знающій покоя, или, вѣрнѣе, какъ тѣло безъ души. Вы скажете, у меня есть братъ-собесѣдникъ. Согласна; но вы знаете сами, что *вашей* бесѣды жажду я теперь, а общество Жюльена слишкомъ легко и ничтожно, чтобы я могла дорожить имъ. Съ утра до вечера онъ на охотѣ, и если по цѣлому дню онъ не удостоиваетъ насъ своего лицезрѣнія, за то къ ночи возвращается онъ домой, веселый, любезный, подчасъ въ пыли, въ грязи и не чувствуя подъ собой ногъ отъ усталости. Не беспокойтесь о своемъ Веніаминѣ, добрая мамаша. Онъ здоровъ и ведетъ себя хорошо, насколько можете вы ожидать отъ него. Ваша взрослая дочь, — я была должна сказать, ваша старушка-дочь, — не умнѣе его. Она скучаетъ безъ васъ, не знаетъ куда дѣть себя. Чего же хотите вы! Мнѣ кажется, я ничто сама-по-себѣ, и только вами и живу я, вами мыслю и чувствую.

Когда вы прѣдете, я расскажу вамъ цѣлую исторію.... Но вы прѣдете только послѣ завтра, отчего же не рассказать ее теперь? Я такъ люблю говорить съ вами! одно и есть у меня утѣшенье! Къ-тому же вамъ нужно знать все заранее; дорогой вы подумаете объ этомъ дѣлѣ, а я попрошу у васъ по обычаю добраго совѣта.

Вчера утромъ, Жюльеновъ другъ, этотъ милый Губертъ Клетъ, котораго я не нахожу ни вздорнымъ, ни сумасшедшимъ, (потому что вамъ не угодно, чтобы я слишкомъ строго судила друзей, отличаемыхъ вашимъ сыномъ), этотъ милый Губертъ Клетъ вздумалъ, за завтракомъ, рассказать мнѣ прегрустное происшествіе, случившееся, недѣль шесть тому, въ трехъ льѣ отъ насъ, въ деревнѣ д'Авонъ: Авонъ Мональдески, какъ вы называете.

Бѣдная цыганка, имя которой осталось неизвѣстнымъ, умерла черезъ часъ послѣ родовъ, въ домѣ однихъ добрыхъ людей, которые взялись воспитывать ребенка. Ребенокъ этотъ, не смотря на смуглоту, хорошъ какъ ангелъ. Разсказъ м-г Клета подаль мнѣ мысль проѣхать туда въ каретѣ. Я взяла его въ провожатые, а нашего добраго почтеннаго кавалера Вальтруа въ надзиратели, хотя, правду сказать, женщину въ тридцать лѣтъ смѣло можно оставить съ глазу на глазъ съ двадцатилѣтнимъ мальчикомъ.

Но вы хотите, чтобы дочь ваша походила на жену Цезаря, и вы правы. Я слишкомъ горжусь тѣмъ, что вы полагаете во мнѣ свою гордость, и не хочу рисковать пустяками.

Мы застали хозяевъ Флошъ (стараго садовника и старую скотницу, которымъ обоимъ будетъ вѣрныхъ сто тридцать лѣтъ) за омовеніемъ и укладываньемъ въ постель маленькой *Морены* съ такой заботливой чистотой и нежностью, какъ будто она была драгоценнымъ плодомъ ихъ долговременнаго сожитія. Увы! эта добрая чета въ родъ меня: у нихъ не было дѣтей. Но они состарѣлись вмѣстѣ, а я—я была бы неутѣшной вдовой безъ своей матери.

Дѣвочка эта просто игрушка; кормилица ея, горная овечка, предоброе животное. Я пробыва съ ними цѣлый часъ, забавляясь какъ дитя, не смотря на три сѣдыхъ волоска, которые вы наемни нашли у меня на правомъ вискѣ.

Затѣмъ пришелъ крестный отецъ и покровитель малютки; надо вамъ сказать, что есть добрый человекъ, взявшій на себя всѣ заботы объ ея существованіи. Онъ еще молодой человекъ, однихъ лѣтъ, я думаю, съ нашимъ Жюльеномъ, имѣетъ, повѣрите ли? тысячу двѣсти ливровъ доходу и находить при этомъ возможность помогать ближнему! А у Жюльена двѣнадцать тысячъ франковъ пенсіона, и тѣхъ не достаетъ ему на разныя бездѣлки! Я прочла ему объ этомъ длинную проповѣдь, по возвращеніи домой. Но онъ, по обычаю, отослалъ меня читать проповѣди другимъ, и по обычаю сказалъ мнѣ подъ конецъ, что я дѣлаю хорошо, не следуя его примѣру. Перехожу опять къ своему разсказу, который, неправда ли? похожъ на сказку о Семи замкахъ короля богемскаго.

Этого молодого человека зовутъ Стѣфенъ.... не помню, какъ дальше; но онъ гулялъ по лѣсу съ товарищемъ, тоже бѣднымъ, студентомъ; они встрѣтили на дорогѣ цыганку и привели ее въ домъ Флоръ, гдѣ сами занимали двѣ маленькихъ комнатки. Товарищъ уѣхалъ, оставя сироткѣ послѣднія деньги, и говоря, что родные заплатятъ за его проѣздъ. Стѣфенъ остался здѣсь на вакацію; онъ отдалъ почти все свое бѣлье и досталъ гдѣ-то пятьдесятъ франковъ (которыхъ у самого не было), чтобы отблагодарить хозяевъ за первыя издержки и купить кой-что необходимое для малютки.

Мнѣ рассказала все это старушка-Флоръ; она же узнала впоследствии, что молодой человекъ заложилъ свои часы въ Парижъ, чтобы выручить эту небольшую сумму. Она хотѣла возвратить ему эти деньги, но онъ отказался.

Посмотрите, маменька, какія есть добрыя души, и между людьми наименѣе счастливыми! Мнѣ было по истинѣ пріятно взглянуть на этого молодого ученаго, опаленнаго солнцемъ, въ крестьянской блузѣ, въ толстыхъ башмакахъ, которыхъ не надѣнуть и наши люди, и всего обвѣшаннаго съ ногъ до головы растеніями, камешками и насѣкомыми, которыхъ собираетъ онъ днемъ и изучаетъ по ночамъ. Замѣтя насъ, онъ смутился и хотѣлъ уйти; но Клетъ, познакомившійся съ нимъ во время прогулокъ, представилъ его намъ почти по неволѣ. Кавалеръ сталъ спрашивать его объ его находкахъ, а онъ до того скромнень, что вообразилъ нашего друга ученѣе себя. Забавно было видѣть, какъ онъ съ готовностью отвѣчалъ на вопросы, которыхъ не понималъ задававшій ихъ Вольтруа, а нашъ добрый кавалеръ до того смѣшался въ разговоръ, что готовъ былъ спросить его о различіи между бабочками и чешуекрылыми насѣкомыми.

Я же, не смѣя ничего въ этомъ дѣлѣ, завела съ молодымъ человекомъ рѣчь о цыганкѣ. Повидимому, онъ приглядѣлся уже къ нашимъ лицамъ, потому что отвѣчалъ безъ замѣшательства и съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, котораго не ожидала я отъ школьника его лѣтъ. Впоследствии я узнала отъ Клета, что онъ натура не дюжинная: шестнадцати лѣтъ

кончилъ полный курсъ наукъ, и въ теченіе семи лѣтъ ученія получилъ семь наградъ за отличіе. Клетъ увѣряетъ, что Стефень взрослый человѣкъ по уму и образованію, и характера серьезнаго. Словомъ, онъ признаетъ его себя равнымъ: посудите же сами, на сколько этотъ молодой человѣкъ долженъ быть выше нашего знакомаго.

Мнѣ очень хотѣлось пригласить его къ намъ въ домъ, до того показался онъ мнѣ уменъ и интересенъ, но не могла сдѣлать ничего безъ вашего совѣта. По моему, это славный товарищъ моему брату, гораздо полезнѣе этого не признаннаго гения—Клета. Вы увидите сами. Но не по этому случаю пишу я къ вамъ. Мною овладѣло нестерпимое желаніе взять на воспитаніе маленькую Морену. Не обязаны ли мы, люди достаточные, не допускать бѣдныхъ разоряться одинъ для другаго? Не стыдно ли будетъ намъ глядѣть на ихъ самопожертвованіе, и въ нерѣшимости сидѣть сложа руки? Я было хотѣла уже посадить въ карету дѣвочку съ овечкой, даже и ягненка, но подумала: добрая мать моя пріѣдетъ въ понедѣльникъ; подожду ее, предоставлю ей удовольствіе сдѣлать доброе дѣло.

Прощайте, маменька, любовь моя. Пріѣзжайте же скорѣе. Ваша бѣдная *Маркиза* каждый вечеръ востъ передъ вашей спальней; погляжу на нее, и самой захочется плакать.

V.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПРЕЖНЯГО ДНЕВНИКА СТЕФЕНА,

Августъ, 27 сентября 1832.

Анисэ де-Соль! какое чудное имя! и какое чудное созданье носить его! Гдѣ я видѣлъ лице, на нее похожее, какъ будто портретъ ея? не помню; но только не въ первый разъ вижу я эту чистую, плѣнительную красоту.

Сегодня, между десятымъ и одиннадцатымъ часомъ, подстерегъ я рожденіе *Эльбенора*, подъ кустами дикаго винограда. Цѣлый часъ ждалъ я, пока расправятся его крылья.

Сначала они были мокры, гладки, безцвѣтны. Высыхая постепенно, они покрывались нежнымъ пухомъ, и золотистая пыль заблестала на нихъ. Розовыя крапинки на нихъ были двѣ капли воды—пѣна выжатого винограда, а зеленыя походили на просоленную маслину.

Когда эта дама увѣхала, я взобрался на скалу, чтобы подмѣтить восходъ *Прокіона*. Онъ появляется между обломками двухъ скалъ, восходящихъ къ небу и составляющихъ ему страшный пробойникъ; онъ блещитъ, теряясь въ глубинѣ ээира, который образуетъ изъ себя далекую перспективу. Глядя на это, невольно ощущаешь, даже глазами, чувство безконечнаго.

Никогда не казались мнѣ звезды такъ хороши, какъ нынче вечеромъ.

30 сентября.

Она пріѣхала опять, но уже съ матерью. Я былъ тронутъ до глубины души. Мать ея — совершенно похожа на мою. Не то чтобъ лицомъ онѣ были одинаковы; но ихъ души должны быть сродни; и я живо чувствую это родство, и теряю голову. Да, это голосъ моей матери; это ея взглядъ, прямой и открытый, привѣтливый и нежный; ея походка, ея платье, также простое, не смотря на богатство этой дамы. Это ея умъ, ея прямое сужденіе, ея снисходительность, ея скромность, ея грація. Говорятъ, ей сорокъ шесть лѣтъ; съ виду же она едва ли кажетъ старше моей покойной матери, какъ я видѣлъ ее въ послѣдній разъ. Какъ парижскія женщины умѣютъ сохранять себя! Мы и понятія не имѣемъ объ этомъ въ нашихъ деревняхъ.

Прекрасная Анисэ де-Соль говоритъ прямо, что ей тридцать лѣтъ. Не вѣрится мнѣ что-то. Тридцати лѣтъ умерла мать моя; а она, право, старше меня развѣ днемъ однимъ. Если бы люди незнакомые увидѣли насъ вмѣстѣ, меня навѣрное сочли бы братомъ г-жи де-Соль и сыномъ ея матери.

.... Грибы пошли въ изобиліи; что ни говори, а это едва ли не самая здоровая пища. Она такъ же питательна, какъ

и мясо животныхъ, и могла бы доставлять крестьянамъ существенное продовольствіе въ теченіе полугода. Къ-несчастью, они плохо разбираютъ питательныя вещества; для нихъ грибы, если не ядь, то по крайней мѣрѣ вредная пища, до которой они не хотятъ дотронуться. Я видалъ многихъ, которые продаютъ превосходныя грибы на рынкахъ, а сами ни за что не возьмутъ ихъ въ ротъ.

На дняхъ я нашелъ агарикъ-аметиствъ въ большомъ количествѣ. Это самый красивый изъ криптогамовъ. Его лиловый цвѣтъ отътененъ превосходно; пахнетъ онъ ирью и фіалкой.

(Здѣсь рассказъ Стѣфена относится къ позднѣйшему времени его жизни.)

Первые дни я вовсе не былъ такъ занятъ этою встрѣчею, какъ бы занялись ею другіе на моемъ мѣстѣ. Время стояло отличное, и прелести прогулокъ не давали мнѣ сожалѣть о томъ, что я по своему положенію не могу имѣть отношеній съ людьми, стоящими выше меня, въ такъ называемомъ свѣтѣ. Мнѣ приходилось разстаться съ деревней. Эдмондъ писалъ ко мнѣ изъ Берри и назначалъ 10 октября свиданье въ Парижѣ.

Надо было позаботиться о воспитаніи Морены на будущее время. Разъ вечеромъ я спросилъ г-жу Флошъ: можетъ ли она взяться за это, съ платою двадцати франковъ въ мѣсяцъ. Пожертвованіе это не обходилось мнѣ безъ важныхъ лишеній; но приобрести двадцать франковъ въ мѣсяцъ могъ я надѣяться смѣло, не отнимая много времени отъ своихъ занятій.

— Послушайте, сказалъ отецъ-Флошъ съ важностью: или мы поссоримся, или вы возьмете назадъ все, что истратили для ребенка. Дѣвочка родилась подъ счастливой звѣздой, государь мой. Дамы, что пріѣзжали намедни, полюбили ее и хотятъ взять къ себѣ. Жалко будетъ женѣ моей разстаться съ нею такъ скоро, но я нахожу, что мы слишкомъ стары, чтобы ходить за такимъ маленькимъ ребенкомъ. Занемоги кто-нибудь изъ насъ, плохо придется бѣдной дѣвочкѣ. Жена моя наконецъ согласилась. Ее отблагодарили за добрую душу хорошимъ подаркомъ, а дѣвочку увезутъ въ за-

мокъ де-Соль въ день вашего отъезда въ Парижъ. До тѣхъ поръ не хотѣтъ васъ лишать удовольствія быть съ нею.

— Какъ! и не спросясь меня, отецъ-Флошъ? Я крестный отецъ, единственный ея родственникъ, я взялъ на себя эту обязанность, и хотя эти дамы кажутся мнѣ очень ласковыми и добрыми, но я имѣю первый голосъ въ судьбѣ своей крестницы. Я рѣшился заботиться объ ней, не годъ и не два, а всю жизнь свою.

— Такъ что же? вамъ никто и не мѣшаетъ заботиться. Развѣ вы не читали письма, которое г. Клетъ принесъ вамъ?

— Нѣтъ еще, отвѣчала Клетъ, входя въ комнату, оно пока у меня въ карманѣ. Я шелъ навстрѣчу Стѣфану по одной дорогѣ, а онъ воротился домой по другой. Вотъ оно, читайте.

Письмо было отъ г-жи Маранжъ.

«Позвольте намъ, милостивый государь, исполнить нашу обязанность; вы не утратите черезъ это своей заслуги, вы, исполнившіе свой долгъ даже съ избыткомъ. Позвольте мнѣ съ дочерью поговорить о бѣдной Моренѣ. Мы станемъ воспитывать ее съ любовью, и, надѣюсь, съ благоразуміемъ. Для этого намъ нужно условиться и переговорить съ вами. Приходите къ намъ завтра; мы проведемъ день вмѣстѣ и потолкуемъ объ дѣлѣ. Мой сынъ пріѣдетъ за вами и покажетъ вамъ дорогу. Надѣемся, что вы ее не забудете.

Юлія Маранжъ.»

Ее зовутъ Юліей, какъ и мать мою! Судьба! Это обстоятельство, еще больше, чѣмъ письмо и замѣченное мною сходство, понудило меня откинуть свою нервышность и принять приглашеніе.

Въ десять часовъ пріѣхалъ молодой Маранжъ въ блестящемъ тильбюри, запряженномъ красивой лошадыю. Этотъ молодой человѣкъ, пріятной наружности, высокаго роста, обросшій до ушей бородою, казался съ виду гораздо старше сени; но я увидѣлъ тутъ же, что онъ совершенное дитя, и дитя балованное, что еще хуже. Онъ былъ хорошо воспитанъ, и что называется, добрый мальчикъ; но пустота жизни мучила его. Онъ поставлялъ себѣ славу и счастье въ платѣ,

въ экипажѣ, въ охотничьихъ оружіяхъ, въ своихъ усахъ, можетъ быть, въ сапогахъ даже. Какъ онъ былъ доволенъ, дорогой, что я похвалялъ его вкусъ. Пустой случай поднялъ меня значительно въ его глазахъ. Лошадь его потеряла подкову и захромала. Я первый замѣтилъ это и просилъ его остановиться.

— Зачѣмъ же? сказалъ онъ: въ ближней деревнѣ мы найдемъ кузнеца....

— Который заставитъ ее хромать еще больше, потому что онъ не приберетъ подковы по ея ногѣ. Ваша лошадь косолапа, что не отнимаетъ у ней прочихъ достоинствъ. Вы, вѣрно, не такъ давно ее купили.

— Съ недѣлю.

— И купили, не выдавши, что переднія подковы на одномъ концѣ шире, чѣмъ на другомъ, отчего нога ея неровно ступаетъ на землю.

— И вы увѣрены въ этомъ?

— Увѣренъ совершенно; посмотрите сами.

Мы слѣзли, и пока онъ съ недовольнымъ видомъ разсматривалъ лошадь, я прошелся нѣсколько шаговъ назадъ и отыскалъ подкову.

— Вы слишкомъ добры, другъ мой, сказалъ мой спутникъ, а я, признаюсь вамъ, прибавилъ онъ наивно, не считалъ васъ такимъ знатокомъ въ этомъ дѣлѣ. Я заплатилъ тысячу франковъ за эту лошадь. Вы съ перваго разу открыли въ ней порокъ, котораго не замѣтилъ я, три часа разглядывая ее и пробуя на ходу.

— Это не порокъ. Прикажите только ковать ее какъ слѣдуетъ, и она вамъ заслужитъ свои деньги.

— Да гдѣ это набрались вы толку въ лошадяхъ? Мнѣ сказывали, что вы ученый на us, а я всегда воображалъ ученыхъ разсыянными, невѣждами въ дѣлахъ житейскихъ, неловкими въ ручныхъ работахъ и непременно близорукими.

— Я вовсе не ученый, отвѣчалъ я, и выросъ въ деревнѣ. Отецъ мой имѣетъ помѣстье, дѣдушка былъ фермеръ, сынъ простаго крестьянина. Я могу, кажется, знать толкъ въ обращеніи съ животными.

Мы подъехали къ замку де-Соль, прекрасному зданію между Сеной и рощей, построенному на скатъ кремнистыхъ горъ, окружающихъ рѣку и долину. Изъ просторнаго, свѣтлаго дома, болѣе приспособленнаго къ семейнымъ удобствамъ, чѣмъ наши старинныя замки въ Верри, необъятный и веселый видъ открывался глазамъ. Темный садъ спускался къ берегамъ Сены. На возвышеніи, къ лѣсу, расположенъ былъ паркъ, и гребни сосѣднихъ холмовъ увѣнчаны были его старинными деревьями. Видъ оттуда былъ еще лучше, по-моему. Цвѣтушія долины зеленѣлись въ картинномъ безпорядкѣ и пропадали въ величественной, задумчивой чащѣ Фонтенеблосскаго лѣса, такъ много напоминающей здѣсь дѣвственныя лѣса Новаго свѣта.

Городскаго платья я не привезъ съ собой въ деревню. Намѣреваясь посѣщать одни старыя дубы да мелкія ручейки долины, я запасся только платьемъ, наиболее приспособленнымъ къ деревенскому образу жизни. Вотъ причина, по которой я явился къ свѣтскимъ дамамъ въ простой блузѣ, въ толстыхъ штиблетахъ, и, какъ теперь еще помню малѣйшія обстоятельства этого перваго визита, въ бѣльѣ весьма чистомъ, но довольно грубаго достоинства.

Рубашка моя, — приданое моея родины, — соткана была изъ домашней пеньки нашими работницами; покойная мать нерѣдко бралась сама за веретено и самопрялку.

Будь на моемъ мѣстѣ Эдмондъ, онъ, вѣрно, не былъ бы застигнутъ врасплохъ. Единственная слабость этого серьезнаго челоука (слабость весьма простибельная въ двадцать лѣтъ) состояла въ претензіи брать на себя видъ ученаго, или по крайней мѣрѣ челоука съ достоинствомъ. Съ самаго утра, вездѣ и во всякое время года, одѣтъ онъ былъ въ черный фракъ, носилъ башмаки и бѣлый галстухъ. Этому наряда не измѣнялъ онъ во всю жизнь свою, сначала изъ щегольства, потомъ по привычкѣ. Не смотря на неумѣстность своего костюма, я не смутясь вошелъ въ домъ и извинился безъ всякаго ложнаго стыда. Я всегда былъ дикъ и неловокъ, но никогда не былъ робокъ. По-моему, робость такъ же глупа и жалка, какъ и высокомеріе.

Ктому же, и самый застенчивый человек не смутился бы предъ г-жей Маранж и ея дочерью. Ни до знакомства съ ними, ни впоследствии, не встрѣчалъ я болѣе простыхъ, откровенныхъ и привѣтливыхъ женщинъ. Для людей несвѣтскихъ, или неопытныхъ, величайшую преграду въ сближеніи составляетъ незнаніе, съ кѣмъ имѣешь дѣло, и боязнъ неумѣстнымъ словомъ или дѣломъ оттолкнуть отъ себя незнакомаго еще человека. Взглянувши на Анисѣ и ея мать, развѣ только глупецъ не отгадалъ бы ихъ нравы, характеры, чувства, привычки даже. Съ перваго же дня понялъ я натуру обихъ женщинъ, и всю жизнь не перемѣнилъ своего мнѣнія: то были два ясныхъ, безукоризненно-вѣрныхъ зеркала, стоявшія одно противъ другаго и отражавшія взаимное совершенство, которое разливалось отъ нихъ въ безконечность.

Когда я вошелъ, онѣ были въ цвѣтникъ и занимались прививкой розъ. Съ какой ловкостью брались онѣ за это дѣло! Я вызвался помогать имъ. Мнѣ приходилось такъ часто заниматься садовыми работами, что обѣ дамы съ перваго же взгляда отдали справедливость моимъ трудамъ.

Нѣтъ ничего пріятнѣе познакомиться съ человекомъ, разделяя съ нимъ какое-нибудь полевое или домашнее занятіе. День этотъ показался мнѣ минутой, благодаря дѣятельности и простому обращенію обихъ хозяекъ, и той нѣжной благосклонности, съ которою приняли онѣ меня въ участники своихъ занятій. Тотчасъ послѣ завтрака, Жюльень взялся за ружье, Губертъ Клетъ за книгу, а я остался одинъ съ дамами. Я завелъ было рѣчь о Моренѣ.

— Теперь еще не время, успѣемъ! сказали онѣ.

Это было ласковое приглашеніе остаться съ ними, и о сироткѣ не было рѣчи вплоть до вечера.

Я согласился. И отчего было не принять дружбы, предложенной съ такой довѣрчивостью? Мы пошли въ паркъ, направились къ столу винограда, оттуда въ теплицы, гдѣ лучшія виноградныя кисти отложили мы въ мѣшки,—въ грушевой садъ, отобрали по сортамъ груши,—въ огородъ, выставили на солнцѣ отборные овощи и перетерли каждый по листочку

для избѣжанія плѣсени. Точно такъ проводить я некогда вакаціонное время, помогая матери въ тѣхъ заботахъ, въ которыхъ умная и дѣятельная женщина умѣетъ соединить пользу съ наслажденіемъ. И действительно, были минуты, когда я забывала тягостные годы: я опять была съ нею, и мнѣ помогала красавица-сестра, которая не разрушала моего сновидѣнія, но еще болѣе украшала его. Были минуты, я чуть-было не назвала г-жу Маранжъ маминкой, и не сказала—у насъ, говоря объ ихъ домѣ.

Подходило время разставаться съ ними, и мнѣ сдѣлалось грустно. Если бы кто сказалъ мнѣ утромъ, что я проведу цѣлый день съ людьми и не пожелаю остаться наединѣ — я не повѣрилъ бы ему ни за что въ свѣтъ, — а теперь мнѣ казалось все это такъ естественнымъ, какъ будто я всю жизнь провела съ этой матерью и ея дочкой.

Наконецъ я взялся за свою соломенную шляпу, и просилъ позволенія говорить о Моренѣ. Я представилъ имъ, какъ велико, безъ сомнѣнія, ея счастье пріобрѣсти такое блестящее и благородное покровительство; но что со временемъ можетъ оно обратиться во вредъ ей: получивши высшее для своего состоянія воспитаніе, впадетъ она въ бѣдность съ отчаяніемъ, съ безчестіемъ даже, вкусивши радости жизни и мечтавши о недостижимыхъ для нея наслажденіяхъ.

— Вы говорите благоразумно, отвѣчала г-жа Маранжъ, и не ваша вина, если вы не знаете насъ на столько, чтобы ввѣрить намъ судьбу ребенка, котораго беремъ мы себѣ въ домъ, вѣроятно, не съ тѣмъ, чтобы бросить его впоследствии. Постарайтесь узнать насъ покороче; приходите къ намъ чаще.

— О, нѣтъ, не объ этомъ тревожусь я. Я знаю васъ коротко. Я вѣрю въ васъ, убѣжденъ въ постоянствѣ вашей привязанности; но я вижу теперь, какъ хорошо человѣку быть съ вами, и какъ ему горько съ вами разставаться. Испытавши такую жизнь, забудешь все окружающее, и вамъ трудно будетъ оторвать отъ ней человѣка, не разбивши благороднаго сердца, или не ожесточивши черствой эгоистической души. Что станется съ маленькой цыганкой, при вашей заботливости? Ангелъ или демонъ выйдетъ изъ нея!

Отдавая ее на воспитаніе людямъ бѣднымъ, думая, пусть привыкнетъ она къ лишеніямъ, съ раннихъ лѣтъ привыкнетъ къ работѣ, лишь бы не коснулся ея порокъ и идущая по его слѣдамъ нищета,—я зналъ хорошо, что сдѣлалъ, и будущность ея видѣлась мнѣ во всей простотѣ и ясности. Теперь же представляется она мнѣ въ туманѣ. Туманъ этотъ заманчивъ, но все-таки не видать за нимъ ничего.

Пока я говорилъ, г-жа Маранжъ поглядывала на дочь, какъ бы говоря: «Я этого ожидала.»

Когда я кончилъ, она обратилась ко мнѣ.

— Вотъ точь-въ-точь тѣ же препятствія выставляла я своей милой Анисѣ, когда ей захотѣлось воспитывать эту сиротку. Препятствія эти очень важны, и я отчасти беру ихъ въ соображеніе. Но дочь моя возразила на это, что грѣшно ставить расчетъ выше сердечныхъ стремленій, и мнѣ самой кажется, признаюсь вамъ, что первое движеніе сердца мудрѣе и уважительнѣе всего въ человѣкѣ. Послушайте: изъ Морены не выйдетъ, можетъ быть, ни ангель, ни демонъ, а просто, обыкновенная, незначущая дѣвочка; а въ такомъ случаѣ, нѣтъ ничего легче доставить ей жизнь по ея способностямъ и вкусу. Но возьмемъ ваше предположеніе: если она ангель, мы будемъ любить ее, какъ слѣдуетъ ангела; если же демонъ, мы пожалѣемъ ее и простимъ, такъ, чтобъ со временемъ меньше и меньше походила она на демона. Развѣ, приступая къ Божьему дѣлу, слѣдуетъ глядѣть впередъ и рассчитывать на воздаяніе въ здѣшней жизни? Конечно, нѣтъ. Въ вашихъ глазахъ читаю я, что вы думаете одинаково съ нами; вы боитесь только, чтобы благосостояніе и образованіе умственное не развили дурныхъ началъ, лежащихъ, можетъ-быть, въ этомъ маленькомъ созданіи. На счетъ этого Анисѣ не раздѣляетъ нашихъ опасеній; если червь уже засѣлъ въ плодъ, говорить она, то благое солнце, питая обожъ, не сдѣлаетъ столько вреда, сколько морозъ, убивающій дыханіемъ своимъ и плодъ и червяка.

— Признаюсь вамъ, этотъ червь пугаетъ меня, возразилъ я.

И я рассказалъ, какъ цыганенокъ, братъ Морены, хитро и ловко бросилъ свою сестру у ногъ умершей матери, очаровавши меня напередъ картиной поддѣльной печали.

Этотъ короткій рассказъ сдѣлалъ, по видимому, глубокое впечатлѣніе на г-жу Маранжъ.

— Подумаемъ объ этомъ, дочь моя, сказала она. Я могу вынести много огорченій, но скрывать отъ тебя всѣ неприятности, которыя я могу предвидѣть, я не обязана и не хочу.

VI.

Я ожидалъ, что перевѣсъ будетъ на моей сторонѣ. Вышло напротивъ. Г-жа де-Соль была чистѣйшее отраженіе своей матери, но отраженіе до того живое и яркое, что подчасъ, сама того не замѣчая, заслоняла она совсѣмъ источникъ своего свѣта. Въ этой взаимной любви, сливавшейся во-едино души двухъ женщинъ, трудно было, въ житейскихъ обстоятельствахъ, найти какое-нибудь разногласіе. Анисэ какъ бы не существовала въ глазахъ общества, и въ большомъ свѣтѣ, замѣтилъ я впоследствии, ставили ей въ упрекъ эту естественную и святую любовь, приписывая ее слабости духа, исключавшей въ ней всякую возможность отдѣльнаго существованія, самобытной мысли и собственной воли. То же мнѣніе раздѣлялъ съ жаромъ и Губертъ Клетъ, какъ видно будетъ впоследствии.

Горько ошибалось общество, и я съ перваго же дня увѣрился въ этомъ. Анисэ, шедшая, по-видимому, по слѣдамъ матери, на дѣлѣ верѣдко опережала ее. Это было дѣломъ минуты, конечно; но въ эту минуту, одна на столько забѣгала впередъ, движимая силою чувства и бодростью духа, что имѣть объемъ становилось трудно уравнивать свои шаги.

— О, добрая мать моя! воскликнула Анисэ. Вы не хотите пускать меня навстрѣчу съ жизненнымъ горемъ; этого нельзя сдѣлать. Для этого надо мнѣ сдѣлаться эгоисткой, и вы должны подать мнѣ примѣръ; но эгоисткой вы никогда не были, да и не можете быть. Къ-тому же, нѣтъ

горя, котораго бы я не вынесла съ вашей помощью. Поговорите-ка съ этимъ философомъ, съ этимъ мудрымъ и холоднымъ челоѣкомъ, который самъ поступаетъ по вашему, сначала разорить себя, принести себя въ жертву, а потомъ читаетъ другимъ объ осторожности и недоѣрчивости къ ближнему. Спросите-ка его, думалъ ли онъ, беря ребенка на свою отвѣтственность, о тѣхъ неудачахъ и горькомъ разочарованіи, которыя могутъ предстать ему со-временемъ? Или вы хотите уважать его больше меня? Я буду васъ ревновать къ нему, говорю вамъ заранѣе. А вы, страшный гордецъ, м-г Стефенъ, вы одинъ берете на свою долю всѣ заботы, всю отвѣтственность. Вы боитесь, что я избалую вашу крестницу: вы полагаете, что она по своему уму будетъ демономъ среди насъ, простыхъ смертныхъ. Пусть такъ, но если она высшее насъ созданіе, грѣшно будетъ, говорю вамъ, подавить этотъ высшій умъ, и низко будетъ оставить его безъ развитія. Она имѣетъ священныя права на вниманіе общества; не признавайте этихъ правъ,—она ожесточится и станетъ врагомъ другимъ и самой себѣ.

Г-жа Маранжъ колебалась, а я былъ побѣжденъ.

— Послушайте, сказала добрая мать, сознайтесь, что никакія теоріи не устоятъ противъ будущаго; если и случится что-нибудь предвидѣнное нами, то случится вдругъ и застанетъ насъ врасплохъ съ нашими мудрыми планами. Дѣлайте добро въ настоящемъ, а будущее предоставьте Богу. На насъ лежитъ обязанность воспитать ее согласно съ способностями и характеромъ, который проявится въ нашей сироткѣ. Если природа создала ее для скромной рабочей жизни, и она отдастся труду безсознательно, безъ всякаго влеченія къ другимъ занятіямъ, мы сдѣлаемъ изъ нея хорошую работницу; если окажется въ ней сильное чувство и воображеніе, мы приготовимъ ей артистическую будущность; если она будетъ умна, расположена къ благотворительности, мы воспитаемъ ее для общества. Но крестный отецъ необходимо долженъ тутъ надзирать, обсуживать и подавать совѣты. Въ этомъ и состоятъ его права; мы же обязуемся ничего не предпринимать безъ его согласія. И такъ, м-г

Стефенъ, вы поневоле должны часто видѣться съ нами и навсегда сдѣлаться членомъ нашего семейства.

Я съ увлеченіемъ подылоавалъ руку г-жи Маранжъ. Г-жа де-Соль тоже протянула мнѣ руку. Я хотѣлъ прижать ее къ губамъ, но вдругъ остановился; мнѣ показалось, она слишкомъ молода для подобнаго изъявленія преданности съ моей стороны.

Меня хотѣли отвезти. Я сказалъ, что люблю ходить пѣшкомъ, и сказалъ такъ искренно, что меня не упрасивали болѣе. Губертъ Клетъ проводилъ меня до конца парка, указывая дорогу; но разговоръ нашъ не прекращался, и мы прошли почти пол-дороги до деревеньки Авонъ.

— Такъ вотъ какъ, любезный мой Стефенъ, сказалъ онъ тотчасъ по выходѣ изъ дому: крестница ваша принята въ дочери, да и вы тоже, крестный отецъ, усыновлены съ восторгомъ!

Въ голосъ его слышна была скрытая досада; я остановился и ждалъ, что онъ выразится яснѣе. Онъ примѣтилъ это, засмѣялся и пошелъ впередъ; я пошелъ за нимъ.

— Поздравляю васъ, сказалъ онъ, пройдя нѣсколько шаговъ, и голосомъ уже болѣе естественнымъ, — поздравляю съ побѣдой надъ этими дамами. Не всякому везетъ такъ счастье! Изъ этого видно, что понравиться женщинамъ не трудно, стоить только захотѣть.

— Если не ошибаюсь, отвѣчалъ я съ усмѣшкой, вы хотите сказать, что вы и не думали нравиться; но позвольте мнѣ не повѣрить. Вы должны были желать понравиться, и я даже думаю, говорю вамъ не шутя, что вы успѣли бы въ этомъ, судя по вашимъ достоинствамъ.

— О-го! серьезный человекъ! возразилъ онъ. Какіе насмѣшливые комплименты на мой счетъ, и какой дипломатическій тонъ на счетъ г-жи де-Соль! Скоренько! Да какъ же вы быстро идете впередъ, г-нъ провинціалъ! Не мѣшало бы вамъ быть пооткровеннѣе съ тѣмъ, кто вамъ доставилъ это пріятное знакомство.

— Я и не добивался этого знакомства.

— Другими словами: вы не хотите знать меня за то, что я хвалилъ васъ и превозносилъ до небесъ.

— Если похвалы ваши были искренни, не смотря на ихъ неумѣстность, я все-таки благодарю васъ отъ души; благодарю васъ за честь, которую вы доставили мнѣ знакомствомъ съ особами, вполне достойными всякаго уваженія.

— Полноте, Стефень, сказалъ онъ съ видомъ неудовольствія, бросьте этотъ пошлый тонъ. А то вы, право, не смотря на весь умъ вашъ, похожи теперь на деревенскаго школьнаго учителя, который удостоился отобѣдать у знатной барыни, и до того осгбленъ былъ этой милостью, что не дерзнулъ даже взглянуть, хороша ли она собой, или нѣтъ.

— Ну, не совсѣмъ значить похожъ я на сельскаго учителя: я очень ясно разглядѣлъ, что г-жа де-Соль очень хороша.

— А! я былъ увѣренъ. Вы любите такія головки! Скромныя, приторныя, скучныя, какъ безоблачное небо.

— Позвольте мнѣ имѣть свой вкусъ. Надѣюсь, вамъ нѣтъ до этого дѣла?

— Разумѣется. Но г-жа де-Соль, можетъ быть, не такъ равнодушна къ этому. Надо передать ей вашъ восторгъ.

— Да изъ чего хлопочете вы, скажите на милость?

— Я хочу, отъ нечего дѣлать, ухаживать за нею — для васъ. Это доставитъ мнѣ развлеченіе.

— Я прошу васъ честию, если вы не ищете неблагородныхъ развлеченій, — не дѣлайте меня предметомъ вашихъ шутокъ.

— Ладно, ладно! Вы сердитесь, потому-что чувствуете въ себя силу ухаживать за нею сами, безъ чужой помощи. О, да въ васъ больше мужества и рвшности, чѣмъ я думалъ. Вы стоите горой за свои права! Извините меня за глупыя шулки, и старайтесь, попавши теперь въ большой свѣтъ, не придавать важности этимъ пустякамъ. Не я одинъ, многіе еще будутъ поздравлять васъ съ успѣхомъ; не подумайте, чтобы досада или глупая зависть были тому причиной. Я не знаю этихъ чувствъ. Г-жа де-Соль — добрая, прекрасная женщина, но женщина недалняго ума, съ воображеніемъ

страшно холоднымъ, и до того поддавшаяся вліянію матери, что поглупѣла совершенно,—а я не намѣренъ затѣвать борьбу съ добродѣтелью, пошлостью и материнскимъ надзоромъ. Къ-тому же, какая женщина стѣитъ того, чтобы оспаривать ея любовь у товарища, или даже завидовать ему въ этомъ случаѣ? Можетъ быть, и есть она на свѣтѣ; но я, признаюсь, не встрѣчалъ до сихъ поръ.

Много еще наговорилъ онъ мнѣ въ этомъ родѣ, и до того, признаться, надоѣлъ своей пошлостью, что я готовъ былъ не разъ дать ему это почувствовать. Чѣмъ болѣе старался онъ очернить г-жу де-Соль, тѣмъ яснѣе читалъ я изъ его словъ, что онъ влюбленъ былъ въ нее безъ памяти, и не видя сочувствія, не находилъ даже случая открыться. Онъ не могъ перенести, что я съ перваго дня принять былъ лучше, чѣмъ онъ послѣ двухъ мѣсяцевъ знакомства, и онъ горько раскаявался, что ввелъ меня въ домъ. Вислѣдствіи я узналъ, что онъ придумалъ рассказать исторію Морены и мою, надѣясь остаться наединѣ съ г-жею де-Соль, во время поѣздки къ Флоиъ въ отсутствіе ея матери. Но планъ этотъ не удался. Г-жа де-Соль взяла въ провожатые стариннаго друга своего семейства.

Я не сталъ спорить, чтобы не подражать ему въ хвастовствѣ, какъ будто г-жа де-Соль могла нуждаться во мнѣ для защиты своихъ прелестей и достоинствъ. Я рѣшился не обращать вниманія на его слова; онъ догадался и пожелалъ мнѣ добраго вечера, прибавивъ, что я влюбленъ до безумія, и врядъ ли найду дорогу домой.

Дорогу однакожь я нашелъ скоро. Былъ ли я влюбленъ—не знаю. По крайней мѣрѣ я не сознавалъ за собой этого чувства, и могъ бы присягнуть въ этомъ. Я былъ просто счастливъ въ тотъ вечеръ. Во мнѣ было болѣе доверчивости къ жизни. Я шелъ цѣшкомъ съ большимъ удовольствіемъ; ночь казалась мнѣ лучше; я уже не чувствовалъ себя одинокимъ и отверженнымъ на землѣ, а между тѣмъ я ничего не желалъ, ни на что не смѣлъ надѣяться. Губертъ Клетъ испортилъ первыя минуты моей прогулки, стараясь облечь въ ясную форму мои неясныя и дѣвственныя мечты. Но по

мѣръ того, какъ углублялся я въ лѣсъ, это непріятное вліяніе разсѣивалось само собою, и я оставался опять одинъ съ слабымъ воспоминаемъ о проведенномъ днѣ.

Мѣсяць сіялъ величественно; глубокая и торжественная тишина первыхъ осеннихъ ночей нарушалась только изрѣдка быстрымъ и пугливымъ бѣгомъ ланей и оленей, покидавшихъ свои убѣжища при моемъ приближеніи.

Это было то время года, когда лѣсные сторожа и пограничные крестьяне ожидаютъ фантастической охоты верховнаго ловчаго. Мнѣ очень хотѣлось бы удостоиться какого-нибудь чуднаго видѣнія въ этомъ родѣ; но онѣ выпадаютъ только на долю тѣхъ, кто имѣетъ счастье имъ вѣрить.

Было уже около полуночи, когда я пришелъ домой. Я нерѣдко возвращался въ эту пору. Иногда выходилъ я даже по ночамъ для наблюденія небесныхъ свѣтилъ, и возвращался на разсвѣтъ, не имѣя нужды тревожить своего хозяина. Ключъ отъ комнаты былъ у меня въ карманѣ, а лѣстница выходила наружу.

Подходя къ дому, я съ удивленіемъ увидѣлъ свѣтъ въ нижнемъ жильѣ, какъ будто, противъ обычая, хозяева безпокоились о моемъ отсутствіи.

Я удвоилъ шагъ и примѣтилъ около окна черную тѣнь; она прокрадывалась вдоль стѣны и исчезла въ кустарникъ. По всему вѣроятно, это былъ человекъ, подсматривавшій съ улицы за всѣмъ происходившимъ въ домѣ. Я не закричалъ: *кто идетъ?* по примѣру людей трусливыхъ, которые боятся схватить мошенника. Я шелъ прямо къ дому, посвистывая, какъ будто ничего не видя, и приблизясь къ кусту, гдѣ исчезло привидѣніе, я быстро раздвинулъ вѣтви. Вдругъ шумъ шаговъ и шелестъ ломавшихся вѣтвей открылъ мнѣ, что воръ или любопытный обратился въ бѣгство, почуя мое приближеніе. Я пустился за нимъ вслѣдъ, но онъ былъ легче меня ногами и скрылся изъ виду. На минуту увидѣлъ я его бѣгущаго шагахъ въ двадцати отъ меня. Это былъ мужчина: вотъ все, что я могъ различить. Я продолжалъ бѣгать попусту; но вспомнивъ, что опасность можетъ угрожать моимъ

хозяевамъ, бросилъ напрасные поиски и воротился къ нимъ уже другой дорогой.

Подходя къ дому, привѣтилъ я бѣгущую ко мнѣ навстрѣчу другую тѣнь, меньше первой, тѣнь мальчика. Безъ сомнѣнія, онъ надѣялся соединиться съ бѣглецомъ; но увидѣвъ меня, ударился прямо въ кусты, куда я не полѣзъ его отыскивать.

Можетъ быть, шайка злодѣевъ угрожала дому. Верите всего, надо было предупредить хозяевъ и защищать жилище вмѣстѣ съ старикомъ Флошъ, у котораго было доброе военное ружье (онъ служилъ некогда въ Фонтенблосской національной гвардіи), и съ помощью котораго можно было отстоять нашу хижину.

Свѣтъ мерцалъ еще въ окошкѣ; на самомъ порогѣ ихъ комнаты мнѣ послышались глухіе стоны. Я поспѣшно растворилъ дверь. Старуха вскочила съ постели и закричала отъ страха. Узнавши меня, она рассказала мнѣ, что мужъ ея страдаетъ отъ ревматизма, а что, впрочемъ, ничего особеннаго съ ними не случилось. Я подошелъ къ кровати отца-Флоша. Онъ метался отъ боли, и врядъ ли бы могъ помочь мнѣ въ случаѣ нападенія мошенниковъ. Ломота въ суставахъ отняла у него послѣднія силы. Морена спала спокойно въ корзинѣ, стоявшей на сундукѣ, въ ногахъ хозяйской постели.

Мнѣ нечѣмъ было облегчить страданья больного; жена его, знавшая мужнину натуру, справлялась очень ловко. Я обошелъ пристально, но осторожно кругомъ дома, и не видя ниоткуда опасности, воротился домой помогать старухѣ ухаживать за мужемъ. Тутъ я спросилъ у ней, не слыхала ли она, или не видала ли кого подъ окнами. Видѣтъ она ничего не видала, но рассказала мнѣ, что въ сумерки какой-то мужчина, недоброй наружности, пришелъ къ ней закурить трубку, не спрашивая на то позволенія. Онъ, впрочемъ, не сдѣлалъ ей никакой непріятности, и увидя отца-Флоша, приближавшагося къ постели, подошелъ къ Моренѣ, которая была на рукахъ у г-жи Флошъ; долго и пристально смотрѣлъ на нее, и даже просилъ взять ее на руки, пока г-жа Флошъ уложитъ своего мужа; онъ просилъ голосомъ очень мягкимъ и нѣжнымъ, но лице его было такъ непріязненно, глаза до того лживы,

прибавила старуха, что я побоялась передать ему ребенка, и даже просила не беспокоить насъ долѣе своимъ посѣщеніемъ. Въ отвѣтъ на это онъ захохоталъ и сказалъ мнѣ:

— Или вы думаете, что я хочу украсть вашу внучку? Она еще вовсе не такъ хороша!

— Конечно, возразила я, она и худа и смугла лицомъ, но не вамъ бы упрекать ее въ этомъ.

— Такъ это былъ цыганъ? спросилъ я у хозяйки.

— Не знаю, право, отвѣчала она. Съ лица-то онъ былъ смугль, опаленъ солнцемъ; но хотя эти люди и вступаютъ въ родство только между собою, въ нихъ все-таки много перемѣшано крови. Я видала многихъ цыганъ чорныхъ какъ негры, и другихъ почти совсѣмъ бѣлыхъ. Я готова поклясться, что наша Анна—дочь испанца-христианина; у ней и губы не толсты и волосы не курчавы; а что цвѣтъ ея—да на югъ Франціи бездна людей, у которыхъ кожа, право, не бѣлѣе его.

— Ваша правда; но что же далѣе? Мнѣ сдается, что этотъ чорный и отвратительный гость изъ ихъ племени, что ему известны всѣ подробности рожденія Морены, и онъ, вѣроятно, приходилъ за нею.

— Онъ объ ней и не спрашивалъ. Мнѣ, признаться, не хотѣлось заводить съ нимъ разговора, не хотѣлось и слушать его болтовню. Онъ ушелъ, ворча сквозь зубы:

— Если вашъ мужъ долго не выздоровѣетъ, ребенокъ останется безъ призрѣнія и будетъ только мѣшать вамъ. Вы должны будете отдать его кормилицѣ....

— Хорошо, хорошо, сказала я.

И онъ хлопнулъ дверью, не отвѣчая ни слова.

— Вашъ рассказъ и все видѣнное мною подтверждаетъ мои догадки, добрыйша г-жа Флоръ: человекъ, заглядывавшій сюда въ окна, безъ сомнѣнія, тотъ же самый, который приходилъ къ вамъ; что же до мальчика, котораго вы не видали, но который спрятался при видѣ меня,—я ставлю Богъ знаетъ что, если это не братъ нашей Морены.

— Такъ вы думаете, что они хотятъ украсть мою крестницу и сдѣлать изъ нея уличную плясунью? Стоило для

этого заботиться такъ много! Нѣтъ, сударь, мы должны теперь радоваться, что эти добрыя барыни берутъ ее къ себѣ; надо даже поскорѣй отвезти ее, а то уѣдете вы, какъ мнѣ тогда охранять малютку, съ моимъ больнымъ мужемъ?

Я вполне одобрилъ советъ доброй женщины, и обстоятельства нынѣшняго вечера разрыпили всѣ мои сомнѣнiя на счетъ Морены. Цѣлую ночь проходилъ я сторожемъ во-кругъ дома. Къ утру, побѣжалъ я въ деревню, и привелъ оттуда, во-первыхъ, женщину, помогать г-жѣ Флоръ въ уходѣ за мужемъ; во-вторыхъ, тельжку, запряженную здоровымъ осломъ и покрытую рогожкой. Я уложилъ туда черную овечку подлѣ Морены, спавшей въ своей корзинкѣ, взялъ возжи и отправился въ путь.

Всѣ эти распоряженiя сдѣлалъ я въ величайшей тайнѣ; я вполне надѣялся на благоразумную скромность своихъ хозяевъ, и нѣсколько разъ обошелъ кругомъ лѣса, чтобы увѣриться, не присматриваетъ ли кто-нибудь за мною. Казалось, ребенокъ угадывалъ мои намѣренiя; онъ не плакалъ во всю дорогу и неосторожнымъ крикомъ не выдалъ своего присутствiя.

Я въѣхалъ въ ворота парка, находящiеся у самаго лѣса. Меня встрѣтила г-жа де-Соль, и мы вдвоемъ внесли въ домъ драгоценную ношу, не попавши на глаза тѣмъ служителямъ, въ которыхъ она еще не успѣла увѣриться.

Вотъ мое вторичное вступленiе въ этотъ адемъ, который покидалъ я вчера, не надѣясь возвратиться въ него такъ скоро, какъ бы желала того душа моя.

VII.

Меня приняли съ искреннимъ восторгомъ. Г-жа де-Соль не знала какъ меня благодарить. Она какъ будто считала себя мнѣ обязанною. Она приняла ребенка, какъ священнѣйшiй залогъ, ввѣренный ей мною, дивилась ея чистотѣ, миловидности, и пришла просто въ восторгъ отъ улыбки этого крошечнаго личика. То была первая улыбка Морены. Она будто

львилась красотой новаго жилища и нѣжностью своей новой матери. Странна судьба ея, странна судьба наша!

Въ домъ ничего еще не было готово для принятія ребенка, такъ какъ я разсчитывалъ привести его только въ концѣ слѣдующей недѣли. Не знали даже, кормить ли его дома, или отдать на попеченіе кому-нибудь въ деревню. Первой заботой г-жи де-Соль было уложить ребенка въ ея комнату, гдѣ мы должны были найти г-жу Маранжъ.

Тамъ разсказалъ я ей всѣ подробности происшествія, случившагося наканунѣ, и мы стали совѣтоваться объ этомъ дѣлѣ. Если у Морены дѣйствительно есть родные, которые придутъ за нею, намъ нельзя было не отдать ея. Но какъ узнать, что они въ самомъ дѣлѣ родня цыганки, которой и самое имя было намъ неизвѣстно?

Намъ надо было быть весьма осмотрительными, чтобы не повѣрить первому пришедшему, и отстаивать ребенка противъ насильственнаго похищенія. По этимъ причинамъ, первоначальное воспитаніе возлагало на насъ чрезвычайную осторожность. Вопросъ слѣдовательно былъ рѣшенъ. Морена будетъ воспитываться въ домѣ г-жи де-Соль.

Всѣ обстоятельства говорили въ пользу того, чтобы оставить Морену на ея рукахъ.

Къ ней приставлена женщина, наиболѣе пользовавшаяся довѣріемъ своей госпожи; она должна была не отходить отъ ребенка ни на минуту. Комнату отвели Моренѣ свѣтлую и просторную въ томъ же корпусѣ, гдѣ помещалась мать съ дочерью. Должность кормилицы исправляла по прежнему черная овечка: молоко ея до того пришлось по натурѣ дѣвочки, что та ни разу не была больна во все это время.

Пока занимались въ домѣ этими приготовленіями, я на досугъ слѣдилъ за каждымъ шагомъ Анисэ, и вполне оцѣнилъ благородную, материнскую душу этой женщины.

Отчего бы не описать здѣсь наружность Анисэ де-Соль?... Но счумбю ли я?

Рука моя не пыталась еще рисовать ее; она дрожитъ, приступая къ этому подвигу.

Роста она была скорѣе средняго, чѣмъ большаго, и одѣвалась всегда такъ дѣвственно—просто, что только по лицу и можно было судить о красотѣ ея. Надо было выждать того рѣдкаго случая, когда она, покоряясь обычаямъ свѣта, надѣвала городской нарядъ, — чтобы увѣриться, что руки ея не уступали въ совершенствѣ плечамъ, станъ былъ гибокъ и строенъ, а ноги поражали своимъ малымъ размѣромъ. По большей части, она носила просторныя, развивающіяся платья, изъ-подъ которыхъ во всякомъ ея движеніи являлась мигъ прелесть всего ея существа, но которыя не приковывали къ себѣ моего взора, а скорѣе ревниво скрадывали цѣломудренную красоту этой женщины. Живя постоянно въ семействѣ, появляясь въ свѣтъ весьма рѣдко, и то вслѣдствіе крайней необходимости, она сохраняла всегда строгую ровность въ характерѣ, въ поступкахъ и даже въ одеждѣ. Губертъ, въ минуты своего нерасположенія, упрекалъ ее въ недостаткѣ жемственности, говоря, что дерзко и недостойно женщины—вести халатную жизнь. Въ другое время, сравнивая ее съ прочими свѣтскими женщинами, онъ сознавался, что въ этомъ блѣдомъ или перловомъ платьѣ съ широкими складками и широкими рукавами, въ этой безхитроной уборкѣ прекрасныхъ каштановыхъ волосъ—она, казалось, богаче всѣхъ одѣта, изящнѣе всѣхъ причесана. Тогда открывалъ онъ утонченное кокетство подъ этой наружной небрежностью и наружнымъ равнодушіемъ къ собственной особѣ; ему ничего не стоило противорѣчить себѣ на каждомъ шагу, изучая, какъ неразрѣшимую задачу, эту простую, безхитроную женщину, въ которой такъ ярко сіяла красота душевная и такъ сокровенно отъ людей таилась красота тѣлесная.

Вся тайна этого искусства дѣйствовать въ одно время на взоръ и на сердце чловѣка заключалась въ чувствѣ правды, которымъ обладала она въ высшей степени. Принималась ли она вышивать узоры, рука ея безсознательно выводила образцы искусства; рассматривала ли она произведеніе художества, непосредственно и вѣрно чужла она красоты его и недостатки; восторгалась ли она книгой, можно было сказать навѣрное, что наиболѣе почувствованныя авторомъ мѣста тѣ,

гдѣ она сильнѣй была тронута. Точно также, повязывая на-скоро поясъ, или причесывая, безъ помощи зеркала, свои чудные волосы, выходила она невольно хороша и исполнена поэзіи, какъ тѣ широко и просто схваченныя фигуры Пареенона, гдѣ рука человѣческая, сама не сознавая того, возводила въ дѣйствительность идеаль совершенства.

Довольно того—это было существо, вполне зависѣвшее отъ перваго движенія сердца. Впрочемъ, воображеніе ея было спокойно, можетъ быть даже холодно; воспитаніе ея было не глубже другихъ женщинъ ея сословія. Она не была свѣдуща во многомъ, тѣсно связанномъ съ выгодами ея пола. Вѣроятно, она была даже лѣнива въ дѣтствѣ, по причинѣ тѣсноты или, можетъ быть, завидной судьбы своей: у ней была мать, лучшая изъ матерей, и сама она была натура благословенная свыше. Но сердце ея, исполненное доброты, состраданія и преданности, замѣнило въ ней воображеніе, науку и дѣятельность. Она все это угадывала чувствомъ, а какъ къ чувству ея никогда не примѣшивался эгоизмъ, скрытность и лицемеріе,—то и рѣшала она сердцемъ труднѣйшія задачи и прозрѣвала ясно въ божественную мудрость.

Она была живымъ олицетвореніемъ глубокаго разума и сердечныхъ порывовъ; она была кротка до самоотверженія, рѣшительна въ своихъ привязанностяхъ; уступчива въ обстоятельствахъ, требующихъ снисхожденія, непоколебима въ дѣлахъ, вопиющихъ къ правосудію. Люди, мало ее знавшіе, признавали ее пустой и холодной, глядя на ея строгую жизнь и рѣшительное отсутствіе кокетства. Знавшіе ее покороче, находили романическою ея доверчивую доброту. Люди, вполне понимавшіе эту женщину, раздѣляли мое, вышеприведенное мнѣніе.

— Это женщина — душа съ ногъ до головы, говорить почтенный кавалеръ Вальтруа, старинный другъ ея дѣда. Совесть, умъ, образованность, грація—все въ ней выходитъ изъ души.

Я буду еще имѣть случай говорить подробнѣе объ этомъ старикѣ, который такъ вѣрно умѣлъ оцѣнить ее потому именно, что самъ онъ, смѣшной и простодушный мужчина, имѣлъ,

какъ и Аниса, горячее сердце, вполне забывавшее ему всѣ другія достоинства. Теперь же пора мнѣ приняться за прерванный разговоръ; сознаю самъ, что я плохой рассказчикъ; я повѣствую, точно какъ живу, останавливаясь на каждомъ шагу, любуюсь тѣмъ, что мнѣ мило, и нисколько не думая о предполагаемой цѣли.

Прежде всего, я долженъ, однакожь, сказать прямо, что этотъ день прошелъ такъ же, какъ предыдущій, и ничѣмъ не разнился отъ послѣдующихъ; это прелестное существо не занимало еще меня на столько, чтобъ могъ я определять свои чувства. Во мнѣ было какое-то невольное влеченіе, побуждавшее уважать ее безгранично, любить ее безъ размышленія. Любовь непримѣтно всасывалась въ мою душу, какъ всасывается въ кровь благородное вино моей родины, во время уборки, пріятное и невинное, какъ молоко, и крѣпко опьяняющее потомъ человека, еще не успѣвавшего утолить имъ первой жажды. Оно обманчиво для незнакомца и одолеваетъ его съ первыхъ капель. Голова еще не успѣла отуманиться, а ноги отказываются служить отъ опьяненія. Такъ и я, неопытный въ жизни, въ любви, подпалъ обаянію полной, неодолимой страсти, еще не успѣвъ оглянуться и назвать себя влюбленнымъ.

Каждый день, къ пяти часамъ вечера, я возвращался къ хозяевамъ Флошъ, чтобы не давать имъ скучать отъ бѣзлѣзни и одиночества. Каждый день, г-жа Маранжъ говорила мнѣ при прощаньи:

— До завтра, не такъ ли?

И каждый день, около полудня, былъ я съ ними.

Я назначилъ свой отъездъ 10 октября. Старикъ-Флошъ началъ поправляться. Никакой бѣды не случилось съ его жилищемъ. Въ замкъ де-Соль не видать было тоже следовъ цыганской ноги въ тѣнистыхъ аллеяхъ парка.

9-го октября пошелъ я проститься съ своими новыми знакомыми.

Г-жа Маранжъ сказала мнѣ:

— Зачѣмъ вы ѣдете отъ насъ? Мы остаемся здѣсь по дѣламъ, до конца мѣсяца; останьтесь и вы съ нами. Пере-

взжайте отъ Флоръ, тамъ становится холодно; перестаньте ходить по лѣсамъ, не то сдѣлаетесь мизантропомъ. У насъ есть для васъ комната, небольшая, но за то уединенная, гдѣ вы можете работать сколько душѣ угодно. Побъжайте же повидаться съ своимъ беррійскимъ пріятелемъ, а на другой день возвращайтесь къ намъ. Тогда мы всѣ вмѣстѣ отправимся въ Парижъ. Къ-тому же и Морена будетъ постоянно у васъ на глазахъ.

Я не соглашался, зная напередъ, что Эдмондъ будетъ выговаривать мнѣ за безпечное провѣдѣніе времени. Но г-жѣ Маранжъ хотѣлось поставить на своемъ.

— Послушайте, сказала она, я приглашаю васъ не изъ учтивости; но прошу васъ на дѣлъ доказать вашу дружбу. Не скажу вамъ, для чего и какъ можете вы служить намъ, посвятивши эти двадцать дней нашему обществу; я вамъ объясню это впоследствии.

Я не сталъ отговариваться долѣе и согласился. Я отправился къ Эдмонду въ Парижъ, такъ какъ на этотъ разъ ему было не по дорогѣ завернуть въ Фонтенбло. Онъ принялся бранить меня, подсмѣивался надо мною и грозилъ оставить меня на свѣденіе тоскѣ, если я отъ него уѣду. Я уѣхалъ, однакожь, и на другой день былъ въ замкѣ де-Соль.

— Послушайте, сказала г-жа Маранжъ въ этотъ же вечеръ, гуляя со мной по саду, я такъ благодарна вамъ за оказанную намъ дружбу, что готова сей-часъ же сказать, въ чемъ состоитъ ваша услуга. Вы будете защищать насъ отъ непріязни маленькаго врага, котораго мы себѣ нажили въ это время. Пришло же въ голову этому бѣдному Губерту Клету сдѣлать моей дочери самое глупое, безсмысленное и смѣшное объясненіе въ любви! Она посмѣялась надъ нимъ. Онъ обидѣлся, однакожь, остался у насъ, поклявшись никогда не возобновлять своихъ ухаживаній. Мы не видимъ никакой необходимости отказать ему отъ дому, дѣло не стоитъ того. Моей дочери тридцать лѣтъ. Она пережила столько тяжкихъ и незапятнанныхъ опытовъ своей жизни, что ей нечего бояться за себя при этой ничтожной опасности. Къ-тому же, сынъ мой, разумеется, ничего не знаетъ объ

этомъ; иначе онъ, не смотря на свое ребячество и избалованность, показалъ бы себя рыцаремъ въ этомъ дѣлѣ и сыгралъ бы плохую шутку съ своимъ пріятелемъ. М-г Клетъ страшно надмененъ и не захотѣлъ бы, чтобъ поступали съ нимъ, какъ съ мальчикомъ. Вотъ почему скрыли мы это происшествіе; но хотя м-г Клетъ и держитъ себя очень прилично, безпрестанныя посѣщенія его ставятъ насъ въ тупикъ. Онъ какъ будто далъ себѣ слово скрыть свои неудачи отъ парижскихъ друзей, которыхъ онъ, какъ мы узнали отъ м-г Вальтруа, сдѣлалъ повѣренными своихъ любовныхъ предпріятій. Я боюсь, чтобы онъ не остался здѣсь до нашего отъѣзда и не надобдалъ намъ ежедневными посѣщеніями. Боюсь, чтобы эта непристойная комедія не вывела изъ терпѣнія нашего почтеннаго кавалера, который способенъ вспылить и указать этому ребенку его мѣсто. Тогда.... признаюсь вамъ въ материнской слабости, не обойдется безъ дуэли моего сына съ Губертомъ.

— Прикажете мнѣ взяться за это? отвѣчалъ я наивно, и заставилъ улыбнуться г-жу Маранжъ. Скажите слово, я вызову Губерта сего-дня же.

— Сохрани Богъ, дитя мое! Я не возлагаю на васъ обязанности защищать мою дочь, да и дѣло не стѣдуетъ того, чтобы затѣвать драку. Ваша обязанность — присутствіемъ своимъ осаживать высокомеріе г. Клета. Безъ васъ, мы здѣсь однѣ, съ моимъ сыномъ и съ нимъ, разыгрывающимъ при насъ Донъ-Жуана. У насъ есть старички-друзья, а молодыхъ людей мы никогда не принимали у себя въ деревнѣ. Жюльену вздумалось познакомить его съ нами; а онъ готовъ, пожалуй, перетолковать въ свою пользу сдѣланное для него исключеніе. Если вы останетесь съ нами, ему трудно будетъ похвалиться особеннымъ счастіемъ, и я хочу даже попросить васъ привести къ намъ на дняхъ вашего пріятеля Рока, хотя на нѣсколько часовъ. Мы любимъ его, не зная его въ глаза, и хотимъ видѣть его у себя въ Парижѣ. Если уже необходимо, чтобъ мой сынъ, сдѣлавшись юношей, принималъ къ себѣ молодежь, мнѣ бы хотѣлось для него ввести въ нашу семью умныхъ и достойныхъ молодыхъ людей. А ихъ такъ мало.

На наше счастье, мы узнали васъ, и вы останетесь съ нами. Мало по малу, я увѣрена, вы приобретете вліяніе на Жюльена, и онъ отстанетъ отъ пустой жизни и пошлыхъ людей.

Я согласился вполнѣ съ мнѣніемъ доброй матери. Мнѣ и въ голову не приходило сказать ей, что придуманное ею средство поведетъ еще къ большому злу. Я такъ глубоко проникнуть былъ уваженіемъ къ ея дочери, что не подумалъ объ одномъ весьма простомъ и неизбежномъ обстоятельстве: Клетъ естественно долженъ былъ намекать съ злобной ироніей о томъ, что меня предпочли ему.

Съ этихъ поръ, скрытная борьба завязалась между нимъ и мною. Сначала онъ ограничивался одними наблюденіями; потомъ подсмѣивался надъ моими, какъ говорилъ онъ, страданіями безнадежной любви, и наконецъ ухалъ вдругъ, съ твердымъ намѣреніемъ, не оклеветать г-жу де-Соль, (душа его не способна была на подобную низость), но очернить наши отношенія, едва только они затронутъ его самолюбіе.

Г-жа Маранжъ имѣла хорошее состояніе, но помѣстье де-Соль, принадлежавшее ея зятю, не могло похвалиться доходностью. Г-нъ де-Соль занималъ важныя мѣста и своими трудами пополнялъ недостаточность своей вотчины. После его смерти, вдова его, не любившая свѣтскаго шума, рѣшилась прожить большую часть года въ деревнѣ, и выбрала мѣстопребываніемъ своимъ помѣстье де-Соль, отличавшееся картинною мѣстностью. Небольшой замокъ отделанъ былъ съ изящной простотою, садъ и паркъ увеличены были насчетъ сосѣднихъ луговъ. Заботиться о земледѣліи приходилось не много, такъ какъ оно доставляло ничтожный доходъ, и время проводили хозяйки обыкновенно дома, навѣщая только изрѣдка добрыхъ и простодушныхъ деревенскихъ сосѣдей, да объѣзжая въ каретѣ живописныя окрестности. Словомъ, эти двѣ женщины жили мирно, въ тиши своего уединенія, принимали гостей съ лаской и привѣтливостью, и вполнѣ довольствовались своей правильной, умно устроенной жизнью.

Точно такъ же жилъ я съ моею матерью, и судьба Анисы въ настоящемъ такъ походила на мою прошлую жизнь, что

подлѣ нея, казалось, вступаю я снова въ нормальныя условія своего существованія.

Эдмондъ согласился на мою просьбу и на ласковое приглашеніе г-жи Маранжъ, и пріѣхалъ къ намъ на день. Онъ былъ слишкомъ добрѣ и слишкомъ прямѣ душою, чтобы не оцѣнить съ перваго раза обѣихъ женщинъ; онъ сдѣлалъ открытіе, которое меня удивило, но не измѣнило нисколько моихъ чувствованій. Онъ нашелъ, что г-жа Маранжъ, не смотря на свою простоту и незатѣйливость въ образѣ жизни, была необыкновенно развита умомъ и глубоко образована для женщины. Въ этомъ она стояла выше дочери, но ловко и тщательно скрывала свое превосходство, и замѣтить его могъ только Эдмондъ, который не охотникъ былъ до простыхъ житейскихъ разговоровъ и старался всегда навести рѣчь на вопросы отвлеченныхъ наукъ, если не удавалось ему распространиться о какихъ-нибудь фактахъ наукъ положительныхъ. Онъ былъ нѣсколько педантъ, но столько искренности, любви и нехвастовства заключено было въ этомъ человѣкѣ, что нельзя было не простить ему маленькаго педантизма и не полюбить его отъ души. Привѣтливая, добрая, обходительная г-жа Маранжъ показала ему, что она можетъ интересоваться его разговоромъ, и что, слѣдовательно, она въ состояніи его понимать. Она была женой человѣка, съ самоотверженіемъ и по природной склонности отдававшая наукѣ; она не была ученой женщиной, но все, занимавшее ея мужа, было ей дорого и вполне доступно.

Я уже говорилъ о тѣхъ возвышенныхъ порывахъ чувства, благодаря которымъ Анисэ стояла въ уровень съ своей безцѣнной матерью, и, на мои глаза, даже превосходила ее; но Эдмондъ разсудилъ иначе: ему отраднѣе было проповѣдовать передъ г-жей Маранжъ, нежели созерцать красоту г-жи де-Соль. Мать, естественно, показалась ему и моложе, и красивѣе дочери.

Говоря правду, она была до сихъ поръ очаровательна и легко могла ослѣпить любого юношу. Подобныя привязанности, слишкомъ несоразмѣрныя въ отношеніи возраста и необъяснимыя для мысл., случаются однакожь нерѣдко, и

по тому самому весьма естественны; но между женщиной умной и целомудренной, какъ г-жа Маранжъ, и такимъ чистымъ и холоднымъ ребенкомъ, какъ Эдмондъ—отношенія были вполне нравственны, заботливость истинно-материнская.

Не смотря на то, юность любитъ преувеличивать свои впечатлѣнія, какъ бы ни старалась она казаться строгою и воздержною; гиперболы ея всегда блестящи, самый словарь ея дышетъ жизнью. Такъ и Эдмондъ, въ первый же день говорилъ мнѣ въ шутку, что онъ влюбленъ въ г-жу Маранжъ.

— Да, именно влюбленъ, прибавилъ онъ, принимая свой обычный серьезной видъ; я не знаю, пожилая ли она женщина—это для меня рѣшительно все равно: по моему, она собой гораздо лучше дочери, и ни одна женщина не нравилась мнѣ такъ, какъ она. Ты можешь ей сказать отъ меня, что она нашла во мнѣ жаркаго поклонника, вѣрнаго мужа, пожалуй.

Въ этихъ самыхъ выраженіяхъ, въ продолженіе больше двадцати лѣтъ, Эдмондъ отзывался о г-жѣ Маранжъ и говорилъ ей это въ лицо; идти дальше онъ не пошелъ и ни разу не поцѣловалъ у ней руки; вотъ почему эта женщина не уронила себя въ глазахъ общества, и въ семьдесятъ лѣтъ она смѣло называла его своимъ возлюбленнымъ съ той милой простотой, которая составляетъ преимущество безукоризненныхъ матронъ.

Оставя въ сторонѣ свою радость, Эдмондъ не преминулъ выбранить меня наединѣ за мою лѣнь и безпечность. Въ теченіе двухъ недѣль я не заглянулъ ни въ одну книгу: да и на умъ не приходило занятіе. Я уже не чувствовалъ необходимости жить исключительно умственной жизнью, вкушивши снова всѣ прелести жизни сердечной. Цѣлыхъ два года лишень я былъ этого наслажденія, и, право, не грѣхъ было мнѣ вознаградить себя нѣсколькими днями блаженства.

— Умно сказано: нѣсколькими днями! воскликнулъ Эдмондъ съ негодованіемъ. Подумаешь, онъ надѣется прожить нѣсколько столѣтій! А глядишь, умреть въ субботу, либо въ воскресенье, и умреть не узнавши того, что можно изучить

въ недѣлю, т.-е. цѣлый мѣръ, одинъ изъ тѣхъ мѣровъ, изъ коихъ слагается безпредѣльный мѣръ науки.

Слова свои Эдмондъ оправдывалъ на дѣлѣ.

Во время ваканцій, онъ выучился по-санскритски: онъ называлъ это — дышать воздухомъ родины и собираться съ силами въ деревнѣ.

Усыновленіемъ ребенка онъ былъ недоволенъ, и представлялъ мнѣ въ опроверженіе тѣ же обстоятельства, которыя прежде и меня заставляли колебаться.

О причинахъ, побудившихъ меня рѣшиться, онъ не хотѣлъ и слушать, но несмотря на все это, расхвалилъ красоту моей крестницы и надавалъ много дѣльныхъ совѣтовъ касательно ея физическаго воспитанія.

VIII.

Мы опять не имѣемъ подъ рукой собственныхъ записокъ Стефена; но какъ въ это именно время сошлись мы коротко съ главными лицами этой исторіи, то и можемъ съ достовѣрностью пополнить пробѣлы въ его разсказѣ.

Г-жа Маранжъ жила съ дочерью въ Парижѣ въ собственномъ домѣ на улицѣ Курсель. Образъ жизни ихъ мало чѣмъ отличался отъ деревенскаго; при домѣ былъ прекрасный большой садъ, который удалялъ ихъ отъ сосѣднихъ жителей и напоминалъ имъ деревню. Онѣ съ радостью провели бы цѣлый годъ въ своемъ помѣстьѣ; но Жюльенъ Маранжъ не раздѣлялъ ихъ мыслей, а онѣ не могли оставить его одного въ столицѣ. Съ самаго утра, Анисэ занималась Мореной: она глядѣла за ея туалетомъ, и часто, тайкомъ отъ матери, съ нѣжной заботливостью рядила малютку. Она не испытала до сихъ поръ этого наслажденія, съ которымъ женщины-мать любятъ свою дочерью, угадываетъ ея желаніе, понимаетъ невнятный языкъ лепетаній, и съ каждымъ днемъ приходитъ въ новый восторгъ отъ ея живыхъ, болѣе и болѣе проявляющихся взоровъ. Она съ любовью отдалась этимъ мелкимъ хлопотамъ, которыя такъ легко даются матери,

и которыя ей приходилось теперь изучать не безъ усилий. Она стыдилась своего невѣжества; ей было больно прибѣгать къ посредничеству между ею и ребенкомъ, котораго старалась она считать своей родной дочерью.

Г-жа Маранжъ боялась излишней нѣжности со стороны своей дочери и старалась ее умѣрить. Уже пять лѣтъ прожила Анисэ вдовой. Мать желала видѣть ее вторично замужемъ и боялась этой безотчетной любви къ чужому ребенку, котораго Анисэ считала родной дочерью до того, что рѣшалась пожертвовать для нея всеми другими привязанностями.

Покойный мужъ Анисэ былъ человекъ съ достоинствами, но до того гордъ и преданъ честолюбію, что скоро подавить въ себя всякую искренность и чуждался семейныхъ радостей. Анисэ была тихой, безмолвной страдальцей. Мужъ ея слыль въ свѣтъ образцомъ для мужей; но его отношенія къ женѣ сдѣлались вскорѣ мрачны, холодны, даже высокомерны. Анисэ не хотѣла увеличивать своего несчастья пустыми и бесполезными упреками. Она принесла въ жертву свои чувства, свой идеаль нѣжнаго и непризнаннаго счастья. Она никогда не хотѣла сознаться въ своемъ несчастіи.

Да и трудно было ей быть вполне несчастной съ ея мягкой душой, съ ея глубокимъ самоотверженіемъ и при участіи такой доброй, любящей матери. Это была жертва съ сіяющимъ лицомъ и въ великолѣпномъ убранствѣ, жертва, умирающая съ тоски и одиночества посреди свѣтскаго блеска. Она несла крестъ свой съ готовностью и безъ ропота; но наружный видъ не обманулъ ея матеря: г-жа Маранжъ намекнула объ этомъ своему зятю. Почувствовавъ вину свою, г. де-Соль пришелъ въ ожесточеніе, какъ человекъ не желающій или не могущій исправиться. Онъ вознегодовалъ на свою тещу, которая будто бы имѣетъ вредное вліяніе на его жену, и старается отыскать ее отъ свѣтскаго общества. Онъ вздумалъ даже разлучить обѣихъ женщинъ; разлука эта была бы смертью для одной изъ нихъ, если бы смерть не прибрала заблаговременно его самаго.

Любовь и супружество было по этому для Анисэ только мгновненнымъ и обманчивымъ призракомъ счастья. Попытать

снова этого счастья она не имѣла охоты. Мысль остаться навсегда съ матерью услаждала ея одиночество. Въ продолженіе пяти лѣтъ жизнь ея походила на жизнь Стефена въ теченіе этого послѣдняго мѣсяца. Она отдыхала отъ страданій и не помышляла еще о полномъ наслажденіи жизнью.

Днемъ она никого не принимала, раздѣляя вполне мнѣніе г-жи Маранжъ, которая полагала необходимымъ, для сохраненія свѣжести ума, оставаться нѣсколько часовъ въ день наединѣ самой съ собою. Завтракали онѣ вмѣстѣ съ Жюльеномъ, который занимался своими науками, или намѣренъ былъ заняться. По уходѣ его, онѣ читали или вышивали по очереди. Онѣ жили до того душа въ душу, что не могли прочесть книгу, или начать какое-нибудь рукодѣлье, одна безъ другой. Иногда приносили къ нимъ Морену, которая ползала по полу на шелковомъ стеганомъ одѣялѣ. Мало по малу Анисэ выпросила позволеніе оставлять ее всегда при себѣ. Съ невыразимымъ наслажденіемъ слѣдила она за нѣжными и граціозными движеніями этого милаго ребенка, который, вполне довольный своей судьбою, почти не нарушалъ своимъ шрикомъ тишины этого благословеннаго жилища.

Послѣ чтенія, Анисэ и мать ея, соблюдая порядокъ въ жизни нравственной и матеріальной, занимались вмѣстѣ, либо порознь, различными отраслями хозяйства, поливали въ комнатахъ цвѣты, заказывали обѣдъ по вкусу ожидаемыхъ гостей, писали письма, помогали другъ другу одѣваться.

Къ этому времени возвращался домой Жюльенъ, и рѣчь заходила объ немъ, объ его занятіяхъ, въ особенности объ его развлеченіяхъ, о которыхъ онъ всегда рассказываетъ съ любовью, заговаривая тутъ же о предстоящихъ увеселеніяхъ. Къ обѣду приходилъ обыкновенно кавалеръ де-Вальтруа или еще кто-нибудь изъ старыхъ знакомыхъ. За тѣмъ Анисэ хлопотала объ ужинѣ для Морены и укладывала ее въ постель. Часамъ къ восьми сходило человѣкъ десять короткихъ друзей. Одинъ день въ недѣлѣ назначенъ былъ для денныхъ визитовъ; одинъ вечеръ — для посѣщенія театровъ.

Въ этой-то жизни, мирной и чудно-однообразной, суждено было Стефену сдѣлаться участникомъ. Казалось, для

него именно и устроена была эта жизнь. Этот человекъ былъ странное смѣшеніе изнѣженности и нравственной силы. Одаренный богатыми способностями, многосторонне развитый не по лѣтамъ, онъ цѣлый день посвящалъ уединенному занятію науками. Если Эдмондъ горяче брался за дѣло, Стефену доставалось оно съ меньшимъ усиліемъ. Онъ обладалъ необыкновенной памятью и быстрымъ соображеніемъ. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ счастливымъ организаціямъ, которыя, по видимому, не утруждали себя работой,—такъ легко достаются имъ плоды ихъ занятій. Этими плодами наслаждаются они въ тишинѣ и забываютъ даже вести счетъ своимъ пріобретеніямъ. Его излишняя скромность происходила не изъ усиленнаго желанія сообразоваться съ законами свѣтскихъ приличій. Вернѣе сказать, очаровательное безсиліе и природная томность не давали ему высказаться со всеми его достоинствами. Въ душѣ его былъ обильный запасъ поэзіи, препятствовавшій ему сдѣлаться систематикомъ, и въ то время какъ Эдмондъ, гоняясь за истиною, подчинялъ все строгому анализу, истина эта вдругъ, какъ бы высшимъ наитіемъ освѣтила непорочную душу Стефена.

Этотъ твердый и умный человекъ вполне удовлетворялся самимъ собою, пока была ему возможность не жить сердцемъ; но если вечеромъ, непредвидѣнный случай замедлялъ его обычное странствованіе отъ Луксбургга къ Елисейскимъ полямъ, странная необузданность воли проявлялась въ этомъ безмятежномъ существѣ. Въ тѣ дни, когда Анисэ отправлялась съ матерью въ театръ, на него находила странная тоска, и онъ, вѣчно покойный; терпѣливый и привычный къ труду, съ ужасомъ задавалъ себѣ вопросъ, что будетъ съ нимъ и какъ проживетъ онъ эти часы внѣ дорогаго ему семейства. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, покупалъ онъ конгръ-марки, чтобы имѣть право войти въ партеръ, взглянуть на нихъ хоть издали и забѣжать къ нимъ въ ложу во время антракта. Но этотъ способъ видѣться съ ними въ нѣблизкѣ заставлялъ его страдать еще болѣе, и онъ отмазался отъ этого средства.

Тогда онъ сталъ приглашать къ себѣ на этотъ вечеръ

нѣсколькихъ друзей, которые курили, болтали и проводили съ нимъ время. Самъ же онъ говорилъ мало, куриль еще меньше, но прислушивался къ толкамъ друзей и интересовался обменомъ ихъ мыслей. То, что въ другое время казалось бы ему пустымъ и скучнымъ, было ему теперь отраднѣе самаго сладкаго уединенія.

Ему надо было забыться или сдѣлать надъ собой большое усиліе, чтобы вспомнить, что есть на свѣтѣ много людей, не однѣ двѣ женщины изъ улицы Курсель.

Эдмондъ тоже приходилъ къ нему съ глазами красными отъ работы, съ своей отрывистой рѣчью и вѣчно напряженнымъ умомъ: онъ говорилъ, что не нуждается въ отдыхѣ, и только ради дружбы измѣняетъ своимъ занятіямъ.

Была какая-то особенная прелесть въ этихъ кружкахъ молодежи, собравшейся въ уютную комнату, гдѣ горячность юной крови замѣняла подѣ часъ недостатокъ топлива. Трое или четверо изъ этого общества были достойные товарищи нашихъ друзей. Не смотря на легкомысліе и вѣтренность, они приняли въ себя много поэтической настроенности Стефена и логическаго склада ума Эдмонда. Рѣчь шла, обыкновенно, о всякой всячинѣ: толковали, обыкновенно, съ жаромъ, недоверчивостью и безпечной веселостью, какъ водится между молодыми людьми вездѣ, и во Франціи въ особенности.

Было въ этой компаніи двое-трое праздничатающихся, товарищей-весельчаковъ; ихъ поминутный смѣхъ, забавныя выходки, ихъ громкія рукоплесканія или пронзительныя свистки, при обсужденіи важныхъ матерій, невольно выводили Эдмонда изъ его натянутаго хладнокровія и вызывали другія мысли, которыя схватывалъ Стефенъ на лету, какъ бы нечаянно, и ставалъ на рѣшеніе всему обществу.

Въ это время онъ углублялся въ самаго себя, и слѣдя за мнѣніями другихъ, думалъ вовсе о вещахъ постороннихъ. Иногда просили его сыграть на фортепiano какую-нибудь пѣсню его родины, и эта пѣснь, какъ свѣжительное дыханье вѣтерка, проносилась надъ головами юношей; но юноши не обращали вниманія на его игру. Эдмондъ, съ роду не любившій тѣнитъя, пусками, заводилъ рѣчь о первоначаль-

номъ состояніи музыки у Китайцевъ и Индійцевъ. И на него тоже не обращали вниманія; но онъ продолжалъ свою диссертацию, а Стефенъ свою пѣсню, и среди этого смѣшенія голосовъ, въ туманъ табачнаго дыма и подъ вліяніемъ быстро смѣняющихся мыслей, Стефенъ отдавался вполне своей игрѣ и нсволью начиналъ импровизировать, слегка прислушиваясь къ бѣглому разговору. Онъ воображалъ себя на родинѣ, въ тѣни орѣховыхъ деревьевъ, или въ Фонтенбло, среди великолѣпной буковой рощи, и дивныя рѣчи слышались ему вдали, прерываемыя на каждомъ шагу завываніемъ бурнаго вѣтра.

Однажды, когда я такъ импровизировалъ, — говорить Стефенъ въ одномъ отрывкѣ, который мы почли необходимою включить въ нашъ рассказъ, — вошелъ ко мнѣ человекъ, что-то въ родъ *Шмука* (извѣстнаго лица въ Бальзаконѣ *Cousin Pons*), старій нѣмецкій капельмейстеръ, проживавшій въ Парижѣ двумя-тремя уроками. Съ недавняго времени, онъ поселился рядомъ со мною: наши комнаты разделены были всего одной перегородкой. Я не зналъ, кто онъ такой, и ничего не слыхалъ объ его искусствѣ, иначе бы вѣрно я посоветился нарушать его спокойствіе и тиранить его слухъ. Громкій смѣхъ встрѣтилъ его на порогѣ моей комнаты — такъ уморительна показалась всѣмъ эта фигура, одѣтая въ презабавный костюмъ. Онъ взошелъ съ испуганнымъ видомъ человека, который застигнуть врасплохъ среди перваго сна, и хочетъ просить о прекращеніи неумѣстнаго шума, не то пойдетъ жаловаться къ безпристрастному судѣ—дворнику. Я всталъ, съ намѣреніемъ удовлетворить его справедливой просьбѣ, но на дѣлѣ вышло другое.

— Любезный сосѣдъ, сказалъ онъ мнѣ: у васъ есть другъ, который прекрасно говоритъ о теоріи музыки, но говоритъ слишкомъ близко въ головахъ моей постели и мѣшаетъ слушать ваши пѣсни. Я каждый вечеръ засыпаю сладко подъ эти пѣсни, а вашъ пріятель будитъ меня своимъ краснорѣчіемъ. Если вамъ угодно только переставить фортепiano на то мѣсто, гдѣ говоритъ вашъ пріятель, а пріятеля пересадить на стулъ, на которомъ вы теперь играете, — вы найдете во мнѣ счастливаго и вполне признательнаго сосѣда.

— О, да это обоюдо-острая эпитафия! сказалъ Эдмондъ. Я досаждаю своей ученостью, а ты, Стѣфенъ, усыпляешь своими мелодіями.

— Да здравствуетъ сосѣдъ! Онъ не глупъ! раздалось вокругъ меня. Пусть будетъ по немъ! Но прежде, онъ долженъ сыграть намъ что-нибудь поновѣе Стѣфеновскихъ элегій или простонародныхъ плясокъ.

— Извольте, сказалъ старикъ, извольте, мои дѣти. Вы любите новенькое, не такъ ли? Я вамъ сыграю и новенькаго.

И, усѣвшись за фортепјано, принялся онъ разыгрывать что-то высокое; я стоялъ подлѣ, очарованный этими звуками, и долго, долго не могъ очнуться отъ обаянья его чудной игры.

Товарищи мои слушали его съ удовольствіемъ и аплодировали съ восторгомъ. Эдмондъ пустился на этотъ разъ въ толки о новѣйшей музыкѣ сравнительно съ музыкою прошлаго вѣка. Онъ прочелъ наканунѣ критическую статью объ этомъ предметѣ и пересказалъ ее вкратцѣ съ большимъ толкомъ и ясностью. На бѣду только, вздумалъ онъ повѣрять сужденія автора, примѣняя ихъ къ мнимому мотиву Беллини, разыгранному старымъ музыкантомъ.

Я не слушалъ его, и хотя не былъ на столько знаткомъ музыки, чтобы угадать автора этого дивнаго произведенія, но чувствовалъ ясно, что, по своей глубинѣ и простотѣ, не могло оно принадлежать къ новой школѣ; я только пожималъ плечами на мудрствованія своего друга. Тогда старшій учитель обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Вотъ вы и видите теперь, что значитъ предубѣжденіе безъ опытности и теорія безъ практики. Пріятель вашъ увѣряетъ, что эти мотивы не могли бы родиться въ головѣ челоуѣка прошлаго столѣтія, а я сыгралъ вамъ просто-напросто хораль въ трехъ отдѣленіяхъ Себастіана Баха.

Друзья мои принялись смѣяться, Эдмондъ ушелъ не въ духѣ, и я остался одинъ съ старымъ музыкантомъ.

Здѣсь опять прерывается отрывокъ, и мы по необходи-

ности должны его пополнить. Стёфенъ позабылъ объ одномъ обстоятельстве этого вечера.

Шварцъ призналъ его великимъ музыкантомъ, и прибавилъ, что изъ него можетъ выйти великій композиторъ. Стёфенъ восьми лѣтъ выучился у матери первымъ правиламъ музыки, и съ тѣхъ поръ не заглядывалъ совсѣмъ въ ноты—ему казалось, что нѣмецъ все еще подсмѣивается надъ его игрою. Но старикъ продолжалъ свое и говорилъ убѣдительно; Стёфенъ подумалъ тогда, что бѣднякъ нуждается въ урокахъ, и готовъ уже былъ, съ свойственною ему добротою, назваться ему въ ученики, какъ вдругъ Шварцъ, словно угадавши его мысли, воскликнулъ съ жаромъ:

— Только ради Бога не берите уроковъ! Съ вашими способностями, вы можете одни, безъ чужой помощи, пройти научную часть; но только не совѣтуйтесь ни съ кѣмъ на счетъ вашего чувства, вашего вкуса, вашихъ идей. Гармонію вы знаете?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Стёфенъ: я едва знаю, что есть такая наука для приведенія въ порядокъ законовъ, чрезмѣрное нарушеніе которыхъ дерзаетъ ухо, а чрезмѣрное соблюденіе охлаждаетъ впечатлѣніе.

— Вотъ великое слово! воскликнулъ Шварцъ. Вы понимаете гармонію лучше всѣхъ, старавшихся опредѣлить ее, и обладаете практикой, не изучавши теоріи. Я это замѣтилъ съ разу изъ вашей игры. Вы дѣлаете въ музыкѣ ортографическія ошибки, свойственныя великому артисту, и которыя вы имѣли бы право называть пуризмомъ, если бы были извѣстнымъ композиторомъ.

— Вотъ вамъ мои ортографическія ошибки, сказалъ Стёфенъ, наигрывая нѣкоторые пассажи изъ беррійскихъ пьесъ. Не правда ли, это самое дивитъ васъ и плѣняетъ? Меня плѣняетъ оно, но не дивитъ — мое ухо свыклось съ этими звуками, мое чувство прислушалось къ нимъ. Я не умю назвать вамъ эти аккорды, не могу прискаты имъ имена. Я люблю ихъ потому, что слыхалъ на родинѣ, отъ странствующихъ скрипачей. Что же касается до этихъ

переходовъ—я знаю, что онъ не встрѣчаются въ музыкѣ официальной; но въ природѣ они есть, а какъ природа ошибаться не можетъ, то и выходитъ, что не права наша официальная, или, если хотите, легальная музыка.

— Браво! воскликнулъ Шварцъ.

И они почти всю ночь провели въ этой одушевленной бесѣдѣ. Стефень не разъ отказывалъ себѣ въ объѣдѣ, чтобы слушать нѣкоторые любимыя имъ итальянскія оперы. Онъ обладалъ замѣчательнымъ инстинктомъ прекраснаго, возвышеннаго и истиннаго во всѣхъ искусствахъ.

Разговоръ съ Шварцемъ, прерывавшійся исполненіемъ нѣкоторыхъ отрывковъ изъ образцовыхъ произведеній, до того заинтересовалъ Стефена, что на другой же день, оставя на время свои занятія, онъ съ жаромъ принялся за изученіе музыки. Пальцы его, уже привыкшіе бѣгло и нѣжно выражать его воспоминанія дѣтства и юношескія мечты, въ нѣсколько дней развились еще болѣе и могли уже передавать мысли другаго. Его быстрые глаза, съ помощью сверхъестественнаго вниманія, читали уже бѣгло и вѣрно разныя партиты и странно нацарапанныя манускрипты, которые приносилъ ему Шварцъ. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, Стефень читалъ прямо всякія ноты, и прочелъ все, что осталось намъ прекраснаго отъ великихъ мастеровъ искусства. Онъ сдѣлался хорошимъ музыкантомъ; онъ импровизировалъ уже съ болѣею свободой, съ чувствомъ болѣе глубокимъ, но по прежнему наивнымъ и самостоятельнымъ.

Шварцъ, котораго прежде слушалъ онъ съ восторгомъ, тотъ же Шварцъ слушалъ его теперь съ благоговѣніемъ. Эдмондъ уже не осмѣливался спорить съ ними, и говорилъ только объ относительной бесполезности искусства. Стефень *мимоходомъ* изучилъ музыку; онъ создалъ себѣ новый міръ наслажденій, и всякой вечеръ, возвратясь изъ улицы Курсель, онъ передавалъ самому себѣ свою любовь, свое счастье на этомъ языкѣ воображенія и чувства, который многимъ философамъ и ученымъ кажется пустъ и безсмысленъ потому только, что онъ полонъ тайны и не знаетъ себѣ предѣловъ.

Однажды утромъ, Стефень, вопреки увещаніямъ Шварца, не имѣвшій охоты сдѣлаться въ музыкѣ композиторомъ, принялся опять за свои занятія науками и наслажденіе музыкой отложилъ впередъ до будущихъ досуговъ. Но въ тотъ же день, вечеромъ, суждено ему было видѣть торжество свое, на которое онъ не рассчитывалъ и которое открыло его душѣ новый періодъ радости и упоенія. Объ этомъ пусть расскажетъ онъ самъ.

 IX.

СТАРИННЫЙ ДИВАНЪ СТЕФЕНА.

15 марта 1833 г.

Нынче вечеромъ онъ говорили объ отъѣздѣ! Онъ хотѣлъ ѣхать черезъ мѣсяцъ въ деревню. А со мною что жъ будетъ? Я зналъ, однакожъ, что онъ проведутъ лѣто не въ городѣ! и позабылъ объ этомъ, потому что не хотѣлось мнѣ вѣрить въ возможность ихъ отъѣзда.

Нѣтъ, онъ не уѣдутъ, или я найду средство и поѣду за ними; она мнѣ намекала объ этомъ; ей не изъ чего меня обманывать; при томъ же она проговорила невольнo.... Это-то и страшитъ меня: подумавши, она этого бы не сказала. О чемъ я думалъ, положивши въ разсѣянности руку на это фортепiano? Оно всегда было закрыто. Аниса, я знаю, поетъ иногда, но такъ рѣдко и неохотно, что этотъ прекрасный инструментъ стоялъ въ комнатѣ больше для мебелировки. Я думалъ, что ожидаютъ какого-нибудь артиста, и жаждалъ услышать прекрасную игру. Привыкнуши къ маленькому крикучему фортепiano моей бѣдной матери, я не прочь разгуляться иногда и на мягкомъ, болѣе могучемъ инструментѣ. И я перебиралъ слегка однимъ пальцемъ послѣдніе клавиши, которыхъ не хватало на моихъ уже состарѣвшихся клавино-кордахъ.

Разговоръ зашелъ объ отъѣздѣ. Я не вдрогнулъ, но правая рука моя ударила судорожно по клавишамъ, и быстрый и глухой стонъ вырвался изъ груди звучнаго инструмента.

— А! да вы мастерски играете, вы музыкантъ! воскликнула г-жа Маранжъ; вы, кажется, знаете все на свѣтѣ. Съиграйте же намъ что-нибудь хорошее. Сей-часъ только, одна наша родственница наказала насъ такимъ дикимъ *рондо*, что нервы наши до сихъ поръ не могутъ успокоиться. Выложите насъ, если вы медикъ. Вы сдѣлаете доброе дѣло.

Въ эту минуту вошелъ Клетъ, который все по прежнему навѣщаетъ своихъ знакомыхъ. Клетъ презираетъ всякаго, занимающагося музыкой, потому, что онъ самъ, по его словамъ, любить музыку до страсти, до самозабвенія. Онъ умолялъ меня не играть. Его мольбы подстрекали меня състь за фортепiano, хотя ужъ для того, чтобъ не давать ему говорить съ г-жей де-Соль, которая не выноситъ его бесѣды. Я съигралъ робко, какъ дитя, одну пѣсню своей родины. Она понравилась г-жѣ Маранжъ.

Клетъ удостоить меня похвалы за скромный выборъ пьесы.

Анисэ не сказала ни слова.

Вслѣдъ за тѣмъ сказали ей тихонько, что пришелъ на-стройщикъ.

— Онъ пришелъ слишкомъ поздно, добрый Шварцъ, отвѣчала г-жа Маранжъ. Его просили къ семи часамъ, а теперь девять, и мы наслаждались *рондо* съ часъ тому назадъ. Попросите его зайти завтра утромъ.

Имя Шварцъ нѣсколько удивило меня; впрочемъ, почти всѣ Нѣмцы прозываются Шварцами, и я сейчасъ успокоился, какъ вдругъ Анисэ сказала своей матери:

— Ахъ, папан, право жаль заставлять бѣднаго старика таскаться сюда изъ улицы *l'Ouest*, и для какой-нибудь бѣдллицы, которую онъ справитъ сейчасъ же въ пять минутъ, если позволите. Я знаю, что не очень пріятно слушать на-строиванье фортепiano, но вѣдь мы здѣсь все короткіе знакомые! Мы уйдемъ въ гостиную и затворимъ двери.

— Твоя правда, сказала г-жа Маранжъ. Позовите сюда почтеннаго Шварца.

« У насъ, вѣрно, двое Шварцевъ на нашей улицѣ, подумалъ я: мой даровитый учитель ужь, конечно, не пойдетъ въ настрійщики за три франка.»

Когда мы вышли въ гостиную, взошелъ Шварцъ, подлинный Шварцъ, гениальный человекъ, мой другъ, мой учитель. Слезы навернулись у меня на глазахъ. Я пошелъ къ нему на встрѣчу и сжалъ ему объ руки.

— Вы знакомы? сказала Анисэ, оставшаяся подлѣ рояли, чтобы принять съ ласкою бѣднаго старика.

— Не говорите имъ, кто я такой, сказалъ мнѣ Шварцъ по-нѣмецки. Чтѣ дѣлать! бѣдность доведетъ до всего!

Бѣдность! и я не зналъ объ этомъ! У него нѣтъ уроковъ, и онъ не сказалъ мнѣ ни слова. Ему нечего вѣсть, быть можетъ, а онъ скрытъ это отъ меня съ стоической гордостью!

Я не послушалъ его, и сказалъ Анисэ:

— Вы хотите лечиться хорошею музыкой; дайте ему настроить фортепiano, и попросите его сыграть что-нибудь.

— Неужели? отвѣчала она. Да сколько же на свѣтѣ такихъ тайныхъ, непризнанныхъ талантовъ! Послушайте же, мы пробудемъ все время въ залѣ, нето онъ уйдетъ, и мы останемся безъ музыки.

Г-жа Маранжъ вышла къ намъ, чтобъ спросить о причинѣ нашего отсутствiя. Она не спускаетъ глазъ съ своей дочери, и мнѣ въ первый разъ стало неловко въ ея присутствiи. Никогда не искалъ я случая быть наединѣ съ Анисэ; но въ этотъ вечеръ, казалось мнѣ, она замѣтила мое смущенiе, угадала мои страданья, и, вѣроятно, заговорить со мной объ этомъ роковомъ отъѣздѣ и постарается успокоить мои мысли.

Г-жа Маранжъ, услышавъ, что Шварцъ великiй музыкантъ, вошла съ участiемъ въ его положенiе.

— Послушайте, сказала она намъ въ полголоса: завтра же онъ придетъ сюда давать уроки. Это послужитъ предлогомъ, чтобы слушать его какъ можно чаще, и мы будемъ

платить ему по луддору за урокъ. Упросите его остаться, выпить съ нами чашку чаю; мы попросимъ его послѣ сыграть, и предложимъ давать уроки, по его таланту, а не по вашей рекомендаціи.

Клетъ заснулъ на диванѣ въ гостиной: мы и забыли о немъ. Припелъ нашъ неизмѣнный кавалеръ де-Вальтруа; г-жа Маранжъ перешепнулась съ нимъ, и онъ взялся, черезъ недѣлю, доставить еще двухъ учениковъ моему бѣдному другу.

Подали чай. Шварцъ кончилъ настраивать фортепiano. Анисэ сама положила ему сахару въ чашку. Клетъ, который, слѣдуя модѣ, убиваетъ себя куреньемъ опиума, спалъ непробуднымъ сномъ. Кавалеръ, ничего не видящій въ этой модѣ, хотѣлъ выбросить его за окно въ садъ.

Мой Шварцъ страхъ сколько поѣлъ сандвичей. Я быюсь объ закладъ, что бѣднякъ не обѣдалъ сегодня! Можетъ-быть, оттого и опоздалъ онъ придти въ назначенный часъ за своими тремя франками, что не имѣлъ силъ бѣжать съ тощимъ желудкомъ.

Я не намекнула объ этомъ ни словомъ, но догадливая г-жа Маранжъ сказала мнѣ громко:

— Чай—плохое угощенье для молодыхъ людей. Въ мое время, подавали вечеромъ галантинъ, да бутылку старой малаги.

— У *taman* всегда дивныя мысли, воскликнула г-жа де-Соль; я же кстати не обѣдала! Въ ваши лѣта, М-г Стѣфень, всегда есть аппетитъ; откушайте съ нами; и вы тоже, М-г Шварцъ, сдѣлайте одолженіе: ужинать одной какъ-то скучно!

Мы отправились въ столовую. Все было готово въ минуту. Мой бѣдный Шварцъ не вѣрилъ глазамъ своимъ. На него старались не обращать вниманія. Только г-жа Маранжъ, какъ бы въ разсѣянности, подкладывала ему на тарелку и наливала въ стаканъ, разговаривая съ нами о новой оперѣ и засѣданіи камеръ.

Когда мы ворвались въ залу, Шварцъ ступалъ не совсемъ прямо. Онъ пилъ, впрочемъ, умвренно, но кто знаетъ, съ которыхъ поръ пьетъ онъ одну воду?

Глаза его блистали, и худоба его не казалась уже смѣшною. Покачиваясь, подошелъ онъ къ фортепiano и воскликнулъ полнымъ голосомъ, котораго я до сихъ поръ не зналъ за нимъ:

— Теперь очередь за нами, дружокъ!

Онъ взывалъ къ инструменту, надъ которымъ работалъ прежде, какъ поденщикъ, и къ которому обращался онъ теперь, какъ полный владыка. Онъ былъ великъ въ эту минуту. Анисэ и ея мать пришли въ восторгъ. Ахъ! какъ Анисэ поняла его! И она еще говоритъ, что не музыкантша! Быть можетъ: ей нечего изучать, если она чувствомъ угадываетъ все прекрасное!

Клетъ проснулся отъ бурной игры Шварца. Онъ вошелъ въ комнату какъ лунатикъ. Онъ былъ живо тронутъ страстнымъ *grandioso* стараго учителя. Онъ не хотѣлъ сознаться, но не осмѣлился и пуститься въ неумѣстные толки.

Проигравши часть, Шварцъ всталъ, не смотря на всѣ упрасиванія. Онъ протрезвился.

— Теперь довольно, сказалъ онъ; я вамъ разстрою нервы, потому-что у самого нервы разстроились. Я становлюсь чудакомъ, а я не изъ числа тѣхъ, которые считаютъ себя очаровательными въ безумствѣ. Надо выпить теперь свѣжей воды прямо изъ источника, послѣ этой малаги. Поди сюда, — сказалъ онъ мнѣ безъ всякой церемоніи, — сыиграй намъ какую-нибудь фугу Баха, спокойную и истинную фугу: постой, ту самую, которую игралъ ты намедни вечеромъ.

Я говорилъ, что не знаю всей наизусть.

— Тѣмъ лучше! воскликнулъ онъ. Ты симпровизируешь конецъ и отправишься потомъ смѣло въ страны фантази.

Клетъ взялся за шляпу.

— А! ученикъ будетъ играть! сказалъ онъ. Пойдите, Стѣфенъ! я любителей не слушаю, любезный другъ!

Его не удерживали, —но онъ остановился въ соседней комнатѣ, чтобы промучать и имѣть удовольствіе затронуть потому мое самолюбіе.

Въ первый разъ почувствовалъ я въ себѣ порывъ честолюбія. Я игралъ съ большой смѣлостью.... и потому, я забылъ Клету, и кавалера, который небольшой охотникъ до музыки, и Жюльена, который безпрестанно шумѣлъ чашками, и самого Шварца, который считалъ долгомъ ободрять меня.

Я былъ въ мысляхъ наединѣ съ нею. Я пересказалъ ей въ звукахъ все, что больная и скорбная душа высказать можетъ, Минутами, являлся предо мною блѣдный и кроткій образъ ея матери, эта свѣтозарная тѣнь, отбрасываемая сіяньемъ моей звѣзды. Я успокоивался и отдыхалъ душою при видѣ ихъ обихъ.... Между тѣмъ ночь разстилалась вокругъ меня; онъ улетали вмѣстѣ въ далекіе предѣлы ээира.

Рыданья тѣснились въ груди моей.... Я игралъ дурно, невыносимо дурно.... Я не свыкъ еще съ фортепiano; но мысли были въ игрѣ моей, волненіе пробивалось наружу. Г-жа Маранжъ чуть-чуть не поцѣловала меня; Шварцъ облюбызалъ меня со слезами.

Клетъ вошелъ молча, для наблюденія за Анисэ, которая не сказала ни слова и скрывала отъ меня лице свое.

Я закрылъ фортепiano, пока всѣ поздравляли за меня Шварца. Тогда Анисэ наклонилась ко мнѣ и сказала шопотомъ, со слезами на глазахъ:

— Стефенъ, вы сильно растрогали мою душу; вы, вѣрно, страдаете?

— Вы уважаете!

— Такъ что жъ! и вы тоже.

Мнѣ показалось сперва, это значило: вы побѣдете съ нами.... Но я тоже, какъ припоминаю, говорилъ на дняхъ, что ѣду въ Берри, къ больному отцу своему. Мнѣ представилось, что она зоветъ меня съ собою.... Голова у меня закружилась! Но нѣтъ, она плакала! Боже мой, Боже мой! она плакала обо мнѣ!... Я боюсь помѣшаться въ умѣ.

17 марта.

Мнѣ кажется, ея мать тревожится о томъ, что во мнѣ происходитъ. Зачѣмъ же взглядъ ея тяготеетъ подѣ-часть надо мной, какъ взглядъ судьбы надъ преступникомъ? Или не можетъ она болѣе читать въ душѣ моей? Или скорбящая душа моя не такъ же чиста, какъ прежде? И если я мучусь, если я страдаю, если я чувствую, что не могу жить безъ нея — что же ей до моихъ мукъ и страданій?

Будь я такъ же необходимъ для счастья Анисѣ, какъ она для моего, ея мать могла бы тревожиться... да и то... Будь это, неужели не пожертвовала бы я для нея всей своей жизнью? Я прильпился бы къ ея слѣдамъ изъ одного эгоизма, — что жъ было бы тогда, еслибъ она потребовала отъ меня — преданности?

...Увы! ребенокъ я! Любовь обхватываетъ меня безъ милосердія, а я хочу еще договариваться съ нею, хочу увѣрить себя, что это дружба, что нечего другимъ бояться меня, что нечего и мнѣ бояться самого себя. Боже мой! не многого, кажется, прошу я для своего спокойствія, для своего блаженства — прошу только видѣть ее каждый день, тамъ, въ ея скромной комнатѣ, подлѣ ея матери, въ кругу старыхъ друзей, веселую, ласковую и любящую меня хоть на столько, на сколько любить она Морену или даже ея черную овечку.

Любить меня! но развѣ я люблю ее? Я не знаю еще, что такое любовь: я слишкомъ молодъ, или я слишкомъ глубоко, безотчетно отдался моей матери.

Увидя Анисѣ въ первый разъ, я вспомнилъ о своей матери, и глядѣлъ все на ея мать. И можетъ ли существовать любовь безъ надежды на взаимность? А тамъ, гдѣ нѣтъ надежды, развѣ можетъ родиться желанье? Она любитъ меня какъ брата. Она права: я такъ люблю ее, эту сестру мою!

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗСКАЗА СТЕФЕНА.

.....

Еслибъ я могъ только видѣть ее всегда; еслибы ея мать пригласила меня въ деревню, — мѣсяцы, годы, вся жизнь прошла бы для меня, и я не подумалъ бы отдать себѣ отчета въ моей страсти. Въ этомъ, благодаря Бога, мать ея ошиблась: лучшая порука для сохраненія двухъ чистыхъ и непорочныхъ душъ—это уваженіе, какая-то боязнь, которую питають они другъ къ другу, сознавая себя ответственными передъ Богомъ за дарованную имъ свободу.

Г-жа Маранжъ сочла за нужное разлучить насъ. Неужели прочла она въ сердцѣ дочери излишнее ко мнѣ—расположеніе? Да, и умнѣйшая изъ матерей бываетъ, видно, неосторожна, если она протянула мнѣ руку съ такимъ участіемъ и поставила меня такъ высоко въ ея мнѣніи! Или думала она, въ самомъ началѣ, что Анисэ взглянетъ на меня ея же глазами! Или забыла она, что дочь ея не можетъ любить меня, какъ она, дружбою чисто-материнской?

Если Анисэ и была уже десяти лѣтъ въ минуту моего рожденія,—то слѣдуетъ ли изъ этого, что и теперь, двадцатилѣтній юноша, буду я ребенкомъ въ ея глазахъ?

Притомъ, что за дѣло, какимъ чувствомъ любить насъ женщина, лишь бы только любила она, когда мы ее любимъ. Я увѣренъ, еслибы г-жа Маранжъ приняла не въ шутку искреннюю и почтительную любовь Эдмонда Рока и согласилась бы сдѣлаться его женою,—онъ гордился бы своимъ супружествомъ, и, благодаря своему характеру, считалъ бы себя блаженнымъ человекомъ во всю жизнь.

Природа имѣетъ непросрочимыя права для всей массы живыхъ существъ; но въ то же время она производитъ столько исключеній, въ дѣтей влагаетъ взрослую душу, старцевъ награждаетъ пылкимъ умомъ и юношескимъ сердцемъ, наводитъ безвременныя морщины на чело юноши, съ уваженіемъ

щадить прекрасныя лица, — и во всѣхъ этихъ продолкахъ природы нѣтъ ничего страннаго, неестественнаго. Тѣмъ болѣе признать надо за истину, что не отъ однихъ только лѣтъ зависитъ опытность, развитіе и непорочность души. Я никогда не считалъ себя моложе Анисѣ ни днемъ однимъ, ни даже часомъ. Съдой волосъ проглянуть у ней прежде; теперь голова моя болѣе ея головы. Она умѣла читать еще до моего рожденія; я же, десяти лѣтъ, зналъ больше, чѣмъ она двадцати; а въ двадцать лѣтъ я былъ уже полнымъ мужчиной, тогда какъ она, въ сравненіи со мной, казалась простодушной, невинной и кроткой дѣвочкой.

Анисѣ сказала мнѣ слово, которое, до послѣдней минуты, поддерживало во мнѣ надежду уѣхать съ нею въ деревню на все лѣто. Такъ понялъ я это слово; она догадалась объ этомъ. Наканунъ отъѣзда, ея мать сказала мнѣ: *Вы придете къ намъ, не такъ ли?*

Вопросъ этотъ былъ для меня громовымъ ударомъ. Я взглянулъ на Анисѣ съ видомъ нѣмага упрека. Она поблѣднѣла. Мать посмотрѣла на насъ обоихъ. Другаго объясненія между нами не было, и быть не могло. Судя съ житейской точки зрѣнія, глупо было бы мнѣ ожидать чего-либо, кромѣ двухъ, трехъ недѣль гостепріимства. Но эти приличія свѣта казались мнѣ ничтожны и низки. Меня уважали больше другихъ, я былъ единственный другъ изъ молодежи, на котораго можно было, и должно было полагаться вполне; довѣріе ко мнѣ родилось съ перваго же дня знакомства, и вотъ, послѣ шести-мѣсячныхъ испытаній, когда пора бы придти къ увѣренности, люди искугались упрека въ излишней довѣрчивости, и готовы принести меня въ жертву глупому страху какой-нибудь пошлой сплетни или безсильной клеветы.

Мнѣ стало больно, и я простился весьма хладнокровно. Мнѣ казалось, я уже не люблю этой матери, которую дерзнулъ сравнить съ моею, и эта дочь, всегда такъ твердая, въ эту минуту, такъ нерыщительная, не стоила болѣе моего восторженнаго поклоненія.

Въ одинъ мигъ, наружность и слова измѣнили мнѣ, и я не могъ скрыть этого чувства горькаго разочарованія. Аниса была не въ силахъ владѣть собою; въ свою очередь, она взглянула на мать съ робкимъ упрекомъ, и когда я уходилъ, сказала, или, вѣрнѣе, прокричала мнѣ, чтобы я пришелъ утромъ передъ отъездомъ и помогъ ей въ необходимыхъ сборахъ.

Я отвѣчалъ, что готовъ служить ей, но отвѣчалъ съ видомъ непритворнаго равнодушія. Я видѣлъ, что ей совѣстно и тяжело было измѣнить своему слову, но мнѣ хотѣлось, чтобы она поправила дѣло открыто, либо искренно раскаялась въ безразсудности своего обещанія. Она возвратила мнѣ жизнь, и она же отнимала ее теперь безъ милосердія. Въ первый разъ почувствовалъ я, что подъ наружной кротостью таилась въ душѣ моей твердая, непоколебимая воля. Нѣтъ, нѣтъ, я уже не былъ ребенкомъ!

Пробираясь пѣшкомъ до дому, я думалъ дорогой о многомъ. Шварцъ, всегда ждавшій меня до полночи, прыгнулъ мнѣ на шею.

— Другъ мой, дитя мое! воскликнулъ онъ на своемъ языкѣ, къ которому я уже успѣлъ привыкнуть—скрипка-то моя, милая скрипка, помнишь? я хотѣлъ продать за пятьсотъ франковъ, еще барышники не давали за нее двухъ лундоровъ—вѣдь ее покупаютъ у меня за тысячу франковъ!

— Кто же?

— Отгадай.

И не думая, о чемъ говорить, онъ водалъ мнѣ письмо, присланное ему вечеромъ отъ г-жи Маранжъ, тайкомъ отъ меня, въ которомъ просила она оставить драгоценный инструментъ для своего сына Жюльена, и предлагала банковый билетъ.

Въ припискѣ она прибавляла:

«Сыну моему предстоитъ нежданная поѣздка въ одну изъ его деревень. Не надѣясь возвратиться въ скоромъ времени, онъ проситъ васъ сберечь для него скрипку до востребованія, и играть на ней чаще для сохраненія ея тона».

Этѣ женщины были добры и деликатны до крайности. Я говорилъ имъ, что Шварцъ хочетъ продать свою скрипку, но что разстайшись съ нею, онъ горько оплакивать будетъ своего вѣрнаго друга. Онъ рѣшились купить ее на чистыя деньги, съ явнымъ намѣреніемъ находить предлогъ за предлогомъ, чтобы оставлять ее у прежняго владѣльца.

Шварцъ былъ гордъ, но легко поддавался обману. Онъ сознавалъ себя вполне обязаннымъ этѣмъ дамамъ, которыя такъ тонко умѣли помогать ближнему. Но онъ обезпеченъ былъ на завтра и страшно былъ радъ не раставаться съ своей скрипкой. Онъ проигралъ всю ночь на пролетѣ.

Я надѣялся обрести дома спокойствіе, и только почувалъ въ себѣ новыя силы. Шварцъ не далъ мнѣ заснуть; я плакалъ и думалъ объ Анисѣ, какъ о покойницѣ.

На другой день я явился на назначенное свиданіе. Мать и дочь поручили мнѣ надзоръ за домомъ, какъ бы желая тѣмъ оказать мнѣ предпочтеніе предъ прочими короткими знакомыми. На минуту остался я наединѣ съ г-жей Маранжъ, и она успѣшила заговорить со мной ласково и дипломатически-тонко.

— Какъ жаль, что вы не постарше десятью годами! сказала она. Вамъ не за-чѣмъ было бы оставаться здѣсь и дѣлаться ученымъ, какъ вы справедливо и похвально поставили себѣ эту цѣль. Вы пріѣхали бы къ намъ на все лѣто, не такъ ли?

— Вы думаете, сударыня, что я имѣю претензію сдѣлаться ученымъ? Вы смѣшиваете меня съ моимъ пріятелемъ Рокомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала она. (И мнѣ показалось, что вся рѣчь ея клонилась къ тому, чтобы открыть мнѣ глаза на мои отношенія къ ея дочери, какъ будто я мечталъ о какихъ-нибудь безразсудныхъ надеждахъ). Вы непременно должны желать сдѣлаться ученымъ по совѣсти. Жизнь человека опредѣлена уже заранѣе по мѣрѣ даровъ, полученныхъ имъ отъ природы. Какое несчастье для насъ, что вы родились человекомъ необыкновенно умнымъ и потому сами отвѣтствуете передъ судьбой за собственную участь! Чѣмъ бы вамъ

родиться несчастнымъ бѣднякомъ, въ родъ старика Шварца— и знать столько же, сколько вы знаете теперь! Мы взяли бы васъ съ собой, поручили бы вамъ воспитаніе Жюльена, и я рада была бы отъ души имѣть предлогъ пользоваться дружбой такого человѣка, какъ вы! Но вы имѣете свою семью, и никто не можетъ располагать вами. Вы сами не имѣете права располагать собою.

Она говорила такую горькую правду, что мнѣ стало даже досаду.

— Я всегда буду имѣть право, отвѣчалъ я, собирать травы въ Фонтенблосскомъ лѣсу — и это будетъ мнѣ утѣшеніемъ въ разлукѣ съ вами.

— Надѣюсь, что вы будете заходить къ намъ, отдыхать отъ ученыхъ путешествій, возразила она какъ-то принужденно и почти холодно.

Я самъ произнесъ себѣ приговоръ. Мнѣ слѣдовало приходить къ нимъ, какъ гостю, и притомъ какъ можно рѣже. И даже обрадовался этому открытію—до того хотѣлось мнѣ узнать свою участь. Притомъ же это въ порядкѣ вещей: счастье закрываетъ глаза на будущее, несчастье не умѣетъ жить день за день. Я былъ твердъ, какъ спартаецъ. Анисэ показала мнѣ еще тверже меня — она даже не была печальна въ этотъ день. Въ глазахъ ея было выраженіе, какое-то непомнящее для меня, и спокойный, кроткій блескъ ихъ казался мнѣ подчасъ невыносимой обидой.

Садясь въ карету, она сказала мнѣ, поднося маленькую Морену:

— Подите сюда, крестный отецъ. Благословите свою крестницу.

Я наклонился, чтобы поцѣловать малютку.

— Стѣсень, сказала она мнѣ шопотомъ, надѣйтесь на будущее и на меня; дружба наша неразрывна.

Я поднялъ глаза; ея лице сіяло тѣмъ вдохновеннымъ восторгомъ, который осыпалъ ее въ минуты великодушнѣйшей рѣшимости, покорившей себѣ благоразумную заботливость ея матери. Не знаю, что было со мной; отъ грусти перешелъ я вдругъ къ радости, полной надеждѣ.

— Спасибо вамъ! сказалъ я. И почтенный кавалеръ сталъ между нами. Онъ отправлялся вмѣстѣ съ нами.

Губертъ Клетъ и Эдмондъ Рокъ были тутъ же. Эдмондъ навѣщалъ ихъ рѣдко въ теченіе зимы, но съ людьми милыми его сердцу онъ становился другомъ и короткимъ знакомымъ съ перваго дня и на всю жизнь; онъ не забылъ проститься съ г-жей де-Маранжъ и ея дочерью.

Жюльенъ, остававшійся на несколько дней въ Парижѣ, пригласилъ своего друга, Клета, на завтракъ, и по прежнему не подозрѣвалъ, что этотъ человекъ ненавистенъ его доброй сестрѣ. Но, странное дѣло, что значить материнская дипломатія, — г-жа де-Маранжъ, наградившая меня своей дружбой, для удаленія Клета, перестала чуждаться его съ тѣхъ поръ, какъ моя дружба показалась ей опасной.

Когда карета, увозившая съ собою мою душу и жизнь, скрылась изъ виду, Жюльенъ упросилъ насъ зайти съ нимъ позавтракать въ *Café de Paris*. Мнѣ бы хотѣлось остаться наединѣ, но Клетъ посматривалъ на меня съ усмѣшкой, и я рѣшился выдержать свою роль. Я пошелъ вмѣстѣ съ ними.

Эдмондъ, въ своемъ бѣломъ галстухѣ и въ золотыхъ очкахъ, обратилъ на себя общее вниманіе въ кофейной. Я подмѣтилъ насмѣшливыя улыбки молоденькихъ франтовъ, которыхъ задѣвалъ онъ въ разсѣянности локтями; я подслушалъ слова, сказанныя на ухо Жюльену кѣмъ-то изъ нихъ. Эта фигура молодого педанта сильно ихъ забавляла. На меня не обращали вниманія. Я догадался поэтому, что похожъ былъ на всѣхъ, и очень былъ радъ этому случаю. Я могъ бы быть смѣшнымъ, самъ того не подозрѣвая, и въ этотъ день, въ первый разъ, не вынесъ бы я этого. Тотъ, кого г-жа де-Соль любила какъ брата, не имѣлъ права смѣшить даже дѣтей; тогда какъ Губертъ Клетъ зналъ всѣхъ на свѣтѣ, и всѣ на свѣтѣ его знали. Въ кофейной онъ былъ какъ дома. Богатый, красивый собой и въ придачу неглупый отъ природы, онъ пользовался большимъ уваженіемъ въ кругу модной парижской молодежи.

Завтракъ нашъ шелъ весело. Жюльенъ, стыдясь, какъ кажется, за своего педанта, спросилъ отдѣльную комнату

для насъ четверыхъ. Но Эдмондъ былъ необыкновенно уменъ, и, противъ обыкновенія, нисколько не утомлялъ собесѣдниковъ; придерживаясь необыкновенной трезвости, по своей системѣ и по своему образу жизни, но разсыянный до невѣроятія, онъ напился скоропостижно. Онъ примѣтилъ это и самъ, и объявивши, что находится въ прелестномъ состояніи пресыщенія и трезвости, принялся щеголять сатирической эрудиціей и, цѣломудреннѣйшій изъ людей, такъ и сыпалъ пантагрюэльскими непристойностями. Говорилъ онъ, впрочемъ, и здѣсь, по обычаю, *ex professo*, не испытавши того на дѣлѣ.

Клетъ сдѣлался мраченъ, видя необходимость замолчать въ присутствіи человека, которымъ думалъ было забавляться, какъ игрушкой.

Жюльенъ, пустой и избалованный роскошью, но добрый отъ природы, какъ мать, и великодушнѣйшій, какъ сестра, поддерживалъ съ восторгомъ торжество Эдмонда.

Клетъ, на котораго не дѣйствовало и вино, сдѣлался обидчивъ и раздражителенъ.

Не умю уже сказать вамъ, какимъ образомъ очутились мы съ нимъ лицомъ къ лицу и отпускали другъ другу любезности, нѣсколько желчныя съ его стороны, и не совсѣмъ пріятныя съ моей. Я сохранялъ полное хладнокровіе, а онъ, если и былъ пьянъ, то до того мало замѣтно, что я не могъ вынести его насмѣшекъ.

Онъ уже съ давнихъ поръ питалъ ко мнѣ злобу, но тщательно скрывалъ ее до сихъ поръ. Я бы могъ приписать это чувству неподдѣльной любви, потому что онъ страдалъ, и страданія его обязывали меня быть снисходительнымъ въ отношеніи къ нему. Но онъ такъ нагло отзывался о предметѣ моей любви, что я потерялъ терпѣніе и невольно наговорилъ ему кучу дерзостей.

Рокъ говорилъ такъ громко, что мы имѣли несчастье высказать другъ другу, безъ свидѣтелей, все, чего не могли бы мы высказать въ присутствіи Жюльена.

Когда всѣ встали изъ-за стола, Клетъ подошелъ ко мнѣ и шепотомъ вызвалъ меня на дуэль. Жюльенъ замѣтилъ,

какъ мы оба поблѣднѣли. Рокъ объявилъ, что мы кажемся блѣдными отъ туманной густоты табачнаго дыма, и вышелъ на улицу, чтобы провѣтрить винные пары на бульварахъ. Я замѣтилъ, что развязанный бѣлый галстухъ, шляпа на затылкѣ и слѣпые глаза моего пріятеля, сверкавшіе изъ-подъ криво надѣтыхъ очковъ, обращали вниманіе всѣхъ проходящихъ; я увелъ его домой въ Латинскій кварталъ.

На другой день, я уже былъ съ нимъ въ Булонскомъ лѣсу, въ ожиданіи Клета, который вскорѣ явился, въ сопровожденіи своего свидѣтеля. Выбрать въ свидѣтели Жюльена онъ не могъ, и по причинѣ весьма уважительной—предметъ нашей ссоры и самая дуэль должны были остаться для него вѣчной тайной.

Нечего и говорить, что я никогда не дрался на дуэли. Клетъ, живя въ свѣтѣ и разыгрывая изъ себя челоуѣка желчнаго, бывалъ уже въ этихъ исторіяхъ. На этотъ разъ онъ былъ величественно-спокоенъ, и вполнѣ доволенъ собою, какъ актеръ, появившійся въ своей любимой роли. Что касается до меня, разыгрывать какую-нибудь роль мнѣ было не изъ чего. Я никогда не зналъ, есть ли во мнѣ твердость духа, но по моему, не для чего и имѣть ее, чтобы рисковать своей жизнью на шпагахъ или на пистолетъ, тогда какъ бѣдная, мимолетная жизнь наша можетъ погаснуть на каждомъ шагу. Рокъ, любившій меня какъ собственную душу и охотно бы вызвавшійся стать на моемъ мѣстѣ, Рокъ былъ хладнокровенъ, какъ и я — что приносило ему много чести.

Свидѣтелемъ со стороны Клета былъ заслуженный профессоръ по дѣламъ чести, который въ двадцать пять лѣтъ глядѣлъ истымъ разбойничьимъ атаманомъ. Онъ вздумалъ было поправить дѣло, и спросилъ меня, по установленному обычаю, имѣлъ ли я намѣреніе нанести личную обиду Клету, назвавши его дерзкимъ и пошлякомъ.

Я отвѣчалъ, что, конечно, имѣлъ намѣреніе доказать ему его дерзость и пошлость, и готовъ подтвердить это и теперь, если онъ не сознается въ винѣ и не откажется отъ своихъ пошлыхъ и дерзкихъ словъ, сказанныхъ мнѣ наканунѣ.

Тогда Рокъ, въ свою очередь, долженъ былъ допросить Клету, имѣлъ ли онъ намѣреніе оскорбить меня. Онъ взялся за дѣло проще и сказалъ ему:

— Вы назвали моего друга деревенскимъ Тартюфомъ и Донъ-Жуаномъ пятого этажа. Оно, можетъ быть, и смѣшно, но мы не намѣрены смѣяться. Вамъ отвѣчали прямо, что вы — пошлякъ и наглець; вы предложили вызовъ, мы готовы; на чемъ—рѣшите вы?

Клетовъ свидѣтель призналъ этотъ поступокъ внѣ правды, и послѣ десяти минутъ бесполезныхъ переговоровъ, въ которыхъ свидѣтель чуть не насмѣшилъ насъ всѣхъ троихъ, мы стали съ Клетомъ другъ противъ друга. Мы выстрѣлили оба разомъ. Клетъ всадилъ мнѣ пулю въ бокъ. Я раздробилъ ему руку. Честь была удовлетворена. Рана моя была неопасна. Пулю вынули безъ труда. Во время операціи я не потерялъ присутствія духа, не забылся ни на минуту. Не могу похвастаться сильнымъ сложеніемъ, но въ крови у меня порядочный запасъ непоколебимой силы беррійскаго крестьянина, и я не легко поддаюсь чувству боли.

Клетъ заболѣлъ опаснѣе моего. Его нервная натура, раздраженная передъ тѣмъ глупымъ опіумомъ, надѣлила его сильными лихорадочными припадками, и опухоль долго держалась на рукѣ. Рокъ навѣщалъ его часто отъ моего имени, и сталъ уважать его по прежнему, видя, что онъ, сознавая вину свою, держалъ въ тайнѣ нашу дуэль и причины, ее породившія.

Я уже три дня лежалъ въ постели послѣ операціи, какъ получилъ письмо отъ отца, который извѣщалъ меня о скотскомъ падежѣ въ деревнѣ и совѣтовалъ жить своими трудами, не рассчитывая впередъ на его помощь.

Извѣстіе это мало подвѣствовало на меня, но холодный тонъ письма опечалилъ меня сильно. Бѣдный отецъ мой, добрый и справедливый отецъ, отнималъ у меня по наследству моей матери и предоставлялъ меня моимъ собственнымъ средствамъ, не давши времени подумать объ этомъ.

Не каждый день найдешь себѣ работу, какъ бы ни была она ничтожна. Я рассчитывалъ заплатить своей небольшой

пенсіей нѣкоторыя долги своего друга, еще больше меня угнетеннаго судьбою. Мнѣ приходилось теперь измѣнить своему слову, а обвинять родителей такъ тяжело сыну, что, будь я въ состояніи держаться на ногахъ, я взялся бы скорѣе за безмѣнъ или пошелъ бы въ извозчики, чѣмъ прибѣгнуть къ этому безчестному извиненію.

XI.

Я вскочилъ съ постели и отправился искать работы; но чтобы занять мѣсто при какой-нибудь промышленности, надо было мнѣ имѣть кого-нибудь порукой между промышленниками, а я не зналъ никого; обращаться же къ Клету и его семьѣ я былъ не намѣренъ.

Чтобы опредѣлиться къ какой-нибудь ничтожной правительственной должности, надо было имѣть титулы или числиться сверхъ штата. Я могъ бы давать уроки, быть репетиторомъ въ училищѣ, или только надзирателемъ за ученіемъ. Для всего нужны были покровители, знакомые. Я жилъ вдали отъ всѣхъ, и ни за что въ свѣтъ не обратился бы къ г-жѣ Маранжъ или къ ея дочери, и слѣдовательно, ни къ кому изъ ихъ круга.

Я понялъ тутъ, какъ тяжела участь просителя. Я покорился ей съ твердостью, не обращая вниманія на людскую недоверчивость, не оскорбляясь собственнымъ униженіемъ. Если люди недоверчивы стали къ несчастному—виною тому само челоѣчество, среди котораго развелось столько воровъ и обманщиковъ между несчастными.

Нищета приближалась между-тѣмъ съ страшною быстротою. Я написалъ къ отцу, просилъ у него три мѣсяца отсрочки, выставивъ съ покорностью, что этого времени достаточно мнѣ будетъ для присканія себѣ мѣста. Онъ не отвѣчалъ. Впослѣдствіи я узналъ, что письмо мое перехвачено было алчной и жестокой рукой.

Рокъ съ радостью раздѣлилъ бы со мной хлѣбъ свой и жилище, но мнѣ не хотѣлось мѣшать ему въ занятіяхъ, и, принявши отъ него помощь, лишить его возможности покупать книги и инструменты для изученія медицины и хирургіи; къ-тому же я зналъ хорошо, что онъ самъ нерѣдко сидитъ безъ куска хлѣба, ради удовлетворенія своей страсти къ наукамъ. Отнять у него эти средства къ умственному развитію значило отнять у него жизнь. И я скрывалъ отъ него свое положеніе.

Добрякъ Шварцъ впадалъ опять въ нищету. Онъ вручилъ, въ простотѣ сердца, свои тысячу франковъ какому-то соотечественнику, а тотъ исчезъ вмѣстѣ съ деньгами. Къ-тому же, разыграясь у него подагра, и не будучи въ силахъ сойдти съ лѣстницы, онъ долженъ былъ по-неволю отказаться отъ уроковъ. Нѣтъ больше несчастія для бѣднаго челоуѣка, какъ поддаться болѣзни. Черезъ двѣ недѣли, на мѣстѣ его сидѣлъ уже новый учитель.

У меня не было ни времени, ни силъ заглянуть въ улицу Курсель; не было, слѣдовательно, и случая писать въ деревню. Молчаніе мое дивило и беспокоило.

Послали Жюльена провѣдать меня. Онъ былъ у меня два раза, не заставалъ дома и написалъ, что я здоровъ, потому что не сижу въ комнатѣ. За тѣмъ, онъ отправился и самъ къ своему семейству.

Рана моя зажила, но еще долгое время не могъ я справиться съ силами. По временамъ, одолевалъ меня страшный голодъ, а утолить его было нечѣмъ. Въ другое время, не могъ я смотрѣть на пищу безъ отвращенія. Однажды я позавтракалъ съ Шварцемъ на послѣднюю копейку. Я вышелъ изъ дому, рѣшившись твердо найдти какую-нибудь работу или сознаться въ своей нищетѣ моему доброму, тоже немущему Эдмонду.

Я пробѣгалъ цѣлый день, и къ вечеру воротился домой безъ всякаго успѣха, безъ малѣйшей надежды. На другой день рѣшился я снова попытать счастья, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ горькому признанію. Я вышелъ съ тощимъ

желудкомъ, воротился тоже голоднымъ, и по прежнему безъ успѣха.

Я продалъ, отчасти заложилъ, что было изъ платья. Остались у меня только образа покойной матери, надъ которыми рѣшился я скорѣе умереть съ голоду, чѣмъ извлечь изъ нихъ послѣдній кусокъ хлѣба.

Нечего дѣлать—надо было написать Эдмонду, что Шварцу нечего вѣсть, а мнѣ нечѣмъ съ нимъ подѣлиться. Я опустилъ письмо въ первый ящикъ, не будучи въ силахъ дойти до квартиры моего друга, который жилъ подлѣ обсерватори.

Съ трудомъ взобрался я на пятый этажъ и вошелъ потихоньку къ Шварцу. Онъ спалъ. Зная, что онъ не проснется отъ музыки, я принялся наигрывать слегка послѣднюю деревенскую пѣсню, подслушанную мною у матери. Благодатное спокойствіе смѣнило во мнѣ нестройную тревогу души. Потъ охладѣлъ на лицѣ моемъ. Послѣдняя капля масла догорала въ лампѣ. Я почти не замѣчалъ этого, до того глаза мои помутинись. За тѣмъ я уже не чувствовалъ ничего; руки мои околѣбли на клавишахъ, голова опустилась на польпитръ, мнѣ показалось, я засыпаю на вѣки. Чуть-чуть слышался мнѣ бой луксбургскихъ часовъ, ударившихъ десять; потомъ я сталъ вовсе недвижимъ и безъ памяти.

Очнувшись отъ этого припадка безсилія, я увидѣлъ себя окруженнаго призраками;—избавившись отъ смерти, я впалъ въ помѣшательство. Аниса и ея мать были подлѣ меня; онѣ ласково говорили со мной, съ нѣжностью за мной ухаживали. Шварцъ и кавалеръ де-Вальтруа ходили взадъ и впередъ по комнатѣ. По столамъ стояли какія-то стклянки и чашки.

Меня заставили принять какое-то подкрѣпительное, я ожилъ, но ничего не понималъ, что дѣлается.

Долго не могъ я отдать себѣ отчета въ окружающемъ. Меня подняли на ноги, свели подлѣ руки съ лѣстницы, положили въ карету и повезли какъ во снѣ. Опомился я уже въ улицѣ Курсель, за семейнымъ ужиномъ, гдѣ сидѣлъ Шварцъ. Съ нами обоими происходило то же самое, что было два

мѣсяца тому съ нимъ однимъ. Намъ говорили, что хозяйки не объѣдали, и просили для компаніи раздѣлить съ ними ужинъ.

Воспоминаніе объ этомъ вечерѣ воскресло предо мной во всей полнотѣ, и сознаніе собственной нищеты давило меня какъ камень. Простодушный нѣмецъ, легко поддававшійся обману, находилъ поступки г-жи Маранжъ весьма естественными. Она пріѣхала съ дочерью въ Парижъ на два дня. Узнавши отъ своихъ людей, что они не выдали меня со дня ея отъѣзда, она послала кавалера осведомиться о моемъ здоровьѣ. Ему сказали, что я вышелъ со двора, но не совсемъ еще оправился отъ какого-то паденія. Отвѣтъ изумилъ его; онъ подумалъ, что я сильно боленъ, и не хотѣлъ вѣрить тому, что слышитъ. Войти же силой онъ не рѣшился. Г-жа Маранжъ и ея дочь выбрали его за излишнюю вѣжливость, и пріѣхали сами въ каретѣ въ десять часовъ вечера, не желая оставаться въ неизвѣстности цѣлую ночь. Ихъ впустили. Онъ нашли меня въ обморокъ. Пришедши въ себя, я согласился отправиться къ нимъ отужинать, и потомъ уѣхать на другой день въ деревню—до того нуждался я въ поправленіи своего здоровья и въ отдыхѣ послѣ столькихъ трудовъ.

Разсказъ этотъ былъ вѣренъ, но не совсемъ полонъ. О дуэли моей какъ-будто и не знали; не знали и о томъ, что бѣдность была причиной моей болѣзни. Я понималъ ясно, что меня обманываютъ, что дворникъ нашъ былъ откровеннѣе съ кавалеромъ де-Вальтруа, а можетъ, и самъ Шварцъ, вскочившій съ просонокъ при входѣ двухъ женщинъ, разсказалъ имъ всю правду.

Мнѣ было больно: состраданіе матери тяготило меня, унижало въ собственныхъ глазахъ, тревога дочери рождала сомнѣніе. Первая, естественно, должна была считать меня слишкомъ неизвѣстнымъ, слишкомъ бѣднымъ, чтобы стать мнѣ когда-нибудь на ряду съ нею; вторая, вѣроятно, подумала, что нѣтъ во мнѣ настолько нравственной и физической силы, чтобы стать ей опорой и заступникомъ. Безвыходность моего положенія и сознаніе собственного безсилія раздирали мнѣ душу. Я чувствовалъ прежде силы сдѣлаться сыномъ, братомъ и другомъ обихъ женщинъ, и вотъ теперь при-

везли онъ меня къ себѣ, какъ больного, и накормили, какъ щенка.

Мысли эти предстали мнѣ сейчасъ послѣ разслабленія моихъ органовъ, и я залился слезами—новое доказательство моего безсилія, котораго не могъ я скрыть отъ другихъ.

Г-жа Маранжъ обвила руками мою голову съ невыразимой добротою, между тѣмъ какъ Анисэ держала мои руки и гладила ихъ, какъ гладятъ, лаская, руки плачущаго ребенка. За тѣмъ, онъ увѣрилъ кавалера, (который не угадывалъ моихъ мыслей), что это нервическій кризисъ, весьма естественный послѣ моего обморока, который и самъ-то былъ чисто нервическаго свойства.

Мнѣ тяжело было удерживать рыданія, я задыхался. Г-жа Маранжъ, опасаясь еще сильнѣйшаго кризиса, вышла въ другую комнату за аэвромъ. Кавалеръ пошелъ за нею съ свѣчей. Шварцъ, находящійся въ постоянной зависимости отъ физическихъ потребностей и вѣсивъ теперь за четверыхъ, все вниманіе свое обратилъ на тарелку. Анисэ, оставшись одна со мною, обвила руками мою голову, прижала ее къ сердцу съ ангельской чистотою и отерла своимъ платкомъ мои слезы. Гордость моя поколебалась отъ этой чистой ласки. Сестра и мать воскресли предо мною въ лицѣ этой женщины—два священные типа, неизгладимые никакой другой любовью изъ души полнаго человека. Слезы полились отраднѣе; онъ впились въ нежную ткань благовоннаго платка, который позволила она мнѣ осушить поцѣлуями и скрыть на груди моей, при входѣ своей матери.

Мнѣ стало легче. Кавалеръ сказалъ въ утѣшеніе нѣсколько разъ: *это не бѣда*, какъ утѣшаютъ ребенка, посадившаго себѣ шишку на лобъ. Г-жа Маранжъ уговаривала меня приняться за пищу, увѣряя, что докторъ, вѣроятно, слѣдуя модѣ, моришь меня діетой, но что излишество этой системы изнуряетъ больныхъ сильнѣе самой болѣзни. Каждая забота ея о спасеніи моей гордости говорила мнѣ объ ея добротѣ и о моемъ униженіи. Но я уже не обращалъ вниманія на эту доброту, и свыкался съ собственнымъ униженіемъ. Я хотѣлъ было исполнить ея просьбу, но натура моя не походила на

Шварцову, и я несколько дней не могъ съестъ куска безъ отвращенія и боли.

Было два часа утра, когда я сообразилъ все случившееся. Я хотѣлъ возвратиться домой вмѣстѣ съ Шварцемъ. Г-жа Маранжъ назвала насъ полоумными и оставила ночевать въ садовой бесѣдкѣ, вмѣстѣ съ кавалеромъ, такъ какъ на другой день утромъ, часу въ девятомъ, намъ слѣдовало обойти ѣхать въ деревню вмѣстѣ съ ней и ея дочерью. Все приготовлено было еще во время ужина. Я обезсилѣлъ отъ усталости. Я проспалъ несколько часовъ, и когда, по обычаю, проснулся на разсвѣтъ, пѣнье дроздовъ и зябликовъ раздавалось кругомъ меня, точно въ деревнѣ. Голова моя была до того слаба, что я долго не могъ понять, гдѣ я и какими судьбами попалъ я на улицу Курсель.

Сознаніе собственнаго униженія воскресло предо мною, не смотря на то, что платокъ Анисѣ былъ у меня подъ головой, и я скрывалъ подъ нимъ выступившую на лицѣ краску стыдливости. И какъ было не покраснѣть при мысли, что меня привезли къ ней какъ нищаго, меня, который съ гордостью пожертвовалъ бы для нея своими гордыми познаньями и всей будущностью умственной жизни?

— Нѣтъ! нѣтъ! воскликнулъ я, вскочивъ съ мягкаго ложа, на которомъ положили меня. Я не приму отъ нихъ благодареній! Не такъ хочу я преклонить суровую судьбу. Я мо- ложе десятию годами — вотъ мое несчастье. Надо исправить его съ нечеловѣческой волей.

Я не долго думалъ, и написалъ къ г-жѣ Маранжъ слѣдующее письмо:

«Вы угадали мою тайну, нечего и говорить объ этомъ. Я вполне согласенъ съ вами. Вы знаете, я никогда не открывался ей, потому что вы читаете въ ея сердцѣ, и, надѣюсь, уважаете сколько-нибудь благородство моей души.

«Вы хотите, чтобъ она шла за-мужъ, я это замѣтилъ. Вы не отталкиваете сорокалѣтнихъ, заслуженныхъ мужчинъ. Она сама отказываетъ имъ, послѣ втораго посѣщенія. При первомъ посѣщеніи подчиняется она вашей власти; при второмъ, поступая она на основаніи своихъ правъ.

«Вы не дорожите ни происхожденіемъ, ни богатствомъ. Вы сами рода не знатнаго. Вы богаты, и притомъ, слишкомъ возвышены умомъ, слишкомъ благородны душой, чтобы не признавать преимущества добродѣтели и чести передъ другими достоинствами челоуѣка.

«Но вы не доверяете юности. Въ теоріи, вы правы. Вы нерѣдко, слыхалъ я самъ, осуждали несоразмѣрность лѣтъ въ дѣлѣ любви. Вы говорили, что женщина въ ваши года—старуха, а тридцатипятилѣтній мужъ все еще мальчишкѣ. Я понималъ все, и ни о чемъ не тревожился; сказать ли правду? я не принималъ этого на свой счетъ.

«Вы не хотѣли сдѣлать для меня исключенія, я это понималъ. Зачѣмъ же вы везете меня съ собою? Или болѣзнь и нищета до того умалили меня въ глазахъ вашихъ, что не считаете нужнымъ меня опасаться?

«Цѣлую ваши благодѣтельные руки, и расстаюсь съ вами, унося въ сердце спасительную надежду. Да, я живу этой надеждой заслужить ваше полное довѣріе, живу ею вопреки вамъ, вопреки самому себѣ. Чтѣ бы ни случилось, я пребуду всегда вашимъ сыномъ и пребуду добровольно, съ полной преданностью, уваженіемъ и нѣжной покорностью.

«P. S.—Задержите бѣднаго Шварца; спешите ему рубашекъ и платья; не давайте ему много денегъ за разъ. Онъ еще ребенокъ, а ему уже шестьдесятъ лѣтъ, сударыня!»

Я запечаталъ письмо, положилъ его на видъ на столѣ, и прежде чѣмъ кто-нибудь проснулся въ домѣ, я былъ уже на улицѣ и шелъ прямо къ Эдмонду.

Мое письмо уже дошло до него. Онъ бросился ко мнѣ съ распростертыми объятіями, упрекая за неумѣстную скрытность.

— На этотъ разъ, сказалъ я, уже не Шварцъ умираетъ съ голоду, а я самъ. Я не только нуждаюсь — мнѣ вѣтъ нечего.

И я пересказалъ ему все случившееся наканунѣ. Онъ переспрашивалъ меня и даже поблагодарилъ за твердую рѣшимость, какъ будто я дѣлалъ это для него самого. Затѣмъ онъ разомъ избавилъ меня отъ нужды, пріискавъ мнѣ средство

къ существованію. Ему предлагали порядочное мѣсто въ Jardin des Plantes, мѣсто препаратора и хранителя кабинета натуральной исторіи, съ жалованьемъ тысячу двѣсти франковъ въ годъ. Будучи смѣлье и довърчиве меня, Эдмондъ пріобрѣлъ себѣ уже нѣсколько протекцій: но ему было чѣмъ жить и продолжать свои любимыя занятія, благодаря его неприхотливому образу жизни, и онъ не хотѣлъ убивать золотое время на добываніе насущнаго хлѣба.

— Если ужъ такъ нуждаешься, сказалъ онъ, возьми на себя эту должность, я уступлю ее тебѣ съ радостію. Вечера у тебя будутъ все свободны, для твоихъ *непредвидѣнныхъ* занятій, а современемъ мы устроимъ тебя получше. Только одно; договоръ лучше денегъ: ты долженъ отказаться отъ прогулокъ въ Фонтенблосскомъ лѣсу подлѣ извѣстныхъ пунктовъ; отказаться также отъ зимнихъ вечеровъ въ золоченыхъ покояхъ, гдѣ наслаждаешься ты лицезрѣніемъ двухъ прекрасныхъ женщинъ, но за то и тратишь больше, чѣмъ получаешь; отказаться и отъ безконечныхъ ночныхъ импровизаций, отъ всепоглощающей любви и восторженныхъ дифирамбовъ при лунномъ сіяніи.

Я готовъ былъ отказаться отъ всего, только не отъ любви,—въ ней одной черпалъ я бодрость и силу.

Черезъ три дня засѣдалъ я въ кабинетъ естественной исторіи, въ уютной лабораторіи, и занимался набиваніемъ чучель. Я нерѣдко забавлялся этимъ въ деревнѣ, по собственной охотѣ, и пріобрѣлъ порядочный навыкъ. Работа моя вышла образцемъ дѣла и удостоилась громкихъ похвалъ. Меня опредѣлили къ другимъ занятіямъ, и черезъ два мѣсяца, безъ всякихъ искательствъ съ моей стороны, жалованье мое возросло до двухъ тысячъ.

Я былъ богатъ! у меня были рубашки и платье, выработанныя на собственныя деньги; мнѣ не пришлось и продавать маленькіе клавикорды покойной матери, которыми дорожилъ я не меньше, чѣмъ Шварцъ своей скрипкой. Благодаря собственному искусству и быстротѣ въ работѣ, у меня оставалось шесть часовъ на дню, вполне свободныхъ отъ занятій (съ шести вечера до полуночи).

Спалъ я шесть часовъ. Десять употреблялъ на исполненіе своей должности.

Одѣжды, мнѣ сообщили вѣсть, которая наполнила меня гордостью и весельемъ.

Мнѣ давали три мѣсяца свободы, для научныхъ изслѣдованій въ лѣсахъ Фонтенблго. Дѣло шло о замѣненіи нѣкоторыхъ рѣдкостей кабинета, приходившихъ въ ветхость. Я отправился на поиски не помня себя отъ радости, и первымъ долгомъ почелъ остановиться у семейства Флошъ.

XII.

Я нашелъ почтенныхъ друзей моихъ въ добромъ здоровьѣ, и былъ глубоко тронутъ ихъ пріемомъ. Мужъ съ женой плакали отъ радости и называли меня своимъ дѣтищемъ. Они радовались моему благосостоянію, какъ своему собственному. Я пробылъ восемь дней въ окрестностяхъ д'Авоанъ, твердо рѣшившись не посѣщать замокъ де-Соль до начала моихъ занятій, и продолжать ихъ потомъ безъ остановки, послѣ перваго визита.

Въ концѣ недѣли, я отправился въ замокъ де-Соль. На этотъ разъ, я былъ по прежнему въ блузѣ, но блуза эта не была уже признакомъ бѣдности. Это была одежда мундира, если хотите, моего вѣдомства.

Я пріѣхалъ неожиданный и прошелъ прямо черезъ паркъ, зная хорошо всѣ входы и выходы. Время стояло почти то же, какъ и прошлаго года объ эту пору. Жаръ былъ не томителенъ, деревья гнулись подъ плодами, сады одѣвались въ новый, осенній нарядъ, менѣе пышный, но болѣе заманчивый и изящный.

При концѣ аллеи, выходящей на лужайку, я очутился вдругъ лицомъ къ лицу съ Анисэ. Она сидѣла въ тѣни на скамейкѣ и читала книгу, а шагахъ въ двадцати отъ нея играла на травѣ Морена съ своей бывшей кормилицей, черной овечкой.

Увидя меня, Анисэ вскрикнула. Она бросила книгу, подбѣжала ко мнѣ и поцѣловала въ обѣ щеки съ нѣжностью сестры. Потомъ вдругъ покраснѣла, не знала, что говорить, сѣла опять на скамейку, усадила меня рядомъ съ собою, и тутъ, дрожа всѣмъ, залилась обильными слезами.

Сначала я испугался; я не смѣлъ вѣрить такому блаженству. Мнѣ представилось, что или несчастіе случилось въ ихъ семействѣ, или ей запрещено было матерью принимать меня... или, наконецъ, она идетъ за-мужъ за другаго.

‘Ничего этого не было! Я былъ любимъ! Понявши это, я прекратилъ разспросы и не спросилъ даже о причинѣ этихъ слезъ, которыми такъ горжусь теперь. Она плакала надо мной двойными слезами, слезами радости и горя. Какого признанія могъ еще ожидать я?’

Въ ожиданіи полного соединенія душъ, желающей истинно быть любимымъ долженъ чтить свободу и содѣйствовать возрастанію довѣренности. Безуменъ человекъ, считающий себя полноправнымъ владыкой потому только, что подстерегъ минуту смущенія и вырвалъ завѣтное слово: *люблю*, послѣ котораго женщина нерѣдко раскаивается больше, чѣмъ калялась она, порываясь его выговорить.

Нѣтъ, нѣтъ, не хотѣлъ я выманивать такимъ образомъ завѣтнаго слова! я выжидалъ дня, когда она сама скажетъ мнѣ его, безъ страха, безъ трепета, съ весельемъ въ душѣ и съ радостію во взорѣ.

Мать ея подошла между тѣмъ и приняла меня съ непритворною ласкою. Съ первыхъ же словъ, она была со мною такъ же откровенна, какъ прежде благоразумна. Анисэ отошла на минуту къ моей крестницѣ, игравшей поодаль подъ надзоромъ своей няньки, а г-жа Маранжъ сказала мнѣ, смотря прямо въ глаза и держа за обѣ руки:

— Нѣтъ, вы не ребенокъ. Вы человекъ дѣльный, и будете человекомъ съ достоинствами. Я никогда не говорила *нигили*, не говорю и теперь да; это не въ моей власти. Мнѣ хочется, чтобы вы увѣрились, что я не употребляю во зло своихъ правъ и своего вліянія. Но прежде всего я мать, и должна желать, чтобы время оправдало любовь и довѣренность.

— Десять лѣтъ, если угодно! воскликнулъ я, цѣлуя съ жаромъ ея руки.

— Увы! сказала она съ сожалѣніемъ, черезъ десять лѣтъ ей будетъ ровно сорокъ!

— Хоть бы пятьдесятъ! отвѣчала я съ твердостью, которая сильно тронула г-жу Маранжъ.

Морена, начинавшая уже ходить весьма ловко, не смотря на малый размѣръ своихъ ножекъ, подошла ко мнѣ и поцѣловала съ дѣтской незастѣнчивостью. Тѣлесное развитіе ея шло очень быстро; я даже испугался этой быстроты, но не сказалъ объ этомъ ни слова. Она говорила чистымъ голосомъ и произносила очень внятно. Запасъ ея словъ былъ, вѣроятно, вдвое обильнѣе, нежели у дѣтей ея возраста. Черты лица обозначились въ ней тоже преждевременно, и красота ея съ каждымъ днемъ выступала яснѣе, цвѣтъ лица у ней былъ смуглый, но волосы, очеркъ головы и самая кожа говорили прямо въ пользу ея европейскаго происхожденія. Старуха-Флошъ говорила правду, подумалъ я: она дочь какого-нибудь *испанца-христианина*.

Анисэ любила ее безъ памяти. Она привязалась къ ней безотчетно, всею душою, и изливала на нее неисчерпаемые потоки привязанности. Слушаясь ея, я непременно избаловалъ бы свою крестницу, и она нѣсколько разъ упрекала меня въ излишней строгости къ малюткѣ. Однажды, она сказала мнѣ печально, что я не довольно люблю Морену.... Я понялъ, я узналъ впоследствии, что, считая уже себя моею женою, она желала, чтобы и я считалъ себя отцемъ этого ребенка, котораго вручилъ ей и къ которому она съ перваго же дня почувствовала материнскую нежность.

Я нѣсколько разъ навѣщалъ де-Соль въ это время, и, собравши заблаговременно необходимые мнѣ образчики, я выгадалъ цѣлый мѣсяць свободы, который могъ провести подлѣ Анисэ.

Отъездъ въ Парижъ былъ отсроченъ значительно противъ обыкновенія, хотя мнѣ и не говорили объ этомъ ни слова; но нежная снисходительность г-жи Маранжъ къ дочери была мнѣ ясна на каждомъ шагѣ. Объ достойныхъ женихахъ,

которыхъ рѣшилась г-жа де-Соль принимать къ себѣ прошлую зиму, — не было теперь и рѣчи. Отъ времени до времени, г-жа Маранжъ получала письма отъ какой-нибудь пріятельницы, которая, собользнуя о долгомъ вдовствѣ ея дочери, предлагала ей приличную партію. Анисэ читала ихъ вслухъ предо мной съ дѣвичьей искренностью, и подсмѣивалась потому такъ наивно и весело, что трогала меня до глубины души; она заставляла и мать свою смѣяться невольно, и выходило на повѣрку, что сорокалѣтній мужъ, предметъ долгихъ мечтаній г-жи Маранжъ, дѣлался мало по малу страннымъ миеомъ, уродливымъ вымысломъ, чѣмъ-то въ родѣ Полигема или Крокмитэна.

И при всемъ томъ, не сказано между нами двумя, ни между нами и матерью, ни единого слова опасенія или надежды. Мы точно согласились въ душѣ довѣрять взаимно другъ другу, не стѣняя совѣсти и свободы каждаго въ отдѣльности. Слово *любовь* переводилось у насъ холоднымъ словомъ *дружбы*; слово *бракъ* не упомянуто ни разу. Анисэ не могла и думать о другой, случайной связи, да и не было другой связи, крѣпче, искреннѣе нашей. Въ дѣль собственной прихоти, Анисэ была ребенкомъ, вполне послушнымъ тому закону неизвѣстности, который матери называютъ будущностью своихъ дочерей. Она сохранила невозмутимую чистоту юной дѣвы, въ тѣ года, когда страсти потрясаютъ душу или воображеніе женщины.

Какой залогъ чистоты таился въ обществѣ этихъ двухъ женщинъ! Дочь смѣло могла сказать матери, безъ стыда и страха: «Да, я люблю, и хочу любить;» мать могла бояться только одного, что дочь ея не будетъ любима по достоинству.

Я работалъ у нихъ съ наслажденіемъ. Черезъ часъ послѣ завтрака я уходилъ заниматься въ свою комнату, либо на деревню. Но охотнѣе оставался я въ комнатѣ, и любилъ глядѣть, какъ подъ окномъ проходила нерѣдко Анисэ, либо смѣялась она и пѣла вдалекѣ, забавляя свою *Морениту*. Есть люди, съ которыми жалко разстаться и въ мысляхъ. Они не выходятъ изъ головы и тогда, когда, кажется, заняты

вы совсѣмъ постороннимъ. Анисэ никогда не отвлекала меня отъ работы, и никакая работа не отвлекала меня отъ нея.

Къ обѣду сходились мы вмѣстѣ, веселые, довольные собою. Чтобы оцѣнить всю прелесть милаго намъ общества, надо удостоиться его неусыпнымъ исполненіемъ своей обязанности. Душа человѣческая не создана для вѣчнаго, непрестаннаго блаженства въ бесѣдѣ съ другою душою. Если и твердь человѣкъ и не растаетъ отъ этого наслажденія, то душа его все-таки облекается восторженностью, и страсть становится ревнива, требовательна, болезненна. Трудъ данъ человѣку для управленія разумомъ и для поддержанія сердечныхъ наклонностей.

Вечера были для насъ полны наслажденія. Въ сумеркахъ я игралъ на фортепіано, не употребляя, однакожь, во зло вдохновенныхъ минутъ и не утруждая снисходительныхъ хозяекъ долгой игрой. Подавали огонь, и я садился читать въ-слухъ, пока хозяйки занимались своей работой. Надо сказать, что онѣ работали теперь порознь, и Анисэ вѣчно сидѣла за какимъ-нибудь шитьемъ или вязаньемъ для своей Морсинты. После чтенія мы пускались въ разговоры, не стѣсняя себя временемъ, и полночь нерѣдко заставляла насъ за яркимъ огнемъ камна, отрадой первыхъ осеннихъ холодовъ. Привыкнуши вставать въ шесть часовъ, я посвящалъ добрыхъ четыре часа своему дѣлу, прежде чѣмъ сходилъ съ своими любезными собесѣдницами.

Эдмондъ пріѣхалъ къ намъ погостить, вмѣстѣ съ Шварцемъ, который одѣлся прилично и получилъ мѣсто органиста въ Фонтенебло, — а все по милости доброй г-жи Маранжъ. Посѣщеніе обоихъ друзей было для меня новымъ наслажденіемъ, и Рокъ, начинавшій утомляться отъ органической постепенности своихъ занятій, которыми думалъ наполнить свою жизнь, Рокъ, который слабѣлъ и зрѣніемъ и памятью, и въ цвѣтъ лѣтъ приходилъ уже къ сознанию, что есть предѣлъ человѣческимъ силамъ, даже для душъ, одаренныхъ непоколебимою волею, — этотъ Рокъ, сдѣлавшись теперь философомъ, пересталъ меня мучить и смѣяться надо мною.

— Твоя правда, сказалъ онъ, выслушавши отчетъ объ

моихъ занятіяхъ, — надо питаться наукою, но питаться сообразно закону физической жизни, по которому надо ѣсть для того, чтобъ жить, а не жить для того, чтобы ѣсть. Индигестія не убьетъ крѣпкаго человѣка, но надолго разстроитъ желудокъ. Увы! жизнь слишкомъ коротка, и прожитое разъ не возвратится опять для нашего брата! Нѣтъ намъ возможности *знать!* Довольно съ насъ *пониманья*. Да, да, ты поступилъ лучше моего, Стефенъ, ограничился немногимъ; надо непременно выбрать любое изъ двухъ: понимать слегка все, или познать что-нибудь основательно. Посмотримъ, на что рѣшиться мнѣ, и къ какой цѣли пойдешь ты? Или, на что рѣшиться намъ обоимъ?

— Другъ мой, отвѣчалъ я, мы оба возьмемся за то и другое: станемъ добиваться и общаго, и частныхъ, сдѣлаемся и энциклопедистами и специалистами дѣла. Выслушай меня. У тебя есть насущный хлѣбъ, *прямо изъ печи родительской*, я тоже, благодаря тебѣ, зарабатываю насущный хлѣбъ своими трудами — мы можемъ смѣло посвятить дватри года *пониманью*, если уже не основательному изученью — возможно большаго количества вещей, не истощая своихъ силъ на какое-нибудь отдельное дѣло. Тогда мы будемъ просто-за-просто людьми свѣдущими, что называется, — этого, правда, не много, но при насъ останется умъ, созрѣвшій въ работѣ, и свѣжія силы души — а этого много. Тогда уже приступимъ мы къ специальности и отдадимся ей цѣликомъ, на всю жизнь.

— Отдаться специальности! какъ это глупо! воскликнулъ онъ.

— Глупо, когда глупъ человѣкъ, отвѣчалъ я. Къ-несчастью, правда говорится въ народѣ: *глупъ какъ ученый*, въ томъ смыслѣ, что большая часть ученыхъ дѣлаются специалистами, исходя изъ полнаго невежества. Но такъ какъ всѣ науки находятся въ связи, то и человѣкъ, свѣдущій въ одной и пренебрегающій дѣльными познаніями во всѣхъ другихъ, остается ржавымъ колесомъ, бесполезнымъ для полнаго хода машины. Мы избѣгнемъ этого бездѣйствія многочисленныхъ способностей нашего ума, изостривши его напередъ, и безъ

напряженія, во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ. Придетъ день, мы выберемъ изъ нихъ любое, и безъ труда, съ величавымъ спокойствіемъ, пойдемъ прямо къ этой цѣли. Намъ не для чего будетъ останавливаться на полдорогѣ и переводить духъ, не для чего будетъ плестись, какъ слѣпцы, окольными тропинками. Мы сдѣлаемся учеными по своей части; но, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, мы будемъ опять таки людьми. Если ты медикъ, — достаточное количество познаній въ философіи, частію въ искусствѣ, частію въ метафизикѣ; добрый запасъ историческихъ и литературныхъ свѣдѣній помогутъ тебѣ заранѣе изучить человека, эту великую задачу, въ которой жизнь души тѣсно связана съ жизнью тѣла, такъ что не знающій одной не знаетъ и другой. То же самое и во всѣхъ отрасляхъ наукъ. Всѣ онѣ исходятъ изъ одного ствола, въ которомъ, главное, изучить надо сердцевину, — и религія должна быть исходнымъ пунктомъ этихъ занятій.

— Правда, правда, трижды правда, говорилъ Эдмондъ, задумавшись и сознавая истину моихъ словъ. Слѣдовательно, поздно уже мнѣ изучать анатомію тѣла, потому что я, по твоимъ словамъ, рѣшительный невежда въ анатоміи духа.

— Вовсе не поздно, другъ мой; изучай объ вѣсть; только, на все потребно время. Не мечтай сдѣлаться великимъ медикомъ скорѣе, чѣмъ нужно другому сдѣлаться изряднымъ цирюльникомъ. Изучи все, про что я говорилъ тебѣ, и не претендуй на знаніе медицины вплоть до истеченія десяти лѣтъ.

XIII.

Эдмондъ былъ скупенъ за обѣдомъ; вынужденный нами открыть причину своей скуки, онъ обѣщалъ объясниться въ саду, и тамъ, разхаживая при слабомъ сіяньи ноябрьской луны, обратился онъ къ намъ и воскликнулъ въ избыткѣ сердечной искренности:

— Друзья мои! повѣдаю вамъ, что до нынѣшняго дня я былъ осломъ, и, что еще хуже, глупцомъ!

И онъ пересказалъ разговоръ нашъ вкратцѣ и съ большимъ одушевленіемъ. Онъ ставилъ меня выше себя, онъ, которъй, безъ умысла, обращался со мною какъ съ мальчикомъ при Анисѣ и ея матери; онъ ударился въ другую крайность, и, пристрастный во всемъ, называлъ меня теперь самымъ точнымъ умомъ, самымъ яснымъ геніемъ, какого онъ только встрѣчалъ.

Я вздумалъ было посмѣяться надъ его похвалою, которую г-жа де-Маранжъ ловила съ жадной любовью.

Анисѣ взяла меня за руку и сказала повелительнымъ голосомъ, въ которомъ дышала женская ревность:

— Не смѣйтесь, замолчите: онъ говоритъ правду. Не подсмѣивайтесь надъ его словами; не унижайте того, о комъ онъ говоритъ. Я не позволю этого никому, ни даже вамъ.

Когда Эдмондъ кончилъ, г-жа де-Маранжъ дополнила его рѣчь съ рѣдкимъ пониманіемъ дѣла.

— Стефенъ правъ, сказала она. Кто не знаетъ геологій, тотъ не выучится никогда ботаникѣ, и на-оборотъ; кто ничего не смыслитъ въ музыкѣ, тотъ не пойметъ и поэзіи; кто не учился анатоміи, тотъ не будетъ живописцемъ. Правда, что гениальные умы угадывали все, но угадывать не то же ли, что знать? Слѣдовательно, исключеніе говорить въ пользу правила. Теперь, продолжала она, позвольте, Стефенъ, задать вамъ нескромный вопросъ: на какую специальность намѣрены вы обратить ваше вниманіе?

— Жду, чтобы мнѣ подсказали, отвѣчалъ я, прижимая къ сердцу руку Анисѣ, которую подала она мнѣ, выговаривая за насмѣшку надъ Эдмондомъ.

— Кто же знаетъ про это лучше васъ самихъ? спросила г-жа Маранжъ.

— Вы, сударыня, отвѣчалъ я, обращаясь опять къ ней и глядя на ея дочь. Вы нѣкогда говорили, что человекъ не можетъ быть безъ дѣла. Я же, право, такъ люблю все, чѣмъ занимаюсь, что не умѣю одно предпочесть другому. Было время, я ждалъ отъ своей матери, какую цѣль она мнѣ назначитъ. Къ кому же обращаюсь я теперь? Къ кому, кромѣ

вась, которыя приняла во мнѣ столько участія, и которыя можете быть лучшимъ судьей въ этомъ дѣлѣ?

Г-жа Маранжъ, казалось, выжидала, пока заговорить ея дочь. Ободренная матерью, Анисэ отвѣчала такъ:

— Я не такъ умна, чтобъ быть судьей въ этомъ случаѣ. Я понимаю наслажденіе заниматься науками, но необходимости добиваться славы я никогда понять не могла.

— Добиваться славы не нужно! замѣтила мать; но надо приносить пользу другимъ.

— О, на это предъявляетъ свои права каждый изъ насъ, замѣтила грустно Анисэ. Всѣ честолюбцы воображаютъ себя полезными обществу. Истинная заслуга скромна. Она идетъ въ прокъ всѣмъ, сама того не сознавая. Настанетъ день — и она неожиданно явится предъ лицомъ свѣта, но явится, уже совершивши все нужное для блага человѣка.

— Оракулъ молчаливъ, сказалъ Эдмондъ. Поэтому придется ждать, пока назначеніе ваше само откроется предъ вами и ореолъ славы неожиданно осѣнитъ вашу голову?

— Можетъ быть.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ специальность? мы приходимъ опять къ моей старой системѣ. Но я уже увѣренъ теперь, что она несбыточна, потому что коротка наша жизнь на землѣ.

— Въ такомъ случаѣ, сказала Анисэ, невольно отвѣчая на мой вопросъ, надо выбрать какое-нибудь занятіе, наименѣе стѣсняющее свободу сердечной жизни.

Я былъ радъ отъ души этому отвѣту, въ которомъ заключено было много смысла для меня, и который Эдмондъ нашепталъ темнымъ и вовсе ничтожнымъ.

Анисэ любила меня такимъ, каковъ я былъ—безъ имени, безъ важнаго мѣста, безъ глубокихъ познаній, можетъ быть, безъ будущности. О, да, я былъ счастливъ! Я пошмалъ то, что ускользнуло отъ ея матери — какъ мало любима была Анисэ своимъ мужемъ—честолюбцемъ, и съ какимъ истерпѣніемъ жадеть она супруга любящаго, и преданнаго.

Я былъ въ странномъ положеніи въ отношеніи къ матери и дочери: одна любила меня, бѣднаго и неизвѣстнаго;

другая желала бы видѣть меня по крайней мѣрѣ извѣстнымъ и вполне независимымъ въ жизни.

Задача была предложена. Въ Парижѣ суждено ей было рѣшиться. Дѣло шло о томъ, буду ли я проводить шесть часовъ на дню въ своихъ занятіяхъ, или, по примѣру прошлаго года, буду просиживать цѣлые вечера въ улицѣ Курсель. Рѣшаясь на последнее, я терялъ цѣлыхъ полгода безъ пользы для умственнаго развитія, я давалъ волю сомнѣніямъ г-жи Маранжъ на счетъ моей будущности, я оскорблялъ ея благородное честолюбіе имѣть своимъ зятемъ челоуѣка даровитаго или ученаго. Она желала вознаградить этимъ несчастный десятокъ лѣтъ, недостававшій мнѣ для моего счастья, а между-тѣмъ она знала хорошо, что мнѣ нужно бы еще другой десятокъ лѣтъ для пріобрѣтенія имени, и содрогалась при мысли объ этомъ долгомъ вдовствѣ Анисэ.

Съ другой стороны, Анисэ называла меня жестокимъ, почти эгоистомъ за то, что я наслажденіе быть съ нею приносилъ въ жертву сомнительной надеждѣ пріобрѣсти извѣстное имя.

— Мнѣ тридцать лѣтъ, говорила она матери. Женщина въ сорокъ лѣтъ, по вашему, старуха. Я не увижу по этому ни юности, ни любви. Я не прошу васъ соединить насъ бракомъ. Онъ тоже не заботится объ этомъ. Не отнимайте только у меня отрады быть съ нимъ. Какого меньшаго счастья прошу я: видѣться по вечерамъ съ своимъ другомъ, въ присутствіи десяти знакомыхъ, — можно ли быть менѣ требовательной?

Я рѣшился-было дѣйствовать въ угоду г-жи Маранжъ, и ходить къ нимъ по одному разу въ недѣлю.

Лишеніе это было для меня пыткой. Я могъ сносить его, когда моя гордость, оскорбляемая ея недоверчивостью, или питаемая моею собственной надеждой, поддерживала меня въ этой борьбѣ съ самимъ собою.

Теперь не было у меня этой поддержки. Я зналъ, что я любимъ, меня благословляли на любовь, мнѣ оставляли надежду, меня вознаградили цѣлымъ мѣсяцемъ невозмутимаго

блаженства. Я уже забылъ о прежнем испытаніи. Я любилъ эту женщину всеми силами души своей; она была необходима для моего ума, для моего сердца, хотя и могла только сердцемъ питать свой умъ и мой собственный. Ея характеръ, постояннымъ выраженіемъ котораго служилась скромная, тихая красота, окружалъ меня какимъ-то чистымъ воздухомъ, безъ котораго не могъ я существовать. Можетъ-быть, это была не страсть; здѣсь было что-то больше и лучше — это была любовь, которую сравнивалъ Эдмондъ съ помѣшательствомъ, мономаніей. По моему, это было скорѣе что-то въ родѣ тоски по отчизнѣ.

Утромъ, я только и ждалъ увидѣться съ нею вечеромъ, а вечеръ, проведенный безъ нея, казался мнѣ до того пусть, что работа не спорилась у меня въ головѣ.

Добрый Эдмондъ придумалъ средство, которое предложилъ онъ и г-жѣ Маранжъ. Дѣло состояло въ томъ, чтобы распуścić слухъ, что покойный г. Маранжъ оставилъ по себѣ важныя научныя изслѣдованія, которыя требуютъ пересмотра и разборки. Тутъ была и частица правды. Только рукописи эти не стоили разработки; но было рѣшено, что я до нихъ и не дотронусь. Друзья покойнаго, конечно, не станутъ входить въ это дѣло, а впоследствии можно будетъ придумать предлогъ, чтобы не обнародовать этой рукописи.

Положено было, чтобы я занимался въ садовой бесѣдкѣ, въ улицѣ Курсель, съ семи часовъ утра до пяти вечера, такъ какъ предполагаемые манускрипты не могли быть въ безопасности у меня на дому. Въ бесѣдкѣ находилась порядочная бібліотека къ моихъ услугамъ. Ктому же, я буду доставлять туда специальныя сочиненія по этому предмету. Къ обѣду буду выходить я рѣдко, чтобы не быть замѣченнымъ, и буду видѣть мать съ дочерью мелькомъ, буду не далеко отъ нихъ.... Больше ничего мнѣ не было нужно.

Эта добрая мать согласилась разыграть передъ своими друзьями роль издательницы посмертныхъ сочиненій своего мужа. Зиму эту провелъ я счастливо. Въ свѣтъ подивились слегка, что покойникъ нашелъ во мнѣ секретаря, но скорѣ

и забыть обо мнѣ, предоставивъ мнѣ рыться въ пыли рукописей, къ которымъ боялись все подступиться. Я нанялъ кабриолетъ, который рано утромъ отвозилъ меня въ *Jardin des Plantes*. Я досыпалъ ночь на пути, въ кабриолетѣ. Возвращался я пѣшкомъ вечеромъ, обѣдалъ дорогой, и къ семи часамъ былъ на мѣстѣ своего назначенія. Каминъ топился, лампа была уже зажжена, приготовлено было все къ моимъ уединеннымъ занятіямъ, и на всемъ видна была заботливая рука Анисэ.

Въ теченіе вечера, она не разъ выходила изъ гостиной, чтобы навѣстить Морену, и всегда почти отворяла окно въ своей комнатѣ, которая была напротивъ моей. Не смотря на холодъ и снѣгъ, она долго простаивала у окна, до тѣхъ поръ, пока я не упрощивалъ ее удалиться, опасаясь за ея драгоценное здорье.

Едва уѣзжали гости, — а уѣзжали они всегда рано, по причинѣ отдаленности своихъ жилищъ, — она звонила въ колокольчикъ, я прибѣгалъ къ камину и садился между ней и матерью. Съ ними просиживалъ я полчаса, возвращался потомъ къ своей работѣ, а тамъ уходилъ спать.

Увѣрившись въ насъ обоихъ, г-жа Маранжъ незаметно стала оставлять насъ наединѣ. Люди ложились спать; между ними не было злонамѣренныхъ. Анисэ была слишкомъ любима, чтобы могли клеветать на нее домашніе. Такъ оставались мы далеко за полночь, хотя Анисэ и упрекала себя въ похищеніи у меня времени. Иногда она подсмѣивалась надъ моими мечтами о славѣ: она чувствовала въ себѣ силы приобрести мнѣ и безъ того уваженіе и дружбу своей матери. Въ другой разъ, намѣревалась она сжечь все мои книги, и, уходя отъ меня, приказывала мнѣ спать, а не работать.

Я не слушалъ ея приказаній: я работалъ до двухъ часовъ утра, не по склонности къ труду, но подстрекаемый двойнымъ честолюбіемъ, внушеннымъ мнѣ ея матерью: я хотѣлъ въ ней найти свое счастье и сдѣлаться ея достойнымъ.

Я спалъ четыре часа въ сутки, иногда и меньше. И при всемъ томъ я не былъ боленъ, ни даже утомленъ работой.

Любовь поддерживает нашу жизнь; отсутствіе любви ее убиваетъ.

Одинъ разъ въ недѣлю ѣздилъ я съ ними въ театръ. Я отъ души раздѣлялъ съ ними это удовольствіе: сценическія представленія развивали во мнѣ наслажденіе искусствомъ, образовали во мнѣ критическую способность, доставляли пищу уму, или дѣйствовали спасительно на воображеніе. Такъ какъ я рѣшился не пренебрегать ничѣмъ, что занимаетъ, трогаетъ, возвышаетъ или развращаетъ человека, то мнѣ необходимо было изучить это искусство, въ которомъ, разумѣется, соединены всѣ прочія.

Разъ вечеромъ, входя въ *Оперу*, гдѣ онъ скромно сидѣли въ бенуарѣ, чтобы не имѣть нужды рядиться, — я былъ пораженъ лицомъ одного мальчика, который разстилалъ подъ ноги коверъ всѣмъ выходившимъ изъ кареты и получалъ за то по грошу. Хотя, въ теченіе полугода, и много измѣнился онъ въ ростъ и въ чертахъ лица, но я не могъ не узнать въ немъ брата Морены.

Я не хотѣлъ сказать объ этомъ своимъ спутницамъ; но усадивши ихъ въ ложу, сошелъ самъ съ лѣстницы и приблизился къ цыганенку.

Цыганенокъ подбѣжалъ ко мнѣ, какъ скоро я его позвалъ, и узналъ меня съ разу.

— Да, да, сударь, сказалъ онъ мнѣ по-французски и необыкновенно твердо, — это вы украли у меня сестру!

На эти слова, произнесенныя во всеуслышаніе, оглянулось нѣсколько проходящихъ. Меня приняли, разумѣется, за похитителя женщинъ.

Я отвелъ мальчика въ отдаленный уголъ улицы, и спросилъ его о причинѣ внезапнаго бѣгства послѣ смерти матери, спросилъ его, какъ его зовутъ, какъ имя отца, и, наконецъ, имя сестры.

— Дайте мнѣ честное слово открыть, что вы сдѣлали съ моей сестрой, — я расскажу вамъ много вещей.

— Я не даю тебѣ никакого слова, отвѣчалъ я, а обещаюсь улучшить твою судьбу, если ты будешь этого стоить.

Онъ, казалось, прельстился надеждой сорвать съ меня копейку, и я назначилъ ему на завтра свиданіе въ лабиринтъ *Jardin des Plantes*.

Не надѣясь на его честность, я хотѣлъ выспросить его тутъ же объ его имени и главныхъ подробностяхъ дѣла; но онъ принималъ на себя таинственный видъ, сказалъ, что сообщитъ мнѣ важную тайну, и на другой день явился на свиданіе.

Взглянувши днемъ на этого мальчика, я былъ пораженъ необыкновенной красотой его лица и граціозною прелестью его стана, едва прикрытаго жалкими лохмотьями.

Все въ немъ выражало живой умъ,—его проницательный взглядъ, выразительная улыбка, вѣрность его воспоминаній и легкость, съ которою говорилъ онъ на языкѣ, о которомъ, за полтора года передъ тѣмъ, онъ и не слыживалъ. Его живописная рѣчь, перенизанная странными словами, носила отпечатокъ той отвратительной среды, въ которой влачилъ онъ свою бѣдную жизнь послѣ Фонтенблосскаго происшествія; но не смотря на этотъ отпечатокъ бѣдности и разврата, въ его испанскомъ выговорѣ, въ его свѣжемъ голосѣ, въ его нѣжномъ произношеніи словъ было что-то благородное и увлекательное, рѣзко проговорчившее его природу и личному положенію.

Вотъ разсказъ, вѣрный или нѣтъ, но переданный мнѣ цыганенкомъ.

Отецъ его былъ андалузскій цыганъ и проживалъ въ окрестностяхъ Севильи, промышляя бритьемъ лошаковъ. Надо вамъ сказать, что въ Испаніи стригутъ шерсть простыхъ лошадей, ословъ и лошаковъ. Цыгане исключительно занимаются этимъ промысломъ. Отецъ этотъ былъ христіанинъ. Звали его Антоніо, и только; жена его плела корзины, ворожила, пѣла и плясала на площади. Онъ, единственный сынъ этого брака, плясалъ съ кастаньетами, либо бряцалъ на гитарѣ. Этимъ и ограничивалось его воспитанье.

Постараюсь перевести на понятный языкъ оригинальный разсказъ цыганенка.

— Я говорилъ вамъ тогда еще, сударь, что отецъ мой бросилъ мою мать въ мукахъ беременности, самъ же отправился искать счастья во Францію, откуда писалъ къ намъ и звалъ къ себѣ въ Парижъ. Я зналъ очень хорошо, что отецъ мой сердитъ на нее, но за что именно, не зналъ да и не имѣлъ нужды говорить вамъ. Когда моя бѣдная мать умерла, я съ тоской на душѣ взглянулъ на маленькую сестру свою, и увидѣлъ, что она была собою.

— Была? замѣтилъ я, ну не совсѣмъ.

— Все же бѣлье меня, возразилъ онъ. Взгляните-ка на меня и сравните, если она еще жива и вы знаете, гдѣ она теперь.

Я не отвѣчалъ на этотъ посторонній вопросъ, и понималъ, что дѣйствительно мальчикъ былъ чисто-цыганской породы, тогда какъ Морена была происхожденія загадочнаго.

Онъ продолжалъ:

— Этотъ бѣлый цвѣтъ ребенка пугаетъ меня. Я помню, отецъ мой говорилъ въ сердцахъ, еще до выѣзда изъ Испаніи:

— «Брата или сестру родить тебѣ мать, только ребенокъ выйдеть бѣлокожій.»

«Увидя, что отецъ мой не ошибся въ своемъ предсказаніи, я пустился бѣжать отъ васъ. Я ничего не укралъ у своей сестры. У матери моей были двѣ вещи: маленькій лошакъ и золотой браслетъ; я взялъ на свою долю лошака, сестрѣ же оставилъ браслетъ. Что-то съ нимъ случилось?»

— Это до тебя не касается. Продолжай.

— Я съѣлъ на лошака и пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ, и не думая отыскивать моего отца, встрѣтился съ нимъ на первый же день. Онъ обрадовался мнѣ.

«Я сказалъ ему, что мать и ребенокъ умерли, но онъ захотѣлъ узнать правду и велѣлъ вести себя къ хижинѣ Флошъ. Онъ вошелъ туда, взглянулъ на дѣвочку и сказалъ мнѣ потомъ:

— Это не моя дочь; пусть будетъ съ ней, что будетъ.

«И онъ не заботился объ ней, и даже мнѣ запретилъ навѣщать ее.

— Эта часть твоего разказа не совсѣмъ вѣрна, дружище, или ты просто негодный мальчишка. Если ты зналъ, что отецъ твой способенъ убить твою сестру, зачѣмъ же ты водилъ его къ ней? Не могъ ли ты отговориться незнаемъ мѣста?

— Онъ не повѣрилъ бы мнѣ и билъ бы меня до тѣхъ поръ, пока я сознаюсь. Цыганъ моихъ лѣтъ, чтобы не помнилъ страны, чрезъ которую разъ проходилъ — подите, да статочное ли это дѣло!

— Такъ ты, опасаясь побоевъ, рисковалъ жизнью сестры? Ты, я вижу, родился трусомъ и безъ души. Это не дѣлаетъ тебя чести.

— Я и не хвалюсь, отвѣчалъ онъ съ дѣтской искренностью, на которую не зналъ я, чтѣ возразить.

— Наконецъ, сказалъ я послѣ нѣкотораго молчанія, чтѣ происходило въ твоемъ отцѣ, когда онъ смотрѣлъ на ребенка? Ты не хочешь говорить объ этомъ. Ты забылъ, что я засталъ васъ обоихъ, въ тотъ вечеръ, около полночи, — вы ходили и высматривали вокругъ дома Флэшъ.

— А! такъ это были вы? сказалъ цыганенокъ, улыбаясь; я не думалъ этого. Вы, вѣрно, не оставили моей сестры; вы, кажется, такъ полюбили ее.

— Я не отвѣчаю тебѣ, а только спрашиваю, чтѣ же дѣлали вы тамъ, если не имѣли дурныхъ намѣреній?

— Да вотъ что. Отецъ мой, сказавши, что онъ не пьетъ моей матери послѣ ея смерти и оставить ребенка въ живыхъ, потомъ одумался и сказалъ:

— «Я возьму его и отнесу къ герцогу де-Флоресъ. Онъ дастъ мнѣ денегъ на воспитаніе дѣвочки, или я убью ее на его глазахъ.»

— А гдѣ же этотъ герцогъ де-Флоресъ?

— Въ Парижѣ, сударь.... Но, увидѣвши васъ тамъ, отецъ мой спрятался. Потомъ, мы приходили опять потихоньку, ночью. Вы еще ходили тогда кругомъ дома. Мы побоялись, и воротились опять черезъ недѣлю, въ надеждѣ, что вы,

вѣрно, ухалъ Васъ, въ самомъ дѣлѣ, не было, не было и ребенка, и мы не могли дознаться, гдѣ онъ.

— Ребенокъ умеръ, сказалъ я; не ищи его попусту.

— Какъ! она умерла тоже, бѣдная крошка! воскликнулъ цыганенокъ въ порывѣ притворнаго или искренняго волненія. Такъ что же! тѣмъ лучше, прибавилъ онъ цинически: ей теперь нечего бояться.

Въ голосъ его слышно было лукавство. Я понялъ, что мнѣ надо быть осторожнымъ, что за мною будутъ присматривать, и мнѣ придется, можетъ быть, дорого заплатить. Надо было отказаться отъ намѣренія спасти бѣднаго цыганенка отъ нищеты и разврата, и предоставить его своей судьбѣ; я далъ ему денегъ и сказалъ, что завтра же выѣзжаю изъ Парижа на житье въ провинцію. Я спросилъ его впрочемъ, какъ его зовутъ и гдѣ онъ живетъ, если только живетъ гдѣ-нибудь. Онъ отвѣчалъ, что его зовутъ Розаріо, а живетъ онъ вездѣ и нигдѣ, потому что отецъ его ночуетъ нынче въ одномъ, а завтра въ другомъ мѣстѣ. Онъ не хотѣлъ сказать мнѣ ничего положительнаго о ремеслѣ своего отца.

XIV.

Чтобы отдѣлаться отъ цыганенка, я пустился бродить въ толпѣ гуляющихъ, которыхъ на этотъ разъ было много въ саду. Я дошелъ до своей лабораторіи, не подозревая, что за мной слѣдятъ; но переходя изъ одного флигеля въ другой, я замѣтилъ, не вдалекѣ отъ себя, цыганенка, который какъ будто игралъ съ уличными мальчишками, и потомъ очутился опять у меня подъ носомъ. Какъ ни искусенъ былъ онъ въ дѣлѣ шпионства, но ему было двѣнадцать лѣтъ, и на лицѣ его рѣзко выражались его намѣренія.

Выходя изъ лабораторіи уже въ шестомъ часу вечера, я старался не проходить по саду; но у самыхъ воротъ наткнулся я на смуглаго мужшну, который былъ, разумеется, отецъ Розаріо.

Я не старался обманывать его или хитрить съ нимъ. Я имѣлъ случай изучить нравы цыганъ во время ихъ безпрестаннѣхъ кочеваній по нашимъ деревнямъ. Я зналъ, сколько постоянства, хитрости, почти гениальности въ наукѣ воровства заключено въ любомъ изъ нихъ, хотя бы дѣло шло о похищеніи курицы или даже куринаго яйца. Тѣмъ болѣе пошли бы на вѣтеръ мои предосторожности, если шпионъ мой имѣлъ существенную выгоду отыскать Морену и удовлетворить тѣмъ собственную жажду мести или корыстолюбія. Думать долго быю нечего; я кликнулъ извозчика и велѣлъ ему дожидаться меня. За тѣмъ, я вошелъ опять въ лабораторію, въ полной увѣренности, что цыганъ мой простоятъ здѣсь столько же времени, сколько вздумается мнѣ продержатъ извозчика у подъезда.

Я отправился къ одному изъ полицейскихъ, наблюдавшихъ за безопасностью кабинетныхъ рѣдкостей, и объявилъ ему, что человекъ, котораго я имѣю уважительныя причины считать опаснымъ и злонамѣреннымъ съ давнихъ поръ, стережетъ меня у самыхъ воротъ; что человекъ этотъ изъ роду цыганъ, которые промышляютъ кражей дѣтей, и я подозреваю его въ намѣреніи сдѣлать что-нибудь въ этомъ же родѣ въ одномъ домѣ, гдѣ я часто бываю.

Я зналъ главныхъ агентовъ полиціи, которыхъ обязанностью было—являться на подмогу сторожамъ. Всѣ они меня знали, а этотъ въ особенности, потому что я имѣлъ съ нимъ сношенія по дѣлу одной кражи въ минералогическомъ кабинетѣ. Онъ былъ увѣренъ, что я не подниму шума изъ пустяковъ, и отвѣчалъ мнѣ тономъ родительской власти, который берутъ на себя эти люди въ извѣстныхъ случаяхъ:

— Не беспокойтесь, любезнѣйшій, садитесь на извозчика и поѣзжайте; я ручаюсь вамъ, что онъ не пойдетъ за вами, а мы узнаемъ, что онъ за человекъ и чего ему нужно.

Въ тотъ самый мигъ, какъ садился я въ карету, т.-е. спустя какихъ-нибудь двѣ, три минуты, четверо полицейскихъ окружили моего цыгана, который, почувявъ бѣду, обратился было въ бѣгство. Но дорогу ему загородилъ одинъ изъ полицейскихъ, схватилъ его за воротъ и заставилъ

сознаться, кто онъ и чѣмъ занимается. Я ухалъ, въ надеждѣ, что если цыганъ и отстоятъ свое право топтать городскую мостовую, то все таки потеряетъ мой слѣдъ, и вѣроятно, не скоро примется опять за свои поиски. Цыгане ужасные трусы отъ природы. Изъ всѣхъ разбойниковъ, они наименѣе опасны: замѣтивши преслѣдованіе, они, по примѣру нѣкоторыхъ хищныхъ птицъ, появляются рѣдко въ тѣхъ мѣстахъ, откуда ихъ выгнали.

На другой день, узнавъ я отъ того же полицейскаго, что преслѣдователя моего звали, или онъ самъ называлъ себя, Антонио, что онъ родомъ и промысломъ цыганъ, но не можетъ доказать своихъ средствъ существованія, и что его задержали на время подъ стражею. Полиція нашла уже на слѣдъ его злодѣяній, потому что у него былъ сынъ, который называлъ себя Дариолемъ и за которымъ тоже сильно присматривали.

Черезъ нѣсколько дней, отобраны самыя полныя свѣдѣнія.

Антонио довольно удачно занимался ремесломъ *карманнаго* воровства, которому обучалъ онъ и сына. Сынъ его, лѣнтяй, бродяга, лжець, грубіянь, былъ, однакоже, отъ страха и отъ запаса врожденной честности, весьма плохимъ ученикомъ своего отца, который былъ его за неохоту и неумѣнье воровать. Какимъ образомъ дознали все это — я забыть; но подробности эти были вполнѣ достовѣрны, и полицейскій агентъ, человекъ весьма, впрочемъ, добрый и нравственный, воротясь вечеромъ въ свое семейство, говорилъ почти со слезами объ участи несчастнаго мальчика, и даже не рѣшался взять его подъ стражу.

Вырвать ребенка изъ тины преступленія и порока, сдѣлать изъ него честнаго человека — вотъ подвигъ, который считалъ я всегда священною обязанностью, и отъ котораго отказывался только въ случаѣ крайней невозможности. Я попросилъ полицейскаго схватить Дариоля, только для страха, потомъ привести его ко мнѣ и уговорить его отдаться въ мое полное распоряженіе. За нимъ не было еще открыто никакихъ преступныхъ дѣйствій, и предъ судомъ онъ былъ только кандидатомъ въ преступники. Такъ выразился, по крайней мѣрѣ, мой собесѣдникъ.

Какъ удивляютъ подчасъ члены исполнительной полиціи своимъ нравственнымъ чувствомъ и великодушной правдивостью въ дѣлахъ, составляющихъ исключительное вѣдомство ихъ гражданской власти! Наступитъ время, когда полиція пріобрѣтетъ чисто-отцовскую власть, со всей ея святой строгостью, и люди будутъ считать за честь принадлежать къ числу членовъ полиціи.

Человѣкъ, взявшій на себя помогать мнѣ въ обращеніи брата Морены, принялся за дѣло съ должнымъ человѣколюбіемъ и ловкостью; и вскорѣ, отдѣлавшись по его милости отъ Антоніо, которому отбили охоту вредить мнѣ, — я могъ поручить физическое и нравственное воспитаніе Розаріо, Даріоля тожь, однимъ добрымъ людямъ, которые въ состояніи были его исправить. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, на сколько успѣли мы въ своемъ предпріятіи; имѣя постоянно на глазахъ этого мальчика, я буду говорить о немъ много въ продолженіи этихъ записокъ.

Прежде чѣмъ сообщить обитательницамъ улицы Курсель о моихъ подвигахъ, мнѣ хотѣлось продолжать свои розыски о рожденіи Морены, и по мѣрѣ возможности утвердить за моей милой Анисѣ обладаніе этимъ ребенкомъ, къ которому привязалась она съ такою любовью.

Я навелъ справки, благодаря которымъ узналъ, что есть дѣйствительно нѣкто герцогъ де-Флоресъ, молодой, красавецъ собой, богачъ и мотъ, проживающій въ Парижѣ съ молодою женою, которая, говорили мнѣ, держитъ себя не совсемъ безукоризненно въ свѣтъ и въ то же время страшно ревнуетъ своего мужа. Я отыскалъ его жилище, я взглянулъ на его щегольскую карету съ гербомъ, стоявшую у подъезда, и вынулъ изъ кармана браслетъ цыганки. Я увѣрился, что въ гербѣ былъ тотъ же щитъ, та же эмблема, та же корона. Я спросилъ себя, что мнѣ дѣлать. Я подумалъ, что мнѣ слѣдуетъ познакомиться теперь съ этимъ человѣкомъ и снискать его довѣренность, и готовъ былъ идти домой въ этой рѣшимости, какъ вдругъ, поднявши голову, увидѣлъ я предъ собой самаго герцога, который глядѣлъ съ изумленіемъ на этотъ браслетъ въ моихъ рукахъ. Онъ понравился мнѣ, я видно тоже

произвелъ на него выгодное впечатлѣніе, и мы, оглянувши другъ друга, невольно обмѣнялись благосклонной улыбкой.

Я почелъ долгомъ воспользоваться этой минутой безсознательнаго сочувствія, которая могла и не придти во второй разъ, и смѣло обратился къ нему.

— Милостивый государь, сказалъ я, вамъ, конечно, странно видѣть у меня въ рукахъ вещь, принадлежавшую или вамъ, или кому-нибудь изъ вашего семейства. Позвольте мнѣ переговорить съ вами наединѣ объ этомъ предметѣ.

— Извольте, отвѣчалъ онъ съ тою же искренностью; признаюсь вамъ, этотъ браслетъ задѣлъ мое любопытство. Но мнѣ крайняя необходимость вѣхать со двора; неуждно ли вамъ съестъ со мной въ карету до воротъ *Maillot*, гдѣ я назначилъ свиданіе съ герцогиней? Оттуда отправляемся мы верхами, а васъ отвезутъ въ моей каретѣ, куда вамъ угодно.

— Это будетъ лишнее, отвѣчалъ я: у меня самого двѣ именно въ той сторонѣ.

Онъ пропустилъ меня перваго въ карету съ большою учтивостью, и когда мы усѣлись рядомъ, онъ спросилъ меня, просто, но вѣжливо, кто я такой.

— Стефенъ Ривзанжъ, отвѣчалъ я, — имя, вовсе не громкое, но носимое честнымъ мальчмъ, служащимъ на эту пору при кабинетъ естественной исторіи.

— Молодой ученый! это лестно. Вы, значитъ, больше меня — я неучъ. Но я тоже честный мальчъ. Покажите-ка мнѣ этотъ ошейникъ, геральдику котораго вы учили такъ пристально у моего подвѣзда.

Онъ взглянулъ на браслетъ, улыбнулся, слегка смутился, потомъ отдалъ его мнѣ, сказавши:

— Тотъ самый. Это ошейникъ моей бѣдной собаки, которой нѣтъ уже на свѣтѣ. Вамъ его продали, конечно?

— Нѣтъ.

— Вы, вѣрно, нашли его?

— Опять нѣтъ.

— Такъ вамъ его подарили? сказалъ онъ, улыбаясь.

— Въ третій разъ, нѣтъ.

— Какъ же такъ! не украли же вы его? Вы не похожи

на вора. Объяснитесь, пожалуйста. Какъ достался вамъ ошейникъ моей собаки?

— Я снялъ его съ руки покойницы.

— Покойницы! сказалъ онъ съ видимымъ смущеніемъ. Уже? бѣдная женщина!... Вы ее знали, конечно. О, да, понимаю.... *Nombre!* надѣюсь, однакоже, мужъ не убилъ ея?

И глубокая печаль выразилась на лицѣ молодаго герцога при послѣднихъ словахъ.

— Послушайте, герцогъ, сказалъ я, мнѣ приходилось спросить васъ о многомъ—теперь вопросы эти будутъ лишніе. Я вижу, что меня не обманули, и я узналъ то, чего доискивался. Теперь скажу вамъ, что мнѣ извѣстно. Мужъ не убилъ ея, а бросилъ въ Испаніи. Она умерла въ Фонтенблосскомъ лѣсу, на дорогѣ въ Парижъ, куда шла для свиданія съ мужемъ. Ошейникъ этотъ, который носила она на рукѣ, я взялъ съ тѣмъ, чтобы отдать его ея дочери, съ вашего позволенія, герцогъ.

— Ея дочери! у ней не было дѣтей! воскликнулъ герцогъ. Она держала мальчика, сына ея мужа, но не отъ нея.

— Увѣрены ли вы въ томъ, что говорите, герцогъ?

— Увѣренъ вполне. Это цыганское племя долгое время кочевало по моимъ помѣстьямъ; бѣдной Пиларъ было едва двадцать лѣтъ, когда она умерла, если она въ самомъ дѣлѣ умерла, какъ вы говорите. Расскажите же мнѣ....

— Прежде всего, я долженъ спросить у васъ, кому передать этотъ ошейникъ. Достанется ли онъ въ наследство дочери, которую родила Пиларъ за часъ до своей смерти?

— А, такъ это вѣрно? у ней была дочь? а когда родилась она?

— Двадцатаго августа 1832 года. Лицомъ она не смуглѣе васъ, герцогъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ герцогъ съ большей откровенностью, это дочь моя! я не могу, и не хочу отъ нея отказаться. Я пристрою ее, это мой долгъ.

— Никто, возразилъ я, не имѣетъ права отвергать заботы отца о своей дочери; но я долженъ сказать вамъ, что ваша дочь не нуждается ни въ чемъ, по крайней мѣрѣ на эту минуту; она принята была въ одинъ домъ съ любовью и

нѣжностью, объ ней заботятся теперь, и воспитываютъ прилично, даже роскошно.

Я разсказаль герцогу всю правду. Онъ былъ искренно тронуть и пожалъ мнѣ руку съ большимъ чувствомъ; онъ почти поцѣловаль меня, узнавъ, что я крестный отецъ сго дочери. Въ свою очередь, онъ разсказаль мнѣ исторію цыганки.

— Теперь, сказаль герцогъ, я открыль вамъ всю правду, какъ честный человекъ другому честному человекъ; поймите вы мое положеніе.... Выслушайте меня. Будь я свободенъ, или поддайся я этому увлеченію юности до моей женитьбы, я не постыдился бы сознаться, что имѣю ребенка отъ красавицы Пиларъ. Но въ теперешнемъ положеніи, я слишкомъ преступенъ, чтобы не краснѣть за себя, и вамъ только, оказавшимъ мнѣ столько преданности и сочувствія, вамъ, внушившимъ мнѣ такое довѣріе, вамъ, наконецъ, спасителю и другому отцу этого ребенка, вамъ однимъ повѣрю я эту тайну, отъ котораго зависитъ спокойствіе и счастье моей семейной жизни. Вы сохраните эту тайну, не правда ли?

— Я твердо рѣшился хранить ее, отвѣчалъ я, и если хотите, даю вамъ честное слово.

— Довольно, я спокоенъ, отвѣчалъ герцогъ. Сберегите этотъ браслетъ для Морениты, сотрите только мой гербъ, прошу васъ.

— Будьте покойны, герцогъ; но мы, вторые родители этого ребенка, рѣшившіеся надѣлать ее душой, совѣстью, дарованіями, добродѣтелями и, кто знаетъ? можетъ быть и именемъ, богатствомъ, можемъ ли мы надѣяться, что если, какимъ-нибудь непредвидѣннымъ случаемъ, не удастся намъ при своей жизни устроить ея судьбу,—можемъ ли мы надѣяться, что вы окажете ей полное и истинно-отцовское покровительство?

— Открыто, никогда; непосредственно же всегда, и я теперь же прошу васъ назначить ей сумму для ея содержанія.

— Это до меня не касается, герцогъ; я поговорю объ этомъ съ ея матерью. Такъ называю я ея благодѣтельницу, и явлюсь потомъ, если позволите, къ вамъ и сообщу объ ея намѣреніяхъ, и назову ее, если она позволитъ.

— Только не являйтесь ко мнѣ, сказалъ герцогъ, начавшій беспокоиться по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ воротамъ *Maillot*, гдѣ дожидалась его молодая супруга. Напишите мнѣ по этому адресу, и я приду къ вамъ.

И онъ вручилъ мнѣ адресъ своего банкира.

— Я вижу, герцогъ, что присутствіе мое можетъ навлечь подозрѣніе, и я могу провхать дальше цѣли моего путешествія. Позвольте мнѣ выйти изъ кареты.

Мы разстались, пожавши другъ другу руку искренно, даже съ любовью.

XV.

Я побѣжалъ прямо къ г-жѣ де-Соль, сообщить ей добрыя вѣсти. Морена была теперь ея дочерью, не только по правамъ любви къ ближнему, но и по доброй волѣ своего отца. Отецъ этотъ занималъ важное мѣсто въ свѣтѣ, не только по происхожденію и богатству, — о чемъ мы, впрочемъ, мало заботились для своей воспитанницы, — но и по личному характеру, который былъ не изъ дюжинныхъ.

Красавица Пиларъ, по разсказу герцога, была сама по себѣ женщина любящая, созданная изъ порывовъ, способная къ суровой строгости въ жизни и къ великому самопожертвованію въ любви. Она сильно занимала Анисэ, которая не разъ заставляла меня пересказывать происшествіе 20 августа.

Въ особенности благодарны мы были судьбѣ за то, что воспитанница наша никакими узами не связана съ цыганомъ, угрожавшимъ ей смертію, ни съ цыганенкомъ, будущность котораго, не смотря на мои попеченія, была не совсѣмъ утѣшительна.

Хотя г-жа Маранжъ и ея дочь изъявили желаніе заботиться объ участи Розаріо; но мы поставили себѣ долгомъ, никогда не сближать его съ Мореной.

Я самъ вытеръ гербъ на браслетъ; Анисэ уполномочила меня открыть ея имя герцогу, и взаимная тайна сохранялась съ величайшей строгостью.

Изъ свѣтскихъ знакомыхъ г-жи Маранжъ никто не зналъ о принятіи въ домъ и воспитаніи дѣвочки. Но, опасаясь до сихъ поръ новыхъ попытокъ похищенія, мы ра-

пустили слухъ, которому повѣрили и мэръ и старикъ-Флошгъ. Въ тотъ день, когда привезъ я Морену въ замокъ де-Соль, я принялъ всѣ мѣры, чтобы тайкомъ отъ всѣхъ войти въ замокъ, гдѣ цѣлую недѣлю скрывали мы ея пребываніе, при помощи вѣрной и надежной прислуги. Такимъ образомъ, маленькая цыганка, говорили мы, поступила опять на руки родителей, а ребенокъ, взятый около того времени въ замокъ де-Соль, принадлежитъ одной таинственной подругѣ, которая прислала его издалека, и имя которой узнается впоследствии.

Губертъ Клетъ и Эдмондъ Рокъ были, конечно, повѣренными этой тайны.

Выдумка, какъ видите, не гениальная; но намъ некогда было придумать лучшую, и, по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, пошла она въ ходъ лучше, чѣмъ мы надѣялись.

Нашлись, разумеется, люди, которые называли Морену дочерью г-жи де-Соль. Клевета эта разсѣялась сама собою предъ кротостью и строгой жизнью Анисэ, которая не нуждалась въ оправданіи. Потомъ, видя смуглый цвѣтъ дѣвочки, мы начали говорить, что она дочь Индіянки и Англичанина, а когда герцогъ де-Флоресъ отнялъ у насъ надежду надѣлать ее именемъ, мы рѣшились назвать ее первымъ именемъ, къ которому привыкнетъ ухо.

Моренита съ этого же дня была переименована для общества: ее стали называть *Анаисъ Гартвелъ*, будто бы по волю ея родителей. Мы же звали ее, по прежнему, Моренитой (*). Пребываніе ея въ деревенькѣ д'Авонъ, крещеніе и внесеніе имени ея въ тамошнія метрическія книги, не слишкомъ занимало окрестныхъ жителей—и никто не вспомнилъ бы обо всемъ этомъ впоследствии, когда подросла бы Моренита. Притомъ же, одно обстоятельство удалило насъ отъ этого соседства; обстоятельство, по поводу котораго, оставя въ сторонѣ судьбу нашихъ воспитанниковъ, я перехожу опять къ разсказу объ моей любви.

Подъ исходъ зимы, я получилъ отъ священника нашей деревни письмо, въ которомъ онъ вызывалъ меня проститься

(*) Моренита (Mogenita) соответствуетъ нашимъ полу-браннымъ, полу-ласкательнымъ словамъ — Чернушка, Скузляка. Составлено отъ *moreno* — по испавски черный. Прѣ перев.

съ отцемъ. Отецъ мой страдалъ болью въ печени, и, пренебрегая пособиями медицины, далъ усилиться боли до страшныхъ размъровъ. Онъ жаловался, что не получаетъ отъ меня писемъ. Онъ обвинялъ меня въ злобъ на роднаго отца. Онъ и не зналъ, что всякое отношеніе между нами прерываемо было постояннымъ вмѣшательствомъ чужихъ гнусныхъ расчетовъ.

Я былъ при его послѣднихъ минутахъ, отравленныхъ вдругъ проснувшимся страхомъ и ненавистью, вліянію которой онъ прежде такъ сильно подчинялся. Ему представилось — безъ всякой, впрочемъ, причины, — что она выжидаетъ его смерти, въ надеждѣ овладѣть поскорѣе его имуществомъ, — неизбежное наказаніе для всѣхъ почти подобныхъ связей. Совесть проснулась въ немъ; онъ терзался мыслью, что презрѣлъ меня, оттолкнулъ отъ отцовскаго сердца и потомъ оскорбилъ священную память покойной супруги. Я утѣшалъ его, какъ умѣлъ, своей нѣжной заботливостью, а добрый нашъ священникъ успокоилъ его совесть, очищенную искреннимъ раскаяніемъ. Передъ смертю онъ благословилъ меня. Сожительница его не дождалась этой минуты; она скрылась, захвативъ съ собою, сколько успѣла, денегъ и домашней рухляди. Я не хотѣлъ осквернить мелочными расчетами домъ, гдѣ отошли въ вѣчность мои родители. Я оставилъ въ покоѣ хищницу и проводилъ прахъ отца на кладбище, не мѣшаясь въ хлопоты, недостойныя торжественности случая и печальнаго настроенія моего духа. Совесть моя была покойна; я утѣшался мыслью, что перенесъ несправедливость судьбы безъ ропота и не очернилъ себя и тѣню неудовольствія противъ того, кому обязанъ былъ своей жизнью.

Несчастіе, обрушившееся надъ моею душой, измѣняло къ лучшему мое матеріальное положеніе. Не смотря на все мотовство батюшкиной хозяйки, я сдѣлался обладателемъ помѣстья, доходы съ котораго далеко превъспали мои потребности; продавши его или приведя въ лучшее состояніе, я легко могъ имѣть десять тысячъ франковъ доходу.

Г-нъ де-Соль былъ бѣднѣе меня, когда сватался за Анисѣ. Я зналъ, что на богатство не польстится г-жа Маранжъ, а дочь ея еще менѣе. Но я уже былъ доволенъ и тѣмъ, что благосостояніемъ своимъ и свободой обязанъ буду впредь одному себѣ.

Это наследство давало мнѣ возможность отказаться отъ своей службы.

Я могъ теперь идти къ цѣли прямо, скорѣе занять какую-нибудь общественную должность, если г-жѣ Маранжъ не заблагодарасудится отказаться отъ своихъ убѣжденій; я могъ, наконецъ, не тратить для науки благословенныхъ часовъ, которые могъ бы посвящать подругъ моего сердца.

Въ это самое время, въ нашихъ мѣстахъ продавался участокъ земли, почти смежный съ моей деревенькой. По возвращеніи моемъ, я узналъ, что г-жа Маранжъ получила довольно значительную сумму денегъ, проценты съ которыхъ выплачивались ей до смѣхъ поръ должниками ея покойнаго мужа. Она рѣшилась употребить ихъ на покупку имѣнія, и когда, по обычаю, обратилась ко мнѣ за совѣтомъ, я указалъ ей, разумется, на помѣстье Бриоль, которое могло ей давать порядочный доходъ.

Она стала прицѣпляться, и вскорѣ купила Бриоль. Цѣль ея была взглянуть на мою родину, на мой образъ жизни, разузнать о моихъ прежнихъ семейныхъ отношеніяхъ, и говорить потомъ всѣмъ невѣрующимъ, что у меня дѣйствительно есть и имя и состояніе, хотя имя это и негромко и состояніе это незначительно. Она думала и о томъ: если она согласится на нашъ бракъ, который, естественно, повлечетъ за собой толки и пересуды въ обществѣ, — не дурно имѣть на этотъ случай убѣжище, гдѣ бы можно было отдохнуть отъ свѣтскихъ сплетень, обождать, пока они утихнутъ, и возвратиться опять къ наслажденію домашнимъ счастьемъ и вполне установившимся, ничѣмъ невозмутимымъ положеніемъ въ обществѣ. Она боялась за свою дочь и за меня, болѣе чѣмъ за самое-себя, боялась, чтобы не смутили насъ на первыхъ порахъ эти свѣтскія розказни, отъ которыхъ не укрывался еще ни одинъ человекъ.

Для этого и поѣхали мы не въ де-Соль, а въ Берри, и поѣхали втроемъ: Анисэ, ея мать и я. За Морениту мы уже перестали бояться; она осталась недѣли на двѣ на рукахъ вѣрныхъ служителей.

Глубоко и отрадно стало у меня на душѣ, когда съ вершины *** открылся предо мной синеватый горизонтъ

моей родимой долины. Я поднялся съ мѣста, и Анисэ стояла подлѣ меня, любуясь на прекрасныя виды, о которыхъ я наговорилъ ей, проѣзжая бѣдныя пустыри, ведущіе въ Берри. Мы оба были въ восторгѣ; она радовалась, что видитъ мою родину, я — что привезъ ее съ собою, и среди этого восторженнаго поклоненія красотамъ природы, облитымъ яркими лучами заходящаго солнца, мы высказывали другъ другу свою любовь въ каждомъ взглядѣ на Божій міръ, въ каждомъ словѣ, вырывавшемся изъ души на похвалу Божьему міру.

Не знаю даже, видѣли ли мы что-нибудь. Мы переселились душой въ какое-то чудное сновидѣніе, и во всемъ видѣли одну только любовь, одиѣтъ самихъ себя.

Я провелъ моихъ спутницъ въ комнату, гдѣ жила моя матушка, и которую я въ послѣднюю поѣздку велѣлъ отчистить и убрать въ томъ же видѣ, какъ убрала она была еще при ней, во время моего дѣтства.

При мысли, что Анисэ будетъ жить въ этой комнатѣ, будетъ покоиться на томъ же мѣстѣ, гдѣ спалъ некогда я на груди моей матери, при этой мысли я мирился съ прошедшимъ, которое до тѣхъ поръ терзало мою душу. Сожалѣніе и страхъ разсѣялись, и на мѣсто ихъ воскресла прежняя любовь съ ея сладкими воспоминаньями. Сердце мое облилось тихими слезами, и я невольно упалъ на колѣни. Анисэ понимала меня и раздѣляла мое блаженство. Ея мать, тронутая этой картиной, взяла насъ за руки и сказала:

— Да, я вижу все и все понимаю! Есть привязанности чистыя и непорочныя, предъ которыми все должно преклониться! Богъ да будетъ съ нами, что бы ни вышло!

Жители моей деревеньки дивились не мало пріѣзду двухъ дамъ-красавицъ. Не смотря на ихъ простоту въ разговоръ и въ одеждѣ, нельзя было не замѣтить ихъ превосходства предъ всеми женщинами въ окрестности.

Когда дѣло дошло до переговоровъ обѣихъ дамъ съ повѣренными и прикащиками, и онѣ поѣхали осматривать помѣстье Бриоль — всѣ вздорныя толки о пребываніи ихъ въ моемъ домѣ разсѣялись, — до того серьезны и важны сельскіе жители въ дѣлахъ матеріальнаго интереса. Всѣмъ хотѣлось, чтобы помѣстье осталось за этими добрыми дамами,

которыя не *читались* передъ людьми и пришлось больно по сердцу всему околodu.

Мы пробыли тамъ съ мѣсяць, и г-жа Маранжъ рѣшилась купить Бриоль. Заплатила она пятьсотъ тысячъ франковъ чистыми денежками — обстоятельство, надѣлавшее шуму въ окрестности. Никто уже не посмѣлъ тогда думать, что молоденькая дама—моя любовница. Нашлись люди, которые дѣлали мнѣ честь, говоря, что со временемъ, разумется, она будетъ моею женою. Люди болѣе положительныя считали меня просто ея повѣреннымъ, и даже совѣтовали не брать имѣнія на аренду, а только управлять имъ, полагая это болѣе выгоднымъ.

Необходимыя формальности на счетъ купчей и приведенія въ порядокъ дома должны были протянуться еще добрыхъ полтора года. Возвращаясь въ замокъ де-Соль, я не могъ скрыть своей радости. Г-жа Маранжъ сказала мнѣ:

— Я должна сознаться, что этотъ мѣсяць, проведенный наединѣ съ вами, (потому что моя дочь и я, мы считаемъ себя за одно), этотъ мѣсяць показался мнѣ днемъ. Не понимаю, отчего это. Воздухъ ли въ вашихъ странахъ живить челоуѣка? или общество ваше такъ не похоже на общество другихъ? только я не знала ни одной минуты скуки, недовольства собою или даже безпокойства. Вы обольститель, Сгѣфенъ, не смотря на вашу наружную скромность. Вы ловко завлекаете меня въ сѣти и доведете до того, что я сознаюсь въ невозможности разстаться съ вами потому только, что провела съ вами нѣсколько дней.

Это значило, что постоянствомъ и искренностью въ любви я разрушилъ всѣ ея сомнѣнія. Но Анисэ не отвѣчала ни слова на эту похвалу, и хотя увѣренный въ ней, я съ судорожнымъ трепетомъ пожалъ руки обнимъ. Она никогда не говорила мнѣ прямо того, о чемъ я и не спрашивалъ, но чтѣ было мнѣ вполне извѣстно; ни одна женщина не была такъ скромна въ словахъ, за то ни одна женщина не сіяла такой искренностью въ лицѣ, не поражала такой правдивостью своихъ поступковъ. Но какъ переступить она этотъ порогъ цѣломудреннаго страха, раздѣляющій насъ до сихъ поръ? Какимъ упоительнымъ или робкимъ голосомъ про-

изнесетъ она это давно желанное да? Она какъ будто собиралась съ мыслями. Мы въехали между тѣмъ въ фонтенблосскую чащу. Карета покатиалась по песку, который заглушалъ стукъ колесъ и топотъ лошадей. Время было очаровательное. Деревья, освѣщенные луною, бросали свои длинныя тѣни по ровной и гладкой дорогѣ. Отрадная свѣжесть въ воздухѣ вливалась и въ душу покоемъ и блаженствомъ.

Аниса, сидя въ глубинѣ кареты подлѣ г-жи Маранжъ, наклонилась къ подушкѣ, почти къ ногамъ своей матери, и стоя на колынахъ передъ нею, или, вѣрнѣе, передо мной, сказала въ порывѣ живаго восторга, но твердымъ голосомъ:

— Матушка, я люблю Стефена всеми силами души моей, вы знаете; Стефенъ, я люблю матушку больше самой себя, вы въ этомъ увѣрены. Вамъ обоимъ принадлежитъ моя жизнь. Чѣмъ бы ни была я для васъ обоихъ, дочерью, женой или сестрою, я буду счастлива. Но если мнѣ придется разстаться съ кѣмъ-нибудь изъ васъ, матушка моя знаетъ, что я не перенесу этой разлуки.

— Загнѣмъ же намъ разлучаться! воскликнулъ я. Поймите, Аниса, что моя душа и ваша составляютъ едино въ глазахъ вашей матери, какъ говорила она сейчасъ про себя и про васъ,—поймите это, и не думайте, чтобы мнѣ легче было разстаться съ нею, чѣмъ вамъ. Развѣ сердце мое не назвало ее моей матерью? Развѣ не похожа она и душой и наружностью на ту, которой я лишился? Развѣ не зовутъ ее Юлией? Или не видалъ я ее прежде чѣмъ васъ, и не являлась она мнѣ, какъ призракъ отлетѣвшаго счастья, какъ предзнаменованіе будущаго счастья? Вотъ мое задушевное желаніе: мы не разстанемся, потому что не можемъ разстаться. Какую еще клятву можемъ мы дать другъ другу?

— Такъ, такъ, дѣти мои, я знаю все, я вамъ вѣрю, сказала г-жа Маранжъ, поцѣловавъ меня въ лобъ и прижавши дочь къ своему сердцу. Насъ трое, и мы неразрывны. Но какъ покажется людямъ этотъ тройной союзъ? Я свѣжусь, какъ и вы, надъ людскою клеветой, но мы обязаны подавать добрый примѣръ другимъ; и самыя чистыя отношенія могутъ быть соблазномъ для людей слабыхъ!

— Стефенъ, сказала Аниса прямо и рѣшительно, — вамъ

приходится по неволѣ жениться на мнѣ. Я не прошу у васъ извиненія въ томъ, что я старше васъ десятью годами, точно также, какъ не упрекала я васъ за то, что вы десятью годами моложе меня. Не стыжусь я также быть ниже васъ по образованію умственному: я знаю, что я добра и люблю васъ на столько, чтобы не обижаться вашимъ превосходствомъ. Я боюсь за васъ одного только—подозрительности недоброжелателей и клеветы враговъ. Они станутъ говорить, что вы берете въ жены старуху за ея богатство, а я выхожу за мальчика по своему сумасбродству. Для меня, признаюсь, это все равно, но ваше положеніе трудно, и обвиненіе, которое падеть на васъ, перенести не легко. Надо сильно любить женщину, чтобы рѣшиться выставить себя въ смѣшномъ видѣ, изъ любви къ ней. Любите ли вы меня на столько?

— О Анисѣ! воскликнулъ я, и вы сомнѣваетесь въ этомъ!

— Нѣтъ, отвѣчала она.

И, обратясь ко мнѣ, не вставая съ колѣнъ, она прижалась къ моему плечу и поцѣловала мою одежду такъ глубоко-страстно и вмѣстѣ такъ почтительно и дѣвственно-чисто, что я едва не лишился чувствъ.

Два года оставалось впрочемъ до того времени, когда позволено будетъ мнѣ прижать ее къ сердцу. Не смотря на ея скромность и чистоту, она не отталкивала своимъ обращеніемъ, въ которомъ не было и тѣни неумѣнья или неловкости. Нельзя было не уважать ея за эту прямоту и совершенную преданность души, которая не возбуждаетъ страстныхъ мыслей, но даритъ васъ твердой увѣренностью. Отказъ кокетки бросаетъ въ лихорадку; самоотверженіе Анисѣ рождало нравственное здорье, веселость и силу.

Г-жа Маранжъ не дѣлала больше предположеній насчетъ будущаго, но я понималъ, что она не перестанетъ никогда тяготиться моею неизвѣстностью. Пользуйся я хоть небольшою извѣстностью — общество простило бы мнѣ мою юность. Я рѣшился на подвигъ, по моему, самый безчестный, рѣшился дисконтировать свою будущую славу, выступая на поприще не созрѣвъ вполне и не имѣя еще никакихъ правъ на эту славу, потому что извѣстность — это мученіе для таланта—считается между толпой наградою таланта.

Что мнѣ было дѣлать для скорѣйшаго достиженія этой цѣли? Я преодолѣлъ чувство отвращенія и остановилъ свою мысль на одномъ вѣрномъ и скоромъ средствѣ. Я напечаталъ въ одномъ журналѣ философическія замѣтки, подѣ именемъ Луи Стефена. Я поставилъ въ Консерваторіи отрывокъ изъ ораторіи съ хорами, подѣ именемъ Жанъ Герёна. Я издалъ, въ одномъ литературномъ сборникѣ, небольшой романъ подѣ именемъ Поля де-Ривзанжа. Изъ трехъ сочиненій, думалъ я, одно вѣроятно будетъ имѣть успѣхъ. Если же и всѣ три сочиненія не возбуждаютъ участія, будущность моя все-таки не пострадаетъ, современемъ забудутъ мою неудачу, и я безъ обмана прикроюсь тремя псевдонимами, составленными изъ моихъ настоящихъ именъ и прозвищъ. Знаю я только, сколько труда и рѣшимости, покровительствъ и умѣнья вести себя нужно человѣку, чтобы видѣть свое имя въ печати и пріобрѣсти малѣйшую извѣстность, — я, конечно, отказался бы отъ своего безразсуднаго намѣренія. Къ-счастью, я и не подозрѣвалъ всѣхъ этихъ препятствій и шелъ прямо къ цѣли съ скромной довѣрчивостью, которую приняли другіе за сознаніе собственной силы, соединенной съ пріятнымъ всѣмъ добродушіемъ.

Я издалъ въ свѣтъ кое-что изъ избранныхъ, но весьма неважныхъ отрывковъ, которые Эдмондъ называлъ въ шутку *непредвидѣнными познаніями*. — и вотъ, предо мною не только отворились двери многихъ людей, но и наплись чудаки, которые на каждомъ шагу вѣшали мнѣ на шею.

Музыкальный отрывокъ мой удостоился восторженныхъ рукоплесканій, а два-три мотива удостоились повторенія. Журналы — вспомните, что я не видалъ въ глаза ни одного журналиста — журналы объявили во всеуслышаніе, что Луи Стефенъ — молодой композиторъ, которому суждено затмить всѣхъ старинныхъ маэстро, превзойти всѣхъ современныхъ музыкантовъ. Я заставилъ нехотя этихъ господъ обмолвиться въ пользу единственнаго, вспомявъ имъ незнакомаго человѣка, про котораго нечего имъ было придумать дурнаго.

Моя повѣсть и философская статья имѣли одинаковъй успѣхъ въ тѣхъ слояхъ публики, для которыхъ назначались. Я былъ первымъ писателемъ своего времени, если вѣрят

людямъ неопытнымъ въ этомъ дѣлѣ и писателямъ, не совсемъ благосклоннымъ къ нѣкоторымъ изъ пишущей братіи.

Слава моя гремѣла въ теченіе полутора мѣсяца. Цѣлые полтора мѣсяца только и рѣчи было въ обществѣ, что о моихъ сочиненіяхъ. Одинъ изъ фельетонистовъ, скропавшій статейку подъ названіемъ: *Юныя Славы*, провозгласилъ, что будущность челоѣчества зависитъ отъ трехъ славныхъ личностей,—отъ новаго композитора, новаго литератора и новаго ученаго, которые въ одно время появились предъ публикой. Проказникъ этотъ сравнивалъ трехъ геніевъ и объявлялъ, что если Луи Стефенъ и не имѣетъ увлекательности Жанъ Герена, за то обладаетъ онъ глубокомысліемъ, котораго нѣтъ у послѣдняго, но что ни тому ни другому недостаетъ великолѣпія и страстности Поля Ривзанжа, и что всѣ три генія, вышедшіе изъ различныхъ школъ, имѣютъ каждый свою особенность, которая служитъ залогомъ ихъ преуспѣянія въ будущемъ и спасаетъ ихъ отъ гибельнаго соперничества между собою.

Я подумалъ сначала, что Клетъ, съ которымъ я опять сошелся, и который благородными поступками загладилъ свои грѣхи въ отношеніи ко мнѣ и моимъ друзьямъ,—я подумалъ, что онъ пустилъ въ ходъ эту забавную статейку. Но Клетъ, знавшій меня только подъ именемъ Стѣфена Ривзанжъ (потому что я носилъ всегда одно имя матери) и не обратившій вниманія на искусное соединеніе моихъ псевдонимовъ, Клетъ и не подозрѣвалъ во мнѣ автора трехъ различныхъ сочиненій. Съ первыхъ же словъ замѣтилъ я, что онъ поддакъ обману, и не сталъ его разочаровывать.

Я прожилъ въ Парижѣ цѣлый мѣсяцъ, и пустилъ въ ходъ эту тройную мистификацію, не сказавъ объ томъ ни слова Анисѣ и ея матери. Возвратясь изъ деревни, онъ цѣлый день ничего не знали о моихъ проказахъ. Но на другой день вечеромъ засталъ я ихъ въ тревогѣ: онъ спрашивали меня, какимъ образомъ три превосходныхъ сочиненія подписаны каждое обоими моими именами. Я разсмѣлся и признался во всемъ. Г-жа Маранжъ обняла меня съ восторгомъ; Анисѣ сказала мнѣ съ грустью и боязнью:

— Вотъ вы и добились славы! такъ для этого не видала я васъ цѣлый мѣсяцъ!

— Другъ мой, сказала я, садясь у ея ногъ: на то было желаніе нашей доброй матери, надо было успокоить ее. Теперь она уже не потребуешь подобной жертвы. Она поняла теперь, что такое извѣстность и что значить успѣхъ. Истинные ученые, великіе философы, настоящіе художники умираютъ большей частью непризнанные, и рѣдко пользуются славою при жизни. Я передалъ бумагъ нѣсколько мыслей и чувствъ, плодовъ мгновеннаго восторга, убѣжденія или думы. Вся заслуга моя состоитъ въ томъ, что удалось мнѣ выразить ихъ въ простой, ясной формѣ, которая по плечу всѣмъ—неучившимся; я ни ученый, ни художникъ, ни поэтъ. Аристархи превозносятъ меня, чтобъ уколоть глаза истиннымъ художникамъ и поэтамъ. Публика вѣрнитъ имъ на-слово, и вотъ меня признали великимъ чело-вѣкомъ, какъ признаютъ другаго бакалавромъ, адвокатомъ или медикомъ за то, что отвѣтилъ со смысломъ на вопросы, на которые только-что подготовился. Знаете ли, не будь это смѣшно, это было бы очень грустно!

— Слава Богу, сказала Аниса, вы не упоены славою, вы такой же, какъ были.

— А я, съ своей стороны, сказала г-жа Маранжъ, благодарю васъ за урокъ, который вы мнѣ дали. Намъ захотѣлось прочесть ваши статьи дорогой, въ каретѣ; мы купили номера этихъ журналовъ, а отрывокъ вашъ Руоэ и *Неемія* проиграла намъ одна знакомая на фортепiano. Мы сейчасъ узнали ваши чувства и ваши мысли; но, признаюсь вамъ, въ нѣкоторыхъ словахъ, сказанныхъ вами у нашего каминна, и въ нѣкоторыхъ мотивахъ, сымпровизованныхъ какъ-то на фортепiano,— въ этихъ отрывкахъ, говорю вамъ, больше прелести, чѣмъ въ вашихъ сочиненіяхъ, изданныхъ во всеобщее свѣдѣніе. Вы сказали правду: вы одарены инстинктомъ, зародышемъ, чувствомъ истины и красоты; но вы сдѣляетесь самимъ-собою только черезъ нѣсколько лѣтъ, а эта преждевременная слава есть чистая милость публики, и вы станете общимъ посмѣшищемъ, если придадите ей много важности.

— Не посмѣшищемъ, а хуже! отвѣчалъ я. Польстившись на нее, я погублю свой талантъ на первомъ жѣ опытѣ.

— Не вѣрится мнѣ, возразила Аниса; вы не въ состояннн произвести ничего пошлаго, либо дюжиннаго. Но необходимость поддержать свою славу введетъ васъ въ мелочныя хлопоты, по милости которыхъ упустите вы изъ виду собственное усовершенствованіе самого себя. И потому, если вы согласны со мной, оставьте въ покоѣ эту славу. Если она вамъ дорога, вамъ всегда будетъ время обратиться къ себѣ.

— Вы угадали рану, сказала я, пораженный ея вѣрнымъ сужденіемъ. Таланты дюжинные начинаютъ, подобно мнѣ, съ легкихъ успѣховъ; но они упиваются этими успѣхами, и отдавшись душой потребности блистать между людьми, они забываютъ про жизнь и заживо умираютъ. Послушайте же, добрая матушка, прибавилъ я, обращаясь къ г-жѣ Маранжъ, неужели вы желаете мнѣ подобной участи?

— Сохрани Богъ! отвѣчала она. Но тѣмъ не менѣе я поздравляю васъ съ успѣхомъ; чрезъ него рушилось много преградъ, какъ мнѣ кажется. Сохраняя ваше инкогнито, вы все-таки дадите мнѣ возможность отразить ѣдкіе намеки моихъ знакомыхъ насчетъ вашей юности и вашей *необстоятельности*. При первомъ же намекѣ на наше къ вамъ пристрастіе, объявлю я, что вы доказали свое превосходство предъ всѣми искателями руки моей дочери, и при случаѣ выпущу заветное словечко. Я объявлю всѣмъ, по секрету, что этого юношу зовутъ Жанъ, Луи, Стефенъ, Геренъ, Ривзанжъ.

— Да, отвѣчалъ я,—если до того времени не забудутся газетные листки, назвавшіе меня тремя именами на одной недѣлѣ, — вы можете смѣло сказать, что зять вашъ—молодой человекъ съ способностями и не безъ извѣстности въ обществѣ.

Мы провели вечеръ въ чтеніи этихъ славныхъ фельетоновъ, и добрый кавалеръ де-Вальтруа, узнавшій отъ насъ всю правду этой исторіи, подсмѣивался не мало надъ газетчиками, хотя и не одобрялъ насъ за то, что мы не хотѣли воспользоваться людскою похвалою

Г-жа Маранжъ пришла совершенно къ убъжденію Анисэ, что истинный талантъ развивается среди неизвѣстности и растетъ на глазахъ только истинныхъ цѣнителей.

Не было, казалось, никакихъ преградъ къ нашему соединенію, какъ вдругъ одно непредвидѣнное обстоятельство (а непредвидѣнные обстоятельства всегда важнѣе и существеннѣе) положило новыя преграды моему счастью.

Жюльснъ, братъ Анисэ, былъ честный, добрый и красивый собой юноша, котораго я любилъ отъ души и который отвѣчалъ мнѣ тѣмъ же. Но онъ не могъ похвастаться умомъ, былъ страшно лѣнивъ, мало образованъ, и потому привязанъ былъ къ свѣту, удовлетворялся пустотою свѣтской жизни и поверхностностью свѣтскихъ сужденій.

Однажды случилось ему, видѣвшему, безъ недобѣрчивости и вражды, искреннюю любовь ко мнѣ своего семейства, случилось ему напасть.

Здѣсь записки Стефена прерываются годами опущенныхъ или уничтоженныхъ воспоминаній. Мы поневоля должны будемъ пополнить его рассказъ рассказами другихъ, его отрывки записками другихъ лицъ, — до тѣхъ поръ, пока не найдемъ продолженія его собственнаго дневника.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

